

МНОГОЯЗЫЧИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Часть 1

**Филология.
Лингвистика**

Федеральное агентство по образованию
ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»
Институт иностранных языков и литературы (ИИЯЛ)

Научно-образовательный центр (НОЦ)
«Инновационное проектирование
в мультилингвальном образовательном пространстве»

МНОГОЯЗЫЧИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В двух частях

Часть 1

**Филология
Лингвистика**

*Сборник статей
к 60-летию профессора
Тамары Ивановны Зелениной*

Москва
Издательство «Флинта»
Издательство «Наука»
2009

УДК 811(068)
ББК 81.2я43
М73

Рецензенты:

Александрова О. В., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова;

Гудов В. А., кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Удмуртского государственного университета.*

Редакционная коллегия:

Леонов Н. И., доктор психологических наук, профессор;
Пушина Н. И., доктор филологических наук, профессор;
Утехина А. Н., доктор педагогических наук, профессор;
Малых Л. М., кандидат филологических наук, доцент;
Платоненко Н. М., кандидат филологических наук, доцент;
Шутова Н. М., кандидат филологических наук, доцент.

Многоязычие в образовательном пространстве (=Multilingualism in Educational Space): Сборник статей к 60-летию профессора Т. И. Зелениной: в 2 ч. / Под ред. А. Н. Утехиной, Н. М. Платоненко, Н. М. Шутовой. – М.: Флинта: Наука: 2009. – Ч. 1: Филология. Лингвистика. – 364 с.

ISBN 978-5-9765-0876-7 (Флинта) (общ.)
ISBN 978-5-02-037207-8 (Наука) (общ.)
ISBN 978-5-9765-0877-4 (Флинта) (Ч. 1)
ISBN 978-5-02-037208-5 (Наука) (Ч. 1)

Настоящий сборник посвящается юбилею доктора филологических наук, профессора, директора Института иностранных языков и литературы Удмуртского госуниверситета Т. И. Зелениной. Публикуемые статьи затрагивают актуальные проблемы филологии, лингвистики, лингводидактики, образования и др.

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, студентов, всех интересующихся современными направлениями исследований в области филологии, лингвистики, педагогики и смежных областей знаний.

УДК 811(068)
ББК 81.2я43

ISBN 978-5-9765-0876-7 (Флинта) (общ.)
ISBN 978-5-02-037207-8 (Наука) (общ.)
ISBN 978-5-9765-0877-4 (Флинта) (Ч. 1)
ISBN 978-5-02-037208-5 (Наука) (Ч. 1)

© ИИЯЛ УдГУ, составление, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

В многонациональном регионе, каким является Российская Федерация, особую значимость приобретает языковое и межкультурное образование и воспитание. Подписывая Болонскую декларацию, европейские страны осознавали, что у интеграции имеется обратная сторона, выражающаяся в ослаблении всех национальных языков. Чтобы сохранить эти языки, необходимо создавать ситуацию многоязычия (на уровне общения и обучения). Именно в данном направлении движется Институт иностранных языков и литературы (ИИЯЛ) Удмуртского госуниверситета. Этим объясняется и название настоящего сборника «Многоязычие в образовательном пространстве».

Идея публикации юбилейного сборника возникла спонтанно, неожиданно для самого юбиляра. Я вдруг осознала, что самым лучшим подарком для меня будет сборник научных статей коллег, друзей, учеников. Почти со всеми его участниками знакома лично: кто-то учил меня, с кем-то училась в аспирантуре, кого-то обучала сама, с кем-то связывают годы профессиональной деятельности. Приношу свои извинения всем участникам сборника, которые были вынуждены писать статьи в сжатые сроки, и тем, кто, в силу разных обстоятельств, не успел или не смог этого сделать. Как бы то ни было, сборник получился. Среди авторов – признанные ученые и начинающие исследователи, представители многих российских городов, а также зарубежья (Казахстана, Сербии, Франции). Я с большим удовольствием прочла каждую статью и, несомненно, выросла профессионально. Благодарю всех за такой дорогой для меня подарок.

Сборник состоит из двух частей. *Первая часть* («Филология. Лингвистика») включает в себе пять разделов: I. Литературоведение. II. Переводоведение. III. Общее языкознание. Теория языка. IV. Социолингвистика. V. Сравнительное языкознание. Лингвокультурология. Этнолингвистика. *Вторая часть* («Педагогика. Лингводидактика») состоит из четырех разделов: I. Вопросы современного образования. II. Раннее языковое образование. Психолингвистика. III. Лингводидактика. Гуманизация образования. IV. Профессионально-ориентированные технологии. Компетентностный подход.

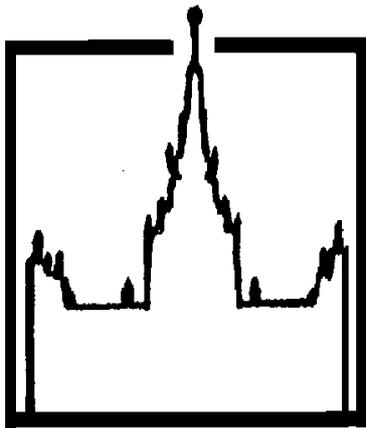
Пользуясь случаем, я хотела бы вспомнить своих учителей. Мне всегда везло с преподавателями. С большой теплотой я вспоминаю свою первую учительницу М. В. Иванову, которая привила мне вкус к русской словесности, своего первого преподавателя иностранного языка Т. И. Коротаеву, благодаря которой я полюбила немецкий язык, классного руководителя, преподавателя математики Ф. И. Фукалову, которая воспитывала в нас, своих учениках, активную жизненную позицию.

Своим профессиональным ростом я обязана многим, особенно хотелось бы поблагодарить преподавателей Удмуртского университета – доцентов В. А. Козуеву, Г. С. Коротаеву, профессоров А. М. Горфункель, А. Н. Утехину, профессора С.-Петербургского университета Т. А. Репину, профессора Уральского государственного педагогического университета А. П. Чудинова, французского профессора Национального института восточных языков и цивилизаций Жан-Люка Моро.

Выражаю благодарность всему коллективу Института иностранных языков и литературы УдГУ, с которым я прошла путь от ассистента до директора. Я признательна всем за поддержку и сотрудничество, они ярко проявились при коллективной подготовке данного сборника к публикации.

Я признательна своей семье, любимому мужу и благодарным детям за то, что они с пониманием относятся к моим бесконечным идеям, уводящим от дома. Я благодарна судьбе за то, что у меня есть брат и сестра, которые всегда готовы подставить плечо в трудную минуту. Особенно я благодарна моим дорогим родителям, которые научили меня трудолюбию и уважительному отношению к людям.

*С уважением и благодарностью,
Т. И. Зеленина*

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ПО КЛАССИЧЕСКОМУ
УНИВЕРСИТЕТСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

С О В Е Т П О Ф И Л О Л О Г И И

119992 Москва, ГСП-2, Ленинские горы, МГУ, корпус 1, каб. 981
тел. / факс 939-32-16 <http://www.philol.msu.ru/~umo> E-mail: umo@philol.msu.ru

№ _____

от " 2 " декабря 2009 г.

*Члену Президиума Совета по филологии
УМО по классическому университетскому образованию,
директору Института иностранных языков и литературы
Удмуртского государственного университета,
доктору филологических наук, профессору Т. И. Зелениной*

Дорогая Тамара Ивановна!

Совет по филологии Учебно-методического объединения университетов РФ поздравляет Вас с Вашим славным юбилеем.

Российские филологи знают Вас как авторитетного ученого, талантливого организатора науки и образования, очень обаятельного человека. В течение многих лет Вы руководите Институтом иностранных языков и литературы Удмуртского государственного университета — одним из наиболее деятельных коллективных членов Совета по филологии. Весь нелегкий период реформирования системы российского высшего образования Вы неизменно активно участвовали в работе Совета, внесли свой вклад в разработку концепции многоуровневого высшего образования и подготовку нового поколения Федеральных государственных образовательных стандартов бакалавра и магистра филологии.

От всего сердца желаем Вам неиссякаемой жизненной энергии, стойкого здоровья, семейного благополучия на долгие годы!

Председатель
Совета по филологии
УМО по классическому университетскому образованию,
декан филологического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова
профессор

М.Л.Ремнева

Фотография
Зелениной Т.И.

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ

A DEDICATION TO DR. T. I. ZELENINA

СЕКРЕТ «ВЕЧНОГО ДВИГАТЕЛЯ» (к юбилею профессора Т. И. Зелениной)

Уже почти 15 лет Т. И. Зеленина возглавляет Институт иностранных языков и литературы (ИИЯЛ) Удмуртского государственного университета (ранее факультет романо-германской филологии). Лидерство ее бесспорно. Тамара Ивановна – инициатор всех начинаний, и в научной работе, и в учебной деятельности, и в воспитательной работе со студентами. Тамара Ивановна родилась под созвездием Стрельца, а это знак, которого хватает на все и на всех. Трудоспособность директора института поражает и коллег, и студентов. Ей не свойственно успокаиваться на достигнутом, так как только в постоянном развитии она мыслит себе будущее возглавляемого ею института. Удивительно, что, несмотря на свою загруженность, Тамара Ивановна держит в памяти все даты, по поводу которых следует поздравить преподавателей и сотрудников. Ворчать и злиться не умеет, излучает оптимизм и дружелюбие. И это понятно. Не может хорошо управлять другими тот, кто не в состоянии справиться с самим собой.

Самодисциплина в характере отчетливо заявила о себе, когда Тамара Торхова училась в средней школе. Быть гуманитарием тогда считалось чем-то вроде атавизма, так что всерьез собиралась стать инженером-химиком, но однажды Тамара увидела в газете объявление о наборе на курсы немецкого языка. Поскольку иностранный язык изучала в школе с удовольствием, что-то встрепенулось в душе. Пришла на занятия, а преподавателя не оказалось, заболел. Ей предложили в группе для начинающих изучать французский язык. Случайность оказалась судьбоносной. Стремление овладеть речью, напоминающей журчание весеннего ручья, привело на французское отделение вуза. Немецкий стал вторым языком в дипломе по специальности. Потом, на стажировке и в аспирантуре, при кафедре романской филологии Ленинградского государственного университета, изучала итальянский и румынский языки, классическую и позднюю латынь, старофранцузский. Вернувшись в Ижевск, постигала азы испанского и английского языков. Предметом научного интереса стал удмуртский язык – язык титульной нации Удмуртской Республики, – ставший основой исследований в докторской диссертации.

В северной столице Тамара Ивановна приобрела опыт работы гидом-переводчиком, он пригодился ей при создании переводческого отделения в институте. Два раза Тамара Ивановна по полгода стажировалась во Франции, побывала в Финляндии, Венгрии, Швейцарии, Италии. В родной город всегда возвращалась с новыми идеями, планами, проектами. Особенно ее интересовала система образования. Тамара Ивановна заметила, что европейцы учатся всю жизнь. Добрый опыт, в первую очередь, передала своим детям. Сын получил три высших образования, дочь завершает работу над кандидатской диссертацией.

Такая же ситуация сложилась во второй семье – коллективе института. Если преподаватели защищают диссертации, то сотрудники – вторые дипломы. Ее вечный поиск повышения эффективности работы коллектива, стремление расширить границы его деятельности позволяют Институту иностранных языков и литературы оставаться основной «кузницей кадров» по подготовке специалистов по иностранным языкам в Удмуртской Республике, которые успешно работают и за ее пределами.

Т. И. Зеленина не просто руководит, а сама находится в центре всех событий, берет на себя новые обязанности и обязательства. В рамках *учебной деятельности* читает курс лекций по

истории французского языка и спецкурсы, создала и осуществляет руководство специализацией «Менеджмент в филологическом образовании», является руководителем магистерской программы «Сопоставительное исследование языков и культур в переводческой коммуникации»; в рамках *научной деятельности* руководит аспирантами и соискателями, является членом диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при УдГУ, а также директором Научно-образовательного центра (НОЦ) «Инновационное проектирование в мультилингвальном образовательном пространстве», организует научно-методические семинары и конференции университетского, регионального, российского, международного уровней; в рамках системы *дополнительного образования* координирует деятельность всех блоков цепочки непрерывного языкового образования в институте, осуществляет связь бюджетной и внебюджетной системы образования, руководит образовательной программой в сфере гостиничного бизнеса «Стажировка за рубежом»; в рамках *издательской деятельности* помогает коллегам института готовить научные труды и учебно-методические материалы к публикации, много редактирует. Особое внимание директор ИИЯЛ уделяет *воспитательной работе* со студентами, которая во все времена была на факультете приоритетной. Сохраняя традиции, Тамара Ивановна придает им новое дыхание, созвучное времени; она постоянно держит на контроле профессиональный рост молодых преподавателей, всячески помогая им в этом, не остаются без внимания и ветераны института. Профессор Т. И. Зеленина ведет также активную общественную деятельность, являясь членом президиума Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию (г. Москва).

Плодотворная деятельность Т. И. Зелениной получила признание в университете: она – почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

В завершение отметим, что Тамара Ивановна – это современный профессиональный менеджер науки и образования, несущий в себе самые лучшие гуманистические начала.

Коллектив преподавателей и сотрудников института искренне поздравляет Тамару Ивановну с юбилеем и желает ей дальнейших творческих успехов и новых начинаний в деле языкового образования в Удмуртии.

Коллеги

**ПРОФЕССОР Т. И. ЗЕЛЕНИНА –
АВТОР НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

Началом научной деятельности Тамары Ивановны Зелениной можно считать вторую половину 1970-х годов, когда она, как одна из лучших выпускниц факультета романо-германской филологии Удмуртского государственного университета, была направлена на стажировку в Ленинградский (ныне Санкт-Петербургский) государственный университет, где по истечении срока научной стажировки успешно сдала экзамены, открывшие ей путь в очную аспирантуру кафедры романской филологии этого университета.

В качестве диссертационного исследования Т. И. Зелениной была выбрана тема из области исторического синтаксиса французского языка, которая потребовала от нее упорного и не всегда легкого труда. Вместе с тем, работа над темой будущей диссертации помогла Тамаре Ивановне сформироваться как исследователю, умеющему наблюдать, обобщать и оценивать языковые факты, изучать их в свете происходящих в языке с течением времени изменений. В своей дальнейшей деятельности она с успехом реализовала приобретенные в процессе написания диссертации навыки и приемы научного исследования.

В кандидатской диссертации, защищенной в 1981 году в Ленинградском государственном университете по специальности 10.02.05 – романские языки [1], Т. И. Зеленина сопоставила два синхронных среза в истории французского языка: старофранцузский (IX–XIII вв.) и современный язык (XIX–XX вв.), т. е. два этапа функционирования одного и того же языка, разделенные интервалом в 600–700 лет. Предмет исследования составили общевпросительные предложения типа русского «Вы знаете этого человека?» и т. п., характеризующиеся отсутствием вопросительного слова (например, кто?, где?, когда? и др.). Особенность данных предложений во французском языке в изучаемых периодах состоит в том, что они допускают два типа синтаксической структуры: с инверсией подлежащего (*Connaissez-vous cet homme?*) и при помощи прямого порядка слов (*Vous connaissez cet homme?*). Попытки найти объяснение выбора говорящим того или иного из сосуществующих способов построения общевпросительного предложения предпринимались и ранее, но последовательной разработки вопроса с целью выяснения того, что же изменилось в языке с течением времени, в каком направлении шло развитие французского языка в изучаемой области и какие факторы семантического, синтаксического и коммуникативного плана повлияли на произошедшие изменения, до работы Т. И. Зелениной не проводилось, хотя в целом научная литература, посвященная французскому вопросительному предложению, была достаточно обширной.

Новым в кандидатской диссертации Т. И. Зелениной явились избранный ею ракурс исследования (сопоставление двух разновременных пластов языка с позиций взаимодействия разных уровней его реализации – типологический подход к изучению истории языка) и те результаты, к которым она пришла, показав на конкретном языковом материале и тем самым доказав, что «вытеснение инверсии прямым порядком слов в современном французском языке происходит избирательно: интенсивность этого процесса связана с семантическим типом вопроса» [1. С. 10]. Для исторического синтаксиса французского языка важно также наблюдение Тамары Ивановны о том, что в изучаемый ею временной интервал изменилась семантическая маркированность порядка слов в общевпросительном предложении: если в старофранцузский период семантически маркированным (т. е. соотносимым с определенным типом ситуации, порождающей вопрос) был прямой порядок слов, то в современном языке семантически маркированной оказалась инверсия. Полученные в ходе работы над кандидатской диссертацией выводы (а они касаются и роли актуального членения предложения,

и использования приема эллипсиса в общевпросительных предложениях и многих других вопросов, связанных с взаимодействием семантики и синтаксиса) до сих пор не утратили своей актуальности.

Т. И. Зеленина в своей научно-педагогической деятельности неоднократно обращалась к истории французского языка: в лекционном курсе по данной дисциплине, в методических разработках и заданиях по истории языка, подготовленных совместно с доцентом ЛГУ Т. П. Никитиной, в статьях и тезисах докладов, в *Практикуме*, предназначенном для самостоятельной работы студентов [10]. Особое место в этом ряду публикаций занимает созданный ею *Этимологический словарь* французских нарицательных существительных, возникших на основе имен собственных (антропонимов – имен людей и топонимов – географических названий) [3], таких, например, как *chimère* (химера), *magnolia* (магнолия), *silhouette* (силуэт), *terme* (термин), *vaudeville* (водевиль), *volcan* (вулкан) и др. – всего 355 слов. Мы находим здесь не только краткую историю возникновения этих лексем в самом французском языке и их русский вариант, но и возможные параллели в английском и немецком языках. Кроме того, автором словаря произведена систематизация рассматриваемой лексики по тематическим группам (различные виды естественных и гуманитарных наук, спорт, бытовая лексика: ткани, одежда, обувь и т. д.). В конце словаря даны (в алфавитном порядке) указатели английских, немецких и русских слов того же происхождения. По этому же принципу составлен *Этимологический словарь* интернациональных личных имен, в который включены наиболее употребительные французские личные имена, имеющие параллели в английском, немецком и русском языках [4].

Начиная со второй половины 1980-х годов, Т. И. Зеленина занималась разработкой вопросов, связанных с миграцией слов и их интернационализацией. Объектом ее исследований в этом направлении стал удмуртский язык – один из языков финно-угорской группы, государственный (наряду с русским) язык Удмуртской Республики. Тамара Ивановна посвятила проблеме интернационализации лексики ряд статей, обобщив представленные в них наблюдения в виде научной публикации [2], в которой особое внимание уделено интернациональным словам, имеющим греко-латинские и романо-германские этимоны.

Начало XXI века отмечено в научной биографии Т. И. Зелениной появлением трудов, которые можно без сомнения отнести к числу фундаментальных. Выходит из печати созданный ею *этимологический словарь* «Французское слово в удмуртском и русском языках» [7], включающий 1400 удмуртских слов французского происхождения, заимствованных через русский язык. К каждому слову дается указание на дату (год, в ряде случаев век) его появления в самом французском языке, а также в русском, заимствовавшем французское слово, и, естественно, в удмуртском, в который оно перешло из русского языка. Указание на хронологию появления включенной в словарь лексики в каждом из трех языков, комментариев к приводимым словам, подтверждение интернационального характера многих из них примерами из английского и немецкого языков открывают широкие возможности дальнейших сопоставительных исследований. Словарь содержит богатую, строго документированную информацию, представляющую ценность для специалистов широкого профиля, а также и для всех тех, кто занимается или интересуется историей слов. Он не имеет аналогов ни в отечественном, ни в зарубежном языкознании.

Вслед за названным словарем Тамара Ивановна публикует книгу «Иноязычная и исконная лексика в удмуртском языке: Опосредованные заимствования в отдельных лексических подсистемах», скромно представленную ею как *учебное пособие*, по существу же являющуюся научным исследованием [6]. Область сопоставительного анализа в ней составили три лексические подсистемы из числа наиболее древних,

а именно: фитонимия (наименования растений), антропонимия (личные имена) и календарь (наименования месяцев года и названия дней недели). В этом исследовании Т. И. Зеленина не просто обобщает сведения, имеющиеся в справочной и научной литературе по интересующим ее вопросам, но и систематизирует их в зависимости от этимологии слов, их отнесенности к той или иной сфере жизни человека, воссоздавая то, что принято называть картиной мира. В центре внимания Тамары Ивановны в этом исследовании – удмуртский язык и картина мира именно его носителя, однако и здесь, как и в других работах Т. И. Зелениной, присутствует широкий лингвистический фон.

Интерес к наименованиям цветов (область фитонимии) возник у Тамары Ивановны задолго до появления вышеназванного исследования. Еще в 1996 году она осуществляет научно-популярное издание, посвященное цветам, истории возникновения их названий и связанным с цветами мифам, легендам, былям, которые свидетельствуют о тесной связи человека и природы много веков назад, отражают контакты народов, взаимопроникновение языков и культур с древних времен. Это очень познавательная и, я бы сказала, воспитывающая книга, пронизанная любовью к природе, восхищением ее красотой и благотворным влиянием на человека. Приведенные в ней стихотворения И. А. Бунина, А. С. Пушкина, Б. Л. Пастернака, А. А. Фета, Н. М. Рубцова и многих других поэтов, посвященные цветам, и краткие очерки «Прекрасные спутники наши», «Человек и цветы», «Имя человека и растения», «Искусство букета», «Символика цветов», «Цветы в подарок» создают определенный эмоциональный настрой для восприятия описаний каждого из рассматриваемых 39 цветов. Приводимая Т. И. Зелениной информация о цветах имеет, несомненно, познавательную ценность. Второе, переработанное и дополненное, издание книги вышло в свет в 2005 г. [12].

Возвращаясь к научным исследованиям Т. И. Зелениной, нельзя не остановиться на созданной ею *монографии* «Опосредованные заимствования в удмуртском языке», вышедшей в 2002 г. в издательстве филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета и посвященной «французскому пласту» (так его определила Тамара Ивановна) [8]. Монография содержит три раздела: I. Контакты русского и французского языков в контексте исторических связей России и Франции; II. Контакты удмуртского и русского языков в контексте исторических связей удмуртского и русского народов; III. Французская лексика, заимствованная удмуртским языком через русский, в ее отношении к другим языкам. Особенность этого исследования, по сравнению с опубликованными ранее Т. И. Зелениной работами, состоит в том, что в нем «на конкретном языковом материале разрабатываются общетеоретические вопросы, связанные с изучением механизма адаптации опосредованных заимствований» [8. С. 7]. Добавим к этому, что новым в монографии является и то, что исследование охватывает все четыре уровня, на которых осуществляется адаптация иноязычной лексики: фонетический, грамматический, словообразовательный, семантический. Монография, как и другие опубликованные Т. И. Зелениной труды, представляет несомненный вклад в разработку теоретических проблем, связанных с взаимодействием языков в результате их исторических контактов.

Итогом многолетней исследовательской работы Тамары Ивановны Зелениной явилась ее *докторская диссертация*, защищенная в Уральском государственном педагогическом университете в 2003 г. по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание [11]. В докторской диссертации на основе сведений, имеющихся в научной литературе, в том числе и в трудах самой Тамары Ивановны, анализа собранного ею богатейшего фактического материала, ее собственных размышлений, наблюдений и интерпретаций произведена систематизация опосредованных русских заимствований французского происхождения в удмуртском языке на понятийном уровне («Вселенная», «Человек», «Человек

и Вселенная» и др.), воссоздана типология взаимодействия французского языка с другими языками, рассмотрены и во многом решены вопросы, возникающие при изучении лексики разносистемных языков в сравнительно-историческом и сопоставительно-типологическом плане. Текст диссертации, как об этом можно судить по автореферату, представляет не просто обобщение предыдущих исследований Тамары Ивановны, а новую, более высокую ступень теоретического осмысления поднятых ранее в ее трудах важных для теории языка, зачастую дискуссионных, вопросов.

Почти одновременно с докторской диссертацией Т. И. Зеленина создает в соавторстве с двумя коллегами *многоязычный словарь* [9]. В него включено около 500 русских слов французского происхождения, представленных в разных языках. В Словаре четыре части: I. Языки Российской Федерации (удмуртский, эрзянский – один из языков мордовской группы, татарский – язык тюркской группы); II. Финно-угорские языки Западной Европы (финский, венгерский, эстонский); III. Романские языки (итальянский, испанский, румынский); IV. Германские языки (английский, немецкий). В общей сложности словарь содержит 6344 лексические единицы 13 языков, включая русский и французский. Ценность такого словаря для сопоставительных исследований и разработки вопросов, связанных с интернационализацией лексики и ее адаптацией языками разных групп, очевидна.

Т. И. Зеленина, романист по базовому образованию, в процессе научной деятельности переключила внимание на язык другой генетической группы – удмуртский. Это не помешало ей, однако, остаться верной языку своей первой специальности – французскому. Лексика именно этого языка как исторический источник заимствований слов, приобретающих статус интернационализмов, составляет, как это видно из предложенного в настоящей статье краткого обзора некоторых наиболее значимых работ Т. И. Зелениной, лингвистическую основу большинства проводимых ею научных исследований.

В настоящее время Т. И. Зеленина активно занимается вопросами, связанными с подготовкой специалистов, профессионально владеющих несколькими иностранными языками, с повышением эффективности самостоятельной работы студентов, в частности, при изучении ими теоретических дисциплин. В поле ее зрения, как и в предыдущие годы, – разработка дидактики раннего языкового образования [5] и т. д. Тамара Ивановна является членом Президиума Совета по филологии Учебно-методического Объединения (УМО) по классическому университетскому образованию (г. Москва), что открывает перед ней широкие возможности личных контактов и обмена опытом с представителями вузов разных регионов России и с коллегами из зарубежных стран. В печати регулярно появляются новые статьи Тамары Ивановны и тезисы докладов, с которыми она выступает на конференциях, в том числе международного уровня.

Литература

1. Зеленина Т. И. Общевпросительное предложение в старофранцузском и современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.
2. Зеленина Т. И. Интернациональная лексика в удмуртском языке. Ижевск, 1996.
3. Зеленина Т. И. От имен собственных к нарицательным: Этимологический словарь. Ижевск, 1997.
4. Зеленина Т. И. Интернациональные личные имена: Этимологический словарь. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998.
5. Утехина А. Н., Зеленина Т. И. Интегративная программа «ЛИНГВА»: Программа обучения и развития детей дошкольного и младшего школьного возраста. Ижевск, 2-е изд., перераб. и доп., 2000 (1-е изд. 1997).
6. Зеленина Т. И. Иноязычная и исконная лексика в удмуртском языке: Опосредованные заимствования в отдельных лексических подсистемах. Ижевск, 2001.

7. Зеленина Т. И. Французское слово в удмуртском и русском языках: Этимологический словарь / Удм. гос. ун-т; Нац. ин-т восточных яз. и цивилизаций; Науч. ред. Р. Ш. Насибуллин. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2000. 256 с.; 2-е изд., испр. и доп. 2002.
8. Зеленина Т.И. Опосредованные заимствования в удмуртском языке: Французский пласт. СПб., 2002.
9. Зеленина Т. И. и др. Многоязычный словарь: на основе французской лексики, заимствованной русским и удмуртским языками / Т. И. Зеленина, Б. Ш Загуляева, Н. В. Буторина. Ижевск, 2003.
10. Зеленина Т. И. Практикум по истории французского языка: Пособие для самостоятельной работы студентов. Ижевск, 2003.
11. Зеленина Т. И. Русский язык как посредник при освоении иноязычной лексики удмуртским языком: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2003.
12. Зеленина Т. И. (автор-составитель). Цветов язык и аромат... (история слов, мифы, легенды, были, стихи о цветах). Ижевск, 1-е изд. 1996.; 2-е изд., перераб. и доп., 2005.

P. S. Тамара Ивановна Зеленина – одна из первых аспирантов, научное руководство которыми было поручено мне кафедрой романской филологии филологического факультета ЛГУ в середине 1970-х годов, и я не могу не радоваться ее научному росту, интенсивной научной деятельности и результатам ее исследовательского труда. Я высоко ценю Тамару Ивановну как плодотворно работающего ученого, творчески мыслящего, широко эрудированного специалиста, как опытного и знающего педагога и воспитателя. Я глубоко уважаю ее как порядочного, честного, преданного делу, доброго и отзывчивого человека.

*Дорогая Тамара Ивановна,
примите мои самые искренние поздравления с Вашим 60-летним юбилеем
и самые добрые пожелания здоровья Вам и Вашим близким,
неиссякаемой энергии, творческого вдохновения,
новых интересных исследований,
верности избранному пути и в жизни, и в науке.
А Вашим трудам я желаю достойных читателей
и открытости для дальнейшего научного поиска.*

Т. А. Репина,
доктор филологических наук,
профессор Санкт-Петербургского государственного университета,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

НАУЧНЫЙ ВКЛАД Т. И. ЗЕЛЕНИНОЙ В ИСТОРИЧЕСКУЮ ЛЕКСИКОЛОГИЮ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

В словарном составе удмуртского языка, так же как и во многих других национальных языках, различают исконную и заимствованную лексику. В заимствованном слое лексики удмуртского языка значительное место занимают слова индоиранского, болгарского, татарского и русского происхождения. Русский слой заимствованной лексики исследователи удмуртского языка еще подразделяют на слова дореволюционного и послереволюционного периодов. Из них наилучшие изученными оказались дореволюционные русские заимствования. Послереволюционная русская лексика и особенно интернациональные заимствования до конца XX столетия оставались вне внимания исследователей удмуртского языка. И вот на рубеже двух веков появился ряд исследований и 4 монографические работы нашего юбиляра Т. И. Зелениной, анализу которых и посвящена наша обзорная статья.

Волго-Камье с древнейших времен было местом средоточения различных племен и народов. Еще задолго до н. э. здесь проживали или проходили через рассматриваемый регион племена, относящиеся к уральской и финно-угорской семье языков, которые оставили после себя множество следов в виде топонимов и гидронимов. По свидетельству академика Б. А. Серебренникова, на протяжении веков было несколько волн миграций западносибирского населения: в поисках более благоприятных мест для охоты и рыбной ловли оно попадало в бассейны рек Камы, Печеры, Вычегды, а затем стало распространяться к Западу вплоть до Карелии, южной части Кольского полуострова [7. С. 26–28].

Миграция племен и народов в пределы Волго-Камья не прекратилась и в последующие эпохи. Еще на рубеже двух веков до н. э. и нашей эры аборигены Волго-Камского региона соприкасались с ираноязычными народами, непосредственная связь которых продолжалась вплоть до образования Волжского болгарского государства (VII–VIII вв.), а с приходом татаро-монгол и организацией Золотой Орды и Казанского Ханства (XIII–XVI вв.) контакты местного населения с тюркоязычными народами становятся постоянными. Ситуация еще более осложняется, когда при Иване Грозном начинается насильственная колонизация и христианизация (XVI–XVIII вв.) Поволжских и Приуральских народов. Живя на одной общей территории в течение многих веков, контактирующие народы, относящиеся к различным языковым семьям – финно-угорским (удмуртскому, коми, марийскому, эрзя, мокша (мордовскому), тюркским (чувашскому, татарскому, башкирскому) и русскому языкам, – оказывали друг на друга взаимное влияние как в хозяйственно-экономической, политической, так и в духовной сфере их жизнедеятельности, в т. ч. в области языка и культуры. Не случайно поэтому ученые-исследователи различных национальностей проявили большой интерес к изучению и выявлению заимствованной лексики в словарных составах контактирующих языков. Анализ исследований различных авторов (Р. Ш. Насибуллина, И. В. Тараканова, Шандора Чуча) по вопросам иноязычных проникновений в удмуртский язык показывает, что из всех контактирующих языков на развитие и обогащение словарного состава удмуртского языка иноязычными элементами наибольшее влияние оказали тюркские (болгарский и татарский) и русский языки [6, 8, 10, 11]. Точное количество заимствований как тюркского, так и русского происхождения установить, конечно, невозможно. Несмотря на это, отдельные исследователи пытались определить их количество. Так, в нашем «Словаре тюркских заимствований» в различных диалектах удмуртского языка зафиксировано 2137 слов [8. С. 26–159], в работе Шандора Чуча [10] – 3351 слово, в приложении кандидатской диссертации Р. Ш. Насибуллина «Словарь диалектных слов» вместе с диалектными словами содержится более 6 тысяч лексических единиц, среди них абсолютное большинство слов являются словами тюркского происхождения. Что же касается русских заимствований, проникших в дореволюционный период в удмуртский язык, то они наиболее подробно анализу подверглись лишь

в работах Шандора Чуча [10. С. 301], выявившего 600 лексических единиц и в докторской диссертации Р. Ш. Насибуллина [6], анализировавшего в общей сложности 4290 словарных статей. Слова русского и интернационального происхождения, проникшие в удмуртский язык в послеоктябрьский период, данными исследователями не рассматривались. И лишь в конце XX и начале XXI вв. Т. И. Зеленина написала и опубликовала 4 работы монографического характера под названиями «Интернациональная лексика в удмуртском языке» [1], «Иноязычная и исконная лексика в удмуртском языке: Опосредованные заимствования в отдельных лексических подсистемах» [2]; «Опосредованные заимствования в удмуртском языке: Французский пласт» [3], «Французское слово в удмуртском и русском языках: Этимологический словарь» [4].

В книге «Интернациональная лексика в удмуртском языке» даются некоторые теоретические сведения о заимствованиях и интернациональной лексике, а также о причинах их проникновения в другие языки, о видах и типах языковых контактов.

Опираясь на публикации М. Г. Атаманова, автор подробно анализирует удмуртские собственные имена с точки зрения их фонематической адаптации, иллюстрируя при этом их многочисленные варианты, возникшие уже на удмуртской почве и указывая на их внутреннюю форму в языках-источниках (ср.: *Олексан, Сандыр, Санка, Санко, Саня, Сашик* < гр. *Александр* < *alexēin* «сопротивляться» + *andros* «защитник людей»). Кроме того, изучив методом сплошной выборки «Удмуртско-русский словарь» [9], автор выявила примерно 1600 слов, относящихся к общественно-политическим, естественным, медицинским, математическим, химическим, техническим и другим наукам. В них она приводит многочисленные примеры не только из древних (греческого и латинского), но и современных языков: романских (французского, итальянского, испанского), германских (немецкого, английского, голландского). По данным автора, из романо-германских языков удмуртским языком заимствовано около 1000 слов, опосредованно пришедших в удмуртский язык через русский язык (заметим, что в более поздних своих работах автор анализирует уже более 1400 слов только французского происхождения). Исследователь рассматривает механизм их адаптации, распределяя по тематическим группам и отдельным частям речи.

Вторая работа Т. И. Зелениной называется «Иноязычная и исконная лексика в удмуртском языке: Опосредованные заимствования в отдельных лексических подсистемах». Она посвящена подробному анализу удмуртской фитонимии, личных имен удмуртов и удмуртского календаря как исконного, так и интернационального происхождения, в становлении которых русский язык также выступал как язык-посредник.

Рассматривая фитонимическую лексику в удмуртском языке, автор отмечает, что одни из них по происхождению относятся к древнейшему слою лексики – общефинно-угорскому, финно-пермскому и общепермскому и исконно удмуртскому слою, другие являются заимствованиями. Выявляя основные принципы номинации растений в удмуртском языке, автор констатирует, что в основе наименования растений, как и в других языках, лежат: их внешний вид (*тӧдды сяська* «ромашка», букв. «белый цветок»), место произрастания (*вукуар* «мать-и-мачеха», букв. «водяной лист»), целебное свойство (*зыр быдтӱсь* «чистотел», букв. «уничтожающий бородавку»; *кӧл турын* «пижма», букв. «глистная трава»), сходство с частями тела животных и птиц, так наз. «зооморфная метафора» (*пунысюл* «вьюнок», букв. «собачья кишка»; *кыйсинсяська* «анютины глазки», букв. «змеиный глаз»; *куакагырлы, куакатурын* «колокольчик», букв. «вороний колокол»), свойства растений: вкусовые качества, запах предметов, явлений и признаков (*курытпӧт* «полынь горькая»; *пӧсьтурын* «перец стручковый», букв. «горячая трава») и т. д.

Что же касается интернациональных фитонимов, пришедших в удмуртский язык через русский, они появились с растениями, которые не были ранее знакомы удмуртам. Названия вместе с растениями либо были завезены русскими (*бегония, герань, люцерна*), либо

продолжают оставаться до сих пор экзотическими словами (*лаванда, олеандр, эдельвейс*). Далее автор указывает, что растения, знакомые удмуртам с древнейших времен, обозначаются словами исконного фонда. Данная лексическая подсистема удмуртского языка, по мнению автора, подвержена интернационализации в незначительной степени [2. С. 41].

Второй раздел данной книги посвящен рассмотрению личных имен удмуртов. Опираясь на исследования удмуртских лингвистов (Е. М. Верещагина, Н. Г. Первухина, П. Н. Луппова, И. Васильева, И. Н. Смирнова, К. Герда, Т. К. Борисова, Т. И. Тепляшиной, С. В. Соколова, С. К. Бушмакина, В. К. Кельмакова, М. Г. Атаманова и др.), в удмуртских именах автор выделяет два пласта личных имен: общепермский и заимствованный. В основе исконных удмуртских слов автор отмечает имена, восходящие к:

- а) названиям птиц (*Пислэг* «синица»), животных (*Пужей* «олень»), растений (*Узы* «земляника»);
- б) названиям отдельных этнонимов: *Порег* (< пор «мариец»), *Чувашко* (< чувашин), *Чудин* (< чудь), *Зуч* (< «русский»);
- в) названиям, отпугивающим людей, типа *Шакта* «плохой», *Жага* (< жаг «мусор, хлам»), *Кый* «змея»;
- г) именам, связанным с сезонами года и циклами земледельческих работ: *Герей* (< горы «плуг»), *Культо* («сноп жита»), *Пучы* («верба»);
- д) физическим, психическим, моральным качествам ребенка: *Бур* «добрый, хороший», *Судай* (< суд «светлый, русский»), *Пичи* «маленький».

В заимствованных именах автор выделяет различные пласты:

- а) иранский: *Алан* < осет. *allon* – название предков современных осетин, *Базак* < *bazak* «рука, плечо», *Дангыр* < *dungur* «большой», *Дада* < *dada* «отец, дедушка»;
- б) угорский: *Закнай* < манс. «бородавка, прыщ», *Мансэй* < этноним манси;
- в) тюркский: *Карай* < кара «черный, темный», *Атабай* < ата «отец» + бай «богатый».

Через мусульманские народы к удмуртам проникли имена арабского, персидского и монгольского происхождения: *Асылбей* < араб. асыл «красивый, прекрасный», *Бибинур* < перс. биби «дама, госпожа, хозяйка» + араб. нур «луч, свет, блеск», *Баян* < монг. *баян* «богатый, сильный, счастливый».

В русском именнике из некалендарных имен отмечается лишь небольшое количество имен типа *Шестак, Баженко, Жданко, Поздейко*. В именах христианского происхождения, проникших в удмуртский язык через посредство русского языка, наибольшее распространение получили собственные имена, восходящие к различным языковым источникам, а именно: к древнегреческим, латинским, древнееврейским именам. В этом разделе автор отмечает, что в ходе функционирования в заимствующем удмуртском языке личные имена подчинились фонетико-грамматической и акцентологической структуре удмуртского языка. В частности, в них происходят следующие изменения, типа: *Вара* < Варвара; *Оги, Огей* < Агафья; *Гири, Гирей, Горей* < Григорий; *Лади* < Владимир; *Митрей* < Дмитрий; *Олексан, Сандыр, Санка* < Александр; *Олексей, Олёш, Очей, Очи, Оле, Элесь, Лепсей* < Алексей и др. Нередко происходит замена отдельных звуков: а > о, ф > п, х > к; усечение флексий, использование форманта *-лей*: Антон > *Онтон*; Агафья > *Огай, Оги*; Федор > *Педор*; Христина > *Кристина*; Клавдия > *Клавди*; Василий > *Васьлей* и т. д.

Проводя сравнительный анализ этимологии удмуртских, русских и интернациональных личных имен, автор справедливо отмечает, что у разных народов мотивы имянаречения были похожими. Разница лишь в том, что в личных интернациональных именах добавляются и другие мотивы, такие как виды деятельности (*Георгий, Егор, Юрий* – «земледелец», *Инполит* – «укротитель лошадей»), воинские качества (*Алексей* «защитник», *Николай* «победитель народов»), названия местности (*Роман* «житель Рима»), социальное положение (*Василий* «царь»), имя государственного деятеля или знатного рода (*Антон* «римское родовое имя») и т. д.

Что касается удмуртского языка, то система удмуртских имен прошла похожий путь развития. Только при обращении в христианскую веру русская церковь нарекла удмуртов христианскими календарными именами. Поэтому у удмуртов долгое время существовала дуальная модель имени: использование для одного человека языческого (первого) и христианского (второго) имени. В послеоктябрьский период удмурты стали давать детям преимущественно русские имена, рассматривая древние национальные языческие имена как пережиток прошлого.

Проведя классификацию исконных удмуртских названий месяцев, автор совершенно справедливо указывает, что на протяжении длительного времени в удмуртском языке существовала своя исконная лексика, происхождение которой мотивировано природными явлениями и сельскохозяйственными работами. При этом следует отметить, что названия месяцев в удмуртском языке возникли в период существования общепермского языка-основы. Об этом свидетельствуют общие слова, параллельно употребляющиеся в удмуртском и коми языках. Интернациональная модель календаря, относящаяся к латинским элементам, – более позднего происхождения.

Касаясь названий дней недели Т. И. Зеленина относит их к интернациональной лексике. Такое утверждение автора мы считаем необоснованным. По нашему глубокому убеждению, они представляют собой калькированные формы из тюркских (булгарского, чувашского) языков [С. 316–321], которые, в свою очередь, были калькированы из древнееврейского и арабско-персидских языков.

В третьей книге Т. И. Зелениной «Опосредованные заимствования в удмуртском языке: Французский пласт» основное внимание уделяется освоению удмуртским языком лексики французского происхождения. В ней на конкретном языковом материале разрабатываются общетеоретические вопросы, связанные с изучением механизма адаптации опосредованных заимствований.

Рассматриваемое исследование представляет еще интерес в том, что в нем в начале даются сведения об исторических связях России и Франции и исторических связях удмуртского и русского народов, взаимодействия их языков. И только затем анализируются основные закономерности фонетико-грамматического и семантического освоения французской лексики русским языком и закономерные процессы адаптации русской лексики французского происхождения удмуртским языком.

Поскольку в рамках небольшой статьи невозможно подробно остановиться на анализе всех разделов данного исследования, ниже лишь в эскизной форме рассмотрим наиболее распространенные явления адаптации русской лексики французского происхождения удмуртским языком на разных уровнях языковой структуры.

В области фонетики, в частности, автор отмечает:

- 1) а) усечение конечного гласного в словах с окончанием на *-ия*: *авиаци* < авиация, *арми* < армия, *бумазей* < бумазая;
б) усечение конечного *-а*: *анкет* < анкета, *минут* < минута;
в) усечение конечного *-ы (-и)* в словах, употребляющихся в форме множественного числа: *консерв* < консервы, *кальсон* < кальсоны, *ботик* < ботики.
- 2) а) вставка эпентетических звуков *-ы, -а* в словах, в которых наблюдается стечение согласных: *министыр* < министр, *бинокыль* < бинокль, *сантиметыр* < сантиметр, *бланка* < бланк, *литра* < литр;
б) выпадение одного из согласных: *коммунис* < коммунист, *патен* < патент, *патрет* < портрет.
- 3) а) замена фонемы в системе согласных: *галипе* < галифе, *портпель* < портфель, *шарп* < шарф;
б) оглушение согласных: *арап* < араб, *комот* < комод;

в) палатализация согласных н', л': *сатинь* < сатин, *павильён* < павильон, *миллёнер* < миллионер;

г) в системе гласных:

е > э: *аеростат* < аэростат;

э > е: *мартэн* < мартен;

а > о: *бардовый* < бордовый, *каманда* < команда;

о, а < у: *эксплотатор* < эксплуататор и т. д.

На уровне морфологии и словообразования русская лексика французского происхождения употребляется в удмуртском языке в подавляющем большинстве в том виде, в каком они существуют в русском языке. В качестве морфологических маркёров французского происхождения автор указывает форманты *-аж* (< фр. *-age*) и *-ёр* (< фр. *-eur*): *пейзаж* (< *pausage*), *гараж* (< *garage*), *массаж* (< *massage*), *минёр* (< *mineur*), *санёр* (< *sapeur*), *актёр* (< *acteur*), которые полностью повторяют русскую основу.

Что же касается семантической адаптации русской лексики французского происхождения в удмуртском языке, то следует отметить, что в абсолютном большинстве своем эти заимствования сохраняют имеющееся значение оригинала: *балет*, *манифест*, *революция* и др. Лишь отдельные заимствованные многозначные слова, как отмечает автор, иногда выражаются через собственно удмуртское слово: инвалид // *сёсыр*, *олексы*; манер // *сям*, *вырос*, апплодисментъёс // *кичабконъёс*, контролировать карыны // *эскерыны* и т. д.

В работе делается также попытка привести к опосредованно заимствованным русским словам французского происхождения собственно удмуртские синонимические формы или калькированные переводы описательного характера: ср. пианист // *пианиноен шудйсь*; танцор // *эктйсь*; корректировать карыны // *тупатьяньёс пыртыны*; дебош // *чашетон*, *жугиськон*, *куашетон*. Однако в ряде случаев встречаются не совсем удачные, адекватные с семантикой оригинала переводы: ср. *кавалер* «туган» [4. С. 115] (в УРС «возлюбленный, любимый, милый»; диал. «родственник, родня»); *шарлатан* «пёечи» [4. С. 115], что должно было перевестись иначе, так как шарлатаном в удмуртском языке называют человека, совершающего необдуманные поступки.

Четвертая по счету монографическая работа Т. И. Зелениной «Французское слово в удмуртском и русском языках: Этимологический словарь» содержит в себе более 1400 удмуртских слов французского происхождения, заимствованных через русский язык. Словарные статьи построены следующим образом. Каждая статья начинается с удмуртского слова и первой фиксации его в удмуртском языке. Далее следует русское слово, лежащее в основе удмуртского, с указанием времени заимствования, а затем французское. Интернациональный характер слов подтверждается примерами из английского и немецкого языков.

Подводя итог нашему обзорному анализу четырех книг Т. И. Зелениной, посвященных рассмотрению интернациональной лексики в удмуртском языке, можно сделать следующие предварительные выводы:

Т. И. Зеленина впервые в удмуртском языкознании взялась за выявление интернациональной лексики в словарном составе удмуртского языка и за короткий срок времени опубликовала работы по указанной проблематике (этому предшествовала многолетняя работа). Тем самым она внесла значительный вклад в развитие исторической лексикологии удмуртского языка. В ее исследованиях решен ряд вопросов теоретического и практического плана о заимствованиях, заимствованной лексике, о взаимовлияниях, взаимопроникновениях контактирующих языков, о механизмах адаптации заимствованной лексики в воспринимающих, в данном случае русском и удмуртском, языках.

Исследования автора помогли удмуртским ученым, занимающимся изучением вопросов исторической лексикологии, определить:

- общий объем интернациональной лексики французского происхождения в воспринимающих русском и удмуртском языках;

- закономерности фонетико-грамматического и семантического освоения русской лексики французского происхождения удмуртским языком;
- динамику фиксации русской лексики французского происхождения в удмуртском языке;
- тематические группы в составе русской лексики французского происхождения в удмуртском языке и т. д.

Публикации Т. И. Зелениной могут быть использованы при чтении лекций по лексикологии удмуртского, русского и ряда других национальных языков. Мы используем их при изучении исторических контактов и сравнении языков в учебном процессе, а также в научной работе на факультете удмуртской филологии.

Пользуясь случаем, выражаем признательность юбиляру за большую работу, осуществленную в области удмуртского языкознания, и желаем дальнейших успехов в научной деятельности.

Литература

1. Зеленина Т. И. Интернациональная лексика в удмуртском языке. Ижевск, 1996.
2. Зеленина Т. И. Иноязычная и исконная лексика в удмуртском языке: Опосредованные заимствования в отдельных лексических подсистемах: Учеб. пособие. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001.
3. Зеленина Т. И. Опосредованные заимствования в удмуртском языке. Французский пласт / Филол. ф-т С.-Петербург. ун-та. СПб., 2002.
4. Зеленина Т. И. Французское слово в удмуртском и русском языках: Этимологический словарь. 2-е изд., испр. и доп. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002.
5. Насибуллин Р. Ш. Обратный словарь удмуртского языка / Удм. ун-т. Ижевск, 1992.
6. Насибуллин Р. Ш. Русские заимствования в удмуртском языке (дореволюционный период): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 1999.
7. Серебренников Б. А. К проблеме этнической принадлежности древнего населения Вычегды // Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1966. С. 26–28.
8. Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые контакты: Теория и словарь / Удм. ун-т. Ижевск, 1993.
9. УРС – Удмуртско-русский словарь / Под ред. В. М. Вахрушева. М.: Рус. яз., 1983.
10. Csúcs Sándor. A votják nyelv orosz jovevényszavai I, 1970.
11. Csúcs Sándor. Die tatarischen Lehnwörter des wotjakischen. Budapest, 1990.

И. В. Тараканов

*доктор филологических наук,
профессор Удмуртского госуниверситета,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный деятель науки Удмуртской АССР,
член Финно-угорского общества Финляндии*

ВПЕРЕД – К МНОГОЯЗЫЧИЮ!

«Подписывая Болонскую декларацию, европейские страны осознавали, что у интеграции имеется обратная сторона медали – это ослабление позиции всех национальных языков. Один из путей преодоления подобного явления – создание ситуации многоязычия (на уровне общения и обучения)».

Из доклада директора Института иностранных языков и литературы (ИИЯЛ) УдГУ Т. И. Зелениной на XI Международной конференции Национального объединения преподавателей английского языка (NATE).

31 мая 2005 года, Ижевск

Английский язык сегодня – самый распространенный способ общения на международном уровне, мощное средство геополитики. Но при этом этнокультурная идентичность становится слабым звеном в этической основе времени. Под напором процесса глобализации ломаются границы реальной и символической самобытности, в том числе сокращается набор языковых форм в культурном многообразии человечества. Будущим поколениям реально грозит постигать заветы предков на одном-единственном языке. Не приемлет ситуации с игрой в одни ворота доктор филологических наук, профессор Т. И. Зеленина.

Существуют, как минимум, три объяснения активной гражданской позиции ученого. Выросла в Удмуртии, которая является поликультурным регионом. Защитила докторскую диссертацию по теме «Русский язык как посредник при освоении иноязычной лексики удмуртским языком». По итогам исследований издала несколько этимологических словарей, в том числе «Французское слово в удмуртском и русском языках». Действительно, на каких скрижалях написано, что предки славян лучше, чем предки вепсов? А тюркская культура выше финно-угорской? Или английский язык более мелодичен, чем китайский?

В мае 2005 года в Удмуртском государственном университете проходила XI Международная конференция NATE. Т. И. Зеленина, будучи председателем оргкомитета конференции, выступила на ней с докладом «Влияние интеграционных процессов на языковое образование в Удмуртской Республике». Анализ ситуации, прозвучавший с трибуны, по достоинству оценили президент NATE, декан факультета иностранных языков и регионоведения МГУ профессор С. Г. Тер-Минасова и советник по вопросам преподавания английского языка отдела печати и культуры посольства США в России доктор Бриджит Герстен. Действительно, доклад осветил реально существующую модель. В рамках конференции состоялись презентации фольклорных программ, выставка «Языковое образование и межкультурное воспитание», выездные семинары. Участники конференции познакомились с инновационными методиками обучения языкам в дошкольных учреждениях, в татарской классической гимназии, в лицее, колледже, на факультете удмуртской филологии, ФПИЯ и, конечно, в ИИЯЛ. Все структуры научно-образовательного языкового комплекса сегодня, благодаря подвижнической деятельности профессора Т. И. Зелениной, составляют в республике единую систему познания мира. А по определению немецкого философа М. Хайдеггера, язык – форма мировоззрения, впечатляющей силе которого приходится приписывать особо действенную роль в истории человеческого развития. Суть в том, констатирует ученый, что язык – «дом бытия человека».

Образ «мой дом – моя крепость» в языковом образовании республики начал формироваться 20 лет назад. В этой связи союз коллектива ИИЯЛ со своим лидером является гармоничным. Они – единомышленники. Преподавательский состав постоянно ведет поиск нового, а Тамара Ивановна, как считают коллеги, умеет довести идеи до ума. Управленец в такой сфере, как научно-образовательная, – элитный менеджер, профессор Т. И. Зеленина из их числа. Кроме стандартного набора в виде двух диссертаций, она многое понимает по-особому: и слезы студента, и характер коллег, и политическую волю, и научный интерес, и личный выбор. Умеет проблемы разложить по полочкам. Не понаслышке известны Тамаре

Ивановне азы предпринимательской деятельности. Опираясь на этот опыт, она способствовала выживанию коллектива в известные всем трудные времена. Позже создавала образовательный бизнес, который не расходится с «разумным, добрым, вечным» началом. Уже в качестве директора института продолжает совмещать со своим коллективом бюджетную и внебюджетную деятельность.

По выходным дням, начиная с первого воскресенья октября, во второй корпус университета спешит необычная для вуза аудитория – малыши от пяти до десяти лет. Это особый профиль ИИЯЛ. Он называется детская школа раннего языкового образования «Лингва», которая за двадцать лет существования стала престижным обучающим центром. Обкатанная здесь интегративная программа развития детей средствами иностранного языка с включением сопутствующих дисциплин еще в 1998 году лицензирована и рекомендована Министерством образования и науки Удмуртской Республики к внедрению в дошкольных учреждениях. В ходе реализации этого проекта ИИЯЛ получил первый грант Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), а «Лингва» – статус экспериментальной площадки в языковой сфере. Позже институт выиграл трехлетний грант РГНФ на продолжение научных исследований. Усилия коллектива поддержаны и Поволжским отделением Российской Академии образования.

– Обращение к самому нежному возрасту – это возрождение традиций семейного русского многоязычия, – говорит Т. И. Зеленина. – Наша цель состоит в том, чтобы будущие россияне, как и образованные люди прошлого, с детства владели языками. С той лишь поправкой, чтобы в этом диапазоне присутствовал родной язык.

Мир становится все более мобильным. А чем раньше ребенок начинает изучать языки, тем легче становится многоязычным и... успешным в карьере. «Запускным механизмом» детских образовательных программ является иностранный язык в сопровождении музыки, рисунка, русской словесности. Курсы для самых маленьких носят «говорящие» названия: «Слово на ладошке», «Окно в природу», «Азбука общения», «Творческая мастерская». Усилия коллектива справедливо оценил Совет по филологии УМО по классическому университетскому образованию РФ, включив в российский перечень специализаций по специальности «Филология» и такую как «Обучение иностранному языку в раннем возрасте».

Интерес к инновационным проектам института проявляет мэрия Ижевска с целью внедрения в практику. Настоящим единомышленником коллектива стала начальник Управления дошкольного образования и воспитания Администрации города Т. С. Андреева. Благодаря этому сотрудничеству, отмечает директор ИИЯЛ, удалось выстроить всю цепочку непрерывного обучения иностранным и родным языкам. Она включает сегодня в стенах института такие образовательные программы: «Лингва» (для детей до 10 лет); «Школьник Ин-Яз» (для учащихся 5–9 классов); «Абитуриент Ин-Яз» и «Юный переводчик» (для учащихся 9–11 классов), «Полиглот» (для студентов и взрослого населения). Кроме того, здесь можно получить высшее и второе высшее образование, пройти постдипломную подготовку. А самое замечательное в том, что человек любого возраста в республике при желании овладеет без проблем языком из предложенной палитры. В детстве – это залог будущего успеха, в зрелом возрасте – продление социально-личностной активности. И все-таки лучше начинать раньше. Так говорит большой друг Тамары Ивановны, французский ученый и поэт Жан-Люк Моро: «Как мало надо, чтоб мир сохранить настоящий – это могут сделать и малыши».

В. В. Краснова,
зам. главного редактора газеты «Удмуртский университет»,
член Союза журналистов России

I. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

I. LITERATURE STUDIES

В. А. Аветисян

Удмуртский государственный университет

ГЕТЕВСКАЯ ТЕОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА И КОНЦЕПЦИЯ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЭТА

В статье рассмотрена гетевская теория перевода в ее взаимодействии с концепцией мировой литературы поэта. Важную роль в этом взаимодействии играла немецкая литература как феномен международной культурной коммуникации.

Ключевые слова: гетевская концепция мировой литературы, мировая литература, перевод, немецкая литература, международные литературные связи.

Vladimir Avetisyan

Udmurt State University

GOETHE'S THEORY OF TRANSLATION AND HIS CONCEPTION OF WORLD LITERATURE

The article deals with Goethe's theory of translation in its interaction with his conception of world literature. An important part in this interaction has been played by German literature as phenomenon of international cultural communication.

Keywords: Goethe's conception of world literature, world literature, translation, German literature, international literary contacts.

Статья представляет собой фрагмент труда «Гете и мировой литературный процесс», работа над которым продолжается. В последние годы она была великодушно поддержана профессором Рейнгольдом Вюртом, председателем наблюдательного совета фонда компании «Адольф Вюрт и компаньоны». Ему автор выражает свою искреннюю благодарность.

В беседе с И. П. Эккерманом 31 января 1827 г. Гете замечает: «Я все больше убеждаюсь в том, что поэзия есть общее достояние человечества и что повсюду и во все времена она проявляется в тысячах и тысячах людей... Однако мы, немцы, боясь высунуть нос за пределы того, что нас окружает, неизбежно впадаем ... в педантическую спесь. Поэтому я охотно вглядываюсь в то, что имеется у других наций, и рекомендую каждому делать то же самое. Национальная литература сейчас мало что значит, на очереди эпоха мировой литературы, и каждый должен теперь содействовать скорейшему ее наступлению. Но и при таком высоком признании иноземного мы не должны задерживаться на чем-нибудь выдающемся и почитать его образцом. Не следует думать, что таким образцом является китайская литература, или сербская, или Кальдерон, или «Нибелунги». Испытывая потребность в образцах, мы всегда возвращаемся к древним грекам, ибо в их творениях воссоздан прекрасный человек. Все остальное мы должны рассматривать только исторически, по мере возможности усваивая то положительное, что нам удастся обнаружить» [5. С. 219].

В этом разговоре поэт не только впервые употребляет само понятие мировой литературы, но и излагает некоторые существенные положения своей концепции ее развития; так, например, он ставит вопрос о диалектике национального и интернационального в мировом литературном процессе, о критериях его оценки и т. д.

Перед нами специфически гетевская модификация имевшей широкое распространение в XVIII в. концепции «просвещенного человека», преломленная сквозь призму гетевской

теории мировой литературы. Проблема мировой литературы замыкается у Гете на проблеме человека, причем человека гуманного, просвещенного и – если использовать определение самого поэта – продуктивного. Такой человек выступает как субъект той «всеобщей мировой литературы», которая мыслится поэтом как «эпоха наивысшего синтеза и прогресса» [4. С. 17]. Под этим углом зрения выявляется и специфика трактовки поздним Гете принципа гуманизма как эстетического критерия: он оказывается более широкой и более многомерной категорией, нежели идеал античного искусства с его «благородной простотой и спокойным величием».

За каждым из названных здесь литературных феноменов стоит вполне определенная и весьма важная сфера эстетических исканий Гете-творца понятия мировой литературы. Так, его пристальный интерес к китайской литературе был обусловлен ее вкладом в развитие мировой литературы; в сербском фольклоре Гете видел живой пример формирования народного поэтического творчества, т. е. того этапа истории литературы, через который другие литературы давно прошли; в Кальдероне – художника, выразившего принципы искусства барокко; интерес к «Песне о Нибелунгах» показателен для переоценки средневекового, в частности старонемецкого, искусства, которая не без влияния романтизма происходила в гетевской эстетике.

Постулируя свое понятие мировой литературы, поэт называет те «образцы» ее исторического развития, которые, по его мнению, носят репрезентативный характер; их противопоставление произведениям «древних греков» не несет в себе эстетически негативной оценки. Гете важно оттенить здесь необходимость их «исторического усвоения» в связи с универсальным принципом гуманизма.

Рассматривая развитие мировой литературы как единый процесс, Гете вполне сознавал, что на разных этапах степень его единства не была одинакова, поэт особо выделяет современный ему период эволюции литературы, который он аттестует как собственно мировую литературу. В чем же усматривал Гете признаки ее наступления? На этот вопрос можно ответить со всей определенностью: для поэта «эпоха мировой литературы» (термин Гете) была обусловлена небывалой интенсификацией интернациональных культурных и литературных контактов, наступившей в начале XIX в. Одним из важнейших видов этих контактов являлся для Гете художественный перевод.

Некогда весьма скептически оценивавший его потенции как средства постижения духовной культуры других народов, Гете к середине 1810-х гг. кардинально меняет свои воззрения на функциональную значимость перевода. Показательна уже сама частота его обращений в этот период к проблеме перевода. На специфике прозаического и поэтического вариантов перевода Гете останавливается в 11-й книге «Поэзии и правды», о различных концепциях перевода он говорит в речи памяти Виланда, произнесенной 18 февраля 1813 г. в масонской ложе Веймара. Наконец, в «Примечаниях и заметках» к «Западно-восточному дивану» (1819) он помещает главу «Переводы», в которой очерчивает историческое развитие принципов художественного перевода и предлагает их оригинальную классификацию.

Интерес Гете к проблеме перевода возникает едва ли случайно, представляется, что это один из импульсов движения его эстетической мысли к концепции мировой литературы. В 1820-е гг. разработка поэтом теории перевода идет параллельно с оформлением этой концепции; перевод во все большей степени рассматривается Гете как один из существенных элементов развития мировой литературы.

В письме Томасу Карлейлю от 20 июля 1827 г. поэт подчеркивает: «Он (т. е. переводчик. – В. А.) действует посредником во всеобщем духовном товарообмене, и взаимообогащение народов становится его кровным делом. Ибо, что бы ни говорили о недостатках перевода, он есть и будет одним из важнейших и наиболее достойных средств развития всеобщих международных связей. Коран гласит: «Бог дал каждому народу пророка, вещающего на его собственном языке». Так и каждый переводчик – пророк в своем народе» [3. С. 434]. Огромное значение, которое Гете придавал художественному переводу как

средству взаимообщения литератур и формирования мировой литературы, обрисовано здесь с предельной ясностью.

Высоко оценивает поэт и благородную миссию переводчика как культурного посредника, в этой связи отметим внимание, с которым поздний Гете отнесся к Карлейлю: в его деятельности посредника между английской и немецкой литературами он видел конкретное выражение крепнущих интернациональных духовных связей и подтверждение наступления прокламированной им «эпохи мировой литературы».

Узнав, что появился английский перевод его драмы «Тассо», поэт писал Карлейлю: «Теперь я хотел бы узнать от Вас, что представляет собой этот английский «Тассо». Вы окажете мне огромную услугу, если просветите меня на сей счет; ибо именно связи оригинала с переводом наиболее ясно выражают отношения одной нации к другой, и именно их нужно глубоко изучать и уметь ценить для того, чтобы способствовать приближению всеобщей мировой литературы» [7. S. 222].

Интерес, проявленный Гете к «английскому» «Тассо», вполне понятен: тут перед поэтом был любопытный случай отражения художественного импульса, проходящего через контекст национальных литератур и способствующего их взаимосближению.

С большой похвалой отзывался Гете о деятельности и других культурных посредников: Й. Д. Грися, переведившего с испанского, А. Ф. К. Штрекфуса – переводчика итальянских авторов и пр.; поэт оказывал самую энергичную поддержку всем начинаниям в этой области. Гете и сам много и охотно переводил иностранных авторов: Гомера, Эврипида, римлян, Данте, Шекспира, Вольтера, Байрона, Мандзони и др., всего с семи языков. Тем самым он активно способствовал приближению «эпохи мировой литературы».

«Пророческая» функция переводчика не ограничивалась для Гете сферой национальной культуры: по мысли поэта, «переводчик работает не только для своей нации, но и для той, с языка которой он перевел произведение, ибо чаще, нежели обычно думают, бывает так, что нация, впитав однажды в свою внутреннюю жизнь соки и силы, высосанные из произведения, потом уже не может получить от него ни радости, ни нового питания. Поэтому ...весьма благотворно, когда позднее, благодаря удачному переводу, (ее) собственное достояние вновь обретает новую жизнь» [3. С. 416].

Таким «обретением новой жизни» был для поэта, например, перевод на французский язык «Идей к философии истории человечества» Гердера, осуществленный Э. Кине. «Это произведение, – пишет в своей рецензии Гете, – возникшее пятьдесят лет назад в Германии, оказало чрезвычайно большое влияние на просвещение всей нации; исполнив свое назначение, оно было почти вовсе забыто; теперь ему по достоинству воздается новая почесть – оно сможет оказывать свое воздействие и на другую, в известном отношении столь же высоко образованную нацию, и осуществлять самое гуманное влияние на множество людей, стремящихся к высшему познанию» [1. С. 541].

Гете, пожалуй, первым выдвигает парадоксальную, на первый взгляд, идею об обратной связи оригинала и перевода: перевод открывает новые грани в оригинале. Так, читая во французском переводе первую часть своего «Фауста», Гете приходит к выводу, что «французский язык, придающий всему на свете веселую легкость и отвечающий требованиям разумного понимания, делает ее значительно более ясной и обозримой» [3. С. 413]. А ознакомившись с английским переводом драм Шиллера, он неожиданно обнаруживает в них глубокое, дотоле не замечавшееся им шекспировское начало [3. С. 413].

Теория перевода получает в гетевской концепции несомненное интернационалистическое звучание: перевод, способствуя взаимодействию литератур, содействует и сближению народов. Подобные мысли настойчиво проводились Гете в «Примечаниях и заметках», анализируя в них эволюцию принципов художественного перевода и характеризуя ее «третьей эпохой», поэт писал: «Перевод, который стремится быть идентичным оригиналу, обладает точностью подстрочника и безгранично приближает нас к подлиннику. Нас подводят, даже подталкивают к нему, и, наконец, круг сближения чужого со своим отечественным – замыкается» [2. С. 237]. В этом «сближении чужого с отечественным» Гете

видел выражение живых и постоянно обновляющихся связей, которые он назвал «братскими узами». Поэт одновременно выступал и как едва ли не первый в истории литературы критик художественного перевода.

Своеобразие гетевской теории перевода, являющейся интегральной частью концепции мировой литературы поэта, выявляется при рассмотрении восприятия им отдельных национальных литератур, например немецкой.

В последнем разделе статьи «Le Tasse» (1827) Гете пишет: «Везде говорят и сообщают о поступательном движении человеческого рода, о все новых перспективах развития отношений в мире и между людьми... Я хочу лишь привлечь внимание друзей к тому, что, как я убежден, уже сейчас создается всеобщая мировая литература, в которой нам, немцам, предназначена почетная роль. Все нации оглядываются на нас, хвалят и бранят, принимают и отвергают, подражают и искажают, понимают нас правильно или неправильно, открывают нам или замыкают от нас свои сердца; все это необходимо воспринимать спокойно, хотя это для нас очень много значит» [1. С. 568].

Интересна уже сама история создания статьи, в которой поэт впервые печатно употребляет понятие мировой литературы. Ею он откликнулся на появившиеся во французской прессе рецензии на постановку в Париже драмы А. Дюваля «Тассо», созданной по мотивам одноименной гетевской пьесы, незадолго до того переведенной на французский. Поэт намеренно выбирает рецензии, носящие противоположный характер: в одной из них, опубликованной в «Журналь дю Коммерс», преимущество отдавалось трагедии Дюваля, в другой, напечатанной в журнале «Глоб», подчеркивалось несомненное превосходство произведения немецкого автора. Когда работа Гете появилась в издававшемся им с 1816 г. журнале «Искусство и древность», на нее, в свою очередь, отозвался «Глоб» (оба последних журнала уделяли особое внимание проблеме культурного взаимодействия наций). И это подвигнуло Гете на написание важной теоретической статьи «Внешние связи», начинающейся с замечания о том, «что в нынешнюю стремительную эпоху, при чрезвычайном облегчении всех видов связи, следует вскоре ожидать возникновения всемирной литературы» [1. С. 566].

Тут мы имеем дело с многократно отраженным духовным импульсом, способствующим взаимосближению народов. Причем не только Германии и Франции, но также Италии. Гете выступает здесь в двух ипостасях, неразрывно слитых друг с другом: и как немецкий писатель, реагирующий на рецепцию собственного творчества за границей, и как представитель литературы Германии, откликающийся на факт ее восприятия за рубежом.

Как своеобразное дополнение к цитированному отрывку из статьи «Le Tasse» воспринимается фрагмент письма Гете от 27 января 1827 г. (т. е. за четыре дня до приведенного разговора с Эккерманом), адресованного Штрекфусу, много переводившему с итальянского, а в то время по совету поэта работавшему над переводом трагедии Мандзони «Адельгиз»: «Я убежден, что образуется мировая литература, что все нации склонны к ней и потому охотно движутся ей навстречу. Немцы могут и должны участвовать в ней более других; им в этом великом содружестве предстоит сыграть прекрасную роль» [3. С. 438]. Отметим, что в статье о «французском» «Тассо» речь идет о восприятии литературы Германии за рубежом, а в письме Штрекфусу – о переводах произведений иностранных авторов на немецкий.

Налицо высокая оценка поэтом роли немцев в приближении и формировании наступающей (и уже наступившей) «эпохи мировой литературы», обусловленная как активной рецепцией немецкой словесности в литературах иностранных, так и их интенсивным восприятием в ней. И то, и другое вполне соответствовало реальному положению вещей. Однако объективно для консолидации и эволюции мировой литературы первый процесс был несравненно более эффективен, чем второй. Немецкие авторы и прежде всего сам Гете создали в это время произведения непреходящей художественной ценности, но их «почетная роль» в «эпоху мировой литературы» выявилась лишь тогда, когда ими

заинтересовались другие народы. Критерии оценки духовных достоинств нации вырабатываются в ходе ее общения с другими нациями.

Только сочетание обеих сторон вовлеченности немецкой литературы в контекст «эпохи мировой литературы» обеспечивало ей в глазах Гете статус равноправной участницы этой «эпохи»; вместе с тем, размышляя о бурном развитии переводческого дела в тогдашней Германии (прежде всего благодаря усилиям романтиков), поэт ставит вопрос о превращении немецкого языка в язык-посредник, причем вновь и вновь возвращается к нему, варьируя его в различных тональностях.

В одной из статей о сербском эпосе, которым он интересовался на протяжении многих десятилетий, Гете подчеркивает: «Мы считаем в высшей степени достохвальным, когда другие народы усваивают от нас то, что мы создали своеобразного в своих пределах, однако не меньшее значение имеет и то, когда иноземцы через нас познают произведения других народов. Если нам и впредь удастся достигать таких свободных от аффектации приближений в переводах, то вскоре чужестранцы будут обращаться к нам в поисках товаров, которые трудно получить из первых рук» [1. С. 494].

Для этого, разумеется, им необходимо знать немецкий язык. Обретение им статуса языка-посредника предполагает и его широкое распространение; между тем в данном отношении немецкий уступал как французскому (особенно), так и английскому языкам. Гете в личном и заочном общении с иностранцами, многие из которых сообщали ему о росте интереса в их странах к языку и литературе Германии, останавливается на этой проблеме. Под датой 10 января 1825 г. Эккерман сообщает о его беседе с одним английским офицером. «Ваши молодые соотечественники, – заявляет ему поэт, – поступают правильно, изучая немецкий язык, и не только потому, что наша литература этого заслуживает; нельзя также отрицать, что тот, кто хорошо владеет немецким, может обойтись без многих других языков. О французском я не говорю... его все понимают... и он в большинстве стран заменяет собой дельного переводчика. Что же касается греческого, латыни, итальянского и испанского, то мы имеем возможность читать лучшие произведения этих народов в таких превосходных немецких переводах, что у нас без особых причин не возникает необходимости тратить много времени на кропотливое изучение этих языков. В натуре немцев заложено уважение к чужой культуре и умение приспособливаться к ее различным особенностям. Именно это свойство, заодно с удивительной гибкостью немецкого языка, и делает наши переводы столь точными и совершенными» [5. С. 140].

Но эта «удивительная гибкость» немецкого языка, на которую неоднократно указывал поэт-творец концепции мировой литературы, представляет ли собой нечто имманентное или приобретенное? И то, и другое. «Немецкий язык... легко воспроизводит любые наречия, поступаясь при этом собственным своеобразием, и не боится упреков в необычности или недопустимости тех или иных оборотов; он умеет находить такие слова, словосочетания, словообразования, выражения и прочие средства грамматики и риторики, что если бы они применялись авторами для собственных произведений, то их могли бы упрекнуть в необычайной дерзости, но в переводах они могут быть оправданы стремлением приблизиться к подлиннику. А ведь это не мелочь, когда язык обладает такими достоинствами» [1. С. 493–494].

Перед нами похвальное слово немецкому языку именно как языку переводов. И если переводы способствуют развитию отечественной литературы, то одновременно они обогащают и родной язык.

Некоторые новые аспекты обнаруживает заметка по данной проблематике, оставшаяся в черновиках поэта: «Привлекательность для чужеземцев изучать немецкий; не только из-за достоинств нашей собственной литературы, но и чтобы немецкий язык все более становился посредником, чтобы все литературы объединились. И так мы можем рекомендовать его без высокомерия... Не следует завидовать французскому языку в его разговорной и дипломатической всеобщности; в выше названном смысле немецкий должен постепенно стать мировым языком» [6. С. 288].

Только сейчас ситуация окончательно проясняется. Широкий размах переводческого труда в Германии способствует универсализации немецкого языка как языка-посредника, массово изучаемого иностранцами и превращающегося в мировой язык, что содействует взаимосближению разных национальных литератур и поступательному развитию мировой литературы.

Литература

1. Гете И. В. Об искусстве. М.: Искусство, 1975.
2. Мастерство перевода. М.: Советский писатель, 1968.
3. Мастерство перевода. М.: Советский писатель, 1973. Сб. 9.
4. Неустроев В. П. Гете. Классическая эстетика: путь к синтезу // В. П. Неустроев Литературные очерки и портреты. М.: Московский университет, 1983.
5. Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.: Художественная литература, 1981.
6. Goethes sämtliche Werke. In vier Hauptbänden und einer Folge von Ergänzungsbänden. Hrsg. von Th. Friedrich. Bd. XV. (31. T.). Leipzig: Reclam, 1922.
7. Goethes Werke. Weimarer Ausgabe. Abt. IV. Bd. 43. Weimar: Böhlau, 1908.

Ю. А. Борисенко

Удмуртский государственный университет

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «ИДИОСТИЛЬ» И «ИДИОЛЕКТ»

Проблема индивидуального стиля автора, будучи предметом пристального внимания филологов и литературоведов, получает в настоящее время новое освещение. Ввиду неоднозначности самого термина, в лингвистике параллельно используются понятия «идиостиль» и «идиолект», которые или разграничиваются или признаются тождественными. Такое разнообразие интерпретаций требует установления приемлемых границ функционирования терминов в русле новейших лингвистических исследований.

Ключевые слова: стилистика, индивидуальный стиль автора, идиостиль, идиолект, художественный мир автора.

Yulia Borisenko

Udmurt State University

DIFFERENTIATING THE TERMS: “IDIOSTYLE” AND “IDIOLECT”

The problem of the author's individual style, which has long been studied by linguists and scholars of literature, may be viewed now in a new light. Two rather confusing and polysemantic terms “idiostyle” and “idiolect” are differentiated in some studies and used as synonyms in others. We consider it very important to clarify the notions in view of the latest linguistic research.

Keywords: stylistics, individual style of the author, idiostyle, idiolect, artistic world of the author.

Каждый писатель в своем творчестве пользуется определенной совокупностью художественно-выразительных средств. Безусловно, этот набор может варьироваться в зависимости от жанра произведения, его содержания, а также литературно-художественного метода (модернизм с его «потокосознания», романтизм, импрессионизм и т. д.) и конкретной авторской интенции. Тем не менее, существует некая авторская константа, так называемый индивидуально-авторский язык, на основании которого зачастую устанавливается авторство произведения. По определению Ю. Н. Караулова, современный этап, рассмотрения проблемы, никоим образом не отменяя заповеди «за каждым текстом стоит система языка», позволяет ее расширить, сказав, что за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка [11. С. 27].

Индивидуально-авторский язык вербализирует художественное мышление «в модусе собственно языкового существования» [16. С. 29] и порождает художественный универсум – индивидуальную языковую картину мира. В индивидуальной языковой картине мира (во всех текстах одного автора) можно выделить более частные миры: внешний, соотносимый с отражением окружающих реалий (возможен также и фантастический, мифический мир), и внутренний, преимущественно оценочный, аксиологический. Во внутреннем мире находит выражение «оценка изображаемого мира со стороны писателя, его отношения к действительности, его миропонимания» [3. С. 114]. Внутренний мир, в свою очередь, нередко оказывается расщепленным: в нем представлены мышление, воля и чувства индивида, отнюдь не всегда действующие в унисон.

Было бы неверно утверждать, что аспект личности в языке, или «языковой личности», появился в поле зрения лингвистической науки только в последнее время. Интерес к личности автора в той или иной мере существовал практически на всех этапах изучения художественной речи. Другое дело, что подробное исследование этого аспекта началось достаточно поздно – в эпоху романтизма, когда были созданы более или менее полные описания идиостилей (например, «Сочинения Александра Пушкина» В.Г. Белинского), и сам термин получил определение.

В отечественной лингвистике понятия «индивидуального стиля» и «языковой личности» связывают, прежде всего, с именем В.В. Виноградова, хотя попытки целостного описания творческой языковой личности предпринимались и в трудах Р. О. Якобсона, Ю. Н. Тынянова, М. М. Бахтина, Б. М. Эйхенбаума, В. М. Жирмунского и др.

В современной лингвистической поэтике все чаще предпочтение отдается термину «идиостиль» как более объемному понятию, нежели индивидуально-авторский язык [15. С. 104].

Идиостиль можно достаточно широко определить как совокупность или систему содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям отдельного автора, которая создает уникальность воплощаемого в этих произведениях авторского способа языкового выражения идей и концептов.

Настоящий термин используется как применительно к прозаическим, так и к поэтическим художественным произведениям. Применительно же к текстам нехудожественным в последние десятилетия получил широкое распространение отчасти близкий, но далеко не тождественный термин «дискурс» в одном из его пониманий [19. С. 45].

При всем многообразии подходов к изучению идиостиля писателя: семантико-стилистического, связанного с именами В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, Г. Г. Полищук, Д. М. Поцепни и др., лингвопоэтического, представленного работами М. Л. Гаспарова, В. П. Григорьева, Ю. Н. Караулова, Н. А. Кожевниковой и др., системно-структурного (исследования А. К. Жолковского, С. Т. Золяна, Ю. М. Лотмана, О. Г. Ревзиной, Ю. К. Щеглова и др.), коммуникативного, реализованного в работах Н. С. Болотновой, К. Ф. Седова, И. Я. Чернухиной и др. – отечественную лингвистику всегда отличало пристальное внимание к смысловой стороне художественной речи.

Стремление ученых структурировать «мыслительную реальность» отражалось в категориях смысловой сферы (В. В. Виноградов), оппозиции (Ю. М. Лотман), инвариантной темы (А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов), универсального смысла (И. Я. Чернухина), ассоциативно-смыслового поля (Н. С. Болотнова) и т. п.

Когнитивный подход к исследованию идиостиля с его преимущественным вниманием к ментальной стороне языковых явлений можно рассматривать как развитие теоретических положений В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, А. А. Потемби, Л. В. Щербы.

При таком многообразии подходов и интерпретаций сложно ожидать единства мнений относительно того, что такое идиостиль. Так, еще В. В. Иванов высказывал мнение, что XX в.

характеризуется развитием «семиотических игр», результатом которых становится использование одной творческой личностью нескольких языков [10. С. 43]. Подобный взгляд на идиостиль оспаривался С. И. Гиндиным, утверждавшим, что как бы ни был широк «диапазон речевых перевоплощений» творческой индивидуальности, за ним всегда можно увидеть «структурообразующий стержень творчества», что отмечается исследователем как характерная черта представителей русской поэтической традиции, «дорожащих своей индивидуальностью» [4. С. 128].

Проблема заключается еще и в том, что в лингвистике, наряду с понятием идиостиля, часто используется понятие идиолекта, причем эти термины не всегда разводятся. Так, В. П. Григорьев отмечает, что «всякий идиостиль как факт современной литературы является в то же время и идиолектом» [6. С. 4]. Однако, на наш взгляд, эти понятия требуют разграничения.

Как известно, традиционно индивидуальный стиль рассматривается литературоведами как единство идейно-образной концепции автора и системы художественно-выразительных средств, а лингвистами – как совокупность языковых средств, используемых писателем, для создания желаемого эффекта. Однако, очевидно, что только комплексный подход может обеспечить наиболее полное понимание конкретного произведения и авторского индивидуального стиля в целом.

Думается поэтому, что терминологического разнобоя можно избежать, если выйти за рамки чисто лингвистического подхода к пониманию индивидуального стиля, оставаясь при этом в понятийном поле филологии.

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой мы находим такое определение: «Идиолект – это совокупность индивидуальных (профессиональных, социальных, территориальных, психофизических и др.) особенностей, характеризующих речь данного индивида; индивидуальная разновидность языка» [1. С. 165].

В теории литературы под идиолектом определенного автора понимается вся совокупность созданных им текстов, рассматриваемая в реальной хронологической последовательности (или последовательности, указанной самим автором, если тексты подвергались переработке). Идиостиль же рассматривается как совокупность неких доминант и констант, присущих текстам определенного автора, которые определили появление этих текстов именно в такой последовательности.

Среди многообразия точек зрения на соотношение таких понятий, как поэтический язык, поэтический текст, поэтический идиостиль и идиолект, можно выделить два основных подхода.

Первый состоит в том, что идиолект и идиостиль соотносят между собой как поверхностную и глубинную структуры. Этой точки зрения придерживаются, в частности, А. К. Жолковский и Ю. К. Щеглов. Представленное в поверхностной структуре – идиолекте – множество связанных между собой языковых факторов уходит функциональными корнями в «языковую память» и «генетику лингвистического мышления» автора и, в результате, оказывается сводимым к иерархической системе инвариантов, организующих так называемый «поэтический мир» автора [8. С. 67]. По В. П. Григорьеву, «описание идиостиля должно быть устремлено к выявлению глубинной семантической и категориальной связности его элементов, воплощающих в языке творческий путь поэта, к сущности его явной и неявной рефлексии над языком» [5. С. 114]. Объединяющую все описание характеристику языковой личности поэта Григорьев называет «образом автора идиостиля», по естественной аналогии с идеями В. В. Виноградова и М. М. Бахтина [5. С. 117].

В исследованиях в русле системно-структурной парадигмы противопоставление идиолект / идиостиль рассматривается в аспекте система-структура / система-текст, либо, исходя из противопоставления язык / стиль (идиостиль реконструируется по материалам идиолекта – совокупности языковых форм «индивидуального говорения» [2. С. 29]).

Выразительный языковой комплекс получает системность и функциональное предназначение только в идиостиле. В. В. Виноградов говорил о «системе индивидуально-эстетического использования ... средств словесного выражения», поэтому представляется вполне оправданным придерживаться мнения, что стиль воплощается в речи, в которой «отыскиваются корни индивидуальных особенностей отдельных личностей» [2. С. 27]. Следовательно, можно согласиться с позицией В. В. Леденевой, которая утверждает, что отношение идиолект / идиостиль «правильно оценивать не как отношение язык / стиль, а как частное отношение речь (тексты) / стиль речи (язык художественной литературы)...» [13. С. 37], опирающееся на онтологическое противопоставление – сосуществование языка и речи. При этом соотношение этих понятий трактуется автором как иерархическое: «Идиостиль – это индивидуально устанавливаемая языковой личностью система отношений к разнообразным способам авторепрезентации средствами идиолекта» [13. С. 40].

В целом, исследовательница придерживается традиционного взгляда на идиостиль как на совокупность языковых выразительных средств, присущих конкретному писателю. Она отмечает, что идиостиль обнаруживает себя в результате текстопорождающей и эстетической деятельности языковой личности, поэтому он, прежде всего, отражается в интеграции предпочтительных тем, жанров, средств и приемов, необходимых для построения текста и передачи как информативных, так и эмотивно-экспрессивных компонентов [13. С. 39]. Ключевой при определении идиостиля оказывается для В. В. Леденевой категория предпочтительности, базирующаяся на свойствах прагматикона языковой личности автора.

Вторая тенденция развития научной мысли выражается в предпочтении функционально-доминантного подхода при целостном описании идиостиля. Основы данного подхода были заложены в трудах Ю. Н. Тынянова, а также Л. С. Выготского. В работах С. Т. Золяна, развивающих эти идеи, доминанта понимается как «фактор текста и характеристика стиля, изменяющая обычные функциональные отношения между элементами и единицами текста» [9. С. 24]. По мнению исследователя, идиостиль выступает по отношению к идиолекту как его форма или структура. Это предполагает возможность смены установки, а следовательно, и потенциальную множественность идиостилей, соотносимых с идиолектом в ходе эволюции индивидуальной художественной системы.

Эволюция индивидуально-художественной системы в направлении от поэтического языка к идиолекту и далее к идиостилю связывается представителями этого подхода с понятием доминанты как конструктивного принципа, изменяющего обычные системные отношения элементов поэтического языка [18. С. 149].

При всем многообразии суждений все исследователи сходятся на признании иерархических отношений между понятиями идиостиля и идиолекта, при подчиненной роли последнего. Идиостиль в большинстве подходов предстает как более широкое понятие.

Однако изучение проблемы «литературного билингвизма» (поэзии и прозы одного автора, например, Б. Пастернака, О. Мандельштама, М. Цветаевой и др.), а также феномена «авторского перевода» (например, с русского языка на английский и с английского на русский у В. Набокова) говорит о необходимости построения более общей модели идиостиля. Это связано с тем, что «языковая личность» должна рассматриваться во всем многообразии ее проявлений, когда «функциональные области» действия доминант не обозначены и принципиально не могут быть обозначены.

Так, стихи и проза одного автора образуют единое языковое пространство, грани между отдельными сферами которого, по определению В.В. Виноградова, «не привносятся извне, а понимаются из единства, как созидающие его внутренние формы» [3. С. 46].

Правила же перехода от одной формы выражения к другой определены законами той же глубинной семантической связности, в которой «проявляется сущность рефлексии поэта над языком» [7. С. 509]. Эти законы глубинной связности и требуют выделения таких

инвариантных семантических единиц, которые бы отражали метаязыковой характер творческого мышления и были бы организованы в некоторую единую обратимую систему зависимостей, делающую возможным органичный переход от формы к содержанию и от содержания к форме.

В связи с этим кратко рассмотрим еще одно понятие, близкое, на наш взгляд, к понятию идиостиля. Речь идет о художественном мире автора. В общепринятом понимании, художественный мир – это некий индивидуально-авторский универсум, связанный с социофизическим миром, но и отличающийся от него. Это художественная (окказиональная) реальность, свойственная тексту (системе текстов) автора.

С семиотической точки зрения, художественный мир есть вторичный язык особого рода, который «моделирует универсум в его наиболее общих категориях» [14. С. 30]. Это кодифицированное ядро индивидуально-авторского художественного творчества, общий язык автора и читателя, без которого невозможно понимание. Художественный мир выступает посредником между естественным языком и произведением, либо между более общими языками (литературного направления, эпохи, жанра) и произведением. Для всех «малых» жанров он выводим только из суммы большого числа авторских текстов. Поэтому изучение художественного мира требует представить ряд отдельных текстов как единый текст.

Это, по Ю. М. Лотману, позволяет индуктивно вывести из произведений одного автора (направления, времени и т.д.) общие компоненты, которые составят художественный язык. Но одновременно они составят «структурное *описание* языка данной группы текстов», т. е. возьмут на себя роль их метаязыка: «текст высшего уровня будет выступать по отношению к текстам низшего уровня как язык описания» [14. С. 30].

Очевидно, что исследование художественного мира должно вестись на грани текста и метатекста. По Н. А. Фатеевой, в творчестве определенного автора выделяются тексты, между которыми устанавливаются «отношения семантической эквивалентности» по разным текстовым параметрам: структуре ситуации, подобию тропеической, звуковой и ритмико-синтаксической организации, единству концепции и композиционных принципов» [20. С. 38]. Такого рода отношения, по аналогии с интертекстуальностью, исследовательница называет автоинтертекстуальностью. Она отмечает, что обычно среди некоторого количества текстов находится один, который выступает в роли метатекста (сопрягающего, разъясняющего текста), или автоинтертекста по отношению к остальным.

Итак, если принять эту точку зрения, становится очевидным наличие метатекста как некоего «инвариантного кода смыслопорождения», который вовлекает в единый трансформационный комплекс как единицы тематического и композиционного уровня, так и тропеические и грамматические средства, определяющие смысловое развертывание текста, превращая их в категории и объекты мета-уровня, важнейшими из которых являются метатроп и метасюжет [20. С. 48].

В этой связи есть все основания утверждать, что именно этот код и задает организацию различных типов семантической информации в текстах. Он включает в себя семантические комплексы, которые обладают неоднородной структурой и непосредственно коррелируют с эпизодической, семантической и вербальной памятью языковой личности. Эти личностные (инвариантные) семантические комплексы Н. А. Фатеева называет метатропами, представляющими собой некий образец, лежащий в сознании автора, в метатексте и участвующий в порождении метафоры на уровне текста [20. С. 39].

Следовательно, на основании всего вышесказанного, представляется справедливым определить идиолект как совокупность текстов, порожденных в определенной хронологической последовательности в соответствии с единой развивающейся во времени системой метатропов данного автора.

Идиостиль, соответственно, определяется как структура зависимостей, в своем развитии обнаруживающая индивидуальный код выражения языковой личности, который во многом задан генетически и зависит от способа мышления рассматриваемой личности. Помимо индивидуально-личностных факторов (темперамент, тип мышления, мировоззрение, биография, идеологические установки и т. д.) идиостиль формируется под влиянием множества факторов как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Такой код включает в себя набор ситуаций, связанных с эпизодической и семантической памятью индивида, и подвергшихся личностной интерпретации; систему убеждений и концептуальных установок автора, как меняющуюся, так и не меняющуюся во времени; систему композиционных предпочтений и совокупность лингвистических средств в их комбинаторике.

Литература

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
2. *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М.: Высш. шк., 1959.
3. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Наука, 1963.
4. *Гиндин С. И.* Советская лингвистика текста. М.: Учпедгиз, 1975.
5. *Григорьев В. П.* К спорам о слове в художественной речи // Слово в русской советской поэзии. М.: Наука, 1975. С. 5–75.
6. *Григорьев В. П.* Грамматика идиостиля. М.: Наука, 1983.
7. *Григорьев В. П.* Словотворчество // Русский язык. Энциклопедия. М.: Просвещение, 1998.
8. *Жолковский А. К., Щеглов Ю. К.* Идиолект // Филологические науки. 2003. № 7. С. 39–41.
9. *Золян С. Т.* Семантика и структура поэтического текста. Ереван: Изд-во ЕрГУ, 1991.
10. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Правда, 1965.
11. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
12. *Караулов Ю. Н.* Языковая личность // Русский язык. Энциклопедия. М.: Просвещение, 1998. С. 671–672.
13. *Леденева В. В.* Идиостиль // Филологические науки. 2001. № 5. С. 36–41.
14. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб., 1998. С. 14–285.
15. *Новиков Л. А., Преображенский С. Ю.* Грамматический аспект описания идиостилей: синтаксическая доминанта // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. М.: Высш. шк., 1990. С. 56–68.
16. *Перслегин С. Б.* Социопиктографический анализ. М.: Corvus, 2009.
17. *Ревзина О. Г.* Методы анализа художественного текста. М.: Текста, 1999.
18. *Северская О. И., Преображенский С. Ю.* Функционально-доминантная модель эволюции индивидуальных художественных систем: от идиолекта к идиостилю // Поэтика и стилистика: 1988–1990. М.: Высш. шк., 1991. С. 146–156.
19. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М.: Интрада – ИНИОН, 1996.
20. *Фатеева Н. А.* Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000.

В. М. Ванюшев

Удмуртский институт истории, языка и литературы

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА КАК АКТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ВОСПИТАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Весть о том, что ЮНЕСКО отнесла удмуртский язык к числу исчезающих, заставила задуматься и органы власти Удмуртской Республики, и общественность. Осенью 2009 г. принята уже вторая Республиканская программа по реализации Закона УР «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики», рассчитанная на 2010–2014 гг. В данной статье рассматривается глубинная значимость истории, фольклора и литературы народа в определении своей национальной идентичности. Начиная с творчества первых удмуртских писателей, классиков национальной литературы – Г. Верещагина, К. Герда, Кедра Митрея и завершая возродившейся «эрой эпосов» в начале XXI в., прослеживается путь художественного осмысления исторических корней народа в соответствии с проблемами современности.

Ключевые слова: история, фольклор, этнография, литература, роман, повесть, поэма, преподавание в школе и в вузе.

Vasilii Vanyushev

Udmurt Institute of History, Language and Literature

HISTORY, ETHNOGRAGHY, FOLKLORE AND LITERATURE AS ACTIVE COMPONENTS OF NATIONAL SELF-IDENTIFICATION FORMATION

The news of UNESCO' listing the Udmurt language among endangered languages made local authorities of the Udmurt Republic and the public at large think more of its status. In autumn 2009 the second Republican Programme for realization of Udmurt Republic Act "On Udmurt Republic state languages and other languages spoken in Udmurtia," was worked out for the years 2010 – 2014. The present paper considers the essential role of history, folklore and literature in a nationality self-identification. Artistic perception of national historical roots of the Udmurt people may be traced in the works of the first Udmurt writers, the classics of national literature – G. Vereshchagin, K. Gerd, Kedra Mitrei and in the "revived era of the epos" in the early XXI-st century.

Keywords: history, folklore, ethnography, literature, novel, tale, poem, school and University teaching.

Григорий Егорович Верещагин (1851–1930), Кузубай Герд (1898–1937), Кедра Митрей (1892–1949)... Этими великими именами удмуртской литературы хочется начать знакомство читателя с истоками поэмы «Удмурт Выжы книга» = «Как будто Книга бытия» [2], преподносимой автором сегодняшнему юбиляру. Основоположники удмуртской литературы, все трое они были и учеными. Иначе быть не могло. В истории мировой словесности каждая национальная литература, как плод, зародившийся в утробе матери, начинает чувствовать себя внутри мифа, синкретически соединяющего элементы и науки, и искусства. Отделяются эти два типа познания действительности от матери-мифа, «вооружившись» каждый своим способом мировидения. Один из них познает мир с помощью обобщений, освободившись от подробностей, деталей, другой – с помощью именно этих деталей и подробностей. Тем не менее их кровное родство, то, что они – близнецы-братья, обнаруживается еще на протяжении продолжительного времени истории национальной культуры.

В сочинениях первого удмуртского ученого и писателя Григория Верещагина на первом месте оказались стремления отобразить реалии жизни рациональными способами, особенно на ранних этапах его творчества. Еще в XIX в. его монографические труды «Вотяки Сосновского края» (1886) [6] и «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» (1889) [7] знакомили с этнографией удмуртов не только российских, но и зарубежных читателей. Правда, наши исследования последних лет убедили, что в этих и других работах Верещагина-этнографа «прорастала» уже и молодая поросль удмуртской художественной

литературы. Повествователь не только сообщает факты и делает на их основе свои выводы, как это бывает в научных трудах, но и рисует обстоятельства, в которых они происходят, с помощью множества деталей (описаний предметного мира, внешности и поведения людей и т. п.) выражая свое отношение к изображаемому. А это, как известно, уже качества словесного искусства – художественной литературы. Не случайно, как оказалось, их автор в те годы создавал произведения с ориентацией на художественные обобщения, например поэмы-сказки «Зарни чорыг» («Золотая рыбка») – на основе «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, «Батыр дйсь» («Богатырская одежда») – на основе русских народных сказок. В последующие годы, наряду с этнографическими, фольклористическими и лингвистическими трудами, им создано немало художественных произведений. В Собрании сочинений Г. Е. Верещагина, выпущенном Удмуртским институтом истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук в 1995–2006 гг., одна из десяти книг [8] целиком состоит из произведений художественных жанров – стихотворений, поэм, рассказов, очерков, пьес и повести «Вуж мыж» («Ранее обещанная жертва»), наиболее ярко демонстрирующей синкретичность всего творчества Г. Е. Верещагина. Если в этнографических трудах явно обнаруживалось перо художника, то в произведениях, созданных художественным способом, с такой же силой выявляется взгляд на окружающий мир глазами этнографа.

Второй из названных выше классиков удмуртской литературы, Кузубай Герд, стал известен, прежде всего, своими стихотворениями и поэмами. Книги стихов «Крезьчи» («Гусляр», 1922) [9], «Сяськаяськись музьем» («Цветущая земля», 1927) [10] и «Лёгетъёс» («Ступени», 1931) [11] и опубликованные в Москве в собственных переводах на русский язык поэтические произведения вывели его в первые ряды молодой советской литературы не только Урало-Поволжского региона, но и среди авторов многонационального художественного слова Страны Советов. Еще в юности он стал собирать сведения об истории удмуртов, фиксировать народные традиции и обычаи, песни и сказания. В 1920-е гг. он стал горячим продолжателем благородного дела, что начал Г. Е. Верещагин. В 1932 г. Герд был репрессирован, а в 1937 г. – уничтожен сталинской диктатурой. Многие его труды, как научные, так и художественные, до сих пор не найдены. Возможно, что-то и уничтожено карательными органами. Особо следует сказать об этнографической монографии «Человек и его рождение» (У восточных финнов) [13. С. 221–317]. Высланная им самим в 1929 г. в Финляндию рукопись обнаружена в конце XX в. Через толщу лет она пробилась к читателям. В 1990 г. в переводе на удмуртский язык работа увидела свет в журнале Союза писателей Удмуртии «Кенеш», а в 1993 г. издана в Финляндии отдельной книгой в оригинале, т. е. на русском языке. В ней автор прослеживает общее и особенное в развитии традиций, связанных с материнством, с подготовкой женщины к рождению ребенка, воспитанию детей, в обрядах и поверьях удмуртов, коми, мордвы и марийцев. В поэтических произведениях Герда широко дышат как обновляющаяся после революции жизнь удмуртов, так и стремление осмыслить их историческое прошлое, протянуть крепкую нить между добрыми традициями прошлого и настоящим (см., напр.: *Мынам кырзъанъёсы* (Песни мои); *Мынам пересе* (Старушка моя); *Керемет*; *Шайтан уллян* (Изгнание шайтанов); *Зарни шунды жужалоз* (Золотое солнце взойдет; Завод и др.) [13. С. 13–14; 100–101; 94–95; 64; 159–171].

Несколько на иной стадии взаимосвязей истории, этнографии и фольклора, с одной стороны, и художественной литературы с – другой, оказалось творчество Кедр Митрея. Еще будучи учащимся Казанской русско-инородческой учительской семинарии, сопровождая приехавшего из Финляндии ученого Уно Хольмберга, в 1910 г. Дмитрий Корепанов, взявший впоследствии литературный псевдоним Кедр Митрей, приезжал в село Бураново (Брангурт) Сарапульского уезда Вятской губернии к служившему там в церкви священником Г. Е. Верещагину. По собственному признанию Кедр Митрея, после беседы с первым удмуртским ученым и писателем у семинариста зародился замысел написать драматическую трилогию, основанную на историко-мифологическом материале об удмуртах, который нашел впоследствии воплощение в трагедиях «Эш-Тэрек» (1915), «Идна-батыр» (1926) и поэме

«Юбер-батыр» (1928). Однако более заметное место в истории удмуртской литературы занял его роман «Секты зйбет» («Тяжкое иго», 1929) [14] о социальных и психологических противоречиях в удмуртской деревне XVIII в. времен начала активной христианизации этноса. Это был первый роман в истории удмуртской литературы. Хотя в нем еще сильно давал знать о себе романтический пафос народного эпоса, нельзя не заметить стремления автора найти новые подходы к художественному отображению прошлого, которые впоследствии были сформулированы как требования метода социалистического реализма.

С опорой на исторические события написаны романы «Гаян» (1936) [15] Михаилом Коноваловым об участии удмуртского народа в восстании под руководством Емельяна Пугачева и «Вуж Мултан» («Старый Мултан», 1954) [18] Михаилом Петровым о попытках судебно-следственных властей российского самодержавия клеветнически обвинить удмуртов в ритуальном человеческом жертвоприношении в конце XIX в. и борьбе против них демократических сил общества, созданные также в русле социалистического реализма с заметными следами романтизма.

Стремление отказаться от нормативных требований социалистического реализма в удмуртской литературе четко обнаружилось в 1990-е гг. Наметились различные направления поисков. Одно из них было названо этнофутуризмом, метафорически представленным в виде птицы о двух крылах, одно из которых – стремление художника отображать историческую память этноса, другое – следование требованиям европейского постмодернизма. Однако если первая часть этих противоположно направленных устремлений была воспринята читателями и критикой доброжелательно, то по поводу постмодернизма возникли недоумения. Созданные «по законам» постмодернизма произведения (напр., роман-бред «Повествования, украденные у рыбы» Сергея Матвеева, 2005) [16] получили резко отрицательные отзывы [3; 4. С. 93–99; 20; 24]. Иначе восприняты те, в которых на основе национальной мифологии в романтических тонах воссозданы картины прошлого в восприятии современного повествователя (напр., «Донды-богатырь, его сыновья и Уйпери» Анатолия Перевозчикова [17], «Тангыра» Михаила Атаманова-Эграпи [1; 5]). К числу таких произведений отнесена и поэма «Удмурт Выжы книга. (Иднакарын)» = «Как будто Книга бытия (На Иднакаре)» [19. С. 122–130]. Древность и день сегодняшний, фольклорно-этнографический взгляд на мир и современное литературно-художественное восприятие бытия сочетаются в ней.

Можно сказать, что поэтика произведения покоится на двуединой основе. Изображенный в нем мир вызван в авторском воображении значительными достижениями науки о прошлом (особенно археологии) в Удмуртии в последние десятилетия. Не случаен и уточняющий подзаголовок «На Иднакаре». Иднакар – название древней крепости-протогорода удмуртов IX–XIII вв., периода наивысшего расцвета их древней культуры. Во время раскопок археологов последних лет под руководством профессора М. Г. Ивановой собрана уникальная коллекция удивительных вещей. Диалог современного человека с этими вещами, а через них – с их создателями и обладателями является сутью содержания данной поэмы.

Другой составной частью идейно-эмоционального содержания поэмы является пафос поисков эпических корней истории и культуры народов, стремление вернуть в самосознание народов глубинные основы их общемирового духовного богатства, обнаруживающиеся во второй половине и особенно – к концу XX в. у ряда финно-угорских народов России (напр., «Сияжар», «Масторава» – у мордвы, «Югорно» – у марийцев, перевод с русского на родной язык «Биармии» – у коми).

В конце XIX – начале XX в. ученые-краеведы записали в народе и опубликовали отдельные сюжеты, относящиеся к удмуртскому народному эпосу. На их основе в первую четверть XX в. Кузубай Герд и русский историк, этнограф Михаил Худяков (1892–1936) по примеру «Калевалы» Элиаса Лённрота одновременно взялись за создание единого текста удмуртского эпоса. Эпическое полотно, созданное Гердом, до сих пор не найдено. Незавершенный, черновой вариант рукописи «Из народного эпоса вотяков. Песни, сказания» М. Худякова в 1960-е гг. обнаружен в архиве публичной библиотеки им. Салтыкова-

Щедрина в Ленинграде. Удмуртский фольклорист и поэт Даниил Яшин, проведя большую текстологическую работу, подготовил и осуществил первую, можно сказать, пробную публикацию эпоса Худякова в малотиражном сборнике научных статей [21]. Автор данных строк продолжил эдиционно-текстологическую работу Д. Яшина, перевел текст М. Худякова на удмуртский язык – язык народа, создавшего территориально вариативные эпические сюжеты, и издал в виде отдельной книги «Дорвыжы» (2004) [22], а затем с обстоятельным предисловием, комментариями (вместе с яшинскими вариантами) – на удмуртском и русском языках [23]. Работа над подготовкой этих изданий также значительно помогла созреванию окончательного варианта поэмы «Удмурт Выжы книга (Иднакарын)».

Верится, что весь этот блок изданий этнографических трудов, художественных произведений, как и многое другое, не названное здесь, найдет достойное применение в учебных программах школ и высших учебных заведений. Это особенно важно сейчас, когда некоторые международные культурные центры относят удмуртский язык, а следовательно, и этнос, к числу уже исчезающих. Если не принять решительных мер, так, по-видимому, и произойдет. Память о своих историко-культурных корнях и приверженность к ним – надежный способ для спасения малочисленных народов в условиях прогрессирующей всеобщей глобализации. Исчезновение даже одного вида цветка – непоправимая потеря для многообразия живого мира. А если это не цветок, а целые народы?

Литература

1. *Атаманов М. Г.* Тангыра: кузьмадѣс (Тангыра: эпос) / Эграпи Гавир Микаль. Ижкар: Удмуртия, 2008.
2. *Ванюшев В. М.* Удмурт Выжы книга (Иднакарын) = Как будто Книга бытия (На Иднакаре): Поэма / Василий Ванюшев; Перев. на рус. яз. А. И. Демьянова. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006.
3. *Ванюшев В. М.* Яратйсько, пе, адямиосты серем карыны... (Люблю, дескать, над людьми поиздеваться... / Василий Ванюшев // Кенеш. 2008. № 3.
4. *Ванюшев В. М.* Вторсырьѣ с Запада как «абсолютно новое» для Удмуртии / В. М. Ванюшев // Литература Урала: история и современность: Сб. ст. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008.
5. *Ванюшев В. М.* Тангыра ѳте, кырѣа, бѳрдѣ... / Василий Ванюшев // Кенеш. 2009. № 10.
6. *Верещагин Г. Е.* Собр. соч.: В 6 т. / Г. Е. Верещагин; Отв. за вып. Г. А. Никитина; УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1995. Т. 1: Вотяки Сосновского края. Серия «Памятники культуры».
7. *Верещагин Г. Е.* Собр. соч.: В 6 т. / Г. Е. Верещагин; Под ред. В. М. Ванюшева; Отв. за вып. Л. С. Христолюбова; УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1996. Т. 2: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. Серия «Памятники культуры».
8. *Верещагин Г. Е.* Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 5: Литературные сочинения; Отв. за вып. В. М. Ванюшев, Т. С. Зыкина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. Серия «Памятники культуры».
9. *Герд К. П.* Крезьыи = Гусляр: Сб. стихотворений на вотяц. яз. – Ижевск, 1922.
10. *Герд К. П.* Сясыкасыкись музъем: куиньметй кылбур книга (Цветущая земля: третья книга стихов) / Кузубай Герд; Изд. Каб. Востоковедения Казан. вост. пединститута. Кузон, 1927. – Удм.
11. *Герд К. П.* Лѳгетъѳс: кыктѳтй кылбур книга (Ступени: вторая книга стихов) 1922–1930 / Кузубай Герд. – Ижкар: Удкнига, 1931.
12. *Герд К. П.* Люкам сочинениос: 6 томен. 1-тй т.: кылбуръѳс, поѳмаос / люказ, азыкыл гожтйз но валѳктонъѳс сѳтйз Ф. К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 2001.
13. *Герд К. П.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4: Стихотворения, поэмы, переводы, статьи, научные работы, письма / Сост., авт. предисл., коммент. Ф. К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 2004.
14. *Кедра Митрей.* Секыт зйбет: роман. Ижевск, 1929; Тяжкое иго: Роман: Перев. автора. М.: ГИХЛ, 1932.
15. *Коновалов М. А.* Гаян: Роман. Ижевск, 1936; Гаян: Роман: Перев. А. Никитина. Ижевск, 1967.
16. *Матвеев С. В.* Чорыглѳсь лушкам кылбуранъѳс: Роман-уйбыртон (Повествования, украденные у рыбы). Ижевск: Удмуртия, 2005.

17. *Перевозчиков А. А.* Донды батыр, солэн пиосыз но Уйпери сярысь кузьмдес-кырзан (Сказание-песня о Донды батыре, его сыновьях и Уйпери). Ижевск: Удмуртия, 2006.
18. *Петров М. П.* Вуж Мултан: Роман. Ижевск, 1954; Старый Мултан: Роман: Пер. автора и А. Дмитриевой. М.: Сов. писатель, 1955.
19. *Тамаркина Э. А., Шушакова Г. Н., Волкова Т. Г.* Дыхание веков (К 70-летию В. М. Ванюшева // Финно-угроведение. 2006. № 1. С. 122–130.
20. *Ушаков Г. А.* Дэриен саптаськемын (Измазано грязью) // Кенеш. 2008. № 3. 100–101-тй б.
21. *Худяков М. Г.* Песнь об удмуртских батырах. (Из народного эпоса удмуртов. Песни, сказания...) / Ред. Д. А. Яшина // Проблемы эпических традиций удмуртского фольклора и литературы: сб. ст. / М. Г. Худяков; отв. ред. Т. Г. Перевозчикова; НИИ при СМ УАССР. Ижевск, 1986. С. 87–135.
22. *Худяков М. Г.* Дорвыжы: удмурт батырлыко эпос (Дорвыжы: удмуртский богатырский эпос) / Ёуч кылысь эркын берыктйз Воръявай Василей (В. М. Ванюшев). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004.
23. *Худяков М. Г.* Дорвыжы: удмурт батырлыко эпос = Дорвыжы: удмуртский героический эпос / Ред. и коммент. В. М. Ванюшева и Д. А. Яшина; Сост., предисл., перев. на удм. яз. В. М. Ванюшева. Ижевск: Удмуртия, 2008.
24. *Шкляев А. Г.* Кин но кыче со – адыми шуон? (Кто и какой он – так называемый человек?) // Кенеш. 2008. № 3. 102–104-тй б.

Н. В. Володина

Череповецкий государственный университет

ВООБРАЖАЕМОЕ ПРОСТРАНСТВО

(на материале русской прозы классического периода)

Особым сегментом художественного пространства произведения является ментальное пространство, существующее в сознании героя. Его параметры, смысловая нагруженность, функционирование оказываются существенно иными, чем в литературном хронотопе всего текста. Оно становится отражением «отражения» (условно «реального» пространства), раздвигает границы происходящего и создает еще одно измерение бытия.

Ключевые слова: воображаемое пространство, ментальные карты, пространство и время, условная реальность, точка зрения.

Natalia Volodina

Cherepovets State University

THE IMAGINARY SPACE

(on materials of the Russian prose of the classical period)

Mental space, which exists in a character's mind, is a special segment of artistic space in a work of literature. Its parameters, semantic loading and function are essentially different from the literary chronotop of the whole text. It becomes the reflection of "reflection" (of a relatively "real" space), broadens the borders of what is happening and creates one more measurement of human existence.

Keywords: imaginary space, mental maps, space and time, relative reality, point of view.

Среди многочисленных видов художественного пространства эпического произведения особое положение занимает пространство, существующее в воображении героя. Возникновение такого пространства связано с определенными познавательными способностями человека (которыми наделен также литературный персонаж), прежде всего его возможностью представить некую картину, создать образ, имеющий пространственную структуру.

Этот образ, отталкиваясь от действительности, в то же время не совпадает с реальностью, существует в виде, как говорят психологи, когнитивных (ментальных) карт. «Воображение не

повторяет в тех же сочетаниях и тех же формах отдельные впечатления, которые накоплены прежде, а строит какие-то новые ряды из прежде накопленных впечатлений» [10. С. 30], – пишет Л. С. Выготский. Специфика воображаемого пространства в литературе связана с тем, что оно отражает условную реальность – сотворенную автором, и сам процесс воображения смоделирован им. Характерно в этом смысле признание лирического героя Лермонтова:

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья [8. С. 34].

Созданная поэтом традиционная романтическая оппозиция может рассматриваться и как пример структуры некоего универсального воображаемого пространства, обозначенного категорией бесконечного – «мир» – и наполненного образами каких-то существ, предметов и явлений, связанных, в том числе, линейными отношениями. Способы введения воображаемого пространства в текст – это воспоминания, сны или мечты героя, поэтому характер такого пространства мотивирован, детерминирован особенностями личности персонажа и конкретной сюжетной ситуацией, носит индивидуальный характер. В любом случае (исключая жанр фантастики) оно строится по аналогии с чем-то знакомым.

Масштабы такого литературного пространства различны. Оно может не иметь ясных очертаний, границ и содержания, и объем его тогда почти безграничен. Склонность к созданию подобных пространственных образов в русской литературе объясняется также некоторыми особенностями национальной ментальности. «Традиционное русское видение мира, – пишет В. Щукин, – по преимуществу пространственно, более того, – географично» [15. С. 170]. Не случайно образ большого, открытого пространства, переходящего в бесконечность, может возникнуть и в сознании «маленького человека», как, например, титулярного советника Поприщина в повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего». В эпилоге повести, уже находясь в лечебнице для душевнобольных, он делает в своем дневнике следующую запись: «Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтесь, кони, и несите меня с этого света! Далее, далее, чтобы не видно было ничего, ничего. Вон небо клубится передо мною; звездочка сверкает вдали; лес несется с темными деревьями и месяцем; сизый туман стелется под ногами; струна звенит в тумане; с одной стороны, море, с другой – Италия; вон и русские избы виднеются. Дом ли то мой синее вдали? Мать ли моя сидит под окном? Матушка, спаси твоего бедного сына!» [2. С. 204]. Описание этого пространства предельно динамично и подчинено движению тройки лошадей – этот образ имеет у Гоголя, как известно, повышенное семантическое значение. Человек находится в центре этого воображаемого пространства, как в центре мироздания, поэтому небо клубится не над ним, а перед ним, а туман стелется у него под ногами. Он видит все панорамным зрением, ибо оно одновременно включает в себя Италию и Россию. Вместе с тем, пространственная точка зрения конкретна, в конечном итоге оказываясь сфокусированной на отеческом доме. Возникает почти оптический эффект стремительного превращения точечного пространства в образ, поданный крупным планом.

Повод для возникновения столь масштабного образа должен быть самый серьезный и значительный. В данном случае это душевная болезнь героя, на фоне которой минутное прозрение и отчаяние Поприщина открывают перед ним безграничные просторы и способность мысленным зрением проникнуть сквозь них, увидев родной дом. Это пространство структурно напоминает образ, возникающий в авторском отступлении в 11 главе поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»: «Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприятно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, венчаные дерзкими дивами искусства, города с многооконными высокими дворцами, вросшими в утесы, картинные деревья и плющи, вросшие в дома, в шуме и в вечной пыли водопадов; не опрокинется назад голова посмотреть на громоздящиеся без конца над нею и в вышине каменные глыбы; не блеснут сквозь наброшенные одна на другую арки, опутанные виноградными сучьями, плющами и несметными миллионами диких роз, не блеснут сквозь них вдали вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные

ясные небеса. Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? ... И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца?» [3. С. 258–259].

Это описание построено на контрастном сопоставлении пространственного образа России и европейской страны, скорее всего, Италии; сопоставлении, которое в «Записках сумасшедшего» присутствует в свернутом виде. Первая часть этого описания возникает через отрицание – отсутствие в «русском пространстве» тех характерных примет, которые свойственны миру европейской южной страны, экзотической для русского сознания. В этом описании контрастно противопоставлены друг другу вертикальное и горизонтальное пространство, пустынное и наполненное, скромно-непритязательное и причудливо-яркое. Говоря об особом облике русской земли, Гоголь использует концепт «пространство», причем дополняет, усиливает его однокоренным словом «простор» и семантически близким определением «беспредельная», относящимся к мысли. В итоге возникает пространственная мотивировка самого образа мышления, национальной ментальности («здесь ли не родиться беспредельной мысли») и ощущение себя частью бесконечной вселенной, для Гоголя – божественного мироздания. Так пространственный образ русской земли приобретает сакральный характер, трансформируется в образ временной, передающий бесконечность человеческого бытия в его духовной ипостаси. «Тема пространственной беспредельности, – как отмечают современные исследователи, – один из структурных элементов русской культуры» [7. С. 65]. Она стала константной характеристикой русского национального характера, перейдя даже в разряд стереотипов, что не отменяет в то же время ее архетипического значения.

Воображаемое пространство может оказаться необходимо герою в его внутреннем самоопределении, своего рода самоидентификации. В таких случаях неизбежно возникает философская семантизация пространства, как, например, в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети». Одно из самых откровенных признаний, которое делает главный герой романа Евгений Базаров, происходит во время его разговора с Аркадием у стога сена. Базаров говорит о сомнениях, запрятанных где-то в глубине его души: «А я думаю: я вот лежу здесь под стогом... Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет; и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет...» [11. С. 119]. Внутреннее самоопределение героя осуществляется здесь через сопоставление его внешнего положения с окружающим его миром. Здесь возникает ситуация, описанная М. М. Бахтиным, когда «чрезвычайно важным является место, которое занимает тело как ценность в единственном конкретном мире по отношению к субъекту» [1. С. 44]. Пространство вновь, как и у Гоголя, оказывается сопряжено в этом рассуждении со временем; и мысль об их бесконечности (на фоне точечного пространства, с которым соединяет себя герой) рождает в душе Базарова скепсис, почти отчаяние от невозможности как-то соприкоснуться с этой вечностью, ибо она лишена для него сакрального смысла. Это мир «без меня», та самая «равнодушная природа», о которой Тургенев напомним в конце романа пушкинской цитатой. Мироздание является для Базарова профанным пространством, и потому собственное место в нем (и собственная личность) неизбежно оказываются предельно «малой величиной».

Воображаемое пространство может иметь и локальный характер – конкретного места, куда герой, как правило, мечтает уехать. Чаще всего это место уже знакомо ему, например, как трем сестрам из драмы А. П. Чехова, которые верят, что наконец-то вернуться в Москву. Наоборот, из Москвы в деревню стремится Ванька Жуков, герой знаменитого чеховского рассказа. Надпись, сделанная им на конверте, стала прецедентным текстом: «На деревню дедушке». Безадресность этого послания, вызванная детской наивностью и неопытностью, оборачивается предельной обобщенностью; а деревня, из которой приехал Ванька, становится олицетворением

безграничного пространства множества безымянных русских деревень. Вместе с тем, в сознании маленького мальчика она существует как очень конкретный образ знакомого и родного ему мира. Сам процесс письма перемежается воспоминаниями Ваньки: он «живо вообразил себе» [13. С. 478], «он вспомнил» [13. С. 480].

Главный герой его воспоминаний, конечно, дед; но Ванька представляет и само «пространство», в котором протекала их жизнь, естественно, наполненное какими-то запомнившимися ему реалиями. Он ничего не придумывает, ибо слишком дорожит тем, что осталось в этом далеком сейчас от Ваньки мире. Память восстанавливает его по конкретным деталям. Представляя господский дом, где была горничной покойная мать Ваньки, а теперь служит сторожем дед, он видит ворота, у которых стоит дед, вспоминает освещенные окна деревенской церкви. Но Ванька воспринимает эту картину и «панорамным зрением», охватывая взглядом всю деревню. Она становится для мальчика словно бы центром мироздания, ибо в его воображении она рисуется на фоне бесконечного ночного неба: «А погода великолепная. Воздух тих, прозрачен и свеж. Ночь темна, но видно всю деревню с ее белыми крышами и струйками дыма, идущими из труб, деревья, посребренные инеем, сугробы. Все небо усыпано весело мигающими звездами, и Млечный путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потеряли снегом...» [13. С. 479]. Ванька представляет также лес, куда они с дедом ходили за елкой для господского дома, тем более что он пишет свое письмо в ночь под Рождество.

Пространство, возникающее в сознании героя, может быть не только аналогом того, что реально знакомо ему, но может видоизмениться, «усовершенствоваться» в соответствии с тем идеалом, который живет в душе героя. Характерный пример в этом плане – роман И. А. Гончарова «Обломов». Если во сне героя возникает картина «реальной» Обломовки его детства, то в разговоре со Штольцем она трансформируется в топос усадебной идиллии. Этот образ прочно существует в сознании героя, занимая здесь одно из центральных мест, ибо «он извлекал из воображения готовые, давно уже нарисованные им картины и оттого говорил с одушевлением, не останавливаясь», «... он мысленно был уже в деревне»: «Погода прекрасная, небо синее-пресинее, ни одного облачка» [4. С. 184]. Далее эта картина дополняется описанием сада, парка, березовой рощи, поля, реки, дома, флигеля, павильонов, самого времяпрепровождения, образа жизни в деревенском доме. Это знакомый для него мир дворянской усадьбы, но идеализированный его воображением. Не случайно Штольц, в ответ на этот рассказ, замечает: «Да ты поэт, Илья!» [4. С. 184]. Обломов, действительно, способен воспринимать мир в его эстетических проявлениях и верит в реальность этого иллюзорного мира. Он соглашается с репликой Штольца, уточняя при этом: «Да, поэт в жизни, потому что жизнь есть поэзия. Вольно людям исказить ее!» [4. С. 184].

Однако в роман включено и другое пространство, другой мир, который когда-то мечтал увидеть Обломов. Штольц, мысленно возвращаясь в годы их юности, напоминает Обломову: «Не ты ли со слезами говорил, глядя на гравюры рафаэлевских мадонн, Корреджевой ночи, на Аполлона Бельведерского: «Боже мой! Ужели никогда не удастся взглянуть на оригиналы и онеметь от ужаса, что стоишь перед произведениями Микеланджело, Тициана и попираешь почву Рима? Ужели провести век и видеть эти мирты, кипарисы и померанцы в оранжереях, а не на их родине? Не подышать воздухом Италии, не упиться синевой неба?» [4. С. 188]. Таким образом, потенциально Обломову свойственно (или было свойственно в юности) стремление вырваться за пределы мира, в котором он существует, но основное жизненное пространство героя – это замкнутое пространство, ограниченное стенами квартиры на Гороховой улице или домика на Выборгской стороне. Обломов – пленник этого пространства. Другой мир существует лишь в его воображении.

Обращает на себя внимание тот факт, что вновь альтернативой русскому пространству оказывается Италия. Подтверждая закономерность этой дихотомии для русской литературы XIX в., приведем еще одно наблюдение – характерное замечание главного героя повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи»: «Я ходил много и долго, так что уже совсем успел, по своему обыкновению, забыть, где я, как вдруг очутился у заставы.

Вмиг мне стало весело, и я шагнул за шлагбаум, пошел между засеянных полей и лугов, не слышал усталости, но чувствовал только всем составом своим, что какое-то бремя спадает с души моей... Точно я вдруг очутился в Италии, – так сильно поразила природа меня, полубольного горожанина, чуть не задохнувшегося в городских стенах» [6. С. 104–105]. Здесь нет описания Италии, но это «свернутое» пространство, безусловно, присутствует в воображении героя. Не случайно, представляя свое счастье с женщиной из его грез, он видит встречу с ней именно в Италии: «под чужим небом, полуденным, жарким, в дивном вечном городе, в блеске бала, при громе музыки, в палаццо (непрерменно в палаццо), потонувшем в море огней...» [6. С. 117].

Представление о незнакомой стране, «чужом» пространстве нередко складывается у героев эпических произведений по живописным полотнам, благодаря творчеству знаменитых художников. Помимо картин, толчок их воображению дают и книги, особенно – воображению ребенка. Это, как говорят психологи, воссоздающее воображение, в основе которого лежит создание образов, соответствующих какому-либо описанию. В сказке А. Погорельского «Черная курица, или Подземные жители» девятилетний мальчик Алеша с увлечением читает рыцарские романы и волшебные повести, которые были в библиотеке пансиона. При этом «любимым его занятием в длинные зимние вечера, по воскресеньям и другим праздничным дням, было мысленно переноситься в старинные, давно прошедшие века...» [9. С. 45]. Время в его сознании органически связано с пространством, естественно, сугубо литературным: «... юное воображение его бродило по рыцарским замкам, по страшным развалинам или по темным, дремучим лесам» [9. С. 46].

Герой романа И. А. Гончарова «Обрыв» Борис Райский – одаренный, творческий человек, артист, поклонник красоты. В детстве и юности он был страстным, очень восприимчивым читателем; и потому мир книг становился для него аналогом реальности, вторгаясь и в его сны: «Снились ему такие горячие сны о далеких странах, о необыкновенных людях в латах, и каменные пустыни Палестины блистали перед ним своей сухой, страшной красотой... Он содрогался от желания посидеть на камнях пустыни...» [5. С. 49]. Мальчики – персонажи одноименного рассказа А. П. Чехова – под впечатлением романов М. Рида собираются бежать в Америку добывать золото. Они мысленно представляют себе путь, который им нужно преодолеть: «Сначала в Пермь ...– тихо говорил Чечевицын ... – оттуда в Тюмень... потом Томск... потом... потом... в Камчатку... Отсюда самоеды перевезут на лодках через Берингов пролив... Вот тебе и Америка... Тут много пушных зверей.

– А Калифорния? – спросил Володя.

– Калифорния ниже... Лишь бы в Америку попасть, а Калифорния не за горами. Добывать же себе пропитание можно охотой и грабежом» [14. С. 426]. Мальчики смотрят на карту и именно по ней представляют отдельные точки своего воображаемого путешествия. Реальное пространство – с его огромной протяженностью – вряд ли существует в их сознании. Оно редуцировалось до размеров карты и кажется им вполне преодолимым. Такого рода пространство не связано с жизненным опытом, личными впечатлениями героев и потому лишь отдаленно сопоставимо с реальностью.

Пространство может быть и сконструировано воображением героя, не имея прямого подобия не только в действительности, но и в литературе или искусстве, как, например, в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?». В четвертом сне Веры Павловны возникает картина социалистического будущего, позволяющая рассматривать «Что делать?» как роман-утопию. Сон в данном случае – условность, необходимая автору для создания этой картины. Здесь два пространственных центра: природа – открытое пространство – и дом. Пространство разворачивается, как карта пути, перед глазами главной героини, меняя свои очертания, но сохраняя какие-то константные признаки. Первая картина: цветущее поле, нивы, лес, на которые солнце «льет свет и теплоту» [12. С. 337], – лишена «географической» определенности. Однако в дальнейшем возникают описания, где появляются приметы уже конкретных стран: Древней Сирии, Греции, Италии. Но центральное место среди этих описаний занимает русский пейзаж: Чернышевский

настойчиво повторяет: «наши хлеба», «наши рощи», «наши нивы» и упоминает – как конкретную географическую «русскую приметку» – Оку. Однако русская природа, олицетворением которой становится пейзаж средней полосы России, трансформируется по образу и подобию южной. И повсюду южные деревья и цвет – подчеркивает автор, упоминая о лимонных и апельсиновых деревьях, персиках и абрикосах. Правда, все это растет в оранжереях, но летом они убраны, и потому экзотические южные растения оказываются рядом с рощами, где растут дубы и липы, клены и вязы.

Чернышевскому очень важна мысль о великой преобразующей силе свободного труда, и потому все в его описании приобретает преувеличенные размеры, особенно «густые и изобильные» [12. С. 345] колосья пшеницы. Авторское воображение конструирует и облик дома, где живут люди будущего, хотя Чернышевский в какой-то мере отталкивается от конкретного впечатления – «Хрустального дворца», который он видел в Лондоне.

Следующая картина, которую показывает Вере Павловне («светлая красавица») из ее сна, картина «Новой России», которую Чернышевский переносит «Новую Россию» на Аравийский полуостров, называя его конкретные приметы: это полоска земли между заливом и морем, две сливающиеся реки (Тигр и Евфрат), Суэцкий перешеек и пр. Но это уже не пустыня, а цветущая, благодатная земля, «возделанное пространство». Вера Павловна видит эту картину сверху, всю в целом, охватывая взглядом ее границы. Таким образом, «Новая Россия» оказывается вынесена за пределы реальной страны и представляет собой очень ограниченный, замкнутый мир. При всей утопичности пространства, возникающего в четвертом сне Веры Павловны, оно лишено той перспективы и масштабности, многомерности, которые несли в себе предыдущие описания. По сути, здесь доминируют два пространственных измерения: ширина и длина, – но нет высоты и бесконечности. Пространство оказывается столь же схематизировано и «рационализировано», как и живущие в нем люди.

Таким образом, воображаемое пространство является концептуально значимым не менее, чем пространство «реальное». В то же время, существуя в сознании героя, оно становится отражением «отражения» (условно «реального» пространства), раздвигает границы происходящего и создает еще одно измерение бытия.

Литература

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7–180.
2. Гоголь Н. В. Записки сумасшедшего // Собр. соч.: В 7 т. М.: Художественная литература, 1966. Т. 3. С. 183–204.
3. Гоголь Н. В. Мертвые души // Собр. соч.: В 7 т. М.: Художественная литература, 1966. Т. 5. С. 7–290.
4. Гончаров И. А. Обломов // Собр. соч.: В 8 т. М.: Художественная литература, 1953. Т. 4. С. 7–507.
5. Гончаров И. А. Обрыв // Собр. соч.: В 8 т. М.: Художественная литература, 1954. Т. 6. С. 7–430.
6. Достоевский Ф. М. Белые ночи. Сентиментальный роман (Из воспоминаний мечтателя) // Полн. собр. соч. : В 30 т. М: Наука., 1972. Т. 2. С. 102–141.
7. Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Родные просторы / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 76–95.
8. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 6 т. М.–Л.: Наука, 1954. Т. 1. С. 9–320.
9. Погорельский А. Черная курица, или подземные жители // Русская литературная сказка. М.: Художественная литература, 1989. С. 44–69.
10. Словарь Л. С. Выготского. М.: Смысл, 2007. С. 3–118.
11. Тургенев И. С. Отцы и дети // Полн. собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1981. Т. 7. С. 5–190.
12. Чернышевский Н. Г. Что делать? М. : Художественная литература, 1972. С. 37–460.
13. Чехов А. П. Ванька // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1976. Т. 5. С. 478–481.
14. Чехов А. П. Мальчики / Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1976. Т. 6. С. 424–429.
15. Щукин В. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М. : РОССПЭН, 2007. С. 7–587.

Н. В. Котова

Удмуртский государственный университет

РЕЦЕПЦИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ЭСТЕТИКИ ГЕГЕЛЯ В «ОКСФОРДСКИХ ТЕТРАДЯХ» О. УАЙЛЬДА

Разработанное Гегелем учение о символической, классической и романтической формах искусства нашло свою интерпретацию в «Оксфордских тетрадах» О. Уайльда. Более всего Уайльда занимает классическая форма, которая вслед за Гегелем трактуется как идеальная. Но Уайльд отходит от гегелевской линейной концепции времени, выявляя непрерывную связь классической и современной культуры, и полагая, что эллинистический идеал может быть воспроизведен и в современности.

Ключевые слова: Уайльд, Гегель, искусство, эстетика, «Оксфордские тетради».

Nadezhda Kotova

Udmurt State University

RECEPTION OF HEGEL'S PHILOSOPHICAL AESTHETICS IN O. WILDE'S OXFORD NOTEBOOKS

Hegel's theory about symbolic, classical and romantic forms of art found its interpretation in O. Wilde's "Oxford Notebooks." Wilde took a special interest in the classical form which, following Hegel, he treated as ideal. But Wilde breaks with the linear conception of time, revealing an interrupted connection between classical and modern culture and believing that the Hellenistic ideal can be actualized in modern times.

Keywords: Wilde, Hegel, art, aesthetics, "Oxford Notebooks".

Студенческие «Оксфордские тетради» О. Уайльда (Oscar Wilde's Oxford Notebooks, ок. 1874–1800) чрезвычайно интересны с точки зрения философско-эстетических исканий будущего критика и писателя. В тетрадах собраны прямые и косвенные цитаты и парафразы философов и деятелей литературы и искусства, дополненные аналитическим и описательным комментарием самого Уайльда. Большое количество записей в тетрадах содержит особое гегелевское использование терминов и аргументов, и создается впечатление, что Уайльд в целом мыслил в русле философского идеализма Г. Ф. В. Гегеля. Остановимся на положениях философской эстетики Гегеля, которые рассматривает и комментирует Уайльд.

Точного свидетельства о том, что Уайльд был знаком с полным текстом «Эстетики» Гегеля нет, хотя это представляется весьма вероятным. В частности, Р. Элман отмечал, что Уайльд «неплохо знал немецкий» [3. С. 44]. Издатели тетрадей Уайльда Ф. Смит и М. Хелфанд, обратив внимание на явно гегелевский подтекст многих цитат и комментариев, указали в примечаниях на потенциальные источники, благодаря которым Уайльд, пусть опосредованно, но мог ознакомиться с философией Гегеля: «Введение к «Эстетике» не было переведено на английский язык до 1886 г., однако Б. Бозанкьюит, его переводчик, читал лекции в Оксфорде именно тогда, когда там учился Уайльд. Кроме того, существовал французский перевод, который сделал Ч. Бенард (1840–1852), и Уайльд с легкостью мог его прочитать. Краткий пересказ работы Гегеля по эстетике был помещен в «Энциклопедии философских наук» (1871). Также существовал неполный английский перевод «Эстетики», сделанный в 1879 г. У. М. Брайантом [6. С. 225–226].

Но в тетрадах Уайльд не ссылается на эти источники, а цитирует и комментирует фрагменты из «Очерков о греческих поэтах» Д. А. Саймондза (J. A. Symonds «Studies of the Greek Poets», 1873–1876) и из эссе У. Пейтера о Винкельмане (W. Pater «Winckelmann», 1867). По мнению специалистов, оба исследования опираются на материал «Эстетики» Гегеля и используют методику диалектического анализа [4. С. 222–244; 5. С. 76, 135–146].

В одной из записей, представляя гегелевский исторический анализ развития искусства, Уайльд цитирует отдельные фрагменты пейтеровского эссе о Винкельмане, в котором описываются три гегелевские формы прекрасного в искусстве. Запись начинается с вводной

фразы, определяющей, что есть искусство для Пейтера, а фактически, что понимает под искусством Гегель: «Искусство может быть расценено как естественное выражение духа человека, проецирующего себя в формах прекрасного, наиболее характерных для его природы» [б. С. 142].

И далее Уайльд, делая выборочный конспект, выписывает из текста Пейтера краткое и последовательное описание трех гегелевских форм прекрасного в искусстве – символической, классической и романтической, выделяя при этом их основные черты и обозначая идею прогресса: «Это так для египетской архитектуры – человечество еще не осознало свою красоту и для греческой скульптуры, которая соответствует непрерывным, ярким очертаниям греческого гуманизма, – изобразительное искусство – с мистической глубиной и запутанностью средневековья – и музыка и поэзия – чувство неопределенности – и научный дух критики – для современной жизни» [б. С. 142]. При этом Уайльд делает поправку в тексте Пейтера, заменяя пейторовское «чувство свободы» на свое «чувство неопределенности и научного духа критики». Эта фраза Уайльда, формулирующая одну из магистральных тем его будущей эссеистики, необыкновенно пронизательно определяет специфику современного Уайльду искусства. С одной стороны, ему свойственно «чувство неопределенности», и здесь сразу вспоминается гегелевская трактовка романтического искусства как субъективного и склонного к рефлексии, а с другой стороны, его характеризует «научный дух критики», в котором можно усмотреть культурно-исторические тенденции к рационализации искусства.

Завершается данная запись уайльдовским комментарием: «Иерархия искусств, как и философия истории, должна иметь психологическую основу» [б. С. 142]. Уайльд переосмысливает идею гегелевского историзма в духе психологизма конца века, понимая, что искусство как продукт человеческой деятельности развивается вместе с эволюцией психической деятельности человека: от символической формы, когда идея была недостаточно полно постигнута индивидом и поэтому не могла найти адекватного выражения в образе, к романтической, когда идея «завершается» внутри себя, уже не нуждаясь в образе. Это развитие искусства непосредственно связано с духовной эволюцией человека: развитием от примитивного духовного наполнения к сложному «рефлектированию вовнутрь» [1. С. 595].

Из трех форм искусства, выделенных Гегелем, Уайльда более занимает классическая форма. И, как и Гегель, он считает классическое искусство, воплотившее «совершенное единство внутреннего смысла и внешнего облика» [1. С. 349], идеальным.

Особый интерес Уайльда привлекал пластический характер классического греческого стиля. Под «пластическим характером» мысли греческих философов он понимает простоту выражения, концентрацию внимания на конкретных аспектах и сравнивает эти качества с широтой современной мысли, которая выигрывает в критическом подходе, но уступает в творческом [б. С. 170].

Размышления о пластичности в искусстве начинаются в записи под названием «Пластический дух греческой литературы», где Уайльд суммирует позицию Саймондза, основанную на идеях из «Эстетики» Гегеля. Уайльд отмечает «особую характеристику греческого духа – его пластический характер, его тенденцию постигать идеи в форме образов и давать чувственное изображение предметам, далеким от чувства: это может быть названо духом греческой литературы» [б. С. 137]. Здесь Уайльд совершенно точно воспроизводит гегелевскую мысль о том, что образ в искусстве есть выражение идеи, что идея как бы «изобретает» образ и тем самым являет себя миру [1. С. 147].

Пластичность, визуальность, явленность идеи в адекватном образе Уайльд обнаруживает в конкретных греческих текстах, в частности в «Оресте» Еврипида, и противопоставляет фурий из «Ореста», представленных в осязаемых образах, «фуриям» Гамлета, которых он носит в своем сердце и которые не видимы глазу [б. С. 137]. В этой записи Уайльд не ограничивается удачно найденным показательным примером, но и наглядно демонстрирует гегелевскую концепцию об отношениях между идеей и ее образом в искусстве. Если фурии в трагедии Еврипида воплощены в «субстанциальной индивидуальности для чувственного созерцания», по Гегелю, соответствующей классической форме искусства [1. С. 349], то изображение «фурий»

Гамлета – сомнений, терзающих его душу, имеет «романтическую художественную форму», когда идея и образ оказываются «безразличными, несоразмерными и разделенными между собою» [1. С. 150]. Пример с Гамлетом становится понятен в контексте гегелевского понимания романтического искусства, в котором «предмет искусства составляет свободная конкретная духовность, которая в качестве духовности должна предстать в явлении внутреннему духовному оку. Искусство в соответствии с характером этого предмета не может работать для чувственного созерцания. Оно может работать только для внутренней душевной жизни... Этот внутренний мир составляет содержание романтического искусства, которое и должно изображать его в качестве такового и в видимости этой внутренней жизни» [1. С. 149].

Рассуждения на тему противопоставления классического и романтического искусства, с привлечением цитат из «Очерков о греческих поэтах» Саймондза, представляет собой одновременно и иллюстрацию гегелевской теории, и попытку ее понять и принять. Уайльд как бы объясняет себе, чем обусловлена специфика разных форм искусства: ориентация на внешнюю репрезентативность в греческом искусстве «может быть связана с утонченным чувством формы, нелюбовью к безграничности и невозможному; чувство неопределенности принадлежит средневековой и современной жизни; поэтому музыка – искусство современности, а скульптура – искусство типично греческое: греки всегда пытались обозначить внешние формы, сделать нечто реальным, остаться в границах действительности: читая греческую мифологию, мы забываем, что читаем о прекрасных явлениях природы, духовные идеи подчинены реальным условиям. Современное искусство обращается напрямую к эмоциям, нацелено на достижение духовной реальности, озабочено более чувствами, чем формой, – греческое искусство остается на поверхности и переносит в мрамор очеловеченные аспекты внешнего мира» [6. С. 139].

Противопоставление классической и романтической форм в искусстве Уайльд демонстрирует, используя примеры из тех же «Очерков о греческих поэтах» Саймондза, где последний приводит сравнения поэтического описания облаков у Аристофана и Шелли и различие между внешней конкретностью характеров у Еврипида и внутренней страстностью характеров Марло [6. С. 138].

В последующих записях «Тетради для заметок» Уайльд продолжает давать примеры классических художественных форм, адекватных воплощений идей в образах, вновь делая акцент на материальность, посюсторонность образов, на «особую определенность идеи, ясность линии, которые формируют пластичность искусства» [6. С. 138]. Уайльд приводит пример материального воплощения Зевса из «Илиады» Гомера. Гегель не цитируется, но данный пример служит наглядной иллюстрацией к фрагменту из «Эстетики»: «Греческий бог существует для наивного созерцания и чувственного представления, его формой является телесный человеческий облик» [1. С. 148]. Греческий дух видится Уайльдом как нечто пластическое, визуально осязаемое, материальное в своей телесности и идеальное в своей воплощенной духовности. Такое представление всецело соотносится с концепцией классической художественной формы Гегеля.

Развивая данную тему, Уайльд делает акцент на форме презентации греческой литературы, которая «предназначалась не для чтения про себя, а для рецитации», для устной презентации текста публике [6. С. 138]. Слово звучало, оно было связано с чувственным изображением, оно являло себя пусть не материально, в традиционном понимании этого слова, но активно, оно приобретало конкретный, «пластический» смысл. Тогда как Слово написанное – пассивно, оно ожидает «романтической» (в гегелевском понимании этого слова) интерпретации, когда Слово – и шире – искусство – работают не для внешне реализуемого со-зерцания и в-нимания, а для раз-мышления, для «субъективной задушевности», когда «мир души торжествует победу над внешним миром» [1. С. 149–150]. Вербализация литературы во времена античности была аналогом «пластичности» в греческой скульптуре, а написанное слово «романтической» культуры, не будучи непосредственно связанным с репрезентативностью, обрело индивидуальную и, как следствие, смысловую множественность и утратило «пластичность» и объективность.

Греческий дух, «пластичность» греческого искусства станет для Уайльда идеальным началом в искусстве, стандартом, к которому он будет примерять свое творчество как писатель и творчество других как критик. По Гегелю, прекрасен тот чувственный образ, в котором адекватно наглядно воплощена идея, и в этом смысле получается, что идеал Уайльда совершенно традиционен и основан на единстве формы и содержания, на адекватности внешнего образа идее, его «изобретающей».

При всем уважении к традициям классического искусства Уайльд мог быть и критичен по отношению к ним. «Персонализация абстрактных идей есть и ценность, и слабость ранней греческой философии» [б. С. 139]. В этой же записи он упоминает Аристотеля, отмечавшего, что трагедией движет действие, а не повествование, и что характер в греческой пьесе раскрывается через отношение с другими героями, а не через внутренние монологи. Поэтому, по его мнению, «между античным и современным театром лежит большая пропасть» [б. С. 139]. Очевидно, что Уайльд задумывается о практической невозможности следовать античному идеалу без внесения исторически обусловленных изменений. И дело не в том, какой театр лучше – античный или современный, Уайльд, как и Гегель, понимает, что формы искусства исторически зависимы.

Размышления о греческой трагедии наводят Уайльда на мысль о ее не столь бесстрастной, в отличие от скульптуры, презентации. Он выписывает фрагмент из «Винкельмана» Пейтера о том, что в конфликте греческой трагедии можно обнаружить сходство между античной и современной жизнью [б. С. 140]. А в следующей записи он продолжает: «Греки прекрасно осознавали, что качественное состояние и мотивы трагедий противостояли качественному состоянию и мотивам скульптуры – спокойные боги Парфенона бесстрастно взирали на страсти дионисийского театра» [б. С. 140]. Уайльд осознает, что в рамках классического искусства с появлением интереса к внутренней стороне жизни зарождаются тенденции романтического искусства, и признает тем самым законы диалектического развития, разработанные Гегелем.

Среди греческих драматургов Уайльд наиболее ценил Еврипида. И если для Гегеля величайшими античными драматургами были Эсхил и Софокл, а субъективность Еврипида он считал нетипичной для греческого духа, то для Уайльда Еврипид был «величайшим гуманистом Эллады, *cor cordium* античности» [б. С. 132]. Гегель критиковал Еврипида за то, что он создал трагедию, полную жалости и эмоций, Уайльд же, наоборот, видел в этом достоинство Еврипида и близость духа его трагедии современности. Уайльд находил привлекательными еврипидовскую субъективность и способность изображать страсть [б. С. 119]. Многочисленные отсылы Уайльда к Еврипиду показывают, что он рассматривал этого величайшего драматурга античности и в качестве показательного примера выражения пластичности греческого духа, и в качестве выразителя страстной эмоции духа современного, как «старый эстетический идеал» [б. С. 139], и как предтечу нового идеала.

В тетрадах Уайльд зафиксировал и другие параллели между древнегреческой и современной культурой. Путешествуя по Греции в 1877 г., он посещал места археологических раскопок, и у него сформировалось конкретное и детальное представление о греческом искусстве в целом. Но там, где Гегель видел закономерность, Уайльд обнаруживал исключение: у Еврипида он улавливал «неуловимый спиритуализм», а у Вертера и Фауста – «ужасную способность к анализу» [б. С. 137]; у древних греков он обнаруживал почти романтическую способность восхищаться пейзажами [б. С. 139], а Данте, Дюрера, Китса и Блейка называл современными представителями греческого духа [б. С. 138].

По Гегелю, классическое искусство представляет завершённый идеал: идея адекватно воплощена в образе, поскольку дух (бесконечная субъективность идеи) еще не представлен в истинном свете. Романтическое искусство завершённого идеала не дает, здесь идея и образ несоизмеримы друг другу. Исторически дух уже предстал в своем свободном, бесконечном, субъективном виде, а такую идею невозможно адекватно выразить во внешнем образе.

Разграничивая, как и Гегель, исторические периоды, принимая каждый за отдельное целое, Уайльд мыслит аналитически и синтетически, обнаруживая и общее в разных периодах, и противоречия внутри каждого из них. Выявляя непрерывную связь классической и современной

культуры, он намечает контур эстетического идеала – «Нового Эллинизма», искусства, способного вновь адекватно воплотить идею в образе. В условиях новой исторической эпохи свободная внутренняя духовность, субъективность мировосприятия может и должна, по Уайльду, найти ту форму, которая актуализирует эту свободу и индивидуальность во внешнем образе. Акцент переносится на форму, от совершенства которой и зависит степень «завершенности идеала». Таким образом, истоки эстетического формализма Уайльда берут свое начало в аналитическом восприятии и переосмыслении учения Гегеля о формах прекрасного в искусстве.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике: В 2 т. / Под ред. Ю. Н. Попова, А. П. Огурцова. СПб.: Наука, 1999. Т. 1.
2. Патер В. Ренессанс. Очерки искусства и поэзии. М.: Проблемы эстетики, 1912.
3. Элман Р. Оскар Уайльд: биография. М.: Независимая газета, 2000.
4. Dale P. A. The Victorian Critic and the Idea of History. Cambridge; Massachusetts; L.: Harvard University Press, 1977.
5. Walter Pater / Ed. by H. Bloom. N. Y.: Chelsea House Publishers, 1985.
6. Oscar Wilde's Oxford Notebooks: a Portrait of Mind in the Making / Ed. by Ph. E. Smith, M. S. Helfand. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1989.

А. И. Лаврентьев

Удмуртский государственный университет

ФУНКЦИИ ЧЕРНОГО ЮМОРА В РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Речевая коммуникация, содержащая комическое высказывание, предполагает соблюдение двух условий: адекватное восприятие содержания, выходящего за пределы его буквального значения, и общность культурного поля автора и аудитории. Атмосфера дезинтегрированного культурного пространства побуждает писателей прибегать к приемам черного юмора, который становится легко распознаваемым сигналом фикциональности текста и инструментом, регулирующим варианты его прочтения.

Ключевые слова: черный юмор, комическое, ирония, речевая коммуникация.

Alexander Lavrentyev

Udmurt State University

BLACK HUMOUR IN SPEECH COMMUNICATION

The article deals with the communicative aspects of the black humour discourse. This literary device as any other kind of humour stimulates reader's interpretive activity. Meanwhile, black humour sets up the paradigm of reader's response that matches the author's intentions. This regulative function gains in great importance in disintegrating the chaos of the XX-th century culture. This explains the popularity of black humour in American literature.

Keywords: black humour, comic, irony, speech communication.

Общеизвестно значение юмора в общении, его роль в установлении контактов между людьми, эмоциональном и эстетическом насыщении процесса межличностной коммуникации. В статье, посвященной юмору в энциклопедии «Британника», в частности, говорится о том, что «у лектора, как правило, нет четкого и однозначного критерия, по которому можно было бы определить, насколько успешно он справился с задачей убедить свою аудиторию в чем-либо; но когда он пытается пошутить, то смех выполняет функцию счетчика Гейгера, однозначно свидетельствующего о наличии (или отсутствии) контакта со слушателями» [5]. Это связано, с одной стороны, с семантической структурой комического, активизирующей специфические механизмы восприятия у аудитории, и, с другой стороны, с особенностями его функционирования в социокультурном пространстве.

С точки зрения своей семантики любое произведение, вызывающее комический эффект, представляет собой набор знаков, одновременно выражающий несколько смыслов, которые вступают в отношения взаимного противоречия. Следовательно, его адекватное восприятие зависит от способности реципиента выявить это противоречие и собственными усилиями выстроить в своем сознании ту систему значений, которая изначально заложена в тексте произведения. Например, остроумное высказывание, основанное на игре слов (взаимодействии различных видов их значений), вызывает адекватную реакцию, если слушатель воспроизводит в своем сознании весь механизм взаимодействия задействованных в ходе высказывания значений того или иного слова. Иными словами, именно тексты, содержащие в себе элементы юмора, обладают наибольшими возможностями по активизации восприятия его содержания реципиентами.

Восприятие комического высказывания становится цельнооформленным только в том случае, если и его автор, и его аудитория находятся в одном культурном поле. По мнению российского исследователя англоязычного юмора, «чтобы шутка показалась смешной, необходимо (хотя и недостаточно), чтобы реципиент шутки разделял ценностное отношение автора или рассказчика шутки к ее предмету, находился с ним в одной и той же аксиологической системе координат» [3. С. 33].

В ситуации распада системы ценностей и деформирования связей между индивидом и культурой, вызванным, в частности, воздействием СМИ и массовой культуры, изменяется характер художественного творчества, в том числе и юмористических произведений. В подобных условиях в период конца 1950-х – 1970-х гг. в литературе США появляется ряд произведений, которые критика обозначила как «черный юмор». Они явились одновременно выражением, откликом, реакцией и противодействием тем культурно-историческим обстоятельствам, в каких оказались в этот период американские писатели.

Проблему, с которой столкнулись американские писатели, можно проиллюстрировать на примере обстоятельств, представленных в романе Курта Воннегута «Порождение тьмы ночной». Главный герой Говард У. Кэмпбелл-младший, занимая один из высших постов в Министерстве пропаганды Геббельса, был агентом американской разведки, и его пропагандистские речи использовались для передачи в зашифрованном виде разведывательных донесений, т. е. его выступления по радио имели одно значение на уровне содержания и прямо противоположное на уровне формы. Удовольствие от восприятия этих произведений испытывают два типа слушателей: те, которые искренне верят всему, о чем говорит автор, и те, кто заведомо знает о противоречивой природе его текстов (в романе это президент США Ф. Д. Рузвельт). Но в глазах американского общества (неподготовленного массового читателя) он – военный преступник, поэтому сюжетные коллизии романа связаны с проблематичностью доказательства главным героем сути того, кем же он был на самом деле, с отсутствием необходимых средств сообщить слушателям содержание своих выступлений в полном объеме.

Американский писатель второй половины XX в. оказывался в положении персонажа Воннегута, его произведения подстерегали два вида опасностей: излишне прямолинейное, буквальное прочтение, обедняющее степень художественности текста, и, наоборот, внесение в содержание произведения смысла, в корне противоречащего авторскому замыслу. Для уменьшения этих рисков писатели прибегали к приемам, которые принято обозначать как «черный юмор». Эти приемы, с одной стороны, призваны донести до читателя информацию о многозначности, эстетическом содержании текста, выступая в роли рефлексивных сигналов фикциональности воспринимаемого им ряда знаков, с другой стороны, они служат механизмом управления читательскими интерпретациями текстов.

Канадский литературовед Линда Хатчеон утверждает, что ироничное высказывание может быть адекватно воспринято лишь в одном культурном пространстве («дискурсивном сообществе»). Ироничное высказывание содержит в себе эксплицитное выражение и имплицитное содержание, которые соотносятся между собой по принципу контраста. Для того чтобы аудитория почувствовала наличие скрытого элемента высказывания, его присутствие передается с помощью различных сигналов. При этом чем спаяннее «дискурсивное сообщество», тем

меньше требуется сигналов и тем меньшей эмоциональной силой они могут обладать [6. С. 18]. В тех случаях, когда связи человека с «дискурсивным сообществом» слишком ослабли, от автора высказываний требуется создание таких текстов, которые бы содержали в себе наиболее сильные по своей эмоциональной нагрузке формы выражения контраста между тем, что говорится, и тем, что подразумевается. В максимальной степени этими качествами обладают средства выражения, которые принято называть «черным юмором».

Черный юмор может также служить средством управления хаосом возможных интерпретаций содержания произведения. Самый эффективный способ активизации диалога между текстом и читателем – вызвать сильный эмоциональный отклик с его стороны, т. е. создать вызывающий активное чувство неприятия буквальный смысл текста. Чем выше градус неприятия, тем активнее читательская позиция, и именно степень эмоционального напряжения определит содержание этой позиции – она будет прямо противоположной буквальному смыслу текста и, соответственно, отвечать замыслу автора. В качестве примера можно привести рассказ Б. Франклина «Метод усмирения мятежных американских вассалов» (*A Method of Humbling Rebellious American Vassals, 1774*). В нем от имени жителя Англии предлагается единственно возможный способ подавления бунта на территории Северной Америки – кастрировать все мужское население континента. Несомненно, это произведение Франклина, созданное за два года до подписания Декларации независимости, было рассчитано на вполне однозначную интерпретацию со стороны своих соотечественников.

Таким образом, черный юмор становится схематизированным и упрощенным вариантом ироничного высказывания, допускающим существование лишь двух способов интерпретации текста, что, впрочем, может быть оправданным в условиях коммуникативного кризиса, вызванного информационной избыточностью.

В основе поступательного прогрессивного развития цивилизации лежит идея количественного накопления духовных ценностей, которые с течением времени призваны перейти в качественный духовный рост человечества. Формой закрепления и передачи этих ценностей становятся разного рода тексты – религиозные, художественные, юридические, философские и т. д. Но необходимым условием для превращения текста, несущего определенную информацию, в духовную ценность личностного характера является ее активное усвоение индивидами. Тексты должны трансформироваться в события внутренней жизни человека, т. е. должны быть переработаны с помощью интеллектуальных и душевных способностей. Так как они ограничены, то при достижении определенной пороговой величины объема информации член культурного сообщества теряет способность усваивать ее должным образом. В этих условиях резко снижается количество информации, превращенной в знания, так как весь ее избыток превращается в шум, создающий помехи на пути общения человека с собственной культурой. Фактически, информационная избыточность начинает выполнять одурманивающую функцию цензуры, и человек оказывается в таком положении, в котором он теряет способность к самостоятельному мышлению, принятию осмысленных решений и совершению обдуманных поступков.

В этой ситуации возрастает эвристическое значение юмора, который, с одной стороны, позволяет с помощью того же количества знаков передать больший объем информации, а с другой – сам процесс создания и восприятия юмористических текстов активизирует познавательные способности индивида. Тексты юмористических произведений в наибольшей степени способны выполнять эвристические функции в качестве моделей обработки информации и решения нестандартных задач, воспитывающих творческие способности личности, выполняя функцию упражнения по развитию мышления. (Одно из значений глагола «острить», по словарю Даля, – «упражнять», ср. *острить память*; следовательно, остроумный рассказ – это рассказ, упражняющий ум.)

Чтение юмористических произведений требует активного участия читателя: «...восприятие остроты – тоже активный мыслительный процесс. Скажем, при восприятии анекдота, когда после краткой экспозиции излагается заключительная мысль, уяснение ее требует умственных усилий. Если мысль ясна сразу же или, напротив, понадобится слишком

долго доискиваться до нее, эффект ослабеет, а то и вовсе улетучится. ...Активная работа мышления при восприятии остроумного высказывания состоит в том, что мысль читателя (слушателя), направляемая текстом, движется по определенной программе» [4. С. 44–45].

Иными словами, основная ценность остроумного высказывания состоит не в содержащейся в нем мысли, а в создании и запуске механизма обработки информации сознанием читателя, конечным итогом работы которого и становится та или иная идея.

Наряду с передачей информации в сжатом виде юмористические тексты могут служить образцами решения нестандартных задач. Стандартные задачи решаются путем применения к исходным данным приемов, которые основываются на законах формальной логики. Но формальная логика по своей природе нормативна, она предусматривает правильное (т. е. соответствующее уже выработанным правилам) выражение полученных ранее знаний, но не порождение новых. Отсюда и ограниченность сферы их применения. Способы решения любой нестандартной проблемы (условия которой противоречат формальной логике) можно свести к двум видам: во-первых, преобразование исходных условий таким образом, чтобы они попали в сферу применения стандартных приемов, или, иными словами, представить неизвестное в категориях известного; и во-вторых, путем нарушения законов логики на каком-либо этапе поиска решения задачи.

Н. Дмитриева в статье, посвященной эвристической роли юмора, отмечает: «Можно предположить, что человек, независимо от возраста, склонен мысленно созерцать «искаженный мир», представляющий не что иное, как перекомпоновку элементов естественного мира. Соблазняет идея о возможности иных вариантов, иных построек из того же строительного материала: в ней по-своему выражается тайное стремление вырваться из царства необходимости, мысленно перекроить и перелицевать то, что дано, и посмотреть, что получится. Это захватывающее искусительное любопытство, это пристрастие к интеллектуальным приключениям, без примеси которого едва ли возможно вообще всякое творчество, видимо, заложено где-то в фундаменте юмора» [2. С. 113].

Сочетание юмора и сознательного нарушения законов логики привело во второй половине XX в. к появлению абсурдистского, или «черного», юмора. Само словосочетание – абсурдистский юмор – соединяет два отчасти противоречащих друг другу понятия: абсурд (или хаос) означает полное отсутствие каких-либо связей между явлениями, в то время как юмор, напротив, основывается на установлении этих связей либо по форме, либо по аналогии.

Литературное творчество в форме создания юмористических произведений, в частности произведений абсурдистского, или «черного», юмора, является обобщенной моделью любого творчества. Гегель в «Науке логики» ставил остроумие на ступень выше формальной логики представления, не учитывающей противоречивой сущности бытия, и считал его переходным этапом к диалектической логике, рассматривающей противоречие как основу движения: «...представление остается внешней рефлексией, переходящей от одинаковости к неодинаковости или от отрицательного соотношения к рефлексированности различных [определений] в себя. Внешняя рефлексия сопоставляет эти два определения внешним образом и имеет в виду *лишь их*, а не [их] *переход*, который составляет суть и содержит противоречие. – *Остроумная* же рефлексия – скажем здесь и о ней – состоит в схватывании и высказывании противоречия. Хотя она и не выражает *понятия* вещей и их отношений, а имеет своим материалом и содержанием лишь определенные представления, она все же приводит их в такое соотношение, в котором содержится их противоречие, и тем самым дает *их* *понятию* просвечивать сквозь это противоречие. – Но *мыслящий* разум заостряет, так сказать, притупившееся различие разного, простое многообразие представления, до *существенного* различия, до *противоположности*» [1. С. 486].

Таким образом, Гегель считает, что «остроумная рефлексия» является необходимым подготовительным этапом для работы «мыслящего разума», заключающегося в придании «соотношениям представлений» такой формы, в которой бы четко вырисовывалась истинная сущность обозначаемых ими понятий, т. е. их противоречивость.

Создание и восприятие юмористических произведений находится на стыке процессов логического мышления и воображения, именно поэтому юмористические тексты позволяют преодолеть негативные последствия антиинтеллектуального характера массовой культуры потребительского общества и восстановить нарушенные связи между личностной и социокультурной сферами человеческого существования.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М.: Мысль, 1999.
2. Дмитриева Н. Эвристическая роль юмора // Театр. 1977. № 1. С. 113–123.
3. Кулинич М. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: Дис. ... д-ра культурол. наук. М., 2000.
4. Лук А. Н. Юмор, остроумие, творчество. М.: Искусство, 1977.
5. Humour // Encyclopædia Britannica. 2008. Encyclopædia Britannica Online. [Электронный документ]. (<http://www.search.eb.com/eb/article-11928>).
6. Hutcheon L. Irony's edge: the theory and politics of irony. London–N. Y.: Routledge, 1995.

С. Н. Любарец

Удмуртский государственный университет

ФЕНОМЕН ЛИЧНОСТИ В КУЛЬТУРЕ: ЖЕРМЕНА ДЕ СТАЛЬ

Жермена де Сталь (1766–1817) внесла весомый вклад в общественно-политическую и культурную жизнь не только Франции рубежа XVIII–XIX вв., но и всей Европы. Она по праву считается основоположницей сравнительного и культурно-исторического подходов к изучению литературы. Её художественное творчество и теоретические трактаты сыграли решающую роль в процессе становления и развития романтизма во Франции. Мощный интеллектуальный потенциал де Сталь, активность в сфере общественно-политической жизни страны сделали её властительницей дум поколения, пережившего события Великой французской революции.

Ключевые слова: Жермена де Сталь, основоположница, культурно-исторический подход, художественное творчество, романтизм, интеллектуальный потенциал, властительница дум.

Svetlana Lyubarets

Udmurt State University

THE PHENOMENON OF PERSONALITY IN LITERATURE: GERMAINE DE STAEL

At the turn of the XVII-th – XIX-th centuries Germaine de Staël (1766–1817) made a notable contribution to the social and cultural life not only of France but of Europe in general. She is rightfully considered the founder of comparative and cultural-historical approaches to literature studies. Her works of fiction and theoretical studies played a decisive role in the process of romanticism formation and development. Germaine de Staël's powerful intellectual potential, her activities in social and political life of France made her the ruler of the minds for the representatives of the generation which had survived the Great French Revolution.

Keywords: Germaine de Staël, the founder, cultural-historical approach, works of fiction, romanticism, intellectual potential, the ruler of the minds.

Французская писательница Жермена де Сталь (1766–1817) занимает особое место в истории общественно-политической и культурной жизни Европы рубежа XVIII–XIX вв. Она заявила о себе как творческая натура, сочетающая в себе дар художника слова, мощный интеллектуальный потенциал, подлинный талант общения, гражданскую смелость и многие другие черты, которые позволили поставить ее в один ряд с такими феноменальными личностями эпохи, как Руссо, Шатобриан, Гете, Шиллер, Байрон и др. Совершенно справедливо писал о ней А. Аникст: «До Жермены де Сталь ни одна женщина не сыграла такой роли в истории, какая выпала ей. Она не была королевой, императрицей, в силу

наследственной или захваченной власти управлявшей судьбой целого народа. Она добилась более высокого почета – стала властительницей дум поколения, пережившего такое всемирно-историческое событие, как Великая французская революция» [1. С. 7].

В первую очередь заслуживают быть отмеченными те исключительные способности личности, качества и свойства характера, благодаря которым она вписала свое имя в анналы истории европейской культуры и благодаря которым она заслужила высокую оценку многих современников и последующих поколений читателей, писателей, ученых. О ней слагались легенды, распространялись слухи, бытовали противоречивые мнения – от самых восторженных до крайне негативных, т. е. равнодушных среди ее поклонников и врагов не было.

Наиболее известным фактом ее биографии стало противостояние Наполеону. В духе времени де Сталь открыто выражала свой протест против всех форм проявления деспотизма, что в итоге привело к конфликту с императором Франции. Хотя знаменитой она стала благодаря литературному творчеству, гонения Наполеона способствовали ее славе: в сознании просвещенных европейцев, в том числе и русских, она была своеобразным символом свободы. «Вся Англия у ног мадам де Сталь», – писал один из современников, комментируя ее пребывание в этой стране с июня 1813 по май 1814 г. Посещение России во время войны с Наполеоном позволило ей не только стать свидетельницей судьбоносных для истории нашей страны событий, но и открыто продемонстрировать свое отношение к ним.

Писательница всегда находилась в центре культурных тенденций своего времени, стремилась наладить человеческие контакты, лично встречалась, переписывалась со многими представителями европейской творческой и интеллектуальной элиты. Существует твердое убеждение, подкрепленное мнениями многочисленных современников, что де Сталь не только высоко ценила роскошь человеческого общения, но и сама обладала этим удивительным даром. Ее личные связи были обширны, о чем свидетельствует богатое эпистолярное наследие. Среди адресатов де Сталь – коронованные особы, известные политики, дипломаты, мыслители, общественные деятели, знаменитые писатели и философы. Ее переписка говорит о многогранности интересов, о желании находиться в фокусе процессов культурного и исторического развития.

Творчество де Сталь было высоко оценено Гете, Шиллер назвал ее «феноменом среди женщин», Байрон особо отмечал силу ее интеллекта и т. п. Действительно, творчество де Сталь сыграло важную роль в формировании литературного контекста эпохи. Не случайно еще при жизни ее теоретические трактаты и художественные произведения получили поистине мировой (европейский) резонанс. В этом смысле особое значение имели такие сочинения, как «Опыт о вымысле» (1795), «О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями» (1800), «О Германии» (1810), «О духе переводов» (1816), а также романы «Дельфина» (1802) и «Коринна, или Италия» (1807). Мысли, изложенные в работах писательницы, говорят о масштабах решаемых ею теоретических и художественных задач.

Прежде всего следует подчеркнуть, что творческая деятельность де Сталь представляет собой заметное явление в истории европейской литературы и в литературоведении как науке. При этом речь не идет о том, что писательница генерировала новые идеи, значимость ее состоит в том, что, обладая мощным аналитическим умом и тонким эстетическим чутьем, она сумела осмыслить и обобщить богатый опыт, накопленный предшествующими поколениями философов и литераторов и современными ей европейскими писателями и теоретиками. С одной стороны, она подвела своеобразный итог достижениям в области теории литературы, ей действительно удалось четко сформулировать то, что вынашивалось в умах целого поколения просветителей. С другой стороны, де Сталь чутко уловила новые, романтические, тенденции в развитии литературы и приняла их как некую закономерность, неизбежность, как положительный фактор, несущий обновление устаревших художественных форм, укоренившихся в традициях французской культуры и литературы.

Известно, что ее труды заложили основы историзма в литературоведении: де Сталь, по сути, утвердила социальный подход к литературе и искусству, став родоначальницей культурно-исторического метода в изучении художественной литературы.

Жизнь на рубеже двух литературных эпох наложила глубокий отпечаток на понимание ею сущности литературного процесса. Для Европы это было сложное время пересмотра художественно-эстетических основ искусства. Процесс серьезных преобразований в европейской духовной жизни – переход от просветительских идей к романтическому мироощущению – оказался в русле творческих интересов писательницы. Постигая жизнь литературы в движении эпох, изучая законы развития литературного процесса, она приходит к пониманию исторической обусловленности смены эпох и поколений. Отсюда ее попытки интерпретировать литературные явления всей совокупностью общественных условий. В своих сочинениях она утверждает, что каждый литературный феномен отражает черты времени, следовательно, новая историческая эпоха влечет за собой смену культурной парадигмы. Так, для нее античность – часть древней культуры, развивающейся в условиях языческой идеологии. Это значило, что возрождение античного идеала в новых исторических реалиях невозможно, поэтому подражание античным образцам в литературе Франции она называет «старческим впадением в детство». Она пытается таким образом освободить французскую художественную традицию от ложных представлений.

Историзм мышления позволил также ей одной из первых в Европе высказать мысль о том, что Средневековье – одна из ступеней в общественном развитии и поступательная веха в истории литературы. В этом смысле ее теория, во-первых, превзошла просветительскую концепцию, согласно которой Средние века считались шагом назад в развитии человеческой цивилизации, а во-вторых, позицию немецких романтиков, видевших в Средневековье «золотой век» литературы.

В творческом наследии де Сталь важно выделить еще один важный аспект, которому она уделила много внимания. Речь идет о сравнительном изучении литератур, о первых шагах компаративистики. Выделение ею типологии «северная» и «южная» литературы могут рассматриваться как результат культурно-исторического подхода к анализу литературных явлений. Введение в широкий обиход этой параллели дало возможность де Сталь преодолеть ограниченное представление французских энциклопедистов о центрах европейской цивилизации, к которым они относили Грецию, Рим и Париж. Такая мировоззренческая позиция исключала из процесса цивилизации северные народы Европы – Англию, Германию, скандинавские страны и др. Благодаря де Сталь в контекст европейской культуры были включены «северные» народы и их литературы. Рассмотрение европейского литературного процесса в этом ракурсе позволило писательнице сравнивать различные типы литературы. Сопоставительный анализ «южного» и «северного» типов литературы привел к констатации существенных различий между ними. Писательница убеждается в том, что имеет дело с совершенно неодинаковыми «поэтическими манерами»: южные литературы (Франция, Италия и др.) предстают как феномен греко-латинского влияния со склонностью к рационализму, а северные – как явление, которому в большей степени свойственны чувствительность и меланхолия в результате воздействия национальной мифологии. Изучая каждую литературную общность в отдельности, де Сталь стремится к сопоставлению внутри каждой из них, например сопоставляет литературу Англии и Германии.

Творчество де Сталь явилось также важной ступенью в осмыслении процессов интенсивного развития международных связей на всех уровнях, которым характеризовалась современная ей эпоха. Ее творческое наследие убеждает нас в том, что она почувствовала зарождающийся дух широкого взаимодействия между европейскими народами, а ее представления о литературном процессе как арене межкультурных коммуникаций стали одним из наиболее перспективных направлений в развитии европейской эстетической мысли. Французская писательница выстроила свою литературную теорию на мощном фундаменте, утверждая, что прогресс в истории литературы тесно связан с процессом обмена культурными достижениями. Так, в трактате «О литературе» она пишет: «Всякий раз, когда какая-либо нация, будь то американцы, русские или еще кто-либо, усваивает то или иное благо цивилизации, род человеческий совершенствуется» [5. С. 21]. По сути, де Сталь

внедряет идею культурного диалога, понимая под ним не просто обмен художественными ценностями, а взаимодействие на основе глубокого уважения друг к другу.

Историческая миссия де Сталь заключается в том, что она одна из первых во Франции осознала тот факт, что традиционные формы искусства перестали отвечать требованиям времени, и смело заявила об этом соотечественникам. Эта мысль, впервые прозвучавшая в книге «О литературе», становится ключевой и в других теоретических сочинениях писательницы, а также в ее художественных произведениях, в частности в романе «Коринна, или Италия». Проанализировав положение дел в культурной жизни Франции и осмыслив пути будущего духовного развития страны, она направляет французскую художественно-эстетическую мысль на путь возрождения национальных истоков вместо античности и называет еще одно перспективное русло – обращение к инациональным образцам культуры, к художественному опыту соседних стран, ориентирует на освоение духовных ценностей других народов. Идея национального синтеза как продуктивного фактора развития литературного процесса отчетливо звучит в трактате «О Германии». Де Сталь утверждает, что Германия обладает целыми «сокровищами идей и знаний», которые могут обогатить художественный опыт Франции. Известно, что книга, адресованная французам, должна была обратить их внимание на самобытную художественную практику немецких литераторов. Однако случилось так, что она «открыла» Германию Европе и способствовала распространению немецкой культуры в России. «Народы должны помогать один другому в пути, и ни один из них не должен отказываться от сведений, которые он может получить от другого народа» – вот основной тезис литературной концепции де Сталь [7. С. 352]. Гете высоко оценил книгу де Сталь о Германии, он писал: «Это был как бы гигантский таран, пробивший отверстие в китайской стене старых предрассудков, воздвигнутой между Германией и Францией. Книга эта повела к тому, что немцев захотели узнать сначала по другую сторону Рейна, потом по ту сторону Ла-Манша: и немцы с тех пор стали пользоваться влиянием далеко на Западе» [2. С. 121].

В романе де Сталь «Коринна, или Италия» идеи межкультурного диалога нашли свое художественное воплощение. Устами героини романа автор призывает изучать литературы разных народов, пропагандирует широкие возможности культурных контактов: «Мне кажется, все мы друг другу нужны. Литература каждой страны открывается тому, кто может постичь ее новую сферу идей» [3. С. 110]. Многие высказывания Коринны созвучны суждениям автора: таким способом она пытается донести до сознания читателей свои идеи. Не случайно после выхода в свет романа де Сталь стали называть в Европе именем ее героини – Коринной.

Для Франции, осуществлявшей на протяжении многих веков род духовной диктатуры в Европе, призыв черпать новые идеи из других культур был истолкован как предательство по отношению к отечественному искусству. Одно из наиболее популярных печатных изданий того времени журнал «Mercure», например, выразил несогласие с такой позицией писательницы неллицеприятными заявлениями: «Французы отнюдь не будут признательны за то, что она с ними так обходится: вся любовь ее отдана нынче англичанам; этому не приходится удивляться: умы, высоко парящие над этой низкой действительностью, лишены отечества, да и по иной причине г-же де Сталь разрешено не иметь его. Уроженка страны более не существующей, жена шведа, ставшая француженкой по случайности, для которой родина всегда была иллюзией, она, вероятно, и не может мыслить иначе: это вошло уже в привычку» [6. С. 111].

Не только теоретические и художественные произведения де Сталь внесли вклад в осмысление процессов межкультурного сотрудничества, сама жизненная позиция писательницы служила благородному делу установления духовных контактов между народами. Ее фамильный замок в Коппе (Швейцария) на протяжении десятилетий играл роль своеобразного культурного центра Европы, где вынашивались и распространялись идеи литературного космополитизма.

Писательница, выступая в качестве посредника между культурами современных ей народов, огромное внимание уделяла и проблемам перевода. Ее небольшая по объему

статья «О духе переводов» широко пропагандировала идею взаимодействия между литературами за счет переводческой деятельности: «Тот, кто переводит с одного языка на другой великие творения ума человеческого, оказывает литературе славнейшую из услуг» [4. С. 384]. Являясь одной из последних публикаций де Сталь, эта работа демонстрирует подлинный интерес писательницы к искусству перевода как одному из наиболее эффективных средств межкультурной коммуникации. Ее непримиримая позиция по отношению к культурному шовинизму во Франции выразилась в статье в ряде весьма примечательных суждений: так, она советует не уподобляться французским переводчикам, которые «окрашивают все переводимые сочинения в привычные их соотечественникам тона». То есть, чтобы ощутить красоту произведений иностранных писателей, следует стремиться к адекватности перевода, а не приспособлять текст оригинала к традиционному французским представлениям о красоте.

Не случайно де Сталь высоко оценивала переводческую деятельность, а миссию переводчика наделяла особой значимостью. Главное требование к переводу, выдвигаемое писательницей, – необходимость передать иностранный текст точно и близко к оригиналу, уловить его поэтическое своеобразие, по ее словам, «сохранить в переводе чужестранный дух» и «в полной мере унаследовать чары подлинника».

Недаром перевод был одной из любимых форм творческой деятельности в литературных салонах де Сталь в Париже и Коппе. Важно обратить внимание и на тот факт, что она внесла свой вклад в практику перевода: попыталась передать на французском языке несколько стихотворений известных немецких поэтов – Гете, Клопштока, а также переводила с английского, итальянского и даже готовила себя к переводу поэзии Камюэнса с португальского. Именно ей принадлежат первые попытки перевода «Фауста» Гете на французский язык. Переведенные фрагменты текста «Фауста» и отдельные стихи немецких поэтов прекрасно иллюстрируют ее рассуждения о своеобразии современной немецкой литературы. Сохранились сведения о том, что в литературных салонах де Сталь существовала традиция, согласно которой завсегдатаи пробовали свои силы на поприще переводческой деятельности.

Как видим, феномен личности де Сталь состоит в том, что она обозначила себя не только в области теории и истории литературного процесса, не только в общественно-политической жизни Франции и Европы, но и в осмыслении проблем межкультурного взаимодействия между народами, достаточно широко представленных в ее творческом наследии. Характерно, что те формы культурного сотрудничества, которые она предлагала на рубеже XVIII–XIX вв., не утратили актуальности и в наше время. Творчество Жермены де Сталь, личный богатый опыт общения могут служить примером толерантного отношения между странами и народами.

Литература

1. *Аникст А. А.* О жизни и творчестве Жермены де Сталь // Сталь А. Л. Ж. де. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. М., 1989.
2. *Сорель А.* Госпожа де Сталь. СПб., 1892.
3. *Сталь А. Л. Ж. де.* Коринна, или Италия. М., 1969.
4. *Сталь А. Л. Ж. де.* О духе переводов // Сталь А. Л. Ж. де. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. М., 1989.
5. *Сталь А. Л. Ж. де.* О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. М., 1989.
6. *Эфрос А.* Юлия Крюденер и французские писатели // Литературное наследство. М., 1939. № 33–34.
7. *Stael A. L. G. de.* De l'Allemagne. V. 3. P., 1958.

Н. Е. Малик

Удмуртский государственный университет

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА И ОБРАЗ «ЧУЖОГО» В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ ВАЛЬТЕРА СКОТТА «УЭВЕРЛИ»

В статье рассматривается роман Вальтера Скотта «Уэверли» в свете теории и практики межкультурной коммуникации. Автор изучает модели межкультурной коммуникации и обращает внимание на реализацию парадигмы «Чужого» в пределах одной страны.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, исторический роман, Другой / Иной / Чужой.

Natalia Malik

Udmurt State University

THE PROBLEM OF STATE UNITY AND THE NOTION OF ‘ALIEN’ IN WALTER SCOTT’S NOVEL “Waverley”

The author of the article studies the models of cross-cultural communication in Sir Walter Scott’s novel “Waverley.” The research is focused on realization of the paradigm “alien” within the same country.

Keywords: cross-cultural communication, historical novel, alien.

Одной из самых насущных задач современной истории литературы стало изучение художественных моделей межкультурной коммуникации, отраженных в литературных произведениях. Выделение, описание и анализ моделей межкультурной коммуникации, представленных в художественной литературе, несомненно, имеет воспитательное и дидактическое значение. Опыт прошлых столетий, раньше чем в других гуманитарных науках, запечатленный в художественном слове, может помочь современному обществу адаптироваться к таким реалиям начала XXI в., как глобализация, межнациональные браки, научные и культурные обмены, заграничные путешествия, иностранное партнерство, единое экономическое пространство и пр. В данной ситуации современное прочтение романов сэра Вальтера Скотта (1771–1832) позволяет открыть в его творчестве способы преодоления межкультурных и конфессиональных конфликтов и стать надежной опорой в отношениях с Другим / Иным / Чужим.

Основанием большинства романов Скотта служит встреча и/или столкновение нескольких культур. Обличение проблем, возникающих при межкультурной коммуникации, является сознательным приемом автора. Предлагая модели их решения, Скотт руководствуется собственными национальными представлениями и романтическими идеями, которые формировались в эпоху Великой Французской революции и Наполеоновских войн. С одной стороны, идеологи Французской революции подготовили почву для свободного распространения религий, интеграции культур и стимулировали появление теоретического обоснования их взаимодействия. Однако с другой стороны, захватническая политика Бонапарта обусловила в начале XIX в. повсеместное для Европы возрастание общественного интереса к целостности своего государства, коллективному и индивидуальному прошлому нации и личности, собственному национальному характеру.

Вальтер Скотт в своем первом историческом романе «Уэверли» (1814) обращается к историческим событиям, произошедшим «шестьдесят лет назад». Изображая встречу английской, шотландской и французской культур, автор стремится проследить культурные, межкультурные и исторические связи взаимодействующих стран, переосмыслить события минувших лет в изменившемся историко-культурном контексте и, анализируя прошлое, задается целью объяснить читателям современную ему эпоху. При этом Скотт обращает особое внимание на образ «Чужого», воплощающийся в романе в нескольких обликах: идеологическом, этническом и этнопсихологическом.

Вождь шотландского клана Фёргюс Мак-Ивор является одним из самых ярких образов, созданных Вальтером Скоттом, который оказывается равно «чужим» как для Англии, так и для Шотландии.

Родившись во Франции в межнациональной семье шотландского военного и знатной француженки, герой не только усвоил нормы и традиции этой страны, но и сохранил верность политическим взглядам отца, которые, однако, оказываются устаревшими и губительными для общественно-политического развития Шотландии.

Ярый противник Ганноверской династии, стремившейся объединить страну и создать крепкое государство, Фёргюс одержим идеей восстановления династии Стюартов на престоле. В 1745 г. при поддержке Франции и других европейских государств, собрав армию шотландских повстанцев, Мак-Ивор вступает в гражданскую войну между Англией и Шотландией на стороне претендента Карла Эдуарда Стюарта, возглавившего восстание. Противник капитализма и приверженец феодального уклада, Фёргюс оказывается неспособным понять, что действия мятежников угрожают целостности страны, внутрисоюзному сотрудничеству между этносами.

Проблема целостности нации и единства страны, затронутая уже в первом романе Скотта, окажется центральной для многих исторических романов автора. В период сопротивления Великобритании наполеоновской Франции эта проблема приобретает особую актуальность. Единство и могущество государства и нации представляются Скотту неоспоримыми ценностями, и автор, несомненно, осуждает разжигание национальных конфликтов и гражданский войн, расчленяющих страну.

Так, имея устаревшие взгляды на природу государства и препятствуя формированию единой страны, этнически «другой», Фёргюс Мак-Ивор оказывается для англичан «чужим» по идеологическому принципу.

Неспособность осознания необходимости перемен в жизни феодальной, слабо развитой Шотландии делает Фёргюса «чужим» и для самих шотландцев. Поддерживая рационалистическую модель культуры, Скотт показывает, что «чужим» и «чуждым» является не только представитель иной культуры, но и соотечественник, остающийся приверженцем традиций средневекового уклада и не желающий перестраивать свое сознание в новых условиях.

Описывая героя и раскрывая его характер в межличностных отношениях и поступках, Скотт постоянно подчеркивает его «инаковость». Привычки, убеждения и действия Мак-Ивора выдают его приверженность французской культуре и менталитету.

Скотт выделяет шотландского предводителя из числа других гайлендцев, и впервые появившегося героя описывает по-французски «*qu'il connait bien ses gens*» [4. С. 203]. В характере Мак-Ивора проявляется склонность к власти и интригам, к которым он привык, живя при французском дворе: «его дух был настолько проникнут планами и политическими интригами..., что сам он больше походил на мелкого владетельного принца, чем на воина» [4. С. 445]. С самого начала Скотт заявляет о двойной идентичности героя: «По наружности он решительно походил на шотландца» [4. С. 204], но его вкусы, манеры и предпочтения выдавали в нем человека другой культуры. Фёргюс открыто заявляет, что «предпочел бы версальский фонтан» [4. С. 234] шотландскому горному ручью. Жизнь гайлендца привлекает его ровно до тех пор, пока это необходимо для достижения его личных амбиций: «хотя, если понадобится, я могу жить как гайлендец, я не забыл своего французского воспитания и прекрасно понимаю, что значит *faire la meilleure chère*» [4. С. 376]. Фёргюс угощает своих знатных гостей «превосходным бордоским и шампанским» [4. С. 215], в то время как горцы, занимающие более низкое положение, пьют крепкое пиво и виски – национальные шотландские напитки. Мак-Ивор свободно пользуется французским языком, когда не желает, чтобы необразованные горцы знали, о чем он говорит. Французские слова и обращения придают его речи особое изящество, также не характерное для грубых горцев.

Непохожесть на других шотландских феодалов отмечает горец Эван Дху, удивленный тем, что Фёргюс, побоявшись быть смешным, изменил шотландскому обычаю и вышел встречать английского гостя Уэверли «без хвоста» [4. С. 203] – традиционной свиты горцев.

В образе Мак-Ивора Скотт отмечает нетипичные для шотландцев качества. Автор показывает его человеком слишком одержимым жаждой власти и идеей собственного возвышения, «чтобы его можно было назвать образцом горского вождя» [4. С. 222].

Таким образом, Фёргюс, оставаясь для шотландцев «своим» этнически, в силу своего аристократического происхождения и французского воспитания, по менталитету и восприятию мира становится для них «чужим».

Инаковость Фёргюса отмечают и англичане. В их глазах поведение Мак-Ивора становится предметом осуждения. Его характеризуют «как офранцузенного шотландца, сочетавшего всю хитрость и любезность нации, которая его воспитала, с гордым, мстительным и беспокойным нравом своего родного народа» [4. С. 446]. Учитывая, что Франция является давней соперницей Англии, англичане видят в шотландце-франкофиле не просто этнически «другого», а враждебного «чужого», и поэтому наделяют его исключительно негативными чертами.

Верность династии Стюартов – поле сглаживания культурных и мировоззренческих различий между Мак-Ивором и горцами. Благодаря сильной личности и мужественному характеру Фёргюсу удалось стать предводителем мятежников и разработать план восстания: «Во всем облике его сквозило стремление к славе, ко всему тому, что могло возвысить его над другими людьми» [4. С. 220]. Пока личные цели вождя совпадают с политическими интересами горцев, он выступает исполнителем воли шотландского народа и борется за их независимость, поддерживая Карла Эдуарда. Но настроение Фёргюса меняется, как только претендент выстраивает преграды на пути достижения его собственных выгод, отказывая шотландскому предводителю в графском титуле и в устройстве выгодного брака. Мак-Ивор теряет интерес к авантюре Карла, проклинает слово, которое дал ему, и не желает больше участвовать в восстании: «Сам не знаю, – воскликнул он, – что мне мешает дать сейчас торжественную клятву, что я никогда больше не обнажу за него меча!» [4. С. 453].

Восстав таким образом против Карла Эдуарда, Фёргюс изменяет своей политической верности и оказывается «чужим» для шотландского народа. Он испытывает одинаковую неприязнь и к шотландцам, и к англичанам и, подчеркивая свою инаковость, называет одних «дураками», а других «подлецами»: «Как бы я хотел, чтобы эта старая развалина рухнула на головы дураков, которые ее осаждают, и подлецов, которые защищают ее!» [4. С. 453].

Художественный образ Мак-Ивора имеет сходство с личностью и судьбой Наполеона Бонапарта и помогает объяснить феномен его взлета и падения. Пока Фёргюс, как и Наполеон, является исполнителем воли своего народа, ему сопутствует успех в дипломатических делах и в сражениях. Но как только он замыкается на собственном величии и собственных выгодах, стремится к личному самоутверждению любыми средствами, он оказывается «чужим» для своего народа, фортуна отворачивается от него и он погибает.

В образе Фёргюса Мак-Ивора Скотт подчеркивает, что деятельность личности только тогда является положительной и продуктивной, когда совершается в соответствии с пожеланиями и стремлениями всего народа. Замыслы и действия Фёргюса были обречены на провал, так как изначально имели деструктивный характер, представляя реальную угрозу целостности нации и соединенного королевства.

На пути формирования единой британской нации Вальтер Скотт в романе создает модели преодоления этнического и политического отчуждения и помогает увидеть в образе враждебного «чужого» близкого друга. Выстраивая несколько моделей разрешения межкультурного конфликта, автор раскрывает их на примере англо-франко-шотландских отношений.

В образе Фёргюса Мак-Ивора Скотт показывает отрицательный опыт инокультурного влияния, когда утрата собственной идентичности, «офранцузенность», причина которой кроется в воспитании, длительном культурном контакте и сознательном выборе героя, может привести к трагической гибели человека.

С другой стороны, Скотт демонстрирует, что в путешествиях и заграничных походах, сопряженных с межкультурными контактами, наиболее гармонично развивается личность и раскрывается характер героя. Он учится видеть в «чужом» понятное и близкое «свое».

Так, верность якобитским убеждениям сделала шотландского барона Козмо Комина Брэдуордина «чужим» для своей страны и вынудила на время покинуть Шотландию. Он много путешествовал и состоял на военной службе в Париже.

Долгая жизнь во Франции оказала влияние на поведение героя. Однако если у Фёргюса воздействие французской культуры привело к изменениям на этнопсихологическом уровне, то барону удалось сохранить особенности шотландского менталитета и ловко сочетать их с внешними атрибутами другой культуры. Барон перенял у жителей Парижа костюм, «но не свободу в обхождении ... Одет он был небрежно, скорее на французский, чем на английский лад... После первого рукопожатия на английский лад он обнял его *à la mode française*» [4. С. 127–128].

В образе барона Скотт, усиливая реалистическое начало, показывает столкновение нескольких культур: «своей» – шотландской, «другой» – английской и «чужой» – французской, отражающее реальную ситуацию межкультурного взаимодействия начала XIX в. При этом французская и английская культуры находятся в оппозиции друг к другу, воссоздавая исторический контекст их противостояния, который берет свое начало в 1066 г., ознаменовавшимся норманнским завоеванием Англии.

Синтез культур, проявляющийся в привычках и одежде барона, придает его образу «разношерстность» [4. С. 127], которая находит свое выражение и в речи персонажа. Язык является одним из главных признаков «своего» и «чужого». Речь барона, наполненная французскими и латинскими вкраплениями, становится яркой характеристикой героя, его политических симпатий, идеологических убеждений, мировоззрений и создает исторически правдоподобный образ.

Изображая барона как «чужого» по отношению к английской королевской власти, автор стилистически, с помощью неанглийских слов подчеркивает его отдаленность от английской культуры: «Вскоре после обеда барон... предложил посетить покои Розы, или, как он их называл, *ee troisième étage*» [4. С. 155]; «Барон ... собственноручно изволил ободрать и выпотрошить животное своим *couteau de chasse* (что, как он заметил, французские *chasseurs* называют *faire la curée*)» [4. С. 152].

В зависимости от ситуации французские и латинские вкрапления в речи барона могут составлять одно слово, выражение, или целую фразу:

– Клянусь честью джентльмена, – воскликнул барон, – видя вас, мистер Уэверли, я просто сам молодею. Достойный побег древнего ствола Уэверли Онора – *spes alters*, – как выразился Марон! ... Правда, вы не такой еще статный, как мой старый друг сэр Эверард, *mais cela viendra avec le temps*, как выразился мой голландский знакомый барон Киккитбурк о *sagesse de madame son épouse*... Но время идет, *et singular praeduntur anni* – ничего не может быть вернее [4. С. 129].

– Но я надеюсь, что вы оцените мое бордо; *c'est des deux oreilles*, как говаривал капитан Венсоф, *vinum primaе potae* – так называл его ректор коллежда в Сэнт-Эндрусе [4. С. 130].

Барон Брэдуордин часто употребляет имена собственные, придавая некоторым из них французское произношение: «он поспешил испросить у присутствующих внимания в отношении военной песенки, которую особенно любил *le Maréchal duc de Berwick*» [4. С. 138]; «...я же должен заверить вас, что лишь сознание *d'être dans son tort*, как сказал мне однажды по такому поводу французский офицер *monsieur Le Bretteleur*, и уверенность в ваших высоких достоинствах смогли исторгнуть у него такие уступки» [4. С. 145].

В подобных контекстах упоминание лица и его имени очерчивает географию путешествий барона и широкий круг его знакомств, в число которых входят представители другой культуры. В личных отношениях с этнически «другими» Брэдуордин раскрывается как общительный, дружелюбный, миролюбивый и толерантный человек. Испытав большое инокультурное влияние, барон становится чужд национальным предрассудкам. Он радушно принимает своего политического врага английского офицера Уэверли: «Они находили удовольствие во взаимном общении, хотя характеры их и образ мысли были во многих отношениях непохожи» [4. С. 153].

Терпимость, которую демонстрирует барон в общении с людьми разных культур, и его открытость создают определенный контраст англичанам.

Ярким представителем английской культуры в романе выступает полковник Филипп Толбот – «типичный английский офицер, открытый, великодушный, но вполне способный питать предубеждения против людей иной национальности или противоположных политических взглядов» [4. С. 436]. Пылкие шотландцы видят в Толботе «гордого, ледяного англичанина» [4. С. 450] и упрекают его за «предрассудки, которые так свойственны англичанам» [4. С. 446].

Противопоставляя культурные обычаи и национальные чувства англичан и шотландцев, Скотт дает возможность проследить процесс установления мирных отношений и дружеских контактов. Следуя романтической идеализации, автор создает поле «Общего», где различия культур уступают место сближению и сотрудничеству и где «чужое» перестает существовать. Одним из таких полей является любовь к родной стране. Но если у англичан любовь к родине проявляется в защите ее национальных интересов, территориальной целостности и государственном развитии, то у шотландцев она выражается в чрезмерной привязанности к старине и нежелании перемен.

Страсть к древности проявляется в речи барона через его любовь к латинскому языку и римским историкам. Скотт убежден, что, сохраняя свою самобытность, шотландцы должны отказаться от слепого следования устаревшим обычаям, которые являются причиной разделения страны. Именно поэтому он критикует барона, замечая, что тот «извергал латынь» [4. С. 138] и «был недурным представителем старины» [4. С. 151]. О бароне Скотт с иронией и юмором пишет, что «единственным развлечением было чтение его старого друга Тита Ливия. Для разнообразия он иногда выцарапывал на стенах латинские изречения и тексты священного писания» [4. С. 537].

Для преодоления национальных разногласий Скотт вовлекает семью и друзей офицера Толбота в дело восстановления разрушенного англичанами поместья барона Брэдуордина. Это обстоятельство помогает героям лучше узнать и понять друг друга, преодолеть предрассудки и раскрыть лучшие нравственные качества, такие как верность дружбе и стране, честь, мужество, терпимость.

Сближение борющихся культур заметно и на языковом уровне. После разгрома армии повстанцев, в общении с англичанином Толботом барон меняет свою речевую манеру. Проявляя межкультурную чуткость и уважение к национальным чувствам полковника, он перестает обращаться к французскому языку. Речь шотландца, лишенная французских вкраплений, помогает сформировать позитивное отношение к нему английских собеседников и свидетельствует о гибкости его характера и изменениях в его политическом настрое.

Используя романтическую поэтику, Скотт пытается разрушить устоявшийся в сознании англичан негативный стереотип шотландца-чужака. В образе барона Брэдуордина автор усиливает благородные черты нации и смягчает отрицательные, демонстрируя, что подлинный шотландец способен преодолеть глупое упрямство и, сохраняя свою национальную культуру, сможет переосмыслить изжившие формы государственного уклада, терпимо отнестись и принять рациональные изменения нового времени и представить свою культуру неотъемлемой частью единого Британского Королевства.

Литература:

1. *Лашкевич А. В.* Романтизм в Англии // Романтизм в западноевропейских литературах I половины XIX в. / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1987. С. 44–46.
2. *Попова М. К.* Проблема национального самосознания и образ «другого» в исторических хрониках Шекспира «Генрих IV» и «Генрих V». // Попова М. К. Национальная идентичность и ее отражения в художественном сознании. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. С. 62–70.
3. *Попова М. К.* Проблема национальной идентичности и литература // Вестник ВГУ. Серия 1: Гуманитарные науки. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. № 2. С. 45–48.
4. *Скотт В.* Собр. соч. в 20-ти томах. Т. 1: Уэверли. М.: Гос. изд-во художеств. литер., 1960. *Фененко Н. А.* Конфликт культур сквозь призму языков // Язык реалий и реалии языка. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 110–117.

И. В. Морозова

Российский государственный гуманитарный университет

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ЮЖНОЕ СООБЩЕСТВО В РОМАНЕ А. ЭВАНС «МАКАРИЯ»

Августа Эванс была одной из наиболее популярных авторов американского Юга, она внесла значительный вклад в развитие литературы и культуры этого региона. Ее роман «Макария» (1863) повествует о южанках, принесших в жертву свои жизни ради Конфедерации. Написанный в разгар Гражданской войны, роман актуализировал южное желание независимости, отразил наиболее значимые идеи «южности» и основные содержательные компоненты мифа «проигранного дела», его темы, образы и символы. Роман представляет сугубо южную точку зрения на причины великого национального конфликта.

Ключевые слова: Гражданская война, литература и культура Юга, женское творчество, южный миф.

Irina Morozova

Russian State University for Humanities

CIVIL WAR AND SOUTHERN COMMUNITY IN AUGUSTA EVANS' "MACARIA"

Augusta Evans was one of the most popular Southern authors who contributed significantly to the literary and cultural development of the South. Her novel Macaria (1863) is about Southern women who sacrificed their lives for the Confederacy. Written during the Civil War events, this novel promoted Southern desire for independence and reflected the most essential ideas of Southernness and outlined the Lost Cause themes, images and symbols. The novel represents the Southern point of view upon the reasons of the great national conflict.

Keywords: Civil War, Southern literature and culture, women's writings, Southern Myth.

Гражданская война в США – одна из самых важных вех в истории этой страны. Общеизвестны причины, приведшие к общенациональному конфликту, ясна и историческая закономерность победы Севера над рабовладельческим Югом, тем не менее тема Гражданской войны, порожденные ею образы и мифы по сей день остаются предметом постоянного внимания не только со стороны историков, но и служат объектом репрезентации в художественном творчестве. Можно сказать, что Гражданская война создала свой собственный текст о великом трагическом противостоянии, который остается актуальным и подвергается все новым интерпретациям.

За последние десятилетия американскими исследователями был сделан новый шаг в изучении этого текста благодаря обращению к забытым и еще до недавнего времени считавшимся маргинальными произведениям, созданным белыми женщинами-южанками в до- и послевоенный период и породившими особый женский дискурс в общем тексте Гражданской войны. Как отмечает С. Гарднер, Гражданская война заставила южных белых женщин взяться за перо по многим причинам: кто-то хотел запечатлеть миг истории, кто-то – отвлечься от собственных невзгод, почувствовав их незначительность по сравнению с общей катастрофой, кого-то война заставила впервые задуматься над политическими проблемами, кто-то писал для солдат Конфедерации, дабы поддержать их дух. Причин множество, и все они образовали «легион воительниц чернил и пера» [2. Р. 16].

Основной корпус этих произведений составляют дневники, в которых, по выражению Эммы Холмс, одной из их создательниц, южные женщины вели «запись событий, запечатлевавших формирование и рост нашей великолепной Конфедерации Юга» [2. Р. 14]. Вполне объяснимо, что и известные к тому времени на Юге романистки не могли не обратиться к главным событиям в своих произведениях.

Примером тому может служить творчество Августы Эванс (*Augusta Evans*, 1835–1908), в котором отразились самые насущные проблемы жизни южного общества до и после

Гражданской войны. Она всегда открыто заявляла о своей непримиримой позиции в отношениях с Севером. Так, накануне войны Августа Эванс откровенно провозглашала себя сторонницей выхода Юга из союза: «Я честная и бескомпромиссная раскольница... В течение пятнадцати лет мы, южане, подвергались оскорблениям и агрессии, ироническим насмешкам над нашим справедливым возмущением и страдали от неисчислимых вмешательств в нашу жизнь только из-за нашей верности «союзу»: мы содрогнулись и отступили от указанной дороги в величественный Храм, триумфально выстроенный нашими прадедами» (*Letter of A. Evans to L. V. French: Quote*) – [З. Р. 180].

О «бескомпромиссном раскольничестве» А. Эванс красноречиво свидетельствует факт ее биографии: она разорвала помолвку с журналистом из Нью-Йорка из-за того, что тот поддержал на выборах Линкольна. Позже в романе «Макария, или Жертвенные алтари» (*Macaria, or Altars of Sacrifice*, 1864) она так охарактеризует ощущения южан после победы Линкольна: «Шестого ноября закат упал на обширную и густонаселенную империю, богатую ресурсами, способную достичь высшей точки человеческого величия и процветания, претендующую на роль лидера свободного мира. Стало ясно, что нация разорвана на две части, между которыми разверзлась бездонная, не имеющая мостов пропасть... и душераздирающий вопль ужаса пронесся над землей, когда открылись бронзовые, с запекшейся на них кровью, ворота Януса. Линкольн избран. Отвратительный и лишенный стыда аболиционизм, так долго маскировавшийся, надел государственные одежды; и пока Север разглядывал омерзительное лицо своей политической Мекки, Юг готовился к сопротивлению» [1. Р. 132–133].

Когда началась война, Августа Эванс стала одной из самых активных деятельниц Конфедерации: она выезжала на места боевых действий, работала в госпитале. Ее собственный опыт и многолетние размышления о судьбе Юга нашли всестороннее отражение в романе «Макария».

Повествование предваряется исполненным пафоса посвящением: «Армии южной Конфедерации, которая спасла Юг от деспотизма и завоевала для еще не родившегося поколения драгоценную награду конституционной республиканской свободы: тому обширному легиону чести... историческая память о котором умрет только с исчезновением нашего языка» [1. Р. 1]. Роман с таким посвящением, безусловно, был чрезвычайно популярен среди конфедератов: многие солдаты носили его с собой, а некоторые признавались, что прижатая к груди книга А. Эванс спасла их от пули или штыка.

Основная идея романа выражена в самом его названии. Героиня греческой мифологии Макария, дочь Геракла и Деяниры, ради победы своих братьев Гераклидов принесла себя в жертву Персефоне, узнав, что один из детей должен был быть принесён в жертву. Такую же жертву готова принести и главная героиня романа Ирен Хантингдон, если бы это помогло ее родному Югу: «В древние времена, когда Эврисфей угрожал Афинам, Макария, дабы спасти свой город и свою землю от вторжения, с готовностью принесла себя в жертву богам ... Какая же это легкая задача по сравнению с той, которую призвана решить я! Я не могу, пожертвовав собой, освободить свою страну (как сделала Макария), я лишена этой привилегии, но готова отказаться от большего, чем она когда-либо владела. Я отдаю все на земле – моего отца и себя самое – ради нашей возлюбленной и страдающей страны» [1. Р. 146].

Однако жертва ради спасения своей земли не является единственной в романе Эванс. Множественное число слова «алтарь» в названии романа соответствует пониманию писательницей сущности жизненной позиции южан в целом. Поэтому на протяжении всего романа слово «алтарь» является ключевым не только в отношении решимости главных героев погибнуть во имя родного Юга. Для Эванс вся жизнь южан превращается в процесс принесения себя в жертву, этого требуют долг и обязательства. При этом Эванс трактует само понятие жертвенности двояко. С одной стороны, это может быть «семейный алтарь», «божественный алтарь», «священный алтарь науки», «алтарь замужества», «алтарь Юга», когда человек сам готов принести себя в жертву ради высоких идеалов. С другой стороны, существует «алтарь денег», «алтарь дочернего послушания», воздвигнутый отцом «поверх

господнего», «алтарь неумолимой ненависти», когда человек становится жертвой внешних сил, где ничего не зависит от его собственной воли и желания.

Жертвенный алтарь в интерпретации Эванс амбивалентен, и не только отдельный человек, но весь Юг является объектом его двойственной природы. Война за независимость Юга особенно ярко демонстрирует эту амбивалентность. Юг становится жертвой политической игры и демагогии Севера, но одновременно, отстаивая демократические права на самоопределение, добровольно приносит себя в жертву идеалам Республики: «Правительство в Вашингтоне уничтожило все конституционные формы, чтобы развязать себе руки для своей кровавой работы, и погрузилось в окончательный деспотизм... воздвиглись дымящиеся алтари Богу войны, обгаренные благородной кровью поверженных героев» [1. P. 136].

Однако прежде чем принести себя в жертву этому последнему алтарю, герои романа Эванс проявляют жертвенность на протяжении всего повествования. Роман отражает двадцать лет жизни южной общины маленького городка «W-» штата Джорджия на примере описания судьбы трех молодых южан: Рассела Обри, бедного, но благородного юноши, мечтающего стать юристом, его осиротевшей кузины Электры Грей, наделенной талантом художницы, и Ирен Хантингдон, наследницы крупной плантации. Выбор именно таких героев не случаен: три идеальных героя, увлеченных и деятельных, символизируют собой три главные социальные сферы, где, по мысли А. Эванс, Юг должен был сосредоточить свои основные силы для победы над Севером – политика, художественное творчество и плантационное хозяйство. Писательница показывает тот путь, по которому Юг должен был пройти, чтобы окрепнуть для решающей битвы: Электра уезжает учиться в Европу, Рассел избирается в Конгресс, а Ирен после обучения в пансионе в Нью-Йорке возвращается в родной дом.

После жизни в Нью-Йорке Ирен видит глубокое различие между деятельным, быстро меняющимся Севером и традиционным, консервативным южным обществом. Ее родной город, вполне типичный для Юга, изменился за четыре года ее отсутствия лишь внешне – были построены новые дома, выросли деревья, но сущность его общины осталась прежней, о чем с известной долей иронии пишет Эванс: «Общество «W-» считалось в высшей степени утонченным. Оно было сгустком богатства и изящества; джентльмены, чьи плантации находились в соседних графствах, обосновались в городе вместе со своими семьями; те из них, кто проводил зиму на побережье, отдыхали здесь летом; адвокатура тут обладала самыми богатыми дарованиями среди всех штатов, школа считалась непревзойденной; город гордился своим концертным залом, читальней, прелестным зданием суда, удобной, хорошо оборудованной тюрьмой и полудюжиной таких симпатичных церквей, о которых можно было только мечтать. Я бы хотела избежать этого термина, но, к сожалению, для него не существует синонима – «W-» был, без сомнения, «аристократическим» местом» [1. P. 73].

Независимый характер Ирен во многом противоречит традиционному образу изнеженной южной леди: она не только ухаживает за больными бедными людьми, учит грамоте детей, но и, демонстрируя свое право на свободу и независимость, отвергает решение отца о ее браке с кузеном, которого считает бездельником и прожигателем жизни. Она мотивирует свое неподчинение тем, что отец имеет «полное право руководить», но не имеет права принимать решения без ее согласия, поскольку она родилась «свободной американкой».

Данное высказывание Ирен и те действия, которые она совершает, руководствуясь этим принципом, чрезвычайно важны для понимания концепции Августой Эванс сущности свободы не только для женщины, но и для страны в целом. Оспаривая право отца на то, что ей должно делать, она, вместе с тем, убеждена, что он может наложить запрет на какие-то действия. Поэтому она отказывается от своей любви к Расселу, так как отец находится в давней вражде с его семьей, и поскольку она не может выйти замуж за любимого человека, то отказывается от идеи замужества вообще. Независимость Ирен состоит в том, что она сознательно делает выбор, жертвуя своей любовью ради сохранения покоя отца, но не принимает слепо и покорно его деспотизма.

Поведение Ирен является развернутой метафорой отношений между Югом и Севером. Эванс считает, что правительство страны не имеет права указывать Югу, что ему делать, как развиваться, тогда Юг будет считаться с теми поправками, которые будет вносить правительство. В этом соотношении свободы выбора и готовности к подчинению герои «Макарии» видят истинную ценность демократии, отвергая при этом политику полного подчинения мнению большинства. Так, Рассел видит в политике Вашингтона деспотическое начало, которое может привести к тяжелым последствиям для сосуществования двух регионов. Юг, по мнению Рассела, стал жертвой северных политиканов. Побывав на митинге республиканцев в Нью-Йорке, он приходит в ужас от того, как умело используются непросвещенные в сущности американской демократии тысячи эмигрантов, чтобы голосовать против Юга. Он возвращается на Юг, чтобы на месте противостоять северной демагогии, поскольку «разрушительные волны северного духа раздора и фанатизма угрожают нашей проверенной временем и честью конституционной дамбе, и Юг должен укрепить свой оплот» [1. Р. 98].

Однако президентские выборы окончательно убеждают Рассела в том, что войны не избежать. Эванс подробно описывает охватившее весь Юг чувство патриотизма, которое ощущали южане, когда началась война. Показывая единение и величие южан в порыве отстоять свою землю, Эванс изображает их как самоотверженных, идеальных женщин и мужчин, бросивших вызов деспотизму в защиту демократических свобод: «Нация работающих, трудолюбивых, исполненных молитвами сердец и сильных духом женщин и рыцарственных, высоко духовных, героических мужчин, которая никогда не знала того, что американцы смогли бы жить и не быть свободными. Даруй нам нашу награду, Господь, – независимость земли, которую мы ценим как самое дорогое в жизни» [1. Р. 137].

Изображая сцены военных действий, Эванс подчеркивает единение всех южан независимо от их социального статуса в довоенное время. Так, мы видим, как в битве при Манассасе, которая была победной для южан, плечом к плечу сражаются бывший алкоголик (т. е. «бедная белая шваль»), бросивший пить, чтобы сражаться за родину, верный черный раб вместе со своим хозяином-плантатором, юрист и конгрессмен. Женщины в это время работают в военном госпитале Ричмонда. Таким образом, здесь представлены все представители южного сообщества, устремившиеся в едином порыве отстоять независимость своей родины.

Совместная цель, которой Юг был лишен до войны, что видно в описании городка «W–», сплотила южную общину и нивелировала все различия между южанами, она примирила бывших непримиримых врагов. Так, тяжело раненный Леонард Хантингдон, отец Ирен, перед смертью просит прощения у Рассела, пытающегося спасти его. В каждой сцене этой битвы мы видим благородство южан, их бескорыстие и все самые лучшие качества человеческой натуры.

Интересно, что для Эванс, которая описывает битву спустя два года, уже ясно, что победа была лишь призрачной удачей, поэтому она окрашивает эту победу в довольно мрачные тона – в этой битве погибают практически все мужчины, знакомые читателю по предыдущему повествованию. Остается в живых лишь Рассел, однако и он в конце романа также погибает. Ирен и Электра, специально вернувшаяся из Европы, чтобы быть полезной Югу, остаются одни.

Финальная сцена романа весьма символична. Электра завершает работу над своим первым эпическим полотном, которое она называет «Современная Макария». Картина представляет собой аллегорическое изображение двух женских фигур – Независимости, которая держит в руке флаг Конфедерации и попирает ногой федеральный стяг, и фигура Мира, закрывающая рукой пушку. Между ними – поле мертвых тел, над которыми склонилась фигура матери в образе окаменевшей Ниобы, рядом с ней – молодая жена, оплакивающая своего мужа, а недалеко от них – собака, лижущая руку седовласому старцу с раной в груди. «Ни голубые тени, ни розовые туманы, ни золотой закат заходящей славы не смягчали эту сцену жертвоприношения» [1. Р. 183]. Аллегорически картина отражает Юг,

его бесчисленные жертвы и показывает, что здесь остались только женщины, принесшие в жертву своих дорогих и близких.

В противоположность героиням романов, созданных южанками в довоенный период, где они находят свое предназначение в домашней сфере, Ирен и Электра остаются не замужем; смысл их жизни теперь заключается в служении побежденной, но не покоренной родине. Так, Электра, чье имя символизирует идею отщепенца, говорит: «Я хочу возложить свою «Современную Макарию», как первое произведение искусства Юга, на алтарь моей страны, и пусть она послужит ядром, вокруг которого соберутся более достойные и благородные картины, сотворенные руками моих соотечественников и соотечественниц, вновь соединившихся в одно целое» [1. P. 180].

Безусловно, Августа Эванс преследовала в своем произведении эту же цель, и роман, как представляется, был задуман писательницей как современный миф: в данном случае уместно вспомнить и применить к этому роману фразу О. де Бальзака о «Шагреновой коже» – в этом романе «все миф и все символ». В этом смысле важной является специально выделенная в посвящении мысль о том, что память не исчезнет, пока будет жить язык, что демонстрирует то исключительное значение, которое Августа Эванс придавала художественному способу освоения действительности. Именно поэтому, стремясь к созданию современного эпоса, она обращается к античному мифу, пережившему свое время, но сохраняющему в памяти людей неуывающий образ героического прошлого. Закономерным поэтому становится то, что в качестве символа Юга она выбирает героиню греческой мифологии. В целом роман изобилует, если не сказать перенасыщен, аллюзиями на греческую и – чуть реже, римскую мифологию и историю. Так, Юг ассоциируется с Афинами, где расцвели демократия и искусство, или с Троей, предательски захваченной практичным Одиссеем. Имена главных героинь также вызывают в памяти массу аллюзий на мифические сюжеты, а политические деятели сравниваются то с Цезарем, то с Одиссеем, то с Агамемноном. Можно сказать, что в романе Августы Эванс происходит окончательное закрепление идеологии Юга в форме мифологических сюжетов и образов.

Роман «Макария», безусловно, лишен объективного и непредвзятого подхода к изображению исторически важного противостояния Севера и Юга, приведшего к Гражданской войне. Написанный «бескомпромиссной раскольницей», он, естественно, отражает исключительно южный взгляд на события, где Юг представлен и как жертва политических интриг Севера, и как осознанная самими южанками жертва, приносимая ради сохранения демократических установлений отцов-основателей. Однако этот роман при всей его тенденциозности является важной вехой в процессе выявления причин великого национального конфликта, поскольку во многом проясняет, почему южане «шли на смерть, борясь за принципы, которые якобы не имели реальной силы» [4. P. XI].

Литература

1. *Evans A.* *Macaria, or Altars of Sacrifice.* Richmond: West & Johnson, 1864.
2. *Gardner S. E.* *Blood and Irony: Southern White Women's Narratives of the Civil War, 1861–1937.* Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2004.
3. *Jones A. G.* *Tomorrow Is Another Day: The Woman Writer in the South, 1859–1936.* Baton Rouge, London: Louisiana State University Press, 1981.
4. *Wyatt-Brown B.* *Southern Honor: Ethics and Behavior in the Old South.* New York & Oxford, 1982.

Жан-Люк Моро

Национальный институт восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция)

КЛАССИК ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: БАБАР

Бабар является одним из самых любимых героев французской детской литературы. Статья излагает вкратце содержание первых книг, которые Жан де Брюнофф написал и проиллюстрировал до своей ранней смерти в 1937 г. (его сын Лоран продолжит позднее серию). Бабар одновременно – слон и человек, ребёнок и взрослый, король и основатель социалистического города-сада. Естественные рисунки и весёлый колорит альбомов Жана де Брюноффа возобновили искусство французской детской книги. Небезынтересно сопоставить их с иллюстрациями его великих русских современников.

Ключевые слова: французская детская литература, первые книги Жана де Брюноффа, популярный герой Бабар.

Jean-Luc Moreau

National Institute for Oriental Languages and Civilizations (Paris, France)

A CLASSIC OF FRENCH CHILDREN'S LITERATURE: BABAR

Babar the elephant is one of the most popular heroes in French children's literature. This paper presents briefly the contents of the first books written and illustrated by Jean de Brunhoff before his premature death in 1937 (his son Laurent carried on later the series). Babar is both animal and human, both a child and an adult, both a king and the founder of a « socialist » garden-city. His creator was first of all an artist whose simple drawing and merry colours brought an important revival in book for children. It would be interesting to compare him with some of his Russian contemporaries.

Keywords: French children's literature, Jean de Brunhoff's first books, Babar.

Jean-Luc Moreau

Institut National des Langues et Civilisations Orientales (Paris, France)

UN CLASSIQUE DE LA LITTÉRATURE FRANÇAISE POUR ENFANTS: BABAR

Pour Tamara Ivanovna
avec mon amitié

Babar est l'un des héros les plus populaires de la littérature française pour enfants. Cette contribution rappelle brièvement le contenu des premiers albums écrits et illustrés par Jean de Brunhoff avant sa mort prématurée en 1937 (son fils Laurent poursuivra plus tard la série). Babar tient à la fois de l'animal et de l'humain, de l'enfant et de l'adulte: devenu roi, il fonde une cité-jardin digne d'un idéal socialiste. Le dessin dépouillé, les couleurs joyeuses de Jean de Brunhoff ont renouvelé l'art du livre pour enfants. Il n'est pas illégitime de le comparer à certains des grands illustrateurs russes de son temps.

Mots-clefs: littérature française pour enfants, premiers albums de Jean de Brunhoff, Babar.

L'épouse du peintre Jean de Brunhoff, Cécile, aimait raconter des histoires à leurs fils. Un jour, elle inventa celle du petit éléphant qui s'enfuit pour échapper au méchant chasseur et se retrouve dans une ville. Elle leur plut; ils la racontèrent à leur père; il en fit pour eux un livre illustré, puis la développa, imagina de nouveaux épisodes, l'enrichit de son talent et de sa sensibilité. Babar, classique de la littérature enfantine, était né.

Le premier album, *L'Histoire de Babar le petit éléphant*, est publié en 1931. Suivent *Le voyage de Babar* (1932), *Le roi Babar* (1933), *l'ABC de Babar* (1934), *Les vacances de Zéphyr* (1936). Jean de Brunhoff, atteint de tuberculose, meurt en 1937, à l'âge de 38 ans. Deux albums posthumes, esquissés par lui en noir et blanc, paraissent encore, coloriés par d'autres: *Babar en famille* (1938), dont il avait réalisé tous les dessins, puis *Babar et le père Noël* (1941), montage de séquences

inachevées. L'artiste avait semble-t-il l'intention de s'en tenir là, mais l'un de ses fils, Laurent, qui à sa mort n'avait que douze ans, prendra la relève. Peintre lui-même, auteur de toiles abstraites très éloignées de l'esprit d'enfance, il saura conserver la fantaisie et la verve de son père sans pour autant renoncer à sa propre personnalité. D'aucuns regretteront pourtant le caractère pléthorique d'une série qu'il enrichira d'une trentaine de titres. Plus grave: des tirages en petit format, au nombre de pages réduit, aux couleurs épaisses, seront mis sur le marché. Certaines des plus belles illustrations y seront sacrifiées. D'autres, primitivement isolées, se trouveront regroupées sur une même page où, comme écrasées, elles ne pourront plus respirer. Or le charme des albums originaux de Jean de Brunhoff (les seuls dont nous parlerons ici), c'est que l'enfant, comme l'a souligné le grand illustrateur américain Maurice Sendak, peut non seulement y entrer mais «y grimper».

L'intrigue du premier Babar est d'une grande simplicité, mais parce que cette histoire a été inventée avec et pour des enfants, son schéma répond aux lois les plus profondes du conte initiatique. Le père du héros n'est jamais mentionné; sa mère, dès la troisième page, est tuée par le chasseur. Comme Bambi – comme Tintin – Babar est un orphelin. Comme tout enfant, c'est en apprenant à se débrouiller seul, à se passer de ses parents, qu'il acquiert son autonomie. Réfugié à la ville, il fait la connaissance d'une vieille dame qui l'accueille et l'éduque. Un jour, il retrouve sa cousine Céleste, qui a fait une fugue avec son petit frère Arthur. Il revient avec elle dans sa forêt natale. Son savoir lui vaut d'y être élu roi. Il épouse Céleste.

Dans le second album, Babar et Céleste partent en voyage de noces, en ballon. La tempête les jette sur une île où «de féroces sauvages cannibales» prétendent manger Céleste. Babar la sauve. Une baleine les prend sur son dos, mais par étourderie les abandonne sur un récif minuscule. Un grand bateau finit par passer. On les repère, on les recueille, mais ils ont perdu leurs couronnes, personne ne veut croire qu'ils sont le roi et la reine des éléphants. Le commandant «les fait enfermer dans l'écurie» et les vend à un dompteur qui les exhibe dans un cirque. Ils s'échappent, retrouvent la vieille dame, rentrent au pays des éléphants, que les rhinocéros viennent de dévaster. Grâce à une ruse de guerre, Babar chasse les envahisseurs. Il retrouve sa couronne et la paix.

L'éléphant est un animal qui plaît aux enfants. Sa rondeur semble exclure toute agressivité. Son calme rassure. Claude-Anne Parmegiani, grande spécialiste française de la littérature de jeunesse, écrit: «Le corps de l'animal apparaît comme la représentation idéale du corps symbolique de l'enfant, bien qu'à première vue le choix de cette grosse bête semble contradictoire avec l'idée de petitesse et de fragilité du modèle humain. Or c'est précisément dans cette opposition apparente que réside l'intérêt de la démarche de l'artiste français. En choisissant l'éléphant parmi la variété des espèces animales, il dépasse le caractère de ressemblance extérieure, sur lequel se fonde Beatrix Potter, pour mettre en évidence l'analogie psychologique et sociale. La plasticité de la silhouette de l'éléphant, la souplesse des formes rondes permettent ... d'établir une correspondance sommaire entre le corps du jeune enfant et celui de l'éléphant. Tous deux présentent une même absence de cou, les mêmes articulations enrobées, les mêmes membres potelés, la même silhouette à peine ébauchée.» Ajoutons qu'en français, éléphant rime avec enfant; que quand Babar devient adulte et bipède, sa taille n'est guère plus grande que celle d'un adulte humain; que ses défenses sont si courtes qu'elles se confondent avec le col de sa chemise. Double de l'enfant au début de son histoire, il n'a aucune peine à devenir ensuite un substitut de l'image paternelle. Son anthropomorphisation, ainsi que celle des autres éléphants, se produit de manière progressive. Au tout début, Babar et sa mère, s'ils ont déjà quelque chose d'humain, le doivent plus à leur comportement qu'à leur apparence physique. Babar est couché dans un hamac et sa mère, qui «l'aime beaucoup... le berce avec sa trompe en chantant tout doucement.» Sur la double page suivante, les éléphanteaux, comme de jeunes humains, jouent les uns au ballon, d'autres dans un tas de sable; d'autres encore se baignent; l'un d'eux fait même la planche. Tous restent nus et marchent à quatre pattes, mais dès que Babar, parvenu en ville, fait, grâce à l'argent de la vieille dame, l'acquisition de vêtements, il devient bipède et commence à se comporter comme un humain. D'éléphantin il n'a plus que la tête. Il mange à table, dort dans un lit, fait de la gymnastique, se baigne dans une baignoire, se promène en auto, apprend à lire, à écrire et à compter, devient un brillant causeur.

Les vrais humains, autour de lui, ne se définissent que par leur statut social ou professionnel. Aucun ne possède de nom propre; ce sont des figurants. Les femmes, assez nombreuses, jouent un rôle conventionnel, conforme au modèle de la bourgeoisie française de l'époque. Céleste, devenue adulte, fait preuve d'une inébranlable fermeté dans les épreuves. Patiente, constante, courageuse, discrète, elle a la docilité d'une épouse bourgeoise et c'est bien sûr une mère attentive. Deux autres figures la complètent, celle de Pom, sa fille, et celle de la vieille dame. Ainsi l'artiste peut-il montrer la femme à différentes époques de sa vie, dans des rôles complémentaires. Mais l'image maternelle est omniprésente, qu'il s'agisse de la maman éléphant chantant des berceuses pour endormir Babar, de la vieille dame, ou encore, plus tard, de la nurse ou de la mère singe mitonnant de bons petits plats pour toute la famille.

Les albums de Babar sont des fantaisies, des contes merveilleux destinés aux petits, mais ils reflètent l'époque, la culture et la vision du monde de leur auteur. Babar n'est pas un roi de droit divin. Malgré son titre et sa couronne, attributs ordinaires de la souveraineté dans les contes, il ressemble plus au président élu d'une démocratie libérale moderne. Cet orphelin ne doit pas sa promotion à sa naissance. C'est parce qu'il est instruit que les autres éléphants le choisissent pour roi. C'est de leur assemblée qu'émane sa souveraineté.

Le roi Babar, troisième volume de la série, est entièrement consacré à l'organisation du pays et de la société. Dès la première double page, Babar choisit l'emplacement de sa ville en faisant preuve d'un souci écologique digne des plus grands urbanistes. «Ce paysage est si beau, dit-il en se promenant sur les bords du grand lac, que chaque jour, en me réveillant, j'aimerais le voir. C'est ici qu'il faudra construire notre ville. Nos maisons seront au bord de l'eau, entourées de fleurs et d'oiseaux.» Pendant la construction de la ville, Babar et ses proches – Céleste, Arthur, la vieille dame et le singe Zéphyr – vêtus et debout, représentent le savoir, la culture, et donc l'autorité. Les autres éléphants, toujours nus et toujours quadrupèdes, constituent la main d'œuvre. Cornélius, le vieux sage, que seul distingue son chapeau melon, représente un état intermédiaire entre l'aristocratie du savoir et le prolétariat de la force naïve. La ville terminée, les éléphants se reposent et se baignent. Puis, fidèle à sa promesse, Babar donne à chacun « un cadeau et, en plus, des habits solides pour le travail et des costumes superbes pour les fêtes.» L'image consacrée à cet épisode est particulièrement significative. Les éléphants entrent dans une maison d'où ils ressortent bipèdes, certains déjà chapeautés, tous portant sous leurs bras les vêtements dont ils vont se vêtir.

La ville de Babar est le reflet d'une société strictement égalitaire. «Chaque éléphant a sa maison... De toutes les fenêtres on peut voir le grand lac.» Le roi et la reine ont une maison un peu plus grande que les autres, sans doute parce qu'ils sont deux, mais ils n'habitent pas dans l'un ou l'autre des palais. «Le palais du travail est à côté du palais des fêtes, ce qui est bien commode». Il comporte une école, une bibliothèque et des ateliers. Celui des fêtes est consacré au théâtre, au cirque, au cinéma, à la musique, à la danse. Claude-Anne Parmegiani parle à propos de Babar d'«une pensée fouriériste où l'acquisition du savoir repose, non seulement sur une culture de l'esprit, mais aussi sur un épanouissement du corps.» Les jardins et le théâtre du palais des fêtes ressemblent à ceux de Versailles, mais ils sont ouverts à tous. Le roi n'a pas de cour. «Les éléphants qui sont trop vieux pour aller à l'école ont tous choisi un métier.» Jean de Brunhoff nous en présente un échantillonnage en évitant tout ce qui pourrait suggérer une hiérarchie. Le cordonnier, le balayeur, le clown, l'officier, le médecin, le paysan sont tous également utiles à la communauté. Égalitarisme confirmé par la double page consacrée au défilé qui accompagne la grande fête des éléphants. On y distingue deux drapeaux. L'un au premier plan, est entièrement vert et frappé d'une tête d'éléphant. L'autre, tout au fond, est un drapeau rouge. Faut-il y voir un clin d'œil? Peut-être. Mais si le vert et le rouge sont dans l'album les couleurs dominantes, c'est surtout pour des raisons esthétiques. L'école, dans laquelle la vieille dame fait la classe aux éléphanteaux, ressemble en tout cas, avec ses petites tables, à une de ces écoles «nouvelles», dont la disposition, banale aujourd'hui, était tout à fait neuve dans l'entre-deux-guerres.

Les Vacances de Zéphyr sont un album à part en ce sens que Babar, accompagné de Céleste, d'Arthur et de la vieille dame, n'y figure qu'à la première page, de dos, au moment où ils font signe à Zéphyr qui part en vacances, en train, pour revoir sa famille. Zéphyr est un petit singe que Babar et

Céleste, à la fin de l'album précédent, ont offert à la vieille dame pour la remercier d'avoir assumé le rôle d'infirmière à l'issue de la guerre contre les rhinocéros. La ville des singes, où arrive Zéphyr, est tout le contraire de celle des éléphants. La diversité y est la règle. Le seul point commun entre les diverses maisons est qu'elles sont toutes suspendues dans les arbres. L'histoire, là encore, est des plus simples. La princesse, fille du général Huc, a été enlevée. Aidé d'une petite sirène, Zéphyr découvre qu'elle l'a été par un monstre. Celui-ci se révèle bien peu effrayant. Zéphyr l'amuse, ainsi que ses sujets, par ses histoires et ses clowneries. Il les fait danser et réussit si bien à les fatiguer qu'ils s'endorment. Il ne lui reste plus qu'à ramener la princesse à son père. L'album doit son climat poétique particulier à la fois à la fantaisie des singes et à l'évocation d'un univers végétal et aquatique où le vert tendre domine.

Certaines planches des *Vacances de Zéphyr* sont-elles, comme l'a écrit Nicholas Fox Weber, une parodie du régime mussolinien? Si l'uniforme des soldats du général Huc ressemble à ceux de l'armée italienne, ils rappellent aussi des uniformes français de diverses époques, notamment du XIXe siècle. Le colonel Aristobald adresse-t-il vraiment un salut fasciste au général Huc? Il semble bien que oui, mais là encore, rien de certain : le mouvement du bras dessiné par Jean de Brunhoff est celui dont on accompagne, en France, l'expression d'un serment, ce qui correspond à la situation : le colonel promet au général de retrouver sa fille. Les soldats des *Vacances de Zéphyr* sont des soldats de fantaisie, sortis tout droit des classiques de la littérature enfantine, tout comme, dans *Le voyage de Babar*, les « sauvages anthropophages », rencontrés par Babar et Céleste sur l'île où la tempête les a jetés.

Fantaisiste aussi, la géographie. Dans l'école fondée par Babar, la carte accrochée au mur, est celle de l'Afrique. Une tache plus colorée y met en valeur le bassin du Congo. Célesteville, ainsi baptisée en l'honneur de son épouse, rappelle par son nom Elisabethville, aujourd'hui Lumumbashi. La «forêt» natale de Babar, avec ses palmiers, se situerait donc du côté des savanes de l'ancien Congo belge. Curieusement, bien qu'on ne le voie qu'en profil perdu et le visage caché par son casque, le seul humain que Babar y rencontre, «le méchant chasseur», est de toute évidence un Européen. Les éléphants, inconsciente métaphore de la population indigène ? 1931, l'année du premier Babar, fut aussi celle, à Paris, d'une mémorable exposition coloniale. C'est aussi celle où parut – succédant à *Tintin au pays des Soviets!* – *Tintin au Congo*, dont certaines images dérangent aujourd'hui. Jean de Brunhoff, en dépit des insulaires cannibales ci-dessus mentionnés (supprimés plus tard dans certaines éditions), use moins qu'Hergé des stéréotypes de l'époque.

La ville dans laquelle Babar arrive à l'issue de sa fuite est-elle Paris, comme certains l'ont prétendu? Avec ses toits rouges, couverts de tuiles, nous l'imaginons plus au sud, mais c'est bien une ville de France. L'artiste s'est inspiré d'endroits réels, familiers à ses enfants. La campagne dans laquelle Babar se promène en voiture ressemble aux bords de la Marne, près de Chessy, où les de Brunhoff possédaient une maison. Avec son Hôtel Suisse, le paysage de montagne dans lequel il fait du ski serait une réminiscence de la station de sport d'hiver, proche de la frontière helvétique, que la famille fréquentait.

Sur l'art de Jean de Brunhoff, qui mériterait de longs développements, on se reportera surtout aux très pertinentes analyses qu'en ont données Marion Durand et Claude-Anne Parmegiani. Rappelons qu'il avait été, à l'Académie de la Grande Chaumière, l'élève d'Othon Friesz et qu'il fut très tôt attiré par l'œuvre de Raoul Dufy auquel certaines planches de Babar font penser. «Les aquarelles franches mais délicates de Jean, écrit Nicholas Fox Weber, avaient à la fois cette aisance de ton et cette saveur dans les nuances qui étaient essentielles pour Cécile et pour lui. Son art combine la spontanéité et la discipline, l'abondance et la retenue des valeurs fondamentales de leur vie. Ses peintures sont à la fois intelligentes et drôles. Leur style s'harmonise avec le récit, car tout y est également simple et direct: il n'y a ni fioriture dans l'écriture ni détail superflu dans l'image ; le détail existe s'il est essentiel au sujet traité.»

La modernité de ces premiers albums apparaît aussi dans la composition et dans la mise en page. Les grands illustrateurs du XIXe siècle étaient restés fidèles aux règles énoncées par la Renaissance, celles de la perspective, du cadrage et de l'unité narrative. Jean de Brunhoff, lui, n'entoure pas ses images d'un cadre qui les isolerait du texte. Quand Babar s'achète un costume, il suffit d'un ou deux meubles et de la position des personnages pour faire sentir la présence d'un sol et

d'un environnement qui ne sont pas représentés. Quand il se fait photographe ou quand, accoudé à une cheminée, il joue les brillants causeurs, le dessin d'un ou deux tableaux sur la réserve blanche suffit à nous faire voir un mur. Le texte, calligraphié en écriture cursive de type scolaire, s'accorde au dessin. Les illustrations de Jean de Brunhoff, par les moyens qui leur sont propres – contours cernés, contrastes de tons et de couleurs, jeu des lignes directrices... – sélectionnent le réel sans l'appauvrir et répondent aux exigences d'une perception immédiate et globale.

La couleur dans Babar n'est pas seulement décorative. Elle a aussi une fonction sémantique. Dans le premier album, le vert et le rouge se détachent sur un fond où dominent des couleurs pâles, le jaune et le marron. Le vert, d'abord couleur de la forêt natale, est aussi celle du costume que Babar endosse dans la ville et qui lui permet de mettre fin à sa fuite, à son deuil. Dans la forêt, le rouge des fleurs et des oiseaux ponctue la page de petites taches qui font contraste avec les à-plats verts. Le rouge est aussi la couleur du coup de feu qui fait de Babar un orphelin et marque l'intrusion des hommes dans le monde innocent des animaux. Quand Babar arrive à la ville, le rapport du vert et du rouge s'inverse. En ville, le rouge domine, car nous voyons les maisons de haut, le regard plonge sur les toits. Les arbres qui entourent la statue sont ridiculement petits. À la page suivante, Babar rencontre deux hommes, un civil et un militaire, dont le premier est tout de noir vêtu et dont l'autre porte un uniforme où le rouge du pantalon et du képi l'emporte par son intensité sur le vert de la veste. La vieille dame, qu'il rencontre à la page suivante, est vêtue d'une robe rouge, porte un chapeau rouge, lui tend une bourse rouge. Elle est accompagnée d'un petit chien qui porte également une sorte de vêtement rouge. Ce point est d'autant plus remarquable que la vieille dame, citadine par excellence, apparaîtra dans toute la suite de l'album vêtue de gris, couleur naturelle des éléphants, alors que Babar lui, finira vêtu de rouge lorsqu'il revêtra le manteau royal. Le rouge sera pour lui la couleur de la promotion, de l'apprentissage, de l'accession à la civilisation, à l'âge adulte et à la responsabilité. En attendant, c'est revêtu de son costume vert, dont la couleur renvoie à son environnement naturel, qu'il se rend chez le photographe et se fait tirer le portrait à côté d'un petit palmier en pot d'un vert identique, discret rappel des palmiers de sa « forêt » natale.

Le bleu, absent du premier album (du moins dans l'édition originale), est en revanche la couleur dominante du second, *Le Voyage de Babar*. Couleur du ciel et de la mer, il y symbolise l'aventure. Dès les premières pages, Babar perd son fameux costume vert. Céleste et lui, jeté sur l'île par la tempête, se retrouvent nus et gris et marchent de nouveau à quatre pattes. À la fin de l'album, Babar revêtra un costume non plus vert mais bleu «symbolisant, écrit Claude-Anne Parmegiani, son parcours initiatique et son retour dans le monde des hommes.»

Babar serait-il ce qu'il est sans le climat artistique, très international, qui régnait dans la France de 1930? Il nous plaît de rappeler ici que Jean de Brunhoff fut le contemporain d'une génération de grands illustrateurs russes, qui, dans leur pays, mais aussi en France où nombre d'entre eux émigrèrent, renouvelèrent le livre pour enfant. Il est peu probable qu'il ait eu connaissance des illustrations de V. Konachevitch (В. Конашевич), de E. Tcharouchine (Е. Чарушин), de V. Lebedev (В. Лебедев), mais il existe des affinités entre sa manière et la leur. Est-ce tout à fait un hasard si l'année 1931, marquée par la parution du premier Babar, le fut aussi par celle du premier des célèbres et toujours vivants albums du Père Castor, auxquels collaborèrent d'éminents artistes formés en Russie: Nathan Altman (Н. Альтман), Ivan Bilibine (И. Билибин), Alexandra Exter (А. Экстер), Hélène Guertik (Е. Гертик), Nathalie Parain Tchelpanova (Н. Челпанова), Fedor Rojankovsky alias Rojan (Ф. Рожанковский), Georges Tcherkessoff (Г. Черкесов) et bien d'autres. S'agissant de Jean de Brunhoff, il serait imprudent de parler d'influences réciproques. Mais voyez «l'enfant d'éléphant» dessiné dix ans plus tôt par V. Lebedev pour la couverture du conte de Kipling; voyez les singes et les éléphants dessinés par K. Rudakov pour *Le téléphone* de Tchoukovski; voyez les «gros éléphants» de Rojankovsky.

Après la première guerre mondiale, les Français, comme les Russes, aspiraient à un monde plus juste, plus paisible. Le royaume de Babar réalise l'utopie d'une société sans classe. Écologiste avant la lettre, ouvert au conseil d'Alphonse Allais, qui pour supprimer les nuisances recommandait de construire les villes à la campagne, Babar méritait bien d'arborer, pour le plaisir des petits et des grands, son beau costume «d'une agréable couleur verte».

Éléments de bibliographie

1. *Brunhof L. de.* Mon père Jean de Brunhoff, <http://prose.web.wesleyan.edu/Babar/ldb-jdb.htm>
2. *Durand M., Bertrand G.* L'image dans le livre pour enfant. L'École des loisirs, 1995.
3. *Fox Webe N.* L'art de Babar, Nathan Image, 1989.
4. Livres illustrés russes et soviétiques pour enfant, 1917–1945. Journée d'étude proposée par la bibliothèque l'Heure Joyeuse, 1999, Paris bibliothèques.
5. *Noesser L.* De ma mère l'oye au roi Babar, quelques jalons dans l'histoire de la littérature enfantine animalière, in Catalogue d'exposition, Musée du jouet de Poissy, décembre 1984.
6. *Parmegian C.-A.* Les petits français illustrés 1830–1940, Éditions du Cercle de la Librairie, 1989. (p. 209–239).

Г. В. Мосалева

Удмуртский государственный университет

КОМИЧЕСКОЕ И ИДЕАЛЬНОЕ В НАЦИОНАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОМ ЭПОСЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО

Драматургия А. Н. Островского определяется как национально-поэтический эпос, в котором отразилась народная Россия с ее тысячелетней историей и идеалами. Подвергается сомнению взгляд на Островского как на сатирика, когда комическое соотносится с категорией идеального.

Ключевые слова: жанр, комическое и трагическое, эпос и поэзия, сакрализация Слова, поэтизация имени.

Galina Mosaleva

Udmurt State University

COMIC AND IDEAL IN A. N. OSTROVSKY'S NATIONAL-POETIC EPOS

A. N. Ostrovsky's dramatic art is defined as the national-poetic epos in which Russia with its thousand-year history and ideals was fully reflected. The author disputes the point of view according to which A. N. Ostrovsky is described as a satirist and comism is related to the category of ideal.

Keywords: genre, comic and tragic, the epos and poetry, word sacralization, poetization of a name.

1. Поэтизация жанра. Комическое и трагическое. Эпос и поэзия

Выбор Островским жанра для большинства произведений весьма знаменателен: скорее всего, под «комедией» Островский подразумевал драматургическое произведение, пьесу (наподобие «Божественной Комедии» Данте), не делая особого акцента на аспекте «комического».

Многие комедии Островского внутренне драматичны и лишь с большой долей условности могут быть названы комедиями («Доходное место», «Воспитанница», «Шутники», «Пучина», «Сердце не камень», «Красавец-мужчина», «Без вины виноватые»...).

«Комическое» у Островского многоаспектно и глубинно. «Комизм» Островского, как и «комизм» Гоголя, по определению А. Григорьева, «космичен» и связан, без сомнения, со **сферой идеального**, а не социально-критического и сатирического.

«Комично» у Островского то, что противоречит Идеалу, красоте. Юмористически окрашенное восприятие героями Островского себя и жизненных ситуаций объясняет специфику их собственного национально-культурного бытия.

«Идеальный» герой Островского относится к людям и миру с мягким, никого не оскорбляющим юмором. Напротив, «герой-хищник» использует в своей речи и поведении самые сильные (жесткие) оттенки комического (злую иронию и сарказм). Таковы «шутники» Островского Филимон Протасьич Хрюков – «богатый купец», Недоносков и

Переростков – «молодые люди, одетые по последней моде», для которых подшучивание – сродни убийству:

«...Ведь этак они до того дошутятся, что могут совсем человека погубить...» [1. С. 519].

«Шутовство» бедного «отставного чиновника» Павла Прохоровича Оброшенова иного рода. Выставляясь «шутком», Оброшенов глумится не над кем-то, а над собой, поэтому его «шутовство» является самоуничижением и служит средством к спасению его дочерей.

А. И. Журавлева в своей работе «А. Н. Островский – комедиограф» обратила внимание на интерес Достоевского к «новому слову» (А. Григорьев) Островского, сутью которого является гениальное *совмещение комического и трагического, комического и идеального* [2. С. 337]. Правда, Достоевский не делает различия между комическим и сатирой.

Вообще, проблема влияния сущностных принципов драматургии Островского на эпос Достоевского еще ждет своего исследователя. Возьмем, к примеру, такую характеристику Вяч. Ивановым прозы Достоевского, как «роман-трагедия». Вяч. Иванов, как известно, возводил романы Достоевского к античной трагедии. Все это так в универсально-теоретическом плане. Однако если брать более близкий историко-литературный контекст, то следы жанрово-родового влияния на поэтику Достоевского следует искать в поэтике Островского.

Совершенно очевидно, что с момента появления в русской литературе Островского его драматургия существенно повлияла на последующую прозу и прежде всего тем, что в драматургию Островский привнес эпическое и лирическое начала. Островский, на наш взгляд, – создатель по преимуществу эпических, лирических или лирико-эпических пьес. Ранние пьесы Островского – это пьесы-картины, пьесы нравов в поэтическом воплощении. Само явление диалогизации, драматизации монологического слова у Достоевского, на наш взгляд, обнаруживает свои корни в пьесах Островского.

Достоевский не прошел и мимо подмеченной Островским идеи «шутовства-глумления» и «шутовства-самоуничижения» (юрдства). Близость «Братьев Карамазовых» к «Шутникам» Островского очевидна.

«Комедиография» Островского **поэтична**. Одним из ярких проявлений «поэтического» в пьесах Островского является архетипичность его сюжетов. Наиболее распространенный из них – сюжет «сватовства» или «женитьбы». Назовем лишь те пьесы, в которых этот сюжет обозначен уже в названии: вся «бальзаминовская трилогия», венцом которой является пьеса «За чем пойдешь, то и найдешь» («Женитьба Бальзаминова»), «Богатые невесты», «Бедная невеста», «Бесприданница». Герои таких пьес тоже архетипичны, часто они «сироты» или «жертвы»: «В чужом пиру похмелье», «Воспитанница», «Лес», «Без вины виноватые», «Последняя жертва».

В пьесах с сюжетом-архетипом нередко встречается и мотив «чудесного обогащения»: «Доходное место», «Не сошлись характерами», «Бешеные деньги», «Не было ни гроша, да вдруг алтын»; или мотив «чудесной (избавляющей от зла) любви»: «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется», «Горячее сердце», «Тяжелые дни», «Поздняя любовь», «Правда – хорошо, а счастье – лучше».

Е. Г. Холодов, завершая свое исследование об А. Н. Островском, подытожил, что в драматурге надо видеть «не жанриста, но поэта» [3. С. 527]. При изображении героев-хищников А. Н. Островский, естественно, прибегал и к сатирическим приемам как средству создания художественного образа, но преувеличивать значение приема, а тем более возводить его к уровню целостного авторского восприятия нет никаких оснований.

2. Поэтизация и сакрализация Слова

Как известно, в название многих своих пьес А. Н. Островский брал ту или иную русскую поговорку или пословицу [4].

Яркой и убедительной характеристикой **поэтического мировосприятия** Островского является именно его обращенность к народно-поэтическому творчеству, выразившаяся в пристрастии автора к народным речениям, пословицам, концентрирующим в себе народную

мудрость. А. Белецкий совершенно прав, утверждая, что «философия Островского – это философия пословицы» [5. С. 59]. Естественно, что Островский не ограничивается только философией пословицы, но она является одним из существенных поэтических символов того многовекового уклада жизни, который автор изображает.

Островский явился, по сути, создателем национально-поэтического космоса России, сплетенного, сотканного из народных речений и выражений, образующих и направляющих сюжет и его развитие. Использование паремий как определяющего повествование поэтического приема характерно уже для прозы Пушкина, затем для прозы Гоголя, а через их опыт и для Островского и Лескова, особенно ярко отразивших «национальный образ» в его исторической, психической, ментальной специфичности. Не сюжет «говорит», а речь образует сюжет, представляющий собой непрерывный, неостановимый в своих творческих возможностях процесс поэтического поименования изображаемого мира.

Причем, если в первых пьесах название-паремия связано с социально-бытовой ситуацией, с человеческими взаимоотношениями («Свои люди – сочтемся!», «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок»), то уже в последующих, в пьесах 1850-х гг., название-паремия воплощает христианское мировосприятие автора. Название пьесы «Не так живи, как хочется» имеет и вторую часть – «а так, как Бог велит», как, впрочем, и название пьесы «Не все коту масленица» тоже имеет продолжение – «бывает и Великий Пост». Поговорка или пословица отражает универсальное содержание, национальную мудрость жизни.

Название-паремия эпично. Подобная универсальность, эпичность, или соборность мышления, приводит к **сакрализации Слова**, и тогда, как следствие благоговейного отношения Островского к Слову, появляется название «Не от мира сего», имеющее, как известно, евангельский источник. В название пьесы положен ответ Иисуса Христа «Царство Мое не от мира сего...» на вопрос Пилата «не Царь ли Он Иудейский?» (Ин., 18, 36). Своим ответом Иисус ясно указывает на разделенность земного и небесного. Островский со своими героями всегда в идеале устремлен к миру небесному. Эта устремленность к горнему миру проявляется через чувство покаяния, присущего почти всем персонажам Островского.

Основным конфликтом у Островского является выбор героя между добром и злом, знаменующим тем самым дуполюсность мира Островского, его разделенность на небесную и земную сферы. Мир земной как реальное пространство у Островского наполнен трудностями, испытаниями, скорбями, что отражают названия пьес («Тяжелые дни», «Трудовой хлеб», «Бесприданница»).

Идеальность пространства небесного мира передается чаще всего через обращение к Священному Писанию и Преданию, к освященному слову («Не от мира сего»). Не случайно уже современники видели в А. Н. Островском не сатирика и бытописателя, а поэта. Тяготение к универсальному мышлению, поэтизации и сакрализации речи – это путь, присущий русской классике вообще: от Пушкина и Гоголя к Островскому, а от Островского к Лескову, Достоевскому, Чехову и Шмелеву.

3. Поэтизация имени

Про-речение о мире у Островского начинается с обозначения особого статуса имени героя. Обычно «имя» у Островского в социальной критике вспоминается лишь в связи с отнесенностью героя к купеческой среде как факт его выделенности, особенности, социальной атактичности или культурной ущербности: *Антип Антипыч Пузатов, Нил Борисыч Неудедов, Карп Карпыч Толстогоораздов...*

«Говорящие имена» Островского рассказывают не столько о купеческой среде, сколько об удивительном разнообразии и красочности мира, увиденного драматургом. И часто имя героя очерчивает национально-культурные границы сюжета. В имени героя-военного «из отставных кавалеристов» или просто «из отставных», как правило, есть указание на «легковесность», импульсивность: *Виктор Аркадьевич Вихорев, Ион Ионович Турунтаев, Егор Васильевич Курчаев, Аполлон Викторович Мурзаецкий*. В именах героев-чиновников ощущается связь звуковой оболочки имени с «книжной» семантикой: *Максим Беневоленский*,

Аким Юсов, а в именах городничих и квартальных «звериный» орнамент соединяется с мотивом «грубой силы»: *Тигрий Львович Люттов, Серапион Мардарыч Градобоев*.

Вообще, флористические и зоолого-орнитологические мотивы в именах героев Островского ярко выражены. *Флористически* окрашены имена если не положительных, то во всяком случае незлобивых героев: *Анна Петровна Незабудкина, Михайло Дмитрич Бальзаминов, Анна Прокловна Пионова, Савва Геннадьич Васильков...* Напротив, *фауносоставляющая* проявляется в именах героев-хищников: *Беркутов, Цыплунова, Галчиха*. Появление «сказочных» (*Иван-царевич, Снегурочка, Лель, Берендей*) персонажей в драматургии Островского ознаменует новый этап в его творчестве – поворот от преимущественно сюжетной драматургии к поэтической (исторической, стихотворной).

Поэтичен уже сам «социальный» состав персонажей Островского, включающий в себя «всю Россию», представителей самых разнообразных слоев России: купцов, чиновников, дворян, людей духовного пути – «подвижников веры», юродивых, свах, скоморохов, актеров, царей и царедворцев, военных, студентов, исторических и сказочных персонажей, народных героев, крестьян, мещан, гусяров, представителей делового люда – калачников, кузнецов, бирючей, берендеев... Островский размыкает границы драматургического пространства, почти повсеместно нарушая классицистические принципы единства времени и места.

Национально-эпический театр Островского, проявленный уже через имя и статус героя, поистине уникален и всеобъемлющ.

В одной из первых пьес Островского сваха Устинья Наумовна в ответ на исправление Липочкой искаженного свахой слова «брюнет» («брюле») с достоинством отвечает: «Как сказалось, так и живет». В этом ответе-поговорке сближены смыслы: **слово – жизнь**. В нем обнаруживается, на наш взгляд, один из главных принципов художественного сознания Островского – безыскусственность слова. Слово драматурга сказывается **само собой** и тем самым обретает право на жизнь.

Размышляя над именами героев Островского, можно выявить следующую закономерность. Имена героев в пьесах Островского 1840–1850-х гг. ориентированы на поэтику антропонимов. В пьесе «Свои люди – сочтемся!» своеобразную эволюцию героини передает как раз ее имя: нейтральное и полное имя дочери купца Большова – *Олимпиада Самсоновна*. Домашние называют ее *Липочкой*. В произношении Устиньи Наумовны и Подхалюзина ее полное имя превращается в *Алимпияду Самсоновну*: в имени вторая часть слова изменяется с *-ад* на *-яд*, придавая зловещий смысл имени героини. Выйдя замуж, героиня меняет и фамилию отца, становясь *Алимпиядой* (выделено мной. – Г. М.) *Самсоновной Подхалюзиной*.

Сам Лазарь носит евангельское имя, символизирующее ученика Христа или евангельского бедняка, попавшего в рай. Евангельский Лазарь был прокаженным больным, лежащим у дома богатого и равнодушного к страданиям Лазаря господина. У Островского это евангельское событие раскрывается таким образом: Лазарь, будучи слугой, грабит своего господина. В финале пьесы он, Лазарь Подхалюзин, отказывается в помощи Самсону Силычу. Бывший господин оказывается в положении жалкого раба, которому грозят каторгой и Сибирью. Подхалюзин носит имя Лазаря незаконно (не на евангельском основании), и этот момент в пьесе тоже отражается. Большов сравнивает Подхалюзина с Иудой и при этом сам чувствует вину за свое прежнее сходство с Иудой же: «Знаешь, Лазарь, Иуда – ведь он тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаем...» [1. С. 147].

В пьесах 1860-х гг. в своей стихотворной исторической драматургии Островский поэтизирует «историческое имя» (*Минин, патриарх Гермоген, Прокопий Ляпунов, Св. Сергей...*). В это время Островский находит для своего читателя и зрителя идеал человека в большой Истории и указывает на него, художественно воплощая его образ. Историческое имя идеального героя находится в поле святости. В исторической драматургии Островского идеальный герой, как правило, **иконичен**.

В пьесах 1870-х гг. Островский все больше тяготеет к поиску для героя имени-метафоры: *Снегурочка, Красавец-мужчина, Бесприданница...*

Таким образом, можно увидеть в поиске имени для героя и названия для пьесы стремление Островского ко все большей поэтизации и метафоризации, что способствует появлению в художественном мире Островского символических образов. Наконец, в пьесе «Не от мира сего» символом имени-судьбы героини становится евангельское слово.

А все эти свойства поэтической вселенной Островского лишней раз подтверждают ее абсолютную чуждость сатире.

Литература

1. Белецкий А. Цит. соч.
2. Журавлева А. И. А. Н. Островский – комедиограф. М., 1981.
3. Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1976. Т. 2.
4. См.: Белецкий А. Мудрость пословицы // Островский. К столетию со дня рождения. М., 1923; Холодов Е. Г. Указ. соч. По подсчетам Е. Г. Холодова из 47 оригинальных пьес Островского в 15-ти названиях пьесы служит пословица.
5. Холодов Е. Г. Мастерство Островского. М., 1963.

Н. Н. Орехова, З. М. Цунанова

Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР И. БРОДСКОГО: ИЗ ОПЫТА ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

В статье представлен опыт целостного филологического анализа (филологическая герменевтика) известного стихотворения И. Бродского «Письма римскому другу».

Ключевые слова: филологическая традиция, герменевтическое, филологическое прочтение, композиция, этнокультурный фон, аллюзивный пласт.

Natalya Orekhova, Zulfya Tsunanova

Glazov State Pedagogical Institute

POETIC WORLD OF JOSEPH BRODSKY: PHILOLOGICAL AND HERMENEUTIC APPROACH

An all-round philological (hermeneutic) analysis of Joseph Brodsky's poem «Letters to the Roman Friend» is presented.

Keywords: philological tradition, hermeneutic approach, interpretation, narrative structure, ethnocultural level, allusions.

Сегодня отечественное и зарубежное бродсковедение насчитывает не одну сотню публикаций, посвященных творчеству одного из крупнейших поэтов XX в. Многие из созданного прочитано исследователями, а имя Бродского прочно вошло в русскую и мировую культуру. Тем не менее смысловое богатство его поэзии в контексте европейской и мировой культуры, версификационное совершенство текстов побуждают вновь и вновь обращаться к творческому наследию поэта. В статье излагается опыт прочтения одного из самых известных стихотворений, ставшего своего рода визитной карточкой поэта, – «Письма римскому другу». В нем необычайно ярко предстает многогранность культурных смыслов в гармонии с совершенством поэтической формы. Мы следовали традициям отечественной филологической школы, используя «целостный филологический анализ» (филологическая герменевтика), связанный с именами В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского, Б. М. Эйхенбаума, Ю. М. Лотмана, Б. О. Кормана. Поуровневый анализ стиховой ткани дополнен традиционным обращением к биографическим данным, литературному контексту, этнокультурному фону, аллюзивному слою. Объем статьи позволил затронуть лишь композиционный уровень и аллюзивный фон.

«Письма римскому другу (1972) – крупная стихотворная форма. Это 18 катренов, соединенных в 9 октав. Заглавие как композиционно и семиотически сильный элемент содержит эксплицитную аллюзию к овидиевским «Письмам с Понта», которым предшествовали «Скорбные элегии» (9–13 гг.). Автор «Писем римскому другу» задает хронотоп и локус лирического субъекта, настраивая восприятие на сюжеты изгнанничества, одиночества. Выбор эпистолярной формы предполагает высокий уровень доверия к адресату, искренности, задушевности.

Ранее не привлекавший внимания бродсковедов подзаголовок «Из Марциала» столь же важен как часть античного дискурса. Он аллюзивен к римскому эпиграмматисту Гаю Валерию Марциалу (40–104 гг.), жившему веком позднее Овидия. Этот автор создал яркие, нередко шаржированные зарисовки повседневной жизни, привычек и обычаев своих сограждан, нравов порой грубых и низменных, но нередко смешных и трогательных [10, 5]. Поэтика Марциала далека от трагического мировосприятия Овидия, и сведущий читатель вправе ожидать в «Письмах» наличия бытовых сценок, темы «телесного низа», излишеств, бесчестных поступков и пр. Фраза «Вот и прожили мы больше половины» (октава VI, катрен 1) содержит аллюзию к «Божественной комедии» Данте, а также к Горацию, который в «Божественной комедии» сопровождал великого итальянца, сходящего в ад. Кроме того, «половина жизни» – автоцитация (стихотворение «1972»). Прослеживается параллелизм и с горациевской «Одой к Постуму»: оба стихотворения в финале содержат мотив «вечной природы» (включая кипарис как кладбищенское дерево) «за вычетом» лирического героя [9. С. 199]. Адресат писем лирического героя Бродского тоже носит имя Постум (сын, родившийся после смерти отца).

В документальном фильме «Прогулки с Бродским» Елены Якович и Алексея Шишова (1993) Бродский, беседуя с Е. Рейном, упоминает, что в «Письмах» он перефразировал классические философские постулаты. С большой долей уверенности можно сказать, что речь идет об октаве I:

Нынче ветрено и волны с перехлестом,
Скоро осень, все изменится в округе.
Смена красок этих трогательней, Постум,
чем наряда перемена у подруги.
Дева тешит до известного предела –
дальше локтя не пойдешь или колена.
Сколь же радостней прекрасное вне тела:
ни объятье невозможно, ни измена!

[Бродский 2001, 65–67].

Иммануил Кант утверждает, что при эстетическом восприятии предмета «наше отношение к нему бескорыстно, чем отличается от морального и практического отношения..., без представления о цели» [8. С. 212]. Г. Гегель полемизирует с Кантом, говоря о более высокой эстетической ценности искусства нежели красоты, явленной в природных объектах. Таким образом, Бродский переосмыслил отдельные положения классической философии и эстетики, отдавая приоритет эстетическому потенциалу природы.

Этими моментами литературные, культурные слои «Писем» не ограничиваются. В октаве III приводится эпитафия (катрен 1) и размышления лирического героя по этому поводу, а также относительно надписи на другом надгробии (катрен 2):

Здесь лежит купец из Азии. Толковым
был купцом он – деловит, но незаметен.
Умер быстро: лихорадка. По торговым
он делам сюда приплыл, а не за этим.

Эпитафия содержит метатекстовое вкрапление – почти дословную цитату из VII книги «Антологии» греческого автора Константина Кефалы: «Купец, умерший на чужой стороне, прибыв сюда не за этим, а по торговым делам» [3. С. 294]. Бродский мог читать два сборника под заглавием «Греческая эпиграмма» (1935 и 1960 гг.) [2].

Античный фон стихотворения поддерживается за счет синтеза классических жанров. Общая медитативная тональность подсказана созданным Овидием жанром скорбной элегии, но это только общее настроение как некая результирующая рефлексий, оценок, эмоционального настроения лирического героя. Письма-эпистолы нередко напоминают эпиграммы в духе Марциала. Это небольшая зарисовка без морализаторства и запретных тем с итоговым ироническим, сатирическим или гротескным комментарием. Такова эпистола-эпиграмма в октаве VII с хлестким комментарием:

Помнишь, Постум, у наместника сестрица,
худощавая, но с полными ногами?
Ты с ней спал еще. Недавно стала жрица.
Жрица, Постум, и общается с богами...

Приметы эпистолярной традиции присутствуют в таких элементах «Писем», как обращение (сквозной элемент) и описание (отдельные элементы); похвала другу отсутствует. Побуждение, несущее важную смысловую нагрузку, весьма детализировано (октава VIII):

Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье,
долг свой давний вычитанию заплатит.
Забери из-под подушки сбереженья,
там немного, но на похороны хватит.

Таков в основном аллюзивный фон стихотворения Бродского, его культурные слои и параллели. Другие элементы интертекстуального ряда затрагиваются в дальнейшем изложении.

С точки зрения субъектно-объектной организации «Письма» включают речевую партию рассказчика (октавы I – VIII) и авторский текст (октава IX). Рассказчик, римлянин, живущий в провинции у моря (подобно Овидию), ведет эпистолярный диалог с другом юности Постумом, ныне видным римским сановником. Как уже отмечалось, «Письмам» свойственны задушевность звучания, значительна доля разговорной лексики и фразеологии; они окрашены воспоминаниями «о юных днях в краю родном», общих знакомых и любовных приключениях. Рассказчик делится наблюдениями смены времен года, задается «проклятыми» философскими вопросами – что суть красота и гармония? Он дает оценки столичной жизни, торгуется, иронизирует и даже отдает подробное завещательное распоряжение. Внешний рисунок его судьбы напоминает овидиевский – жизнь вне Рима в провинции. Есть некое сходство между «удалением» (не ссылкой) Овидия без поражения в гражданских и имущественных правах и переездом рассказчика в провинцию. Точно неизвестны мотивы решения Цезаря Августа об удалении Овидия из столицы (*relegatio*). О мотивах, побудивших рассказчика, плодовитого литератора (Посылаю тебе, Постум, эти книги), покинуть Рим судить сложно, можно только строить предположения – возможно, это неприятие общественной атмосферы и нравов в столице, финансовые проблемы или другое [12].

Вне сомнений, фигура рассказчика, вокруг которой создается римский пласт, весьма и весьма условна и к тому же анахронична. Она настолько автономна и самодостаточна, что объемлет весь мир и Рим как его часть (ср. жизненную катастрофу Овидия – несбыточность надежды вернуться в вечный город). По мнению М. Л. Гаспарова, для изгнанника Овидия «опыт словесности был единственным средством преодолеть эту катастрофу... отделить культуру от Рима и Рим от Августа он еще не может. Там, где поэт нового времени смотрит на мир сквозь свое одиночество, античный поэт смотрит на свое одиночество извне, из того мира, частицей которого он является» [4. С. 203–205]. Самодостаточный лирический герой Бродского – фигура явно нетипичная, она сродни отторгнутым обществом и бегущим от него романтическим персонажам (Чайльд Гарольд, Мельмот-скиталец, гофмановский студент Ансельм, пушкинский Алеко). В замысел Бродского вряд ли входила детальная фиксация мировидения римского литератора. Его устами он говорит с читателем о собственном видении города и мира.

Текстовую партию рассказчика пронизывает мотив об отсутствии гармонии в мире людей. Государственное устройство несправедливо, царящие в столице нравы убоги (октава II.1).

Посылаю тебе, Постум, эти книги.
Что в столице? Мягко стелют? Спать не жестко?
Как там Цезарь? Чем он занят? Все интриги?
Все интриги, вероятно, да обжорство.

В провинции молодая аристократка свободных нравов, «сестрица» наместника, становится жрицей (уж не непорочной ли девой-весталкой?). Даже в среде среди проконсулов приходится выбирать между «ворюгой» и «кровопийцей». Рассказчик рефлексировал о парадоксальности человеческих судеб (купец и легионер), бессмысленности жизненного пути («мы, оглядываясь, видим лишь руины»). Противовесом дисгармонии в мире людей в его нравственных и эстетических координатах выступают стихии и природные объекты: шумящий Понт, морской ветер, «согласное гуденье насекомых», собранные в горах цветы.

В композиционно-смысловом плане все октавы включают сопоставление, контраст, антиномию. Как отмечал М. Л. Гаспаров, параллелизм был древнейшей в мире формой стиха. Такая структура «Писем» у Бродского – еще одна примета сохраняющейся античной традиции. Очень выпукло контрасты представлены в октаве IV:

Пусть и вправду, Постум, курица не птица,
но с куриными мозгамихватишь горя.
Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.
И от Цезаря далеко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники – ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.

Фраза «И от Цезаря далеко, и от вьюги» близка грибоедовскому «от господ подалей ... минуи нас пуше всех печалей и барский гнев, и барская любовь». У Овидия звучат аналогичные сентенции:

Слушай меня и верь умудренному опытом другу:
Тихо живи, в стороне от именитых держись.
Тихо живи, избегай, как можешь, знатных и сильных,
Их очагов огонь молнией грозной разит!

[Овидий, СЭ II, 4].

Мотив «вьюги» аллюзивен к СССР не только как к топосу, а как метафора ледящего, жестокого режима, холодной атмосферы несвободы. В октаве VI. 1 на фоне антиномии «мир людей – природа» явно проступает не только антиримское содержание (А. М. Ранчин прямо говорит о римском плане выражения и антиримском плане содержания) [13. С. 52–56]. Это еще один намек на СССР, поскольку завоевательные войны – это *modus vivendi* любой империи, ее родовой признак:

Был в горах. Сейчас вожусь с большим букетом.
Разыщу большой кувшин, воды налью им.
Как там в Ливии, мой Постум, или где там?
Неужели до сих пор еще воюем?

Намек здесь весьма прозрачен и связан с поддержкой Советского Союза «освободительных движений» едва ли не во всех уголках земного шара (на момент написания стихотворения Советский Союз был вовлечен в войну США во Вьетнаме).

Текстовый уровень композиции «Писем» носит отчетливо кольцевой характер. Уже в первом катрене присутствуют излюбленные Бродским вечные стихии – вода, ветер, деревья. Концовка в октаве IX аранжирована как смена монтажных кадров с чередованием крупного плана со средним и панорамированием, когда камера останавливается на зелени лавра, фиксирует «пыльное оконце», «стул покинутый, оставленное ложе» – вещные знаки ухода лирического

героя; затем объектив перемещается к волнам шумящего Понта и вечнозеленой шевелюре кипариса. Произведя «вычет» рассказчика, Бродский оставляет на рассохшейся скамейке сочинения Плиния Старшего как зримый символ неумирающей культуры. Здесь можно говорить еще об одной аллюзии к овидиевским строкам «книги надежней гробниц» [СЭ Ш, 38-39]. Таким образом, тема «книги» также является кольцевой. В поэтическом и личностном мире Бродского культурное наследие, и прежде всего литература, язык, слово – это то единственное, что не поглощается временем, не превращается в «руины», но сберегает культурный опыт человечества и сохраняется в нем.

Еще одно созвучие текстов Бродского и Овидия – отчетливая минорная тональность. Элегия по определению не может быть бравурной, но элегии и письма Овидия понтийского периода буквально пронизаны страданием. Текст Бродского организован по-иному. Внешний рисунок судьбы рассказчика довольно благополучен: ни пропитанные смертоносным ядом стрелы кочевников, ни свирепые ветры не докучают ему в родной провинции, он много и плодотворно пишет. И все же как бы стоически уравновешен, трезв и ироничен в суждениях ни выглядел добровольный отшельник, внимательный читатель улавливает отчетливую ноту шемящей тоски. Герой Бродского одинок («ни подруги, ни прислуги, ни знакомых», октава II. 2), после смерти его будут оплакивать чужие люди и, возможно, римский друг Постум (ср. тревогу Овидия о достойном погребении: «Кто в этом крае меня плачем надгробным почтит?» [СЭ, 18–21]). Мотивы увядания, зыбкость сроков земной жизни, «руины» являются сквозными. Рискнем предположить, что речевая партия рассказчика в достаточной мере отражает глубинное настроение Бродского в преддверии вынужденной эмиграции. Быть выдворенным из СССР означало тотальную невозможность встретиться с родителями, близкими и друзьями, увидеть любимый город (ср. «Да не будет дано умереть мне вдали от тебя»). Бродского, уже прошедшего через суд и ссылку, не могли не посещать тягостные мысли, даже если он осознавал свое место в ряду крупнейших поэтов и сделал свой выбор в пользу отчизны как территории поэзии, времени, а не пространства [6. С. 43–44].

Таковы вкратце наблюдения, касающиеся важных элементов стиховой структуры и культурных доминант. Наше дальнейшее прочтение шедевра Бродского будет изложено в других публикациях.

Литература

1. *Бродский И.* Письма римскому другу: Стихотворения // И. Бродский. СПб.: Азбука – классика, 2001.
2. *Бутов Р. Н.* Античность и современность в стихотворении Бродского «Письма римскому другу» – в печати.
3. *Гаспаров М. Л.* Древнегреческая эпиграмма // Избранные труды. Том I. О поэтах. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 291–316.
4. *Гаспаров М. Л.* Овидий в изгнании. Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М.: Наука, 1982. С. 189–224.
5. *Дуров В. С.* Марциал и его поэзия. Марциал Марк Валерий. Эпиграммы. СПб.: Комплект, 1994.
6. *Ичин К.* Бродский и Овидий // Новое литературное обозрение. 1996. № 19. С. 227–249.
7. *Квинт. Гораций Флакк.* Оды. Эподы. Сатиры. Послания / Перев. З. Морозкиной. М.: Наука, 1970.
8. *Кант И.* Критика способности суждения. СПб.: Комплект, 1995.
9. *Лосев Л.* Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. Звезда. 2006. № 9.
10. *Марциал М. В.* Эпиграммы. СПб.: Комплект, 1994.
11. *Назон П. О.* Скорбные элегии. Письма с Понта. М.: Наука, 1982.
12. *Орехова Н. Н., Цунанова З. М.* Иосиф Бродский в английских и немецких переводах: текст, интертекст, метатекст. Сопоставительные исследования 2009. Воронеж: Истоки, 2009. С. 160–164.
13. *Ранчин А. М.* Иосиф Бродский и русская поэзия XVIII–XX веков. М.: АСТ, 2001.

С. Ю. Соломатина
Удмуртский государственный университет

ПОЗДНИЕ НАТУРФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ГЕНРИ ДЭВИДА ТОРО (на материале эссе «Дикие яблоки»)

В статье анализируются стилистические и содержательные особенности эссе Г. Д. Торо с точки зрения натурфилософской концепции автора, описывается комплекс метафор, характерных для творческой практики писателя, определяется их содержательно-смысловая наполненность. Эссе «Дикие яблоки» не переведено на русский язык и тем самым представляет научный интерес как малоизвестное для России произведение.

Ключевые слова: эссеистика, натурфилософия, художественно-выразительные средства, яблоневое дерево, гармония, метафора, приоритетный символ.

Svetlana Solomatina
Udmurt State University

HENRY DAVID THOREAU'S LATE NATURE PHILOSOPHY IDEAS (based on the essay "Wild Apples")

The paper deals with stylistic and content peculiarities of H. D. Thoreau's essay conditioned by the author's "nature philosophy" ideas. In his essay the writer resorted to a specific set of metaphors with a peculiar meaning. Thoreau's essay "Wild Apples" (not yet translated into Russian) presents a special research interest for Russian scholars of literature.

Keywords: essayistics, nature philosophy, artistic means, apple-tree, harmony, metaphor, dominating symbol.

Генри Дэвид Торо (1817–1862) – один из ведущих представителей американской эссеистики – имеет особое значение для литературоведения, поскольку его произведения в эссеистическом жанре определяют ряд важных тенденций в американском эссе XX в. Во-первых, в связи с обострением экологической проблематики и возникновением движений за сохранение окружающей среды (в настоящее время Г. Д. Торо наряду с Дж. Мюиром и О. Леопольдом является на Западе наиболее цитируемым автором в экофилософских работах). Во-вторых, его идеи самоусовершенствования личности и теория пассивного сопротивления миру социальной и нравственной несправедливости оказали большое влияние на таких разноплановых писателей, как Т. Драйзер, У. Б. Йейтс, Э. Хемингуэй, Л. Н. Толстой. В-третьих, натурфилософские эссе Торо обладают удивительной силой нравственного воздействия, которая позволяет им стать замечательным средством воспитания человека в современном мире.

Объектом анализа в нашем исследовании является представленный в эссеистическом творчестве Г. Д. Торо комплекс художественно-выразительных средств, обладающих метафорической сущностью и служащих репрезентации темы и проблематики природы. Анализ сосредоточен на одном из наиболее ярких натуралистических эссе, относящихся к позднему периоду творчества писателя, а именно эссе «Дикие яблоки» (1862). Данное эссе на русский язык не переведено и тем самым представляет научный интерес как малоизвестное для России произведение Генри Дэвида Торо. Все цитаты из эссе Торо в данной статье приводятся в нашем переводе.

Эссе «Дикие яблоки» начинается с общих исторических и мифологических сведений. Концентрируя исследовательский интерес непосредственно на эссеистике автора, необходимо охарактеризовать источники, на которые он опирался в своей работе. Здесь уместно вспомнить интерес раннего Торо к античной литературе и отметить, что и в позднем творчестве внимание автора к этому периоду не уменьшилось.

Торо опирается на таких римских авторов, как римский историк Корнелий Тацит, древнегреческий историк Геродот, греческий философ Теофраст и др. «Яблоневое дерево» упоминается Гомером и Геродотом. В знаменитом саду царя феаков Алкиноя Одиссей увидел

грушевые, гранатовые и яблоневые деревья, усыпанные прекрасными фруктами. Согласно Гомеру, среди фруктов, которыми фригийский царь Тантал не смог насытиться (потому что ветер постоянно отгонял от него ветки деревьев), были яблоки. Теофраст видел и описал яблоневое дерево с позиции ботаника. Автор также пользуется мифологическими источниками – древнегерманскими (Старшая Эдда), текстами Гомера и Библией (Ветхий Заветом). Кроме того, он часто обращается к фольклору – особенно американскому и английскому.

Текст эссе разделен на части, в которых представлены циклы жизни яблока: цветение, созревание и гниение. Однако здесь есть два отступления – «Дикое яблоко» и «Его определение», не так тесно связанные с основным содержанием работы. В эссе отчетливо просматривается попытка представить яблоко в качестве символа исторического развития, фрукта, выращиваемого поколениями цивилизаций в западном направлении по всему миру. И следуя намеченному плану, Торо должен был посвятить немало страниц описанию домашнего яблока, вместо того чтобы сразу развивать обозначенную в заглавии эссе тему дикого яблока.

Следующим этапом нашего анализа было выявление сквозных мотивов в эссе Торо. Эти мотивы открывают нам путь к его идеям. В эссе «Дикие яблоки», бесспорно, таким сквозным мотивом выступает яблоня. С самого начала эссе история яблони прямо, декларативно связывается с историей человека: “It is remarkable how closely the history of the apple-tree is connected with that of man” [2. С. 646] – «Примечательно, насколько тесно связана история яблоневое дерева с историей человеческого рода».

Эту аналогию мы и попытаемся проследить на примере данного эссе. Прежде всего Торо пользуется аналогией между яблоком как «цивилизованным» фруктом и человеческой колонизацией (в частности колонизацией Америки). Яблоко – это фактор колонизации. Самые важные качества яблони: она гибка, подвижна, динамична, проникает, как и человек, почти во все климатические зоны, тоже способна к миграции. Дикое яблоко Конкорда – это, по мнению Торо, символ американской культуры, быстро распространяющейся в диких, неводеланных землях, «прокладывая свой путь между местными деревьями», там, где более прихотливые фрукты не смогли бы этого сделать. Как американские поселенцы, яблоки растут, приспособившись к неблагоприятным условиям. Коровы, ошпыливающие листья кустов с мая по октябрь, стимулируют рост жестких внешних зарослей веток, которые защищают внутренние побеги, вынашивающие фрукт: “What a lesson to man! So are human beings, referred to the highest standard, *the celestial fruit* which they suggest and *aspire* to bear, browsed on by fate; and only the most persistent and strongest *genius* defends itself and prevails, sends a *tender scion* upward at last...”

Приведенный пример наглядно отображает «романтическую натурфилософию» Торо: он пользуется лексиконом романтиков – *celestial fruit, aspire, genius, a tender scion*, описывая феномены дикой природы и явления, порой столь обыденные, что мы их даже не замечаем (Что может быть проще и обыкновеннее яблони!). Таким образом, Торо пользуется историей яблони, как метафорой, помогающей ему обратиться с критикой и проповедью «дикости» к человечеству.

Анализ эссе позволяет нам утверждать, что яблоня у Торо обладает и «культуросозидающим» потенциалом. Иными словами: яблоня никогда не изображается автором сама по себе, а исключительно во взаимодействии со своим природным окружением: она дает пищу человеку и животным, дает корм и приют птицам: “The leaves and tender twigs are an agreeable food to many domestic animals, as the cow, horse, sheep, and goat” [2. С. 647] – «Листья и нежные молодые веточки являются подходящей пищей для большинства домашних животных, например для коров, лошадей, овец и коз».

Отсюда логично заявить, что Торо в своей работе мыслит исключительно современно, комплексно и системно. Он рассматривает природу как организм или «ансамбль» различных организмов. На сегодняшний день существует научное понятие этой взаимосвязанной совокупности микроорганизмов, растений, грибов и животных – «биоценоз». Нельзя не отметить, что именно благодаря этому видению природы Торо стал основоположником биоцентризма, положившего начало экологии как науке.

Для Торо природа всегда гармонична, он видит в ней не враждебность, а сотрудничество: “I am often surprised to see rising amid these trees the rounded tops of apple-trees glowing with red or yellow fruit, in harmony with the autumnal tints of the forest” [2. С. 651] – «Я часто изумляюсь видом возвышающихся среди прочих деревьев округлых верхушек яблонь, пылающих красными и желтыми фруктами, в абсолютной гармонии с осенними красками леса». И это представление о гармоничности дикой природы дает автору повод для резкой критики человека, человеческой цивилизации, которую он изображает как «домашнюю» и «рыночную». Эти две особенности современной человеческой цивилизации – замкнутость в стенах домов и принцип экономической «выгоды» – Торо считает признаками «раздора» и воспринимает их как враждебные дикой природе.

Он и яблоню делит на два «вида» – яблоню одомашненную, которая ему менее интересна, и яблоню дикую, которой он посвящает самые вдохновенные страницы. Дикие и культивированные сорта яблок являются метафорой современного ему общества. Продолжающийся процесс культивации, по мнению американского мыслителя, делает мир плоским, пошлым, вульгарным, лишает его ароматов дикости, которые так привлекают Торо в яблоне. Много места автор уделяет описанию того, как из современного мира уходят сложность и красота, воплощенные в запахе и вкусе диких яблок. Яблоки, сохранившиеся до конца декабря, замерзшие, а потом оттаявшие, чудесным образом приобретают великолепный вкус, их горько-кислый привкус превращается в привкус «насыщенного, сладкого сидра» (a rich sweet cider). Вину за это исчезновение красоты и разнообразия Торо возлагает на современного человека, на современную цивилизацию.

Символ «дикого яблока» стал смысловым элементом рассматриваемого эссе Торо. Подчеркнутый интерес писателя к этому фрукту позволяет нам отчетливо проследить роль символа в его работе. Исследуя творчество Торо, мы по существу сталкиваемся с тем, что вся совокупность природных явлений превращается в собрание метафор и символов.

Если для молодого Торо одним из приоритетных символов была геометрическая форма круга, то, эволюционируя в сторону естествознания, писатель стал использовать в качестве символов элементы естественнонаучных фактов и явлений. Однако заметим, что в ранних натурфилософских эссе элементы круга возникали почти всегда неосознанно: они появлялись в произведении только потому, что существуют в природном пейзаже. В зрелый и поздний период своего творчества Торо намеренно прибегает к форме круга как одного из традиционных символов гармонии мира.

Проиллюстрировать эту сентенцию можно тем же символическим образом яблока. Во всех культурах яблоко является символом радости, знания, мудрости, это плод дерева жизни, символ жизни и, будучи круглым, оно представляет целостность и единство. Здесь уместно вспомнить, что яблоко является своеобразным символом одного из самых крупных мировых центров урбанизации – Нью-Йорка (США). В данном случае – это символ огромного механизма, цельного и сплоченного, результативного, олицетворяющего собой мир в некой миниатюре.

Повторяясь и варьируясь, лейтмотив яблока обрастает ассоциациями и обретает особую идейную, психологическую и символическую углубленность. Прием «очеловечивания» природы в эссеистике автора – часто встречающееся явление. Это связано с тем обстоятельством, что Торо стремится сблизить человека и природу, законы существования природы и традиции человеческого общества, тем самым желая приобщить человека к Вселенной. Описывая такое природное явление, как яблоневое дерево, автор проецирует яблоко на человеческую сущность, на характеристику внутреннего мира человека.

Исследуя материал эссе «Дикие яблоки», можно увидеть, что яблоня, яблоко выступают у Торо как живые существа, обладающие собственным характером. Продолжая критику цивилизованного общества, Торо, в укор современному человеку, выделяет следующие «черты характера» яблони – упорство, воля к жизни, свобода и самостоятельность, а также оригинальность и даже гениальность. Так, дикая яблоня является настоящим «героем» среди деревьев, так как она демонстрирует основное качество человека, обеспокоенного самоосуществлением, – экзистенциальную смелость. Поэтому о

дикой яблоне можно говорить как о человеке: “It has not forgotten its high calling, and bears its own peculiar fruit in triumph” [2. С. 658] – «Она не забыла своего высокого призвания и с достоинством приносит свои собственные, отличающиеся от всех других плоды».

Эссе «Дикие яблоки» насыщено глубоким философским подтекстом. По сути дела Торо сопоставляет себя с диким яблоневым деревом: “Wild apple is wild only like myself, perchance, who belong not to the aboriginal race here, but have strayed into the woods from the cultivated stock” [2. С. 652] – «Дикая яблоня, как и я, хоть родом не отсюда, но предпочла леса окультуренной цивилизации». Сходное убеждение Х. и Х.-Д. Клумпьян формулируют следующим образом: «Фермеры неохотно терпели дикую яблоню на своих землях, так как ее плоды нельзя было продать на рынке. Однако в своем эссе американский мыслитель стремится показать, что по другим, более справедливым меркам эта культура заслуживает самого искреннего восхищения и высшей оценки. Ибо, принимая в расчет те условия, в которых дикая яблоня была вынуждена существовать, ее плоды должны были бы быть куда ценнее и дороже, чем яблоки, выросшие на удобренных и ухоженных деревьях во фруктовых садах. ... Но лишь немногие, еще обладавшие «вкусом к дикому» и не мыслившие материальными ценностями, были способны насладиться вкусом дикого яблока, и только они были в состоянии почувствовать за неброской внешностью истинную ценность и благородство этих плодов: «может быть она — переодетая принцесса» (It is, perhaps, a prince in disguise)» [1. С. 140–141].

С давних времен в христианской традиции яблоневый плод имеет двойственное значение. С одной стороны, этот фрукт означает зло (по-латински *malum*), с другой – изображенный с Христом и Девой Марией, он указывает на нового Адама и на спасение. В связи с этим следует обратить внимание на то, что, иллюстрируя свои мысли, Торо сознательно обходит примеры из истории и мифологии, когда яблоко выступает «яблоком раздора» (яблоко Париса, которое было отдано Венере, или яблоко Евы – плод соращения Адама). На наш взгляд, это делается сознательно: “...apples not of Discord, but of Concord!” – «...яблоки не Дискорда (в пер. с английского – «раздора»), а Конкорда («согласия»)). И здесь нельзя не указать на то, что, согласно китайской классической традиции, яблоко означает мир и согласие. Нам остается лишь предполагать, была ли связана эта сентенция с начитанностью и эрудицией автора или же это являлось выражением его собственных мыслей, так чутко совпавших с утверждениями восточных классиков.

Завершая анализ произведения «Дикие яблоки», отметим стилистическое мастерство Торо-эссеиста, раскрывающего все богатство выразительных возможностей эссеистического стиля. В этой работе Торо комбинирует разные модусы дискурса, пользуется элементами «ученого» рассуждения в классическом стиле: цитирует известных, признанных писателей, чтобы придать авторитет своим суждениям. Особенно это характерно для первой части его эссе – “The History of the Apple-Tree” («История яблоневого дерева»). Затем (особенно с того момента, когда он начинает писать о дикой яблоне) автор все больше прибегает к иному типу изложения – описанию, основанному на личном, индивидуальном опыте и пронизательном наблюдении. И это уже второй тип изложения у Торо – наиболее близкий ему. Со вторым типом изложения тесно связан своеобразный лирико-романтический и даже пророческий финал эссе – “The word of the Lord that came to Joel the son of Pethuel” – «Слово Господне, которое было к Иоилу, сыну Вафуила».

Размышляя о характеристике эссеистического стиля Торо, можно говорить о некоторой «двойной» стратегии: он начинает с «классического» цитатного изложения, с эссе как упражнения в аллегорическом истолковании яблони. Здесь Торо и близок к пуританскому аллегорическому истолкованию природы, и в то же время отходит от него – в том, что яблоня и природа у него не знают греха (ведь Торо исключает из своего рассмотрения роль яблока в грехопадении человека). У Торо природа безгрешна, а грешен (потому что корыстен) человек. Но затем писатель уходит от аллегоризма, от общего, от эссе как «упражнения» и «задания» и обращается к иному типу рассуждения – эссе как «прогулке», т. е. к эссе как опыту – к вольному, свободному изложению. Эссе здесь становится

индивидуальным, как индивидуальна походка человека. Здесь, в этой эмпирической части своего эссе, Торо фактически дезавуирует, переписывает аллегорическое начало своего эссе, отодвигая назад яблоню как домашнее растение (предмет аллегорического истолкования) и выдвигая на первый план яблоню дикую. Тем самым на первый план выдвигается вольное, свободное и естественное начало. Ведь в самом образе «прогулки» содержится нечто прихотливое, незаинтересованное и бескорыстное.

Иными словами, со сменой предмета описания (от домашней яблони к дикой) меняется стиль описания (от историзирующего эссе как аллегорического «задания» к «свободному» эссе в виде опыта и наблюдения, построенному в форме прогулки). На наш взгляд, Торо более интересен именно во второй части своего эссе. Недаром писатель изображает самого себя как «странника» (walker). Сам автор – «странник», как и яблоня (особенно дикая), он – также «полуцивилизован». Тем самым его личность гарантирует эмпирическую часть эссе с его универсальной символичностью.

Литература

1. *Клумпьян Х.-Д., Клумпьян Х.* Генри Дэвид Торо. Сам свидетельствующий о себе и о своей жизни (с приложением фотодокументов и иллюстрации) / Пер. с нем. А. С. Верников. Челябинск, 1999.
2. *Thoreau H. D.* Collected essays and poems. N. Y.: The library of America, 2001.

А. А. Харьковская, А. Г. Калиновская
Самарский государственный университет

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ПОСТМОДЕРНИСТСКОЕ ЯВЛЕНИЕ В РОМАНАХ П. Г. ВУДХАУСА

В статье рассматривается феномен интертекстуальности цитат и аллюзий на материале произведений П. Г. Вудхауса в терминах и традициях постмодернизма.

Ключевые слова: интертекстуальность, постмодернизм, цитата, аллюзия.

Antonina Kharkovskaya, Anastasia Kalinovskaya
Samara State University

INTERTEXTUALITY IN FICTION AS A POST-MODERNIST PHENOMENON (based on P. G. Wodehouse's literary works)

The phenomenon of intertextuality in P. G. Wodehouse's prose is analyzed in the terms of post-modernist literary tradition.

Keywords: intertextuality, postmodernism, quotation, allusion.

Интертекстуальность – термин, введенный в постмодернистской текстологии Ю. Кристевой, впервые прозвучал лишь в 1966 г. Проявления полифонии текста были известны с давних времен: французские писатели-сентименталисты XVIII и XIX вв. широко применяли прием подражания, английские авторы использовали в своих произведениях включения из трагедий, комедий и сонетов У. Шекспира, а романы Ф. М. Достоевского и М. А. Булгакова невозможно представить без цитат из Библии. Однако в постмодернистской традиции полифония обретает новый смысл и терминологическое обозначение.

Интертекстуальность в традиции постмодернизма восходит к фундаментальной идее философии об активной роли социума и культурной среды в процессе смыслопонимания и смыслопорождения. «Все сказанное обладает истиной не просто в себе самой, но указывает на уже и еще не сказанное <...> И только когда несказанное совмещается со сказанным, все высказывание становится понятным» [3]. М. М. Бахтин развивал идею, согласно которой

контекст употребления той или иной языковой единицы радикально и до бесконечности меняет ее семантику: «Смысл слова всецело определяется его контекстом. В сущности, сколько контекстов употребления данного слова – столько его значений» [2. С. 14]. Аналогичным образом Ж. Деррида полагает, что семантическая самотождественность слова может быть куплена только ценой его принципиального изъятия из социального контекста. Таким образом, любая попытка придать слову, в особенности изначально «чуждому слову», определенное значение становится предметом изучения, целью которого является ниспровержение каких бы то ни было онтологических оснований бытия в целом и бытия слова в частности [4]. Таким образом, интертекстуальность для авторов-постмодернистов утрачивает свою денотативность и обретает коннотативный характер, при котором важно не значение чуждого слова, а сопряжение «чуждого слова» с текстом. Смыслы автохтонного и «заимствующего» текстов, взаимодействуя, рожают некий третий смысл.

Романы и рассказы П. Г. Вудхауса несколько отстоят во времени от эпохи расцвета постмодернизма: этот известный английский писатель-юморист создавал свои произведения в начале и середине XX в., тогда как идеи постмодернизма получили широкое распространение лишь в 60-е гг. прошлого столетия. Однако проявления интертекстуальности в его прозе во многом носят постмодернистский характер. В частности, интертекстуальность в романах о Дживсе и Вустере позволяет расширить понимание взаимосвязи концептов «хозяин» и «слуга» в национально-культурном англоязычном социуме, т. е. во взаимодействии с контекстом интертекстуальность играет принципиально новую смыслопорождающую роль. Так, цитаты с неверной атрибуцией, принимаемые одним из главных героев, праздным аристократом Берти Вустером, за высказывания его слуги Дживса, не просто выполняют авторитетную или информативную функции, но дают читателю представление об уровне интеллектуального развития главного героя, а также о превосходстве личности слуги в системе взаимоотношений хозяин – слуга.

Примером может служить высказывание Берти, приписывающее цитату из трагедии «Трагическая история доктора Фауста» К. Марло (The Tragic History of Doctor Faustus by C. Marlowe) Дживсу:

Nice girl she seemed to me and quite nice-looking. I wouldn't say hers was the face that *launched a thousand ships*, to quote one of Jeeves's gags, and this was probably all to the good <...> [7. С. 56].

В нижеприведенном высказывании Берти приписывает своему слуге авторство цитаты из трагедии У. Шекспира «Гамлет» (Hamlet by W. Shakespeare):

I would be surprised to learn that in the whole W.1 postal section of London there is a man more capable than Bertram Wooster of bearing up with a stiff upper lip under what I have heard Jeeves call *the slings and arrows of outrageous fortune* <...> [7. С. 71].

Цитаты из поэтических и прозаических произведений англоязычных авторов в речи Дживса, а также аллюзии на них обладают не единственно орнаментальной функцией, но дают понять читателю, что в отличие от своего хозяина слуга всесторонне образован и начитан. Следующий пример, где Дживс с легкостью подсказывает Берти нужную цитату из поэмы Дж. Г. Байрона «Дон Жуан» (Don Juan by G. Byron), позволяет убедиться в этом:

'I gather that Urjohn, vowing ... How does it go? – Vowing he would ne'er consent, consented, sir [6. С. 112].

Несомненно, что роль интерпретатора нового смысла, вызванного к жизни взаимодействием слова «своего» и «чуждого», берет на себя читатель. Отсюда следует вторая особенность интертекстуальности в произведениях авторов-постмодернистов – возросшая роль читателя, конструирующего смысл текста в зависимости от собственного культурного опыта. Следует отметить, что для постмодернистских текстов характерно употребление цитат без кавычек, что обеспечивает активное участие читателя в процессе интерпретации. Отсутствующие кавычки могут быть обнаружены лишь благодаря «внетекстовому знанию», т. е. интертекстуальность становится в большей степени ориентирована на апелляцию к читателю и вовлечению его в процесс сотворчества [5].

Изучение корпуса выборки, объем которой равен 286 единицам, извлеченным из произведений П. Г. Вудхауса о Дживсе и Вустере, показало, что немаркированные цитаты и аллюзии без атрибуции составляют только около 20% от общего объема выборки. Апелляция П. Г. Вудхауса к читательскому опыту и фоновым знаниям в этих случаях способствует увеличению количества возможных смыслов конечного текста, поскольку его интерпретация напрямую зависит от узнавания читателем той или иной цитаты или аллюзии, уровня и глубины этого узнавания, а также от ассоциативного ряда, который вызывает эта интертекстуальная единица в позиции изоляции от автохтонного текста. Так, в следующем примере интерпретация ситуации, созданной в тексте, меняется в зависимости от знания или незнания читателем трагедии Шекспира «Макбет» (*Macbeth by W. Shakespeare*): *Pay no attention. It's all eyewash. His belligerent attitude is simply. – Sound and fury signifying nothing, sir?* [б. С. 6]. Знакомство читателя с текстом трагедии позволяет глубже раскрыть образ мышления персонажей П. Г. Вудхауса, в то время как несведущим читателем цитата может быть воспринята как часть авторского текста, и в этом случае ее апеллятивная функция может быть не реализована.

Уровни интерпретации интертекстуальности связаны с третьей особенностью интертекстуальности в традиции постмодернизма, а именно с возросшей значимостью функционального аспекта таких интертекстуальных проявлений, как цитата, аллюзия и реминисценция по сравнению с аспектом генетическим. Поскольку основной целью интертекстуальности в литературе постмодернизма является предоставление читателю возможности конструировать новые смыслы произведения, ни один текст не рассматривается в качестве детерминанты другого. Постмодернистская интертекстуальность – это не заимствование фрагментов, не показатель филиации текстов, а заимствование культурно-стилистического кода [1. С. 413]. Это означает, что даже не узнанная читателем цитата или аллюзия как культурно-стилистический код дают возможность их интерпретации, если они явно не согласуются со стилем повествования. Так, в романах П. Г. Вудхауса о Дживсе и Вустере библеизмы и шекспиризмы в разговорной речи легкомысленного Берти способны привлечь внимание даже незнующего читателя. В связи с тем, что П. Г. Вудхаус заимствует культурно-стилистический код, обладающий рядом таких особенностей, как особый строй предложений (эмфаза, инверсия, параллельные конструкции), лексика высокого регистра, эти цитаты способны вызвать у читателя ощущение «чужого слова», что вновь ведет к порождению обновленного смысла.

В нижеприведенном примере узнавание цитаты из Ветхого Завета (Исаия 14:12) обеспечивается употреблением устаревших форм глагола и местоимения, а также обращением, которое маркируется возвышенным стилем:

You did come down a wallop, didn't you? How art thou fallen from heaven, oh Lucifer, son of the morning, I said to myself [б. С. 84].

Таким образом, анализ материала выборки, базирующейся на романах П. Г. Вудхауса, позволил обнаружить особенности интертекстуальности, которыми характеризуется художественная манера авторов-постмодернистов (значимость отношений между автохтонным текстом и «заимствующим текстом», активная роль читателя, акцент на функциональном аспекте). В связи с этим необходимо заметить, что П. Г. Вудхаус создавал свои произведения за несколько десятков лет до того, как постмодернистская концепция интертекстуальности сформировалась в 60-е гг. XX в. Несомненно, генезис постмодернизма не был внезапным: его появление было вызвано значительными социокультурными изменениями общества в XX столетии. Плюралистическая парадигма постмодернизма, ориентированная на дисгармоничную онтологическую целостность, возникла на почве кризиса классических ценностей, сопровождавшегося стремительным развитием средств коммуникации и массовой информации, вследствие чего человеческая личность оказалась на пересечении бесчисленного множества культурных плоскостей. Отказ от традиционных бинарных оппозиций, как, например, нравственное – безнравственное, первичное – вторичное, привел к нивелированию однозначных оценок в искусстве и способствовал развитию множественных трактовок как в изображении характеров действующих персонажей, так и в описании их взаимоотношений с современниками в социуме.

Под сомнение была поставлена «чистота» искусства как акта индивидуального творчества, что, в свою очередь, вдохнуло новую жизнь в старые формы, такие как цитаты и аллюзии, которые успешно выполняли функции посредников как между авторами автохтонного и «заимствующего» текстов, так и между автором и читателем, вовлекая его в процесс сотворчества.

Интертекстуальность в романах П. Г. Вудхауса о Дживсе и Вустере, по сути, соответствует характеру интертекстуальности у авторов-постмодернистов. Таким образом, как показал наш анализ, еще до формирования основных принципов интертекстуальности в постмодернизме П. Г. Вудхаус в условиях меняющейся бытийной парадигмы воплотил концепцию интертекстуальности в своих произведениях.

Литература

1. *Барт Р.* От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
2. *Бахтин М. М.* Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 7–24.
3. *Гадамер Х. Г.* Истина и метод: URL:http://www.koob.ru/gadamer/istina_i_metod
4. *Деррида Ж.* О грамматологии: URL:http://www.koob.ru/derrida/o_grammatologii
5. *Эко У.* Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна: URL:http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Эко/Inn_Povt.php
6. *Wodehouse P. G.* Jeeves in the Offing. Suffolk, 2000.
7. *Wodehouse P. G.* Much Obliged, Jeeves: URL:http://www.lib.ru/INPROZ/WUDHAUS/jeeves_obliged_engl.txt

М. К. Хузина

Удмуртский государственный университет

ЖАНР САТИРЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на примере татарских и удмуртских произведений)

В статье раскрывается тематическое и жанровое богатство сатиры в национальной литературе, рассматриваются примеры из произведений татарской и удмуртской литературы.

Ключевые слова: сатира, юмор, эпитафия, эпиграмма, басня, новелла, комедия.

Maulida Khuzina

Udmurt State University

GENRE OF SATIRE IN NATIONAL LITERATURE (based on Tatar and Udmurt works of fiction)

The article deals with thematic and genre richness of satire in national literature; the paper presents examples from Tatar and Udmurt works of fiction.

Keywords: satire, humour, epitaph, epigram, fable, short story, comedy.

Первые татарские литературные памятники являются поэтическими произведениями. Татарская литература, как и литература Удмуртии, Мари-Эл и других народов, началась с поэзии. Стихотворение воспринималось как нечто магическое, обладающее особой силой воздействия на слушателей. Величавая лиро-эпическая поэма «Кыйсса-и Йусуф», написанная в начале XIII в., вот уже восемь столетий продолжает активно жить в письменно-литературном и фольклорном наследии татарского народа, пользуясь неизменной любовью и популярностью среди широких слоев населения. И почти все татарские писатели начинают свой путь в литературу со стихов. Но не все сохраняют верность поэзии, переходят в прозу, драматургию, публицистику.

В многовековую сокровищницу родной поэзии внес свой вклад известный народный поэт Татарстана, лауреат Государственной премии им. Габдуллы Тукая и премии им. Абдуллы Алиша, любимый детворой и взрослыми Шаукат Галиевич Идиятуллин (литературный псевдоним – Шаукат Галиев). Он вошел в души и сердца не только татарских и российских читателей, но и заслужил всемирное признание: в 1982 г. поэт, единственный в Татарстане, был награжден международной премией – Почетным дипломом им. Ханса Кристиана Андерсена.

Будущий поэт, испытал на себе тяготы военного лихолетья (родился в 1928 г.), переменял множество профессий: работал в колхозе, был счетоводом, по ночам писал стихи. Позже – редактор районной газеты, сотрудник журнала «Чаян» («Скорпион»), учился на Высших литературных курсах в Москве, руководил редакцией художественной литературы Татарского книжного издательства.

Знание жизни, горячая любовь к поэзии, широта духовных запросов способствовали довольно быстрому раскрытию природного дара Шауката Галиева. Он становится придиричивым к себе, суровым к окружающим. У поэта развивается своеобразный образ мышления – сатирический.

Устное народное творчество, комические случаи из собственной жизни, художественный вымысел помогли Шаукату Галиеву раскрыться как тонкому лирику и юмористу. Сатирическая струя особенно отчетливо проявляется в сборниках «Любовь с гарантией», «Дома, дома», «Ай да Мухамметджан!», «Приключения бодливого быка». Его умный, пытливый взгляд зорко подмечает недостатки, и поэт беспощадно высмеивает бюрократизм, чванство, равнодушие, лень.

Он лежит,
но попусту
времени не тратит:
– Дорожите
временем, –
поучает.

Кстати,
может, вам
желательно
знать его занятие? –
Развивает попросту
мускулы жевательные.

(«Трудолюбивый трутень». Пер. В. Баширова).

Афанасий Лужанин, известный удмуртский сатирик, тоже пережил войну, верил в жизнь, в победу гуманного, общечеловеческого добра. И в его творчестве главное – бичевание пороков человечества. Строки, написанные полвека назад, актуальны и в современной жизни.

У базара
морж-детина
из отряда лжекалек,
скрыла стыд
со лба щетина.

Гражданина –
за штанину:
– Сжался, добрый человек!
Голодаю – вот те крест.
Не работает, а ест.

(Из стихотворения «Трутни»).

Автор многих стихов и басен Афанасий Лужанин (1912-1966) в удмуртской литературе стал зачинателем нового жанра сатиры – эпитафии. В его эпиграммах и эпитафиях наблюдается беспощадное бичевание литературного быта, халтуры:

Прохожий, стой! Под камнем сим лежит
Ученый, критик, драматург, пиит.
Его творений уж никто не помнит.
Увы... и имя камень лишь напомнит.

В жанре сатирических миниатюр, напоминающих эпиграмму, выступают Д. Яшин, П. Поздеев, К. Ломагин, А. Кузнецова.

Активное осмысление отображаемых литературных явлений находит место в стихотворениях Даниила Яшина под названием «Бескрылый пегас». Вот стихотворение «Чувство точки»:

Шел бурный
спор литературный.
Когда ж иссяк
весь пыл трибунный,
маститый критик
слово взял
и, глянув гордо в зал,
сказал:

– Но главный недочет:
наличие длиннот,
есть лишние куплеты.
Разумный автору совет:
пиши короче,
с чувством точки!
А написал поэт...
две строчки!

И в татарской, и в удмуртской литературе в сатирических произведениях объект смеха един – отрицательные характеры, неблагоприятные дела, поступки современников.

По словам Рафаэля Мустафина, одного из ведущих критиков страны, Шаукат Галиев всем своим творчеством «отрицает философию современного мещанства, показывает гнилость его фальшивой формулы – мы люди маленькие» [5. С. 109]. Ни за что не отвечать, ни во что не вмешиваться... Поэт убедительно доказывает, что это самая опасная позиция. Человек остается человеком – гордым, сильным, настоящим – лишь до тех пор, пока сохраняет неумность характера, творческое отношение к окружающему миру.

Такая активная гражданская позиция, естественно вытекающая из мировоззрения, – характерная черта поэтов-сатириков. Наряду с очень высоким восприятием жизни они видят смешное, уродливое и с негодованием высмеивают недостатки в различных жанрах: стихах, сатирических миниатюрах, баснях, шуточных песнях, новеллах, комедиях.

В удмуртской литературе появилась целая плеяда мастеров веселого жанра, которые продолжают традиции национального фольклора, классиков национальной литературы Григория Верещагина, Кузубая Герда, Кедра Митрея. Это Афанасий Лужанин, Гай Сабитов, Геннадий Красильников, Кирилл Ломагин, которые творчески развивают и обогащают этот жанр. Геннадий Красильников в стихотворных памфлетах «Баллада о Джиме», «Мы, де, охраняем мир» срывает маску с поджигателей войны, страстно выражая свое негодование. А в романе «Олексан Кабышев», утверждая новое, прогрессивное начало, дает бой всему отжившему, нисколько не сглаживая острые противоречия.

Активный комический герой этого произведения – шофер Васька Лешак. Анатолий Уваров, известный удмуртский сатирик и критик, в книге «Художественное своеобразие удмуртской сатиры» пишет, что «...истоки этого героя восходят к сказкам об Алдаре, комическому персонажу тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья» [7. С. 40]. Острый язык Васьки Лешака не дает покоя ленивым, неповоротливым трактористам, спекулянтам. Так, сатирический смех умело используется талантливым писателем в большом прозаическом произведении.

«Умный человек и козу рассмешит», – говорит удмуртский народ. Так характеризуют талантливого юмориста, который расшевелит человека, безразличного к окружающему миру. Ярким талантом в литературе Удмуртии является и Анатолий Уваров. Читатель его полюбил за юмористические стихи «Педор-помидор», «Назар на базаре», «Самсонова лекция», «Смотр», «Лисий ход». Сатирический накал достигает апогея в произведении «Дядя Чильым», где автор смеется над «неисцелимым лодырем»:

...Вечно в зубах
негасимый чильым,
облако дыма
клубится над ним.
Был молодым –

Польза малая –
дым!
Стал пожилым –
труд весь день –
трубка, чильым.

Дымит герой и в страдные дни, и в праздники. Однажды он заснул с дымящей трубкой – и пожар! Сгорел домик сосновый с мебелью и утварью, «но не о нем льются слезы на пне: лодырь чильым оставил в огне!» [8. С. 78].

Свое язвительно-сатирическое перо обращает против тех, кто мешает честным инициативным людям, удмуртский поэт В. Ванюшев в произведении «Заяц-зачинатель»:

И по лесу
О косом
Катит слава колесом.
Ну, а заяц –
Что же он?

Он почином упоен
И с трибунной высоты
Сиганул давно
В кусты!

(Перевод И. Законова)

Автор высмеивает таких людей, которые взбудоражив окружающих, исчезают в самый нужный момент.

В сборнике В. Н. Ившина «Узел голосов» наряду с философской, патриотической лирикой – любви к родным истокам, к народу – находим и такие строки:

На телеэкране –
Молнии да гром.
Голос в голос целит.
Нет громоотвода.
Гул больших собраний
В мой ворвался дом.
Жуткая в эфире
Нынче непогода!

Будущее хвалят,
Хают прошлый день.
Начисто забыли
О делах насущных
Экие артисты!
Как им всем не лень
ворковать бесстыдно
в депутатских кушах?

(«Теледебаты». Пер. В. Емельяно)

Сатира – один из труднейших и ответственных жанров в литературе. Умение видеть и высмеивать пороки людей и общества – это проявление высокой гражданственности. Только люди особого склада ума, имеющие аналитический способ мышления, могут стать сатириками. Особое чутье к языку, постоянное использование метафоры, аллегии, гиперболы, образного иносказания (эзопов язык), умение обобщить, типизировать характеры, отдельные эпизоды жизни – вот отличительные черты творчества писателей-сатириков. Их чуткое отношение к окружающим, умение творить добро особенно ярко открываются, когда они пишут для детей.

Пальма первенства среди детских писателей, несомненно, принадлежит Габдулле Тукаю, Кузебаю Герду, Аркадию Клабукову, выдающимся классикам национальной литературы тюркских и финно-угорских народов. Их традиции продолжили современные поэты Шаукат Галиев, Герман Ходырев, Андрей Самсонов.

До сих пор доказывали, что сатира изображает что-то дурное, ненужное, разрушающее. Но в сатирических произведениях для детей на первый план выступают воспитательные мотивы сатиры. Именно за детский сборник стихов «Заяц на зарядке» Шаукат Галиев получил международную премию им. Х. К. Андерсена. В его стихах любимый персонаж маленьких читателей – неугомонный проказник Шавали. Он стал таким же любимым, как Малыш и Карлсон, Чиполлино, Том Сойер, Лопшо Педунь.

Шавали – шаловливый и смелый, ловкий и сметливый мальчик – большой друг поэта. Он помогает автору глубже проникать в сложную детскую психологию, ненавязчиво воспитывать в них внимательность к окружающему, учить их доброте, любознательности. Этот герой преподносит назидания поэта легко, живо и доверчиво. Так поэт-педагог воспитывает детей на добрых, хороших примерах.

Так же легко, без назидания, воспитывают басни Андрея Самсонова, известного удмуртского поэта:

Паук выткал кружева,
Налетела мошкара:
Где он нить успел украсть,
Кружевную выткасть страсть?
И надумали потом
Кружева стащить тайком.

На базаре их продать –
Много денег могут дать!
Налетела мошкара,
Да завязла в кружевах.
Хоть горюйте, не горюйте,
А чужого не воруйте!

(«Воришки». Пер. А. Кузнецовой)

Умеет выбирать Ш. Галиев сюжеты и образы, типичные именно для детского восприятия. Только ребенок может вообразить, например, что унесенная ветром промокашка может наделать столько бед:

Озера навеки
Осушит она
И выпьет все реки
До самого дна.

(«Улетела промокашка». Пер. Р. Морана)

Следуя фольклорной традиции, поэт в свои стихотворения вводит образы зверей и птиц. Находчивые мыши спешат в магазин, чтобы скупить мышеловки, прежде чем их разберут коты. Гусенок щиплет траву, рассуждая о том, что в ней витаминов больше, чем в пряниках.

Казалось бы, будничные, привычные фон и сказочные сюжеты, но Ш. Галиев умеет придать занятную форму своим стихам.

Особенно производит впечатление стихотворение, в котором Шавали, отправляясь в далекое путешествие, сразу же начинает скучать по дому, по своей деревне:

Он смотрит в окно
– Все дальше деревня моя!
Деревья назад убегают...
Наверно, в родные края?

(«Шавали путешествует». Пер. Э. Блиновой)

Темы большого гражданского звучания раскрывает в своих произведениях в игривом, шуточном тоне удмуртский детский поэт Герман Алексеевич Ходырев. Сохраняя детскую непосредственность, автор легко решает проблему патриотического воспитания:

Свой ремень мне подарил	Через двор
Старший брат,	У березы встал в дозор.
Целый день я мастерил	Вечер.
Автомат.	Осень.
А потом надел пилотку,	Тишина.
Изменил свою походку:	За спиною вся страна.
–левой! левой!	

(«Дозор». Пер. И. Мазина)

Современная жизнь врывается и в детскую литературу. Уметь дорожить землей, быть трудолюбивым учат строки стихотворения Андрея Самсонова «Маленький фермер»:

Наконец-то! Наконец	И мы тоже не лентяи,
Землю приобрел отец.	Кто чем может, помогаем.
Он и сеет. Он и жнет.	Даже все мои друзья
Он без отдыха живет.	Признают, что фермер я.

Поэты-сатирики своим творчеством помогают сохранять в душе народа здоровое отношение к жизни. А мастер татарской сатиры Гамиль Афзал, по его словам, исцелился от недуга (отказали ноги) благодаря своим творениям. Когда напечатали его первые 9 стихов, жизнь заново вернулась к нему. Он ожил и духовно, и физически. Именно такие стихи, по словам татарского критика Т. Галиуллина, «светлые, жизнерадостные, сверкающие, как солнечные лучи» [3. С. 37], рождающие любовь к жизни, переходят в песенную лирику. Произведения татарских поэтов Гамиля Афзала, Шауката Галиева, Гарая Рахима, удмуртских сатириков Афанасия Лужанина, Гая Сабитова, Александра Вотякова, Даниила Яшина стали популярными сатирическими песнями в народе.

Во все времена из сатирических произведений любимым был комедийный жанр. И комедии татарского писателя Фаниса Яруллина очень популярны среди читателей. Сурова и достойна подражания удивительная его судьба, многожанрово творчество этого мужественного человека.

Всем известны имена Владислава Титова, автора автобиографической книги «Всем смертям назло», оставшегося после трагического случая без рук и написавшего свое произведение, держа карандаш в зубах; Германа Соколова, художника-пейзажиста, рисующего, сжимая кисть пальцами левой ноги; Николая Островского. И татарский писатель Фанис Яруллин, навечно прикованный к постели (в армии, неудачно упав с турника, сломал позвоночник в двух местах), не сдался, в нем жила необычная жажда жизни. Он закончил среднюю школу, затем историко-филологический факультет Казанского университета. Учился не ради «корочек», а поставил перед собой очень трудную цель: стать писателем. И судьбе наперекор стал им. Он – известный поэт, прозаик и драматург, лауреат Государственных премий имени Г. Тукая и М. Джалалия, автор 34 книг!

Какую могучую силу духа надо иметь писателю, чтобы создать лирические стихотворения, которые положат на музыку и станет петь татарский народ. А ведь пишет не только повести, рассказы, но и сатирические комедии. В книге, изданной в 1998 г. в Татарском книжном издательстве, собраны все пьесы Фаниса Яруллина. В этих произведениях автор бичует пороки современной жизни. Герои одного из произведений заняты накопительством денег для постройки коттеджа. Они забыли своих родных, друзей, когда их приглашают в гости, находят множество причин, чтобы не пойти, не потратить деньги на дорогу, на подарки, что их становится жалко. Люди умные, образованные, современные, становятся рабами вещей. Автор показывает, что есть люди, которые могут их вырвать из этого мещанского дна – это «бедные» друзья-односельчане. Жизнерадостные, добродушные, влюбленные в жизнь, они вместе с драматургом, посмеиваясь, подтрунивая над «болезнью» своих знакомых, пробуждают в них чувства надежды и веру в любовь, возвращают их к жизни.

Герой от радости восклицает: «Смотрите, бешеная собака выбежала из моей жены. Закройте быстрее окна, вдруг вернется!» [9. С. 172].

«Хочу автомобиль», «Отец приехал!», «Сююмбака выбирает жениха» широко известны читателям и зрителям. Сила чувств, глубина понимания жизни, характерные для произведений Фаниса Яруллина, лучше всего показывают, какое мужественное сердце бьется в искаленном теле этого удивительного человека.

Удмуртскую драматургию представляют В. Садовников («На крутом берегу», «Два сапога пара»), С. Ширококов («Хамелеон», «Выхожу за художника»), Е. Загребин («Весенний дождь», «Лебедь белая», «Она у нас единственная») и другие. Тематическое богатство сатиры расширяет ее сферу влияния (театр, радио, телевидение). Это предопределяет появление новых жанров: лирические комедии, водевили, сатирические пьесы.

«Своеобразие удмуртской сатирической комедии связано с национальными особенностями социальной жизни, истории, психологии народа», – пишет А. Уваров в книге «Художественное своеобразие удмуртской сатиры», которая получила высокую аттестацию в Институте литературы АН им. М. Горького. «Хотя и смешное проистекает из самого действия и смысла пьесы, – отмечает он, – удмуртская комедия отличается отточенным, грациозным острословием» [7. С. 112].

В комедиях В. Садовникова, И. Гаврилова, Л. Перевощикова, С. Широкова остроумие проявляется в двусмысленности реплик, неожиданных умозаключениях, каламбурах, иносказаниях, пословицах-перевертышах и других приемах комического, которые порою трудно перевести на другой язык и которые понятны только в контексте. Поэтому, видимо, русскоязычные читатели до сих пор еще не знакомы с некоторыми талантливо написанными произведениями известных удмуртских драматургов.

Литература

1. *Галиев Ш. И.* Заяц на зарядке. Стихи. Казань, 1993.
2. *Галиев Ш. И.* Секрет долголетия. Юмористические стихотворения. Казань, 1981.
3. *Галиуллин Т. Н.* Здравствуй, поэзия. Москва. Современник, 1987.
4. *Ившин В. И.* Узел голосов. Стихи. (Перев. с удмурт. В. И. Емельянова). Ижевск. Удмуртия, 2001.
5. *Мустафин Р. А.* Древняя и вечно молодая Казань. Татарское книжное издательство, 1991.

6. Самсонов А. А. Сказочные сны. Стихи. Басни. Загадки. (Перев. с удмурт. А. Кузнецовой). Ижевск. Удмуртия, 2001.
7. Уваров Л. Н. Художественное своеобразие удмуртской сатиры. Ижевск. Удмуртия, 1979.
8. Удмуртский юмор. Сост. А. Уваров, С. Шкляев. (Перев. с удмурт. И. Законова). Ижевск. Удмуртия, 1976.
9. Яшин Д. А. Ожидание. Стихи. (Авторизованный перев. с удмурт. Л. Шкавро и О. Поскребышева). Ижевск, Удмуртия, 1998.
10. Яруллин Ф. Г. Пьесы. На татарском языке. Казань. Татарское книжное издательство, 1998.

Н. Ф. Швейбельман

Тюменский государственный университет

«ТРАНЗИТНАЯ ОНТОЛОГИЯ» ГЕРОЕВ Ф. КАФКИ

Анализ произведений Ф. Кафки свидетельствует о том, что в большинстве случаев его герои – жертвы обстоятельств и «путешественники поневоле», путешественники по принуждению. Метаморфозы мотива «путешествия поневоле» закрепляют в творчестве Ф. Кафки узнаваемую литературную традицию, связанную с темой дороги, пути, странствий, символизирующей ученичество, познание мира и самопознание. Материал статьи преимущественно связан с изучением пространственных координат художественного мира Ф. Кафки.

Ключевые слова: онтология, обстоятельства, «путешественники поневоле», литературная традиция, самопознание, пространственные координаты.

Nadezhda Shveibelman

Tyumen State University

KAFKA'S PROTAGONISTS "TRANSIT ONTOLOGY"

The analysis of F. Kafka's works gives the idea that in most cases his protagonists are the victims of circumstances, "unwilling travellers" forced to travel. Wish metaphors and motives of "traveling without wish" make it possible to refer F. Kafka's creative work to the tradition well-known in literature, connected with the theme of way, wanderings symbolizing apprenticeship, cognition of the world and self-cognition. The article is mainly concerned with the study of space points in Kafka's artistic world.

Keywords: ontology, circumstances, "unwilling travellers," literary tradition, self-cognition, space points.

Характерной чертой романов Кафки («Америка», 1914, издан в 1927; «Процесс», 1915, издан в 1925; «Замок», 1922, опубликован в 1926) является неперемное присутствие в них мотива изгнания, бегства, ухода из дома. В зависимости от сюжетной линии романа этот мотив трансформируется в определенную ситуацию, в которой оказывается герой, – ситуацию перманентного путешествия. Почти в каждом произведении Кафки герой лишен дома. Такое положение героя подразумевает отсутствие в пространстве точек опоры, стабильности (дома) и, как результат, отсутствие координат в этом пространстве, осложненное разного рода препятствиями.

Всякое путешествие, будь то скитание, блуждание или добровольное желание человека оставить свой дом и отправиться в путь, предполагает временное либо постоянное пребывание человека вне дома. И в том, и в другом случае человек оказывается бездомным. Пространство дома, в отличие от пространства «пути», имеет совершенно иной смысл: «... дом есть наш угол мира». Г. Башляр подчеркивает: «Всякое по-настоящему обитаемое пространство несет в себе сущность дома», <...> «дом в человеческой жизни устраняет условности, настоятельно призывая к непрерывности» [1. С. 110, 112].

Герои трех романов Кафки объединены тем, что каждый из них по тем или иным причинам оказывается бездомным. Йозеф К. («Процесс») за неимением собственного жилья вынужден снимать маленькую комнатку в квартире фрау Грубах, однако там он «как бы

дома». Карл Росман («Америка») выброшен в чужой ему американский мир из родной Праги, из родительского дома. Что же касается землемера К. («Замок»), то он не изгнан в Деревню, а явился туда по своей воле, имея целью получить право и возможность остаться здесь жить. Этот герой с самого начала, как отмечает М. Бланшо, находится «не на пути спасения, а в изгнании, т. е. там, где он не просто «не у себя», но «вне» себя <...>, в области, совершенно лишенной всего личного, где существа предстают отсутствующими, где все, что кажется уловимым, ускользает» [3. С. 113]. Землемер К., прибывший в область бесконечно далекую от родных мест, чувствует себя там чужим прежде всего потому, что он не приемлет ту атмосферу абсурда, которой пронизана вся жизнь Деревни, выталкивающей чужака как инородное тело.

Ситуация, в которую попадает герой романа «Замок», вновь оказывается парадоксально двойственной, если не двусмысленной. С одной стороны, это невозможность обустроиться на новом месте, а с другой – невозможность, а точнее, нежелание вернуться домой. Эта дилемма и является причиной, породившей бесконечные блуждания героя. «Блуждать – вот его закон. Неудовлетворенность К. – это и есть способ блуждания, его выражение, отголосок и она сама, по сути, заблуждение; и все же идти все дальше в ошибочном направлении – это единственный повод для надежды, единственная истина, которой он не может изменить и остается верен, с настойчивостью, делающей его символом нестигаемого упорства» [3. С. 141]. Это упорство проявляется в том, что всякий раз, когда у него появляется шанс обрести пристанище на новом месте, он отказывается от него. Создается впечатление, что эта абсолютная бесконечность настолько проникает в сознание героя, что он уже не может мыслить себя вне этой бесконечности.

В отличие от землемера К., герой романа «Америка», желает найти «свое» место в мире. Карл Росман хочет укорениться и обосноваться где-нибудь надолго, но ему никак не удается найти эту жизненную опору – дом. Как только ему предоставляется возможность обрести хоть какое-то подобие дома, эта возможность превращается в очередное изгнание в ряду многих других, сменяющих друг друга на протяжении всего романа.

Завороженность Кафки образом дома проявляет себя, например, в том, что роман «Процесс» построен по принципу цепочки посещений различных домов, причем важно отметить, что эти посещения предпринимаются Йозефом К. отнюдь не по своей воле. Он вынужден искать сначала дом, в котором размещаются канцелярии суда, чтобы присутствовать на судебном заседании, посвященном его процессу. Затем он вынужден пойти в дом адвоката. И наконец, дом художника Титорелли, находящийся на окраине города. Каждое новое посещение сопровождается типично кафковским описанием, лишенным какой бы то ни было яркости и живости. Описание дома чаще всего сводится к простому перечислению. Например: «Йозеф К. увидел по обе стороны улицы почти одинаковые здания: высокие, серые, населенные беднотой доходные дома» [7. С. 144].

Описание того или иного дома в романах Кафки сопровождается упоминанием близости / отдаленности описываемого объекта от судебной канцелярии, доступности проникновения в дом (открытые / закрытые двери или ворота), трудности преодоления препятствий, возникающих на пути героя (лестница, длинный коридор), характеристикой просторности помещений, их освещенности и заполненности вещами. Интересно, что все описываемые Кафкой помещения не соответствуют своему предназначению. Гостиная фрау Грубах совсем не похожа на гостиную. Она скорее напоминает склад «забытых вещей», которые скапливались годами. Комната, в которой проводятся судебные заседания, одновременно является жилой и освобождается жильцами только в дни заседаний. Место размещения судебных канцелярий – чердак: «это помещение не очень подходит для канцелярии», <...> «тут просто дышать нечем», <...> «тут часто вешают сушить белье – нельзя же запретить жильцам» пользоваться чердаком» [7. С. 169]. Такое несоответствие помещений своей изначальной функции, а иногда и выполнение ими нескольких функций сразу характерно для многих описываемых Кафкой пространств. Так, например, в романе «Замок» ни дом, в котором располагается школа, ни комната, где землемеру предлагают

жить, совершенно не подходят для жилья. Землемеру суждено лишь примириться с существующим порядком вещей, и он старается превратить эту комнату в подобие дома. Это превращение «чужого» пространства в «свое» достигается постепенным заполнением пространства вещами, предметами быта, создающими иллюзию уюта. Другой пример – описание комнаты, отведенной землемеру на постоялом дворе: «В этом домишке для К. не нашлось ничего, кроме чердачной каморки, да и это вызвало осложнения, потому что пришлось куда-то переселять двух служанок, спавших там до сих пор» [7. С. 313]. Сам герой, описывая свое новое пристанище, говорит: «Даже проветривать каморку не стали – видно, понадеялись, что новый жилец надолго не задержится, и ничего не сделали, чтобы его удержать» [7. С. 314]. С самого начала герой ощущает чуждость и, как следствие, неуютность пространства, которое будто изгоняет его, заставляя тем самым искать этот приют в другом месте.

Е. В. Волкова делит персонажей художественных произведений на «подвижных и неподвижных»: на «героев пути», которые движутся по пространственно-этической траектории и не могут осуществить «боковое движение», и на «героев степи», осуществляющих непредсказуемое движение по «ширине» [4. С. 159]. Основная функция «героев степи» – переходить границы [4. С. 160]. Главные герои романов Кафки могут быть вполне объективно названы «героями пути». Все три романа Кафки начинаются с описания пути главного героя. И принципиально важным в них является то, как этот путь организован в художественном пространстве текста. С этой точки зрения интересен принцип построения всех романов Кафки. Он почти всегда помещает своего героя в ситуацию перманентного путешествия.

Так, роман «Процесс» начинается с описания сцены вторжения посторонних людей в жизнь Йозефа К. С этого момента герой буквально обречен на скитание по канцеляриям, чужим домам, чердакам, где неожиданно располагаются судебные инстанции. Скитание это вынужденное и, как полагает герой, кратковременное, но оно становится основной формой бытия героя на довольно длительное время. Всякий раз перемещение Йозефа К., его движение в пространстве происходит независимо от желания героя.

В романе «Америка» ситуация несколько трансформируется, но, в сущности, Карл Росман тоже «путешественник поневоле», только его путешествие более масштабное. Путь его берет начало в Праге. Там находится его родной дом, там живут его родители. Однако Карлу приходится покинуть отчий дом. В наказание родители высылают его в Америку, подальше от кухарки, совратившей его. Попав в Америку, он обретает дядю, который, однако, вскоре изгоняет племянника из своего дома. Итак, Карл Росман переживает момент вторичного изгнания, у него нет никаких надежд на будущее и обретение какого-либо стабильного пристанища. В дальнейшем он попадает в Бостон, затем в Рамзес, потом в Баттерфорд: череда изгнаний становится для Карла Росмана причиной беспрестанного скитальческого образа жизни.

Роман «Замок», так же, как «Процесс» и «Америка», начинается с описания того, как герой прибывает на новое место жительства. Упрямо и настойчиво герой ищет путь к Замку, изучает все подходы, хитрит, разыскивает окольные пути, никогда не теряет самообладания, но с завидным и обескураживающим упорством пытается убедить жителей Деревни в том, что ему необходимо как можно скорее приступить к своим обязанностям землемера. Каждая глава романа заканчивается констатацией очередной неудачи, но одновременно она является и возобновлением «бесконечного сражения». В этом смысле закономерна аналогия с образом Сизифа. Своей манерой поведения землемер К. напоминает этого мифологического героя. Все попытки К. добраться до Замка, узнать тайны, которые тот скрывает, в большинстве случаев заканчиваются провалом.

И. Г. Касавин в работе «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности» рассматривает феномен путешествия как «опыт типологического сходства и различия динамического, эстетического, миграционного и оседлого» [6. С. 74]. В разговоре о пространственной организации романов Ф. Кафки уместными являются следующие понятия, которые

являются ключевыми в работе И. Г. Касавина: «карта пути», «благоприятные и неблагоприятные отрезки дороги», «текучесть миграционного опыта», «структурность пути», «универсальность путешественника», «гомогенность местности», «транзитная онтология». Именно «транзитная онтология», на наш взгляд, создает ту «онтологическую неопределенность», которая присуща большинству героев зарубежной литературы XX в.

Путь, совершаемый героями Кафки, имеет, как правило, особенность не заканчиваться и проходить в сообществе незнакомых им людей, которые, помимо самого пространства, восстающего против героев романа, пытаются чинить всяческие препоны, мешая тем самым совершать уготованный автором маршрут. На пути героев Ф. Кафки рано или поздно возникают помощники, желающие либо помочь герою, либо окончательно его запутать и сбить с пути. Эти помощники принадлежат к кругу тех персонажей, которые проходят через все творчество Кафки. Помощники Кафки, по словам В. Беньямина, похожи на гандхарвы – «недоделанные существа на стадии тумана» [2. С. 392], встречающиеся в индийских сказаниях. Они «из их рода, они не принадлежат никакому другому кругу персонажей, и ни одному из них не чужды: они – посыльные, снующие между этими кругами» [2. С. 392].

У Йозефа К. («Процесс») помощников практически нет, за исключением женщин. Одну из них он встречает в судебной канцелярии, с другой он знакомится в доме адвоката. Обе вызываются помочь ему, однако Йозеф К. уверен в том, что любое вмешательство в его дело повлечет за собой последствия, которые отрицательно скажутся на жизни тех людей, которые захотели оказать ему помощь. Карлу Росману, герою романа «Америка», преимущественно встречаются люди, желающие всячески досадить ему и помешать – прежде всего это Робинсон и Деламарш. Истинными же помощниками для него остаются женщины: главная кухарка отеля «Оксиденталь», устроившая его на работу лифтером, и Фанни, которая помогла ему получить место в театре. Реальными помощниками землемера К. тоже становятся женщины – Ольга, Амалия и Фрида. Однако автор показывает, что его герои отнюдь не спешат разделить свой путь с кем-либо из добровольных помощников: они всегда стремятся преодолеть и «приручить» это «чужое» пространство самостоятельно.

Пространство произведений Кафки – это пространство без топографических ориентиров, без каких-либо указаний на время действия. Все это определяет условность пространственно-временной составляющей композиции произведения. Исключение, конечно, составляет роман «Америка», в котором назван конечный пункт путешествия героя – Америка. Дополнительные сведения (описание статуи Свободы в начале романа), закрепляют читателя за пространством города Нью-Йорка. За видимой топографической конкретикой все же трудно различимым остается соотношение местонахождения героя в момент речи и пространственных ориентиров, так как писатель нарочито не указывает место, где находится герой. Если в начале романа «Америка» Кафка последовательно описывает перемещение героя в пространстве, то в последующих главах он фиксирует лишь направление предполагаемого местопребывания, давая тем самым намек на то, куда герой направится, или на то, где он находится в данный момент. Этот прием помогает писателю показать, что герой утрачивает ощущение стабильности своего положения в пространстве и в мире, в котором он оказался.

«Карта пути» для каждого из героев Ф. Кафки сугубо индивидуальна. Одному предстоит пересечь океан, а затем пол-Америки пройти пешком, чтобы в результате оказаться в труппе театра Оклахомы и навсегда лишиться себя стабильности, спокойствия и остаться без дома и семьи. Другому уготован путь, сулящий путнику лишь неприятности и измождение от бесконечного судебного процесса, грозящего продолжаться всю жизнь и приводящего в конце концов Йозефа К. к неотвратимой гибели. Третьему суждено стучаться в закрытые двери и обивать пороги канцелярии, не позволяющей признать за героем статус землемера и неразрешающей ему жить в Деревне.

Однако каким бы этот путь ни был, он всегда имеет свое обоснование, свою цель. Если взять в качестве примера любое произведение Кафки, то можно сказать, что в нем «формула

рыцарского героического Поиска перевернута с ног на голову» [8. С. 439]. В традиционном Поиске цель – принцесса, источник живой воды и т. п. – известна герою еще до начала странствий. Цель далека, и, как правило, он (герой. – *Н. Ш.*) не знает заранее ни пути к ней, ни опасностей, подстерегающих его, но всегда есть иные существа, которым известно и то, и другое, они снабжают его точными указаниями направления и соответствующими предостережениями [8. С. 439]. «Достижение цели является желанным результатом пути-поиска, но она может быть достигнута только «героем» по предопределению» [8. С. 440]. Четко поставленной цели нет ни у Карла Росмана – он изгнанник, «чужой», он буквально выброшен в жизнь и не знает, что с ней делать, ни у Йозефа К., которого «застали врасплох» и сообщили о предстоящем аресте. Эти герои находятся в сложной ситуации: они растеряны, только со временем начинают принимать все, происходящее с ними, и осознавать самих себя в новой для них ситуации.

Цель Карла Росмана, хотя, вероятно, он сам до конца ее не осознает, состоит в том, чтобы обрести покой, собственный дом, семью, все то, чего он был лишен. Йозеф К. ходит по домам, где живут адвокаты, скитается (блуждает) по коридорам домов, на чердаках которых размещаются канцелярии суда, – и все для того, чтобы понять (а точнее, выведать) причину ареста и найти выход из сложившейся ситуации. Цель землемера К. более четко сформулирована. Он хочет, чтобы его приняли в Деревне. Замок – вот высшая цель землемера. Герой хочет добиться цели, но ею является не место, в котором он все же нуждается, не Фрида, к которой он испытывает привязанность: «он хочет добиться таковой не скучными способами, требующими терпения и умеренной общительности. Но напрямую, способом невозможным и к тому же ему самому не известным, который он лишь предчувствует. И предчувствие это заставляет его отказаться от всех других возможностей» [3. С. 141]. Однако, если проследить движение героев к цели, мы увидим, что цели, которые так или иначе были значимыми для них, все же не были достигнуты. Йозеф К. погибает, Карл Росман оказывается в театре, пребывание в котором может быть столь же скоротечным, как и его работа в отеле «Оксиденталь». Никто уже не узнает, стал ли театр его домом или он вновь будет изгнан оттуда. Цель землемера достигнута отчасти – не при жизни К., только после смерти ему разрешают проживание в Деревне. Говоря об образе землемера К., Д. В. Затонский отмечает, что «герой хочет изо всех сил избавиться от тяжелого груза аутсайдерства» [5. С. 28]. Этого же хотят и герои двух других романов, но все они терпят неудачу.

«Мир традиционного поиска может быть опасен, – считает Г. Ноткин, – но все же это открытый мир: герой может отправляться в любую сторону, в какую только пожелает. В то же время мир Кафки – закрытый мир; он почти лишен каких-то осязаемых свойств, но это плотный физический мир. Его предметы и лица могут быть неопределенны, и все же, читая, чувствуешь, что тебя окружает его удушающее присутствие... Один-единственный шаг отнимает все силы; герой ощущает себя заключенным и пытается бежать, но, быть может, ему как раз и следует находиться в заключении: он для этого создан, и свобода разрушила бы его» [8. С. 441]. Ф. Кафка приводит своих героев к финалу романов настолько измотанными и глубоко уставшими, что у них уже не остается сил, как верно отмечает М. Бланшо, «приближаться к собственному концу, преобразовывая этот путь без цели в несомненность цели без пути» [3. С. 113].

«Хождение по мукам» героев Кафки напоминает пугающее своей безысходностью путешествие (почти всегда принудительное) по лабиринту. Лабиринт – это «символ вселенского препятствия, которое проявляется во всех направлениях, исчерпывая импульсы попавшего туда. Истоющая намерения, лабиринт испытывает настойчивость и терпение, заставляет еще раз совершить бесполезную попытку найти выход или сдаться» [9. С. 269]. С образом лабиринта связан и мотив сизифова труда [9. С. 270], широко представленный в романах Ф. Кафки. Главные герои романов Кафки, по сути дела, осуществляют путь к неизвестной цели, находящейся в центре лабиринта, они идут к ней по самой длинной дороге: путь, ведущий к центру, всякий раз поворачивает назад, как только доходит до

точки, максимально близкой к этому центру, – цели. Таким образом, человек, попавший в лабиринт, петляет вокруг центра, но выйти к нему не может. В этом и обнаруживается несомненное сходство ситуации героев Кафки. Каждый из них хочет дойти до своего центра-цели, но не всем суждено это сделать. Если Карлу Росману автор оставляет возможность преодолеть лабиринт, то у двух других героев такой возможности нет. Они погибают в этом лабиринте, не сумев побороть его магическую силу, его власть над человеком.

Изучение пространственной организации романов Кафки позволяет сделать следующие выводы: его герои словно бы живут по законам сновидения, в пространстве которого вполне может быть воплощена идея алогичности бытия человека, что полностью соответствует художественным принципам писателя и его концепции мира. Пространство, описываемое в романах, предстает как предельно сжатое, чужое, заброшенное, нежилое, – пространство, в котором неуютно, холодно, которое изгоняет людей, и без того не имеющих постоянного жилья, заставляя их совершать трудный, но бесполезный путь в лабиринтах, образуемых «чужими» улицами, домами, коридорами, чердаками.

Вынужденные «путешествия поневоле» главных героев романов Кафки, определяют еще одну их важную особенность – бездомность, и, как результат, беспрестанное движение в пространстве с целью, которую никто из них перед собой не ставит (она навязывается герою извне). Эта цель заключается в том, чтобы «идти все дальше в ошибочном направлении, оставаясь верным единственной истине, которой он не может изменить, которая делает его символом нескгибаемого упорства» [3. С. 141]. Как выясняется, личного пространства ни у кого из героев Кафки нет, а если и есть, то его границы постоянно нарушаются. В этом главная идея произведений Кафки – незащищенность человека перед фактом вторжения и проникновения посторонних людей в его личное пространство, подслушивающих и подсматривающих соглядатаев. Отсутствие у героев Кафки личного пространства, дома является причиной, порождающей ситуацию, в которой рано или поздно они оказываются, – в ситуации перманентного путешествия и бесплодного, бесцельного блуждания.

Таким образом, все составляющие характеристики художественного пространства романов Кафки указывают на определенную особенность, влияющую на положение его героев в этом самом пространстве, – всеобъемлющую бесконечность движения в варианте «путешествий поневоле», которые объективно формируют в контексте тотальной онтологической неопределенности вполне четкий и узнаваемый статус героев австрийского писателя как героев «мигрирующих», «транзитных». Своеобразие романного мышления Ф. Кафки состоит в том, что его герой становится точкой пересечения как онтологических, так и гносеологических проблем. Мы видим, что преимущественной формой бытия героев Ф. Кафки становятся странствия, «цель без пути и путь без цели», путешествия не по собственной воле, а по принуждению. Тем не менее даже в таком варианте эти путешествия помогают герою решать гносеологические проблемы: познание себя, других людей и мира.

Литература

1. Башляр Г. Дом от погреба до чердака: смысл жилища // Логос. 2002. № 3–4. С. 109–134.
2. Бенъямин В. Франц Кафка // Ф. Кафка. Малая проза. Драма / Пер. с нем. СПб., 2001. С. 387–414.
3. Бланшо М. От Кафки к Кафке / Пер. с фр. М., 1998.
4. Волкова Е. В. Пространство символа и символ пространства в работах Ю. М. Лотмана // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 149–164.
5. Затонский Д. В. Предисловие // Ф. Кафка. Рассказы. Пропавший без вести: Роман. М., Харьков, 1999. С. 5–44.
6. Касавин И. Г. Человек мигрирующий: онтология пути и местности // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 73–84.
7. Кафка Ф. Сочинения: В 3 т. Пропавший без вести (Америка). Т. 1. С. 289–520. Процесс. Т. 2. С. 119–292. Замок. Т. 2. С. 295–552. М., Харьков, 1995.
8. Ноткин Г. Примечания // Ф. Кафка. Малая проза. Драма. СПб., 2001. С. 414–452.
9. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М., 2001.

В. Л. Шибанов

Удмуртский государственный университет

РАННЯЯ ЛИРИКА ВЛАДИМИРА СОКОЛОВА

Статья посвящена ранней лирике Владимира Соколова. Становление личности поэта выпало на конец 1940–1950-е гг., когда господствовала гражданская тематика. Вл. Соколов, «открыв» тему военного детства, все же развивает то направление русской лирики, которое связывается с поисками Б. Пастернака. Особое место в этом ряду занимает обращение Вл. Соколова к поэтическому импрессионизму.

Ключевые слова: русская лирика, Владимир Соколов, тема военного детства, поэтический импрессионизм, Пастернак.

Viktor Shibanov

Udmurt State University

VLADIMIR SOKOLOV'S EARLY LYRICS

The article is devoted to Vladimir Sokolov's early lyrics. The poet's personality formation fell on the end of 1940–1950-s when civil subjects dominated in poetry. Having "opened" the theme of war childhood V. Sokolov developed the direction in Russian lyrics, which was usually associated with B. Pasternak. Sokolov's address to poetic impressionism plays a special role in his poetry.

Keywords: Russian lyrics, Vladimir Sokolov, the theme of war childhood, poetic impressionism, B. Pasternak.

Владимир Соколов (1928–1997) в истории русской и советской поэзии занимает заслуженное место. В последнее время о нем пишут довольно мало, но все же отмечают, что «он избегает громогласной декларативности и лобовых решений. Богатство душевного мира, тонкость чувств, сдерживаемый и внутренне напряженный лиризм, требовательный самоанализ и живой интерес к окружающему – таковы черты поэзии Соколова» [9. С. 135]. Однако поиск своего лирического «я» в условиях 1950-х годов был не столь простым и однозначным. В данной статье мы проанализируем раннее творчество Вл. Соколова, покажем как складывалась творческая индивидуальность лирика в условиях сталинской культуры и эпохи эстрадности. Тот материал о ранних годах, который мы почерпнули из газетных и журнальных выступлений Вл. Соколова, а также из личных бесед с поэтом еще в 1990-е гг., дает возможность убедиться в психологической достоверности создаваемой им лирики. При этом мы постоянно будем иметь в виду общепринятую истину: «Нельзя мысли, чувства, воззрения, добродетели и пороки героев переносить на автора» [16. С. 90].

Родился Владимир Николаевич Соколов в старинном городе Лихославле под Тверью. «Лихославль – это в древнюю Тверь / Потаенно открытая дверь» [10. С. 395], – напишет поэт позже. В честь рождения сына, первого ребенка в семье, был посажен дуб. Он остался одиноким напоминанием о детстве, так как дом, где родился поэт, после войны полностью сгорел. Этот дуб вдохновил поэта на многие стихотворения, тем не менее его образ у Вл. Соколова встречается крайне редко, а в небольшом этюде «Цветущая ветка с надломом...» он, как заметил поэт в беседе с автором этих строк, неожиданно подвергся удвоению.

С глубокого детства запомнилась мальчику окраина родного города: «Холмистые поля простирались до самого горизонта, темнел перелесок, белая церковка виднелась вдали...» [14. С. 5]. Здесь же поэт заметил, как «...в самый нежный час – на рассвете – Город навещают поля, Город навещают леса, Камни навещает земля, Листья, травы, птиц голоса» [10. С. 103]. Отсюда – единство в поэзии Вл. Соколова города и села, культуры и природы.

Мать поэта работала научным сотрудником в различных архивах (В. Кожин, а за ним целый ряд исследователей ошибочно указывают, будто мать поэта была учительницей), а

в последние годы – в ЦГАЛИ. От нее, вероятно, мальчик перенял любовь к поэзии и даже, по его же словам, «уверенность в том, что я поэт». Отец – инженер, до Великой Отечественной войны был начальником военного строительства. В 1940 г. его арестовали, и юному Володе пришлось носить отцу передачи. Брат матери – Михаил Козырев (1892–1942) – начал печататься до Октября и стал в советское время известным писателем-сатириком. Он был арестован в 1941 г., как только началась война, и через год скончался в саратовской тюрьме.

Вл. Соколов хорошо помнит своего дядю, который поддержал его первые литературные опыты. Стихи еще были впереди, мальчик увлекся прозой – стал писать роман о венецианских зеркальщиках с острова Мурано, так и оставшийся неоконченным. Как и многие сверстники, читал Ж. Верна, В. Скотта, М. Твена. В 1937 г. родители подарили Володе юбилейный однотомник Пушкина. Лет в двенадцать мальчик открывает для себя Маяковского. Главный урок, который он выносит из раннего знакомства с классикой, – не подражать великим поэтам, быть похожим только на себя. Эта мысль подчеркивается в его статьях «Сила слова – это сила духа» [15. С. 162–164], «Наш современник» [11. С. 35] и др.

Первое законченное стихотворение было написано им в тринадцать лет (в «пушкинском возрасте»), в дни разгрома немцев под Москвой. Но писать постоянно, почти изо дня в день, Вл. Соколов начал через три года, после возвращения в столицу из эвакуации из Саратова, куда были эвакуированы архивы и где родной брат матери М. Козырев умирал в тюрьме.

Время диктует свое, и шестнадцатилетний Володя отправляется в Ленинград – поступать в военно-морское подготовительное училище или через Питер прорваться на фронт. Не вышло ни то, ни другое. Вл. Соколов вспоминает, как поэт С. Наровчатов впоследствии говорил ему: «Находясь тогда в Ленинграде и знай, кем ты будешь, я бы, может, и взял тебя на фронт. А впрочем...» [15. С. 161]. Из города на Неве Владимир привез с собой тетрадку со стихами. Приехавший в отпуск отец не удивился, узнав, чем увлекся сын. Мать старалась поддержать Володю. Так, в десятом классе, весной, он прогулял почти месяц, и маму вызвали в школу. Она принесла с собой тетради со стихами сына, где были поставлены даты. Володя был удивлен, почему в школе с ним обошлись нестрого. Самые первые тетради стихов поэта до сих пор не опубликованы.

В январе 1945 г. Вл. Соколов познакомился с детской поэтессой Еленой Благиной и почти еженедельно бывал у нее каждый раз с новыми стихами. Благодаря Елене Александровне начинающий поэт ознакомился с творчеством С. Есенина, которого в то время не печатали, а в 1947 г. по ее рекомендации (вторую рекомендацию дал проф. Л. И. Тимофеев) он поступил в Литературный институт им. Горького.

Круг чтения и увлечений Владимира расширился. К концу войны, сэкономив талоны на продукты, молодой поэт приобретал томик А. Блока и страстно увлекся его стихами. Часто бывал на литературных вечерах в Москве, слушал Б. Пастернака. Вечерами засиживался в Исторической библиотеке. Тогда же большое впечатление произвело на него творчество Я. Смелякова и ряда других современников.

В Литературном институте с Вл. Соколовым на одном курсе учились Ю. Белаш, Ю. Друнина и др., на курс были старше Ю. Бондарев, Е. Винокуров, Г. Поженян, В. Солоухин, В. Тендряков, на два курса – Р. Гамзатов, И. Кобзев, Ю. Трифонов. Это было поколение, многие из которого принимали участие в боях Великой Отечественной войны.

Однако Вл. Соколов тянулся к тем сверстникам (вернее, те тянулись к нему), которые, как и он, встретили войну мальчишками и не успели попасть на фронт. Именно студенты открывали в отечественной поэзии тему военного детства, и первенство было отдано Вл. Соколову. Е. Евтушенко вспоминает о тех временах: «Костяком нашей «могучей кучки», образовавшейся вокруг Литинститута в 1952 г., были Соколов, Рождественский, безвременно погибший Володя Морозов и я» [4. С. 29]. Вл. Соколов, старший из них и уже популярный и познавший популярность своим стихотворением «Первый снег», был в этой среде больше учителем, нежели другом. Он помог поступить Е. Евтушенко в Литинститут – у того не было аттестата зрелости. Соколов и Евтушенко станут большими друзьями, посвятят друг другу немало стихотворений, напишут предисловия к стихотворным сборникам друг друга,

несколько статей [2. С. 3–8]; [3. С. 8]. Увлекательную историю о том, как в поисках «сокровищ» они открыли для себя красоту внутреннего дворика, залитого голубым лунным светом, рассказал Е. Евтушенко [2. С. 5–6]. В фильме «Детский сад» он попытался экранизировать аналогичный эпизод с другими героями.

Первое стихотворение Вл. Соколова было напечатано неожиданно для самого автора после окончания первого курса института – 1 июля 1948 г. Оказалось, П. Г. Антокольский отобрал работы студентов, в том числе и соколовское «Памяти товарища», и предложил их «Комсомольской правде».

Поэт вспоминает: «Мне не однажды говорили в то время, что я открыл новую тему: военное детство. Разрабатывай! Но я не понимал военное детство и отрочество как литературный материал. Да, я написал о пережитом во время войны несколько стихотворений и баллад, но они возникали среди повседневной лирики самым естественным образом» [15. С. 162].

1948 год стал для Владимира Соколова годом необыкновенным. Летом он поехал к отцу, который работал недалеко от Ясной Поляны. Там Владимир читает письма и дневники А. Блока, бродит по толстовским аллеям. «Однажды, – вспоминает поэт, – я вышел в поле, со стороны заката шли темные тучи, подул ветер, зашелестело и повеяло такой былинной тоской, что у меня голова закружилась от любви к этому полю, такому маленькому и такому огромному» [12. С. 6]. Подобные признания мы можем найти у многих поэтов, например, у Б. Пастернака в «Людах и положениях» [8. Т. 2. С. 231–232].

Сорок восьмой стал «урожайным» для Вл. Соколова. Тогда, например, было написано знаменитое восьмистишие, которое оказалось своеобразным поэтическим «паспортом», им поэт открывает большинство своих книг:

Как я хочу, чтоб строчки эти
Забыли, что они слова,
А стали: небо, крыши, ветер,
Сырых бульваров дерева!
Чтоб из распахнутой страницы,
Как из открытого окна,
Раздался свет, запели птицы.
Дохнула жизни глубина [10. С. 10].

Бросается в глаза, что эти стихи двадцатилетнего студента во многом перекликаются с поздним Пастернаком, особенно с его «программным» «Во всем мне хочется дойти...»

Я б разбивал стихи как сад.
Всей дрожью жилок
Цвели бы липы в них подряд
Гуськом, в затылок.
В стихи б я внес дыханье роз,
Дыханье мяты,
Луга, осоку, сенокос,
Грозы раскаты... [8. С. 423]

А еще больше перекликаются со словами Б. Пастернака о поэзии А. Блока (эту параллель проводил и В. Кожинов): «Казалось, страницу покрывают не стихи о ветре и лужах, но фонари и лужи сами гонят по поверхности журнала свою ветреную рябь, сами оставляют в нем сырые, могуче действующие следы» [8. Т. 2. С. 237–238].

Однако никто не мог упрекнуть Вл. Соколова в подражании: стихи студента Литинститута были напечатаны на три-четыре, а написаны на восемь лет раньше, чем эти пастернаковские строки. Позже, начиная с 1960-х гг., исследователи обнаружат у этих поэтов много общего, а критик А. Архангельский в 1987 г. заметит, что «это как раз тот случай, когда следствие опережает причину» [1. С. 56].

Вл. Соколов стремился увидеть и понять первозданную красоту природы и жизни в их естественности. И сосульки, и снег, и листья, и дождь – для него не просто пейзаж, но

пейзаж души: субъективная психологическая насыщенность картин природы обращает на себя внимание в самых ранних стихах. Поэта привлекает то,

...что нам дается жизнью даром.
Но что для сердца делается хлебом –
И ветки скрип, и вечер тучек сизых,
И снега шелест, и улыбка чья-то [10. С. 146].

Природа и культура дополняют друг друга, они лишены темного, жестокого, потустороннего начала, но в то же время скрывают в себе нечто таинственное, которое автор стремился разгадать или даже расшифровать.

Тем не менее в первой книге Вл. Соколова «Утро в пути» (1953) лирических стихотворений, близких к «Как я хочу, чтоб строчки эти...», не так уж и много. В сборнике преобладают произведения, в центре внимания которых – обобщенное современное сознание, «мы»; многие лирические вещи, объединенные субъектом сознания «я», не были включены в рукопись и были напечатаны лишь спустя десятилетия. В беседе с автором этих строк Владимир Николаевич отметил, что он пытался опубликовать их, но такую лирику в то время не печатали не только у него, но и у многих других, особенно молодых, поэтов. Сказалась склонность нивелированию личности сталинской эпохой. Но лирика, конечно же, не исчезла совсем – наметилась «тенденция к взаимопроникновению «я» и «мы» [7. С. 226]. Поэтический сборник «Утро в пути» – дипломная работа студента Вл. Соколова – писалась и защищалась под руководством М. Луконина, хотя к концу учебы его семинар возглавлял уже Е. Долматовский.

Главное испытание, которому подвергся Владимир в Литинституте, – проверка на эпичность, что определялось особенностью самой эпохи. Будучи студентом, он много ездил по стране. Большие перемены в жизни советских людей, гигантские стройки захватили его: 1949 г. – Западная Украина, 1950 г. и 1951 г. – Куйбышевгидрострой и др. Впечатления от увиденного, жажда преобразований вдохновляют на новые творения. Однако, как показало время, эпический голос (повествовательность, балладность) оказался противоестественным самой поэтической натуре Вл. Соколова, его внутренней тяге к элегии. Стремление выговорить все, не пропустить чего-нибудь существенного заметно в таких стихотворениях, как «Жигули», «Большой Волге», «Осенью», «Верность», «Праздник», «Мир» и ряде других. «Эпика ему не дается, – замечает позже А. Урбан. – Сюжет у него вялый, а *нагромождение подробностей* (выделено нами – В. Ш.) создает длинноты» [17. С. 303]. Однако молодой автор, в поэтике которого главное место занимали нюансы и «подробности», должен был, видимо, пройти через их «нагромождение» и переболеть ими.

Одна из особенностей ранних произведений о детстве – их ретроспективность. В тексте как бы присутствуют одновременно два субъекта, два носителя сознания. Один из них – мальчик, другой – он же, но уже повзрослевший, по-иному смотрящий на мир. Человек живет одновременно в разных сферах, разными началами своего существа («Сентябрь», «Первый снег» и др.).

Подобное двуголосье и двоemiрие – я-взрослый и я-мальчик – налицо и в других ранних стихотворениях. В «Первом снеге» действие разворачивается вроде бы в прошлом («Были беды школьные, Детские печали...»), но частое употребление в тексте грамматической формы настоящего времени говорит о другом герое, о четверокласснике: «Снег морозный сыплется, Руки обжигает, Но, коснувшись щек моих, Моментально тает» [10. С. 62].

Секрет этого стихотворения, заметил Л. Жуховицкий еще в 1957 г., не только в точности деталей, в лиричности интонации (а именно эти стороны выделил чуть раньше Н. Калигин [6. С. 170], «но прежде всего в непрерывности психологического рисунка, в той неуловимости? с которой реальная девочка /.../, освобождаясь от бытовых деталей, превращается в снежную королеву» [5. С. 241–242]. Важно и то, что чувство мальчика, имеющее непреходящую ценность, свежо и искренне сохраняется в мире повзрослевшего и изменившегося героя.

Иногда эти два голоса различить нельзя, они как бы сливаются в одно целое. Тогда могут возникнуть картины, близкие к работам художников-импрессионистов (об импрессионистичности стихов Вл. Соколова критика начнет шумно говорить лишь в 1980-е гг.):

А в синеве, где, выйдя в путь далекий,
Смешалась с небом талая вода.
Качался детства парус одинокий
И льдинкой белой таял навсегда...

(«Студеный май...» [10. С. 58])

Пейзаж этот, сперва намечающийся в природном мире, проецируется на душевную жизнь героя. Казалось бы, даны однозначные цвета: «синева», «белая льдинка», но синева получилась в результате *смешения* цвета неба и талой воды, а льдинка белая именно «таяет», причем «навсегда» (это слово неожиданное придает пейзажу драматизм и интонацию светлой грусти прощания с детством). Краски расплываются, чувства передаются намеками.

Один из главных признаков импрессионистичности стихов – попытка остановить мгновение во всем его порыве – чувствуется и в строках «Майской ночи»:

И смешался на одно мгновенье
Шелест листьев с шелестом страниц [10. С. 70].

Миг – уже в ранней поэзии Вл. Соколова это нечто таинственное, содержащее в себе то, о чем в тексте не говорится непосредственно, но высвечивается при соотношении тончайших оттенков значений слов. В данном примере не столь важна красивая метафора (она и не нова) или звуковое оформление шелеста (*ШеЛест ЛиСтьев С ШеЛестом СТраниц*), за этими стихами образ спящей девочки, в душе которой в данный момент происходят таинственные изменения, о которых мы можем только догадываться.

В середине 1960-х гг. творчество Вл. Соколова приобретает широкую популярность. Зарождается новая поэтическая волна, связанная с именами таких лириков, как Н. Рубцов, А. Прасолов, А. Передреев, А. Жигулин, С. Куняев, Г. Горбовский и другие. Владимир Соколов создал много значительных вещей еще в 1950-е гг., но его голос был расслышан именно на фоне поисков «тихий» лириков, как условно называли критики эту новую поэтическую волну, пришедшую якобы на смену «громким», или «эстрадным», поэтам. Но это уже другая страница в лирике Вл. Соколова, которая будет проанализирована в следующих статьях.

Литература

1. *Архангельский А.* «В предчувствии мига...» // Лит. обозрение. 1987. № 7. С. 55–59.
2. *Евтушенко Е.* «Нет школ никаких. Только совесть...» // Соколов В. Избранные произведения: В 2-х т. М., 1981. Т. 1. С. 5–6.
3. *Евтушенко Е.* О двух поэтических поколениях // Лит. газета. 1955. 25 янв.
4. *Евтушенко Е.* Я начинал как волчонок-одиночка // Огонек. 1987. № 9. С. 29–30.
5. *Жуховицкий Л.* Долг поколению // Новый мир. 1957. № 5. С. 236–247.
6. *Калитин Н.* Творчество молодых // Октябрь. 1955. № 9. С. 158–170.
7. *Максимов Д.* Поэзия и проза Александра Блока. Л., 1981.
8. *Пастернак Б.* Избранное: В 2 т. Л., 1985.
9. Русская литература XX века: В 2 т. Т. 2: 1940–1990-е годы / Под ред. Л. П. Кременцова. М., 2005.
10. *Соколов В.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1981. Т. 1.
11. *Соколов В.* Наш современник // Маяковский и современность. М., 1985. С. 35–42.
12. *Соколов В.* От автора // Соколов В. Стихотворения. Поэмы. М., 1987. С. 3–8.
13. *Соколов В.* Поэт и его герой: Заметки о двух новых книгах // Комсомольская правда. 1973. 3 февр.
14. *Соколов В.* Свет поэзии // Лит. газета. 1985. 2 окт. С. 5.
15. *Соколов В.* Сила слова – это сила духа // Вопросы литературы. 1983. № 8. С. 161–181.
16. *Тынянов Ю.* Архаисты и новаторы. Л., 1929.
17. *Урбан А.* Образ человека – образ времени: Очерки о советской поэзии. Л., 1979. С. 302–311.

Н. С. Широглазова

Удмуртский государственный университет

ВРЕМЕННАЯ ДОМИНАНТА В ЖАНРЕ АНГЛИЙСКОЙ «НОВЕЛЛЫ О ПРИЗРАКАХ»

«Новелла о призраках» принадлежит к числу формульных жанров, однако, она характеризуется неоднородностью, как по стилю, так и по композиции. В основе жанра лежит ряд особенностей, среди которых ведущую роль выполняет детерминированность места и времени действия. Пространственно-временные отношения определяют образы персонажей и сюжетное развертывание всего произведения. Посредством временной доминанты, которая реализуется через художественную деталь, в «новелле о призраках» выстраивается хронология событий и раскрывается главный драматический конфликт.

Ключевые слова: временная доминанта, тип сюжетного развертывания, единицы мотивного фонда.

Natalia Shiroglazova

Udmurt State University

THE DOMINANT ROLE OF THE TIME FACTOR IN THE GENRE OF ENGLISH GHOST STORY

Though “ghost story” belongs to standardized genres, it is far from being homogeneous in style and composition. “Ghost story” is based on some principal elements. Place and time in which the story unfolds are the most significant features. The details of the setting, time in particular, have an important impact on the personages and the general development of the plot. The time factor through precise detail marks the set of events and indicates the basic dramatic conflict in the story.

Keywords: time dominant, type of plot development, motive units.

Пространственно-временная организация художественного произведения считается одной из ведущих форм развертывания образа человека и мира в литературе. В жанре «новеллы о призраках» пространственно-временные отношения играют особую роль, определяя сюжетное развертывание всего произведения.

Истории о привидениях, о сверхъестественных происшествиях остаются одной из любимых тем в английской литературе с начала XIX в. Этот нестареющий жанр прославил имена Дж. Ш. Ле Фаню, Б. Стокера, М. Р. Джеймса. Многие уже известные английские писатели пробовали себя в этом жанре, в их числе В. Скотт, Г. Уэллс, Ч. Диккенс, В. С. Моэм и др.

Сверхъестественное увлекает своей непредсказуемостью, необъяснимостью. В сравнении с миром реального оно задает мир «наоборот». Реальный, осознаваемый мир опирается на законы, созданные человеком по своему разумению, для своего личного (общественного) «душевного» и «материального» комфорта. В области иррационального царят законы, неподвластные человеку, действующие неумолимо, без исключений. Незнание или несоблюдение этих законов ведет к необратимой «расплате», при этом такие установки, как «воля» и «право выбора», просто не работают.

«Новелла о призраках» – далеко неоднородный жанр. Бывает достаточно сложно установить принадлежность того или иного произведения к этому типу художественной литературы, поскольку велико многообразие подходов к интерпретации сверхъестественного. В частности, не всегда потусторонние силы являются проявлением зла. Но в любой «новелле о призраках» представители «иного» мира добиваются определенной цели, вступая в контакт с живыми. Эмоциональная насыщенность этих отношений является связующим звеном между жизнью и смертью, и именно это объединяет очень разные по стилю и композиции произведения.

Считается, что «новелла о призраках» как отдельный жанр начала формироваться в 20-е гг. XIX в. и является прямой наследницей традиций готической литературы,

в частности романа. Хотя новелла нередко отождествляется с рассказом или повестью, ей присущи свои специфические черты. Новеллам свойственна краткость, драматический сюжет и неожиданная развязка. Стиль изложения в новеллах в основном нейтральный. «Новеллы о призраках», помимо указанных особенностей, характеризуются также высокой степенью психологизма и обилием описательных элементов.

Удивительно, что в эпоху технологического прогресса и прагматического мышления «новелла о призраках» продолжает удерживать свои позиции в английской литературе. Меняется исторический фон новелл, но в целом жанр сохраняет свой консервативный характер, что позволяет причислять его к формульным жанрам. Главная особенность формульной литературы – ее стандартность. Под литературной формулой понимаются сюжетные блоки, восходящие к одним архетипам. Их существование не ограничено какой-либо одной культурно-исторической эпохой. Формульный элемент заключается в конструировании идеального мира, в котором нет беспорядка и неопределенности, свойственных реальному миру [1].

К основным признакам английской «новеллы о призраках» можно отнести следующие:

- наличие драматического взаимодействия между мертвыми и живыми, что вносит в жизнь последних страх или смятение;
- реалии, присущие английской культуре (география, архитектура);
- жесткая детерминированность пространства и времени действия.

Действие «новелл о призраках» разворачивается, как правило, вдали от суеты большого города: на тихой улочке, небольшом поселении или поместье, заброшенной комнате в большом доме и т. п. Попадая в такое место, герой уже подвержен влиянию судьбы, обстоятельств, чужой воли, и все же у него еще остается шанс избежать неотвратимого, если он уедет, свернет с избранного пути, не закроет за собой дверь, став пленником замкнутого пространства. Но такова особенность жанра – герой либо не хочет, либо не может в силу определенных обстоятельств изменить движение «маятника судьбы». Герой, чаще всего не отдавая в том отчета, своими действиями запускает страшную машину, способную, в конечном счете, уничтожить и его самого [2. С. 291]. Как только человек переступает порог дома, комнаты, его судьба предрешена. Пространство начинает диктовать свои правила игры. Пространство довлеет, ограничивая свободу героя в прямом (физическом) и переносном (психологическом) смысле. Попадая в замкнутое пространство по своей воле, герой теряет возможность покинуть это пространство тогда, когда ему хочется: это происходит либо случайно, либо с помощью других людей, либо не происходит вообще.

Герой новелл представляет собой определенный типаж – это образованный мужчина средних лет, имеющих скромные, но свои собственные средства существования, которые позволяют ему путешествовать или заниматься научными изысканиями. Такой герой не склонен верить старинным преданиям о призраках, он ведет размеренную жизнь, в которой всему находится рациональное объяснение. Он сознательно ставит себя в условия, при которых встреча со сверхъестественными силами неизбежна. Таким образом, он пытается доказать себе и другим превосходство человеческого разума над предрассудками. Самонадеянный герой новеллы Г. Уэллса «Красная комната» (The Red Room) остается на ночь в комнате, пользующейся дурной славой: “...it will take a very tangible ghost to frighten me... Eight-and-twenty years ...I have lived, and never a ghost have I seen yet” [4. С. 172]. Здравомыслящий ученый из новеллы Б. Стокера «Дом судьи» (The Judge's House) не допускает даже возможности появления призраков в арендуемом им доме: “...indeed you need not be concerned about me. A man who is reading for Mathematical Tripos has too much to think of to be disturbed by any of these mysterious “somethings”, his work is too exact and prosaic a kind to allow of his having any corner in his mind for mysteries of any kind” [4. С. 111]. Такая дерзость обходится героям очень дорого.

Для жанра «новеллы о призраках» характерна особая структура временного континуума. Временная составляющая в совокупности с пространственной доминантой задает сюжет и в значительной степени определяет образ главного героя. Время и

пространство – неразделимые свойства материи. Эти две величины не зависят от человеческой воли, а наоборот, определяют человеческое существование. В этом заключается некая сверхъестественная предопределенность событий. Герои «новелл о призраках» на первый взгляд оказываются часто «не в том месте, не в то время», чем навлекают на себя разного рода испытания или даже смерть. Но эта «случайность» оказывается звеном целой цепи событий. Человек сталкивается со сверхъестественными силами, либо в силу совершенных им когда то поступков (часто преступлений), либо в силу своего характера, образа жизни, мировоззрения.

Особую роль в сюжетах «новелл о призраках» играет нарративное пространство с переплетением повествований от разных лиц в разной временной последовательности, не всегда хронологической. Время в жанре «страшной новеллы» имеет достаточно сложную многоярусную структуру. События, разворачивающиеся в новеллах, пересказываются либо непосредственным участником встречи со сверхъестественным, либо третьим лицом. С момента начала рассказа начинается ретроспективное воспроизведение событий, таким образом, это – отправная точка путешествия в прошлое. Срок давности пересказываемых событий варьируется от 10 до 200 лет и более. Такой значительный промежуток времени обусловлен, как правило, нежеланием действующих лиц рассказывать о пережитом ужасе.

Герой новеллы А. В. Эдвардс «Призрачный экипаж» (*The Phantom Coach*) делится воспоминаниями спустя двадцать лет, говоря, однако, что память сохранила впечатления такими же яркими: “...my recollection of them is as vivid as if they had taken place only yesterday. Twenty years, however, have gone by since that night. During those twenty years I have told the story to but one other person. I tell it now with a reluctance which I find it difficult to overcome” [4. С. 23]. Время начинает выступать в качестве единственного лекарства от перенесенного ужаса. Генерал Браун из новеллы В. Скотта «Комната с гобеленами» (*The Tapestryed Room*) поспешно покидает дом своего друга, где он пережил полную ужаса ночь, чтобы избавиться от болезненных воспоминаний: “...to seek in some less beautiful country, and with some less dignified friend, forgetfulness of the painful night which he had passed in Woodville Castle” [4. С. 12].

Следующий временной пласт соотносится с предысторией страшных событий. В тексте он может как предшествовать описанию этих событий, так и следовать за ним. Однако кульминацию любого повествования в «новеллах о призраках» составляет промежуток времени, в течение которого происходит непосредственное столкновение героя со сверхъестественными силами. Это событие может быть однократным и длиться в пределах одних суток, либо может иметь многократный характер и длиться от суток до нескольких лет. Этот временной пласт представляет особый интерес для изучения.

Время в новеллах следует рассматривать в двух аспектах: как объективное и субъективное. Их противопоставление создает контрастный фон, на котором борьба между рациональной и иррациональной сторонами жизни выглядит особенно драматичной. Объективное время выражается посредством общепринятых стандартизованных единиц, таких как час, сутки, месяц, год. Это константы, не зависящие ни от каких факторов и связанные с рациональной стороной жизни. В новеллах нередко указывается месяц, число и час происходящего, с тем чтобы рассказ звучал более реально и, соответственно, убедительно.

Время года может играть существенную роль в новеллах, так как оно непосредственно связано с понятиями «тепло» / «холод», что является важным фактором выстраивания сюжета. При любой ночной встрече с призраками температура в помещении или вне его пределов резко меняется. Герой всегда в той или иной степени ощущает холод и сырость, поэтому в большинстве новелл действие разворачивается в зимнее или осеннее время года: “It was a dull grey evening, early in November...” (М. Э. Брэдон. «Тень в углу») [4. С. 59]; “The wind was due east; the month. December...” (А. В. Эдвардс. «Призрачный экипаж») [4. С. 13]. Эффект значительно усиливается, если действие происходит летом, так как в этом случае наиболее остро выступает противоречие между реальным, привычным состоянием и

необъяснимым явлением: “It was very cold – unaccountably so for the month of June” (Ф. М. Кроуфорд. «Верхняя полка») [4. С. 74]. Холод блокирует все эмоции героя за исключением растущей тревоги, а потом и страха, лишая его возможности адекватно реагировать на происходящее. Парализуется воля, способность противостоять опасности, что приводит к потере контроля над собой и ошибкам в поведении. Страх возникает из обыденной обстановки и начинает довлеть над героем.

Анализ «новелл о призраках» позволяет обнаружить в них целый ряд «единиц мотивного фонда» [2. С. 293], связанных с выражением времени. Эти единицы автономны сами по себе и существуют вне текста новелл. Они связаны с представлениями древнего мифологического сознания и являются универсальными символами. Известно, что символы времени существовали во всех древних культурах. Время воспринимается человеком как необратимое явление: «Нельзя дважды войти в одну реку», «Все бrenно в этом мире». Такие элементы, как «часы», «свеча», «луна», «дорога», могут существовать вне контекста или сюжета, вызывая ассоциации со временем. Например, образом неумолимого времени выступает дорога [3. С. 622]. Одним из основных атрибутов отмеренного времени являются часы. В «новелле о призраках» указание на астрономическое время сопровождается звуковыми характеристиками, в частности боем часов или звоном колокола: “But I was aroused by the castle clock striking one, so loud that it seemed as if it were in the very room” (В. Скотт. «Комната с гобеленами») [4. С. 9]; “He had hardly recovered from the first agony which nightmare leaves behind him, and was beginning to collect his thoughts, when he heard the clock strike twelve” (Дж. Ш. Ле Фаню. «Завещание эсквайра Тоби») [4. С. 35]. Колокол символизирует ход времени. Его звон часто знаменует собой опасность или смерть [3. С. 235]. Бой часов в полночь задает высшую кульминационную точку в развитии сюжета, поскольку полночь обозначает время перехода из одного состояния в другое.

В условиях воздействия сверхъестественных сил временной континуум утрачивает свою регламентированность, он становится непостоянным. Для героя время тянется очень медленно. Происходит искажение реального пространства и времени, развивается гипнотический синдром. В новелле А. Блэквуда «Пустой дом» (The Empty House) герой замечает, как под воздействием страха меняется лицо его престарелой тетушки: “An extraordinary something had come into her face and seemed to spread over her features like a mask; it smoothed out the deep lines and drew the skin everywhere a little tighter so that wrinkles disappeared; it brought into the face – with the sole exception of the old eyes – an appearance of youth and almost a childhood” [4. С. 233]. Для страха не существует биологического возраста. Страх способен превратить взрослого человека в беспомощного ребенка.

Это проявление так называемого субъективного времени, «чувство времени» базируется на специфике восприятия человеком окружающей действительности. Возвращение героя в реальный мир также происходит мучительно медленно, время как будто преломляется в его сознании: “It seemed as if years had gone by when I awoke one morning from a deep sleep...” (А. Б. Эдвардс. «Призрачный экипаж») [4. С. 23].

Субъективное время оказывается тесно связанным с рядом условий его протекания и состояний героя, а именно: звуком, запахом, цветом. В любой «новелле о призраках» четко прослеживается антитеза «день – ночь». Символика ночи очень многопланова: это время сказаний, разговоров, время любви, время полета воображения, напряженной работы человеческого подсознания. День является воплощением работы разума. Ночь – борьба рационализма с тем, что есть сила, которой нельзя управлять, невозможно противостоять. В «новеллах о призраках» символика ночи приобретает вполне четкую направленность. Ночь ассоциируется с физической смертью, она наполнена духами и призраками. Поэтому ночи свойственны особые звуки, оттенки цвета. Ночью происходит смещение красок и понятий. «Ночь высвобождает в человеке первобытный ужас перед неизвестностью, которую таит в себе тьма. Ночью высвобождается неконтролируемая энергия потустороннего мира» [3. С. 639].

Следует отметить, что практически во всех новеллах свет играет одну из ключевых ролей в организации сюжета. Источник света может быть естественным по происхождению

(солнце, луна, звезды) или искусственным (свеча, лампа, огонь в камине). Свет олицетворяет собой главную преграду, препятствие между двумя мирами, между жизнью и смертью. Свет, разрывающий застывшее время и пространство, дает герою шанс для спасения: “Then a wavering speck of light came suddenly out of the dark, shifting, disappearing, growing momentarily nearer and brighter. Running towards it at full speed, I found myself, to my great joy, face to face with an old man and a lantern” (А. Б. Эдвардс. «Призрачный экипаж») [4. С. 14].

Темнота, порожденная ночью, вызывает у человека страх, охватывая его, словно щупальцами, даже если герой находится в собственном доме. Предметы мебели приобретают зловещие черты, тем более пугающие, что они ассоциируются с живыми существами: “A walnut-wood wardrobe stared him in the face – a wardrobe with brass handles, which gleamed out of the darkness like diabolic eyes” (М. Э. Брэдон. «Тень в углу») [4. С. 63]. Искусственный свет всегда представляется очень робким. Он настолько слаб, что может погаснуть в любую минуту, оставляя героя один на один с неизвестностью. Горящая свеча – неизменный атрибут любой «новеллы о призраках» – считается символом неуловимости настоящего момента [3. С. 66]. Пламя свечи – воплощение самой человеческой жизни, быстротечной и хрупкой. Герой новеллы Г. Уэллса «Красная комната» зажигает свечи по всей комнате, не оставляя неосвещенным ни одного угла. Станным образом их свет не только помогает ему обрести уверенность в себе, но и вызывает у него ощущение того, что время «движется» быстрее: “The room was now quite brightly illuminated. There was something very cheery and reassuring in these little streaming flames and snuffing them gave me occupation, and afforded a helpful sense of the passage of time” [4. С. 176]. Лунный же свет не столько помогает герою, сколько усиливает страх, так как освещает лишь часть пространства, оставляя дальние углы непроницаемыми, а значит, таящими в себе потенциальную опасность: “This shift of light shed a faint radiance above and below it, lending to the objects within its reach a misty outline that was infinitely more suggestive and ghostly than complete darkness. Filtered moonlight always seems to paint faces on the surrounding gloom...” (А. Блэквуд. «Пустой дом») [4. С. 226–227]. Именно в лунном свете вещи и предметы приобретают определенную цветовую палитру, свойственную ночи: черный, серый, белый, серебристый, красный цвета. “The effect was scarcely what I expected, for the moonlight coming in by the great window on the grand staircase picked out everything in vivid black shadow and silvery illumination” (Г. Уэллс. «Красная комната») [4. С. 174]; “...the somber reds and blacks of the room troubled me...” (Г. Уэллс. «Красная комната») [4. С. 176]. Настоящее спасение герою может принести только истинный свет, нерукотворный. «Рассвет – символ победы света над тьмой, дня над ночью. Это рождение нового дня, новой жизни» [3. С. 638]. Такой свет имеет власть разгонять зло и силы тьмы.

Особым образом в новеллах со временем связана тишина. Она усиливает напряженность момента, ожидания, она как бы естественным образом трансформирует отрезок времени, увеличивая его: “Not a sound, save the rapid crunching of the snow beneath our feet, disturbed the heavy stillness of the night” (А. В. Эдвардс. «Призрачный экипаж») [4. С. 20]. Поэтому для героя тишина невыносима, как невыносимо состояние одиночества и ожидания. Он подсознательно стремится сократить время, стремясь разрушить абсолютную тишину: “By this time I was in a state of considerable nervous tension... I postulated quite unreservedly that nothing supernatural could happen, and to pass the time I began to string some rhymes together ...A few I spoke aloud, but echoes were not pleasant” (Г. Уэллс. «Красная комната») [4. С. 176]; “How silent it seemed now, with only my footsteps to listen to; how silent and how solitary! ...I walked faster. I hummed a fragment of tune” (А. В. Эдвардс. «Призрачный экипаж») [4. С. 21].

День и ночь в «новеллах о призраках» контрастируют не только по звуковой и цветовой гамме. Им свойственна разная палитра запахов. Запахи дня свежи, целебны, а запахи ночи вызывают отвращение: “It was a beautiful day and I went on deck, glad to get out into the early, pure sunshine, and to smell the breeze from the blue water, so different from the noisome, stagnant odor of my state-room” (Ф. М. Кроуфорд. «Верхняя полка») [4. С. 81]; “The atmosphere of the

coach seemed, if possible colder than that of the outer air, and was pervaded by a singularly damp and disagreeable smell” (А. В. Эдвардс. «Призрачный экипаж») [4. С. 23].

Анализ «новелл о призраках» позволяет говорить о том, что для этого жанра характерен особый тип сюжетного развертывания, в котором временная доминанта выполняет одну из основных функций. Замкнутое или ограниченное пространство определяет характер движения времени, которое преломляется в сознании героев под влиянием особых обстоятельств. Каждая деталь обстановки участвует в создании ощущения ужаса, обнажая первобытные страхи человека.

Литература

1. Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул // Информационный портал Литерра. 2004. Полный доступ: <http://littera.websib.ru/volsky/text.htm?240>
2. Краснова М. Профессор в ночной рубашке, или Откуда растут страшные руки и куда глядят страшные глаза: [элементы дет. мифологии в новеллах о призраках М. Р. Джеймса] // Новое лит. обозрение. 2002. № 58. С. 288–301.
3. Энциклопедия символов / Сост. В. М. Рошаль. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007.
4. The Oxford Book of English Ghost Stories. Oxford University Press, 1986.

Е. В. Широкова

Удмуртский государственный университет

«АВТОБИОГРАФИЯ МОЕЙ МАТЕРИ» ДЖ. КИНКЕЙД КАК ЖЕНСКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Жанр автобиографии традиционно относят к «женским» жанрам письма в каноне «большой литературы». При этом основная задача автобиографического женского письма, как она представляется в феминистском литературном критицизме, – это задача саморепрезентации женского «Я». Роман Дж. Кинкейд «Автобиография моей матери» есть поиск путей самоидентификации женщины в пространстве культуры.

Ключевые слова: феминный дискурс, женская автобиография, самоидентификация.

Elena Shirokova

Udmurt State University

“THE AUTOBIOGRAPHY OF MY MOTHER” BY JAMAICA KINCAID AS WOMAN’ AUTOBIOGRAPHY

The genre of autobiography is traditionally related to “feminine” genres of writing in the literary canon. And the main purpose of the autobiographical feminine writing, as it is defined in feminist literary criticism, is the problem of self-representation of the feminine “I.” “The Autobiography of My Mother” by Jamaica Kincaid is the quest of woman’s self-identity in culture.

Keywords: feminine discourse, woman’s autobiography, self-identification.

Вопрос о женском творчестве до сих пор является спорным и волнует многих современных критиков и литературоведов. Тем не менее, в рамках гендерных исследований существование «женской литературы», `уже «женской прозы», признается давно. К такой литературе исследователи причисляют и творчество Джамейки Кинкейд (настоящее имя Элейн Поттер Ричардсон), современной американской, точнее сказать карибской, писательницы.

Как правило, творчество Дж. Кинкейд исследователи рассматривают с точки зрения разрешения проблем колониальной литературы. Так, М. Тлостанова в статье «Эра Агасфера, или как сделать читателей менее счастливыми» пишет: «Рецепт её славы прост – это пост-, анти-, неоколониальная проблематика, фокусирующаяся всегда на резких обвинениях

в адрес британской колониальной политики на Карибах» [3. С. 245]. В данной статье нас будет интересовать «женский» текст, вернее его воплощение в жанре автобиографии, который «наряду с жанрами дневников и мемуаров традиционно относят к «женским» жанрам письма» [1. С. 156]. Именно в таком жанре написан лучший роман Кинкейд «Автобиография моей матери» (1996).

Уже в названии романа прослеживается противоречие: автобиография пишется от лица дочери, потерявшей мать при своём рождении, а не матери, как это заявлено в названии произведения. Разобраться в этом противоречии поможет анализ текста.

Жанр автобиографии сразу задает тему прописывания своей жизни в поле литературы. Письмо невозможно без слова, Логоса. Мотив говорения-слова-молчания является одним из главных мотивов в данном произведении. Так, слово осмысляется героиней неизменным атрибутом власти и культуры, недаром первые, что она читает, является надписью на карте: «Британская империя». Таким образом, Дж. Кинкейд сразу создает оппозицию: Логос как проявление цивилизации-власти и молчание, как природное начало. Ср., например, до четырех лет, будучи маленьким ребенком, героиня молчала и воспринимала мир с точки зрения человека, принадлежащего миру природы: «Мой мир тогда – **молчащий**, мягкий, подобный **растительному** в своей уязвимости, не защищенный от **властных** прихотей других, начинающийся каждое утро бледной зарей на горизонте и кончающийся каждый вечер внезапным наступлением темноты, – был одновременно и тайной, и источником наслаждений; я любила **лицо серого неба**, пористое, зернистое, влажное....» [2. С. 79] (выделено автором статьи). Интересна в данном случае метафора «лицо серого неба», где в одно целое соединяются природное и человеческое.

Внутренняя связь с матерью также поддерживается героиней с помощью невербального общения. Так, ей снится сон, где мать «пела песню **без слов**, не колыбельную, не лирическую песню, она пела не для того, чтобы меня ободрить, успокоить мою взбунтовавшуюся против тяжести жизни душу; она просто пела...» [2. С. 84]. В подобных снах героиня видит и оставшиеся от матери ступни-следы: «она появлялась в моих снах, и я никогда не видела лица, я видела только ее пятки, подошвы ее ног, спускавшиеся по лестнице...» [2. С. 130]. Следует заметить, что в тексте эпизод прихода матери во сне повторяется три раза. Ср. понятие «следа» в работах Ж. Деррида, как паузы, пробела, молчания в поле культуры.

Таким образом, героиня воспринимает себя вне отношения к культуре, цивилизации, без относительно социального, полового различия, такое восприятие обостряется после того, как героиня делает аборт. Ситуацию аборта она воспринимает как **рождение-смерть** самой себя. Вот как автор передает ее ощущения: «Я не выглядела ни мужчиной, ни женщиной. **Я не разговаривала ни с кем, ни даже с собой**... Внутри меня не было ничего; внутри меня был свод» [2. С. 102]. В этот момент она не принадлежит социуму, культуре, находится совершенно в другом измерении, где не работают определения и оппозиции, где она – ничто («внутри меня не было ничего»), но и все одновременно.

Как только героиня начинает себя определять, она делает это через мир природы: «Я была женщиной и как таковая могла быть кратко определена: две груди, маленький проем между грудями, матка; никаких вариантов, и все всегда на том же самом месте» [2. С. 120]. Например, белые женщины воспринимаются героиней по-другому, через Логос, через культуру. Так, жена будущего мужа героини Филипа, определяет себя, в первую очередь как леди, сразу обозначая свое место в социуме: «И поэтому она говорила: «На углу Кинг Джордж-стрит и Маркет-стрит есть магазин, который держит одна женщина; скажи ей, что леди, которая купила». Это было точным описанием самой себя, чем она бы хотела, потому что леди – это комбинация отработанной фальши, коллекция выражений лица, жестов, ужимок, лжи и пустых усилий» [2. С. 120]. Показательно ее имя – Мойра, отсылающее нас к греческой мифологии, задающее тему судьбы, человеческого пред-определения, порядка и гармонии. Речь ее характеризуется как содержащая много слов и много лишней бессмысленной информации: «и она говорила длинными фразами, **фразами из сотен слов**, не останавливаясь, не переводя дыхания, и **ничего на самом деле не было сказано**, просто

странные звуки, выпускаемые в воздух...» [2. С. 119]. Показательна также характеристика ее внешности, героиня подчеркивает «ее глаза, расположенные на костлявом лице».

Еще более жестко героиня определяет мир мужчин, естественно как мир власти: «Что может изменить мир?» - вопрос человека с белым цветом кожи, «цвет его кожи дает ему привилегию в общей иерархии ценностей. [2. С. 111] «О чем же спрашиваю я? Какой вопрос могу задать я? Я не владею ничем, я не мужчина» [2. С. 112]. Бесмысленность мужской власти над миром показывается через тему смерти. Кусок земли на кладбище, на который претендует мужчина, является яркой метафорой бессмысленности обладания тем, что рано или поздно поглотит его самого. Так любая власть оказывается бесполезной, а потому и абсурдной. Следует отметить, что тема не нова для литературы, возьмем, например «Екклесиаст», стихи Омара Хайяма, но речь у Кинкейд идет о власти **белого мужчины**. Нужно сказать, что белый мужчина мыслится и как искусственно создающий руины, то есть по сути ничего не производящий: «Но когда он (Филип) впервые вошел в мою комнату, в его руках была книга, книга, полная картин с развалинами, не остатками погибших цивилизаций, а нарочно построенными развалинами» [2. С. 115]. Вновь опять-таки возникает мотив книги, а значит, и Логоса. И снова в характеристике Филипа, как и в описании Мойры, появляется тема смерти: так, для героини любимый цвет Филипа – бежевый – ассоциируется с цветом костей, с цветом смерти.

Таким образом, возникает явное противоречие. Маркируя отрицательно Логос, делая его неотъемлемой частью властных отношений, вписывающих людей в поле культуры, женщина осознает невозможность про-говаривания себя вне слова. Разговор с собой также не является выходом из данной ситуации: «я разговаривала сама с собой, потому что я полюбила звук своего голоса» [2. С. 79]. Женщина оказывается замкнутой в границах словесного мира. Находя себя в пространстве культуры и социума, она делает это посредством языка.

Возможен ли выход из этой ситуации? На помощь приходит жанр «женской» автобиографии. Как пишет И. Жеребкина, отсылая к работам Шошаны Фельман: «Женщина не может просто писать собственную историю или писать «новую» историю, потому что она не знает свою собственную историю..., так как нельзя «знать» боль: ее можно только чувствовать». И там же: «Кроме того, решение «переписать» собственную жизненную историю не является внешним по отношению к языку, который так же в свою очередь «неписанно пишет нас»» [1. С. 158-159]. Таким образом, для женщины собственная автобиография оказывается недоступной, так как она не может отделить себя от боли и не может выйти из-под власти языка.

Может быть, поэтому Дж. Кинкейд определяет автобиографическое повествование героини, как чужое, собственно говоря, как таковое авторство текста снимается одной из последних фраз: «Эта история моей жизни настолько же моя, насколько и история жизни моей матери, и так же это история жизни моих детей, которых у меня не было, так же как это и их рассказ обо мне. Во мне живет голос, никогда мною не слышанный, лицо, никогда мною не виденное, существо, от которого я произошла. Во мне – голоса, которые должны были раздаться из меня, лица, которым я никогда не позволила оформиться, глаза, которым никогда не позволила себя увидеть» [2. С. 138]. Так текст становится ничьим и в то же время принадлежащим всем. Текст является болевой точкой, где пересекается многоголосье, не важно мужское, женское, где пересекается все и ничто, он является словесно оформленным, но и в то же время не принадлежащим определенному субъекту. Все это оказалось возможным сделать в рамках «женской» автобиографии.

Литература

1. *Жеребкина И.* «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000.
2. *Кинкейд Дж.* Автобиография моей матери // Звезда. 1999. № 7. С. 75–138.
3. *Глостанова М.* Эра Агасфера, или Как сделать читателей менее счастливыми // Иностранная литература. 2003. № 1. С. 238–251.

II. ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

II. TRANSLATION STUDIES

Т. И. Белова

Удмуртский государственный университет

ПЕРЕВОД НАУЧНОГО ТЕКСТА КАК ПРОЦЕСС ПЕРЕХОДА С ЯЗЫКА СЛОВ НА ЯЗЫК МЫСЛИ (на примере книги Ж. Лапланша «Страх»)

Проблема адекватного перевода научного текста (как единства концептуального содержания и вербального выражения) состоит, прежде всего, в точной интерпретации научной мысли автора сначала в рамках его родного языка, и лишь затем в процессе передачи на язык иностранный. В этом случае, можно сказать, что первая ступень перевода – это действие по интерпретации, придание смысла, осмысление, объяснение, комментарий, толкование в рамках одного, родного, языка (что блестяще демонстрирует Жан Лапланш, выстроив свою книгу как перевод психоаналитической мысли З. Фрейда с французского языка слов на французский язык мысли).

Ключевые слова: перевод, адекватность перевода, интерпретация текста, многозначность, контекст.

Tatiana Belova

Udmurt State University

TRANSLATION OF SCIENCE TEXT AS THE TRANSITION PROCESS FROM VERBAL LANGUAGE TO THE INTELLECTUAL LANGUAGE (based on the book of J. Laplanche “Anxiety”)

The problem of adequate translation of a scientific text (as a unity of conceptual content and verbal expression) consists first of all in the exact interpretation of the author's ideas first in terms of his native language, and only then in the transfer process into the target language. In this case, we can say, that the first stage of translation is an act of interpretation, universalization of the meaning, reflection, explanation, commentary within one – native language (Jean Laplanche brilliantly illustrates this process, organizing his book as a translation of Freud's psychoanalytic(al) ideas from verbal French into intellectual French).

Keywords: translation, adequacy of translation, interpretation of the text, polysemy, context.

Казалось бы, теория перевода избавляет переводчика от «ненужных терзаний» по поводу процесса и результата его работы.

Процесс четко разделен на три этапа: 1) декодирование или понимание (чтение, слушание) текста на исходном языке (ИЯ); 2) непосредственно перевод; 3) кодирование (запись, произнесение) полученного текста на переводящем языке (ПЯ).

А результат сводится к поиску и нахождению эквивалента (*эквивалент* – от позднелат. *aequivalens* – равнозначный, равноценный), т. е. предмета или количества, равноценного, равнозначного или соответствующего в каком-либо отношении другому и могущего служить ему выражением или заменой (определения из Большой Советской энциклопедии и Большого энциклопедического словаря).

Однако, если вдуматься (что не противопоказано для переводчика, поскольку первый этап обозначен как «понимание текста»), то оптимизм стремительно улетучивается, а на его месте обосновывается страх. Преувеличение? Ирония? Претензия на оригинальность? Отнюдь. К такому неутешительному выводу привело нас чтение текстов Жана Лапланша [1]. Опыт (или попытка – скорее, «пытка, испытание», чем «проба, эксперимент»), который может оказаться полезным (или бесполезным, что в определенных контекстах одно и то же) всем, кто

уверовал в «теорию переводимости» и «существование эквивалентов», эквивалентов мысли, а не словарной единицы, и переводит под девизом «Кто ищет, тот всегда найдет» (не правда ли, «адекватный» перевод с библейского «Ищите и обряцете»?).

Пример достойного подражания пессимизму в отношении возможности перевода (на самом термине перевод и проблемах его переводимости мы остановимся далее) подает нам сам автор, Жан Лапланш, поскольку одним из способов анализа, интерпретации и последующей передачи (преподавания) психоанализа он считает сравнение-сопоставление (в зависимости от преобладания сходства или различий) фрейдовского оригинала, существующего на родном для психоанализа немецком языке, и его французского перевоплощения, «родного» для Лапланша как носителя этого языка, и в то же время «чуждого», поскольку, с точки зрения родства мысли, французский перевод центральных терминов, скорее, вводит в заблуждение и прерывает процесс передачи мысли с «немецкого фрейдовского» на «французский психоаналитический». Оригинал, источник психоаналитической теории, подвергнувшись переводческой «интерпретации» (и зачастую пострадав от нее), получил не только формальные повреждения в виде неточных терминов, но и содержательные, что заставляет Лапланша переводить с «французского на французский». В этой ситуации задача переводчика оказывается задачей четвертого и пятого порядка: немецкий оригинал → французский перевод → немецко-французский комментарий Лапланша → перевод на другой язык (в нашем случае, русский) → франко-русско-немецкий комментарий перевода. «Материнский» (во французском языке именно так передается значение «родной») язык «отца психоанализа» в тексте Лапланша выполняет роль «печки», от которой «танцуют» все его рассуждения, сопоставление переводческих эквивалентов становится для него методом анализа психоаналитических концепций. Перевод для него является не передачей мысли средствами другого языка, а способом к пониманию мысли оригинала. Лапланш-переводчик не менее сложен и любопытен, чем Лапланш-психоаналитик.

Возможно, такое внимание к «словарной» стороне вопроса, к точности определения и сохранения семантики термина является «врожденной» чертой Лапланша, родившегося в стране, где кардинал создает Академию, «чтобы сделать французский язык не только элегантным, но и способным трактовать все искусства и науки» (Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье), где «бессмертные» (бессменные пока живы) академики голосуют за принятие того или иного слова в словарь. Кроме того, Лапланш и сам соавтор «Словаря психоанализа» своего рода лексикограф французского психоанализа и переводчик, но только не с одного языка на другой, а с одной научной и языковой традиции на другую.

Что касается слова, представленного в русском языке одной лексемой «перевод», то во французском языке их четыре: 1) *traduction* – перевод на другой язык; 2) *interprétation* – устный перевод; 3) *version* – школьный перевод с иностранного языка на родной; 4) *thème* – школьный перевод с родного языка на иностранный.

«За вычетом детей», которые пока только учатся переводить, обратимся к двум «взрослым» терминам (предполагается, что взрослые переводчики уже умеют это делать).

Итак, основные значения лексемы *traduction*:

1. Действие перевода, транспозиции (передачи, переноса, перестановки) на другой язык; переведенное произведение. ◊ *Автоматический перевод, перевод при помощи компьютера*;
2. *лит.* Способ выразить, передать что-либо путем переноса, транспозиции (передачи, переноса, перестановки), интерпретации [3].

То есть в переводе существует нечто, что должно поменять свое место, образ и стать чем-то другим, а переводчик – тот, кто держит в руках это нечто и ищет способ и адресата этой передачи. С учетом использования информационных технологий субъектом перевода становится компьютерная программа, в которой все парадигматические, т. е. лексико-семантические, и синтагматические, т. е. грамматические, модели заранее заданы. В этом

случае переводчик получает своего рода «заготовку», черновик будущего текста, облегчающий техническую, словарную, сторону работы, но не отменяющий проблемы поиска адекватной передачи содержания текста.

Основные значения лексемы *interprétation*:

1. Действие по интерпретации, придание смысла чему-либо, осмысление чего-либо; объяснение, комментарий (толкование). *Интерпретация текста, произведения*;
2. Действие или способ представления, исполнения драматического, музыкального, хореографического и т. д. произведения ◊ *Музыкальная интерпретация*: импровизационное хореографическое упражнение под заданную мелодию;
3. *психоан.* Работа, осуществляемая пациентом при помощи психоаналитика, чтобы освободить бессознательное желание, которое руководит тем или иным его поведением;
4. *лог.* Интерпретация (формализованной аксиоматической теории) – это операция, которая заключается в том, чтобы связать с символами этой теории предметов и отношений между этими предметами. *Синоним*: модель.
5. *информ.* Перевод и выполнение одной обучающей программы другой обучающей программой [3].

При этом значение «устный перевод» возникает только на уровне лексемы *interprète* (устный переводчик). Тогда как *traducteur* – это тот, кто переводит, автор перевода. В словарных определениях понятия *interprétation* вообще отсутствует сема «с одного языка на другой», оно возникает лишь в лексеме *interprète*, даже глагол *interpréter*, первое словарное значение которого «пытаться сделать понятным (истолковать), перевести, придать смысл», проиллюстрирован примерами: *интерпретировать сон, интерпретировать закон*, опять же не в смысле «с иностранного языка на родной или наоборот», а с символического языка сна на человеческий язык слов или с языка юридической (во многих языках все еще «средневековой») казуистики опять же на «человеческий» язык повседневного общения.

Отсюда и принципиально разные задачи устного и письменного перевода и переводчиков (конечно, мы утрируем и упрощаем дело, но это попытка «вглядеться» в непосредственное значение слова, зафиксированное в словаре, вместо того чтобы множить «интерпретации»): устный переводчик обеспечивает канал связи («коммуникация состоялась»), письменный переводчик становится «автором» («соавтором» или «убийцей» автора – в зависимости от намерений, их осознанности или неосознанности, осуществления или неосуществления) переводимого текста – и эта ответственность делает его работу «невозможной» в смысле достижения требуемой «эквивалентности». По сути, Лапланш в комментариях и сопоставлениях делает свой перевод Фрейда, по сравнению с другими уже существующими переводами, так или иначе проводя мысль о том, что Фрейда на французском языке не существует.

Но если в переводе художественного текста речь идет об утрате, прежде всего, эстетической стороны текста (безусловно, существующей нераздельно с содержательной), о низведении текста до пересказа сюжета, то в научном тексте никакого другого сюжета, кроме хода мысли автора, не существует, и следовательно, искажение этого мыслительного сюжета приводит к потере, искажению (которое «смерти подобно») текста в целом. Нет смысла «искать смысл» в том, чего нет. Фрейд в «убийственно» неточном, вольном, «интерпретирующем» переводе «перестает быть», мы теряем возможность узнать, как все было «на самом деле» и оказываемся в «дурной бесконечности» ложных представлений о его теории. Лапланш, в частности с помощью анализа немецких и французских лексем, пытается «очистить» теорию от надуманного за все время ее существования и вернуть ей, насколько это возможно, первоначальный, полный противоречий и алогичности, но единственно приемлемый для ее развития вид. «Перечитывая заново», Лапланш, по сути, открывает Фрейда для французского читателя-слушателя (поскольку его книги – письменная фиксация прочитанных лекций).

Полагаю, что процитированного выше достаточно (и мы еще не обращались к словарям русского или других языков), чтобы, как минимум, «озадачить» себя проблемой возможности перевода какого бы то ни было текста с одного языка на другой (пусть даже текста прогноза погоды). Отсюда становится вполне понятной пристрастность Лапланша к тонкостям, нюансам, оттенкам, деталям, мелочам, без различения которых нет смысла «прикасаться» (я уже не говорю о понимании, интерпретации и собственно переводе) к оригинальному научному тексту.

Несколько примеров комментариев Лапланша-переводчика-психоаналитика (в нашем переводе) в его работе «Страх». В фигурных скобках {} представлены русские синонимы, которые мы намеренно оставили в тексте, чтобы продемонстрировать не «трудность» или «сложность», а подчас «невозможность» выбора единственного «эквивалента» (что, естественно, придется сделать в ходе редактирования окончательного варианта для публикации). В квадратных скобках [] комментарии Ж. Лапланша.

Основное содержание данного отрывка – толкование «титульного» понятия «Angst», переведенного как «страх» (с немецкого оригинала на русский язык) и как «angoisse» (с немецкого на французский).

...страх... может быть расчленен на два аспекта: один *аспект подготовки к опасности* – полезный сигнал; и тем более полезный, что он сводится именно к сигналу – и *иррациональный аспект*, который представляет собой развитие страха. *Angstbereitschaft* и *Angstentwicklung* являются двумя постоянными терминами в учении Фрейда, которые обозначают (соозначают, представляют коннотацию) эти два аспекта страха.

Angstentwicklung – это страх как развитие, как процесс, приводящий к чему-то неконтролируемому, неуправляемому: это приступ {припадок, вспышка} страха, или страх, развивающийся в приступ {припадок, вспышку}.

Напротив, *Angstbereitschaft* – это подготовка к страху, страх как уменьшенное состояние, состояние в миниатюре, но позволяющее субъекту предвидеть опасность и подготовиться к ней (в некоторых отрывках *Angstbereitschaft* принимает несколько иное значение, что может спутать карты: значение predispositionности, «склонности к страху»).

“ANGST”: МЕЖДУ БОЯЗНЬЮ {ОПАСЕНИЕМ} И СТРАХОМ

Вопрос: В том, что я сейчас излагаю, не говорю ли я скорее о *боязни* {*опасении*}, нежели о *страхе*? Во французском языке, у нас есть отличия, например, весьма банальное, боязни от страха, исходя из возможно весьма поверхностной идеи, что страх – это боязнь без объекта; не входя в подробности, которые авторы хотели привнести, вводя еще и термин тревоги {тоски, беспокойства, тревожности}. Напротив, интересно войти во фрейдовские различия. Действительно, в немецком языке все еще сложнее; и я думаю, что, не ограничиваясь терминологией – поскольку мы не можем сказать, что психическая система {психика} более истинна на немецком {по-немецки, в немецком}, нежели на французском {по-французски, во французском} – существует некий дух языка, который позволяет нам делать открытия. В немецком мы имеем дело по меньшей мере с тремя терминами {словами}: *Schreck*, *Angst*, *Furcht*, которые Фрейд эксплицитно {отчетливо} различает в различных отрывках, особенно во *Введении в психоанализ*, а также в *По ту сторону принципа удовольствия*.

Schreck: effroi ужас {*страх*}. Здесь нет двусмысленности. Можно также сказать *terreur* (*террор*, *ужас* {*страх*}); иногда это переводится как *паника*, но эти термины не включают в себя фундаментальных противоречий.

Angst: страх, но *в то же время боязнь*. Действительно, по-немецки можно сказать: *Ich habe Angst*, т. е. буквально: «У меня страх чего-то», что приводит к тому, что переводчики чувствуют себя обязанными, иногда, передавать *Angst* как «боязнь» (*peur*).

Furcht переводится как *боязнь*, *страх* (*peur*) или *страх*, *опасение* (*crainte*); глагол *redouter* {бояться, опасаться, страшиться} был бы адекватным, но нет соответствующего ему существительного.

... наша первая ПАРА, УЖАС – СТРАХ позволяет уточнить один из аспектов *Angst*. По отношению к ужасу, который является деструктуриацией {разрушением структуры, разложением}, здесь появляется наиболее структурированный и наиболее структурирующий аспект страха. Тогда как

боязнь будет более структурированной, нежели страх, здесь страх появляется в качестве символического элемента, уже защита – подготовка к ужасу. Это аспект *Angst*, который приводит к тому, что мы можем сказать *Ich habe Angst vor...* У меня страх чего-то... При разнице звучаний французского термина «*сmpax (angoisse)*», в *Angst* присутствует интенциональный аспект, по меньшей мере имплицитный (подразумеваемый). Присутствует *подготовка, не именно к объекту* (это будет страх = боязнь (*peur*), *Angst* в самом фобическом смысле этого слова), *а к опасности*. Впоследствии этот термин ужас, тем не менее постоянно присутствующий во фрейдовском учении с самого начала, возможно, будет слегка стираться в пользу новой оппозиции: *Angstbereitschaft* и *Angstentwicklung*. Схематически мы могли бы распределить их следующим образом:

Страх (<i>Angst</i>)	Ужас (<i>Schreck</i>)
<i>Angstbereitschaft</i>	<i>Angstentwicklung</i>
сигнал, позволяющий защищаться против (от) кого-либо, чего-либо	неуправляемый процесс

Возьмем, несмотря ни на что, *различие в немецком языке*, то, на которое опирается Фрейд и которое не является полным соответствием различию во французском. Прежде всего это различие выводит *Furcht* из *боязни (crainte)* или *опасения*, т. е. из реакции, адаптированной (приспособленной) к своему объекту, даже если он превосходил любую эмпирическую опасность. Один из наиболее частых примеров использования слова *Furcht* это *Furcht Gottes, боязнь Бога*: «Мы, немцы, мы боимся Бога и ничего другого в мире (на свете)», говорил Бисмарк; и еще в Писании: «Боязнь Господа – это начало мудрости». Благодаря страху мы, несмотря ни на что, находимся в области некоторой рациональности. Нюанс (оттенок), который в него привносит Фрейд, не вполне таков. Он нам говорит: «В *боязни (Furcht)* внимание переносится на объект, в *сmpaxe (Angst)* оно переносится на состояние и абстрагируется от объекта». В действительности, вы это увидите, в психоаналитической теории страх не просто абстрагируется от объекта.

Вот некоторые нюансы, **всегда связанные с употреблением языка**» [2].

Рассуждение Лапланша выстроено как диалог с Фрейдом, в котором цитаты из его трудов играют роль «собеседника». Главной особенностью этого диалога является не временная дистанция между ними и даже не критическое отношение к Мэтру, а прежде все двуязычие этого диалога (когда речь идет о чтении французского оригинала). Исходные немецкие термины не переводятся им на французский, а осмысливаются через французский язык. В переводе французского текста на русский добавляется третий язык, что делает ситуацию еще более интересной и сложной.

Во-первых, выстраивается собственно русский ряд идеоматических синонимов: страх, боязнь, испуг, опасение, ужас, – в котором каждое слово обозначает особое понятие и имеет традицию употребления в русском психологическом тексте. Эта синонимия, скорее, формальная, поскольку нельзя в определенных контекстах употребить один термин вместо другого, здесь речь идет не об оттенках лексического значения, а о логической, понятийной дифференциации терминов.

Во-вторых, возникает необходимость перевести «французского Фрейда» (поскольку цитаты приводятся уже во французском переводе), при том что существует «русский Фрейд» (однако подход Лапланша к анализу французских «ошибок», не столько в процессе кодирования на французский, сколько в процессе декодирования с немецкого, не позволяет нам «калькировать» уже имеющиеся переводы Фрейда на русский язык). Перевод «отраженного в зеркале французского языка» Фрейда особенно сложен: с одной стороны, на переводчика неизбежно давит авторитет «канонических» переводов Фрейда, а с другой – цитаты из прочитанного на русском Фрейда сами собой всплывают в памяти и «пробираются» в текст перевода с французского. Требуется своего рода «самоанализ»: «Это переведено мной или я это где-то прочитал?».

В-третьих, существует перевод уже упомянутого нами «Словаря психоанализа» (гениальный, не побоимся этого слова, перевод и титанический труд, осуществленный доктором философских наук Н. С. Автономовой) [1]. Словарь, с одной стороны, пытается

решить проблему «старых» и «новых» переводов трудов Фрейда как источника основных психоаналитических терминов, а с другой – представить французскую терминологию, которая представляет (по выражению Н. С. Автономовой) «концептуальные странствия его учеников, последователей и критиков» [1]. Перевод, сделанный философом, а не филологом, сам по себе является нетривиальным явлением. Глубокое проникновение в смысл здесь является приоритетным, хотя с точки зрения выбора (подбора, отбора) лексических единиц филологи могут если не возразить, то предложить свои варианты, а с концептуальной точки зрения свои варианты могут предложить психоаналитики (особенно читающие Фрейда в оригинале). Однако это беспрецедентный труд с использованием источников на четырех языках (французском, немецком, английском и русском языках психоанализа начала века), и переводить, зная, что «русский Лапланш» уже есть, – это, знаете ли, «смело» (если не «безнадежно смело»). Особенно если переводчик (как в нашем случае) не является ни психоаналитиком, ни философом, ни даже «чистым» филологом, а, пожалуй, лишь верным и преданным ценителем русского и французского языков, любителем вдумчивого чтения. Хотя, с другой стороны, «тот, кто читает, не пишет», тот, кто находится внутри проблемы (внутри истории и традиции вопроса), не может отвлечься (в смысле абстрагироваться, пренебречь) от накатанного пути и взглянуть на текст Лапланша «незамыленным» глазом и обнаружить (открыть, вскрыть, увидеть, уловить) уникальность подхода и стиля Лапланша вне контекста «ортодоксального» психоанализа.

В-четвертых, всегда существует соблазн выбрать словесную «элегантность», которая в данном случае будет в ущерб точности (пусть «неудобоваримой» на русском языке) изложения мысли (вплоть до искажения концепции как таковой).

В-пятых (но это повод для отдельного разговора), индивидуальный стиль Лапланша, его «идиолект»: лексикон (на уровне слова и фразеологии), синтаксис, его синонимические ряды, тропы (сравнения и метафоры прежде всего) – заставляют признать, что для переводчика не может существовать какого-то абстрактного «французского языка», есть язык человека в контексте (не только научном, но и в контексте Я). Проблема в том, чтобы Я переводчика не исказило (не вытеснило, не «убило») Я автора.

Вот мы и вернулись к тому, с чего начали: с задачи адекватного научного перевода, понимаемого, прежде всего, как интерпретация научной мысли – будь то в рамках двух языков или в рамках одного языка. В этом случае можно сказать, что перевод – это не «действие перевода, транспозиции (передачи, переноса, перестановки) на другой язык» [3], а «действие по интерпретации, придания смысла чему-либо, осмысление чего-либо; объяснение, комментарий (толкование)» [3] на одном языке (что блестяще демонстрирует Лапланш, выстроив свою книгу как перевод с французского на французский).

Литература

1. *Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу / Пер. с фр. Н. С. Автономовой. М.: Высш. шк., 1996.
2. *Laplanche J.* Problématiques. V. 1: L'angoisse. PUF, 2006.
3. *Le Petit Larousse illustré.* Larousse, 1992.

О. П. Кузьяева, А. В. Арзуманян
Удмуртский государственный университет

НАЗВАНИЕ ВИДЕОФИЛЬМА КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Название фильма является одной из наиболее релевантных категорий видеотекста. Разнообразие способов перевода фильмонимов объясняется как структурными, семантическими и функциональными особенностями каждого конкретного названия, так и внеязыковыми факторами (культурная принадлежность аудитории, рекламные стратегии и т. д.).

Ключевые слова: видеотекст, название фильма, классификация способов перевода.

Olga Kuzyaeva, Alyona Arzumanyan
Udmurt State University

FILM TITLE AS A TRANSLATION PROBLEM

One of the most relevant videotext categories is the title. Structural, semantic and functional characteristics of each specific film title as well as certain extralinguistic factors (the cultural identity of the film recipients, the postproduction strategies) account for the variety of film title translation techniques.

Keywords: videotext, film title, classification of translation techniques.

В последнее время вопросы кинодискурса все чаще становятся объектом лингвистических исследований. В определенной степени это обусловлено той значимостью, которая в современном обществе придается кинематографу как жанру искусства и как средству массовой информации. Художественный фильм является комплексным, многомерным видом текста, состоящим из знаков двух семиотических систем – вербальной и изобразительной, интегрирующихся и образующих сложное смысловое единство.

Любой фильм обладает специфическими кинотекстовыми характеристиками. Эти характеристики свойственны всем художественным фильмам и поэтому могут рассматриваться как категории кинотекста. Принципиальными категориями фильма являются интертекстуальность (обозначение принадлежности кинотекста культурной и, прежде всего, кинематографической традиции) и модальность (реализация авторского начала в кинематографе) [2. С. 9].

Помимо особых кинокатегорий, кинотексту присущи и общетекстовые категории – характеристики, свойственные всем видам текстов, в том числе и вербальным. К общетекстовым категориям относятся информативность, единство, связность, смысловая завершенность, оформленность и интерпретируемость. Что касается структурных характеристик, то наиболее релевантной линейной категорией кинотекста является его название.

Название фильма (фильмоним) является пограничным элементом кинотекста, в котором сосуществуют и борются два начала: внешнее – обращенное вовне и представляющее произведение в языковом, литературном и культурно-историческом мире, и внутреннее – обращенное к тексту. Функции заглавия довольно разнообразны: во-первых, заголовок называет фильм – это номинативная функция; во-вторых, он сообщает, о чем в дальнейшем будет идти речь (преддицирующая функция); в-третьих, заголовок выделяет определенный тип фильма (концептуальная функция); и наконец, рекламная функция заключается в привлечении интереса к фильму за счет необычного, запоминающегося названия [1. С. 45].

Повышенный интерес ученых к данной категории вызван тем, что названия фильмов дают богатый материал для лингвистического анализа и в силу своей языковой специфики

могут быть изучены и как обусловленные единицы, т. е. неотъемлемые компоненты текста, и как самостоятельные речевые единицы, способные функционировать автономно.

Отечественные и зарубежные исследователи неоднократно предпринимали попытки разработать типологию названий видеофильмов, позволяющую рассматривать данную категорию с точки зрения степени выраженности тех или иных ее характеристик. Чаще всего типологическим признаком в подобных классификациях является совокупность структурных параметров заголовка.

На наш взгляд, одним из наиболее перспективных направлений исследований в данной области является изучение названий видеофильмов в аспекте перевода. Изученный материал (более 400 фильмонимов) позволяет нам предложить классификацию способов их перевода, базовыми критериями которой являются степень структурно-семантической эквивалентности исходного и переводного названий, а также степень прагматической адекватности перевода.

1. **Транскрипция.** Данный прием подразумевает выражение звуковой формы оригинального слова буквами языка перевода. Как правило, транскрипция используется при переводе фильмонимов, состоящих из одного или нескольких имен собственных («*Vicky Cristina Barcelona*» – «Вики Кристина Барселона», «*Veronica Drake*» – «Вероника Дрейк», «*Appaloosa*» – «Аппалуза»).

Более сложной задачей является передача фильмонимов, представляющих собой «говорящее» имя собственное. Например, фильм «*Pleasantville*» рассказывает об одноименном идеальном городке, где живут персонажи телесериала. Жизнь жителей этого города прекрасна и не омрачена проблемами и неурядицами. Авторы фильма стремились подчеркнуть данный факт, дав городу «говорящее» название: слово *pleasant* (приятный) плюс формант *-ville*, типичный для названий многих американских городов (перевод с франц. «город»). При переводе фильмонима его семантические компоненты не были переданы; очевидно, переводчик посчитал, что передача названия города с использованием соответствующих русских суффиксов и морфем (*-град, -ск, -ов*) привела бы к нарушению восприятия национально-культурных элементов значения оригинального топонима. Соответственно, название фильма было передано на русский язык при помощи транскрипции – «Плезантвиль».

Транскрибирующий перевод часто применяется в том случае, когда фильмоним выражен словом-реалией, не имеющим соответствия в русском языке («*The Wrestler*» – «Рестлер»), или при переводе названий-неологизмов – слов, придуманных авторами фильма («*Chumscrubber*» – «Чамскраббер», «*Terminator*» – «Терминатор», «*Transamerica*» – «Трансамерика»).

В целом, можно рекомендовать использовать прием транскрипции при переводе фильмонимов, не несущих значительной смысловой нагрузки. В других случаях транскрибирующий перевод не является эффективным способом передачи функциональных особенностей оригинального названия, так как делает заголовок семантически непроницаемым.

2. **Калькирование** (дословный перевод) является одним из наиболее распространенных способов перевода названий видеофильмов. С одной стороны, калькирование позволяет передать структуру оригинального названия, не искажая изначального замысла автора, с другой – дословный перевод не всегда позволяет адекватно передать семантику и коннотации фильмонимов.

Не следует отождествлять калькирование и буквальный перевод. По мнению В. Н. Комиссарова, буквальным называется перевод, воспроизводящий коммуникативно нерелевантные элементы оригинала, в результате чего либо нарушаются нормы языка перевода, либо оказывается искаженным (или не переданным) действительное содержание оригинала [3. С. 114]. Буквальный перевод названий кинофильмов являлся характерной особен-

ностью раннего этапа развития российского кинопроката и эпохи расцвета видеопиратства. Некоторые буквалистские фильмони́мы закрепились в русском языке и до сих пор используются в качестве общеупотребимых соответствий. Например, среди отечественных любителей кино в свое время был популярен боевик «*Red Heat*», рассказывающий о том, как американские полицейские для борьбы с русской мафией прибегли к помощи советского милиционера. Название фильма было переведено на русский язык как «Красная жара», что привело к нарушению связи между заголовком и самим фильмом. Слово *heat* используется в данном названии в качестве сленгизма и означает «полицейский, легавый», поэтому более адекватным вариантом перевода фильмони́ма было бы название «Красный полицейский».

В отличие от буквального перевода, калькирование отнюдь не предполагает искажение семантики исходного фильмони́ма («*Youth Without Youth*» – «Молодость без молодости», «*The Nightmare Before Christmas*» – «Кошмар перед Рождеством», «*Almost Famous*» – «Почти знаменитые»).

При использовании приема калькирования решающую роль играет подбор верного соответствия для каждого слова, входящего в состав фильмони́ма. Переводчику необходимо учитывать не только денотативное значение каждой лексической единицы, но и коннотативные, стилистические, а также и грамматические компоненты значений исходных слов. Например, в названии комедии «*White Chicks*», рассказывающей историю двух чернокожих полицейских, которые, работая под прикрытием, загримировались под белых девушек, присутствует сленгизм *chicks*. Данное слово было передано на русский язык при помощи абсолютного эквивалента «цыпочки», также принадлежащего к лексике сленга.

Несмотря на некоторые достоинства этого приема, калькирование не является универсальным способом перевода фильмони́мов. В некоторых случаях для сохранения семантических и культурных характеристик оригинала нужно произвести более глубокие трансформации исходной структуры при переводе.

3. Трансформационный перевод. Под трансформационным переводом в данном исследовании мы понимаем многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, выполняемые переводчиком для того, чтобы название фильма на русском языке с максимально возможной полнотой передавало всю информацию, заключенную в исходном фильмони́ме, при строгом соблюдении норм языка перевода. Основываясь на работах отечественных теоретиков перевода, мы предлагаем выделить четыре разновидности трансформационного перевода названий фильмов.

Добавление. Увеличение количества лексических единиц в переводном фильмони́ме по сравнению с исходным (оно, как правило, бывает обусловлено внеязыковыми причинами). Чаще всего переводчики используют добавление для усиления предидицирующей функции заголовка, отражая некоторые аспекты содержания фильма непосредственно в названии. Такой «поясняющий» перевод чаще всего используется, когда фильмони́м представляет собой имя главного персонажа фильма или название места действия («*Alfie*» – «Красавчик Альфи: чего хотят мужчины», «*Mr. Brooks*» – «Кто вы, мистер Брукс?», «*Valkyrie*» – «Операция Валькирия»). Зачастую подобная навязчивая экспликация содержания фильма предполагает недооценку фоновых знаний зрителей и не позволяет им получить удовольствие от декодирования названия.

Нередко при переводе названия фильма задействуются дополнительные языковые единицы, соотносящие переведенное название с конкретным жанром кино с целью вызвать интерес у определенной аудитории. Так, название триллера «*Vacancy*» было переведено при помощи добавления – «Вакансия на жертву», дабы зрители не подумали, что фильм посвящен проблемам трудоустройства. При переводе названия криминального фильма «*The Bank Job*» («Ограбление на Бейкер-стрит») переводчик использовал дополнительные единицы, поясняющие, что действие фильма происходит в Лондоне и что сюжет навеян классическими английскими детективами.

Опущение. Прием опущения является полной противоположностью приему добавления, поскольку состоит в пропуске некоторых элементов названий фильмов при переводе. Данный способ используется в тех случаях, когда исходный фильм является достаточно развернутым или содержит лексические единицы, сложные для восприятия («*Life Aquatic With Steve Zissou*» – «Водная жизнь», «*American Gangster*» – «Гангстер», «*My Big Fat Greek Wedding*» – «Моя большая греческая свадьба»).

Лексическая замена. Данная разновидность трансформационного перевода подразумевает перевод одного из элементов фильмонима при помощи русского слова, не входящего в число его регулярных соответствий. Подобные замены чаще всего производятся для того, чтобы не нарушить правил сочетаемости слов в языке перевода, например при переводе названий – фразеологических единиц. Так, название трэш-фильма ужасов об овцах-зомби «*Black Sheep*» было переведено с заменой прилагательного – «Паршивая овца».

Лексическая замена может быть вызвана необходимостью сделать фильмоним более понятным. Например, название известного фильма «*G. I. Jane*» содержит аббревиатуру, которая является неформальным прозвищем американского солдата. В основу фильма положена история женщины, записавшейся добровольцем в элитные американские войска и столкнувшейся с дискриминацией со стороны офицеров-мужчин. Переводчик решил пояснить значение аббревиатуры и предложил вариант перевода – «Солдат Джейн».

В следующем примере замена элемента фильмонима была обусловлена несовпадением родовых характеристик английского и русского слов. Название нуар-триллера «*The Black Dahlia*» отсылает зрителя к псевдониму одной из героинь фильма. Слово *dahlia* переводится на русский язык как «георгин», однако данное русское существительное не может использоваться в качестве прозвища особы женского пола. В связи с этим переводчик решил использовать при переводе название другого цветка (с существительным женского рода) – «Черная орхидея».

Переосмысление. Нередко для достижения семантической эквивалентности и прагматической адекватности при переводе названий фильмов необходимо произвести более серьезные изменения в структуре исходного названия. В результате подобных трансформаций при переводе может сохраниться лишь несколько или только один элемент оригинального фильмонима («*Yes Man*» – «Всегда говори да», «*We Own the Night*» – «Короли ночи», «*Kiss Kiss Bang Bang*» – «Поцелуй навывлет»).

Иногда при использовании приема переосмысления имеет место определенная культурная адаптация, т. е. использование при переводе названия фильма ссылки на реалии, знакомые русскоязычному зрителю. Подобная переводческая стратегия объясняется желанием прокатчиков привлечь как можно большее количество зрителей в кинотеатры. Наглядным примером такой адаптации является перевод фильмонима «*Nanny McPhee*». В данном фильме речь идет о том, как в семье многодетного вдовца появилась загадочная няня – дама крайне непривлекательной наружности, но владеющая навыками волшебства. При переводе фильмонима была использована аллюзия на популярный русский телесериал с заменой одного из элементов названия – «Моя ужасная няня».

В целом, в последнее время трансформирующий перевод все чаще используется для передачи названий англоязычных фильмов на русский язык. Данная тенденция обусловлена как желанием кинопрокатчиков сделать название фильма более привлекательным для потенциальной аудитории, так и стремлением переводчиков к большей вольности при переводе.

4. Адаптирующий перевод (переименование). Данный способ передачи фильмонимов на русский язык может называться переводом лишь условно. В сущности адаптирующий перевод означает присвоение фильму нового названия на иностранном языке, причем данное название не совпадает с оригинальным фильмонимом ни по структуре, ни по лексическому составу.

Мы пришли к выводу, что существующие примеры адаптирующего перевода можно условно разделить на две группы. В первую группу входят переводные фильмoнимы, никаким образом не перекликающиеся с оригинальным названием («*The Ladykillers*» – «Игры джентльменов», «*The Longest Yard*» – «Все или ничего», «*Out of The Cold*» – «Потанцуй со мной»). В свою очередь переводные фильмoнимы второго типа не совпадают с исходными названиями по лексическому составу, однако между ними и англоязычными названиями наблюдается определенная семантико-логическая связь (общее-частное, признак-объект, причина-следствие и т. д.): «*Taken*» – «Заложница», «*Next*» – «Пророк», «*Eight Legged Freaks*» – «Атака пауков».

Нередко при передаче оригинальных названий переводчики используют аллюзии. Так, название мультфильма «*Barnyard*» о жизни коров на скотном дворе было переведено как «Рога и копыта». Данное словосочетание вызывает в памяти отечественного зрителя эпизод из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Использование аллюзии в названии создает юмористический эффект и таким образом привлекает внимание аудитории к фильму. Схожий прием используется при передаче фильмoнима «*The Pacifier*» о суровом морском пехотинце, вынужденном работать телохранителем и, отчасти, няней в многодетной семье. В заглавии на русском языке («Лысый нянька: спецзадание») явно прослеживается сходство с названием популярной советской комедии «Усатый нянь».

Подводя итог, хотелось бы отметить, что перевод названий художественных фильмов требует самых разнообразных переводческих операций, определяемых контекстом, неоднозначностью их смысловой интерпретации, расхождениями в наборе используемых в названиях лексических единиц, экспрессивно-стилистическими факторами, а также смысловым соотношением между содержанием фильма и его названием. Эти операции включают грамматические и семантические трансформации, межуровневые (лексико-грамматические) трансформации, замену исходного названия новым, соответствующим нормам данного жанра в языке перевода.

Наиболее часто допускаемые ошибки при переводе можно частично объяснить отсутствием прагматической адаптации, т. е. культурологической обработки перевода с расчетом на русскоязычного читателя. Однако необходимо помнить о том, что стремление сделать название привычным и характерным для принимающей культуры приводит порой к курьезным результатам. От переводчика в данной ситуации зачастую требуются недюжинные фоновые знания и интуиция. Выбор способа перевода фильмoнима зависит от множества факторов, однако основным критерием приемлемости перевода является выполнение новым названием своих основных функций в культуре языка перевода.

Литература

1. Безрукова М. Н. Функциональный подход к проблеме перевода заголовка // Университетское переводоведение: Материалы IV междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения» 24–26 октября 2002 г. Вып. 4. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003.
2. Иванова Е. Б. Интертекстуальные связи в художественных фильмах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 1999.

А. И. Орлова

Удмуртский государственный университет

НАУЧНЫЙ ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ «ИННОВАЦИИ»

Основной мыслью статьи является защита принципов отечественного художественного перевода, принципов, разработанных его основателем А. В. Фёдоровым. Речь идет о терминологической небрежности в некоторых трудах современного переводоведения.

Ключевые слова: теория перевода, основатель теории перевода А. В. Фёдоров, строгость научного подхода в современном переводоведении.

Alexandra Orlova

Udmurt State University

TRANSLATION THEORY AND “INNOVATIONS” IN TRANSLATION

The main idea of the article is to defend the principles of classical Russian artistic translation. The author comes out against terminological carelessness in contemporary translation studies.

Keywords: translation theory; A. V. Fedorov, founder of linguistic theory of translation; accuracy of scientific approach to contemporary translation studies.

Перевод является вершиной знаний о языке, которая включает в себя знание всех трех уровней языковой системы (фонетического, грамматического и лексического) и диалектическое единство обеих функций языка (когнитивной и коммуникативной). Обычно принято говорить о теории и практике перевода, и это совершенно справедливо, поскольку перевод как теория, как наука сформировался лишь во второй половине XX в. Его основателем является наш отечественный ученый, ученик Ю. Н. Тынянова Андрей Венедиктович Федоров. Практика же перевода известна давно. В данном случае речь идет не о синхронном переводе устной речи, а о переводе художественного текста.

Попытки перевода художественного текста известны с XVIII в., но наиболее полное развитие они получили на протяжении XIX в., а также в первой половине XX в., то есть в то время, когда обозначились имена выдающихся переводчиков, бывших писателями, поэтами или же просто профессиональными переводчиками. В начале XVIII в. переводы с русского на немецкий могли сопровождаться такими казусами, как «он сидел под развесистой клюквой и пил чай». Не зная реалий и фразеологических единиц русского языка, немцы сталкивались с трудностями, когда не могли перевести тонкости подобного рода: «Он то и дело подкладывает ему свинью» или «Это что? – Черная смородина. – А почему она красная? Потому что зеленая». В начале XIX в. появились неуклюжие переводы произведений Ф. Шиллера с немецкого на русский, которые были дословны, с соблюдением рамочной конструкции немецкого языка, что формировало отрицательное отношение к этим произведениям у русских читателей, пока не появились переводы М. Л. Михайлова, В. С. Курочкина и других профессиональных переводчиков середины и конца XIX в. Лучшими же профессиональными переводчиками были отечественные поэты и литературоведы – В. А. Жуковский, М. Ю. Лермонтов, Ю. Н. Тынянов, С. Я. Маршак, Н. И. Гнедич, Н. А. Холодковский, Б. Л. Пастернак, М. Л. Лозинский. Непревзойденным можно назвать перевод М. Ю. Лермонтова – «Горные вершины...», который может потягаться с гетевским оригиналом «Des Wanderers Nachtlied».

В XX в. практика художественного перевода была продолжена лучшими представителями отечественной поэзии (Ю. Н. Тынянов, Б. Л. Пастернак, С. Я. Маршак). Литературовед А. В. Федоров, занимавшийся в основном творчеством русских поэтов начала XX в. (И. П. Анненский, А. А. Блок), владеющий несколькими индоевропейскими языками, вел семинары по теории и практике перевода в вузах Ленинграда. В 1953 г. он защитил

докторскую диссертацию по теории перевода. Его основные труды: «Введение в теорию перевода» (1953), «Основы общей теории перевода» (1968), «Немецко-русские языковые параллели» (1961), «Язык и стиль художественного произведения» (1963), «Очерки общей и сопоставительной стилистики» (1971). Тем самым он основал теорию перевода, перевод как науку. Венцом его творчества является произведение «Искусство перевода и жизнь литературы» (1983). Основателем теории перевода А. В. Федоров признан как в Европе, так и во всем мире. Сколько бы научных и научнообразных трудов по переводу ни появлялось в последнее время, они не выдерживают сравнения с фундаментальными произведениями Федорова не только как теоретика, но и как практика перевода.

В условиях современного мира проблемы теории и практики перевода стали чрезвычайно актуальными так же, как и проблемы номинации, поскольку они тесно связаны. Перевод стал наукой модной, а где мода, там, как известно, и научнообразность. В данном случае исключаются устные формы перевода, речь идет о переводе функционального стиля художественной литературы, дифференциальным признаком которой является когнитивно-эстетическая функция.

Уходят в тень отечественные традиции переводоведения, вскользь упоминается имя основателя теории перевода, труды которого мало изучаются или не изучаются вообще. Бережное обращение с переводимым текстом и со словом в нем нещадно замещается трансформацией, разного рода деформациями, конкретизацией и генерализацией. Эти новые термины на самом деле есть попытка вникнуть в смысловую структуру «родного» фонетического слова и найти ему подобное в языке перевода.

Термин «трансформация» является сигналом маркированности / немаркированности грамматических явлений, доказательством нормы или аномалий на уровне грамматики. Трансформации как метод исследования в грамматике разнообразны: трансформация субституции, пермутации и др. Но как можно трансформировать слово, его значение? В данном случае речь идет о поиске смыслов, а не форм. Трансформация как переделка формы и содержания вряд ли уместна в аспекте перевода. Модный термин «деформация» вообще не применим к переводу художественного текста, так как он свидетельствует об искажении последнего.

Подобный подход к переводу говорит о стремлении работать над отдельным словом или фразой, но не над текстом.

Ключевыми терминами правдивого федоровского перевода стали адекватность и эквивалентность, употребляющиеся обычно со свойственными каждому из них смысловыми параметрами. Начинающие ученые, студенты старших курсов и аспиранты «плавают» в истолковании этих терминов, пытаясь найти твердую опору в их разнице. А между тем термины эти являются дублетными синонимами (смотрите латинско-русский словарь И. Х. Дворецкого), с той лишь разницей, что эквивалентность закрепились в научной терминологии как термин по отношению к лексике (безэквивалентная лексика), а адекватность – по отношению к переводу как итогу переводческого труда. Языковая норма не допускает «безадекватной» лексики, так же как «безэквивалентного» перевода.

Работникам высшей школы следует чтить отечественные научные традиции и разумно относиться к их продолжению и развитию. А. В. Федоров с твердостью отстаивал свои научные убеждения, победившие время и разного рода «инновационные открытия», авторы которых имеют тенденцию наступать на «традиционные» научные методы, изобретая переводческие «технологии».

Перевод существует в двух ипостасях: перевод как наука и перевод как искусство. Надо помнить правило: основной смысл перевода как науки заключается в анализе переводимого текста родного языка. С точки зрения науки нужно знать что? переводить для того, чтобы решить как? переводить, – а это уже область перевода как искусства.

О. К. Ролина

Санкт-Петербургский государственный университет

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ
КАК СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ ЗНАЧЕНИЯ КУЛЬТУРОНИМА
(на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)**

Переводческий комментарий как средство экспликации значения культуронима, его структура, функции, основные принципы построения и критерии использования являются на сегодняшний день малоизученными и представляют большой интерес для более детального рассмотрения. На примере англоязычных текстов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» были выявлены и проанализированы некоторые закономерности использования такого вида экспликации значения культуронима.

Ключевые слова: культуроним, переводческий комментарий.

Olga Rolina

Saint-Petersburg State University

**EXPLICATING CULTURONYMS THROUGH TRANSLATOR'S COMMENTARIES
(based on "The Master and Margarita" by M. Bulgakov)**

The formation, structure and functions of translator's commentaries, as well as the criteria of their usage in literary translation lack detailed studying in modern linguistics. That is why translator's commentaries need further thorough investigation. The paper presents the analysis of using commentaries for explicating culturonyms in English translations of 'The Master and Margarita' by M. Bulgakov.

Keywords: culturonym, translator's commentary.

Хорошо известен тот факт, что перевод художественного произведения во многих случаях значительно осложняется тем, что в исходном тексте могут встречаться слова с яркой национальной окраской. Такие лексические единицы получили различное наименование в современных лингвистических дисциплинах (реалии, лакуны, фоновая лексика, культурно маркированная лексика, безэквивалентная лексика, культуремы и др.) Мы будем придерживаться термина «культуроним», заимствованного из теории межкультурной коммуникации. Культуронимы, будучи закрепленными за элементами внешних культур, не имеют соответствий в других языках и, следовательно, при переводе предполагают поиск специфических способов передачи их значения.

Проблемам адекватной передачи культуронимов на другой язык посвящено большое количество работ не только по теории переводоведения, но и по теории межкультурной коммуникации, культурологии и этнолингвистики. Большинство исследователей культурно маркированной лексики сходятся во мнении о том, что для передачи таких лексических единиц на другой язык с минимальными потерями их национального колорита и наилучшей экспликации их значения необходимо прибегать к сочетанию нескольких переводческих приемов. Как правило, комбинации способов перевода культуронимов включают в себя транслитерацию / калькирование и переводческий комментарий.

Переводческий комментарий как средство экспликации значения культурно маркированной единицы, его структура, функции, основные принципы создания, критерии использования являются малоизученными на сегодняшний день и поэтому представляют большой интерес для более детального рассмотрения. Думается, существование проблемы анализа и систематизации переводческого комментария объясняется тем, что употребление примечаний являет собой интерпретационную деятельность, в которой проявляется большая субъективность [4. С. 43].

Т. А. Казакова справедливо отмечает, что переводческий комментарий имеет межсемiotическую природу, т. е. представляет собой знак, объединяющий знаковые средства двух языков, культур и менталитетов. При этом комментарию присуще особое свойство: в этом знаке обнажается обычно ненаблюдаемая, скрытая сторона переводческого процесса [2. С.169].

Для выявления некоторых закономерностей употребления комментариев к культуронимам в переводном художественном произведении были проанализированы переводные англоязычные тексты известного романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Выбор материала продиктован тем, что это произведение, имеющее ярко выраженную национальную окраску, является источником большого количества разных культуронимов, которые и создают сложности при переводе данного художественного текста на английский язык. В ходе проведенного исследования были проанализированы семь имеющихся на сегодняшний день полных англоязычных текстов произведения М. А. Булгакова: перевод М. Гинзбург (1967), перевод М. Гленни (1967, 1992), перевод Д. Берджин и К. Т. О'Коннор (1995), перевод Р. Пивера (1997), перевод М. Карпелсона (2006), перевод Х. Эплина (2008). Анализ переводов романа «Мастер и Маргарита» позволил выделить следующие виды экспликации культурологической информации исходного художественного текста:

- написанное переводчиком предисловие / послесловие, в котором либо приводятся основные факты из биографии и литературной деятельности М. А. Булгакова, либо дается краткая характеристика сталинской эпохи – времени действия романа;
- заметки переводчика (*Translator's note*);
- постраничные сноски;
- затекстовые комментарии.

<i>Перевод</i>	<i>Постраничные сноски</i>	<i>Затекстовые комментарии</i>	<i>предисловие / послесловие</i>	<i>Заметки переводчика</i>
1. М. Гинзбург, 1967	+			
2. М. Гленни, 1967				
3. М. Гленни, 1992				
4. Д. Берджин и К. Т. О'Коннор, 1995		+	+	+
5. Р. Пивер, 1997		+	+	
6. М. Карпелсон, 2006	+	+	+	+
7. Х. Эплин, 2008		+	+	

Если взглянуть на временные периоды создания переводов романа «Мастер и Маргарита», то можно наблюдать своего рода «эволюцию» переводческого подхода к использованию разных видов переводческого комментария. Если в самом первом переводе произведения переводчик ограничился только постраничными сносками, а во втором и третьем переводах вообще отсутствуют какие-либо комментарии, то в одном из последних переводов переводчик прибегает ко всем выделенным нами видам экспликации культуронимов. Думается, что перевод М. Карпелсона полноправно может быть назван самым «экспликативным» переводом.

Предисловие / послесловие, содержащее полезную для читателя информацию о времени действия романа и биографии писателя, на наш взгляд, может быть названо *лингвокультурологической экспликацией*. Мы условно относим такой вид экспликации к переводческому комментарию, поскольку он не имеет отношения непосредственно к тем

лексическим единицам текста, которые несут в себе важную культурологическую информацию, а скорее помогает создать у читателя общее представление о временной, исторической, социальной и политической атмосфере, в которой разворачивается сюжет. Такая экспликация представляется факультативной и является результатом субъективного фактора переводческого процесса. Может быть, поэтому Д. Берджин и К. Т. О'Коннор помещают послесловие и биографию писателя в конце книги. Р. Пивер и М. Карпелсон помещают раздел, содержащий литературоведческую информацию, в начале книги. В переводе Х. Эплина в начале книги даны фотографии членов семьи М. А. Булгакова, а в конце книги помещена краткая биография и информация о литературной деятельности писателя и первая глава романа на русском языке.

Мы также очень условно относим к экспликации значения культуронимов раздел *Translator's note*. В этом разделе переводчики (Д. Берджин и К. Т. О'Коннор, М. Карпелсон) раскрывают те цели и задачи, которые они ставили перед собой для достижения наиболее адекватного перевода романа. Они комментируют то, как пытались создать перевод, максимально приближенный к оригинальному русскому тексту с сохранением особенностей булгаковского стиля и национального колорита произведения. М. Карпелсон в своих заметках также рекомендует читателям сначала ознакомиться с *A Five-Minute Primer on Bulgakov's Russia*, разделом, включающим в себя литературоведческую информацию и следующим сразу же за *Translator's note*.

Хорошо известен тот факт, что постраничные сноски и особенно затекстовые комментарии очень отвлекают от сюжета романа. Думается, что переводчику нужно найти некий баланс между количеством элементов внешней культуры в исходном художественном тексте и выделением среди них тех, которые именно и нуждаются в пояснениях. Я. Шичжан отмечает, что переводчик должен иметь чувство меры в количестве примечаний. Исходный художественный текст всегда характеризуется наличием лексических единиц, подразумевающих под собой межкультурные осложнения при переводе. Однако это совсем не значит, что переводчик должен делать примечания к каждому элементу, иначе переводной текст будет являться трудным для восприятия иноязычным читателем [4. С. 43–44]. Л. К. Латышев указывает на то, что, представляя собой отдельные минитексты, примечания переводчика не согласуются с общественным предназначением перевода – обеспечивать двуязычную опосредованную коммуникацию по образу и подобию одноязычной, поэтому ими не следует злоупотреблять [3. С. 133].

Думается, одной из задач переводчика является определение культурно-важной информации в исходном тексте, для которой необходимо примечание. Переводчик, создавая комментарий, восполняет утраченное в переводном тексте или дополнительное по отношению к нему знаковое поле неуловимых семиотических свойств, обладающих силой воздействия на ассоциативное мышление читателя.

Анализ затекстовых комментариев и постраничных сносок к культуронимам в англоязычных текстах романа «Мастер и Маргарита» позволил сделать вывод о том, что в большинстве случаев переводчики приводили комментарии для экспликации значения ономастических культуронимов (названия улиц, районов Москвы, городов и областей СССР, гостиниц и т. д.) и авторских советских культуронимов (вымышленные организации и имена главных персонажей). Для того чтобы не очень отвлекать читателя от происходящего в романе действия, переводчики Д. Берджин, К. Т. О'Коннор, а также М. Карпелсон приводят затекстовые комментарии отдельным приложением, не нумеруя культуронимы в самом тексте. Представляется невозможным определить, каким критерием руководствовался М. Карпелсон, объясняя одни культуронимы в сносках, а другие в затекстовом комментарии. Р. Пивер осуществляет нумерацию культуронимов в каждой главе романа, тем самым каждый раз отсылая читателя в конец книги. Х. Эплин отмечает культуроним, имеющий затекстовый комментарий, звездочкой. По количеству затекстовых комментариев «лидирует» перевод Д. Берджин, К. Т. О'Коннор, меньше всего их использовано М. Карпелсоном (он озаглавливает приложение как *extended commentary*).

Для создания местного и временного колорита произведения (действие романа разворачивается в 30-е гг. в СССР) М. А. Булгаков вводит в текст большое количество топонимов, некоторые из них несут добавочный смысл, а, следовательно, справедливо нуждаются в комментариях при переводе. Рассмотрение переводов романа «Мастер и Маргарита» показало, что в основном комментарии к таким ономастическим культуронимам в разных переводных текстах были схожие, но в отдельных случаях переводчики давали разную интерпретацию исходной культурологической единицы, что доказывает субъективный характер применения такого вида экспликации.

Рассмотрим, например, затекстовые комментарии к употребленному на первой странице романа культурониму «Патриаршие пруды». Д. Берджин и К. Т. О'Коннор приводят развернутый комментарий в конце книги, эксплицирующий не только семантическую составляющую исходного культуронима, но и специфику использования автором московских топонимов (*a real location in the heart of old Moscow. While this was a place where Bulgakov spent a lot of time when he first came to Moscow, the location has double significance for the novel – it is named in honor of the Patriarch of the Russian Orthodox Church. Most of the places Bulgakov describes in this novel can still be found in today's Moscow (although many streets names have changed), which has led to an entire Bulgakov tour industry. However, sometimes the author moves streets when it suits him, and relocates buildings, thus befuddling many critics who want the topography to be entirely accurate. Bulgakov consciously mixes realia of Moscow life typical of both the 1920s and 1930s.*). Р. Пивер в затекстовом комментарии делает акцент на том, что М. А. Булгаков намеренно использовал дореволюционное название, которое имело христианские ортодоксальные корни (*Bulgakov uses the old name for what in 1918 was rechristened 'Pioneer Ponds'. Originally these were three ponds, only one of which remains, on the place where Philaret, eighteenth-century patriarch of the Russian Orthodox Church, had his residence*). М. Карпелсон, в отличие от предыдущих переводчиков, решает заинтриговать читателя, предупреждая его в комментарии о том, что далее в романе будут происходить сверхъестественные события (*this land once belonged to the Patriarch of the Russian Orthodox Church and was the former site of Goat Marsh, an area with a reputation for strange disappearance and other supernatural events*).

Большой интерес представляют собой переводческие комментарии к авторским советским культуронимам (вымышленные аналоги организаций и учреждений Советской эпохи и имена персонажей). Такие лексические единицы создаются писателем в большинстве случаев для достижения комического эффекта и воссоздания временного колорита. Без каких-либо комментариев к таким авторским новообразованиям англоязычный текст уже не будет нести в себе искомый идейный замысел писателя, что, в свою очередь, существенно ограничит понимание читателя. Используя в тексте романа авторские культуронимы, М. А. Булгаков подчеркивает свое крайне негативное отношение к советскому укладу жизни. Москва предстает в романе опутанной сетями не только могущественных следственных органов, но и десятков других структур, в которых проступают черты реальных учреждений современной писателю столицы, причем смысл их деятельности сокрыт и, с точки зрения нормального сознания, кажется абсурдным. Думается, что переводчику, для наилучшей экспликации значения исходного авторского культуронима, в данном случае необходимо также обратиться и к литературоведческим источникам.

На наш взгляд, например, является необходимым использование в переводном тексте комментария к созданной автором аббревиатуре «МАССОЛИТ». В переводах Д. Берджин и К. Т. О'Коннор, Р. Пивера и Х. Эплина приведен примерно одинаковый затекстовый комментарий к этой аббревиатуре, в котором говорится о намеренном использовании автором пародийного сокращения вымышленной организации для создания комического эффекта (*a very funny acronym in Russian, which might be conveyed in English as LOTSALIT. Bulgakov found the Soviet passion for acronyms very funny, and made up various absurd ones throughout his career, although the real ones were bizarre enough*).

Представляется абсолютно оправданным употребление комментария к фамилии одного из главных персонажей книги «Бездомный». М. А. Булгаков дает этому герою свой собственный псевдоним времен работы в газете «Гудок». Поиски имени героя были довольно долгими. Он пробовал варианты фамилий и псевдонимов: Антоша Безродный, Иванушка Попов, Иван Николаевич Попов, Иванушка Безродный, «Иван Покинутый», Иван Петрович Тешкин. Направление поисков понятно: герой – молодой поэт 1920-х гг., имеющий пролетарское происхождение. Обычно, по примеру Горького, такие поэты выбирали себе значимые псевдонимы, призванные продемонстрировать их принадлежность к угнетаемому классу или, наоборот, причастность к прекрасному новому миру. Можно вспомнить в этой связи известных поэтов: Демьяна Бедного, Михаила Голодного, Михаила Ясного и т. п. [1. С. 151]. Все переводчики, за исключением М. Гинзбург и М. Гленни, привели подобный затекстовый комментарий (*Such pen names were popular among Soviet writers and poets; for example, Maxim Gorky (“Bitter”) or Demian Bedny (“Poor”). More specifically, Ivan’s name (Bezdomny, or “Homeless”) appears to be a parody of the pen name of Alexander Ilyich Bezymensky (“Nameless”).*

Итак, рассмотрение употребления разных видов переводческого комментария как средства экспликации значения культуронима в переводных англоязычных текстах романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» позволило сделать следующие выводы:

1. Для обеспечения доступности переводного художественного текста в большинстве случаев комментировались ономастические культуронимы и авторские культуронимы. Что касается этнографических, исторических, а также политических культуронимов, то в их случае сложно проследить какие-либо закономерности использования комментариев переводчиками.
2. Несмотря на некоторую общность в количестве комментариев к культуронимам в переводных текстах, их форма и содержание зачастую имеют существенные отличия. Снова большую роль играет субъективный фактор, который наиболее ярко проявляется в том, что переводчики делают разные акценты на смысловом содержании исходного культуронима.
3. Количество комментариев и их содержание зависит и от того, в какой временной период был выполнен перевод художественного произведения, а также от степени информированности переводящего. Самый первый перевод романа «Мастер и Маргарита» был сделан М. Гинзбург на основе оригинального текста с многочисленными купюрами в период, когда советская культура была закрытой для Запада. Многие элементы внешней, советской культуры были непонятными или неизвестными переводчику, что отражалось и на переводном тексте. Два самых последних перевода романа, выполненных М. Карпелсоном и Х. Эплином, свидетельствуют о хорошем знании переводчиков элементов внешней культуры, о чем свидетельствуют подробные комментарии и сноски в англоязычных текстах.

Литература

1. Белобровцева И. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий. М.: Книжный Клуб 36.6, 2007.
2. Казакова Т. А. Переводческий комментарий: структура и функции // Университетское переводоведение. Вып. 4. Материалы IV междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения» 24-26 октября 2002 г. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003.
3. Латышев Л. К. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Изд. центр «Академия», 2003.
4. Шичжан Ян. О культурном примечании при переводе с китайского языка на русский и с русского на китайский // Перевод в современном мире. М.: Всерос. центр перев. науч.-техн. лит. и документации, 2001.

И. П. Рябкова

Удмуртский государственный университет

**СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУБЪЕКТА ДВИЖЕНИЯ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(на материале речей российских и американских политиков
конца XX – начала XXI вв.)**

В статье представлены и сопоставляются наиболее типичные способы языковой репрезентации субъекта движения в речах современных российских и американских политиков. Выявленные сходства и различия позволили рассмотреть конкретные переводческие решения и рекомендовать возможные переводческие стратегии.

Ключевые слова: субъект движения, политическая речь, политическая коммуникация, средства языковой репрезентации, переводческие решения.

Irina Ryabkova

Udmurt State University

**LINGUISTIC MEANS OF MOVING SUBJECT REPRESENTATION:
COMPARATIVE-TRANSLATION ANALYSIS
(based on the speeches of Russian and American politicians
of the late XX-th – early XXI-st centuries)**

The paper describes and provides a comparison of the most typical linguistic means of moving subject representation in the speeches of modern Russian and American politicians. Identified similarities and differences made it possible to analyse and evaluate existing translations and offer some new translation decisions.

Keywords: the moving subject, political speech, political communication, linguistic means of representation, translation decisions.

Известно, что во многих языках идея физического перемещения в пространстве выступает в качестве продуктивной модели описания действительности, позволяющей охарактеризовать развитие ситуации, происходящие процессы, деятельность и жизнь человека в целом. Процесс физического перемещения в пространстве может характеризоваться с точки зрения скорости, направления движения, способа перемещения и т. д. Одной из значимых характеристик этого процесса является субъект движения.

Различия в языковом членении действительности находят свое отражение и в средствах языковой репрезентации субъекта движения, используемых в русском и английском языках. Эти различия, безусловно, необходимо учитывать в процессе перевода.

Материалом для данного исследования послужили речи российских (М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин, В. В. Путин) и американских (Р. Рейган, Б. Клинтон, Дж. Буш) политических лидеров. Всего было рассмотрено 52 речи общим объемом 350 стандартных страниц (одна страница – 1800 печатных знаков). Нами были также рассмотрены английские переводы речей российских политиков, размещенные на официальном сайте Президента РФ, сайтах ведущих англоязычных СМИ (БиБиСи, Гардиан, СиЭнЭн, Нью-Йорк Таймс), ряде новостных сайтов и переводы речей американских политиков, опубликованные в виде книжных изданий [1] или размещенные на Интернет-сайтах.

Исследование показало, что в качестве субъекта движения в русскоязычной политической речи чаще всего выступает:

- а) одушевленное лицо / группа лиц: *мы, россияне, молодое поколение государственных людей, деловые круги* и т. д.;
- б) процесс: *развитие, (совместная) работа, дискуссия, переговорный процесс / переговоры* и т. д.;

- в) государство или его часть: *Россия, страна, наши независимые государства, регионы* и т. д.;
- г) ситуация, событие или состояние, конкретное дело или мероприятие: *думские выборы, (идет) жесткая конкуренция, бедность (отступила)* и т. д.;
- д) действия или деятельность: *совместные усилия (приведут), (открыть дорогу) коррупции, решения (приходят)* и т. д.;
- е) государственный орган / организация: *российские и итальянские концерны (сделали шаг), пришедший к власти так называемый комитет, Правительство, европейские структуры* и т. д.;
- ж) правовые нормы и документы: *план совместных действий (запаздывает), пакет [законов] (может затормозиться)*;
- з) временной отрезок: *время, час, год* и т. д.

Анализ образцов американской политической речи показал, что в качестве субъекта движения в подавляющем большинстве случаев выступает:

- а) одушевленное лицо или группа лиц (*we, nation, leaders, President, etc.*).
- Кроме того, субъект движения может быть представлен:
- б) существительным, обозначающим временной отрезок (*time, years, days, months, era, etc.*), в сочетании с глаголами *to come, to pass*;
 - в) абстрактными существительными в ограниченной сочетаемости (в основном с глаголами *to come, to go*), при этом наиболее часто *встречаются* существительные *freedom, liberty, peace*. Другие возможные примеры: *great reward comes, violence crosses borders, blame goes around* и т. д.;
 - г) отдельными существительными в стандартных коллокациях: *world (comes, moves), economy (drifts,; news (travels), money / income (goes)*;
 - д) государство или его часть, как правило, *America*.

Таким образом, общим для русского и английского языков является наличие схожих средств языковой репрезентации субъекта движения:

- существительных или местоимений, называющих лицо / группу лиц;
- существительных, называющих временной отрезок.

Что касается различий в способах языковой репрезентации субъекта движения в русском и английском языках, то анализ показал, что круг типичных средств языковой репрезентации субъекта движения в английском языке является более ограниченным по сравнению с русским языком. Отдельные широко используемые российскими политиками группы существительных не представлены в речах их американских коллег (существительные, обозначающие процесс, ситуацию, событие или состояние, конкретное дело или мероприятие, действия или деятельность, государственный орган / организацию, правовые нормы и документы).

В связи с этим при переводе с русского языка на английский возникает необходимость использования переводческих трансформаций, обусловленная невозможностью употребления английских эквивалентов существительных, называющих процесс, ситуацию и т. д. в качестве субъекта движения. Рассмотрим далее примеры конкретных переводческих решений в контексте вышеуказанных различий.

Анализ переводов показал, что переводчики в основном принимают во внимание различия между английским и русским языками и используют в переводе переводческие трансформации, позволяющие уйти от идеи перемещения в пространстве за счет эксплуатации иных средств языка перевода:

(1) «Об этом много говорилось, однако **дело не двигалось**». – This was discussed a great deal, but **nothing was done** (Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 08.07.2000).

(2) «Поэтому **движение у нас**, конечно же, **будет идти в сторону развития рынка**, либеральных рыночных ценностей». – **We are committed to developing the market** and to developing liberal market values (Путин В. В. Интервью журналистам печатных средств массовой информации из стран – членов «Группы восьми». 04.06.2007).

Нередко случается так, что переводчик осознает неприемлемость буквального перевода высказывания и, оставив неизменным существительное, обозначающее субъект движения, заменяет глагол со значением движения в русском языке глаголом с более широкой семантикой в английском языке, как правило, глаголом to be:

(1) «Несколько **запаздывает план** совместных действий по введению единой денежной единицы Союзного государства». – **The plan** of joint actions to introduce the single currency of the Union State **is a little behind schedule** (Путин В. В. Начало заседания Высшего Государственного Совета Союзного государства России и Белоруссии. 20.01.2003).

(2) «Турция на повестке дня, и **переговорный процесс**, как уже заявлено, **будет идти не менее 15 лет**». – Turkey is on the agenda, and **the negotiating process**, as has been announced, **will be at least 15 years** (Путин В. В. Пресс-конференция для российских и иностранных журналистов. 23.12.2004).

Признавая возможными приведенные выше переводы, хотелось бы предложить также альтернативные решения, опираясь на данные о частотности тех или иных структур в английском языке, полученные в результате лингвистического поиска в сети Интернет (использовалась система поиска Google). Ниже приводятся переводы с использованием более частотных английских структур, при этом курсивом выделяются те фразы, для передачи которых предлагаются иные языковые средства:

(1) *The joint action plan* to introduce the single currency of the Union State *is/is running* a little behind schedule.

(2) Turkey is on the agenda, and *the negotiation process*, as has been announced, *will continue (for)/will last/will be spread over* at least 15 years.

Вместе с тем, можно привести достаточно большое количество примеров, свидетельствующих о том, что, столкнувшись с необходимостью перевода высказывания с нетипичным для английского языка субъектом движения, переводчики не всегда находят удачный вариант перевода, даже в тех случаях, когда пытаются уйти от буквализма. Приведем несколько примеров:

(1) «[Теперь давайте несколько слов по текущим проблемам. Я подписал несколько законов, над которыми последнее время работало Правительство вместе с депутатами Государственной Думы.] **Речь идет** о снижении налога на добавочную стоимость на 2% и об изъятии из налогооблагаемой базы граждан сумм до миллиона рублей при приобретении недвижимости». – [Now, a few words about the current problems. I have signed several laws that the Government worked on with State Duma deputies.] **The matter in hand concerns** the reduction of value added tax by 2% and removing a sum of up to 1 million rubles out of the taxable base for citizens buying property (Путин В. В. Вступительное слово на совещании с членами Правительства. 07.07.2003).

Очевидно, что в данном случае переводчик стремился избежать буквального перевода. Однако, как показал лингвистический поиск в системе Интернет, предложенный вариант нельзя признать удачным. Во-первых, была выявлена значительная разница в частоте использования клише «речь идет» в русском языке и предложенного для перевода выражения *the matter in hand concerns* – порядка 5 миллионов использований фразы на русском языке на российских сайтах и всего 20 случаев использования английской фразы на британских и американских сайтах. Даже если ограничиться поиском менее точного соответствия – *the matter concerns*, количество использований не превышает 18 тысяч. Кроме того, в большинстве случаев данное выражение встречается в текстах, относящихся к юридическому дискурсу, оно используется в значении «вопрос, рассматриваемый в ходе судебного заседания» или же употребляется в составе структуры *the matter concerns smb*, требующей использования одушевленного существительного или личного местоимения в качестве дополнения. В качестве иллюстрации приведем три единственных предложения, найденных в результате поиска выражения “matter concerns” среди материалов Британского корпуса национального языка (ср.: обычно предлагается 50 случайно выбранных предложений, содержащих заданное в поиске слово или выражение):

(1) In the courts political questions may come before the judges because the matter is already in public controversy, like race or industrial relations...or because **the matter concerns** the activities of the police; or because the matter impinges on the individual rights of citizens, affecting their freedom or their property.

(2) 'You don't think, as her future husband, that **the matter concerns me**?'

(3) Although clearly **this matter concerns only those doctors** working full time in the NHS and not in general practice, I strongly recommend that you ensure your medical officer or advisor is aware of the situation and has taken appropriate steps to obtain adequate medical defence cover.

Если вернуться к рассматриваемому нами примеру, можно предложить вариант перевода с опорой на предыдущий контекст (изменения выделены):

[Now, a few words about immediate issues. I have signed several laws that the Government worked on with MPs/the State Duma deputies.] **These laws will allow for** the reduction of value added tax by 2% and **an income tax rebate of up to 1 million rubles on the purchase of accommodation.**

В предлагаемом нами переводе несколько иначе переведена и последняя часть предложения, касающаяся так называемого налогового вычета. Мы отказались от использования нарушающей лексическую сочетаемость и грамматически громоздкой конструкции *removing a sum* в пользу устойчивого выражения *income tax rebate*, а также конкретизировали предлагаемое предыдущим переводчиком соответствие *property* для русского слова «недвижимость», заменив его существительным *accommodation*.

В следующем примере мы видим, что переводчик отказался от сохранения идеи о том, что дискуссия «идет». Однако в предложенном им варианте происходит нарушение тематического оформления предложения по сравнению с оригиналом на русском языке:

(2) «Я уже говорил об этом: о том, что **у нас идет дискуссия**, как использовать возможности энергетической хартии и приложения к ней, касающиеся транзита». – I already spoke about this. I said **the discussion is continuing** on how to use the possibilities offered by the energy charter and its additional provisions on transit (Путин В. В. Ответы на вопросы российских журналистов после пресс-конференции по итогам саммита. 25.05.2006).

Вместе с тем, опасения переводчика были напрасными, поскольку, как говорилось выше, абстрактные существительные в английском языке могут использоваться в сочетании с глаголами типа *to go, to come*, и, как показывает лингвистический поиск в сети Интернет, существительное *discussion* не является исключением. Поэтому вполне возможным был бы следующий вариант перевода данного высказывания: *I have already said that a lot of discussion is going/goes on how to use the possibilities...*

Другой возможный вариант перевода – использование грамматической замены: *I have already said that we are discussing how to use...*

Рассмотрим далее несколько примеров перевода с английского языка на русский:

After the shipwreck of communism **came years of relative quiet, years of repose, years of sabbatical** – and then there **came a day of fire** (George W. Bush. Second Inaugural, January. 20. 2005).

(1) «После крушения коммунизма **наступили годы относительной тишины, годы доверия, годы покоя** – а потом **пришли годы огня**» (Перевод опубликован на сайте Живого Журнала).

(2) «После краха коммунизма **наступили годы относительного затишья, годы передышки, годы отдыха** – а затем **настал день пожара**» (Перевод опубликован на сайте Государственного департамента США).

(3) «Но после крушения коммунизма **настали годы относительного покоя, годы отдыха, годы передышки** – а затем **пришел день пламени**» (Перевод опубликован на сайте VIP. Lenta.Ru).

В данном случае в качестве субъекта движения используются существительные, называющие временной отрезок *years* и *day*. Во-первых, налицо фактическая ошибка в переводе (1), где *a day of fire* переведено как «годы огня». Во-вторых, не вполне понятно, почему в вариантах (1) и (3), переводя параллельную конструкцию с повтором глагола *to come*, переводчики стремятся избежать повтора глагола в русском языке («наступили – пришли», «настали – пришел»), в результате чего нарушаются правила лексической сочетаемости в русском языке. Наконец, непонятно, о каком «дне пожара» / «дне пламени» идет речь.

В многочисленных комментариях к инаугурационной речи Дж. Буша на английском языке говорится о том, что под *a day of fire* подразумеваются события 11 сентября 2001 г. Согласно официальной версии, здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке

обрушились в результате пожара, возникшего после попадания в него захваченных террористами самолетов. Вместе с тем, высказывались и альтернативные версии объяснения случившегося, согласно которым пожар не мог стать причиной обрушения башен. По мнению многих экспертов, это было больше похоже на контролируемый снос, и реальной причиной обрушения конструкций могла послужить серия взрывов, не связанных с попаданием самолетов. В связи с этим в тексте на английском языке становится понятной значимость существительного *fire* «пожар», поскольку в своей речи Президент обращается именно к официальной версии трагедии. С другой стороны, сложность заключается в том, что для большинства русскоязычных реципиентов одного упоминания о пожаре недостаточно для идентификации события. Можно предложить использовать добавление при переводе второй части высказывания: ... *а затем настал день, когда случился пожар в здании Всемирного торгового центра в Нью-Йорке.*

Рассмотрим еще один пример из первой инаугурационной речи Р. Рейгана (1981):

The business of our nation goes forward. – «Деловая жизнь нашей страны развивается» [1. С. 466].

Такой перевод предложения вызывает недоумение, поскольку сразу после этого Президент говорит об экономических трудностях, с которыми сталкивается страна:

These United States are confronted with an economic affliction of great proportions. We suffer from the longest and one of the worst sustained inflations in our national history. It distorts our economic decisions, penalizes thrift, and crushes the struggling young and the fixed-income elderly alike. It threatens to shatter the lives of millions of our people. Idle industries have cast workers into unemployment, human misery and personal indignity...

Кроме того, как говорилось выше, в английском языке существительное в значении «деятельность» (а в данном переводе *business* понимается как деятельность – *commercial activity* [2. С. 228]) не используется в качестве субъекта движения. По-видимому, *business* используется здесь как абстрактное существительное в значении *proper or rightful concern or responsibility* [Там же]. И действительно, предыдущий контекст подтверждает, что речь идет именно об обязанности американского народа беречь политическую систему, гарантирующую свободу личности:

Mr. President, I want our fellow citizens to know how much you did to carry on this tradition. By your gracious cooperation in the transition process you have shown a watching world that we are a united people pledged (обязаться) to maintaining a political system which guarantees individual liberty to a greater degree than any other. And I thank you and your people for all your help in maintaining the continuity which is the bulwark (оплот) of our republic.

Вероятно, переводчик воспринял фразу *The business of our nation goes forward* в отрыве от предшествующего контекста, так как в скрипте выступления она вынесена в отдельный абзац. Если прослушать аудиозапись выступления, можно понять, что эта фраза оформлена в отдельный абзац, так как отделена от предыдущего отрезка текста продолжительными аплодисментами, однако интонационно она составляет единое целое с предыдущей, а не последующей частью.

Учитывая контекст, интонационное оформление и типичное для английского языка использование абстрактного существительного в качестве субъекта движения, можно предложить следующий перевод: «Дело нашего народа продолжается».

Итак, при переводе высказываний, опирающихся на образ физического перемещения в пространстве, необходимо учитывать различия в средствах языковой репрезентации субъекта движения в английском и русском языках. При переводе с русского языка на английский (в большинстве случаев) представляется целесообразным использовать различные переводческие трансформации, позволяющие отказаться от нетипичного для английского языка субъекта движения за счет иных, не опирающихся на образ пути языковых средств. Однако не стоит стремиться уйти от образа перемещения в пространстве, если два языка располагают схожими средствами репрезентации субъекта движения. При переводе с английского языка на русский знание типичных средств репрезентации субъекта движения способно помочь в понимании текста оригинала и выборе контекстуального соответствия. Даже при наличии в английском и русском языках одинаковых групп

существительных, называющих субъект движения, невозможно осуществить механическую замену конструкции на исходном языке ее буквальным эквивалентом на языке перевода: необходимо учитывать лингвистический и экстралингвистический контекст, фоновые знания иноязычного реципиента.

Литература

1. Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 гг.) с историческим комментарием. М.: Изд. дом «Стратегия», 2001.
2. Collins Dictionary. Seventh Edition. Harper Collins Publishers, 2008.

Г. А. Тронина

Удмуртский государственный университет

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ДОВЛАТОВА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Общеизвестно, что перевод является важным средством межкультурной коммуникации, в осуществлении которой особенно важную роль играет перевод художественных произведений. Особенности культуры носителей языка в большинстве случаев отражаются в лексических единицах. Слова, несущие в себе сему культуры, как правило, являются безэквивалентными единицами и вызывают трудности при переводе, поэтому важно, чтобы переводчик имел фоновые знания о жизни, обычаях, традициях носителей языка, на котором написано художественное произведение. Настоящая статья посвящена проблемам перевода безэквивалентной лексики с культурными коннотациями.

Ключевые слова: реалия, фоновые знания, культуроним, окказионализм, коллоквиализм, содержательный контекст.

Galina Tronina

Udmurt State University

CULTURAL DIFFICULTIES OF TRANSLATING S. DAVLATOV'S NOVELS INTO ENGLISH

As is well-known translation is the most important means of intercultural communication. The translation of belles-lettres texts plays a great role in this communication, lexical units in them are imbued with culture connotations, they have no regular equivalents in the target language and this fact causes problems when translating them. Adequate translation requires background knowledge of the culture of people speaking the source language. The article deals with the problems of translating lexical units with culture semes.

Keywords: realia, background knowledge, nonce-words, culture connotation, colloquialism, contents context.

Перевод художественного произведения на другой язык предполагает не только адекватную передачу денотативного содержания языковых единиц, но и содержащихся в них коннотаций, включающих эмоционально-экспрессивные, оценочные компоненты, а также культурные коннотации, которые являются актуальными в содержательном («обстановочном») контексте [8. С. 144].

Трудности перевода художественного произведения связаны, прежде всего, с реалиями, отражающими особенности культуры носителей языка, включающей в себя не только исторические, социальные, психологические явления, но и традиции, ценности, поведение, быт, условия жизни людей относящихся к определенной языковой общности [5. С. 153].

Предметом нашего изучения являются лексические единицы в произведениях С. Довлатова, содержащие национально-культурный компонент и представляющие значительные трудности при переводе на английский язык. Подобные лексические единицы

принято называть культуронимами [4. С. 418], или лингвокультуремами [6. С. 47]. Специфические элементы, присущие данной, внутренней, культуре, В. В. Кабакчи называет также идионимами [4. С. 419].

Идионимы в произведениях С. Довлатова «Наши» и «Компромисс», можно разделить на следующие группы:

- 1) слова, отражающие реалии социально-политической жизни в СССР в прошлом веке;
- 2) слова, означающие повседневную жизнь трудящихся нашей страны, их привычки, традиции;
- 3) лексика, связанная с идеологическими установками партийного руководства страны.

Указанные группы лексических единиц включают не только общеупотребительные слова, но и сленг, окказионализмы и коллоквиализмы.

Рассмотрим несколько примеров, относящихся к первой группе лексических единиц:

Когда гражданская война закончилась, дядя Арон поступил на **рабфак**. Затем он стал **нэпманом** и, кажется, временно разбогател. Затем кого-то **раскулачивал**. Затем он **чистил ряды партии**. Затем его самого вычистили. За то, что он был нэпманом [7. С. 184].

В приведенном отрывке слова «рабфак», «нэпман», «раскулачивать», «чистить ряды партии» отражают реалии русской жизни 30-х гг. XX столетия.

Переводчик А. Фридман дает вполне адекватный перевод приведенных реалий:

When the Civil War ended, Uncle Aron entered a **work's university program**. When the Party tried the New Economic Policy he became a **Nepman** and it seems, got temporarily rich. Then he worked at **dispossessing the kulaks**. Next he helped purge the ranks of the Party. Then he himself was purged [8. С. 45].

Фраза *dispossess kulaks* тем не менее требует описательного перевода или переводческого комментария к слову *kulak*. Что касается сокращения «рабфак», его значение расшифровано как *a work's university program*, что раскрывает суть этого учебного заведения, а «нэпман» передано при помощи транслитерации, значение этой единицы будет понятно для американского читателя, благодаря компенсации в виде предложения «When the Party tried the New Economic Policy».

Как следует из перевода, он является не только адекватным, в нем сохранен юмор автора благодаря глаголу *purge*, использованному в необычном сочетании с местоимением *himself*.

Интерес представляют также реалии, отражающие идеологические установки партийного руководства, при этом автор использует окказионализмы и коллоквиализмы для создания юмористического эффекта.

Приведем примеры:

- 1) А то, что Штейн – еврей. А каждого еврея нужно **согласовать** [3. С. 204].

Глагол «согласовать» может быть непонятным для человека, не знающего жизнь в СССР в 70-х гг. XX в. В английском переводе эксплицируется суть этой реалии за счет добавления:

And every Jew has to be **submitted for approval**.

- 2) – Младенец должен быть **публикабельным**.

– То есть?

– Ничего ущербного, мрачного. Никаких кесаревых сечений. Никаких матерей-одиночек. Полный комплект родителей. Здоровый, социально-полноценный мальчик [3. С. 196].

С точки зрения перевода интерес представляет окказиональное слово «публикабельный», которому в английском тексте удачно подобран эквивалент *publicizable*, совпадающий с русским эквивалентом даже по морфологической структуре:

The infant has to be publicizable [9. С. 27].

В то же время фраза «здоровый, полноценный мальчик» переведена описательно словосочетанием *meeting all social requirements*, передающим адекватно смысл русской фразы.

В следующем высказывании речь идет о заседании партийного актива районного масштаба:

Кто в декабре облевал районный **партактив**? [3. С. 202]

Who vomited all over **the Regional Party Headquarters**? [9. С. 35]

В тексте оригинала для создания юмористического эффекта автор использует метонимию. В переводе фраза *regional part headquarters* уточняет и конкретизирует значение слова «партактив», с прагматической точки зрения перевод вполне приемлемый, но высказывание при этом теряет стилистическую экспрессивность.

Особую группу лексических единиц, отражающих реалии русской жизни, представляют окказиональные слова и просторечные лексические единицы, связанные с привычками людей, в частности с приемом алкоголя. Проанализируем некоторые из них.

Мужик **по-черному** гудел [3. С. 244].

This guy **kept going on binges in the sleaziest way possible** [9. С. 118].

Как видно из английского текста, для фразы «по-черному гудел» было трудно подобрать соответствующий эквивалент, поэтому она была переведена описательно – *kept going on binges*. Рассмотрим еще один пример:

Другой раз **бухнете** с Шаблинским, а потом целый вечер: ипостась, ипостась [3. С. 242].

Sometimes you **get going** with Shablinsky and then all hear all evening is avatar this, avatar that [9. С. 116].

Для просторечного «бухнуть» трудно найти соответствующий эквивалент в английском языке, поэтому переводчиком использован коллоквиализм *get going*, означающий, согласно англо-русскому словарю, «отправляться, начинаться» [7. С. 52]. По-видимому, эта фраза в определенном контексте приобретает коннотацию, соответствующую значению «выживать». Таким образом, при переводе утрачена экспрессивность русского «бухнуть», а также комизм ситуации.

В произведениях С. Довлатова коллоквиализмы и окказионализмы используются также в таком содержательном контексте, как разговор близких друзей и коллег. Подобные слова используются, например, для характеристики героев:

Знаете, Довлатов, у **Вас есть перо** [3. С. 234].

You know, Dovlatov, **you know how to use a pen** [3. С. 106].

Вне контекста «у Вас есть перо» можно рассматривать в прямом и переносном смысле. Перевод снимает двусмысленность и передает переносное значение – «уметь хорошо писать».

В некоторых случаях при переводе невозможно подобрать соответствующий эквивалент, и переводчик прибегает к описательному переводу, как в нижеследующем высказывании:

Кто эта рыжая вертлявая **дылда**? [3. С. 198].

Слово «дылда» имеет пейоративное значение, которое усиливается прилагательным «вертлявая», само словосочетание в переводе теряет пейоративность и является вполне нейтральным:

Who was that **tall fidgety read-head**? [9. С. 130].

Обратимся к анализу переводов некоторых окказионализмов:

Журналисты, подобные Вагину, неизменно утомлены и лихорадочно озабочены. Остряк Шаблинский называл это состояние **вагинальным** [3. С. 232].

Переводчику удастся подобрать эквивалент для слова «вагинальный», *vaginalism* раскрывающий суть характера героя:

Our local wit Shablinsky calls his condition “vaginalism” [9. С. 104].

Английский эквивалент в полной мере сохраняет юмор автора.

Особый интерес представляет перевод просторечных слов и выражений. Обратимся к следующему диалогу:

– Надо бы куда-то зайти, побеседовать.

– В смысле **поддать**? [3. С. 208].

– We should go somewhere to talk.

– You mean **to have a drink**? [9. С. 42].

Как видно из приведенного примера, просторечное «поддать» переведено нейтральной фразой «to have a drink», лишенной экспрессивно-стилистической коннотации. Рассмотрим следующий пример:

Назовешь Володей, а получится **ханыга** [3. С. 209].

We could call him Volodya and get **God knows what** [9 С. 43].

Как и в предыдущем случае, слово «ханыга» в переводе полностью теряет экспрессивную коннотацию.

Таким образом, наиболее удачными в рассмотренных переводах следует признать переводы реалий, связанных с коммунистической идеологией, общественно-политической жизнью. Однако, как и в любом переводе, потери при передаче коннотативной лексики оказались неизбежными. Многие культурные коннотации оригинала не доведены до англоязычного читателя. Тем не менее переводчику А. Фридман в целом удалось передать тонкий юмор С. Довлатова, придающий неповторимое своеобразие анализируемым произведениям.

Литература

1. *Вайсгербер Л.* Родной язык и формирование духа. М., 1993.
2. *Довлатов С.* Собрание сочинений: В 3 т. СПб.: Лимбус-пресс, 1993. Т. 2: Наши.
3. *Довлатов С.* Собрание сочинений: В 3 т. СПб.: Лимбус-пресс, 1993 Т. 1: Компромисс.
4. *Кабакчи В. В.* Практика англоязычной межкультурной коммуникации. СПб.: Союз, 2001.
5. *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение. М.: ЭТС, 1999.
6. *Маслова В. А.* Лингвокультурология. М.: Изд. центр «Академия», 2001.
7. Новый Большой англо-русский словарь / Под ред. Ю. Д. Апресяна: В 3 т. М.: Рус. яз., 2003. Т. 2.
8. *Шведова Н. Ю.* Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста: Виноградовские чтения XI. М., 1982. С. 144.
9. *Dovlatov Sergei.* Ours. A Russian Family Album. Translated from the Russian by Anne Frydman. N. Y.: Weidenfeld & Nicolson, 1989.
10. *Dovlatov Sergei.* Compromise. Translated from the Russian by Anne Frydman. N. Y., 1985.

В. А. Чеснокова

Алтайский государственный университет

ПРОЗА В. М. ШУКШИНА В ИНОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЕ: ПРОБЛЕМА РЕЦЕПЦИИ

В. М. Шукшин, писатель-философ, представил свой взгляд на Россию и русского человека. Насчитывается более 50 языков мира, на которые переведены его произведения, он по праву считается проводником русской культуры в мультилингвальном культурном пространстве. В статье представлены иностранные издания произведений Шукшина и восприятие его творчества зарубежными исследователями, переводчиками.

Ключевые слова: творчество В. М. Шукшина, иноязычная культура, проблема восприятия, зарубежные издания, перевод.

Valentina Chesnokova

Altay State University

V. M. SHUKSHIN'S PROSE IN FOREIGN CULTURES: PROBLEM OF PERCEPTION

V. M. Shukshin, a writer and philosopher, gave his own perception of Russia and the Russian man. His works have been translated into more than fifty languages of the world. He is considered to be a guide of Russian culture in the multilingual cultural domain. The article deals with foreign editions of V. M. Shukshin's works and represents the perception of his works by foreign scholars and translators.

Keywords: V. M. Shukshin's creative work, foreign culture, problem of perception, foreign editions, problem of translation.

Год 2009-й объявлен годом В. М. Шукшина на Алтае. 25 июля исполнилось бы 80 лет со дня рождения нашего знаменитого земляка – писателя, кинорежиссера, актера. В рамках празднования юбилея исследователи Алтайского государственного университета (центра по изучению творчества В. М. Шукшина) подготовили уникальное на сегодняшний день собрание сочинений писателя в восьми томах [21]. Непосредственно в дни юбилея (23–25 июля) прошла научно-практическая конференция «Творчество В. М. Шукшина в межнациональном культурном пространстве» и многие другие мероприятия. В работе конференции приняли участие не только шукшиноведы нашей страны, но и представители дальнего и ближнего зарубежья, что свидетельствует о неугасаемом интересе к писателю-философу, представившему свой взгляд на Россию и русского человека.

Американский шукшиновед и переводчик рассказов писателя Джон Гивенс отмечает: «Вопрос о восприятии произведений Василия Макаровича Шукшина за рубежом весьма сложен. Он затруднен многими аспектами творчества писателя: его языком, изображением местного колорита, особенностями индивидуальной манеры. Глубокий национальный характер произведений Шукшина, отразившийся в специфике представления русской культуры, советской действительности, истории страны, повседневной жизни, – вполне может стать серьезным препятствием для проявления интереса иностранного читателя и для восприятия им того или иного произведения» [4. С. 11]. Исследования, проведенные нами, показали, что более чем на 50 языках мира представлены произведения В. М. Шукшина [22. С. 142–156]. Переводы художественных произведений являются одним из важных источников получения сведений о языке и культуре других народов. Как справедливо замечает В. А. Маслова, тексты «как раз и являются подлинными хранителями культуры. Приобщение человека к культуре происходит путем присвоения им «чужих» текстов. Будучи ничтожно малым элементом мира, текст (книга) вбирает в себя мир, становится всем миром, замещает собой весь мир для читающего» [9. С. 35]. Через переводы художественной

литературы происходит процесс аккультурации, то есть «усвоение <...> существенных фактов, норм и ценностей другой национальной культуры» [1. С. 10]. В этом плане роль В. М. Шукшина как проводника русской культуры в целом и региональной в частности огромна. Н. И. Стопченко пишет: «Обращаясь к Шукшину, Запад и Восток по традиции откликались на **Россию**, в художнике прежде всего искали **нацию**, ее **менталитет** и **культуру**, породившую феноменальный талант» [12. С. 9].

В настоящее время можно выделить три периода восприятия творчества В. М. Шукшина за рубежом. Первый период приходится на 60-е – начало 70-х гг., когда еще при жизни писателя его произведения стали переводиться и публиковаться за пределами нашей страны, в первую очередь в странах так называемого социалистического содружества. Первыми переводились рассказы, они появились в периодической печати (газетные и журнальные публикации) и антологиях современных советских писателей. Например, рассказ «Двое на телеге» был впервые опубликован в 1958 г. в августовском журнале «Смена» (№ 15), 11 октября этого же года появился его перевод в одной из албанских газет [23]. В 1963 г. в Болгарии вышла антология молодых советских прозаиков, где В. Шукшин был представлен наряду с Ч. Айтматовым, В. Аксеновым, Ю. Казаковым и др. [10]. Такого типа сборники выходили в Германии, Венгрии, Голландии, регулярно издавались они в Польше и Болгарии. Одними из первых книг на иностранном языке этого периода стали сборник рассказов (1966) и роман «Любавины» (1967), опубликованные в Польше. При жизни писателя вышло еще несколько зарубежных сборников рассказов: в 1971 г. на словацком языке, в 1972 г. на венгерском, румынском и французском языках¹.

Второй период восприятия В. М. Шукшина за рубежом характеризуется огромным интересом к его творчеству. Такое внимание объясняется выходом на экран фильма «Калина красная» (просмотр в Центральном Доме кино состоялся 2 февраля 1974 г.) и внезапной смертью писателя (2 октября 1974 г.). Комментируя успех фильма в Польше (В. М. Шукшин успел подготовить и экспортный вариант), А. Жебровска отмечает: «Восхищение «феноменом Шукшина» распространилось и на прозу автора, а экранный образ сыгранного им героя – Егора Прокудина – стал дополнением, комментарием и рекламой книг» [6. С. 160]. Не только в Польше восхищались «феноменом Шукшина». Во второй половине 70–80-х гг. публикуется подавляющее большинство иностранных сборников, многие из них названы так же, как и фильм: «Калина алена» (болгарский, 1976, 1978), «L'Obier rouge et autres récits» (французский, 1977), «Il viburno rosso» (итальянский, 1978, 1981), «Snowball Berry Red and other stories» (американский, 1979), «Roter Holunder» (немецкий, 1985) и др. В ряде случаев название транслитерировалось: «Kalina krasnaja» (названия книг на датском и немецком языках). Общее количество сборников произведений В. М. Шукшина и изданий с его участием составило более 130 наименований на языках народов дальнего зарубежья, его произведения переведены на все языки государств ближнего зарубежья и некоторые языки народов Российской Федерации (осетинский, татарский, чувашский и др.). В этот период с творчеством В. М. Шукшина знакомятся не только читатели Европы и Америки, но и стран азиатского континента: Монголии, Китая, Вьетнама, Турции, Пакистана, Японии. В частности, пакистанский писатель и переводчик рассказов В. М. Шукшина на язык урду Фаиз Ахмад Фаиз заметил: «Обманчива непритязательность шукшинских историй, острота, юмор, выразительность его прозы, которых Шукшин умел добиваться без всяких видимых ухищрений, все это произвело на меня впечатления чуда. <...> Типы сельских жителей, выведенные Шукшиным, поистине универсальны. С поправкой на местные условия я мог бы без труда переселить героев Шукшина в пакистанскую деревню» [16. С. 261–262]. Такой интерес к творчеству писателя можно объяснить, по мнению Н. И. Стопченко, тем, что

¹ Библиографическое описание названных и других сборников на языке оригинала дано в разделе библиографического указателя: Переводы произведений В. М. Шукшина на иностранные языки и зарубежная библиография (сост. В. А. Чеснокова) [22. С. 142–156].

открытие Шукшина иностранным читателем сопровождалось восприятием его как писателя универсального, общечеловеческого [13. С. 202]. Данный тезис подтверждается и наблюдениями Н. С. Цветовой при изучении рассказов Шукшина в курсе русской литературы для иностранцев: «Зарубежная аудитория легко находит связи Шукшина с отечественной литературой, философией, даже религией» [20. С. 169].

Восприятие творчества В. М. Шукшина за рубежом не было однозначным. С одной стороны, отношение к нему в странах Восточной Европы нашло выражение, на наш взгляд, в словах польской исследовательницы А. Жебровски: «Заинтересованность художником в ПНР ни в коем случае не носит черт ложной апологетики Шукшина, не было также случаев использования шукшинского творчества в антисоветской пропаганде. Следует подчеркнуть, что хотя о В. М. Шукшине высказывались критики самых разных ориентаций, в большинстве своих взглядов все они восприняли прозаика верно, без преувеличения его значения, но и без заведомой предвзятости» [5. С. 12]. С другой стороны, исследователи «противоположного лагеря» рассматривали В. М. Шукшина как борца с тоталитарным режимом, отсюда соответствующая интерпретация его произведений. Д. Гивенс (США) пишет: «...проза Шукшина (особенно его поздние произведения) отражает кризис развития социалистического общества, разоблачает бюрократизацию советского общества, фальшь массовой культуры, догматизацию языка» [3. С. 8]. Л. Геллер (Швейцария) еще в 1979 г., анализируя рассказ «Срезал», увидел в поединке мужика и кандидата наук «образ идеологической полемики», конфликт между городом и деревней: «Деревня стоит гораздо ниже города, так же, как это имеет место и в советской действительности» [2. С. 106]. В середине 80-х гг. «начался спад публицистического ажиотажа вокруг личности и наследия Шукшина» [6. С. 161], но его произведения активно издавались на протяжении всего рассматриваемого отрезка времени. В 1988–89 гг. переводы произведений писателя были изданы в Болгарии, Вьетнаме, Германии, Норвегии, Польше, Румынии и других странах.

Третий период восприятия творчества В. М. Шукшина за рубежом охватывает 90-е гг. прошлого века и наши дни. В это время вышло несколько зарубежных сборников (в основном переводились рассказы и киноповесть «Калина красная»). В 1990 г. в Швеции публикуются сборник рассказов «Шире шаг, маэстро!» и иллюстрированный рассказ «Волки» в серии «Королевская библиотека». В Германии в 1992 г. – киноповесть «Калина красная» («Schneeballstrauch im Herbst», досл. «Куст калины осенью»). В 1994 г. – переиздается английский сборник «Roubles in Words, Kopeks in Figures and Other Stories» («Ноль-ноль целых и другие рассказы»). В 1995 г. в Румынии вышел сборник рассказов «Калина красная», в США в 1996 г. – «Stories from a Siberian Village» («Рассказы из сибирской деревни»). В 1997 г. под эгидой ЮНЕСКО в коллекции «Collection UNESCO d'œuvres représentatives» (Франция – Канада) опубликован сборник рассказов «Post scriptum et autres nouvelles» («Пост скрипту и другие рассказы»). В этом же году в Южной Корее издается сборник переводов русских писателей-«деревенщиков» «Книга любви, печали и гнева» (составитель Г. А. Цветов), в него вошли два рассказа В. М. Шукшина: «Чудик» и «Кляуза» [19]. Творчество писателя в Южной Корее изучает Хонг Сан У, он же переводит его рассказы на корейский язык [18].

Интересный материал о переводах и о восприятии творчества В. М. Шукшина в Японии представлен в работе М. Сэо, где, в частности, говорится, что произведения В. М. Шукшина изучаются в Японии с 70-х гг. Автор статьи замечает: «Долгие годы мы, японцы, не могли знать, какие эмоции владеют людьми, о чем думают простые люди в тоталитарном советском государстве. Именно поэтому живые герои в прозе Шукшина показались переводчику особенно интересными» [14. С. 41]. Отмечаются и некоторые трудности, возникшие при работе переводчика Сомэя Сигеру над двухтомником рассказов писателя. Одни из них связаны с народно-разговорной речью персонажей писателя, например словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами – *долюшка*, *копеечка*, *детушки* и т. д., которые «редко имеют японский вариант»; другие трудности перевода обусловлены структурой японского языка, когда частотное употребление иероглифов

придает тексту книжность, торжественность, поэтому «точность перевода не всегда может быть удачной». Сам переводчик писал: «Для меня рассказы Шукшина занимательны. Если они не понравятся японским читателям, то причина этого заключается в переводе» [14. С. 42]. В заключении автор исследования приходит к выводу: «Серьезный, глубокий переводческий труд Сомэя Сигеру – очень ценная перспективная работа по интерпретации шукшинского текста на японском языке. Его труд может способствовать развитию духовной связи между японцами и русскими» [14. С. 47].

В США продолжает работу по изучению творчества В. М. Шукшина Д. Гивенс, в 2000 г. вышла его монография «Prodigal Son: Vasili Shukshin in Soviet Russian Culture» («Блудный сын: Василий Шукшин в русской советской культуре»), где представлен опыт комплексного лингвокультурного филологического описания прозы В. М. Шукшина².

Восприятие многогранного творчества В. М. Шукшина на разных континентах нашей планеты анализируется в монографии Н. И. Стопченко «Василий Шукшин в зарубежной культуре» [12]. Из новейших исследований творчества В. М. Шукшина за рубежом отметим работы К. Алавердян (Бельгия), Д. Гивенса (США), П. С. Глушакова (Латвия), опубликованные в материалах юбилейной научной конференции (Барнаул, 2009) [15]. Из числа зарубежных изданий следует отметить «Словарь просторечной лексики и фразеологии В. М. Шукшина», который выпускает З. Кёстер-Тома (Германия) [7. С. 70–71].

Творчество В. М. Шукшина используется и в образовательном процессе со студентами-иностранцами, изучающими русский язык как у нас в стране [17], так и за рубежом. Книга М. Морару «Проза В. М. Шукшина в интерпретации румынских переводчиков», например, появилась в результате чтения спецкурса для студентов-славистов Бухарестского университета (Румыния). Анализируя лингвостилистические и переводческие сопоставления шукшинского текста, автор, в частности, отмечает: «В. Шукшин – своеобразный писатель. Он привлекает переводчиков своим неповторимым стилем пересказа, проблематикой и системой образов, своими своеобразными героями чудаками, которые неоднократно гибнут в этом закаменевшем мире. Его рассказы ставят перед любым переводчиком множество интереснейших лингвистических задач, стимулируют их фантазию и литературное мастерство. Перевести В. Шукшина может лишь тот, кто в совершенстве обладает художественными ресурсами обоих языков» [11. С. 105–106].

Все сказанное выше свидетельствует о том, что и личность Шукшина, и его произведения по-прежнему остаются в поле зрения иностранных исследователей, переводчиков и читателей.

Литература

1. *Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Рус. яз., 1990.
2. *Геллер Л.* Опыт прикладной стилистики. Рассказ В. М. Шукшина как объект исследования с переменным фокусным расстоянием // Wiener Slawistischer Almanach. 1979. № 4. С. 95–123.
3. *Гивенс Д.* Экзистенциалистские начала в прозе В. М. Шукшина // В. М. Шукшин. Жизнь и творчество: Тез. докл. II всерос. науч.-практ. конф. Барнаул, 1992. С. 7–9.
4. *Гивенс Д.* Особенности реализации экзистенциалистских идей в прозе В. М. Шукшина // Труды краевого музея истории литературы, искусства и культуры Алтая. Вып. 3. В. М. Шукшин – философ, историк, художник. Барнаул, 1992. С. 11–36.
5. *Жебровска А.* Восприятие творчества Василия Шукшина в Польше (1964–1980 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
6. *Жебровска А.* Феномен Василия Шукшина в Польше (60–90-е гг.) // В. М. Шукшин. Жизнь и творчество: Тез. докл. III всерос. науч.-практ. конф. Барнаул, 1994. С. 159–161.

² Подробный анализ данной монографии изложен в работе Д. В. Марьина [8].

7. *Кёстер-Тома З.* Язык Шукшина как зеркальное отражение современной русской разговорной речи и просторечия с поправкой на динамические процессы последнего времени // Слово и время: Сб. науч.-метод. ст. в честь проф. О. Е. Ольшанского. Славянск, 1997. С. 70–80.
8. *Марьин Д. В.* О некоторых культурологических аспектах исследования творчества В. М. Шукшина в США // Язык и культура Алтая: Материалы и исследования 2003. Барнаул, 2003. С. 122–132.
9. *Маслова В. А.* Лингвокультурология. 2-е изд. М.: Academia, 2004.
10. *Млади съветски белетристи:* Сборник разкази и повести. София: Народна култура, 1963.
11. *Морару М.* Проза В. М. Шукшина в интерпретации румынских переводчиков. Бухарест: Изд-во Бухарест. ун-та, 2000.
12. *Стопченко Н. И.* Василий Шукшин в зарубежной культуре. Ростов на/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2001.
13. *Стопченко Н. И.* Обходя моря и земли (о восприятии творчества В. М. Шукшина за рубежом) // Труды краевого музея истории литературы, искусства и культуры Алтая. Вып. 1. Творчество В. М. Шукшина: Проблемы. Поэтика. Стил. Барнаул, 1991. С. 202–219.
14. *Сэо М.* Творчество В. М. Шукшина в Японии (переводы, изучение) // Язык прозы В. М. Шукшина: Теория. Наблюдения. Лексикографическое описание. Барнаул, 2001. С. 38–48.
15. Творчество В. М. Шукшина в межнациональном культурном пространстве: Материалы VIII всерос. юбилейной науч. конф. Барнаул: Азбука, 2009.
16. *Фаиз Ахмад Ф.* Взаимопонимание культур – веление времени // Дружба народов. 1983. № 1. С. 261–262.
17. *Филиппов В. В.* Проблемы изучения творчества В. М. Шукшина на занятиях с чешскими студентами // «... горький мучительный талант»: Материалы V всерос. юбилейной конф. Барнаул, 2000. С. 76–83.
18. *Хонг Сан У.* Художественные образы В. М. Шукшина в свете концепции человеческой жизни как «дороги» // Там же. С. 83–101.
19. *Цветов Г. А.* В. М. Шукшин и «деревенщики» (из опыта составления сборника рассказов для издательства Южной Кореи) // В. М. Шукшин. Жизнь и творчество: Тез. докл. IV всерос. науч.-практ. конф. Барнаул, 1997. С. 90–92.
20. *Цветова Н. С.* Произведения В. Шукшина в восприятии иностранцев // В. М. Шукшин. Жизнь и творчество: Тез. докл. всесоюз. науч.-практ. конф. Барнаул, 1989. С. 167–169.
21. *Шукшин В. М.* Собрание сочинений в 8 т. / Под общей редакцией О. Г. Левашовой. Барнаул: ООО «Издательский дом «Барнаул», 2009.
22. *Шукшин В. М.* (1929–1974): Библиографический указатель. Барнаул: АО «Полиграфист», 1994.
23. *Shukshin V.* Dy veta në një karrocë: Tregim // Zëri i rinisë. 1958. 11/X.

Е. Г. Штоколова

Удмуртский государственный университет

**ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ВЕРБАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО
ПОВЕДЕНИЯ НА ПЕРЕВОД СИТУАТИВНЫХ ФОРМ ОБРАЩЕНИЯ
(на материале русских переводов американских кинофильмов)**

Выбор определенной формы обращения в коммуникативном поведении обуславливается рядом значимых факторов: полом, возрастом, коммуникативным статусом собеседников и социально-психологической дистанцией. Ситуативные формы обращения являются наиболее часто употребляемыми и при выборе варианта перевода требуют учета широкого контекста на уровне коммуникативной ситуации в целом.

Ключевые слова: невербальное коммуникативное поведение, вербальное коммуникативное поведение, коммуникативная культура, ситуативные формы обращения

Yekaterina Shtokolova

Udmurt State University

**THE INFLUENCE OF SPECIFIC FEATURES OF VERBAL COMMUNICATION
BEHAVIOUR ON TRANSLATING SITUATIONAL FORMS OF ADDRESS
(based on Russian translations of American films)**

The choice of forms of address in verbal communication behaviour is determined by the following significant factors: gender, age, communicative status of the communicants and socio-psychological distance. Situational forms of address are most frequently used, in translation they require considering the broad and authentic context on the level of the whole communication situation.

Keywords: non-verbal communication behaviour, verbal communication behaviour, communication culture, situational forms of address.

По утверждению И. А. Стернина, коммуникативное поведение любого народа выступает в двух основных аспектах – вербальном и невербальном [4. С. 77]. В рамках данной статьи будут рассмотрены некоторые факторы вербального коммуникативного поведения американцев, оказывающие влияние на процесс перевода.

Как считает А. П. Садохин, под вербальной коммуникацией следует понимать языковое общение, выражающееся в обмене мыслями, информацией, эмоциональными переживаниями собеседников [2. С. 140]. К вербальным средствам коммуникации относятся: употребляемая лексика, использование тех или иных коммуникативных норм, а также так называемых коммуникативных сценариев – фреймов (вопрос, выражение благодарности, соболезнование и извинение предполагают определенную последовательность и тональность реплик) [2. С. 174].

С. Г. Тер-Минасова отмечает, что типично американский вербальный стиль несет в себе представление об индивидуальном достоинстве и выражает тенденцию к равенству в отношениях. Норма честности и искренности требует использования слов и выражений, которые отражают действительные намерения и ценности говорящего [5].

По мнению И. А. Стернина, обращение в американской коммуникативной культуре также носит весьма демократичный характер, американцы не злоупотребляют подчеркиванием различий в рангах, особенно в социальном положении. Многие предпочитают не делать разницы между собой и другими людьми на основании возраста или служебного положения, иначе они чувствуют себя некомфортно. Тем не менее случаются ситуации конфликта, когда даже американцы используют грубые формы обращения. В итоге, значимыми факторами для выбора формы обращения к собеседнику у американцев оказываются пол, возраст, коммуникативный статус собеседников и социально-психологическая дистанция между ними [5. С. 89–90].

Н. И. Формановская, С. В. Шевцова [7] и И. А. Стернин [4] отмечают, что при несимметричных коммуникативно-ролевых отношениях, нейтральной или далекой социально-психологической дистанции в формальной или нейтральной ситуации общения в зависимости от пола к собеседнику принято обращаться, используя фамилию и соответствующий референциальный титул – Mr или Miss / Mrs / Ms (последняя форма обращения характерна только для письменной речи). В академической среде при тех же условиях общения широко распространено использование академических референциальных титулов Dr / Professor в сочетании с фамилией, употребляющихся как при обращении к мужчинам, так и при обращении к женщинам.

При симметричных коммуникативно-ролевых отношениях, близкой социально-психологической дистанции в неформальной или нейтральной ситуации общения (вне зависимости от пола) к собеседнику принято обращаться, используя личное имя. Л. Виссон отмечает, что американцы достаточно быстро «переходят на имена», здесь дает о себе знать так называемая «демократическая идея». Американцы предпочитают обращаться друг к другу неформально по имени не только в неофициальной, но и в достаточно формальной обстановке общения. Коммуникативный демократизм американцев, быстрота перехода на фамильярное общение выше, чем в других культурах [1. С. 84].

Среди вербальных средств американского коммуникативного поведения формы обращения представляют особую трудность для перевода, что объясняется как высокой частотностью их употребления в речи, так и большим разнообразием реальных ситуаций общения.

На основе фактического материала (26 американских кинофильмов разных жанров и их переводов на русский язык) все формы обращения были разделены нами на пять основных групп:

- 1) ситуативные модели обращения;
- 2) референциальные / профессиональные титулы;
- 3) прецедентные имена;
- 4) разговорные формы обращения;
- 5) обращение к высшим силам.

Данная классификация была разработана с учетом ситуаций общения и тех параметров, которые непосредственно влияют на перевод средств вербального общения. Рассмотрим более подробно ситуативные формы обращения.

Ситуативные формы обращения – это формы, которые полностью определяются характером ситуации общения, зависят от конкретных участников общения и не носят константного характера. В исследуемом материале данный тип обращений является одним из наиболее частотных.

Обстановка общения, коммуникативные роли участников ситуации и их субъективные отношения обуславливают использование различных формул обращения с определенными коннотациями. Если представлена ситуация конфликта, то зачастую употребляются формы обращения с отрицательными эмоциональными коннотациями. Соответственно, в ситуации дружеского общения используются формы обращения, имеющие положительные коннотации. Например, при обращении к полному человеку в ситуации дружеского общения могут быть использованы формы, имеющие положительные или нейтральные коннотации: *dumpling* – «пышка», *plump person* – «толстенький». В ситуации конфликта будут уже использованы пренебрежительные и грубые формы обращений, например: *fatty* – «жирный» и *fatsso* – «толстяк».

Рассмотрим ряд примеров использования ситуативных форм обращения, вызывающих некоторые проблемы при переводе. В одном из эпизодов молодежной комедии «Король вечеринок» представлен диалог между двумя людьми, которые являются сообщниками в заговоре:

– Morning!

– Hi, **partner in harm!** Is there anything I could do for you?

Перевод, предлагаемый в фильме на русском языке:

– Доброе утро!

– Привет, **партнер!** Чем я сегодня могу тебе помочь?

На наш взгляд, при передаче данной формы обращения переводчик не учел ситуативную коннотацию. Русское слово «партнер» имеет положительную коннотацию, в то время как сочетание *partner in harm* – отрицательную. Следовательно, переводчику необходимо было сделать на этом акцент и перевести, например, следующим образом:

– Привет, **сообщник!** Чем я сегодня могу тебе помочь?

Обратимся к другому примеру из сериала «Остаться в живых». Один из героев обращается к собеседнику, с которым он находится в конфликте:

– You, **fatty**, won't be able to get through that hole!

Перевод, предлагаемый в фильме на русском языке:

– А ты, **толстячок**, через эту дыру ни за что не пролезешь!

Перевод данной формы обращения также заслуживает критических замечаний. Слово «толстячок» в русском языке имеет положительную коннотацию, в то время как слово *fatty* в англоязычных толковых словарях сопровождается пометой *derog.*, что соответствует русскоязычным пометам «уничижит.», «пренебр.». Вследствие этого перевод «толстячок» может озадачить русского зрителя, кроме того, реплика произносится в фильме достаточно грубо, со злостью. В данном случае обращение *fatty* уместно было бы перевести следующим образом:

– А ты, **жирный**, через эту дыру ни за что не пролезешь.

К сожалению, переводчик не учел коннотативное значение и другой формы обращения, использованной в этом же сериале:

– Shut up, **lardo!**

В русскоязычном варианте фильма предлагается следующий перевод:

– Заткнись, **пончик!**

Трудно согласиться с данным переводом, поскольку он не соответствует ситуации общения. Слово «пончик» имеет в русском языке положительную эмоциональную окраску, оно не вписывается в конфликтную ситуацию на экране. Переводчику необходимо было учесть обстоятельства общения. Возможен следующий вариант перевода:

– Заткнись, **толстяк!**

Интересен с точки зрения перевода и пример из молодежной комедии «Король вечеринок». В фильме представлена ситуация общения между друзьями, один из которых постоянно болеет различными заболеваниями:

– **Sick boy**, how are you doing?

– Good, shingles are all done!

Перевод, предлагаемый в фильме на русском языке:

– **Хроник**, ну как ты?

– Хорошо, лишай уже прошел!

В данной ситуации обращение *sick boy* нельзя переводить буквально «больной», поскольку в русском языке под данным словом может подразумеваться фамильярная форма обращения со значением «ненормальный». Учитывая ситуацию, переводчик находит, на наш взгляд, адекватный вариант перевода, поскольку он полностью отражает представленную ситуацию и характер взаимоотношений между ее участниками.

Можно подвергнуть критике перевод следующей ситуативной формы обращения из сериала «Остаться в живых»:

– You, **clean**, how did you manage to do this?

Перевод, предлагаемый в фильме на русском языке:

– Эй, **чистюля**, как тебе удалось это сделать?

Слово *clean* в данном контексте используется не в одном из его основных значений «чистый», а в значении, характерном для разговорной речи, – «ловкий, искусный». Говорящий хочет иронически подчеркнуть основную черту своего собеседника – хитрость, умение вывернуться из любой ситуации. Русский перевод используемого обращения полностью искажает смысл реплики. В данном случае возможен следующий вариант перевода:

– Эй, **хитрюга**, как тебе удалось это сделать?

Критических замечаний заслуживает и перевод следующей реплики из того же сериала:

– You are lucky, **swindler!**

Перевод, предлагаемый в фильме на русском языке:

– Тебе просто повезло!

В эпизоде представлена конфликтная ситуация, обстановка общения накалена. Слово *swindler* означает «мошенник, жулик». Если сравнивать оригинал и перевод, то можно сразу увидеть разницу в эмоциональной нагрузке высказываний. В переводе форма обращения вообще опущена, в результате чего реплика утратила свою эмоциональность. Кроме того, в фильме фраза произносится грубым тоном, она звучит очень резко. Предлагаемая в переводе фраза нейтральна, при дубляже она была произнесена достаточно спокойно. Налицо пренебрежительное отношение переводчика к учету ситуации и обстоятельств общения, поэтому можно предложить такой вариант перевода:

– Ну, **негодяй**, тебе просто повезло!

Трудно согласиться и с переводом следующей формы обращения, встретившейся в фильме «Семь жизней». На экране изображается ссора между двумя персонажами фильма, один из них упрекает своего собеседника:

– You, **veggie**, are a blind coward!

Перевод, предлагаемый в фильме на русском языке:

– Ты, **веги**, слепой трус!

В оригинале в качестве обращения использована сокращенная форма слова *vegetarian* – «вегетарианец». Переводчик транслитерирует ее в русском тексте, но она не характерна для русскоязычного дискурса. Такое обращение лишь вызовет недоумение у зрителей, кроме того, необходимо передать негативное отношение субъекта номинации к адресату, он хочет его обидеть. Можно, например, перевести:

– А ты, **травоед**, слепой трус!

Возможно, данный перевод звучит несколько грубее, чем в оригинале, но он содержит в себе необходимые коннотации.

Проанализировав русские переводы ситуативных форм обращения, используемых в американских кинофильмах, мы пришли к выводу, что их значение в большинстве случаев передается, но иногда переводчики допускают фактические ошибки, полностью искажая смысл оригинала. При переводе ситуативных моделей обращения необходимо учитывать, прежде всего, полисемию лексических единиц. Неверно подобранное значение влечет за собой искажение смысла всей реплики.

В целях достижения адекватности переводчику нужно всегда точно определять характер ситуации общения, учитывать все ее параметры. Нельзя допускать и стилистических потерь, изменяя эмоциональную окраску высказываний. Обращение чаще всего служит средством выражения отношения говорящего к своему собеседнику, а также показателем его эмоционального состояния. Как свидетельствует наш фактический материал, в переводах кинофильмов модели обращения довольно часто опускаются вообще, что, несомненно, приводит к искажению эмоциональной нагрузки реплик и, как следствие, к неправильному восприятию многих аспектов кинопроизведения.

Литература

1. *Виссон Л.* Русские проблемы в английской речи (слова и фразы в контексте культур) / Ю. Рот, Г. Коптельцева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006.
2. *Садохин А. П.* Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004.
3. *Стернин И. А.* Коммуникативное поведение и межнациональная коммуникация // Этно-психолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996.
4. *Стернин И. А.* Очерк американского коммуникативного поведения. Воронеж, 2001.
5. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000.
6. *Фол С.* Эти странные американцы. М.: Эгмонт Россия Лтд., 1999.
7. *Формановская Н. И., Шевцова С. В.* Речевой этикет. Русско-английские соответствия: Справочник. М.: Высш. школа, 1990.

Н. М. ШUTOVA

Удмуртский государственный университет

ГЕНДЕРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

Реклама является одной из важнейших сфер функционирования современного английского языка. Для текстов коммерческой рекламы характерно яркое проявление гендерного фактора. Изучение гендерно-обусловленных лингвистических особенностей англоязычного рекламного текста имеет важное значение для его адекватного перевода на русский язык. Гендерная ориентация рекламных текстов проявляется на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях, требуя от переводчика поиска коммуникативно-равноценных лингвистических средств в языке перевода.

Ключевые слова: дискурс, коммуникация, рекламный текст, гендер, гендерно-обусловленный, адекватный, коммуникативно-равноценный.

Nella Shutova

Udmurt State University

REPRESENTATION OF GENDER IN ADVERTISING AS A TRANSLATION PROBLEM

Advertising is an important sphere of modern English functioning. Advertisements are often gender-targeted. The study of gender-conditioned linguistic peculiarities of English advertisements is important for their adequate translation into Russian. Gender orientation reveals itself in the choice of lexical units, grammar patterns, stylistic devices and enables the translator to look for communicatively relevant language means in the target language.

Keywords: discourse, communication, advertisement, gender, gender-targeted, adequate, communicatively relevant.

В последнее время исследователи все чаще рассматривают рекламный текст (РТ) как вид дискурса [1, 4, 7]. Как «речь, погруженная в жизнь» [2. С. 136–137], дискурс неизбежно включает в себя все социальные и культурные факторы, влияющие на речетворчество. Гендерный фактор занимает среди них важное место. Введение в исследовательский аппарат лингвистики понятия «гендер» позволяет по-новому взглянуть на тексты многих функциональных стилей. Гендерная ориентация четко прослеживается в рекламных текстах, так как гендерные стереотипы непосредственно влияют на особенности лингвистической репрезентации объектов рекламы. Рассмотрению определенных гендерных стереотипов, сложившихся в языках, а также их динамике посвящены некоторые исследования последних лет [3, 5, 6]. К сожалению, в них уделяется крайне мало внимания вопросам учета гендерных особенностей рекламных текстов при переводе, в то время как перевод рекламы, осуществляемый с позиций гендера, может в значительной степени способствовать продвижению товаров на рынке. Для сравнения и перевода нами были избраны тексты рекламы косметических средств для женщин и мужчин, опубликованные в английских и американских журналах: *Glamour*, *Cosmopolitan*, *Vogue*, *Marie Claire*, *Men's Health*, *Men's Fitness*, *Men's Journal*, а также в сети Интернет. В общей сложности рассмотрено около 300 рекламных текстов.

А. В. Кирилина справедливо замечает, что образы рекламных объявлений являются высококонцентрированными формами гендерной коммуникации [5. С. 27–45]. Средства рекламы не только воспроизводят, но и усиливают образы гендерного мира. Особенно активно разрабатывается «женская» составляющая рекламы. В качестве социальной группы женщины могут рассматриваться, с одной стороны, как основные адресаты рекламной продукции, а с другой – как группа, предположительно наиболее подверженная влиянию рекламы. Реклама преподносит своей женской аудитории множество образов, акцентирующих внимание адресата преимущественно на гендере и сексуальности. Преобладающая тема рекламных

объявлений – символическое воспроизведение женственности и мужественности. В рекламе используются различные способы представления гендерных отношений, или, согласно терминологии И. Гофмана, «гендерные дисплеи» [8].

Печатная реклама является доступным и психологически оправданным средством внушения и распространения гендерных стереотипов. В женской рекламе часто рекламируется не сам продукт, а нечто нематериальное, например, в рекламе косметических средств рекламируются молодость, привлекательность, высокая самооценка, положительная оценка окружающих и т. д. В рекламе, ориентированной на мужчин, рекламируется обычно конкретный продукт с его качествами, компания, производящая данную группу товаров; внимание фокусируется на таких характеристиках компании, как место и длительность пребывания на рынке, надежность, качество товара. Часто вместо изображения конкретного продукта помещается абстрактная схема, связанная с показателями самой компании, что является более важным для делового мужчины.

Смена образов в рекламе отражает тенденцию к изменению стереотипов. Современные женщины, по сравнению с представительницами прекрасного пола прошлого века, представлены в рекламе более уверенными в себе, самостоятельными, выступающими в роли деловых партнеров мужчины, успешно делающими карьеру. Показательна в этом плане реклама губной помады компании AVON:

Let's talk about lips **as bold as you are...**

GLAMOUR, November 2004.

«Поговорим о цвете губной помады **столь же смелом, как и Вы сами...**».

В мужских рекламных текстах активно эксплуатируется образ женщины, львиная доля рекламируемой продукции для мужчин демонстрируется на фоне красивых женщин. Приведем пример рекламы крема после бритья Active Care компании Edge:

Keep her hands to yourself. Great shave. Healthy skin.

MEN'S FITNESS, August 2006.

При переводе данного РТ необходимо учитывать видеоряд, сопровождающий рекламное сообщение. Женщина с удовольствием прикасается к лицу мужчины, чья кожа после бритья мягка и приятна на ощупь. Можно предложить следующий перевод:

«После такого бритья **ее руки сами потянутся к Вашему лицу.**

Великолепное бритье. Здоровая кожа.

Стереотипами мужественности, традиционными мужскими качествами являются сила, авантюризм, сексуальность. Основной образ в современной рекламе, направленной на мужчин, – образ «мачо»; мужчины данного типа – искатели приключений, покорители неизведанного и женских сердец, их ценности – свобода, приключения, риск, острота ощущений, возможность вырваться за рамки повседневности. Эти характеристики проявляются, например, в рекламе парфюмированной воды для мужчин, выпускаемой фирмой Drakkar Noir:

Drakkar Noir. Feel the **Power.**

VOGUE, September 2004.

Drakkar Noir. Почувствуй *свою силу.*

Другой образ, характерный для рекламы, ориентированной на мужчин, – образ делового человека, бизнесмена. Такой мужчина хочет обладать лучшим из лучшего, всегда и везде ведет себя достойно, ему важно уважение и признание других. Данный образ также отражает основной мотив деятельности мужчин – стремление произвести впечатление на женщину. В этом плане показательна реклама средства по уходу за кожей лица для мужчин компании 4VOO:

Micro-Miracle. **Break the rules and feel luxurious.**

www.4VOO.com

Рекламодатели напоминают, что настоящий мужчина, стремящийся к успеху, роскоши, не всегда ведет себя «по правилам». Возможен следующий вариант перевода:

Micro-Miracle. **Забудьте о правилах.**

Почувствуйте, что такое настоящая роскошь.

В зависимости от целевой группы, составители рекламы избирают соответствующую речевую тактику. Так, в рекламе, ориентированной на женщин, популярна форма диалога:

- Dear Sally Hansen Nail Experts, how can I give myself a professional manicure at home?
- Sally Hansen nail-Polish.

VOGUE, February 1999.

- Уважаемая Салли Хансен, как можно сделать профессиональный маникюр в домашних условиях?
- С помощью лака для ногтей от Салли Хансен.

Ориентация на современную образованную женщину, знающую иностранные языки, работающую со словарями, ярко проявляется в следующей рекламе туши для ресниц:

DEFINING the perfect lash.

/De-fin-ing/ adj: 1) superbly separated; 2) Lavishly lush; 3) The ultimate in definition: Elizabeth's Arden's new breakthrough for lashes.

HELLO! June 15, 1996.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ безупречных ресниц

/Опре-де-ле-ние/ сущ. 1) прекрасное разделение ресничек; 2) невероятный объем; 3) самое главное в определении: новый прорыв в создании совершенных ресниц от Elizabeth Arden.

Сопоставляя общие характеристики текстовой организации рекламы, ориентированной на мужскую аудиторию, с текстовой организацией рекламы, ориентированной на женскую аудиторию, можно сделать вывод о том, что реклама для мужчин имеет менее замысловатую структуру. Она отличается более четкой, простой и конкретной структурной организацией текста. В мужской рекламе достаточно много текстов с тезисной структурой, текст иногда приобретает форму инструкции. Приведем пример рекламы скраба для мужчин, используемого в целях очищения кожи лица:

PROBLEM: Problem skin, poor complexion and acne.

SOLUTION: Deep Cleaning Face Scrub.

DIRECTIONS: Mix a small amount with water in your palm, then with a circular motion lightly rub and scrub your face.

www.google.com

ПРОБЛЕМА: Проблемная кожа лица, неровная поверхность кожи, а также появление прыщей.

РЕШЕНИЕ: Скраб для глубокого очищения кожи лица.

УКАЗАНИЯ К ПРИМЕНЕНИЮ: Смешайте на ладони небольшое количество скраба с водой, затем круговыми движениями нанесите его на кожу лица.

Большинство рекламных текстов содержат «знаковые» слова – гендерно-маркированные оценочные прилагательные. К «чисто женским» относятся: *delightful* «восхитительный», *fascinating* «очаровательный», *nice* «милый», *pleasant* «приятный» и т. д. Для рекламных текстов, ориентированных на мужскую аудиторию, типичны такие оценочные прилагательные, как: *powerful* «сильный», «мощный»; *masculine* «мужской», «мужественный»; *luxurious* «роскошный», «великолепный»; *rich* «богатый»; *effective* «эффективный»; *excellent* «отличный», «отменный»; *independent* «независимый». Приведем примеры:

Wax with brush. **Excellent** for training moustaches, beards and unruly hair... A CLASSIC!

MEN'S HEALTH, October 2006.

Воск со специальной щеточкой для нанесения. **Отменное** средство для ухода за усами, бородой и непослушными волосами ... ЭТО – КЛАССИКА!

В рекламных текстах для мужчин часто используется специфическая лексика «делового человека». Приведем пример рекламы крема для бритья, в котором встречаются такие слова и словосочетания, как *mission* «миссия», «задача», «цель»; *to formulate* «формулировать»; *on the agenda* «на повестке дня»; *on the market* «на рынке»:

We are on a mission to formulate the best possible shaving cream – the word foam **was not on our agenda**, as there already exist a myriad of shaving foams on the market.

MEN'S FITNESS, August 2006.

Определение самого лучшего крема для бритья – наша основная задача. В нашей повестке дня нет пены для бритья. На рынке уже существуют десятки тысяч пен для бритья.

По сравнению с РТ, ориентированными на женскую аудиторию, в рекламе для мужчин часто приводятся цифры и термины, описывающие реальные характеристики и параметры товара и требующие однозначных соответствий в языке перевода. Проиллюстрируем вышесказанное примером рекламы крема для лица компании 4VOO:

Multi-peptide formulation stimulates:

- overall **collagen synthesis by 30% to 117%**
- collagen IV synthesis **by 100% to 327 %**
- **hyaluronic acid synthesis by 267%.**

www.4VOO.com

Мультипептидная формула стимулирует:

- **синтезирование коллагена на 30 – 117%**
- синтезирование коллагена IV **на 100 – 327%**
- **синтезирование гиалуроновой кислоты на 267 %.**

Заметной тенденцией в англоязычных рекламных текстах, предназначенных для женской аудитории, является использование иноязычной лексики, чаще всего – французской, так как многие косметические средства производятся во Франции или по французским лицензиям. Учитывая тот факт, что в настоящее время французский язык не столь популярен в России, как в начале XIX в., лучше пояснять при переводе значение французских включений. Приведем пример рекламы теней для век фирмы Bourjois:

Dip and Dust, thrills without spills. Shimmering loose powder eye color in 10 stunning shades. **Suivez mon regard...**

VOGUE, April 2003.

«Представляем новые тени для век от Bourjois: *Suivez mon regard* – «**проследи за моим взглядом**». Стоит только обмакнуть в них кисточку и нанести на веко. Сияющие рассыпчатые тени. 10 впечатляющих оттенков. *Suivez mon regard...*»

Интересно, что в текстах рекламы косметических средств для мужчин не встретилось ни одного французского включения.

Еще одной типичной характеристикой рекламы, направленной на женскую аудиторию, является широкое использование прилагательных цветообозначения. Многие косметические продукты описываются в тонких цветовых оттенках, что требует от переводчика особого внимания, так как искажение названия цвета может повлиять на потребительский спрос. Так, например, в рекламе набора губных помад от компании Clarins рекламодатели предлагают использовать все 8 цветов помады в течение одного дня:

Why choose one when you can have them all? **A red for a plum.**
There are enough minutes in a day to change your mind.

COSMOPOLITAN, September 2006.

Зачем выбирать один цвет, когда можно пользоваться всеми цветами? Например, нанести **красный** вместо **темно-фиолетового**. День достаточно длинный для того, чтобы изменить свое мнение.

Грамматика рекламных текстов также имеет ряд особенностей, обусловленных ориентацией на мужскую или женскую аудиторию. В РТ для женщин обращает на себя внимание обилие вопросительных и восклицательных предложений. Популярность вопросительных высказываний в женской рекламе, возможно, обусловлена стремлением представить информацию в виде диалога с реципиентом, который вынужден мысленно дать ответ на поставленный вопрос. Приведем пример рекламы губной помады компании L'OREAL:

Can a lipcolor last 8 hours?

COSMOPOLITAN, August 2006.

Может ли губная помада оставаться на губах 8 часов?

В рекламе косметических средств для женщин часто используются риторические вопросы, функция которых, как известно, состоит в том, чтобы привлечь внимание, усилить впечатление, повысить эмоциональный тон:

MaxFactor introduces the Fall Color Collection...

What more could you ask for?

VOGUE, August 2004.

MaxFactor представляет коллекцию цветов этой осени...

О чем еще можно мечтать?

Иногда задаваемый вопрос сопровождается ответом в пользу рекламируемого товара:

Can your conditioner make hair stronger and shiny? **Ours CAN!**

COSMOPOLITAN, October 2005.

Может ли ваш бальзам-ополаскиватель сделать волосы сильными и блестящими?

Наш может!

Фактический материал свидетельствует о том, что составители рекламных текстов, направленных на женскую аудиторию, более активно используют весь арсенал стилистических средств английского языка, самыми частотными являются эпитеты, метафоры, метонимии. Для рекламы очень характерно использование фразовых эпитетов:

Get that **never-say-die** kind of volume.

COSMOPOLITAN, September 2003.

Хотя для русского языка не характерно использование фразовых эпитетов, можно постараться сохранить оригинальность построения эпитета в переводе, так как он несет экспрессивную информацию, способствующую повышению прагматической эффективности рекламы. Возможен следующий вариант:

Придайте Вашим волосам этот **никогда-не-уменьшающийся** объем.

Приведем пример использования метафоры в рекламе губной помады New Rouge lipstick компании Clarins:

When was the last time you were French kissed? **Seduce your lips** with endless options of 36 sumptuous shades to capture your every desire.

COSMOPOLITAN, August 2006.

Метафора *seduce your lips* (дословно «соблазни свои губы») отражает и подчеркивает женскую сексуальность, что необходимо передать в переводе. Можно предложить такой вариант:

Когда последний раз ваши губы сливались в поцелуе? **Поддайтесь новому соблазну** 36 великолепных оттенков, которые соответствуют самому взыскательному вкусу.

Наиболее типичными ассоциативными зонами при создании «мужских» метафор являются техника, спорт, военная сфера. В этой связи показательна реклама косметического карандаша для мужчин:

Acne-**fighting** pen used to **combat** shaving disasters.
The most discreet skincare **weapon**.

MEN'S HEALTH, October 2006.

Точечный карандаш **борется** с повреждениями на коже, возникающими во время бритья.
Самое безобидное **оружие** против раздражения кожи лица.

Подводя итог, можно сказать, что тексты рекламы для женщин, имеющие оригинальную структуру, рассчитанные на женское ассоциативное мышление и эмоциональность, как правило, создают больше проблем для переводчика. В рекламе косметики для мужчин обращает на себя внимание особый подбор лексики и лаконичность текстовой организации. Все лингвистические характеристики рекламы, обусловленные ее гендерной направленностью, должны быть переданы коммуникативно-равноценными средствами языка перевода. Для достижения репрезентативности перевода приходится использовать лексические добавления, конкретизацию, логическое развитие, а иногда и заменять образность рекламы, исходя из поставленной ее создателями коммуникативной задачи. Непременным условием успешного перевода рекламного текста является его предварительный лингвостилистический анализ, который позволяет соотнести рекламную идею, языковые средства выразительности, используемые в оригинале, и возможные языковые средства воплощения той же идеи в переводе.

Литература

1. *Анашкина Е. В.* Дискурсивный аспект функционирования стилистического приема метонимии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
2. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
3. *Горошко Е. И.* Языковое сознание. Гендерная парадигма // www.tekstologia.ru
4. *Гусейнова И. В.* Дескриптивные рекламные тексты как инструмент воздействия в системе маркетинговой коммуникации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
5. *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999.
6. *Халеева И. И.* Гендер в теории и практике обучения межъязыковой коммуникации // Гендер: язык, культура, коммуникация. М., 2001.
7. *Щербина Н. В.* Американский рекламный текст в аспекте взаимодействия языка и культуры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Хабаровск, 2002.
8. *Goffman E.* Gender Advertisements. N.-Y.: Harper&Row, 1979.

О. Н. Яковлева

Удмуртский государственный университет

Н. В. Исупова

Ижевский государственный технический университет

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ПЕСЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ФИЛЬМЕ

Песенное сопровождение кинофильма играет важную роль в создании образной системы всего произведения. Очень часто именно через песню режиссер раскрывает характер персонажа, выражает те эмоции, которые невозможно передать одним визуальным рядом. Песня оказывает огромное влияние на восприятие фильма. Перевод песен в кинофильмах представляет собой очень сложную задачу. Одним из наиболее интересных аспектов перевода песенных произведений является передача стилистических приемов.

Ключевые слова: песенное произведение, кинофильм, перевод, стилистический прием.

Olga Yakovleva

Udmurt State University

Natalia Isupova

Izhevsk State Technical University

SONG TRANSLATION IN MOTION PICTURE

Songs in motion pictures operate as an integral part of the mise-en-scene, its narrative function and its cultural connotations. Quite often the characters are revealed through songs. Songs significantly influence film perception. Song translation in motion pictures can be a very challenging task. One of the most interesting aspects in song translation is representation of stylistic devices in the target language.

Keywords: song, motion picture, translation, stylistic device.

С самого начала зарождения кинематографа и создания первых фильмов большое внимание уделялось их звуковому сопровождению. Авторы книги «Искусство смотреть фильмы», исследователи в области кино Джозеф М. Богс и Деннис У. Петри, отмечают, что даже при просмотре ранних фильмов зрители чувствовали настоящий вакуум от тишины, потому что живость движущегося образа казалась неестественной, почти призрачной, без соответствующего звука. На самом же деле так называемое «немое кино» почти всегда демонстрировалось под аккомпанемент пианино, органа, ансамбля или оркестра [4. С. 266]. Поэтому впоследствии (с изобретением необходимой техники) добавление музыки к фильму, и в частности песен, стало неизбежным, так как органично сочеталось с визуальным рядом.

Однако часто песня в фильме воспринимается бессознательно, и зритель не обращает на нее особого внимания, тем не менее это не значит, что ее роль в фильме незначительна. Песня оказывает огромное влияние на восприятие фильма, она обогащает и усиливает общее впечатление от просмотра. Песня дополняет эмоциональное содержание образа, помогает воображению, выражает те эмоции, которые невозможно передать одним лишь визуальным рядом.

Существуют две точки зрения на роль музыки в фильме. Паулин Ризэй, исследователь в области кино, отмечает, что в ранних работах о кино превалировало мнение, что музыка в фильмах должна оставаться «неуслышанной» [6. С. 89]. Согласно традиционному мнению, зритель не должен замечать ее присутствия, но при этом она должна выполнять все возложенные на нее функции. В этой связи, с традиционной точки зрения, музыка в фильме не должна быть слишком хорошей, чтобы не отвлекать на себя внимание от фильма.

Современное использование музыки в фильмах, наоборот, позволяет ей в подходящих моментах не только сознательно привлекать внимание зрителей, но иногда и доминировать над картинкой. Это возможно лишь в том случае, если музыкальное оформление полностью связано с визуальными, сюжетными и ритмическими элементами фильма в целом. В такие моменты зритель может почувствовать всю красоту музыки, но при этом он не должен потерять ее связи

с образом на экране. Особая роль в этом контексте принадлежит песне, так как она дополняет музыкальное сопровождение, его ритмические элементы вербальным звукорядом.

Согласно Джозефу М. Богсу и Деннису У. Петри, музыкальное сопровождение фильма выполняет две функции: создает структурный ритм и способствует эмоциональному сопереживанию зрителя [4. С. 267].

Обе функции значительно усиливают эффект визуального ряда. Говоря об эмоциональном сопереживании, стоит отметить, что даже едва уловимые настроения героев могут быть ярче отражены, сохранены или изменены с помощью песни. Песня становится точным отражением общей эмоциональной атмосферы фильма.

Вместе с тем, перевод песен в кинофильмах представляет собой столь сложную задачу, что не каждый переводчик берется за ее решение.

Создание текста для песни создает особые трудности для переводчика, так как он стеснен ограничениями, накладываемыми существующей музыкой с ее ритмом, длительностью нот, фразировкой и акцентами. Ни одной из этих характеристик переводчик не должен пренебрегать. В идеале текст на языке перевода должен производить такое впечатление, что музыка была написана специально для него, несмотря на то, что она была создана для другого текста [3. С. 145].

Для переводчика очень важно обращать внимание на функцию переводного текста, его конечную цель. Х. Вермеер использует для этого понятия термин «скопос» (греч. *skopos* – цель). Главным и фактически единственным критерием оценки перевода объявляется его соответствие той цели, ради которой он был осуществлен [2. С. 82].

Согласно Х. Вермееру, методы и стратегии перевода должны определяться скопосом. По его мнению, скопос может помочь определить, нужно ли переводить исходный текст, перефразировать его или полностью редактировать [2. С. 82]. В случае перевода песен это означает, что нужно принимать во внимание потенциальных слушателей перевода, их другую культурную подсистему и способность понять и оценить песню. Результатом может явиться перефразирование, а не собственно перевод. И это очевидно, ведь в случае с песней простая верность тексту оригинала не произведет необходимого функционального эффекта.

Так как скопос перевода песен заключается собственно в пении под уже существующую музыку для аудитории, знающей язык перевода, то переводчик должен сделать так, чтобы текст на языке перевода обладал всеми необходимыми характеристиками для выполнения этой задачи [7. С. 145].

Говоря о переводе песен, музыкальный критик и переводчик Х. Голомб предпочитает использовать термин «перевод, связанный с музыкой» (*music-linked translation*). Перевод, связанный с музыкой, – это особый вид перевода, так как он подразумевает не просто сохранение семантики обозначаемого при замене знака языка оригинала соответствующим знаком на языке перевода [7. С. 211].

В зависимости от вида информации, который переводчик желает с максимальной точностью воспроизвести, С.Ф. Гончаренко выделяет три принципиально разных метода перевода одного и того же поэтического произведения.

1. *Поэтический перевод как таковой.* Это единственный способ перевода поэзии, предназначенный для собственно поэтической коммуникации, под которой понимается такой вид общения между автором и реципиентом, при котором посредством стихотворного текста осуществляется одновременная передача двухъярусной смысловой (фактуальной и концептуальной) и многослойной эстетической информации.

2. *Стихотворный перевод* очень близок к оригиналу в отношении слов и выражений, а равно и в стилистическом отношении. К сожалению, этот вид перевода искажает концептуальную информацию и практически не воспроизводит информации эстетической. Именно желание максимально приблизиться к оригиналу в вербальном и стилистическом отношении блокирует все попытки преобразовать стихотворный текст перевода в «пространственный» и подлинно поэтический текст.

3. *Филологический перевод* поэтического текста выполняется прозой и нацелен на максимально полную (почти дословную) передачу фактуальной информации подлинника. Это открыто вспомогательный вид перевода, как правило, сопровождающийся параллельным текстом подлинника или обширными комментариями. По мнению С. Ф. Гончаренко, значе-

ние его – и научное, и практическое – может быть весьма важным, так как данный вид перевода с максимальной точностью передает каждую фактологическую деталь оригинала и может служить важным подспорьем в работе исследователя и литератора [1. С. 82–83].

Если попытаться применить термин «адекватный» к переводу, связанному с музыкой, то, согласно Х. Голомб, адекватным можно назвать тот перевод, при котором удалось передать значение (семантический компонент) текста оригинала настолько близко, насколько это возможно, заставив его при этом звучать настолько естественно, насколько это возможно (учитывая систему акцентов, ритмическую структуру и даже само звучание) при синхронизации с музыкой, на которую был наложен текст на языке оригинала [7. С. 214].

Одним из наиболее сложных и интересных аспектов перевода песенных произведений является передача стилистических приемов, используемых в них. Что касается способов передачи стилистических приемов, то здесь у переводчика есть два основных пути: 1) попытаться скопировать прием оригинала; 2) создать в переводе собственное стилистическое средство, обладающее аналогичным эмоциональным эффектом. Последний принцип можно назвать стилистической компенсацией.

Рассмотрим некоторые примеры использования стилистических приемов в песенных текстах и возможности их передачи при переводе:

Главная песня в фильме «Music and Lyrics» («С глаз долой, из чарта вон») называется «A way back into love» («Обратный путь к любви»). Эта метафора лейтмотивом проходит через весь сюжет фильма и раскрывает внутренний мир главных героев, которые, в конце концов, обретают любовь:

All I wanna do is find a way back into love, I can't make it through Without a way back into love.	Я хочу найти к своей любви обратный путь, Я хочу скорей свою любовь назад вернуть.
--	--

Перевод, представленный в русскоязычном варианте фильма, является адекватным. Он сохраняет стилистический прием оригинала в его форме и функции, а также учитывает ритмическую структуру песенного произведения.

В том же фильме есть интересный пример песни, где используется сравнение, переходящее в развернутую метафору, которая возникает тогда, когда слово, употребленное в метафорическом значении, придает образность другим, связанным с ним словам. Смысл песни достаточно прост, так как в ней ставится задача выразить нелепость рифмы, которую придумал главный герой: *you and me* и *autopsy*. По сюжету героиня помогает ему использовать эту рифму в песне:

Figuring out you and me Is like doing a love autopsy. They could operate all day long And never figure out what went wrong.	Отношения «ты и я», Как любви аутопсия. Эту болезнь лечи не лечи, Не помогут никакие врачи.
--	--

Переводчики сохраняют и сравнение, и метафору, которая раскрывает в данном случае образ созданный сравнением. Перевод можно было бы признать адекватным, если бы в нем не была допущена фактическая ошибка: «аутопсия» не является болезнью. Процесс аутопсии подразумевает вскрытие тела для выяснения причины смерти. Поэтому предлагаем другой вариант перевода, где развернутая метафора сохраняется. При этом, как нам кажется, подобранные образы, в большей степени раскрывают предыдущее сравнение:

Figuring out you and me Is like doing a love autopsy. They could operate all day long And never figure out what went wrong.	Отношения «ты и я», Как любви аутопсия. Можешь вскрыть все, что было, Но не поймешь, отчего чувство остыло.
--	--

В фильме «The Princess Diaries 2: Royal Engagement» («Как стать принцессой – 2») песня исполняется героиней Джулии Эндрюс на девичнике, посвященном предстоящему вступлению в брак ее внучки. Смысл песни заключается в том, что каждая девушка по-своему прекрасна, в каждой есть своя красота. Для раскрытия этой идеи автор использует достаточно яркие образы драгоценного камня и произведения искусства:

Each one's a **jewel**,
With a **singular shine**,
A **work of art with its own rare design**.

А в этой есть
Драгоценный покой,
Особый шарм привлекает в другой.

В переводе, представленном в фильме дублированием, образы оригинала сглаживаются и его экспрессия во многом утрачивается. Можно предложить другой вариант перевода, где для передачи метафоры мы используем стилистический прием сравнения, а образ драгоценного камня конкретизируем и передаем в переводе словом *алмаз*:

Each one's a **jewel**,
With a **singular shine**
A **work of art with its own rare design**.

Любая прекрасна,
Как ценный алмаз,
Творение мастера радует глаз.

Сравнение – это еще один прием метафорической группы, оно гораздо эксплицитнее метафоры и так же создает яркую образность в песенном произведении.

В фильме «Charlie and the Chocolate Factory» («Чарли и шоколадная фабрика») каждая песня посвящается одному из персонажей и при этом высвечивает его дурные качества. Так, например, Виолетта Борегард была девочкой, которая гордилась тем, что во всем стремилась быть первой, она даже стала чемпионкой по жеванию жвачки. Именно это высмеивается в приводимой ниже песне; сравнение, использованное в оригинале, придает песне оттенок жесткой иронии:

She goes on chewing till at last,
Her chewing muscles grow so fast.
And from her face her giant chin,
Sticks out just like a violin...

Она жует, жует и вот
Растет ее несчастный рот.
Стал подбородок выпирать,
Не надо было ей жевать...

Несколько грубоватый глагол «выпирать» в определенной степени передает насмешливую окраску высказывания в оригинале, но при этом в переводе происходит снятие тропа, теряется экспрессия, заложенная в подлиннике. Можно предложить следующий вариант перевода:

She goes on chewing till at last,
Her chewing muscles grow so fast.
And from her face her giant chin,
Sticks out just like a violin...

Она жует, жует и вот
Растет ее несчастный рот
А подбородок, это что ж?
Стал вовсе на утюг похож!

В данном переводе сохраняется прием сравнения, хотя при этом используется другой образ. Думается, что сравнение со скрипкой не сможет передать на русском языке ту степень насмешки, которая заложена в оригинале.

Песня в фильме «The Pacifier» («Лысый нянька: Спецзадание»), исполняемая героем Вина Дизеля, является тайным посланием, зашифрованным в колыбельной, что он должен был каждый вечер петь детям перед сном. Как оказалось впоследствии, забавный текст песни является алгоритмом действий, которые нужно выполнить для того, чтобы получить доступ к сейфу. В ней несколько раз использовано сравнение с животными, и в соответствии с текстом герой выполняет определенные движения:

Just hop three times **like a kangaroo**,
Side-step twice like just **like the crabs do**,
Three steps forward, one step back
And quick **like a turtle** lie on your back.

Прыгни три раза, **как кенгуру**,
Дважды шагни ты в бок, **как крабы**,
Три вперед и шаг назад,
На спину ляг, **как черепаха**.

В переводе фильма все сравнения переданы точно, но при этом потеряна форма оригинала. Предлагаем вариант перевода, в котором сохраняются образы, рифма и воссоздается ритмическая структура песни:

Just hop three times **like a kangaroo**,
Side-step twice like just **like the crabs do**,
Three steps forward, one step back
And quick **like a turtle** lie on your back.

Прыгни три раза, **как кенгуру**,
Два шага в бок, **как краб** на берегу,
Три вперед и шаг назад
И **как черепаха** на спину ляг.

Гипербола также является интересным приемом, который позволяет особым образом охарактеризовать героя фильма. Гипербола заведомо преувеличивает, повышает

экспрессивность высказывания и сообщает ему эмфатичность. Так, пример гиперболы встречается в представленной ранее песне об одной из героинь кинофильма «Charlie and the Chocolate Factory» («Чарли и шоколадная фабрика»). Гипербола в данном случае используется для того, чтобы выразить насмешку, за которой стоит порицание:

For years and years she chews away,
Her jaws get stronger every day.
And with one great tremendous chew...
They bite the poor girl's tongue in two.

Годами девочка жует,
А челюсть крепнет и растет.
В один прекрасный день она
Язык себе отъест должна.

В переводе прием гиперболы сохраняется, он передает ту же насмешку и порицание, заложенные в оригинале.

Еще одним приемом, часто встречающимся в песенных произведениях, является олицетворение. Оно придает неодушевленным предметам черты, эмоции, переживания живых существ, таким образом обогащая образную систему произведения.

Приведем пример песни из кинофильма «You've got mail» («Вам письмо»). Песня исполняется героиней и ее друзьями в канун Рождества. В оригинале использовано олицетворение для создания образности при описании музыкальных инструментов:

The violins sing with joyful ring,
The violins sing with joyful ring.
The clarinet, the clarinet
Goes doodly, doodly, doodly, doodly det.
The clarinet, the clarinet
Goes doodly, doodly, doodly, doodly det.

Кларнет сам играет, и скрипки звучат,
Рожок подпевает и все это в лад.
Мы веселимся, веселимся
От души, души, души, души,
Потому что, потому что
Музыканты хороши.

В переводе, представленном в фильме дублированием, прием олицетворения сохраняется. Нужно отметить, что в оригинале использован прием ономотопеи (подражание звуку кларнета), который не воспроизводится в переводе. Причиной этому может быть тот факт, что в русском языке нет сочетания звуков для имитации игры на кларнете. Тем не менее переводчики удачно подобрали строчку «от души, души, души, души», так как этот момент исполнения куплета в фильме показан крупным планом и видна артикуляция актеров. В русском слове «души» повторяются звуки слова оригинала *doodly*.

Подводя итог, следует отметить, что при переводе песенных произведений в художественных фильмах необходимо обращать внимание не только на их семантическое наполнение, но и на форму текста и, по возможности, сохранять ее при переводе. Музыка при переводе песен остается неизменной составляющей, в то время как вербальный текст находится в более зависимом положении и является объектом многих преобразований. Образная система песни – это важная часть общего замысла автора, который стремится раскрыть свои идеи через определенный набор стилистических средств. Главная задача переводчика состоит в том, чтобы не просто воспроизвести стилистический прием или образ, а проникнуть в его суть, определить его функцию, добиться адекватного восприятия песенного текста адресатом – носителем языка перевода.

Литература

1. Гончаренко С. Ф. К вопросу о поэтическом переводе // Тетради переводчика. 1972. № 9.
2. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. М., 1999.
3. Baker M., Malmkjær K. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. Routledge, 1998.
4. Boggs J. M., Petrie D. W. The Art of Watching Films. McGraw-Hill, 2004.
5. Gorlée D. L. Song and Significance: Virtues and Vices of Vocal Translation. Rodopi, 2005.
6. Reay P. Music in Film: Soundtracks and Synergy. Wallflower Press, 2004.
7. Venuti L. The Translation Studies Reader. Routledge, 2004.

III. ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

III. GENERAL LINGUISTICS. LANGUAGE THEORY

О. Ю. Буйнова

Удмуртский государственный университет

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ (на материале английского языка)

Лексический состав любого языка представляет собой подвижную систему, моментально реагирующую на все изменения, происходящие в жизни общества. Вследствие этого, лексические единицы обладают определенными ресурсами, которые обеспечивают функционирование и развитие сложной языковой системы.

Ключевые слова: вариативность, окказиональное образование, неологизм, коллокация, производно-метафорическое значение, языковая статика и динамика.

Olga Buianova

Udmurt State University

ON THE ISSUE OF LANGUAGE VARIABILITY (based on English language study)

Lexicon of any language is a dynamic system which promptly reacts on any changes incorporated in the life of society. Lexical units possess certain resources and can therefore contribute to the functioning and successful development of the complex language system.

Keywords: variability, occasional units, neologisms, collocation, metaphoric meaning, statics and dynamics of the language.

Язык, как любое динамическое явление, неизбежно подвергается изменениям и, как следствие, происходит создание новых лексических единиц. Новые языковые образования отражают изменения и тенденции, которые являются типичными для развития современного английского языка и обладают богатыми возможностями передачи дополнительных эмоционально-оценочных коннотаций. Непрерывный процесс создания новых лексических единиц в языке является результатом развития общественных отношений, более глубоким пониманием явлений окружающей действительности.

В настоящее время английский язык переживает настоящий неологический бум: ежегодно в языке появляется свыше 800 слов, регистрацией и описанием которых занимается неология. Само понятие «неологизм» является размытым и не имеет четкого определения. Бесспорным признается лишь тот факт, что любое новое слово имеет временную коннотацию новизны, пока коллективное языковое сознание реагирует на него как на новое. Для обретения узувального статуса лексическая единица должна пройти стадию социализации и лексикализации.

Для дальнейшего анализа процессов вариативности представляется целесообразным отметить основные характеристики неологизмов и окказиональных единиц, которые соотносятся как социальное и индивидуальное, облигаторное и факультативное. Установка на социальное у неологизмов как языковых новообразований, призванных дать название, предопределяет их большее соответствие норме языка по сравнению с окказионализмами как авторскими новообразованиями.

Рассмотрим следующие примеры неологизмов: *vote-catching* (популярный у избирателей); *casualisation* (перевод временных рабочих в категорию постоянных); *work-for-dole*

(меры правительства по борьбе с безработицей); *to soft-dock* (стыковка орбитальной станции без механических приемов); *to carpool* (управление машиной по очереди); *audiotyping* (аудиопечатание); *thought-processor* (компьютер, логически выстраивающий и развивающий идеи). Бурное развитие компьютерных технологий вызвало к жизни, помимо указанных примеров, такие единицы, как *bio-computer* (компьютер, имитирующий нервную систему живых организмов); *to telecommute (telework)* (работать на дому, используя электронную связь через компьютер с руководящим учреждением или клиентом). Из приведенных примеров видно, что неологизмы обозначают социально значимые понятия, которые постепенно входят в основной словарный фонд языка и успешно в нем закрепляются. Интересным в этой связи представляется пример А. Коуи: “Or as an example of how words and their meanings can change in bewildering succession to reflect technical developments say, in sound recording and reproduction, note the following (partial) list: *gramophone record, long-playing record (LP), single, extended-play record (EP), CD, album*” [3. С. 7].

Особую роль в языковой вариативности играет производно-метафорическое значение, которое обеспечивает поступательное развитие слова, давая начало новым «продолженным» значениям: “We are aware, that the meanings of words change to meet new needs, that the number of senses a lexical item may have varies considerably from one word to another ... as just one instance of the way existing words can be put to new uses, consider the items *server, crash, application, mouse, and document*, and the fresh meaning they have taken on the field of computing” [3. С. 7].

Вполне естественно, что в разных функциональных стилях удельный вес динамического и устойчивого типов значения будет различным. Спектр значений оказывается богаче, отличается большей выразительностью в тех контекстах, которые направлены на создание ярких образов, т. е. в функциональном стиле художественной литературы. Практически каждое слово в этом типе дискурса может приобрести особую значимость, «вырасти» в значении, сопровождаясь дополнительными коннотациями. Например: “You heard everything, Muggle?”, где “muggle” образовано при помощи суффиксации: к основе “mug” со значением «простак, лопух» добавили суффикс “-le” и получили слово “Muggle”. Как объясняет автор данного произведения, “Muggle” означает “that you are not wizard”. Использование окказионализма вместо узуального слова придаст ему дополнительные оттенки смысла, оттенки пренебрежения и превосходства, и на русский язык это может быть переведено как «ничтожный человечиска». Таким образом, повышается экспрессивность и информативность высказывания.

Возникновение языкового словотворчества обусловлено, главным образом, прагматическим фактором – стремлением автора обновить внутреннюю форму слова, сделать ее оригинальной, неожиданной, заметной. Так, по справедливому замечанию В. И. Заботкиной, «основная причина любой трансформации – конкретизация значения слов, стремление увязать семантику, эмоциональное и стилевое значения с конкретными, неповторимыми условиями контекста» [1. С. 28]. Использование окказиональных единиц в любом виде текста позволяет вполне успешно решить выделенные А. А. Леонтьевым три психологические задачи: привлечь внимание к тексту, осуществить оптимизацию восприятия текста и упростить принятие содержания текста реципиентом. Приведем ряд ярких примеров окказиональных образований из художественной литературы:

“Above the din could faintly hear Vile Richard say “I will”, though could possibly have been “I won’t” apart from the fact that he and Jude were beaming at each other *gooily*” (*gooily* – лучась от счастья);

“As Sondra Ray*, the greate *re-birther*, said, or maybe it wasn’t her. Anyway, this is it: “Love is never outside ourselves, love is within us” (*re-birther* – мастерица возрождать);

“She said you were a free spirit...” the line broke up for a moment. Free spirit? Free spirit *in Rebecca-speak* is tantamount to saying, “Bridget sleeps around and takes hallucinatory drugs” (*in Rebecca-speak* – из уст Ребекки).

Из приведенных примеров видно, что окказионализмы тесно связаны с контекстом и обладают определенной степенью сложности, оригинальности и даже аномальности.

Они служат эффективным средством реализации таких признаков художественного текста, как субъективно- оценочная модальность, интегративность, информативность.

Catastrophize (паниковать); *showy-offiness* (стремление выставить себя напоказ); *Singletondom* (одиночество); *self-pitying* (наполненный жалостью к себе); *girlfriend-hood* (женская дружба); *mentionitis* (постоянное упоминание человеком чьего-либо имени); *huffer-puffer* (сноб); *thought-groove* (ход мысли); *mummy-comfort* (материнская забота); *thought-vibe* (сила мысли); *thought-dog* (пучина мыслей); *fat-groove* (привычка к жиру); *Dianadeath* (смерть принцессы Дианы); *Babymother* (материнство; см.: “Conversation then moved on to the *Babymother* idea at which Magda unaccountably seemed to brighten”).

Отсутствие установки на вхождение в общеупотребительную лексику у окказиональных единиц объясняется тем, что стилистическое своеобразие сохраняется, когда они встречаются впервые, при повторениях исчезает необходимость самостоятельного раскрытия их значения; с этим связано то, что входящие в общий обиход новые лексические единицы быстро лишаются принадлежащей индивидуальным новообразованиям экспрессии. Поэтому «не вхождение» в общеупотребительный язык свидетельствует об их особом предназначении – быть сказанными однажды, остаться неповторимыми; только тогда они сохраняют присущую им свежесть и остроту, однородную с метафорами.

Однако при соблюдении таких условий, как укрепление информативной функции при смене коммуникативной установки и замене стилистической функции окказионализма, лексема может стать исходной для образования нового элемента языковой системы. Этот процесс будет сопровождаться ослаблением части ассоциативных связей, обеспечивающих тесную связь с контекстом и укреплением доминирующей ассоциативной связи. При этом произойдет замена таких важных свойств окказионализма, как высокая информативность, экспрессивность и оригинальность.

Окказиональные образования по своей художественной значимости имеют много общего с метафорами: они также направлены на создание яркого образа на основе сходства двух образов. Однако необходимо отметить различия между двумя типами метафор: концептуальной и языковой. Концептуальная метафора относится к сложным мыслительным процессам нашего чувственного и социального опыта, пронизывая все сферы языкового общения. В таком широком эвристическом контексте метафору стали рассматривать только в последние десятилетия, прежде ей уделялось внимание преимущественно в сфере лингвопоэтики.

Так, Д. Кристал, освещая современные тенденции развития семантики, отмечает, что сейчас ученые сталкиваются с фактом расширения традиционных лингвистических понятий путем их вывода за рамки лингвистики в область психолингвистики, дискурса и общества в целом. В этой связи подчеркнем важное положение, согласно которому концептуальная метафора представляет собой способ создания языковой картины мира, в то время как метафора языковая является способом расширения семантического объема лексической единицы, обогащая языковыми формами и содержанием концептуальную систему.

Именно концептуальная метафора обнаруживает национальные и социальные различия в восприятии внеязыковой действительности, при этом перенос значения слов отражает особенности общечеловеческой культуры, возникновения и развития образно-ассоциативных связей, которые впоследствии приводят к изменению устойчивых семантических отношений в языке.

А. Коуи в своей книге “Semantics” отмечает: “...if a metaphor is used sufficiently often in a particular sense, it loses the power to shock or surprise, and speakers (and dictionary-makers) “encode” the metaphorical meaning as one of the standard senses of the word” [3. С. 31]. Более того, благодаря техническому развитию и способности обрабатывать существующий языковой корпус (British National Corpus) автоматически многие современные словари размещают метафорическое значение первым, несмотря на тот факт, что оно появилось в системе языка значительно позже.

Динамические производно-метафорические значения являются следствием актуализации языковых возможностей слова, в свою очередь они также влияют на систему языка в целом. Накопление новых речевых явлений приводит к изменению этой системы.

Таким образом, авторские новообразования используют потенциальные возможности системы языка и являются их конкретными реализациями. Они активизируют скрытые потенции языка, увеличивают возможности функционирования языкового знака и тем самым расширяют границы всего текста в целом. С одной стороны, статистическое значение преобразуется благодаря, в частности, метафоре и становится динамическим, т. е. окказиональным, коннотативным, обнаруживаемым в речи. С другой стороны, происходит обратный процесс: динамическое значение на определенном этапе развития становится более постоянным (и даже статическим), приобретая такие признаки, как предсказуемость, распространенность, независимость от контекста, конвенциональность.

Литература

1. *Заботкина В. И.* Новая лексика современного английского языка. М.: Высш. шк., 1983.
2. *Cowie A. P.* Semantics. Oxford University Press, 2009.
3. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Окказионализм>
4. <http://en.wikipedia.org/wiki/Neologism>

Л. Г. Васильев

Калужский государственный педагогический университет

РЕФЛЕКСИЯ, ПОНИМАНИЕ И СЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ АРГУМЕНТА

Понимание может быть осмыслено не только как совокупность психических неосознаваемых процессов, но и как осознаваемая аналитическая деятельность по усвоению содержания текста как результата кодирования информации. Анализ семиозисных характеристик аргументативного текста можно рассматривать как разновидность его понимания.

Ключевые слова: рефлексия, понимание, семиозис, сигнификат, референт, десигнат, конвенциональное поле, индивидуальное поле, аргументативные функции.

Lev Vasilyev

Kaluga State Pedagogical University

REFLECTION, UNDERSTANDING AND SEMIOLOGICAL PARAMETERS OF ARGUMENT

Understanding may be perceived not only as a complex of psychic subconscious processes but as a conscious analytical activity aimed at understanding the text as a result of information encoding. The analysis of semiosis characteristics of argumentation texts may be regarded as a type of their understanding.

Keywords: reflection, understanding, semiosis, referent, designat, conventional field, individual field, argumentative functions.

Традиционно рефлексия трактуется как анализ собственной мысли, собственного понимания чего-либо. Будем считать, что существуют по крайней мере две крупные разновидности понимания – рефлексивное и нерефлексивное (или дорефлексивное). Рефлексивное понимание имеет место при наличии уже готового ментального объекта как продукта, результата мыслительного наблюдения над денотатом. При рефлексивном понимании анализируется индивидуальный мыслительный конструкт, причем принципиальное значение, на наш взгляд, имеет то, что этот конструкт осознается интерпретатором именно как свой, индивидуальный. Представляется, что осознание

индивидуальности конструкта возможно только при наличии размышления над чем-то общим для себя и для других, т. е. над конвенциональным. Это означает, что рефлексивному пониманию должно предшествовать дорефлексивное, т. е. первое не существует без второго: дорефлексивное понимание же свободно существует в отсутствии рефлексивного (иначе см.: [3. С. 69]). На наш взгляд, дорефлексивное понимание имеет место при рецептивных (неаналитических) процессах в семиозисе. Мы полагаем, что такой семиозис у реципиента имеет во многом неосознанный характер и протекает большей частью автоматически. Тем не менее, принимая широкую трактовку понимания, мы полагаем, что и семиозисные процессы у реципиента являются разновидностью понимания.

В таком случае мы можем выделить процессы понимания знака и сигнификата, имея в виду восприятие текста или иного языкового сообщения, которое представляет собой результат кодирования некоторой информации об объективной физической или ментальной реальности. Понимание знака воплощается, на наш взгляд [2. С. 67], в виде восприятия его графического (в письменном тексте) и фонетического (в устной речи) экспонента и подведения этого экспонента под полностью конвенционализированный в процессах употребления языка образ тела знака. Затем происходит отнесение образа тела знака к имеющемуся в долговременной памяти индивида и языкового коллектива понятию, которое в семиозисе выступает в качестве сигнификата с разделением в нем референтной и десигнативной областей. В силу того, что сигнификат представляет собою образование, лежащее в области мышления (хотя и ориентированное на языковой знак), мы полагаем, что его языковым коррелятом является значение, в данном случае конвенциональное значение. Тем самым значение считается здесь имеющим двойственную природу: как языковое оформление сигнификата и как языковое содержание образа тела знака.

Однако семиозис не ограничивается дорефлексивным пониманием. Можно, по-видимому, говорить о двух видах рефлексии в семиозисном процессе.

1. Это осознание реципиентом того, что он нечто понимает; это нечто – два поля десигнативной области сигнификата – общее, конвенциональное и личностное, индивидуальное.
2. Это осознанное соотнесение и сравнение субъектом своего собственного индивидуального поля и индивидуального поля соответствующего сигнификата, имеющегося у собеседника.

Рефлексивизация этих процессов, по-видимому, определяется наличием интенции на рефлексию.

Для рефлексивного процесса необходимо, чтобы собственная мысль субъекта была объективирована. Объективация мысли реципиента о воспринимаемом им тексте во многих современных исследованиях репрезентируется в виде фреймов. Следовательно, установление фрейма как конструкта может рассматриваться в качестве одного из механизмов понимания текста. В силу того, что конструкт для рефлексии является индивидуальным, можно говорить и о наличии некоторой дорефлексивной, до-конструктивной базы для фрейма, имеющей во многом интуитивный характер. На наш взгляд, в качестве этой базы выступает нерелефлексивное фреймирование (построение по методу фреймов) текста автором сообщения, имеющее когнитивную природу. Расшифровка реципиентом авторского фреймирования также имеет когнитивную природу. Результатом восстановления доконструктивной фреймовой базы, которое осуществляет реципиент, будет некоторая весьма аморфная фреймоподобная структура. Она уточняется, конвенционализируется реципиентом, узлам и отношениям в ней присваиваются названия – получается фрейм. Названные процессы являются рефлексивными, потому что реципиент размышляет над выявленной им, т. е. индивидуализированной структурой. Тем самым получаемый фрейм есть результат индивидуального творчества реципиента, а конвенционализирование верхних терминалов фрейма представляет собою продукт работы рефлексии.

Обыкновенно в лингвистических исследованиях фреймовое представление смысла текста предстает в виде структур, построенных по типу классификационных фреймов

[4. С. 184]. Такое представление лежит в русле макропропозициональных структур, а, как известно, пропозиции суть абстракции реальных лингвистических единиц до функционально наполненных существенных их элементов – предикатов и аргументов, которым приписаны определенные свойства и роли. Правда, в классификационном фрейме абстракция идет несколько дальше, так что предикаты из динамических образований трансформируются в статические – свойства и отношения, выражаемые пропозициональными (предикатными) знаками – именами. Динамическая сторона пропозиции – функциональное представление аргументов – может считаться таковой лишь с известным приближением и, несомненно, не дает представления об интенциональном наполнении текста. Рассмотрение такого наполнения с точки зрения классической теории речевых актов как интенциональных образований едва ли является плодотворным для всех типов текстов. Так, в научном тексте преобладающими речевыми актами будут, по-видимому, репрезентативы. Поэтому анализ (речеактовой) интенциональной структуры в традиционных терминах здесь может проводиться только с точки зрения установления иерархии этих репрезентативов с установлением репрезентативного фрейма. Собственно же функциональная сторона репрезентативов в таком фрейме не получает полного раскрытия.

Учитывая такую особенность научных текстов, некоторые ученые рассматривают дискурсивные акты безотносительно к традиционной теории речевых актов, и иллюкуция дискурсивного акта предстает как совокупность репрезентативных актов более элементарного предложенческого уровня. Так, А. Л. Блинов и В. В. Петров анализируют иллюкутивный потенциал дискурсивного акта, фактически представляя его как речевой код (совокупность элементарных репрезентативных актов – речевых шагов). Тогда пропозиции, которые составляют аргумент (здесь и ниже – не компонент пропозиции, а тип текста, сопоставимый с доказыванием), получают иллюкутивную силу только при рассмотрении их в совокупности. Выделяются следующие иллюкутивные акты: объяснение, доказательство, подтверждение гипотезы и выведение следствия [2. С. 359–362]. Это глобальные интенциональные функции, действующие в условиях наличия классического силлогизма или энтимемы. Однако далеко не все научные тексты отвечают требованию наличия условий истинности посылок, что является необходимым для силлогизма. Таковы, например, тексты гуманитарных наук, в частности многие лингвистические тексты. Интенциональное наполнение таких текстов можно рассматривать в терминах аргументативных функций.

Теория аргументативных функций [5; 6] ориентирована на исследование неформального, преимущественно диалогического общения. Гуманитарные научные тексты, лишенные формализмов, весьма похожи на такой вид общения. При этом монологические по форме тексты являются ингерентно диалогическими, потому что ориентированы на реципиента и его фоновые знания. Кроме того, научные тексты принадлежат к аргументирующему типу общения, поэтому их анализ целесообразно строить как раз в опоре на аргументативные структуры. Установление аргументативных функций в тексте можно представить как выявление интенций и индивидуального поля сигнификатов продуцента текста, а анализ выявленных функций будет рефлексивным.

Важнейшие аргументативные функции, описанные С. Тулмином и вслед за ним Р. Крейблом таковы:

- 1) тезис (Claim) – положение, которое мы хотим, чтобы реципиент принял, но которое, по нашему (продуцента) мнению, заведомо подвергается сомнению со стороны реципиента. Тезис, в отличие от прочих аргументативных функций, поддерживается всей другой релевантной информацией, но сам не поддерживает никакой иной информации;
- 2) данные (Data у С. Тулмина, Evidence у Р. Крейбла) – эксплицированная мысль, которая заранее приемлема или очевидна для реципиента: она служит отправной точкой для выведения Тезиса;
- 3) основание (Warrant) – мысль, служащая мостиком от Данных к Тезису. Основание показывает, как нечто уже очевидное (Данные) помогают сделать менее приемлемую

мысль (Тезис) более приемлемой для реципиента. Обычно это общее положение (в отличие от частных Данных), содержащее нормативное заключение о связи Данных и Тезиса. Соотношение Данных и Основания можно выразить словосочетаниями *потому что (Основание), (Данные) говорят о том, что (Основание), (Данные) означают, что (Основание), (Данные) подтверждают, что (Основание)*;

- 4) свидетельство для Основания (Backing) – мысли, выражающие детали Основания. Если Основание – это общее положение, то Свидетельство есть фактуальное подтверждение этого положения, например, цитата;
- 5) ограничитель (Qualifier) – мысль, выраженная в языке и обозначающая степень уверенности продуцента в Тезисе. Она часто выражается в статистических терминах, например, в процентах;
- 6) оговорка (Rebuttal у С. Тулмина, Reservation у Р. Крейбла) – это приводимые пропонентом языковые выражения об условиях, которые противоречат Тезису, или задание условий, в которых Тезис действует, например: *до тех пор, пока, если не, в данных условиях*. Экспликация таких условий позволяет продуценту избавиться от возможных замечаний оппонента, касающихся сферы действия Тезиса [6. С. 97–107; 5. С. 68–82].

Рассмотрим собственно семиотический статус приведенных аргументативных функций.

Представляется, что Тезис является выражением индивидуального поля сигнификата продуцента. По определению, реципиент должен подвергать Тезис сомнению, следовательно коммуниканты должны принадлежать к одному социуму, так чтобы конвенциональные поля их сигнификатов не допускали референциальной неясности. Сигнификаты поэтому являются весьма близкими, т. е. неверно было бы утверждать, что Тезис представляет собой нечто новое для реципиента: он готов к обсуждению Тезиса, более того, имеет относительно этого Тезиса некоторое мнение, не совпадающее с мнением продуцента, т. е. свое индивидуальное поле. Поэтому Тезис нельзя рассматривать с точки зрения обновления сигнификата реципиента. Можно сказать тогда, что Тезис «провоцирует» рефлексию реципиента, т. е. размышление над индивидуальным полем собственного сигнификата. Все это, разумеется, верно в случае правильности оценки продуцентом реципиента, его сигнификата.

Если же реципиент не опровергает Тезис или не подвергает его сомнению, то *названные* ингерентные признаки Тезиса исчезают. В одном случае может быть, что реципиент придерживается того же мнения, что и продуцент, и тогда Тезис теряет свою аргументирующую силу, не являясь выражением индивидуального поля сигнификата продуцента. В другом случае реципиент принимает Тезис «на веру», без сомнений – например, в силу авторитета продуцента, – и тогда можно говорить: а) об изначальном отсутствии референтного «задела», а, следовательно, и соответствующего сигнификата у реципиента; б) о несущественности Тезиса для реципиента, когда индивидуальное поле сигнификата по поводу Тезиса, его несогласие реципиента с Тезисом не активизируется и остается «в тени» конвенционального поля. Во всех подобных случаях мы имеем дело с квази-Тезисом, потому что аргументативная сущность Тезиса может проявляться только в собственно аргументативной ситуации. Следует заметить, что такого рода аргументативность Тезиса характерна для текста-диалога, а не для монолога, где эксплицитно не представлены реакции реципиента и трудно сказать, действительно ли Тезис сомнителен для реципиента. Поэтому при анализе монологического текста следует принять в качестве постулата аргументативную действительность Тезисов (возможную их неочевидность или потребность в разъяснении для реципиента), делая при необходимости соответствующие уточнения.

Семиотический статус Основания заключается в следующем. Основание напрямую связано с Тезисом и, следовательно, с индивидуальным полем сигнификата продуцента. В отличие от Данных, которые имеют референтный статус в конвенциональном поле, а в десигнативную область не выходят, Основание десигнативно хотя бы потому, что имеет свойства генерализации. Если принять допущение, что сигнификаты дискутируемой

проблемы имеют полевую структуру, то можно сказать, что участки индивидуального поля и Основания как части конвенционального поля обращены друг к другу, имея более тесную связь между собой, чем подобные участки индивидуального поля и другие участки конвенционального поля. Маргинальная зона Тезиса и Обоснования, видимо, не имеет вполне четких очертаний, так как, по определению, часть Тезиса «зависает» в конвенциональном поле, соотносясь с Основанием. Очевидно, что с точки зрения приемлемости для реципиента Основание должно быть более «удобоваримо» для реципиента, чем Тезис, поэтому их семиотический статус различен.

С этих позиций можно сказать, что Ограничитель, присоединяемый к Тезису, более тесно связан с индивидуальным полем сигнификата, чем Ограничитель, присоединяемый к Основанию. На наш взгляд, языковым выражением Ограничителя можно считать и вопросительную форму высказывания: вопрос выражает степень вероятности Тезиса (хотя и весьма неопределенную), а пропозициональное содержание высказывания составляет сам Тезис. Вопрос, очевидно, ориентирует реципиента на то, что далее в тексте будет представлено доказательство Тезиса.

Если это верно, то можно полагать, что восклицательная форма некоторых высказываний также представляет собою Ограничитель, но выражающий большую степень уверенности продуцента в Тезисе. В данном аспекте вопросительная и восклицательная формы рассматриваются как разновидности модальности наряду с модальными словами и иными средствами реализации модальности. Видимо, можно считать, что Ограничитель, присоединяемый к Основанию, едва ли может принимать форму вопроса, так как гипотетическая модальность или модальность возможности интенционально малопригодна для Основания, в отличие от слов и выражений, выражающих высокую степень уверенности продуцента в Основании.

Что касается Данных, Свидетельства и Оговорки, их статус конвенционален, и они входят в референтную область сигнификата. Следует отметить, что в текстах теоретического характера собственно референтная область может быть установлена лишь весьма условно, потому что в них мы оперируем с понятиями. Поэтому Данные, Свидетельства и Оговорки тоже могут иметь понятийный статус и тогда довольно сложно становится разграничить, например, Основания и Данные, Основания и Свидетельства, Свидетельства и Данные. Едва ли не единственным методом их разграничения остается тогда противопоставление по линии *общее / особенное*, а для разделения Свидетельства и Данных – отнесенность, соответственно, к Основанию и к Тезису (по типу "x, следовательно y").

Любопытно, что непросто разграничить Ограничитель и Оговорку в теоретическом аспекте. Пусть вероятность Тезиса определяется по формуле $A + B = 100\%$. Если Ограничитель выражает $A\%$ вероятности Тезиса, то остальные $B\%$ являются условиями, в которых этот Тезис недействен. Тогда B является Оговоркой. Следовательно, Ограничитель и Оговорка могут рассматриваться как соотносительные (если не взаимодополнительные) аргументативные функции. По-видимому, их разграничение может быть установлено путем упомянутых выше языковых средств, а также семиотически: Оговорка принадлежит референтной области сигнификата продуцента, а Ограничитель – к десигнативной, задавая модальность высказывания.

Литература

1. Блинов А. Л., Петров В. В. Дискурсивные акты и теория аргументации // Философские проблемы аргументации / Ред. Г. А. Брутян и др. Ереван: Минц, 1986. С. 356–367.
2. Васильев Л. Г. Текст и его понимание. Тверь: Тверск. гос. ун-т, 1991.
3. Богин Г. И. Схемы действий читателя при понимании текста. Калинин: Калининск. госуниверситет, 1989.
4. Гончаренко В. В., Шингарева Е. А. Фреймы для распознавания смысла текста. Кишинев: Штиинца, 1984.
5. Crable R. E. Argumentation as Communication: Reasoning with Receivers. Columbus (Ohio): Bell and Howell. 1976.
6. Toulmin St. The Uses of Argument. London: Cambridge University Press, 1958.

Н. Н. Гаваева

Мордовский государственный университет

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В течение XX и начала XXI веков английский язык демонстрирует значительные изменения в области лексики, грамматики, синтаксиса, а главное – коммуникации. Все эти изменения тесным образом связаны с изменениями в общественной, политической, культурной, научной жизни, с одной стороны, и мировыми процессами глобализации в целом, с другой. В статье делается попытка субъективной оценки происходящих языковых процессов, опираясь на историю языка и личный лингвистический опыт автора.

Ключевые слова: изменения, «порча» языка, развитие, хороший / плохой английский, справочники, история английского языка, грамматика, типичные ошибки, лексика, творческий подход, коммуникация.

Nadezhda Gavayeva

Mordovia State University

ENGLISH TODAY AND TOMORROW: APPROACHING COLLAPSE?

Living English we use today is demonstrating the irrepressible inventiveness. Some linguists speak about approaching collapse and corruption of the language. Others declare the changes as the natural development of language, as facts to be noted and taken into consideration. What should learners' behaviour be in the circumstances?

Keywords: changes, language 'corruption', development, good / bad English, reference books, history of English, grammar, use of English, common errors, vocabulary, creative approach, communication.

Having been reading History of English at the university for more than thirty years and examining many adventures of the language linguistic history, I cannot help coming to the conclusion that living English we use today is demonstrating the irrepressible inventiveness. Moreover, some scholars and teachers of English speak about approaching collapse and tremendous corruption of the language today. They mean all the aspects of English including phonetics, grammar, vocabulary stock, and, of course, its usage. While some researchers are prophesying linguistic disaster, others declare that the very notion of linguistic corruption is meaningless, and they would rather name the process as "development of English." One thing both parties to the dispute agree on is that the English language is changing [5. P. 266-267]. The point at issue is whether these changes should be viewed as 'corruption' or simply as facts to be noted: are they or are they not 'bad English;' is there, in fact, any such thing as bad English?

Consider the following examples:

- (1) *Hall doesn't give a damn about grammar.*
- (2) *Hall don't give a damn about grammar.*
- (3) *About grammar Hall a damn don't give.*

Example (1) would be used naturally by tens of millions of English-speaking people, and would be understood by just about anybody who knows the language. Example (2) would be used just as naturally by other tens of millions, and would be understood as widely. Example (3), however, would not be used by any native speakers of English, and most of us would puzzle a bit before comprehending what the speaker was trying to tell us. Sentences (1) and (2) are both grammatical English – (1) is 'standard', (2) is 'nonstandard' – but (3) is not grammatical English.

To hammer home the point: English, like every other language, has a grammar: a set of arbitrary conventions specifying the sounds and combinations of sounds that can be used to make words; which of those sounds and combinations are meaningful words, and what they mean; and how words can be combined to form meaningful sentences. As the above examples show, these conventions vary considerably from one part of the English-speaking world to another and from one occupational or social group to another. But there are limits to the variations, and any ‘English’ utterance that falls outside those limits – as sentence (3) clearly does – is, by definition ungrammatical. In addition to being ungrammatical English, sentence (3) is also considered to be bad English, unclear, obscure English.

We now have at least one meaningful criterion for distinguishing ‘good’ from ‘bad’ English: when we communicate clearly, we are using good English; when we communicate unclearly, we are using bad English. Moreover, – and this is a key point – while ungrammatical English is likely to be bad (unclear) English, as example (3) above certainly is, the reverse is not true: grammatical English is not necessarily clear English.

Consider sentence (4):

(4) *The Australian athlete won the marathon one minute after he collapsed* [2. P. 80].

The limits of sense absurdity are reached in example (4), although the sentence is grammatically standard. Only punctuation marks remove the ambiguity and clarify the meaning as in example (5):

(5) *The Australian athlete won the marathon. One minute after – he collapsed.*

It is commonly recognized that clear communication of meaning is the most fundamental criterion of good English [5. P. 273]. But communication extends beyond simple meaning, however clear. The words people use, and how they use them, can communicate not simply their ideas and feelings, but the kinds of people they are in social respect.

Consider the examples:

(6) *I was laying in the bed.*

(7) *I was lying in the bed.*

Millions of people naturally say sentence (6), while millions of others just as naturally say sentence (7), and in neither case will anyone be in any doubt as to what the speaker was doing. But it is also true that not a few people, hearing sentence (6) with its working-class syntax, will deduce that the speaker is poorly educated.

The definition of clear English as good English needs to be qualified in one more important respect: some educated native speakers (politicians, businessmen, diplomats and ordinary people) deliberately aim at linguistic confusion and common errors to reveal their loyalty or ‘to be-one-of-them’ feeling towards lower classes, or those who have arrived in English speaking countries from the so-called ‘third world’ and who have received citizenship in the countries [4], [13].

It is not unusual to come across such patterns in the speech of native speakers as:

(8) *I was **so** not ready to take an exam.*

*You are **so** going to get into trouble.*

(9) *There’s your pills.*

There’s three other people.

Moreover, language reference books and dictionaries register such cases [11. P. 1416], [10. P. 82]. The examples (8), (9) are believed to refer to good English.

Reading History of English for university students, I am not surprised at multiple changes in the language nowadays. The reasons for changes can be different – social, political, historical, scientific; these changes may come from inner development of English itself. Inevitably there are people who are unhappy with the language situation. There is a school of thought prevalent mainly among older people which seeks to impose a kind of restriction on language. In the age of uncertainty, globalization and change, it is unreasonable to look to language to provide a safe, unchanging structure. This places an impossible burden on

language. It does not exist in a vacuum but simply reflects what is happening in society and the world around. If we do not like the words, we probably do not like the events but it is difficult to hold back the tide of change. We cannot stem the flow of vocabulary additions, new discoveries, and new concepts. New labels have to be found and so are born:

(10) *E-numbers, genetic engineering, teleshopping.*

Twentieth Century Words by J. Ayto is giving a vivid picture of new words' penetration into our life within only ten latest decades! [3] The development of the World Wide Web and revolution in communication it has brought about has proved a particularly powerful engine for linguistic innovation, spawning hosts of new acronyms, technical terms, and slang words, as well as promoting creative attitudes towards the use of grammar and syntax [9], [3], [6], [11].

Language change is confined not only to new vocabulary additions. Sometimes the old gets recycled in a new form as words alter their meaning in some way. The classic example is, of course, the word *gay*, which has almost entirely lost its 'merry' associations – except in literature written before the present day – in favour of modern meaning of 'homosexual'.

There are, however, a growing number of other instances of language change, several based on misconception or error. *Hopefully* was an early example when it came to mean 'it is to be hoped that' as well as 'with hope'. Now *disinterested* is frequently to be found meaning 'not interested' as well as 'unbiased' [8. P. 153], [11. P. 422, 730]. There is now a very fine line to be drawn between error and alternative usage – and sometimes the former becomes the latter. By the way, history of English knows many examples when the error becomes a rule. It especially refers to Middle English period (12-15 centuries) [14]. *Data*, for example, as the plural of *datum* should come accompanied by a plural verb but it is now frequently seen in the presence of a singular verb, particularly in the field of information technology:

(11) *This is essential data.*

And this use is becoming increasingly frequent in British English. However, some careful users (especially those working within scientific and medical circles) still insist on using the noun as a plural:

(12) *These are essential data* [8. P. 81].

The same fate has befallen *media*. It is no longer thought of as simply the plural of *medium* but as a word in its own right. As such it is increasingly accompanied by a singular, rather than a plural, verb [8.P.195]. With the demise of the teaching of classics in schools and higher educational institutions, knowledge of Latin and Greece in relation to the English language is now, quite a rare phenomenon. So is born the puzzlement over:

(13) *stadia – stadiums* [8. P. 287];

(14) *referendums – referenda* [8. P. 259].

I cannot help mentioning here the English language 'in the street', which has undoubtedly affected modern English. Linguistic experts declare that *less bottles of milk* is challenging *fewer bottles of milk* for supremacy in terms of frequency. The same can be said about *me* and *I*. Prepositions in English are the source of much confusion [8].

In my earlier research of the problem, I wrote in detail about ways of enlarging the modern English vocabulary, about multiple changes in the form and sense of the word, and about the enormous influence of current extra-linguistic factors on the vocabulary stock. The English language has greatly changed [1. P. 5–8]. The question is: Has the language been corrupted? The answer is 'no', at least, no more than at most times in its long history.

As formal language training has diminished and public communications have increased, language has become less and less rigid and the distinction between the linguistically correct and the linguistically incorrect has become blurred.

But we are not yet at the stage where anything goes; let us hope we never reach it. So, how to solve the dilemma: what is 'good English' and what is 'bad English'? I think that most of us would prefer a few guidelines to a linguistic free-for-all.

In order to improve and brush up one's oral and written skills it is important to have more than just a dictionary and a thesaurus as self-help material. Of immense help are books that offer guidance in the use of language, particularly those which show language in action by including example sentences or phrases. Such books provide very valuable ground rules on which to base one's own English usage [8], [7], [12], [6].

Language reference books these days are less didactic than they were. In general we have moved on from the times when they were entirely prescriptive in their comments on language. Now most of them adopt a more descriptive role, restricting themselves to stating what is actually happening in language rather than dictating what ought to be happening. Such reference books are sure to arise criticism from those language researchers who are unhappy with the change of emphasis. Nevertheless, to keep up with the language situation nowadays, with tremendous changes in language form, sense and usage, we cannot ignore any professional help.

Going back to approaching collapse and 'good English' and 'bad English,' I would point out that what is happening to the English language nowadays is a natural process proved by its long history. No dictionary and no panel of experts either, can have the last word on English usage: that will be said only when – and if – English ceases to be a living tongue.

Sources

1. *Гаваева Н. Н.* Пути пополнения словарного запаса английского языка XX столетия (синхронический анализ). Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та 2002.
2. *Aitchson J.* Cassel's Guide to Written English. Cassel & Co, London, 2001.
3. *Ayto J.* Twentieth Century Words. Oxford University Press, 1999.
4. *Bosrock M.* Put Your Best Foot Forward: United States of America. International Education System, St. Paul, 1999.
5. *Claiborne R.* English: Its Life and Times. Bloomsbury Publishing Plc, 1990.
6. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press, 2002.
7. *Donald G.* Dictionary of Modern Phrase. Simon and Schuster Ltd, London, 1994.
8. Good Word Guide / Ed. By M. Manser. Bloomsbury Publishing Plc, London, 2003.
9. *Hale C.* Sin and Syntax. Broadway Books, N.Y., 2001.
10. *Hewings M.* Advanced Grammar in Use. Cambridge University Press, 2005.
11. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. 2- nd Edition. Macmillan Publishers Ltd, London, 2007.
12. *Rees N.* Why Do We Quote...? Blandford Press, London, 1989.
13. *Sen R.* The Accidental American: Immigration and Citizenship in the Age of Globalization. Berrett-Koehler Publishers, Inc., 2008.
14. *Strang B.* A History of English. Cambridge University Press, 1989.

В. К. Кельмаков

Удмуртский государственный университет

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

На возможность древнетюркских заимствований в пермских языках впервые обратили свое внимание В. И. Алатырев и В. И. Лыткин; позднее это явление подробно было исследовано И. В. Таракановым. Он выявил в удмуртском языке свыше 15 древнетюркских («гуннских») заимствований, 3 из которых имеют соответствия и в коми диалектах. Однако имеющиеся неточности и противоречия в разработке удмуртского ученого существенно затрудняют верификацию древнетюркского пласта в удмуртской лексике в том варианте, в каком он был выявлен.

Ключевые слова: Волго-Камье, гуннские тюркские племена, древнетюркские заимствования, языковые контакты, удмуртский язык.

Valentin Kelmakov

Udmurt State University

SOME ACCOUNTS OF OLD TURKIC BORROWINGS IN UDMURT

V. A. Alatyrev and V. I. Lytkin were the first scientists who paid special attention to possible availability of old Turkic borrowings in Perm languages. Later this phenomenon was investigated in detail by professor I. V. Tarakanov. Professor Tarakanov found more than fifteen old Turkic (“Hun”) borrowings three of which have equivalents in Komi dialects. But inaccuracy and discrepancy found in professor Tarakanov’s research make it difficult to verify that old Turkic layer in Udmurt lexics in the variant it was fixed by the scholar.

Keywords: the Volga and the Kama region, Hun and Turkic tribes, old Turkic borrowings, language contacts, Udmurt language .

«Хронологизация и периодизация тюркских заимствований, относящихся к древнейшему периоду, является чрезвычайно сложным вопросом, и наши данные в этой области нельзя считать окончательными и беспорными» [13. С. 18].

Посвятив одну из первых своих исследовательских работ «Этюды по удмуртскому языку» заимствованному пласту лексики удмуртского языка, венгерский ученый академик Б. Мункачи [19] преследовал вполне определенную цель – предварительно вычленив иноязычную (тюркскую и русскую) часть удмуртской лексики, прежде чем подвергнуть серьезному историческому анализу исконную. С того времени была проделана большая работа по выявлению самых различных заимствованных пластов в лексике удмуртского языка: иранского (см.: [5; 7; 12. С. 20–28]), болгарского [20; 11; 12. С. 32–51; 13. С. 21–49; 14. С. 151–156], татарского [12. С. 51–92; 13. С. 50–174; 15; 18], русского [70, 9, 10 и пр.] и др.

Специфической части русских заимствований – интернациональным словам французского и др. происхождения, попавшим в удмуртский язык через русское посредство, – было посвящено масштабное исследование юбиляра Т. И. Зелениной, вылившееся в ряд крупных публикаций: «Интернациональная лексика в удмуртском языке» (Ижевск, 1996), «Иноязычная и исконная лексика в удмуртском языке: Опосредованные заимствования в отдельных лексических подсистемах» (Ижевск, 2001), «Французское слово в удмуртском и русском языках: Этимологический словарь» (Ижевск, 2002), «Опосредованные заимствования в удмуртском языке: Французский пласт» (СПб., 2002), «Многоязычный словарь: на основе французской лексики, заимствованной русским и удмуртским языками» (Ижевск, 2003) и др.

1. О наличии в удмуртской лексике пласта древнетюркских (добулгарских) заимствований – более поздних, чем иранские, и более ранних, нежели булгарские, – впервые, кажется, заговорили В. И. Лыткин [6] и В. И. Алатырев [1], однако эта проблема нашла наиболее объемное воплощение в трудах И. В. Тараканова, в которых им было выявлено «более полутора десятка слов, проникших в удмуртский язык в гуннский период» [13. С. 19].

В данной статье хотелось бы обратить особое внимание на те вопросы, которые весьма важны для верификации рассматриваемой группы слов, но не получили однозначного решения в публикациях удмуртского ученого: кто явился передатчиком «древнетюркских» слов? когда они проникли в «удмуртский язык»? действительно ли они могли попасть непосредственно в удмуртский?

2. Профессор И. В. Тараканов утверждает: «Древнетюркская лексика – это лексика, проникшая в *удмуртский язык* (выделения полужирным курсивом во всех цитатах мое. – В. К.) до прихода волжских булгар, это лексика, заимствованная из языка *гуннских тюркских племен*, пришедших в пределы Волго-Камья в III–V веках нашей эры из-за пределов Урала» [13. С. 17; см. также: 12. С. 29; 13. С. 4; 14. С. 146; 15. С. 23]³, – однако читателя все же смущает плюрализм в номинации этих племен, представленный в различных публикациях автора или даже на разных страницах одной и той же работы, с одной стороны, и крайне широкий диапазон времени, отводимый исследователем на контактирование предполагаемых тюркоязычных племен с «удмуртами», – с другой. Смотрим далее:

1) «С приходом на Урал и Поволжье *тюркоязычных гуннских племен...*» (с I в. н. э.) [12. С. 17];

2) «Языковые и этнические взаимоотношения здесь (в Поволжье. – В. К.) еще более осложнились с приходом в пределы Волго-Камья *тюркоязычных народов*, сначала в VI–V вв. *угро-тюркских гуннских*, позднее булгарских и татаро-монгольских (кыпчакских) *племен...*» [15. С. 22];

3) «Мы в своей работе более подробному анализу подвергли лишь тюрко-удмуртские языковые контакты и обнаружили, что приход *тюркоязычных* гуннов в районы Волго-Камья относится (х: относится) к I–III векам н. э., но наиболее интенсивный приток их <...> начинается с III–IV веков» [15. С. 23]; и т. д.

Итак, передатчиками «древнетюркской» лексики «удмуртам» явились **тюркоязычные гунны**, названные И. В. Таракановым то «*гуннскими тюркскими племенами*», то «*тюркоязычными гуннскими племенами*» или «*тюркоязычными народами*» (как обобщенное название «угро-тюркских гуннских», «булгарских» и «татаро-монгольских» племен), «*угро-тюркскими гуннскими <...> племенами*» и т. п. Особый вопрос может возникнуть в отношении языка последних: кто они – или конгломерат **разноязычных** кочевых племен во главе с тюркоязычными гуннами, или все же **моно-**, т. е. **тюркоязычные** народы, даже если и содержат компонент *угро-*) [Тараканов 1993: 22]? Судя по цитате, где «угро-тюркские гуннские племена» отнесены И. В. Таракановым к «тюркоязычным народам», приходится полагать, что автор придерживается последнего мнения.

Что касается времени контактирования этих племен с «удмуртами» и языкового влияния первых на последних, то разброс составляет чуть ли не в тысячелетие: от VI–V вв. (*до нашей*, разумеется, *эры*) до V в. *нашей эры*, в связи с чем возникают уточняющие вопросы, касающиеся временного отрезка «гуннско-удмуртских» языковых контактов: когда собственно начались эти взаимосвязи? сколько веков они длились?⁴ В рассматриваемых публикациях И. В. Тараканова однозначных ответов на них нет, однако ясно одно: эти контакты должны были прекратиться, судя по отдельным приведенным цитатам, не позднее конца V в. н. э., т. е. за два с лишним столетия до прихода волжских булгар в устье Камы (конец VII в. н. э.).

³ Лингвистическую сторону данной проблемы детально анализировал В. В. Напольских [8].

⁴ Не случайно В. В. Напольских счел возможным приписать И. В. Тараканову гипотезу о трех волнах нашествия «гуннов» в Волго-Камье [8. С. 38].

3. Косвенный ответ на очередной вопрос о том, с каким местным населением могли тогда вступить в соприкосновение пришлые кочевники в ареале Волго-Камья, можно извлечь из ряда опубликованных работ профессора И. В. Тараканова: «Второй период – это период появления и владычества болгар на средней (х: Средней) Волге и Прикамье (VII–XIII вв.). В это время, как известно, происходит образование Волжского Булгарского государства с его столицей Булгар, господство которого продолжалось вплоть до татаро-монгольского нашествия. <...> **Предки современных удмуртов и коми, представлявших тогда**, по всей видимости, **языковое единство**, были с ними тесно связаны и находились в политической зависимости от последних. Поэтому вполне закономерно то, что **в языке коми и удмуртов** встречается значительное количество лексических заимствований...» [13. С. 4]. Или еще: «В исследованиях, проведенных с учетом исторической фонетики пермских языков, В. И. Лыткин, а вслед за ним венгерские ученые К. Редееи и А. Рона-Таш, болгарские заимствования подразделяют на две группы. По их мнению, первая группа слов была заимствована в **прапермскую эпоху, когда коми и удмурты еще составляли единую языковую общность, что датируется VIII–IX веками**» [11. С. 129; 13. С. 30; см. также: 13. С. 4; несколько иначе: 14. С. 151]. Итак, если болгары еще в VIII–IX вв. успели контактировать с прапермянами – общими предками удмуртов и коми, то кочевые «тюркоязычные гунны», появившиеся в ареале Волго-Камья задолго до этого времени (до V в. н. э.), никак не могли застать собственно удмуртов: их еще не было, ибо они выделились из прапермской этноязыковой общности несколькими столетиями позднее (поэтому слова *удмурты* и *удмуртский* выше были заключены мною в кавычки). И «древнетюркские» (гуннские) слова могли проникнуть лишь в прапермский языковой континуум, но не непосредственно в удмуртский язык. Следовательно, древнетюркские заимствования удмуртского языка в абсолютном большинстве своем, вне всякого сомнения, должны были бы иметь соответствия и в коми языках и / или их диалектах⁵.

4. Руководствуясь тремя интра- и экстралингвистическими критериями (подробнее см. ниже), Иван Васильевич выявил в удмуртском языке 15 «бесспорных» древнетюркских заимствований⁶, это: *аксым* 'жадный, жадно', *байар* 'богатый, богач, вельможа', *гудыны* 'копать', *кобы* 'ковш', *копак* 'все, целиком, полностью', *кочыны* 'переселяться; кочевать', *куз* 'пара', *куз'ыр-маз'ыр* 'солонатово-сладкий', *кун'ан* 'теленка', *от'ыны* 'пригласить, позвать', *орак ~ ырак* 'потоком (о воздухе)', *чибык* 'ястреб, тетеревиный', *чиданы* 'терпеть, выдержать', *экэ* 'мальчик (обращение взрослых к маленьким – обычно к мальчикам)' [12. С. 30–31]⁷. Из них лишь незначительная часть имеет соответствия в коми языках:

1) удм. *байар* 'богатый, богач, вельможа' ~ кя. *бойар* (х: *бөйар*) 'богатый' [12. С. 30; 13. С. 20; 14. С. 150]. «Коми-язвинск. *бөйар* 'богатый', вероятно, тоже заимствовано из тюркских языков» [6. С. 139];

2) удм. *куз* 'пара' ~ коми *гоз* 'тж.' [12. С. 30; 11. С. 20; 14. С. 150]. В. И. Лыткин также не исключает возможности заимствования его в общепермский язык «из тюркского мира» [6. С. 139; 4. С. 77];

3) удм. *чиданы* 'терпеть, выдержать' ~ коми *чидйö-вадйö воны* 'попасть в безвыходное положение, попасть в беду', кя. *чидём* (х: *чидём*) 'зло, чувство обиды', и др. [12. С. 31;

⁵ По мнению И. В. Тараканова, даже более поздние болгарские «заимствования этой эпохи (VIII–IX вв. н. э. – В. К.) встречаются во всех пермских языках вплоть до северных диалектов коми-зырянского языка» [11. С. 129; 12. С. 33; 9. С. 30; 14. С. 153].

⁶ «...количество добулгарских заимствований незначительно – около двух десятков слов» [15. С. 24]. Это, по-видимому, с учетом и тех тюркских заимствований, которые имеют возможность претендовать на статус древнетюркских лишь во «втором эшелоне»: *бам*, *бап* 'щека, лицо, лезвие', *эш* 'друг, товарищ, напарник, спутник', *акшан* 'сумерки', *жарыт* 'бледный'. <...> «Поскольку большинство исследователей первые два слова относят к болгаро-чувашским заимствованиям, то мы пока оставили их под вопросом в списке булгаризмов» [12. С. 31–32; 13. С. 20–21; 14. С. 150–151].

⁷ В двух других работах списки содержат слово *очешыны* 'спорить, держать пари', но исключают слово *кузьыр-мазьыр* [13. С. 19–20; 14. С. 149–150].

13. С. 20; 14. С. 149–150]. Е. С. Гуляев «считает возможным, что слово пришло из тюркской среды» [6. С. 138–139; 4. С. 305].

Львиная же доля «древнетюркских» заимствований, как можно заметить, не имеет параллелей в коми языках, и они, разумеется, не могут претендовать на доудмуртскую и, следовательно, «древнетюркскую» глубину (см. также: [8. С. 39–43]). Не исключена, конечно, возможность, что рефлексy этих слов могли быть утеряны в ходе исторического развития лексики коми языков, но не у всех же 12 заимствований.

5. В отношении критериев, с помощью которых возможно отграничение древнетюркских заимствований удмуртского языка от поздних болгарских и татарских, И. В. Тараканов пишет: «Основанием для выделения добулгарского слоя лексики служат: а) сохранение древнетюркских звуков *Ö, A, E* в удмуртском языке, которые в современных чувашском, татарском и башкирском языках сузились в процессе их исторического развития и перешли в различные звуки: $\ddot{o} > y$, $a > ä^8$, $\varepsilon > u$, претерпевших определенные изменения в поволжско-тюркских языках; б) общенародный характер функционирования указанных тюркизмов в удмуртском языке; в) отсутствие некоторых из них в современных волжских тюркских языках и наличие их в то же время в других азиатских тюркских языках – уйгурском, казахском, киргизском, чагатайском (староузбекском) и монгольском» [12. С. 29–30; 13. С. 18–19; 14. С. 147–148].

На проверку же эти критерии оказываются не всегда надежными:

1) в фонетическом отношении удмуртские *ö* и *э* тюркских заимствований могут восходить, по данным того же самого автора, даже в одном и том же слове (!) – как к древнетюркским **ö* и **e*, так и к татарским *y* (< **ö*) и *u* (< **e*), ср.: (1) удм. *кöчыны* 'переселиться и др.' < др. тюрк. **кöч* 'передвигаться, кочевать' [9. С. 20] ↔ *кöчыны* < тат. *к үченү* (х: *күчү*) 'переселиться и др.', *öксыз* < тат. *үксез* 'сирота', *шөрлык* < *шүрлек* 'полка' и т. д. [13. С. 116]; (2) удм. *экэ* 'мальчик' < др. тюрк. *эке, еке* 'отец, старший брат и др. (звательная форма)' [13. С. 19] ↔ удм. *эсэн* < тат. *исэн* 'желание, намерение', удм. *эрке* < тат. *иркэ* 'изнеженный, избалованный', *ез* 'провокола' < тат. *эяз* 'латунь, желтая медь' и др. [13. С. 119–120]. Кроме того, автором не учтена возможность исторического изменения фонем на базе самого удмуртского языка. В частности, гласная фонема 1-го слога *o* в словах *кобы* 'ковш' (< др. тюрк. **qova* 'ведро, бадья'), *копак* 'полностью, целиком' (< др. тюрк. **qor* 'весь, все, всё') [13. С. 19; 15. С. 83] не могла быть первичной, в противном случае она в ранний праудмуртский период (около XIV–XV вв.) изменилась бы в *y* [2; 3. С. 37] и в современном удмуртском языке мы имели бы формы типа *кубы*, *купак*. Следовательно, эти слова не могут быть возведены к вышеуказанным древнетюркским словам с корневым **o*;

2) весьма сомнительно и «общенародное» распространение таких «древних тюркизмов» из списка И. В. Тараканова, как *аксым*, *байар*, *чибык*: первое слово имеет ярко выраженный южноудмуртский характер, два последних впервые отмечены лишь в УРС 2008 [12] с пометой *диал.* (не исключена возможность позднего заимствования их из работ И. В. Тараканова);

3) отдельные «древнетюркские заимствования» имеют параллели также и в тюркских языках Урало-Поволжья: *кöчыны* 'переселиться и др.' < тат. *күчү*, башк. *күсәү*), *чиданы* 'терпеть, выдержать и др.' < др. тюрк. *čidim*, ср. тат., кирг., тур., ойр. *чыдам*, казах., тув. *шыдам*, хак. *сыдам*, чув. *чйдай* 'терпеть, выдержать, переносить' [15. С. 85, 143] и др. И нет никаких – ни фонетических, ни лингвогеографических – оснований относить их к «древнетюркским» заимствованиям, а не к поздним татарским.

К тому же автор нередко не считает нужным аргументировать свое мнение – он высказывает его как аксиому: «Что же касается этимологии слов *кыдал* 'накал, закалка', *чутал* 'хромать', *маял* 'закваска', *вужер* 'тень', представленных В. И. Алатыревым <...> как древнетюркское наследие, то они, **как нам представляется**, проникли в удмуртский язык в болгарскую эпоху, если, конечно, все являются тюркизмами» [13. С. 20]. (На всякий случай

⁸ Правда, в случае с $a > ä$ имеем дело не с «сужением», а палатализацией.

– болгаризмы, хотя еще и не вполне ясно, тюркизмы ли они вообще.) Почему автору так представляется, читателю, конечно, невдомек.

6. Древнетюркские заимствования в пермских языках (в удмуртском языке) в принципе возможны, однако тот состав их, который был выявлен И. В. Таракановым и представлен в ряде его публикаций, вызывает серьезные сомнения. Следовательно, они нуждаются в исследовании с помощью более строгих и достаточно представительных интра- и экстралингвистических методов, с учетом более репрезентативного набора их дифференциальных признаков, с предельным использованием аргументов *pro et contra*, с четким и непротиворечивым изложением результатов своих изысканий.

Условные сокращения языков и диалектов

башк. – башкирский; *др. тюрк.* – древнетюркский; *казах.* – казахский; *кирг.* – киргизский; *кя.* – коми-язьвинский диалект; *ойр.* – ойратский; *тат.* – татарский; *тув.* – тувинский; *тур.* – турецкий; *удм.* – удмуртский; *хак.* – хакасский; *чув.* – чувашский.

Литература

1. *Алатырев В. И.* К вопросу о древнетюркских заимствованиях в пермских языках // Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязях с языками и литературами народов СССР: Тез. докл. всесоюз. науч. совещ. финно-угроведов 27–30 октября. Ужгород, 1977.
2. *Бубрих Д. В.* К вопросу о пермском вокализме // Бюллетень Ленингр. об-ва исследователей культуры финно-угорских народностей. Л., 1929. № 4. С. 18–19.
3. *Кельмаков В. К.* К вопросу о «двух о» в праудмуртском языке // СФУ. 1978. № 1 (XIX). С. 20–40.
4. *КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка / АН СССР. Ин-т языкозн.; Коми филиал. М.: Наука, 1970.
5. *Лыткин В. И.* О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1951. Вып. 4 (X). С. 385–392.
6. *Лыткин В. И.* О древнетюркских элементах в лексике пермских языков // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV / АН СССР. Ин-т языкозн. Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия. 1967. С. 131–142.
7. *Лыткин В. И.* Пермско-иранские языковые контакты // ВЯ. 1975. № 3. С. 84–97.
8. *Напольских В. В.* О «древнетюркских» заимствованиях в удмуртском языке // Финно-угроведение. 1995. № 3–4. С. 38–50.
9. *Насибуллин Р. Ш.* Динамика русских заимствований в удмуртском языке дооктябрьского периода // Вестник Удмуртского университета. 1995. № 5. С. 38–44.
10. *Насибуллин Р. Ш.* Категориальные и морфологические отношения заимствованных слов из русского языка // Вордскем кыл. 1998. № 5. С. 36–43.
11. *Тараканов И. В.* О болгарских заимствованиях в удмуртском языке // Труды Чув. НИИ. Чебоксары, 1980. Вып. 97: Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. С. 127–136.
12. *Тараканов И. В.* Иноязычная лексика в современном удмуртском языке: Учеб. пособие по лексикол. удмурт. языка для студентов высших учебных завед. / Удм. гос. ун-т. Каф. удм. яз. и лит. Ижевск, 1981.
13. *Тараканов И. В.* Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск: Удмуртия, 1982.
14. *Тараканов И. В.* Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка // Материалы по этногенезу удмуртов: Сб. статей / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1982. С. 145–175.
15. *Тараканов И. В.* Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (Теория и словарь). Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993.
16. *УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь: Около 50 000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 2008.*
17. *Csúcs S.* A votják nyelv orosz jövevényszavai. I // NyK. 1970. № 2 (LXXII). 323–362 old.; II // NyK. 1972. № 1 (LXXIV). 27–47 old.
18. *Csúcs S.* Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990.
19. *Munkácsi B.* Votják nyelvtanulmányok // NyK. 1884. 18. 35–155, 428–447 old.
20. *Wichmann Y.* Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903.

Н. В. Кондратьева

Удмуртский государственный университет

СИСТЕМА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПАДЕЖЕЙ В СОВРЕМЕННОМ УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию семантической структуры пространственных падежей и выявлению их дистрибутивной нагрузки в системе современного удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, пространственные падежи, инессив, иллатив, элатив, аппроксиматив, эгрессив, пролатив, терминатив, аппроксиматив.

Natalya Kondratieva

Udmurt State University

SYSTEM OF SPATIAL CASES IN MODERN UDMURT LANGUAGE

The article deals with the study of spatial cases semantic structure and their distributive peculiarities in the modern Udmurt language system.

Keywords: Udmurt language, spatial cases, inessive, illative, ellative, egressive, prolative, terminative, approximative.

Система склонения современного удмуртского языка представлена 15 членами падежной парадигмы, среди которых разграничиваются субъектно-объектные и пространственные падежи. В рамках литературного языка к последним относятся инессив (местный), иллатив (входный), элатив (исходный), эгрессив (отдалительный), пролатив (переходный), терминатив (предельный) и аппроксиматив (направительный). В удмуртских диалектах спектр локативных падежей варьируется от 6 до 13: в частности, во многих периферийно-южных и некоторых южных говорах количество падежей имеет тенденцию к сокращению за счет замещения аппроксимативных форм послеложными конструкциями (см. об этом: [1. С. 117]): удм. лит.: *гуртлань* 'в сторону деревни, по направлению деревни' > кукм.: *гурт пала* 'в сторону деревни, по направлению деревни'. В отдельных северных говорах и бесермянском наречии, напротив, количество пространственных падежей увеличилось за счет «возникновения новой серии приблизительно-местных форм с приметой *-н'* (< *дин'* - 'у, около, при, возле'), препозитивно присоединяемой ко всем первичным пространственным падежным формантам, за исключением аппроксиматива» [1. С. 118]. Как отмечает Л. Л. Карпова, новые падежные формы употребляются только с ограниченным количеством лексем: «в основном их используют применительно к одушевленным именам, выражающим человека, лицо: *нлььдн'э* 'к твоей дочери', *пийэзн'ьс'* 'от его сына' и др.» [2. С. 61].

Пространственные падежи в удмуртском языке имеют различную дистрибутивную нагрузку. В целях выявления частотности их употребления в литературном языке было проведено специальное исследование, источником материалом для которого стали художественные тексты современных авторов Н. Самсонова, Г. Перевощикова, С. Матвеева, Р. Хайдарова, Е. Загребина и Л. Нянькиной. В ходе исследования, проведенного методом сплошной выборки, были получены следующие результаты:

1. В современном удмуртском языке максимальной дистрибутивной нагрузкой (45, 12 % от общего количества локативных форм) обладает местный падеж, указывающий в самом общем значении на место пребывания, совершения действия или на место, где выявляются состояние или признаки субъекта действия: *Глафира Степановна кухняын йёл шунтйз* [3. С. 105]. 'Глафира Степановна вскипятила на кухне молоко'. Локальное значение, передаваемое данной падежной формой, может быть как конкретным, так и абстрактным: *Сюанзы ресторанын вал* [4. С. 77]. 'Свадьбу справили в ресторане'. Ср.: *Укыргес но яратоньн уг удалты тыныд* [4. С. 128]. 'Особенно не везет тебе в любви'. В отличие от прибалтийско-финских языков, где для выражения внешне-местных и внутренне-местных

пространственных координат участвуют различные падежные формы, удмуртский инессив может актуализировать любые локальные характеристики: а) указание на внешнее пространство или на место, характеризующееся отсутствием четких физических границ: *Урамын кузёяське бер сйзбыл* [4. С. 73]. 'На улице уже поздняя осень'; б) указание на нахождение на поверхности вертикального пространства: *Борддораз шпалер-мар лякылэмын өвёл* [4. С. 33]. 'На стенах нет обоев'; в) указание на пространство, внутри которого находится другой предмет или внутри которого совершается действие: *Кафе-барын дискотекаос ортчыло* [5. С. 143]. 'В кафе-баре проводятся дискотеки'; г) указание на место со сплошной средой: *Малы улэп адями тузон-дэриын ортчытэ улон даурзэ* [5. С. 164]. 'Почему живой человек проводит свой век в пыли и грязи'; д) выражение «геометрико-событийного» (см. об этом: [6. С. 201]) пространства: *Спектакльын Одотья нырулыса пукиз* [4. С. 29]. 'Во время спектакля Авдотья дремала' и др.

Кроме вышперечисленных значений удмуртский инессив используется для выражения темпоральных отношений: *1956 арын бер сйзбыл бертиз Васьлей но* [3. С. 218]. 'В 1956 году поздней осенью возвратился и Василий'; а также может указывать на профессию, род занятий: *Вань улонзэ токарьын ветлэм воргорон ужтэк кылем* [7. С. 246]. 'Мужчина, проработавший всю свою жизнь токарем, остался без работы'.

2. Высокая дистрибутивная нагрузка характерна для входного и исходного падежей. В этом случае форма иллатива (16, 83% от общего количества локативных форм) в самом общем значении указывает на направление движения, в сторону которого протекает действие: *Та малтанъёсын лавкае пыри* [4. С. 134]. 'С такими мыслями я зашла в магазин'; а форма элатива (30, 24%) указывает на направление, от которого, с поверхности которого или из внутренних пределов которого начинается, исходит движение: *Собере потйм ми та магазиньсь* [5. С. 64]. 'Потом мы вышли из этого магазина'. Как и в предыдущем случае, данная пара падежей участвует в выражении как инклюзивных, так и эксклюзивных локальных отношений. Следует однако заметить, что использование элативных форм почти вдвое превышает частотную дистрибуцию иллатива, что связано с более широкими семантическими возможностями удмуртского элатива: в частности, помимо локальных и темпоральных значений исходный падеж может выражать причинно-следственные отношения: *Но со мучолоьсь, сисьмем картофкаьсь, сурон сапегьсь, пумтэм-йылтэм кылтышьёсьсь өз сайка-а солэн сюлэмтэм вამышез* [8. С. 411]. 'А не из-за этой ли тряпки, сгнившей картошки, кирзовых сапог, бесконечных упреков он совершил свой бессердечный поступок'; атрибутивные отношения: *Но тани Лозовырысь пересь Ондрей султйиз* [8. С. 617]. 'Но вот поднялся старый Андрей из деревни Лозовыр'; указывать на источник получения информации или источник/материал изготовления предмета, вещи: *Та сярьсь мон книгаьсь тодй* [3. С. 14]. 'Об этом я узнал из книги'; *Со кеньырысь шыд пöзтьй* [3. С. 78]. 'Из этой крупы я сварила суп'. Последнее значение, однако, в современном литературном языке имеет явно выраженную тенденцию к оформлению аблативными формами: *Со корка пуктйиз. Пеноблоклэсь* [4. С. 100]. 'Он построил жилой дом. Из пеноблока'; *Кунын сйльлэсь шашлык яратйсько, шуэ* [9. С. 104]. 'Люблю, говорит, шашлыки из молодой говядины'.

3. Функциональная нагрузка предельного, отдалительного и переходного падежей в общей совокупности составляет не более 9% от общей представленности пространственных падежей в системе современного удмуртского языка. Так, основной семантической ролью удмуртского пролатива (2, 68% от общего количества локативных форм) является указание на место / способ передвижения, которое может происходить на разных типах поверхности или через внутреннее пространство: *Вахтерен возматэм өсэти пыриз – нокин өвёл* [3. С. 14]. 'Он зашёл через двери, которые показал вахтер, но [в комнате] никого не было'. Как показывают примеры из художественной литературы, основной семантической ролью переходного падежа в удмуртском языке является выражение значения 'маршрута': *Горький урамысь Советскоетй мыныса, Пушкинское потйм* [3. С. 326]. 'Пройдя по Советской улице, мы вышли с улицы Горького на Пушкинскую'. Также удмуртский пролатив может выражать значение 'проход', актуализирующий движение через / сквозь внутрен-

нее пространство ориентира. В данном случае «акцент делается не на том, что ориентир задает траекторию движения (хотя в ряде употреблений этот компонент также присутствует), а на том, что ориентир является промежуточным этапом, в результате движения объект выходит из границ ориентира» [10. С. 40]: *Усьтэм ёсэмй шоро-куспо арлыдо пиосмурт пыриз* [9. С. 153]. ‘Через распахнутую дверь вошел мужчина средних лет’. Пространственное значение ‘сцена’ связано с обозначением «ориентира-участка пространства, который не задает строго траекторию движения, а только включает ее в себя, т. е. дает указание на то, где происходит движение» [10. С. 40]. В этом случае имена существительные, маркированные пролативными суффиксами, чаще всего в своей структуре имеют показатели множественного числа. Последние привносят в содержание высказывания указание на рассредоточенность действия в пространстве: *Дас вить ар общежитиосмй костаськыса ветлоно луйськыз* [4. С. 134]. ‘Пятнадцать лет пришлось скитаться по общежитиям’. Периферийные значения семантической зоны пролатива, как правило, образуются путем грамматикализации. Динамика их семантического развития в удмуртском языке, как и в большинстве других языков, определяется результатом метафоризации пространственного компонента – функциональной идеей соответствия, способствующей актуализации посредством пролативных показателей значения ‘точки приложения’ (см. об этом: [10. С. 47]), в частности, в сочетании с глаголами, обозначающими касание, соприкосновение, контакт, имена существительные в форме переходного падежа чаще всего указывают на предмет касания: *Со монэ суйтйым кырмиз* [4. С. 162]. ‘Она схватила меня за руку’. В ряде случаев ‘точка приложения’ может иметь пространственную протяженность: *Со сюрлыетмйз жыныё каремын* [11. С. 59]. ‘Вдоль позвоночника он разделен на две половинки’.

Отдалительный (2,92% от общего количества локативных форм) и предельный (1,74% от общего количества локативных форм) падежи являются более частным выражением пространственных значений. Невысокая дистрибутивная нагрузка данной пары падежей, по-видимому, объясняется интралингвистическими факторами: «Указание на начальный и конечный пункты траектории предполагает более полное знание о движущемся объекте; кроме того, оно более уместно в тех случаях, когда предметом обсуждения являются цели, намерения и в целом состояние сознания (активных) участников ситуации» [12. С. 219]. Таким образом, в отличие от элатива, основной семантической функцией эгрессива является указание на начальный пункт траектории движения (в пространстве или во времени): *Мон тодйсько, сое ресторанысен Оля лушказ* [4. С. 21]. ‘Я знаю, что его (лотерейный билет) украла Оля в ресторане’; *Соин ик Пельгалан Виль арысен мунчозы уг ужа ни* [8. С. 691]. ‘Поэтому в деревне Пельга баня перестала работать с Нового года’. Падеж терминатив, напротив, указывает на конечный пункт траектории движения (в пространстве или во времени): *Нош маин райцентрозь мынод?* [4. С. 74]. ‘А на чем доберешься до райцентра?’; *Кызы ке гужемозь коть возиськоно вылэм* [7. С. 203]. ‘Продержаться бы как-нибудь до лета’.

4. Как показали результаты исследования, минимальная функциональная нагрузка характерна для падежа аппроксиматив (0,47%). Основной семантической ролью данной падежной формы является выражение направления движения (в пространстве или во времени): *Озы ке но, гуртлань сётйськыны өз дырты – центре вуыса, тымет дуре васькыз но нуназе палозь ярдуртй калгиз* [8. С. 373]. ‘Несмотря на это, он не спешил домой (букв. в сторону дома): добравшись до центра, он спустился к пруду и до обеда бродил по берегу’; *Южтолэзьлэн кутсконаз ик гужемлань кариськыны шотам шунды котыр вырйыльёсысь лымыез син кустын нюлыштйз но, колхоз контораен школа вискысь мувыр кытй-мартй шупектйз* [8. С. 547]. ‘Уже в начале марта весеннее (букв. клонившееся к лету) солнце моментально растопило снега на пригорках, земля между конторой и школой просохла’. Особенностью функционирования удмуртского аппроксиматива является то, что в отличие от предельного падежа, динамическое действие здесь ориентировано не по конечному пункту, а по направлению движения. Иными словами, именно направление движения является характеристикой маршрута, в связи с этим «указание на конкретный

ориентир встроено в значение ориентационного показателя и выражается совместно со значением локализации» [12. С. 213]: *Собере соос городлань кошкызы* [7. С. 133]. 'Потом они направились в сторону города'. Низкая дистрибутивная нагрузка направительного падежа в современном удмуртском языке продиктована широкой употребляемостью послеложных конструкций в данном значении: *Соин ик шур пала вамыштійсько* [5. С. 81]. 'Поэтому я направляюсь к реке'; *Юртъерьёс доры вамыштій* [5. С. 82]. 'Я направились в ту сторону, где стояли дома'.

Учитывая вышеперечисленные семантические значения, выражаемые пространственными падежами в современном удмуртском языке, становится очевидным, что при описании локальных отношений наиболее релевантными оказываются три подсистемы: ситуативные, топологические и эгоцентрические отношения (см. подробнее: [13]). Так ситуативные пространственные отношения передают сам тип процесса, включая оппозицию статической и динамической локализации. С этой точки зрения в современном удмуртском языке только местный падеж обладает статическими характеристиками, все остальные падежные формы направлены на выявление особенностей динамической локализации. С точки зрения характеристик динамической локализации выделяются «точные» и «неточные» локализации, где под неточными локализациями подразумеваются «различные способы указания на направление движения – в отличие от указания на конечный (или начальный) пункт траектории» [12. С. 219]. В этом отношении система склонения удмуртского языка в одну парадигму объединяет показатели абсолютной и относительной ориентации. Так значения точной локализации чаще всего выражают предельный и отдалительный падежи: *Нош Нылгаласен Вавожозь кыдёкын-а?* [3. С. 177]. 'Далеко ли от Нылги до Вавожа?'. Остальные динамические падежные формы ориентированы на выражение неточной локализации, однако при наличии дейктических и / или квалитативных / квантитативных характеристик локализаторов они также могут выражать точную локализацию: *Ужысь бертыкум, «Удмуртия» кинотеатре кожи* [4. С. 147]. 'Когда я возвращалась с работы, по пути зашла в кинотеатр «Удмуртия»'.

Топологические отношения являются центральными среди языковых пространственных отношений и отражают свойства хронотопа, специфику его обозначения локализаторами, диалектику пространственных и объектных характеристик, оперируя при этом такими базовыми понятиями, как близость двух объектов, их контакт, включенность друг в друга и др. В этом отношении формы пространственных падежей в удмуртском языке актуализируют место локализации, пункты установления или прекращения локативных отношений, начальную или конечную точку движения, направление, маршрут, преодолеваемое пространство и др. Как показывают примеры из художественной литературы, все пространственные падежи в системе удмуртского языка, за исключением аппроксиматива, способны выражать как инклюзивное значение, т. е. обозначение направления к пространственному пункту с заходом в него, так и – эксклюзивное, т. е. обозначение движения к пункту без захода, например: *Начальниксэ со, котьку сямен ик, гуртояз келяз* [8. С. 349]. 'Начальника он как обычно проводил до дома'. Ср.: *Тіни сопал сэргозь ветло на, собере нош ик кёня ке шутэтско* [3. С. 299]. 'Я дойду до того угла, а потом снова передохну'; *Нюлэскы Олёна пыдын ветлэ* [3. С. 40]. 'В лес Алёна ходит пешком'. Ср.: *Кишлаке иськем ёросо вуытэкгес, бронетранспортёрёс дугдйзы* [8. С. 433]. 'Не доезжая до кишлака около километра, бронетранспортеры остановились'. При выражении абсолютной локализации в структуре предложения могут присутствовать две или более именные формы, маркированные показателями пространственных падежей. Выражение локализации в этом случае чаще всего происходит от более общего к частному: *Районысьтымы ик Юбергуртысь нылаш вылэм* [9. С. 15]. 'Оказалось, что она девушка с нашего же района из деревни Юбергурт'; *Татын, гуртысьтымы школаын дышетскыкуз, нодтэм но нёзь шуыны выро вал* [9. С. 37]. 'Когда он учился здесь, в нашей деревенской школе (букв. в школе из нашей деревни), его считали несмышлёным и бессердечным'. Использование в структуре предложения более одной лексемы, маркированной формантами

пространственных падежей, характерно также в случае выражения одной и той же падежной формой различных семантических функций: *Со Сибирьысь вуэм бераз селовысь вукое мельнике медьяськиз* [9. С. 36]. 'Когда Беков вернулся из Сибири, он вскоре устроился мельником на мельницу'. В зависимости от сочетания пространственных падежей в структуре предложения различные падежные формы могут выражать протяженность, длительность, бесконечность, границу, расстояние, размерность, путь объекта при его передвижении, статическое местоположение объекта в пространстве и др.

При выражении эгоцентрических отношений говорящий является тем ориентиром, относительно которого в высказывании ведется отсчет времени и пространства. С этой точки зрения для системы удмуртского языка значимой является локализация субъекта действия с точки зрения удаления или приближения к наблюдателю. Как показали примеры из художественной литературы, в зависимости от семантической характеристики вербальной единицы и наличия / отсутствия дейктических элементов в тексте, все пространственные падежи (за исключением инессива) могут актуализировать как значение приближения (движение по направлению к кому / чему-либо) или удаления (движение откуда-либо) от дейктического центра, так и значение движения как такового (идти, двигаться): *Со кустын Ишан кухняям мынйз но чайникез газ вылз пуктйз* [4. С. 153]. 'В это время Ишан (имя героя произведения) пошла на кухню и поставила чайник на газовую плиту'. Ср. *Нош малы ке Валя картэз дорысь анаезлэн юртаз вож нуныен бертйз* [4. С. 78]. 'Но почему-то Валя вернулась от мужа в отцовский дом (букв. дом матери) с младенцем на руках'.

К синтагматическим характеристикам пространственных падежей в удмуртском языке следует отнести способность словоформ, содержащих в своей структуре морфологические маркеры субъектно-объектных падежей, присоединять суффиксы пространственных падежей: *Тодьы кеч уго милям бакчамы пыр гидкуамы доры лыктэ, бускель Петыръяслэнти* (Gen+Prol) *малы ке но уг ветлы* [14. С. 345]. 'Заяц начал приходить к нашему хлеву через наш огород, через [огород] Петра он почему-то не ходил'. В свою очередь, формы, содержащие в своей структуре суффиксы пространственных падежей, могут присоединять морфологические маркеры субъектно-объектных падежей: *Ярам, ёкнаозьды* (Term+Dat) *татчы карьяськоно луоз шуыса, кин но со кунокуа утчано кариськиз* [9. С. 36]. 'Руководствуясь мыслью о том, что придется здесь оставаться до утра, некоторые начали искать место для ночлега'.

Еще одной особенностью системы склонения удмуртского языка является способность присоединения суффикса *-гес* к словоформе, маркированной падежными суффиксами. В структуре имен прилагательных и наречных форм данный суффикс является компаративным маркером, однако в случае дистрибуции суффикса *-гес* в структуре имени существительного указанная словоформа приобретает дополнительный модальный оттенок и / или значение мультипликативности: *Сюанмы ресторанынгес луоз, дыр* [4. С. 76]. 'Скорее всего, наша свадьба состоится в ресторане'. *Кыдёке мон ой уя. Тйни со мур интыынгес бергай, – кыныз возьматйз со* [14. С. 363]. 'Я далеко не заплывала. В основном в том глубоком месте плавала, – показала она рукой'. *Милям – удмуртьёслэн – лыдйисьёсмы гуртьёсынгес уло* [7. С. 158]. 'У нас, у удмуртов, читатели большей частью проживают в деревнях'.

Таким образом, система удмуртского языка в выражении локативных отношений широко использует как лексические (глаголы движения и позиции, указательные местоимения, наречия, имена существительные и др.), так и грамматические языковые средства. К последним наряду с послелогом относятся и формы пространственных падежей (а также ряд субъектно-объектных падежей), выражающие локальные отношения с его многочисленными разновидностями: например, пространство человеческих отношений, физическое пространство, психическое пространство, временной отрезок, нахождение в пространстве класса или множества и др. (см. об этом подробнее: [15]). Каждая падежная форма и / или их сочетание актуализирует свою семантику пространственных координат.

Список сокращений

кукм – кукморский диалект

Dat – датив

Gen – генитив

ProI – пролатив

Term – терминатив

Литература и источники

1. *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография / Удм. гос. ун-т. Каф. общего и финн.-уг. языкозн. Ижевск: Изд-во удм. ун-та, 1998.
2. *Карпова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005.
3. *Самсонов Никвлад. Агбай:* Веросьёс, повестьёс, роман. Ижевск: Удмуртия, 1996.
4. *Нянькина Л. С.* Ваёбыж кар: Веросьёс, повесть. Ижевск: Удмуртия, 1996.
5. *Матвеев С. В.* Чорыглэсь лушкам кылбуранъёс: Роман-уйбыртон. Ижевск: Удмуртия, 2005.
6. *Селиверстова О. Н.* Семантическая структура предлога *на* // Исследования по семантике предлогов: Сб. ст. М.: Русские словари, 2000. С. 189–242.
7. *Перевозицков Г. К.* Шелеп: Повестьёс, верос. Ижевск: Удмуртия, 2004.
8. *Перевозицков Г. К.* Сюлэмтэм дунне: Романъёс, повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1997.
9. *Хайдар Р. О.* Ачим: Веросьёс, юморескаос, скетчъёс. Ижевск: Удмуртия, 1999.
10. *Ганенков Г. Д.* Типология падежных значений: семантическая зона пролатива // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира / Ред. В. А. Плунгян. М.: ООО «Русские словари», 2002. С. 35–56.
11. Ингур: Удмурт фольклоръя лыдзет: Шор ёзо школаослы / Люказ, радъяз но валэктонъёссэ гожтүз Т. Г. Владыкина. Ижевск: Удмуртия, 2004.
12. *Плунгян В. А.* К типологии глагольной ориентации // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. Дубна: Международный ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. С. 205–223.
13. *Невская И. А.* Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка): Автореф. дис... д-ра филол. наук. Новосибирск, 1997.
14. *Загребин Е. Е.* Тулыс зор: Пьесаос, веросьёс / Послесловиез А. Г. Шкляевлэн. Ижевск: Удмуртия, 1997.
15. *Селиверстова О. Н.* Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.

О. М. Лашкевич

Удмуртский государственный университет

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ АНГЛИЙСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО ОБУЧЕНИЯ

Словообразовательные процессы в различных стилях современного английского языка претерпевают значительные изменения. Появление новых лексических единиц требует не только их тщательного изучения, но и применения их анализа в процессе обучения студентов на языковом факультете.

Ключевые слова: словообразование, аббревиация, словослияние, неологизм, модели словообразования.

Olga Lashkevitch

Udmurt State University

ACTIVE PROCESSES IN ENGLISH WORD-BUILDING AND THE PROBLEMS OF LANGUAGE TEACHING

Word-building processes in different styles of modern English have undergone various important changes. The appearance of new lexical units requires both their thorough investigation and analysis of usage for the needs of students of English.

Keywords: word-building (word-formation), abbreviation, blending, neologism, patterns of word-building.

Тенденции развития английского языка во второй половине XX в. вносят некоторые поправки в наши привычные представления о том, как и по каким моделям создаются новые лексические единицы. Наряду с традиционно выделяемыми типами словообразования, такими как аффиксация, словосложение, усечение и конверсия, все большее распространение получают лексические новообразования по типу слов-слитков (*blending* в англоязычной терминологии), слова-аббревиатуры и различные смешанные типы лексических единиц. Помимо того, что увеличивается количество слов, образованных по новым моделям, происходит и своего рода перераспределение значимости различных словообразовательных типов в системе. Новые словообразовательные модели оказываются более активными в формировании определенных стилистических пластов современного английского языка, что весьма важно при обучении переводу специализированных текстов.

Наиболее отмеченными с этой точки зрения являются научный стиль (жанры научно-технический, военный и медицинских технологий), стиль рекламы и публицистический стиль. Вполне понятны внеязыковые причины бурного развития этих жанров. Не менее понятны и требования к новым лексическим единицам: краткость в передаче информации, сжатость самой информации, удобопроизносимость, а также способность участвовать в словоизменительных парадигматических отношениях при построении речевых произведений.

Этим требованиям вполне отвечают лексические единицы, образованные по моделям словослияния и аббревиации.

Словослияние – процесс соединения двух (а иногда и более) слов без учета их морфологической структуры и основанный большей частью на созвучии или благозвучии соединяемых частей. Аббревиация – процесс образования слов путем соединения сокращенных начальных элементов (букв или морфем) словосочетания. И в том, и в другом случае нарушается морфологическая структура слова и его семантическая «прозрачность».

Словослияние (контаминация, стяжение, телескопия – терминология не устоялась) рассматривается многими лингвистами как редкий тип словообразования, объединяющий словосложение и сокращение. Слова типа *motel* < *motor* + *hotel*, *brunch* < *breakfast* + *lunch*, *transistor* < *transmit* + *resistor* и мн. др. образованы путем соединения частей морфем в сложную, хотя иногда и уподобленную одноморфемной, лексическую единицу.

Действительно, налицо сходство и со словосложением, так как соединяются элементы двух слов, и с сокращением, т. к. оба соединяемых слова оказываются сокращенными до нескольких букв. Полученное таким способом новообразование отвечает двум требованиям языка к номинации – цельноформленности и компактности языковых средств. Большое распространение слова-слитки приобрели в военной терминологии, в технике, в медицине и некоторых других областях науки, где важна компактная передача информации.

Семантические отношения между частями образованного таким образом слова не ограничиваются лишь значением «смесь», «комбинация» чего-либо. Существуют и слова-слитки, в которых один компонент является определением другого. В словарных дефинициях, как правило, присутствуют в полном виде оба исходных слова. В семантическом плане эти компоненты часто оказываются равнозначными, а порядок их соединения в одном слове может определяться исключительно формальными признаками, таким, например, как созвучие начальных и конечных элементов. Так возникло слово *astrionics* (*electronics applied to astronauts*). Только в этой форме данное образование приобретает форму слова. *Bionics* (*study of the anatomy and physiology of animals as a basis for new or improved electronic devices, systems*). По форме слова можно предположить, что оно означает отрасль биологии, в которой применяются методы электроники. Однако словарная дефиниция говорит об обратном: это электроника, пользующаяся результатами биологических исследований. Ясно, что и в этом случае форма слова определяется скорее благозвучием, чем семантической ролью компонентов. Тем не менее нельзя не отметить, что при образовании слов-слитков закон порядка слов современного английского языка проявляет свою силу в большинстве случаев: а именно последующий компонент является семантически ведущим, а предыдущий – зависимым. Например: *stagflation* < *stagnation* + *inflation* – это все-таки *инфляция* (второе слово), основанная на *застое производства* (первое слово), а не наоборот; *guesstimate* < *guess* + *estimate* – значит «оценивать» (второе слово) «приблизительно, по догадке» (первое слово).

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что образованные посредством слияния слова обладают семантической глобальностью и формальной цельноформленностью. При этом морфологическая структура оказывается в той или иной степени затемненной. Происходит своего рода деморфологизация, а вследствие этого и деэтимологизация слова. Новый языковой знак оказывается немотивированным или приобретает ту произвольность, о которой говорил Фердинанд де Соссюр.

В целом можно утверждать, что образование новых слов путем слияния фрагментов слов – словослияние – на современном этапе развития английского языка является активным процессом: все большее количество новых лексических единиц образуется таким способом в различных стилях речи. Однако нельзя не признать и некоторую необычность подобных образований, что придает им дополнительную экспрессивность. Это качество слов-слитков делает их широко используемыми в рекламных текстах, где они предназначены для привлечения внимания читателя. Поэтому многие из них остаются окказиональными и не входят в основной словарный состав языка. Деморфологизация структуры слова и, следовательно, затемнение его этимологии делают данные единицы особенно сложными для перевода.

Этими же характеристиками отмечен и другой словообразовательный процесс – аббревиация. Аббревиатуры определяются как «...слова, составленные из сокращенных начальных элементов (морфем) словосочетания или образованные путем сложения начальных букв слов или начальных звуков» [1. С. 27]. Многие лингвисты отмечают, что аббревиация – самый субъективный, самый искусственный способ словообразования среди всех способов, известных языку. Так же, как и для словослияния, для аббревиации характерны вариативность и окказиональность, затемненность этимологии.

При образовании аббревиатур действуют те же фонотактические законы, что и при образовании слов-слитков. В зависимости от того, насколько последовательно применяются эти законы, происходит или не происходит уподобление новообразования слову. Удачные

аббревиатуры закрепляются в языковой системе за счет фонетического уподобления слову, включения их в словоизменительную парадигму и словообразовательную систему.

Так, например, аббревиатуры участвуют в словообразовании при аффиксации: *AWOL* (*absent without official leave*) > *Awolism*, *RAF* (*Royal Air Force*) > *Rafer*, *ex-Rafer*; *UNESCO* > *Unescan*.

Аббревиация как способ словообразования особенно распространен в военной и технической литературе. Однако, как показывает материал исследования, аббревиатуры функционируют и в других стилях речи: в социальной- политической литературе и даже разговорной речи.

Анализ двух типов словообразования, приобретающих все большую продуктивность в современном английском языке, позволяет предположить, что деморфологизация и частичная деэтимологизация новых лексических единиц способствует процессу вторичной номинации и возникновению новых «немотивированных» морфем. Эти процессы настоятельно требуют дальнейшего изучения как с точки зрения собственно лингвистики, так и с позиций преподавания английского языка как иностранного.

Известно, что все новое и необычное в иностранном языке привлекает особое внимание тех, кто этим языком интересуется. Поэтому описанные выше лексические единицы оказываются в центре интереса студентов, изучающих английский язык как «инструмент своей профессии». Сравнение таких единиц с аналогичными в родном языке, или в русском, нахождение подобий и различий всегда можно только приветствовать. Однако при таком повышенном интересе есть опасность чрезмерного увлечения в использовании новых, еще не устоявшихся лексем в речи, что может оказаться довольно странным и с точки зрения стиля речи, и с точки зрения узуса и нормы. Поэтому следует предупреждать чрезмерность в употреблении неологизмов любого типа. В то же время изучение, анализ описанных лексем, их сравнение с лексическими процессами в других языках являются превосходным средством повышения мотивации языкового образования, а также отличным способом усиления интереса к языковедческому исследованию.

Литература

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1968.
2. *Заботкина В. И.* Новая лексика современного английского языка. М., 1989.
3. *Кубрякова Е. С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира. М., 1988.
4. *Adams V.* An Introduction to Modern English Word-formation. London, 1983.
5. *Dubenets E. M.* Modern English Lexicology. Theory and Practice. М., 2002.

О. А. Мельничук, А. М. Барчахова
Якутский государственный университет

**СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОГЛАСОВАНИЯ ГЛАГОЛА
В КОЛИЧЕСТВЕННО-ИМЕННОМ СЛОВСОЧЕТАНИИ
(на материале русского и французского языков)**

Несмотря на то, что и в русском и во французском языках существуют грамматические правила согласования сказуемого в количественно-именном сочетании, до сих пор не существует четкой нормы, и чаще всего выбор числа глагола определяется семантико-прагматическим фактором. В русском языке семантико-прагматический фактор, влияющий на выбор числа глагола, проявляется в оппозиции совместность / раздельность действия, во французском языке – в оппозиции совокупность / множественность референтов.

Ключевые слова: существительное количества, подлежащее, дополнение, согласование, сказуемое, единственное / множественное число, семантика.

Olga Melnichuk, Anna Barchakhova
Yakut State University

**SEMANTIC-PRAGMATIC ASPECT OF THE VERB SEQUENCE
IN QUANTITATIVE-NOMINAL PHRASES
(in the Russian and French languages)**

Notwithstanding the presence of grammatical rules on predicate sequence in quantitative-nominal phrases both in the Russian and French languages, there is still no clear standard and the choice of a verb number is usually determined by the semantic-pragmatic factor. In the Russian language the semantic-pragmatic factor, determining the verb number choice, shows in the combined action/separate action opposition, in the French language – in the totality of referents/plurality of referents opposition.

Keywords: noun of quantity, subject, object, sequence, predicate, singular / plural, semantics.

Данная статья посвящена одной из малоизученных проблем семантического синтаксиса – проблеме согласования сказуемого в словосочетании: существительное количества + существительное во множественном числе (большинство квартир пустует / пустуют?).

В современном русском языке выделяется разный набор признаков, способствующих выбору формы числа глагола. Представляется, что все многообразие правил можно объединить в две большие группы в зависимости от того, какой принцип лежит в основе их формирования. На наш взгляд, такими принципами являются: 1) семантико-прагматический, когда согласование осуществляется в зависимости от семантики предложения и коммуникативных целей говорящего; 2) формально-грамматический, когда выбор числа диктуется грамматическим контекстом.

К сожалению, рамки статьи не позволяют поговорить об обоих принципах и показать все случаи согласования, выявленные нами, поэтому мы остановимся только на семантико-прагматическом принципе.

Семантико-прагматический принцип диктует следующие правила выбора:

- **множественное число:** при наличии при подлежащем постпозитивного определительного оборота с главным словом – причастием или прилагательным – в форме множественного числа (исследователи отмечают взаимодействие данного грамматического признака с семантическим признаком «активность – пассивность субъекта», т. е. на выбор формы сказуемого влияет общая семантика предложения [З. С. 129]); в случае выражения страдательного значения [2]; при желании подчеркнуть раздельность действий каждого действующего лица, называемого подлежащим, а также подчеркнуть активность действующих лиц [4]; при

одушевленности-неодушевленности подлежащего, когда формальное согласование «сохраняется параллельно со смысловым при обозначении неодушевленных предметов и почти сходит на нет при обозначении лиц» [1. С. 226]; когда речь идет об известном, определенном субъекте [4. С. 242] и другие правила;

- **единственное число:** когда действие показывается как единое целое, либо имеется в виду совместное действие; в неопределенно-количественных сочетаниях с подчеркнутыми специальными словами собирательностью (типа *около*, *довольно*); при подлежащем слове *часть*, одном или в составе количественного именного сочетания; при известности, определенности субъекта [4. С. 243]; при наличии слов *большинство*, *меньшинство*, *множество*, *ряд*, *часть*, *масса* и др. [2. С. 70] и т. д.

Как видно, исследователи грамматической нормы не единодушны в оценках факторов, влияющих на выбор формы сказуемого в предложениях, содержащих количественно-именное сочетание. Заявляемые критерии выбора формы порой даже противоречат друг другу. Кроме того, не вполне понятно, как взаимодействуют разные критерии нормативности, сталкиваясь в одном контексте.

Что касается правил согласования глаголов в количественно-именном словосочетании в современном французском языке, то они, на наш взгляд, также формируются исходя из двух принципов: семантико-прагматического и формально-грамматического.

Семантико-прагматический принцип включает следующие правила выбора формы числа сказуемого.

За существительным количества часто следует дополнение, которое добавляет информацию и служит для уточнения его смысла. В этом случае согласование оформляется двояко: автор может выбрать единственное или множественное число, в зависимости от того, на что он делает акцент. Если автор хочет выделить совокупность действующих лиц / предметов или подчеркнуть собирательное, глобальное восприятие референтов, то сказуемое ставится в единственном числе, а если делает акцент на дополнение, указывает на множественное разнообразие референтов, то сказуемое ставится во множественном числе [7; 8. С. 19; 9. С. 346]. Подобное же правило действует в случае, если существительное количества используется с неопределенным артиклем, т. е. глагол согласуется либо с дополнением, если акцент ставится на дополнение во множественном числе, либо с существительным количества, если выделяется совокупность [5]. В словосочетаниях, в которых существительное количества выражает часть или соотношение, глагол согласуется с дополнением [Там же].

В большинстве случаев только автор текста определяет правильное согласование глагола в данных типах словосочетаний. К тому же в некоторых случаях, как отмечают исследователи [9. С. 346], выбор числа теряет свое значение, и официальная норма допускает оба согласования: в единственном и во множественном числе.

Однако есть примеры, в которых, по мнению М.-Л. Доннэр, согласование не может быть свободным. Например, в предложении *Un tas de voitures serpentait* сказуемое стоит в единственном числе, поскольку извиваться может вереница, а не машины. В предложении *Un tas de billes rouillaient* выбор множественного числа объясняется тем, что покрыться ржавчиной могут шарики, а не множество. Таким образом, кроме согласования по выбору говорящего (прагматика), существует и согласование по смыслу (семантика), когда значение слова ограничивает выбор говорящего [6. С. 59].

Как видно из обзора правил в обоих языках, в русской грамматике именное словосочетание «существительное количества + существительное во множественном числе» рассматривается как единый член предложения – подлежащее. Во французской грамматике существительное количества называется подлежащим, существительное во множественном числе – дополнением.

В нашем исследовании мы, вслед за французскими грамматистами, будем различать в словосочетании «существительное количества + существительное во множественном числе» подлежащее и дополнение.

Для исследования нами было отобрано 400 (200 на русском, 200 на французском языках) примеров из газетных статей и Интернет-сайтов на свободную тематику.

Анализ показал, что в современном русском языке семантико-прагматический фактор влияет на выбор формы числа только в 39% случаев, из них в 13% действует правило об едином действии, диктующее выбор единственного числа, например: *После того как на Жворонкова надели наручники, другая группа сотрудников задержала его отца... ..И основная группа болельщиков вылетает 16 августа и присоединится к землякам, которые на Олимпиаде уже с первых дней.* Группа сотрудников задержала – т. е. сотрудники действовали слаженно и совместно выполняли одно общее действие, в одно время и в одном месте. Группа болельщиков вылетает – все летят одним самолетом, с одной целью – поддержать спортсменов-земляков.

Таким образом, во всех подобных примерах действие мыслится как общее для всех, дополнение не воспринимается как множество отдельных индивидов, на первый план выступает подлежащее – существительное количества, с которым и согласуется сказуемое.

В целом, если учитывать и действие формально-грамматического фактора, в русском языке в 71% случаев сказуемое согласуется с подлежащим и используется в единственном числе.

Что касается использования сказуемого во множественном числе, то форма множественного числа употребительнее в случаях, когда наблюдается раздельность действий. Здесь действует уже семантико-прагматический принцип: *Мы будем защищать интересы учителей и врачей, специалистов и студентов, военнослужащих и пенсионеров, рабочих и тружеников села. Мы хотим, чтобы большинство жителей Якутии имели высокий достаток, стабильную работу и уверенность в завтрашнем дне, чтобы жить в нашей республике было удобно и безопасно.*

Уже из контекста видно, что *большинство жителей* включает разнородных индивидумов с разным социальным статусом и зарплатой (учителя, врачи, студенты, военнослужащие, пенсионеры, рабочие и труженики села). Раздельность действия проявляется в том, что каждый житель будет иметь свой отдельный доход, свою отдельную работу.

Среди единичных примеров представляет интерес следующий: *Большая часть квартир, сдаваемых на сутки, расположены вблизи культурных, экономических и бизнес-центров.* Несмотря на то, что по правилу (подлежащее определено прилагательным – *большая часть*) сказуемое должно быть согласовано с подлежащим и употреблено в единственном числе, автор статьи использует множественное число, вероятно, из-за наличия при дополнении постпозитивного причастного оборота, согласованного с ним во множественном числе, т. е. при помощи причастия определяется дополнение «(квартир), сдаваемых», тем самым оно выделяется. Таким образом, в данном примере мы имеем дело с «конфликтом» микроконтекстов, требующих применения двух взаимоисключающих правил, базирующихся на формально-грамматическом принципе. Вероятно, в таком случае выбор остается за автором высказывания и зависит от его прагматических целей.

Как показывает наше исследование, в русском языке выбор единственного числа в согласовании сказуемого преобладает над множественным числом, т. е. согласование производится с подлежащим (71%). При раздельности действий согласование производится с существительным во множественном числе – дополнением, которое выделяется как семантический субъект действия (26%); 3% приходится на редкие случаи согласования сказуемого во множественном числе по формально-грамматическому принципу.

Что касается согласования сказуемого в современном французском языке, то анализ показал, что в 15% примеров, где существительное количества следует за определенным артиклем или указательным / притяжательным прилагательным, глагол ставится в единственном числе: *La moitié des habitants de Washington a peur. ... La moitié des quelque 5 millions d'habitants craint d'être la victime d'un tireur isolé*

Таким образом, если подлежащее определено при помощи определенного артикля, оно выделяется и мыслится как выполняющее совместное действие, поэтому сказуемое

согласуется с подлежащим. Здесь реализуются оба принципа: формально-грамматический и семантико-прагматический.

При использовании неопределенного артикля, когда говорящий, согласно своим прагматическим интенциям, выделяет подлежащее, действие мыслится как нерасчлененное, совместное. В таком случае сказуемое также согласуется с подлежащим (семантико-прагматический принцип): *Une majorité de députés du congrès américain appelle Obama à soutenir fortement l'initiative marocaine d'autonomie. ... Une majorité de députés du congrès américain a adressé une lettre au président américain...* Большинство депутатов единодушно призывают президента Обаму к совершению одного и того же действия – поддержать марокканскую инициативу автономии. Это же большинство направило одно и то же письмо Обаме (слово «письмо» использовано с неопределенным артиклем в единственном числе) с выражением одного и того же призыва. В подобных случаях существительные количества следуют за неопределенным артиклем (*un, une*), действие описывается как целое, нерасчлененное, т. е. выдвигается идея группы, совокупности, поэтому глагол употребляется в единственном числе.

В следующих примерах в качестве подлежащего выступают слова *la plupart, la / une majorité*. В этих словосочетаниях сказуемое согласуется с дополнением (семантико-прагматический фактор): *Une majorité de Français (84%) considèrent comme «primordial et important» que le dimanche reste le jour de repos commun à la plupart des salariés»...*

Высказывания, подобные вышеприведенным, построены по семантико-прагматическому принципу. Здесь акцент ставится на дополнение, оно становится семантическим субъектом, выделяется идея множественности референтов, несмотря на то, что они выполняют вроде бы нерасчлененное, одинаковое действие. Ср.: *Une majorité de Français considèrent* и *Une majorité de députés... a adressé une lettre* (см. выше). В случае с депутатами акцент ставится на совместном действии – не каждый депутат в отдельности адресовал письмо, оно было написано кем-то одним, большинство его одобрило и подписало. В случае с большинством французов использован глагол мышления *considérer*, который и указывает на «физическую» раздельность действия, каждый имеет свое мнение, хотя оно и совпадает.

В целом, во французском языке наблюдается тенденция к выбору множественного числа при согласовании сказуемого (77%). Несмотря на то, что авторами французских грамматик определяются отдельные правила согласования (использование множественного числа после слов, обозначающих часть; слов *la plupart, la majorité* и др.), в большинстве случаев действует семантический фактор, т. е. выделение множественности дополнения или субъектов действия, выполняющих раздельные действия: *Plus de la moitié des députés UDF voteront pour Nicolas Sarkozy*. В данном примере каждый депутат проголосует отдельно, хотя и за одного кандидата. Здесь выделяется множественность депутатов, поскольку каждый отдаст свой «голос». (В русском языке при идентичных контекстах возможны оба варианта, ср.: *Большинство депутатов парламента Киргизии проголосовали за запрет в стране многоженства* и *Большинство депутатов Сахалинской облдумы проголосовало за изменение сроков полномочий президента и Госдумы*.)

Часто в подобных случаях используются глаголы, обозначающие мыслительные акты: *être en désaccord, estimer, se dire, vouloir* etc. Они выражают раздельные действия уже своей семантикой, поскольку нельзя хотеть или считать (думать) «хором», совместно. Поэтому, хотя семантические субъекты в данных примерах единодушны в своей несогласии или в своих требованиях или оценках, выделяется их множественность и «физическая» раздельность действий: *La majorité des Français se disent inquiets des conséquences de la crise financière internationale en France selon un sondage CSA pour Le Parisien paru 5 octobre*.

Анализ контекстов публицистических статей на французском языке позволяет выделить тенденцию употребления множественного числа сказуемого (77%). В большинстве этих примеров действует семантический фактор, т. е. выделение множественности дополнения или субъектов действия, выполняющих раздельные действия.

Таким образом, исследование семантико-прагматического аспекта согласования сказуемого в количественно-именном словосочетании во французском и русском языках показало, что в русском языке наблюдается тенденция к более частому использованию сказуемого в единственном числе (71%), тогда как во французском языке, наоборот, во множественном числе (77%), т. е., в русском языке семантическим субъектом выступает существительное количества (подлежащее), во французском – существительное во множественном числе (дополнение).

Что касается правил, базирующихся на семантическом принципе, то во французском языке сказуемое ставится во множественном числе, согласуясь с дополнением, как предписывает большинство грамматик, в том случае, когда говорящий делает акцент на множественности дополнения. В русском языке подобный случай объясняется не семантикой дополнения, а семантикой глагола. То есть множественное число требуется в случае раздельности действий.

Однако раздельные действия выполняются несколькими (множественными) субъектами, выраженными дополнением, т. е. субъект действия и глагол взаимосвязаны. Поэтому мы считаем, что и в русском, и во французском языках речь идет об одном и том же семантико-синтаксическом явлении; только во французском языке, на наш взгляд, правило сформулировано не совсем четко и ясно: если выделяется дополнение, то сказуемое ставится во множественном числе. При этом не оговаривается, в каких случаях дополнение может выделяться, и как это проявляется в контексте. Правило о раздельности действий (выполняемых множественными субъектами, выраженными дополнением), на наш взгляд, лучше объясняет согласование глагола во французском языке (это правило сформулировано только в грамматике Aidenet).

Как во французском, так и в русском языке семантический фактор преобладает над формально-грамматическим.

Таким образом, для обоих языков общими и преобладающими являются:

- *семантико-прагматический фактор* (совместное / раздельное действие субъектов, выраженных дополнением), влияющий на выбор способа согласования: согласование с подлежащим – единственное число, с дополнением – множественное число;
- *семантико-грамматический фактор* (выделение подлежащего путем его определения – при помощи определенного артикля и других детерминативов во французском языке, прилагательных, указательных и притяжательных местоимений – в русском языке). Семантико-грамматический фактор определяет выбор единственного числа сказуемого.

Литература

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2004.
2. Доронина С. В. Конструкции с количественно-именным сочетанием как тестовое задание ЕГЭ // Русская словесность. 2008. № 5. С. 67–73.
3. Рахманин Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. 2-е изд., перераб. М.: Высш. шк., 1982.
4. Русская грамматика: В 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 2.
5. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www3.sympatico.ca/fol-ecrit/folie8.html>
6. Donaire M. L. Un groupe de citoyens manifestait / manifestaient devant la mairie: l'accord du verbe, syntaxe ou sémantique? // Morphologie, syntaxe, sémantique: même combat? Oviedo: Universidad de Oviedo, 2008.
7. Grammaire aidenet. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.aidenet.eu/grammaire04c.htm>
8. Grammaire alphabétique / Sous la dir. d'A. Bentolila. P.: Nathan, 1995.
9. Riegel M., Pellat J.-C., Rioul R. Grammaire méthodique du français. P.: Quadrige, 2008.

Е. О. Менджеричкая
МГУ им. М. В. Ломоносова

КОГНИТИВНЫЙ СИНТАКСИС КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

В статье рассматривается возможность и необходимость применения когнитивного подхода к синтаксису. В рамках современной когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике анализируются англоязычные и русскоязычные типы дискурса, реализующие в основном функцию воздействия – художественная литература и публицистика. Обосновываются термин и понятие «когнитивный синтаксис», а также универсальность этого явления.

Ключевые слова: когнитивный синтаксис, дискурс.

Elena Mendzheritskaya
Moscow State Lomonosov University

COGNITIVE SYNTAX AS A UNIVERSAL DEVICE

The present paper considers the applicability of cognitive approach to syntax. The types of British and Russian discourse carrying out the function of impact are subjected to the analysis within the framework of modern cognitive-discourse paradigm in linguistics. The term and concept “cognitive syntax” are being introduced and justified as universal.

Keywords: cognitive syntax, discourse.

Участвуя в юбилейном сборнике, посвященном профессору Т. И. Зелениной, невозможно не обратиться к работам этого замечательного ученого. В своей докторской диссертации Тамара Ивановна пишет: «В многоязычном регионе, каким является Удмуртская Республика, проблемы межъязыкового и интеркультурного взаимодействия являются особенно актуальными. Изучение удмуртской лексики в контексте лексики типологически разных языков представляется обоснованным и своевременным. Оно нацелено на совершенствование реального процесса обучения языкам в многоязычном регионе, что, несомненно, будет способствовать взаимопониманию, взаимодействию и взаимопроникновению национальных культур, в частности удмуртской, русской, западноевропейских, в ситуации сохранения самостоятельной ценности и интегрирования языков и культур» [3. С. 4]. И хотя, казалось бы, предмет обсуждения данной статьи далек от научных интересов юбиляра, тем не менее, идеи Т. И. Зелениной актуальны и для современной англистики, ибо в ситуации многоязычия во всем мире, а не только в отдельном регионе, необходимо рассматривать языковые явления как универсальные, присущие разным языкам, дабы иметь возможность не только проанализировать их сущность, но и преподать их носителям разных языков и культур.

В этой связи необходимо отметить, что на современном этапе развития науки когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике все чаще признается одним из самых прогрессивных методов исследования.

Представляя термин «когнитивный синтаксис» (предложенный мною еще в 1997 г. в монографии «Когнитивный синтаксис художественной литературы» [9]), я хочу вернуться к истокам когнитивной науки, чтобы обосновать правомерность и необходимость применения данного термина к анализу языковых явлений.

Когнитивная наука заявила о себе как о самостоятельной области исследований сравнительно недавно, и одно из первых ее определений появилось в серии под редакцией Д. Кристала “Penguin English linguistics” в словаре Д. Эйтчисон “Introducing Language and Mind”: “**cognitive science** – *A study which covers areas of knowledge relating to the human ability to think and talk, in particular artificial intelligence (AI), linguistics, psychology and philosophy*” [15. С. 29].

В этом определении заложена возможность расширительного толкования данного термина, т. к. исследованию подвергаются все области знания, связанные со способностью человека думать и говорить, как то искусственный интеллект, лингвистика, психология, философия. Именно такое расширительное толкование этот термин получил в работах Е. С. Кубряковой и представителей ее школы. Так, в «Кратком словаре когнитивных терминов» **«КОГНИТИВНАЯ НАУКА»** рассматривается как «зонтиковый» термин для целого ряда научных дисциплин и «для создания междисциплинарной науки, которая вырабатывает методы и приемы, необходимые для интеграции усилий ученых разных специальностей с целью более адекватного и полного представления об одном из самых сложных феноменов природы – человеческого сознания и разума» [6. С. 58]. Здесь же рассматривается и **«КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА»**, характеризующаяся как «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [6. С. 59].

Это определение перекликается с тем, что приводится А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским в их «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике»: **«Cognitive linguistics (когнитивная лингвистика)** – Направление в лингвистике, исследующее и описывающее языковые феномены с точки зрения когнитивных механизмов, лежащих в основе мыслительной деятельности человека – процессов понимания, естественного вывода, аналогического рассуждения, оценивания, онтологизации знания и др.» [1. С. 98].

Необходимо отметить, что современная когнитивная наука развивается как минимум в двух направлениях: с одной стороны, это исследования в области искусственного интеллекта, информационных технологий, компьютерные исследования, с другой – собственно лингвистические исследования, принимающие во внимание и необходимость учета «образной компоненты» – роли эмоций, чувств, мотиваций в обработке информации (ранее обработка информации жестко ассоциировалась только со структурами знаний, игнорируя тем самым так называемую образную компоненту человеческого мышления).

В данной статье мне хотелось бы сосредоточиться на возможности применения термина «когнитивный» к синтаксису. Это уже делалось мною в кандидатской диссертации [8] и монографии «Когнитивный синтаксис художественной литературы» [9]. Но по мере расширения анализируемого языкового материала и в связи с бурным развитием науки именно в этом направлении ощущается необходимость вновь задаться вопросом о том, что же такое «когнитивный синтаксис»?

На мой взгляд, возможность введения этого термина обусловлена следующими факторами. Во-первых, в синтаксисе давно уже признана необходимость выхода за рамки предложения, абзаца на уровень анализа целого текста. Во-вторых, все большее число ученых признают необходимость учета не только лингвистической, но и экстралингвистической реальности при анализе грамматики, тем самым переходя с формально-логического уровня на уровень мыслей, чувств, психологии адресанта и адресата информации. При этом если речь идет о функциональных стилях, осуществляющих функцию воздействия (художественная литература и публицистика), то в случае художественной литературы мы сталкиваемся еще и с необходимостью принимать во внимание героя произведения, сквозь призму восприятия которого автор пытается донести до читателя свои идеи и чувства.

Придерживаясь эмпирического подхода к анализу языковых явлений, необходимо назвать еще одну – и на мой взгляд, самую главную – причину необходимости приложения когнитивного подхода к синтаксису: невозможность объяснить некоторые явления синтаксического порядка при помощи существующих теорий. Так, например, в английском языке есть такое явление как “afterthought” («сочинение предложения после точки»).

Приведем несколько примеров “afterthought”, взятых методом случайной выборки из произведений английских и американских писателей разных жанров, эпох, стилей:

“... And little Alfred, seated cross-legged between the children who must be sisters and with one of whom he will shortly fall in love, do those eyes, heavy and solemn, shadowed with the strain of behaving well, bear in them the portent of a life spent obeying orders, working hard, being a credit, being a consolation, being a balm for his mother’s heart, a companion in her isolation? For her husband, their father, is absent, gone before, dead, mildly disgraced. Gambling, they say. In any event, he was an older man, scarcely compatible, out of reach for his young children, amused by his young wife but easily bored by her inflexible dignity. Out of it in every sense. And now I see that it is in fact a wedding photograph. The bride and the groom were there all the time, in the centre, as they should be. A good-looking couple. But lifeless, figures from stock. Above the bridegroom’s shoulder, standing on something, perhaps, Sofka gazes ahead, with her family’s future before her. No one to touch her. As it proved.” (A. Brookner “Family and Friends”)

“He needed to calm down. He searched the rearview mirror. No one followed. They had come to the church asking questions. Questions about Jeffreys. He was safe. They knew nothing. Even the newspaper reporter had insinuated that Danny’s murder was a copycat. Someone copycatting Jeffreys. Why hadn’t it occurred to any of them that Jeffreys was the copycat? The fact that Jeffreys had also been a cold-blooded murderer had simply made him the perfect patsy.” (A. Kava “A Perfect Evil”)

“But Bilbo had not finished. Seizing a horn from a youngster near by, he blew three loud hoots. The noise subsided. *I shall not keep you long*, he cried. Cheers from all the assembly. I have called you all together for a Purpose. Something in the way that he said this made an impression. There was almost silence, and one or two of the Tookes pricked up their ears.

Indeed, for Three Purposes! First of all, to tell you that I am immensely fond of you all, and that eleventy-one years is too short a time to live among such excellent and admirable hobbits. Tremendous outburst of approval.

I don’t know half of you half as well as I should like; and I like less than half of you half as well as you deserve. This is unexpected and rather difficult. There was some scattered clapping, but most of them were trying to work it out and see if it came to a compliment.

Secondly, to celebrate my birthday. Cheers again. I should say: OUR birthday. For it is, of course, also the birthday of my heir and nephew, Frodo. He comes of age and into his inheritance today. Some perfunctory clapping by the elders; and some loud shouts of ‘Frodo! Frodo! Jolly old Frodo,’ from the juniors. The Sackville-Bagginses scowled and wondered what was meant by ‘coming into his inheritance’.

Together we score one hundred and forty-four. Your numbers were chosen to fit this remarkable total: One Gross, if I may use the expression. No cheers. This was ridiculous. Many of the guests, and especially the Sackville-Bagginses, were insulted, feeling sure they had only been asked to fill up the required number, like goods in a package. ‘One Gross, indeed! Vulgar expression.’

It is also, if I may be allowed to refer to ancient history, the anniversary of my arrival by barrel at Esgaroth on the Long Lake; though the fact that it was my birthday slipped my memory on that occasion. I was only fifty-one then, and birthdays did not seem so important. The banquet was very splendid, however, though I had a bad cold at the time, I remember, and could only say ‘thag you very buch’. I now repeat it more correctly: Thank you very much for coming to my little party. Obstinate silence. They all feared that a song or some poetry was now imminent; and they were getting bored. Why couldn’t he stop talking and let them drink his health? But Bilbo did not sing or recite. He paused for a moment.

Thirdly and finally, he said, I wish to make an ANNOUNCEMENT. He spoke this last word so loudly and suddenly that everyone sat up who still could. *I regret to announce that – though, as I said, eleventy-one years is far too short a time to spend among you – this is the END. I am going. I am leaving NOW. GOOD-BYE!”* (J. R. R. Tolkien “The Fellowship of the Ring”)

“Sullivan shook his head. “The only answer I can see, Jonathan, is that you are pretty well a one-in-a-million bird. Most of us came along ever so slowly. We went from one world into another that was almost exactly like it, forgetting right away where we had come from, not caring where we were headed, living for the moment. Do you have any idea how many lives we must have

gone through before we even got the first idea that there is more to life than eating, or fighting, or power in the Flock? A thousand lives, Jon, ten thousand! And then another hundred lives until we began to learn that there is such a thing as perfection, and another hundred again to get the idea that our purpose for living is to find that perfection and show it forth. The same rule holds for us now, of course: we choose our next world through what we learn in this one. Learn nothing, and the next world is the same as this one, all the same limitations and lead weights to overcome.” (R. Bach “Jonathan Livingston Seagull”)

С точки зрения формально-логического синтаксиса выделенные структуры везде одинаковы – это непредикативные конструкции, как бы отделенные от основного предложения. С точки зрения функционального подхода все они выполняют функцию воздействия, столь привычную для художественной литературы.

Но в то же время нельзя не заметить, что в каждом случае они выполняют свою роль. В первом примере у современной британской писательницы Аниты Брукнер данные конструкции служат для акцентирования внимания на чем-то значимом, перебивая длинные и сложные по структуре предложения и как бы выделяя главное в ходе этих рассуждений, а также часто выступают в качестве знака конца абзаца. В триллере современного американского автора они тоже призваны выделить главное в ходе размышлений героя. В жанре фэнтези у Толкиена им также отводится ключевая роль в передаче эмоций героев отрывка, но они уже скорее напоминают ремарки в пьесе. В последнем примере из Р. Баха это скорее краткий ответ на вопрос, имитация диалогической речи, но в то же время вновь удачный способ обратить внимание читателя на нечто важное для понимания смысла повествования.

Итак, несмотря на некоторые различия в употреблении “afterthought”, мы не можем не обратить внимания на универсальность этой конструкции, ее всепроникающий характер, ее использование в речи самых разных авторов (мужчин и женщин, представителей разных национально-культурных сообществ, представителей разных периодов, жанров, стилей литературы). Еще одной универсальной характеристикой этой конструкции является то, что с ее помощью автору всегда удается выделить главное, максимально емко обобщить сказанное, сосредоточить внимание читателя на самой сути описываемого. Таким образом, мы можем предположить, что речь идет об отражении неких мыслительных категорий средствами языка.

Более того, мы можем обнаружить примеры подобных конструкции и в русской прозе и прийти к тем же выводам:

«Но конец наступил. Самый обыкновенный. Какого и следовало ожидать.» (Ф. Сологуб)

«В Катиной школе не было ни одного учителя-мужчины, да и за девочками никогда не приходили папы. Были в классе девчонки, которые рассказывали про мужчин истории, леденящие кровь, а тень позора падала и на ту, которая рассказывала, и на ту, которая, замирая, слушала. Из стен школы Катя вышла, презирая мужчин. Так, вообще, на всякий случай.» (Н. Толстая «Свободный день»)

«...Наши лодки стояли в камышах, а над озером на холме чернела церковь, построенная без единого гвоздя, а у подножия холма в тихой заводии стоял наш катер. Катер с мягкими сиденьями и эта церковь. Термосы и костер. Щуки и спиннинг. Мне казалось, что я смог бы построить такую церковь, но разобраться в моторе катера было мне не под силу.» (В. Аксенов «Катапульта»)

Более того, ту же самую синтаксическую конструкцию можно часто обнаружить в публицистических текстах, как английских, так и русских. Приведем лишь несколько примеров из так называемой качественной прессы:

“A conventional teacher’s licence usually requires a university degree in education plus an unpaid term of practice teaching. This has never made much sense. It excludes bright students who take degrees in other subjects, and might teach those subjects; it costly and time-consuming for career-switchers, who must wait a year or more before they can enter a classroom; it is so rigid that

private-school teachers or university professors with years of experience have to jump through hoops before they can start teaching in a state school. And there is virtually no evidence that it creates better teachers. For all that, it is strongly backed by schools of education, which have a monopoly of teacher-training, and by teachers' unions, whose members make more money when it is artificially hard for others to get into the profession.

So why the change? The short answer: supply and demand. A lot of older teachers are retiring just when a lot of new students are entering the public schools. It is reckoned that American schools will have to hire more than 2m new teachers over the next decade. So the door has opened to other ways of finding them." ("The Economist")

"Leung puts his money where his mouth is. He works part time as a programming consultant to an e-commerce site and invests everything he makes.

All of it.

"I don't really see that many movies. I don't really buy any cloths. I just do stuff like tennis that doesn't cost money," he says." ("The Moscow Times")

«Чем еще банкам удастся привлекать клиентов? Не в последнюю очередь быстротой обслуживания. Хотя в среднем срок обслуживания заявки (от подачи всех документов до принятия решения) составляет около двух недель, многие банки укладываются в пять-семь дней, а, например, в БИН-банке «старый» клиент и вовсе может получить кредит в течение одного дня...» («Формула карьеры»)

«Все кандидаты: лидер партии регионов Виктор Янукович, премьер-министр Юлия Тимошенко, бывший спикер парламента Арсений Яценюк и несколько менее известных – стремились выделиться и запомниться избирателю. И почти все безуспешно.» («Власть»)

«...С момента создания Госнарконтроля в 2003 году многие утвердились во мнении, что борьба с наркоторговлей и наркоманией для наркополицейских – второстепенная задача. Теперь им предстоит доказать, что это не так. Не перегибая палку.» («Русский Newsweek»)

Из приведенных примеров явствует, что и в публицистике рассматриваемая синтаксическая конструкция выполняет ту же роль средства организации не только текста, но и мысли, ибо с ее помощью удастся выделить главное и привлечь к этой информации внимание читателя. Это средство отражает определенные ментальные категории и носит универсальный характер.

Необходимо при этом оговориться, что для адекватного анализа и художественная литература, и публицистика должны рассматриваться как типы дискурса. Существуют разные подходы к пониманию дискурса и целый ряд определений этого термина. Например, «совокупность тематически, культурно или как-либо еще взаимосвязанных текстов [1. С. 179] или «вид речевой коммуникации, предполагающий рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни и единственным своим мотивом имеющий достижение взаимопонимания» [1. С. 179]. Представление о дискурсе как о «речевом произведении, рассматриваемом во всей полноте своего выражения (словесно-интонационного и паралингвистического...) и устремления, с учетом всех внеязыковых факторов (социальных, культурных, психологических), существенных для успешного речевого взаимодействия» [2. С. 57]) также кажется не вполне достаточным. Наиболее адекватным представляется следующее определение: «**дискурс** есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [5. С. 113]). Отсюда следует, что дискурс можно считать когнитивным процессом, отражением мышления средствами конкретного языка.

Будучи когнитивным процессом, дискурс включает в себя особенности представления и подачи информации, а также особенности ее восприятия. Таким образом, хотелось бы предложить собственное определение дискурса: *дискурс – это передача когнитивного содержания, вкладываемого адресантом, адресату через посредство текста в его лингвистическом воплощении и заложенных в нем определенных стратегий подачи информации* [14. С. 55].

Уже признанным фактом является то, что для адекватного понимания сообщаемой информации необходимо совпадение так называемых когнитивных баз, или фоновых знаний, участников коммуникации, т. е. наличие определенных знаний и представлений, характерных для членов данного национального языкового сообщества. Очевидно, необходимо также совпадение ментальных репрезентаций. Ибо, как отмечают в своей статье Е. С. Кубрякова и О. В. Александрова «Анализ дискурса не может обойтись без изучения ментальных моделей, которые дают реальную основу для отбора нужной коммуникативной информации в стратегических целях построения как общих, так и частных семантических структур» [7. С. 195].

Таким образом, сохраняя приверженность традиционному подходу к синтаксису как науке о построении речи [16] и принимая современную когнитивно-дискурсивную парадигму в лингвистике, можно признать правомерным применение к синтаксису термина «когнитивный», тем самым определяя его как науку о построении дискурса и рассматривать его как универсальное явление.

Литература

1. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. М.: Помовский и партнеры, 1996.
2. Васильева Н. В. и др. Краткий словарь лингвистических терминов / Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахнарович. М.: Рус. яз., 1995.
3. Зеленина Т. И. Русский язык как посредник при освоении иноязычной лексики удмуртским языком: Дис. ... д-ра филол. наук, 2003.
4. Ксензенко О. А., Менджерцкая Е. О. Mass Media Language: Учеб. пособие по языку современных англоязычных СМИ. М.: МАКС Пресс, 2002.
5. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: «Гнозис», 2003.
6. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1996.
7. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста: Докл. VII междунар. конф. М., 1999. С. 186–197.
8. Менджерцкая Е. О. Когнитивная основа синтаксического построения текста художественной литературы (на материале современной английской литературы): Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1993.
9. Менджерцкая Е. О. Когнитивный синтаксис художественной литературы. Современный английский язык. М.: Диалог–МГУ, 1997.
10. Менджерцкая Е. О. Дискурсивный подход к анализу художественной литературы // Функциональные исследования / Ред. А. И. Изотов, В. А. Татаринев. М.: Московский лицей, 1996. Вып. 2. С. 177–183.
11. Менджерцкая Е. О. Термин «дискурс» в современной зарубежной лингвистике // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Филология, 1997. С. 130–133.
12. Менджерцкая Е. О. Публицистика как тип дискурса // Язык, сознание, коммуникация. М., 1999. Вып. 7. С. 13–18.
13. Менджерцкая Е. О. Особенности национального публицистического дискурса // Язык, сознание, коммуникация. М., 1999. Вып. 9. С. 52–59.
14. Менджерцкая Е. О. Термин «дискурс» и типология медиадискурса // Вестник Московского Университета. Серия Журналистика. 2005. № 2. С. 50–55.
15. Aitchison J. *Introducing Language and Mind*. London: Penguin Group, 1992.

УДМУРТСКИЕ НАЗВАНИЯ ЛЯГУШКИ И ЖАБЫ

Статья написана с использованием собранного материала для Лингвистического атласа Европы и Диалектологического атласа удмуртского языка. Накопленные сведения дают точное представление о территории распространения названий объектов, в данном случае о названиях лягушки и жабы. Одни названия являются собственными образованиями (эбэк, тэтчас'), другие – заимствованиями (бака, жаба).

Ключевые слова: опорные пункты, принципы номинации, ареал, этимология, письменные источники.

Rif Nasibullin
Udmurt State University

UDMURT NAMES OF FROG AND TOAD

The article was written using the materials gathered for the Linguistic Atlas of Europe and Dialectological Atlas of the Udmurt language. The accumulated information gives an exact idea of the area in which the objects' names are used, in this particular case the names of the frog and the toad. Some names are vernacular words (ebek, tetchas') others are loan-words (baka, zhaba).

Keywords: populated area of gathering material, the principles of nomination, area, etymology, written sources.

Удмуртский народ всегда трепетно относился к окружающей среде и животному миру. Детальное изучение номинации животных, окружающих удмуртов издревле, в разных диалектах удмуртского языка может оказать неоценимую помощь в выявлении контактов древних народов, а также в определении универсальных и специфических проявлений в финно-угорских языках. Именно такую задачу, в частности, ставят создатели Лингвистического атласа Европы.

Удмуртские материалы о названиях лягушки и жабы, а также головастика собраны в ходе работы над удмуртской частью Лингвистического атласа Европы (ЛАЕ) Р. Ш. Насибуллиным и над многотомным Диалектологическим атласом удмуртского языка (ДАУЯ) сотрудниками лаборатории лингвистического картографирования УдГУ А. Т. Байдуллиной, С. А. Максимовым, Р. Ш. Насибуллиным и В. Г. Семеновым. Первый выпуск ДАУЯ вышел из печати в 2009 г. [5]. Для ЛАЕ выбран 21 опорный пункт (в дальнейшем – ОП), а для ДАУЯ – 175. Густая сетка ДАУЯ позволила собрать уникальные лексические сведения из всех диалектных подразделений и вывить такие названия этих земноводных животных, которые были неизвестны в науке. О названиях головастика вышла обширная статья С. А. Максимова в 2008 г. в Ежегоднике финно-угорских исследований [8. С. 165–177].

Вначале поведем речь о названиях лягушки. Лягушка – бесхвостое земноводное с длинными задними конечностями, приспособленными для прыганья и плавания, которое квакает и живет в сырых местах. Она во многом похожа на жабу.

В принципе номинации лягушки и жабы во многих языках лежат ее определенные свойства.

В русском языке *лягушка* происходит от *лягать* «ударять ногами». Прыганье скачками в русском языке передается выражением *прыгать как лягушка*. В основе удмуртских и коми диалектных названий лягушки (удм. *тэччас'*, *тэкчас'* и кз. вым. *чеччась*) лежит причастие от *тэтчаны* (удм.), *чеччаны* (коми) «прыгать» [16. С. 439; 14. С. 212].

Название *тэкчась* впервые зафиксировал Г. Е. Верещагин [4. С. 232]. И. В. Яковлевым оно в этой же форме с указанием на глазовский диалект помещено в сравнительном словаре [20. С. 60]. Это слово имеется также в словаре Т. Борисова: *четась ср., тэтчась кр. юж.* [2. С. 359]. В УРС 1948, РУС 1956 оно отсутствует. УРС 1983 года слово *тэтчась* переводит в значениях «лягушка» и «жаба» [16. С. 439]. В Удмуртско-русском словаре 2008 г. это слово объявлено диалектным.

Для наименования данного земноводного животного использовано также другое его свойство – в удмуртском *эбэк* (лит. эбек) и тюркских языках *бака*, которые восходят к подражанию звука, производимого этим животным. В русских народных сказках наименование лягушки (*лягушка-квакушка*) также связано с ее свойством квакать. В мордовских названиях этого объекта также лежит кваканье, выраженное основой глагола *ватордомс* «квакать», ср. мокш. *ватраки* «лягушка; жаба» [9. С. 99], эрз. *ватраки* «лягушка» [18. С. 113].

Название *эбэк* большей частью распространено в северных говорах. Форма *йэбэк* бытует в опорных пунктах 4 (Мало-Малоговская, Омутнинский р-н Кировск. обл.), 5 (Лытка, Афанасьевский р-н Кировск. обл.), 19 (Бозино, Ярский р-н УР), 20 (Тум, Ярский р-н УР), 24–26 (Золотарево, Дондыкар, Люм, Глазовский р-н УР). Словосочетание *ву эбэк*, *ву йэбэк*, выявленное в ОП 19 (Бозино, Ярский р-н УР), букв. имеет значение «водная лягушка». Спорадически в ОП 24 (Золотарево) и 69 (Узи, Селтинский р-н УР) появляется название *вудур эбэк* «прибрежная лягушка». Если *ву эбэк* и *вудур эбэк* указывают на среду обитания, то *вож эбэк* – на внешнюю окраску (6, Слудка, Зуевский р-н Кировск. обл.).

Название *эбэк* большей частью распространено в северных говорах удмуртского языка. В нижнечепецких говорах *эбэк* выступает в форме *йэбэк* и бытует в опорных пунктах 4 (Мало-Малоговская, Омутнинский р-н Кировск. обл.), 5 (Лытка, Афанасьевский р-н Кировск. обл.), 19 (Бозино, Ярский р-н УР), 20 (Тум, Ярский р-н УР), 24–26 (Золотарево, Дондыкар, Люм, Глазовский р-н УР). В названиях, представляющих атрибутивное словосочетание, определение к слову *эбэк* указывает на среду обитания лягушки: *ву эбэк*, *ву йэбэк* (ОП 19), которое букв. означает «водная лягушка» (*ву* «вода, водный»). Спорадически (ОП 24, 69) появляется наименование *вудур эбэк* «прибрежная лягушка» (24, 69), указывающее на место расположения после выхода из воды.

Название *вож эбэк* «зеленая лягушка» связано с внешней окраской (*вож* «зеленый», *эбэк* «лягушка»).

В письменных источниках *эбек* впервые появляется в 1775 г. в значении «лягушка» [13. С. 26]. После фиксации этого слова в печати через десять лет это слово З. Кротов в своем словаре помещает в двух значениях: «жаба» и «лягушка» [6. С. 273]. Мункачи это слово в форме *äbäk*, которое он обнаружил в фольклорных записях Б. Гаврилова, обнародовал в своем словаре [21. С. 32]. Вихман *ebek* зафиксировал в глазовском, малмыжском и малмыжско-уржумском (G M MU) диалектах [22. С. 50]. И. В. Яковлев в сравнительном словаре *эбек* отмечает в казанском диалекте [20. С. 60]. В. Д. Крылов лягушку называет *эбек* [7. С. 44]. П. М. и П. Я. Русских в словарной статье дают два перевода: «эбек» и «бака» [11. С. 27]. Т. Борисов о слове *эбек* дает следующие сведения: *эбек сев.*, *бака южн.*, *четась*, *тэтчась кр. юж* – лягушка, жаба [2. С. 359].

Обширную южную диалектную зону покрывает следующее название лягушки – *бака*, заимствованное из татарского языка, являющееся общетюркским наследием. На звукоподражательное происхождение *бака* указывает А. М. Щербак, исходя из уйг. *пақ-пақ* «квакать». По мнению Э. В. Севортыяна, форма *бақа* и ее фонетические варианты в тюркских являются более позднего происхождения. Первоначально основа слова совпадала с названной глагольной основой *бақ-* «квакать». Рассматриваемое слово *бақа* является производным от глагола *бақ-* «квакать» с помощью аффикса *-а*, в семантике которого имеется значение носителя процесса [12. С. 40–42].

Подобно тому, как созданы атрибутивные словосочетания *ву эбек*, *вож бака* для обозначения лягушки, использованы определения *ву* «вода» и *вож* «зеленый», которые также указывают на место обитания и цвет лягушки: *ву бака* 145 (Стар. Уча, Кукморский р-н РТ), *ву ба°ка°* 146 (Пойкино, Мамадышский р-н РТ), *ву бака* 139 (Сырья, Балтасинский р-н РТ), *вож бака* 135 (Кузюмово, Алнашский р-н УР), 169 (Асавка, Балтачевский р-н РБ), *вож ба°ка* 172 (Ташкичи, Илишевский р-н РБ). В названии *эйл'о бака* 114 (Пазял, Можгинский р-н УР) указывает на место обитания данного животного. В диалектах *эйл'а* означает «нары» [16. С. 162]. Под нарами, устроенными в жилье без пола древних удмуртов, эти существа вполне могли жить в зимнее время. Элемент *-ла* в наименовании *бакала* 122 (Миндерово, Малопургинский р-н УР) расшифровке не поддается.

С. В. Соколов и В. В. Туганаев обнаружили название *кваккетйсь* (< *кваккетыны* «квакать»), но в словаре не указали место его пребывания [1. С. 96].

Среди названий лягушки немалый интерес представляет название *куйарак* 130 (Стар. Салья, Киясовский р-н УР) и *ву куйарак* 150 (Варзи-Пельга, Агрызский р-н РТ). Как и татары, удмурты название лягушки перенесли на название ангины и ангину именуют *эбек*, *бака*, *тэччас'*. Здесь мы обнаруживаем обратный процесс: название ангины *куйарак* перенесено на название лягушки. Попутно обратим внимание на то, что закамские удмурты, как и башкиры, внутренности речной ракушки называют также *тэччас'* или *бака*. Я вспоминаю, как знахари при лечении ангины больному давали пить воду из ракушки и приговаривали: *Бака луэм, баказэ тани тэччас'эн эмн'ас'ко* «Заболел ангиной, лечу [эту болезнь] речной ракушкой».

Слово *бака* для названия лягушки впервые появляется в словаре Б. Мункачи [21. С. 603]. Но по переводу трудно судить, что обозначает это слово, потому что венгерское *beka* и *Frosh* одновременно обозначают лягушку и жабу. В словаре Ю. Вихмана *baka*, зафиксированное в малмыжском, елабужском, малмыжско-уржумском и уфимском диалектах, также переведено словом *Frosh*. [22. С. 14]. Оба отмечают, что это слово татарского происхождения. Г. Е. Верещагин переводит как лягушка [4. С. 24].

Жаба – земноводное бесхвостое животное с бородавчатой слизистой кожей, похожее на лягушку. Это ночные животные, так как днем они выползают из своих убежищ лишь в исключительных случаях. Жаба живет в лесах в кустарниковых зарослях и часто держится вблизи человеческого жилья, в садах, на полях и лугах, в погребках, в кучах мусора и т. п. Выбрав себе удобное логовище, она живет в нем постоянно, выходит только по ночам на охоту и постоянно возвращается в своё жилище. Днем она показывается только в дождливую или пасмурную погоду. Зимой жаба, как и другие пресмыкающиеся, погружается в спячку, для чего выбирает всегда сухое помещение подальше от воды: при этом жабы очень часто собираются значительными обществами. С виду она очень неуклюжа, на самом деле очень ловко ловит насекомых, тем самым приносит большую пользу сельскому хозяйству [3. С. 229–230]. Наши информанты показали неплохие знания об образе жизни жабы и не путают ее с лягушкой.

Слово *эбэк* и его фонетический вариант *йэбэк* используется для названия жабы.

Название жабы *бака* и его фонетические варианты ба°ка 167 (Давлеканово, Бураевский р-н РБ), 172 (Ташкичи, Илишевский р-н РБ), *бака* 142 (Лельвиж, Кукморский р-н РТ) большей частью распространены среди южных удмуртов, они пришли к ним от южных соседей – татар. Как уже указывалось выше, слово является общетюркским наследием [12. С. 40–42].

Названия жабы *мувыр эбэк*, *музйэм эбэк*, *с'уй эбэк* указывают на то, что это животное обитает вдали от воды, на суше: *мувыр бака* букв. «жаба, живущая на суше» (мувыр «суша»); *музйэм бака* «земная жаба», букв. «жаба, живущая на земле» (музйэм «земля»); *с'уй бака* «почвенная жаба; жаба, живущая на почве (а не в воде)». Некоторые названия указывают на внешний цвет жабы, например: *с'од бака* 89 (Кыйлуд, Увинский р-н УР), *с'о' ба°ка* 172 (Ташкичи, Илишевский р-н РБ), где *с'од* «черный», *бака* «жаба», т. е. «черная жаба». Название *кө°с бака* 138 (Бол. Карлыган, Малотурекский р-н Респ. Марий-Эл), 141 (Мал. Лызи, Балтасинский р-н РТ) связано с тем, что поверхность тела жабы сухая, ср. *кө°с* (лит. *kõs*) «сухой».

Как и для лягушки, для названия жабы использовано также ее умение прыгать, оно спорадически появляется повсюду, поэтому имеет несколько фонетических вариантов: *тэччас'* 16 (Бол. Шабанка, Малмыжский р-н Кировск. обл.), 18 (Дым-Дым-Омга Малмыжский р-н Кировск. обл.), 92–96 (Ягул, Верх. Постол, Лудорвай, Пычанки, Нов. Казмаска), 98 (Бабино, Завьяловский р-н УР), 127 (Аксакшур, Малопургинский р-н УР), 153 (Гожан, Куединский р-н Пермского края), 156–159 (Вот. Ошья, Можга, Норканово, Стар. Варяш, Янаульский р-н РБ), 164 (Байшады), 167 (Давлеканово, Бураевский р-н РБ); *тэччас'* 156 (Вот. Ошья, Янаульский р-н РБ); *тэ'час'* 162 (Большетуганеево, Калтасинский р-н РБ).

В ходе исследования языкового материала разных диалектов удмуртского языка мы пришли к следующему выводу: вполне возможно, что среди множества названий лягушки и жабы *тэччас'* было общим для всех пермских языков. Другие название явились более поздними напластованиями.

Условные сокращения названия языков и диалектов и пр. сокращения: *букв.* – буквальный перевод, *вым.* – вымский диалект коми-зырянского языка; *кз.* – коми-зырянский язык; *кр. юж.* – крайне южный диалект удмуртского языка; *мокш.* – мокшанский язык; *ср.* – срединный диалект удмуртского языка; *удм.* – удмуртский язык; *эрз.* – эрзянский язык; *южн.* – южный диалект.

Литература

1. БиолКБ = Соколов С. В. Биологической нимкылъёсын кылбугор = Словарь биологических терминов / С. В. Соколов, В. В. Туганаев; Под общ. ред. С. В. Соколова; Илл. Н. Вахрушевой. Ижевск: Удмуртия, 1994.
2. Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / Т. К. Борисов; АН СССР. УрО. Удм. ИИЯЛ; Удм. отд. Всесоюзного фонда культуры. Ижевск, 1991.
3. Брем А. Жизнь животных: Млекопитающие, птицы, рептилии, земноводные, рыбы, насекомые. М.: Эксмо, 2002.
4. Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под. ред. В. М. Ванюшева. Ижевск, 2006. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / Отв. за выпуск и авт. предисл., комментариев Л. М. Ившин; РАН УрО УИИЯЛ. (Памятники культуры)
5. ДАУЯ I = Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Г. В. Отставнова. Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии: Науч. изд-е. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. Вып. I.
6. Кротов З. Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ. 1785 года // В кн.: Кротов З. Удмуртско-русский словарь / РАН УрО УИИЯЛ. Ижевск, 1995.
7. Крылов = Вотско-русский словарь глазовского наречия вотяков, составленный преподавателем вотского языка при Глазовской учительской семинарии В. Д. Крыловым. Вятка, 1919.
8. Максимов С. А. Разновидности названий головастика в удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований / Удм. гос. ун-т. Ижевск: ERGO, 2008. С. 165–177.
9. МокшРС = Мокшанско-русский словарь: Ок. 41 000 слов / Н. С. Алякин, Р. В. Бабушкина, В. М. Имярекова и др.; Под. ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феокистова, О. Е. Полякова; Ин-т языка, лит., ист. и экон. при Прав-ве Мордовии. М.: Рус. яз., Дигора, 1998.
10. РУС 1956 = Русско-удмуртский словарь: Ок. 40000 слов / Сост. А. С. Белов, В. М. Вахрушев, А. П. Колесников, Н. И. Кондратьев; УдНИИ ИЯЛ. М.: ГИИНС, 1956.
11. Русских = П. М. Русских, П. Я. Русских, Русско-удмуртский словарь. 2-е изд. М.: Центриздат, 1931.
12. Севортян Е. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву Б / Е. В. Севортян; АН СССР; Ин-т языкознания. М.: Наука, 1978.
13. Соч. = Сочинения принадлежащая къ грамматикъ вотскаго языка. Въ Санктпетербургъ при Императорской Академіи наукъ 1775 года // В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / УдНИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. Ижевск: Удмуртия, 1975.
14. ССКЗД = Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов: Ок. 25000 слов / Сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева; Под. ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961.
15. УРС 1948 = Удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Ложкина и др.; НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. УАССР. М.: ГИС, 1948.
16. УРС 1983 = Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под. ред. В. М. Вахрушева; НИИ при Сов. Мин. УАССР. М.: Рус. яз., 1983.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Перев. с немецк. и доп. О. Н. Трубачева; Под. ред. Б. А. Ларина. М.: Прогресс.
18. ЭРС = Эрзянско-русский словарь: Ок. 27 000 слов / Р. Н. Бузакова, Р. С. Ширманкина, Е. Н. Лисина и др.; Под. ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина; НИИ языка, лит., ист. и экон. при Прав-ве Мордовии. М.: Рус. яз., Дигора, 1993.
19. Яковлев И. В. Удмуртъёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кылъёссэс валэктэсь книга. Казань, 1919.
20. Munk. = Munkacsi V. A votjak nyelv szotara. Budapest, 1896.
21. Wichm. = Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. LSFU XXI. Helsinki, 1987.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 09-06-00-304а.

А. И. Орлова
Удмуртский государственный университет

ДИНАМИКА И СТАТИКА РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ

Речь идет о состоянии языковой нормы современного русского языка и об усилиях по восстановлению гибкой стабильности языковой нормы в соответствии с соблюдением ее критериев.

Ключевые слова: норма и варианты, гибкая стабильность нормы, критерии определения принадлежности к норме, защита русского языка от произвольно внедряемых ненормативных вариантов.

Alexandra Orlova
Udmurt State University

DYNAMICS AND STATICS OF THE RUSSIAN LANGUAGE NORM

The article deals with the norm in contemporary status of the Russian language as well as reinstatement of the flexibility of the language norm in accordance with its criteria.

Keywords: norm and variants, flexible stability of norm, criteria in application to norm, ecology of the Russian language.

Если исходить из дихотомии язык – речь, система – норма, то язык есть система возможностей, а речь – действительность их реализации.

Вопрос ребенку: «Вовочка, что ты делаешь?» – «Рисую». Взрослый, улыбаясь, поправляет дитя: «Рисую». Но Вовочка не так и не прав: нет глагола *рисуть*, а есть глагол *рисовать*. Вовочка реализовал возможное, не подозревая о действительном нормативном варианте.

Три суффикса русского языка *-чик*, *-щик*, *-тель* являются признаками лексем со значением *nomina agentis*: учитель, ваятель, строитель, банщик, носильщик, летчик, разведчик и т. п. Однако их синонимичность не позволяет нам вольно ими распоряжаться: *учильщик, *бантель, *строильчик. Не разрешает языковая норма, явление – признак национальной культуры и самого факта существования нации.

Во все времена языковая норма была заботой мыслящего ядра нации, и разного рода отклонения от нее (возможные и невозможные) вызывали в обществе бурную реакцию на пригодность.

Что есть норма? Что считать критерием нормы? Языковую норму принято толковать как некую совокупность коллективных реализаций языковой системы, принятых обществом на определенном этапе ее развития и осознаваемых им как правильные и образцовые [1. С. 174–176].

Известно, что существенным признаком нормы является вариантность самой нормы. Вариантность определяет специфику норм языка, а норма со своей стороны устанавливает число допустимых вариантов, в этом их диалектическая взаимосвязь. Норма и вариантность соотносятся как необходимость и свобода, заключающаяся в свободе выбора языковых форм в пределах возможного. В противном случае носитель языка рискует быть непонятым.

С одной стороны, существенным признаком нормы является ее стабильность, с другой – наличие вариантов есть свидетельство непрерывного развития языка, его обогащения, иными словами, свидетельство динамики нормы. Это диалектическое единство статичности и динамичности М. Докулил образно и метко назвал гибкой стабильностью нормы [3. С. 135].

Еще в 1938 г. на международном конгрессе лингвистов в Копенгагене Богумил Гавранек предложил различать кодификацию (устойчивую часть нормы, зафиксированную в словарях

и учебных пособиях) и норму как тенденцию к изменению и развитию [4. С. 151–156]. Если кружком изобразить центр – статистическую, кодифицированную часть нормы, то вокруг него расположатся по окружности варианты разной степени приближенности к центру: варианты I, II, III степени и т. д.

Варианты I степени будут более всего претендовать на то, чтобы быть зафиксированными в нормативных грамматиках и словарях, остальные же – могут иметь разную степень существования (допущены – не допущены).

Возникает вопрос о том, как определить эту степень близости к общепринятой, кодифицированной норме. Нередко толкование принадлежности к норме связывается с частотностью употребления варианта, что является в корне неверным подходом к решению проблемы. В нашей стране, начиная от Предуралья до Дальнего Востока, очень многие «*ложат доку́менты в по́ртфели; одевают пальто (во что?), едят «пальца́ми», режут ножница́ми, делают ре́монт, заключают до́говоры*» (последнее подобные «грамотеи», сторонники частотности, превратили в норму!). При таком подходе легко разрушить само ядро, устойчивую кодификацию, и допустить разгул неграмотных вариантов.

Термин М. Докулила *гибкая стабильность нормы* никак не свидетельствует о ее развале. Нельзя не согласиться с Эдуардом Бенешем в том, что факт принадлежности языкового средства к норме решает не частота его встречаемости, а то, является ли применение этого средства при определенных условиях необходимым, возможным, или оно вообще исключено [2. С. 298]. Признание нормативности языкового знака должно опираться на непереносимое наличие трех признаков: 1) соответствия языкового выражения возможностям системы литературного языка; 2) общественного одобрения данного языкового выражения; 3) в последнюю очередь, частотой употребления. Наша страна ликвидировала неграмотность, начиная с 1917 г., но это не значит, что она стала стопроцентно грамотной в высоком смысле этого слова.

Но это уже другой аспект размышлений, требующий специального исследования. С одной стороны, национальный русский язык создан народом, А. Р. Яковлевой и А. С. Пушкиным, с другой стороны, есть слои общества, не соответствующие его культурной норме. Они теперь, к сожалению, распоряжаются русской языковой нормой, вернее, созданными ими «вариантами», изо всех сил стремящимися быть кодифицированными благодаря частотности употребления.

Состояние нормы современного русского языка свидетельствует, к сожалению, о превалировании второго и третьего признаков принадлежности к норме, поскольку частотность употребления «ненормального» одобряется обществом сверху донизу: в средствах массовой информации (не за круглым столом, а «в формате круглого стола» – более солидно!), в речах политических деятелей («риски» – несуществующее множественное число от слова «риск» – политический неологизм, «озвучивание идей» (для глухих, видимо), предприниматели говорят о «властях предержажих», не подозревая, что слово «власть» в русском языке не имеет множественного числа, и оно в этом сочетании не склоняется, так как никогда не употреблялось слово «власти», но словосочетание «власть предержажие»). Но у нас теперь, куда ни оглянись, всюду «власти». Их множество невольно наводит на мысль об отсутствии власти как таковой. «Власти города» – сколько их, кто такие? Это обыкновенная администрация города. К сожалению, эти «власти» стали почти нормой.

Обвал языковых норм происходит по всем уровням языковой системы: 1) в просодике: дикторы радио и телевидения за редким исключением (Владислав Флярковский, Александр Хабургаев, Виктор Татарский, Леонид Азарх) изжили полностью интонационный рисунок русской речи, придав ему восходящий вопросительный характер, не свойственной русской речи; 2) в орфографии: грамотеи «ликбеза» упростили толстовское «Война и мирь», исказив смысл названия, в котором ни о каком мире, как антитезе войны, нет и речи; 3) в словообразовании: беспредел (неверность слова легко доказать: есть предел – нет

предела; бес- стал, таким образом, префиксом к именам абстрактным – «бессовесть», «бестолк»); но – беспредельно(-сть) и т. д.; вместо *безразлично* «без разницы», «без понятия» (фразы, монстры ответов, очень употребительны) и мн. др.; 4) не говоря уже о бесчисленных искажениях в области лексики.

Нередко позорно выглядит в выборе слова «научная» терминология. Так, философы, оперируют термином «кажимость» (затрудняюсь в ударении), но если вдуматься, то это, по всей видимости, одна из характеристик в сопоставлении сущности и явления: способность казаться, быть видимым (о явлении), им удобнее сказать «кажимость».

В медицине прижился термин «физикальные» изменения в организме. Я опрашивала докторов наук Петербургской военно-медицинской академии, но они отстаивали этот полуприличный термин, не желая заменять его на «физиологические». Политики придумали «русскоязычное» население. Теперь уже русские называются только «русскоязычными», а не русскими. Но не русские должны быть русскоговорящими, говорящими по-русски, на русском языке. А «-язычными» норма называет только иноязычных, косноязычных, разноязычных. Но не «-язычное население». Лингвисты придумали термин «безэквивалентная» лексика, равнозначный «беспределу» (эквивалент – «безэквивалент», вместо, эквивалент – нет эквивалента: неэквивалентная лексика). Но первое стало торжествующей нормой, научным термином.

Равнодушие к нормам русского национального языка со стороны общественности, ропщущей только у себя дома, равнодушие филологов разного рода, в особенности, русистов (за исключением В. В. Колесова), грозит утратой основы нашего культурного фонда, если мы, филологи, не объединим свои усилия каждый на своем поприще, как это делают французы. К сожалению, год русского языка прошел незаметно и забыт, мы ответственны за всю эту языковую грязь. Нет языка – нет нации. Языковая норма – признак духовного здоровья нации, а здоровье надо беречь.

Литература

1. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония, норма // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3.
2. *Beneš E.* Die Ausklammerung im Deutschen als grammatische Norm und als stilistischer Effect // Muttersprache. Zeitschrift zur Pflege und Erforschung der deutschen Sprache. Н. 10. Oktober 1968. Mannheim.
3. *Dokulil M.* K otázke normy spisovniho jezyka a jej kodifikace // Slovo a slovesnost. 1951/52. № 13.
4. *Hávránek B.* Zum Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und Sprachkultur // Actes du Quatrieme congres international de linguists. Copenhague, 1938.

Т. В. Симашко

Северодвинский филиал Поморского государственного университета

ИМЕНОВАНИЕ ЛИЦ В КОНТЕКСТЕ ПАМЯТНИКОВ ДЕЛОВОГО ПИСЬМА XVI–XVIII ВЕКОВ

Анализируются приходные и сборные книги XVI–XVIII веков Архангельского Севера. Выделяется два структурно-содержательных блока, раскрываются особенности употребления антропонимов с учетом ситуаций, отраженных в текстах первого структурно-содержательного блока.

Ключевые слова: деловые документы, памятники XVI–XVIII веков, контекстуальные особенности употребления антропонимов.

Tatiana Simashko

Pomor State University, Severodvinsk Branch

NAMING OF PERSONS IN THE CONTEXT OF MONUMENTS OF OFFICIAL PAPERS OF THE XVI-th – XVIII-th CENTURIES

The article presents the analysis of receipt and tax books of the XVI-th –XVIII-th centuries of Arkhangelsk North. Two structural and content blocks are singled out, the peculiarities of anthroponyms usage with reference to the situations fixed in the texts of the first structural and content block are described.

Keywords: official papers, monuments of the XVI-th –XVIII-th centuries, contextual peculiarities of anthroponyms usage.

Изучение документов деловой письменности в аспекте становления и эволюции антропонимической системы уже имеет свою историю, высказаны важные теоретические положения, представлено широкое описание фактического материала [см., например, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10]. Вместе с тем вопрос остается актуальным, поскольку далеко еще не во всех регионах страны такие исследования проводятся, а многие архивные документы, даже где такая работа ведется, остаются еще не прочитанными. Это в полной мере относится и к архангельскому архиву. Тогда как очевидно, что только охват значительного объема материалов местных архивов позволит подойти к более широким обобщениям о формировании общерусской системы имен.

В данной статье рассматривается несколько памятников делового письма XVI–XVIII вв. К анализу привлекаются в основном документы хозяйственного назначения – приходно-расходные и сборные книги, которые составлялись в монастырях, церквях Архангельского края. Скупые, на первый взгляд, записи, содержащиеся в них, на самом деле вмещают значительный объем информации, связанной не только с языковыми особенностями старорусских форм, но и со спецификой быта и культуры того времени. Возможность выявления такой информации служит основанием для включения этих книг в состав источников, позволяющих изучать региональные особенности языковой картины мира.

Исследуемые тексты неоднородны по характеру представленной в них информации. В зависимости от выражаемого содержания в каждом тексте можно выделить два основных структурно-содержательных блока. Первый из них касается самого документа: указание на лицо, которое его ведет, обстоятельства, вызвавшие появление документа, промежуточный или окончательный подсчет имущества и денег, перечисление лиц, являющихся свидетелями совершаемых денежно-имущественных операций. Второй блок информации содержит сведения о денежных или имущественных отношениях между разными субъектами, отражает ситуации купли-продажи, траты на содержание людей, скота и недвижимости, записи долгов взамен предоставленных продуктов и т. д. Кроме того, особое положение церквей и монастырей как носителей духовного начала, поддерживаемых, как говаривали, всем миром, приводит к появлению специфических ситуаций – пожертвования, подаяния.

В каждом из блоков можно отметить как устойчивые, так и вариативные в разной степени и по различным причинам формы подачи информации. Это же касается особенностей состава антропонимов, характера их ввода в различные ситуации. В данной статье обратимся к функционированию именованных в некоторых из обозначенных выше ситуаций.

К первому блоку, как говорилось, относится информация о том, кто ведет документы. Необходимость ее, казалось бы, очевидна, тем не менее она не всегда включается в документы. Кроме того, различен характер ввода имени лица, ответственного за проведение денежных и имущественных операций. Например, во вступительной части книг Богоявленской церкви однозначно обозначена субъектная принадлежность документа: после его названия указывается должность и имя лица. Варьирование здесь незначительно. В книгах 1627 и 1628 гг. дважды употребляются слова *Богоявленская* и *церковная*, которые определяют слова *казна* и *староста*. Тогда как в книге 1639 г. эти определяющие слова употребляются лишь один раз, т. к. не используется слово *казна*, ср.: *книги приходные богоявленской церковной казны богоявленского церковного старосты Семого Дьяконова* [БЦ, 1627]; *книги приходные богоявленского церковного старосты Якова Митрофанова* [БЦ, 1639].

Наряду с таким способом введения лица вступительная часть может включать процедуру выбора старосты. В этих случаях позиция активного субъекта оказывается занятой лицами, выбирающими старосту и дающими ему наказ: *Лета 7106 сентября в 14 день по благословению государя нашего игумена Данила и черного священника Варлама и соборных старцов келаря старца Макарьи да ключника старца Кондратия да старца Мисаила да старца Якова Утки и всей братии Богословского монастыря выбрали есми <...>* [ВММ, 1598]. Поскольку выбор старосты – внутреннее дело монастыря, то этим определяется и ограниченный круг лиц, вовлеченных в ситуацию. Сам же выбираемый староста оказывается в позиции пассивного (воспринимающего) субъекта, которому монахи-выборщики очерчивают круг обязанностей. Например, в приходной книге Важского монастыря Иоанна Богослова записано: *выбрали есми в казначей старца Вавилу и бытии ему в казначеях и писати ему приход казенным денгам и дали ему казначею старцу Вавиле...* [Там же].

Вместе с тем отмеченные различия вряд ли связаны со временем написания или сложившимися традициями ведения документов, т. к. в расходной книге 1592 г. того же монастыря указано лишь его название: *книга расхода Иоанна Богослова* [ВММ, 1592]. Такое же обезличивание человека, ведущего приходно-расходные книги, наблюдается в изучаемых документах XVIII в. Например, может обозначаться лишь назначение документа, место сбора и место назначения: *В 1701-го апреля в 1 день тетрадь записная Богословского монастыря что с которого с крестьян хлеба ржи принято в государеву казну к Архангельскому городу по окладу и то писано в сей тетради ниже сего* [ВМ, 1701] или может озаглавливаться в разных частях документа тип совершаемых операций: *приход 1743 года январь* и *расход 1743 года январь*, такие же записи сделаны и в книге 1744 г. [ВМ, 1743; ВМ 1744].

Характер введения имен лиц, ведущих запись документов, а также их состав зависит от их жанрово-речевой формы. В отличие от приходно-расходных книг в сборных книгах, которые предназначены для фиксирования добровольных целевых подаяний, содержится информация, вскрывающая их специфику. Например, обстоятельно описываются причины сбора денег, в частности, подчеркивается, что *при церквах божских <...> собирается празги самое малое число и приход денежной казны кроме христороубческого подаяния и свечной продажи других зборов в казну ниоткуда не бывает* [ВЕЦ, 1751]. При этом говорится о бедственном состоянии церковного строения, чем и вызвано *намерение вместо оной обветшалой деревянной церкви и имеющейся во оной <...> волости каменной Святаго Великомученика Димитрия Селунскаго Чудотворца церкви приделать каменную во имя Святыя Великомученицы Екатерины* [Там же].

Мы располагаем двумя документами, относящимися к сбору средств на строительство названной церкви [ВЕЦ, 1751; ВЕЦ, 1752]. Как показывает их анализ, им присуще структурно-содержательное сходство, проявляющееся и в описании объекта, который предпола-

ется строить, и в изложении сопутствующих тому обстоятельств, и в употреблении имен лиц, так или иначе связанных с этим. Например, в обоих документах указывается лицо, от которого получено согласие на сбор средств (*преосвященнейшаго Варсонофия архиепископа Архангелогородскаго и Холмогорскаго*) и *по определению* (прошению) которого был дан указ *ея императорскаго величества самодержицы Всероссийския*, имя царицы не называется. Во втором документе, помимо *Варсонофия архиепископа Архангелогородскаго и Холмогорскаго*, который упоминается в начале книги, называется еще один высший чин церковной иерархии в связи с согласованием сбора средств в Москве и Московских уездах – *по благословению святейшаго правительствующаго синода человека преосвященного Платона архиепископа Московского и Севского* [ВЕЦ, 1752].

В обоих документах указываются имена канцелярских служащих, излагающих указ императрицы. В первом – *канцелярист Григорей Шавардин* [ВЕЦ, 1751], во втором – *секретарь Филип Войксов* [ВЕЦ, 1752]. Служащие московских канцелярий названы двухкомпонентными именами, второе из которых оформлено с помощью суффиксов *-ин-* и *-ов-*, являвшихся, как известно, в числе основных при формировании фамилий. Этому образцу соответствует запись имен лиц, проживающих в Куростровской волости, т. е. местных служащих Архангельской губернии, которым – *попам Василию Алексееву Стефану Иванову* – официально вменялось следить за сбором средств на строительство [ВЕЦ, 1751].

Интересным представляется употребление в тексте 1752 г. имени по отцу, в котором, как нам представляется, отражаются, с одной стороны, еще не устоявшийся факт привычной для нас трехчленной структуры имени собственного, с другой стороны, осознание прагматических особенностей формирующихся отчеств, и, наконец, свойственный приказному языку стандарт именования. В данном случае речь идет об имени, введенном в первый структурно-семантический блок, где излагаются события, относящиеся к факту составления документа. В частности, текст 1752 г. начинается обращением к земляку, проживающему в Москве, с просьбой помочь в сборе средств: *Благодетель наш Никифор Христофорович здравствуй <...>*. Далее при изложении просьбы этот человек также назван по имени и отчеству: *покорно просим благодетель наш Никифор Христофорович труда вашего попросить <...> во оное церковное каменное строение <...> кто чем порадует* [ВЕЦ, 1752]. Обращение по имени и отчеству, оформленному суффиксом *-ович*, в данном контексте воспринимается как дополнительная форма вежливости со стороны писавших. Кстати, заметим, что определение *благодетель наш* широко и устойчиво используется в челобитных при обращении, тем самым данная структурно-содержательная часть сборных книг оказывается близкой основным чертам этого жанра.

Иначе на четвертом листе этого документа, где секретарь Филип Войксов излагает указ императрицы и называет лицо – *крестьянина Никифора Христофорова сына Дудина жителствующаго в Москве* [Там же], которому разрешен сбор средств *от доброхотнодателей на строение во оной волости при церкви великомученика Димитрия придела великомученицы Екатерины* [Там же]. В этом случае для оформления отчества используется слово *сын*, связанное с прилагательным от имени отца – *Христофорова сына*. Такая форма, сложившаяся, как отмечал А. М. Селищев, «при посредстве московских приказных канцелярий» [9. С. 102], держалась долго и была известна даже в XIX в.

Структурно-содержательным компонентом первого блока является также информация о наличии совокупного имущества и денег, которые находятся в распоряжении монастыря или церкви. Это отражается в документах при следующих обстоятельствах: при передаче имущества и денег от одного лица к другому, при промежуточном их подсчете и при выемке средств, полученных анонимно. Характер введения лиц во всех трех случаях имеет различия, но присущ как приходно-расходным, так и сборным книгам.

В первом случае – при передаче имущества, как правило, указываются имена лиц, ответственных за него. Например, в рассматриваемой выше сборной книге 1751 г. обязанности ответственных вменяются *попам Василию Алексееву Стефану Иванову и выборным церковным строителям Иосифу и Никифору Дудиным* [ВЕЦ, 1751]. Им и передаются деньги *от прошлого*

церковного строителя Ивана Лопаткина; от прошлого церковного прикащика тысяща семсот пятидесятаго года Алексея Банева [Там же] и т. д.

Аналогично и в приходно-расходных книгах. Например, в приходной книге старосты Семого Дьяконова записано: *взял у прошлого богоявленского старосты у Ждана Емелянова богоявленской церковной казны денег 20 рублей да сена на богоявленских пожнях зеленого и черного пятсот сорок куч да воску 12 гривенок да котел медной* и т. д. [БЦ, 1627]. Ситуация может описываться и от лица, сдающего дела: *7138 сентября в 28 день отдал церковному старосте Роману богоявленской казны рубль денег да сена на богоявленских пожнях зеленого и черного шестьсот пятьдесят одну кучю да хлеба богоявленского по перемеру в анбаре 26 мер ачмени да воску и свеч восемь гривенок* и т. д. [БЦ, 1639]. Заметим, что в исследованных документах при передаче имущества свидетели отсутствуют.

Перечисление совокупного имущества при передаче может занимать разный объем текста и находиться как в начале, так и в конце документа, иногда эта информация может быть представлена и в обеих названных частях. Следует отметить также, что чаще всего хлеб описывается отдельно от имущества и денег, причем нередко в такие списки включается то, что передавалось еще раньше. Например, при передаче от старосты Семого Дьяконова новому старосте Давыду Максиму хлеба, принадлежащего Богоявленской церкви, перемеривали ту его часть, которая поступила Семому Дьяконову *от прошлого старосты Ждана Емелянова* [БЦ, 1627], здесь же указывался расход из перемеренного жита или поступление нового и т. п. По-видимому, такой способ подачи информации не всегда оказывается простым для восприятия. Так, один из документов, привлеченных к анализу, в Архангельском архиве обозначен 1639 г., а если учесть архивный номер дела (д. 457), то и вовсе окажется, что этот документ не только отстоит на десять лет от двух других анализируемых документов – 1627 и 1628 годов, но и принадлежит другой церкви.

Вместе с тем анализ именованных лиц, вовлеченных в однотипные ситуации, позволяет внести уточнения в характеристику времени и места их создания. В частности, было проанализировано содержание той части документов, в которой описывается передача имущества от одного старосты к другому. В результате было обнаружено, что староста Богоявленской Церкви Давыд Максимов, который вел книги, обозначенные 1628 г., передавал имущество новому старосте Якову Митрофанову. На девятом листе документа сказано, что Давыд Максимов старосте Якову Митрофанову *отдал богоявленской казны денег 8 рублей да сена богоявленских пожнях зеленого и черного семсот пол одиннадцаты кучи да воску и свеч 4 гривенки меду 9 гривенок да котел медной болей с ушми и с круками да колокол розбитой под языком да 7 коженок ворваних удирков старых да сто восемь кож ворваних удирки* [БЦ, 1628] и т. д. Определить связь документов помогло также то, что новый староста переписал полученное имущество. В частности, в начале приходной книги, обозначенной 1639 г., записано, что Богоявленский церковный староста Яков Митрофанов *взял у прежнего церковного старосты у Давыда Максимова богоявленской церковной казны денег восемь рублей да сена на богоявленских пожнях зеленого и черного семсот пол одиннадцаты кучи да воску и свеч 4 гривенки меду 9 гривенок да котел медной болей и с ушми и с круками да колокол розбитой и с языком да сем коженок ворваних удирков старых да сто восемь кож ворваних удирки* [БЦ, 1639] и т. д. Обратим внимание на то, что в приведенных отрывках, описанное имущество, суммы денег совпадают, как и ролевые отношения двух старост в ситуации передачи всего принадлежащего Богоявленской церкви (*отдал – взял*). Различаются эти фрагменты лишь одной языковой формой: *колокол розбитой под языком (и с языком)*. Следовательно, совершенно очевидно, что вторая книга должна датироваться 1629 г., она является продолжением книги 1628 г. В свою очередь, последняя продолжает книгу 1627 г.

Отметим также, что сопоставление фрагментов текстов, в которых описывается передача дел от одного старосты другому, позволяет заключить, что записи в каждой из них охватывают год, но не календарный. Так, передача казны богоявленского церковного старосты Семого Дьяконова начата в октябре: *в 20 день старосте Давыду дал денег 2 рубли*

да отдал сена на богоявленских пожнях зеленого и черного семсот девятнадцать куч воску да и свеч 6 гривенок [БЦ, 1627] и т. д. Расходная же книга богоявленской казны была начата старостой Давыдом Максимовым лета 7136 октября в 20 день [БЦ, 1628]. Аналогично и в других книгах. Значит, рассматриваемые книги отражают события соответственно: 1627–1628, 1628–1629 и 1629–1630 гг.

К первому блоку информации мы относим также промежуточный подсчет имущества и денег и выемку средств, полученных анонимно. Промежуточный подсчет, судя по анализируемым книгам, осуществляется нерегулярно и в большинстве проанализированных книг вообще отсутствует. Имя лица, ведущего подсчет, как правило, не называется, так как оно очевидно, совпадает с именем старосты, поэтому в основном встречается лаконичная устойчивая форма: *счел и розход с приходом сошелся* или еще короче – *сошелся* [ВМ, 1598]. Между тем в отдельных случаях имя старосты может называться, например, *Вавила счел* [Там же].

Особый статус в приходных книгах имеют отраженные в них ситуации пожертвования, подаяния. С одной стороны, они отличаются от ситуаций второго блока, в которых отражаются денежные и имущественные отношения, причем главное отличие состоит в отсутствии взаимно направленных действий между участниками ситуации. Деньги, внесенные в случае пожертвования, конечно, приносят доход церкви, будут истрачены на какие-то нужды, но человек, делающий такие вложения, не преследует материальных интересов, пожертвование является средством удовлетворения духовных потребностей. Следовательно, экономические отношения как таковые отсутствуют. С другой стороны, поскольку пожертвования составляют часть дохода церкви, постольку они также учитываются, включаются в общий подсчет казны и соответственно участвуют в расходе. К данным фрагментам приходных книг близки ситуации пожертвования на постройку церквей, описанные в сборных книгах. Ведь хотя эти средства превращаются во вполне материальный объект, однако мотив, который движет людьми иной, не экономический.

Таким образом, ситуации пожертвования, подаяния имеют сходство и с ситуациями первого блока как не отражающими собственно экономических отношений между субъектами, так и с ситуациями второго блока, поскольку собранные средства причисляются к доходной части казны и совокупно участвуют в ее расходной части. Введение имен в рассматриваемые структурно-содержательные контексты также имеет отличительные черты по сравнению с другими ситуациями.

В приходных книгах ситуации пожертвования не выделяются в отдельный блок, их описание идет в одном ряду с описанием собственно денежно-имущественных отношений. Между тем ситуации пожертвования имеют свои языковые формы описания и легко выявляются в составе документа. Можно выделить два варианта представления данной ситуации: пожертвования, сданные лично церковному служителю, и подаяния, положенные без объявления своего имени в церковные ящики и кувшины. Обе ситуации находят отражения и в приходных, и в сборных книгах.

При личном подаянии могут записываться имена жертвователей и имена, на поминавание которых вносятся деньги: *Офонасей Василев дал по брате своем по Якове на церковной обиход 5 алтын* [БЦ, 1627]; *Иван Офонасев дал по зяти своем Завьяле Устьпенезанине на церковной обиход десять алтын* [БЦ, 1639]. В других случаях называется лишь имя жертвователя, а вместо второго имени иногда указывается характер родства с поминаемым, хотя нередко и эта информация отсутствует: *Шетогорской волости крестьянина Федота Ермолина жена Наталья положила Чудотворцу в казну 3 рубли в поминавание по матери своей имя в литийник записано; Немнюжской волости крестьянин Василей Хрыпунов положил в казну 10 алтын итого 30 копеек два имени в синодик написано; Покшенской волости жена Мария положила в казну 5 копеек да рубаху* [ВМ, 1743]. Интересно, что имя жертвователя в исследованных приходных книгах записывается всегда.

Что же касается сборных книг, то отсутствие в них имен жертвователей не редкость, например, *Вдова имени не объявляет радеет в строение церковно 2 рубли с полтиной подписал и принял строитель Осип Дудин; Порадел христоробец 10 копеек принял;*

Строитель Осип Дудин принял от христолюбца в строение церковное 3 рубли [ВЕЦ, 1751]; Радел в каменное строение некто дал 25 копеек; Нехто радеет в церковное строение 50 копеек принято; Доброхотния датели порадели 35 копеек [ВЕЦ, 1752].

Обратим внимание на то, что в сборных книгах каждый случай пожертвования подкрепляется именем того, кто принял (его отсутствие, скорее, исключение), а в некоторых случаях содержится более детальное описание ситуации, сложившейся в момент принятия денег, ср.: *Приежей купец порадел 25 копеек да крестьянин гривну **а писать не умеют** принял и **подписал** строитель Осип Дудин; Афанасей Дмитрев сын Резанов и с матерью своею Татьяной радеет два рубли **в том подписал велением ево** Осип Дудин [Там же]; отдал в церковное строение церковному строителю Осипу Дудину денег 3 рубли Алексей Рычков и **подписал своеручно** строитель принял [ВЕЦ, 1751].*

Второй вариант описания ситуации пожертвования – анонимный сбор – имеет так же, как и рассмотренный выше, и сходные, и различительные черты в языковых средствах выражения. Деньги, а иногда и вещи клали в ящики, кувшины, на блюдо. В приходных книгах имена лиц появляются в контексте выемки средств, присутствие свидетелей, судя по документам, считалось правилом: *7136 сентября в 5 день ис кукушина вынял свечных денег 2 рубли 14 алтын 4 денги **а тут был соцкой Пятой Степанов да Офонасей Панфилов** [БЦ, 1627]; марта в 1 день ис кукушина вынял свечных денег три рубли 8 де **а тут был Фатей Онкидинов соцкой Михало Иванов Пятой Степанов** [БЦ, 1639].*

В сборных книгах так же, как и в приходных, указывается сумма пожертвованных денег, могут, хотя и не всегда, обозначаться свидетели, причем с помощью имен собственных или / и названия сана, должности и т. п. Введенные же в контексты сборных книг именованья, прежде всего, соотносятся с лицами, выполняющими иные роли. Имена собственные обозначают лиц, официально ответственных за сбор средств и непосредственно занимающихся их сбором. Кроме того, в таких контекстах содержится информация о месте сбора, а нередко и о его времени. Например, *14 апреля со зборных ящичков збирал Максим Белых в околопосадных волостях высыпано при священнике Василии рубль 20 копеек поп Василей Алексеев; Из зборного ящичка высыпано при священнике и прихожанах 92 копеек поп Василей Алексеев [ВЕЦ, 1751].*

Ситуация выемки собранных пожертвований может быть и более сложной. Так, в случае выемки вещей и продуктов, их продавали, вырученные деньги присовокупляли к собранным, а людям, которые осуществляли это, выдавали за услуги деньги, например: *при священнике Василии высыпано 7 рублей с полтиной да конопля и прядена и холстин с платовьем собрано и продано при мирских скопу а коноплей досталное на Холмогорах полтора пуды продано и продали всеи 4 рубли 54 копейки и всего 12 рублей 4 копейки и того числа Осипу Лыткину десятая часть ряжено за труды по гривну с рубля рубль 20 копеек а прочие 10 рублей 84 копейки в казну строитель принял [Там же].*

Отметим, что в сборные книги могут включаться также посредники, которые получали собранные деньги от сборщика и отправляли их ответственному в волости лицу, который и делал запись в сборной книге: *От церковного прикащика Стефана Маркова принял денег 6 рублей собранных сыном ево в Санст Питербурхе в церкolvное строение и отпис ему дал октября 23 ден 1753 год принял [Там же].* Но за собранными деньгами может отправляться и ответственный за сбор, например, *1753 году маяя дня будучи в Москве церковной строитель Осип Дудин принял у брата своего Никифора Дудина собранных денег в церковное строение по данному указу о зборе из Московской духовной консистории собранных в Москве Никифором Дудиным 53 рубли 93 копейки Никифор Дудин денги собранные в Москве отдал в том и подписуюсь и еще досталных 55 копеек принял от Никифора Дудина [Там же].* Кстати, обратим внимание на форму имени сборщика – *Никифора Дудина*. В данном контексте оно представлено двухкомпонентной структурой и этим ничем не отличается от языковых форм именованья, которые приняты для обозначения других лиц в рассматриваемых сборных книгах. Напомним, что в проанализированных выше контекстах с иным содержанием это же лицо обозначено как *Никифор Христофорович* и *Никифор Христофоров сын Дудин*.

Таким образом, состав, функции и особенности употребления антропонимов во многом обусловлены включением их в тот или иной структурно-содержательный блок, а внутри его оказывается зависимым от ситуаций, в которые вовлечены те или иные лица. Второй блок, отражающий собственно денежно-имущественные отношения, характеризуется значительным разнообразием ситуаций и языковых средств обозначения лиц, что, конечно, требует особого рассмотрения.

Литература

1. Бахвалова Т. В. К изучению истории развития личных имен в Белозерье (на материале памятников письменности XV–XVIII вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленинград. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1972.
2. Иванова Е. Н. Имена собственные в монастырской деловой письменности Белозерья конца XIV–XV вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Вологод. гос. пед. ун-т. Вологда, 2006.
3. Королева И. А. Деловая письменность как основной источник изучения антропонимической лексики (становление современной формулы *фамилия, имя, отчество*): Учеб. пособие по курсу «Русская антропонимика». Смоленск, 2000.
4. Котков С. И. Исследование и издание скорописных памятников русского языка // Вопросы языкознания. М., 1981. № 6.
5. Осипов Б. И., Гейгер Р. М., Рогожникова Т. П. Язык русских деловых памятников XV–XVIII веков (фонетический, орфографический и стилистический аспекты). Омск, 1993.
6. Парфенова Н. Н. Источниковедческий аспект исследования антропонимии Зауралья XVI–XVII вв. // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV. Ономастика. Ч. 1: Имя и культура. М., 1993.
7. Полякова Е. Н. Региональная лексикология и ономастика: Учеб. пособие. Пермь, 2006.
8. Севастьянова А. А. Севернорусские рукописные материалы XVII–XIX веков в хранилищах Ярославля // Культура Русского Севера / Отв. ред. К. В. Чистов. Л., 1988.
9. Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968.
10. Смольников С. Н. Антропонимия в разных типах деловой письменности Русского Севера XVI–XVII веков: Монография. Вологда, 2005.

Источники материала

- БЦ, 1628 – Богоявленская Ухтоостровская церковь. Книги расходные Богоявленской церковной казны 7136 году старосты Давыда Максимова. 1628 год (ГААО ф. 104, оп. 1, д. 718).
- БЦ, 1639 – Богоявленская Ухтоостровская церковь. Книга церковного старосты Якова Митрофанова. 1639 год (ГААО ф. 104, оп. 1, д. 457).
- БЦ, 1627 – Богоявленская церковь Холмогорского уезда. Книги приходные Богоявленской казны церковного старосты Семого Прокопева. 1627 год (ГААО ф. 104, оп. 1, д. 717).
- ВМ, 1743 – Веркольский монастырь Приходно-расходная книга. 1743 год (ГААО ф. 308, оп. 2, д. 1).
- ВМ, 1744 – Веркольский монастырь. Приходно-расходная книга. 1744 год (ГААО ф. 308, оп. 2, д. 2).
- ВЕЦ, 1752 – Дмитриевская церковь Куростровского прихода Холмогорского округа Архангельской губернии. Сборная книга. 1751 год. Книга записи подаяний на постройку церкви Великомученицы Екатерины. 1752 год (ГААО ф. 104, оп. 1, д. 23).
- ВЕЦ, 1751 – Книга зборная камянному церковному строению Куростровской волости Церкви Святыя Великомученицы Екатерины. 1751 год. (ГААО ф. 104, оп. 1, д. 20).
- ВММ, 1592 – Шенкурский (Важский) Иоанно-Богословский мужской монастырь. Книга записи расхода монастырской казны. 1592 год (ГААО ф. 829, оп. 3, д. 2).
- ВММ, 1598 – Шенкурский (Важский) Иоанно-Богословский мужской монастырь. Книги приходные казначея старца Вавилы. 1598 год (ГААО ф. 829, оп. 2, д. 1).

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ: РК 2009 «Русский Север: Архангельская область», проект № 09–04–48407 а / С «Антропонимия как источник изучения фрагмента региональной языковой картины мира».

The paper is financially supported by RGNF: RK 2009 «Russian North: Arkhangelsk region» project № 09–04–48407 a / C «Anthroponymy as a source of studies of a fragment of a regional language world picture».

Т. В. Сотникова

Тюменский государственный университет

О НЕКОТОРЫХ МОДЕЛЯХ АРГУМЕНТАЦИИ В НАУЧНОМ ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

Анализ модели аргументирующей коммуникации голландских лингвистов Ф. Еемерена и Р. Гротендорста и отечественных авторов приводит к выводу о необходимости комплексного подхода к проблеме, который учитывал бы не только архитектуру текста с установлением основной идеи, но обращал бы особое внимание на выявление его локальной когерентности, что дает возможность определить обоснованность аргументации.

Ключевые слова: аргументирующая коммуникация, когнитивный и аксиологический диссонанс, структура аргументации, стадии разрешения спора, алгоритм проведения анализа аргументирующей коммуникации.

Tatiana Sotnikova

Tyumen State University

ON SOME MODELS OF ARGUMENTATION IN SCIENTIFIC HUMANITARIAN DISCOURSE

Analysis of the argumentative discourse model suggested by Dutch linguists Eemeren F. and R. Grotendorst and supported by some Russian scholars leads to realizing the necessity of an integrated approach to the problem, taking into account not only the architecture of the text with the establishment of its basic ideas, but paying special attention to identifying its local coherence, which will make it possible to determine the validity of argumentation.

Keywords: argumentative discourse, cognitive and axiological dissonance, argumentation structure, the stages of dispute resolution, algorithm of the argumentative discourse analysis.

Культурная динамика в различных областях деятельности и сферах коммуникации развивается в направлении сотрудничества, основанного на культурном плюрализме. Исходя из этого, мы должны интерпретировать межкультурное общение в сфере науки как одну из разновидностей «корпоративного» общения, т. е. общения в рамках определенной субкультуры. Естественно, что данный термин применим лишь к конкретным ситуациям. Речь в данном случае идет о профессиональной, отраслевой коммуникации в сфере научного гуманитарного текста.

Говоря о ситуации общения ученых, представляющих различные языковые коллективы, признак «корпоративности», «социальной идентичности», предполагающий равную социальную компетентность, подвергается частичной нейтрализации в той мере, в какой социальная компетентность связана с предметной. В этом случае принято отмечать обычную межкультурную коммуникацию. Когда речь идет о ситуации общения ученых, представляющих одну дисциплинарную область науки, но разные языковые коллективы, в данном случае следует констатировать ситуацию межкультурной коммуникации. Здесь при равных «социальных» и «предметных» составляющих контекста могут быть различные стратегически компенсационные и акциональные параметры коммуникации. Следовательно, при классификации типов ситуаций, возникающих в межкультурной коммуникации, необходим учет содержания общения, так как определенные различия в когнитивной базе у представителей различных культур могут частично компенсироваться или углубляться в зависимости от совпадений / несовпадений в коллективном когнитивном пространстве, связанном с обращением к определенной предметной области, характеризующей содержание общения.

Еще одна важная особенность межкультурной коммуникации в сфере науки объясняется доминирующим каналом коммуникации. Если в большинстве сфер общения любая коммуникация осуществляется в основном по устным каналам, то для научной сферы

именно письменный канал является важнейшим. Вообще в структуре научной деятельности человека можно отметить две важнейшие составляющие: первая – процесс выведения нового знания индивидуумом, вторая – процесс объективации этого знания путем информирования о нем, т. е. путем межличностной, межгрупповой или межкультурной коммуникации. Знание, полученное человеком в ходе ментальной или экспериментальной деятельности, получает определенный статус, становится принадлежностью членов общества лишь тогда, когда оно выражается в форме текста и воспринимается окружающими.

Особого внимания требует характер сообщения, та информация, ради которой осуществляется коммуникация. Очевидно, в основе научной сферы общения находится получение нового знания о мире. Одним из основных результатов такого рода деятельности является создание определенного текста, представляющего объективно истинную информацию об объектах мира. Высокая степень социальной ориентации данного вида деятельности приводит к обязательности ее социальной регламентации, которая распространяется не только на социальные и статусные роли коммуникантов, на стиль общения, но и на интенции говорящих и характер сообщаемого. Говорящий всегда преследует несколько целей: передать информацию об объекте X, убедить адресата в истинности этой информации, выявить свою роль в получении этой информации. При этом верификация и апробация информативной состоятельности речевых актов и текстов также представляют собой жестко регламентированную процедуру. Все это в целом определяет уникальность коммуникативных процессов в научной сфере.

Все вышесказанное в полной мере относится к такому типу институционального дискурса, каковым выступает научный гуманитарный текст. В этой связи интересно проанализировать модель понимания аргументации в такого рода текстах, предлагаемую голландскими авторами, ибо она в полной мере отражает особенности видения проблемы с точки зрения той или иной культуры.

Аргументация – это совокупность доводов (аргументов), а также способ их представления для обоснования некоторого высказывания или положения дел с целью убедить адресата в их приемлемости или достаточности в конкретной ситуации. Речевым способом выражения аргументации является текст, как правило, в диалогической форме, хотя не исключена и монологическая (например научная статья или монография).

Специфика аргументации как вида коммуникативного процесса и вида речевого воздействия определяется атмосферой конфликтности, понимаемой как когнитивный и / или аксиологический диссонанс. Задачей аргументации становится установление истинности в пределах концептуального мира аргументаторов. Предмет исследования моделей аргументирующей коммуникации лежит между сферами лингвистики и логики. Их отправной пункт – использование аргументов в отстаивании человеком своей точки зрения.

Известно несколько моделей аргументирующей коммуникации. Голландские ученые-лингвисты, создатели модели аргументирующей коммуникации Ф. Еемерен и Р. Гротендорст в своем варианте моделирования дифференцировали структуру аргументации по семи основаниям:

1. Аргументация, опосредуемая социальной деятельностью.
2. Аргументация, опосредуемая интеллектуальной деятельностью.
3. Аргументация, являющаяся вербальной деятельностью.
4. Аргументация, относящаяся к вопросу мнения.
5. Цель аргументации – оправдание или опровержение мнения.
6. Аргументация, состоящая из набора утверждений.
7. Аргументация, направленная на получение одобрения со стороны аудитории [4. С. 7].

Согласно модели Ф. Еемерена и Р. Гротендорста, разрешение любого спора включает четыре стадии: конфронтации, открытой дискуссии, аргументации, заключительная стадия, устанавливающая, кто разрешит спор.

Они же предложили алгоритм проведения анализа аргументативной коммуникации, который включает несколько последовательных операций:

1. Определение обсуждаемых моментов.
2. Распознавание позиций, которых придерживаются стороны.
3. Установление аргументов «за» и «против».
4. Анализ структуры аргументации [5, 6].

Интересно отметить, что модели аргументирующей коммуникации рекомендуют активно применять на практике отрицательную аргументацию. Оказывается, человека гораздо легче убедить отказаться от чего-то, чем направить на что-то. Все вышеизложенное в полной мере применимо и к научному тексту, который в основе своей является аргументативным.

Проблема понимания аргументации в научном тексте может решаться по-разному в зависимости от многих факторов:

- когнитивной картины мира и специальных знаний реципиента;
- временных параметров;
- жанра текста (гуманитарный он или из области точных наук);
- цели понимания (например, прагматическая: последующее изложение в лекциях, в обзоре, критика, принятие за основу для формулирования собственной позиции и т. п. или семантическая: установление правильности рассуждения и исходных посылок).

Принимая все это во внимание, можно попытаться описать подход к пониманию, который учитывал бы не только архитектуру текста с установлением основной идеи, но обращал бы особое внимание на выявление его локальной когерентности, что дает возможность определить обоснованность аргументации.

Гуманитарные научные тексты отличаются от естественнонаучных меньшей степенью жесткости. В. В. Гончаренко и Е. А. Шингарева [3. С. 52–53] определяют жесткость как меру моделируемости текста. Моделирование же можно определить как разновидность результирующего образования при понимании текста. Чем жестче текст, тем легче его структурировать, уложив в некоторую схему. Гибкие тексты – это в основном художественные, жесткие и полужесткие – научные. Гуманитарные научные тексты сами обладают различной степенью жесткости в зависимости от научной традиции и индивидуального стиля автора. Например, максимально жесткими лингвистическими текстами можно считать аннотации и некоторые виды рефератов. Полужесткие тексты имеют более или менее эксплицитное введение, раскрытие предмета исследования и резюме; однако эта схема порой не соблюдается, например в научных статьях.

Понимание научного текста, как полагает Л. Г. Васильев [2. С. 24], может идти по двум линиям. Первая предусматривает понимание содержания на основе установления его семантической структуры, вторая – понимание аргументации в тексте. Эти две линии понимания неодинаковы и предусматривают различные процедуры. Если проводить разделение текстов по принципу динамичности / статичности, то можно говорить о нарративных, дескриптивных и аргументативных схемах текста [1. С. 67]. Понимание любой из этих разновидностей текста вполне осуществимо по первой линии. Вторая же линия применима лишь для аргументативных текстов (хотя в последних могут быть и дескриптивные вкрапления).

Для создания модели понимания аргументации в гуманитарных научных текстах предполагается рассматривать их в монологической письменной разновидности, что соответствует коммуникативному подходу к изучаемой проблеме. В рамках такого подхода аргументация трактуется как дисциплина, отличная от риторики и сопоставимая с аристотелевским пониманием логики и диалектики. Логика коррелирует с коммуникативным, а диалектика – с интерактивным методом аргументирования. При этом интерактивный метод широко используется в анализе обыденной аргументации. Коммуникативный же метод применим для анализа аргументативного письменного текста как особого типа дискурса. Аргументативная ситуация при коммуникативном подходе исключает обращение к ролям коммуникантов и предусматривает иные, чем при интерактивном, условия осуществления

аргументации. В интерактивном аргументировании эти условия ориентированы, прежде всего, на соблюдение правил продуктивного сотрудничества в поиске решения обсуждаемого вопроса. В коммуникативном же аргументировании условия удаи соотносятся, в основном, с законами правильности и логичности построения сообщения и с прогностическими процедурами понимания аргументов в условиях отсутствия обратной связи. Примечательно, что даже в концепциях, предусматривающих диалоговое аргументирование, законы рассуждения, ориентированные на логику, фактически рассматриваются безотносительно к условиям обмена репликами между участниками аргументации. По нашему мнению, с учетом изложенного выше, именно коммуникативный подход остается единственным методом, отвечающим исследованию монологических текстов в условиях непрямого отсроченного (в смысле времени восприятия сообщения по сравнению с его созданием) общения.

Далее следует обратиться к еще одному компоненту модели понимания аргументации в научном гуманитарном тексте – степени воздействия на адресата, которой определяется успешность аргументации, мера достижения согласия между участниками коммуникации.

В подготовленной аргументации общая установка аргументации на убеждение заставляет коммуникантов придерживаться логических правил, взвешенно оценивать аргументы в соответствии с критериями релевантности и достаточности, тщательно отбирать языковые средства. Таким образом, эффективность подготовленной (рациональной) аргументации в письменной форме определяется логичностью, доказательностью и последовательностью изложения.

Анализ коммуникативной ситуации и лингвистической составляющей акта аргументирования с когнитивной точки зрения делает возможным констатировать, что его когнитивная сущность заключается в целенаправленной передаче личного знания о предмете разговора, при восприятии которого в модели ситуации адресата могут проходить какие-либо изменения. При этом задачей адресата будет выделение информации о предмете разговора из представленной ему в виде совокупности высказываний структуры знания адресанта, т. е. разграничение объективного и субъективного в высказывании. Кроме того, подобное общение имеет место в условиях аргументативной ситуации, которая возникает в условиях когнитивного диссонанса при наличии у адресата потребности узнать что-либо из текста с целью выработки и предложения собственного решения поставленной проблемы (многие научные тексты с этой целью и изучаются).

Наконец, следует учитывать, что во все времена научное мышление характеризовалось именно аргументированностью. Поэтому совершенно очевидно, что для ученого умение соблюдать правила научного дискурса оказывается одним из важнейших условий успешной профессиональной деятельности (и гуманитарии не представляют в этом смысле исключения). Научному мышлению соответствует научный язык, который является разновидностью литературного языка. Особенности научного мышления обуславливают общую стилистическую умеренность научного языка – стремление к минимальному употреблению неточных выражений и стилистических излишеств. Думается, что в связи с созданием информационно-поисковых систем по всем отраслям знаний, в том числе и гуманитарного, проблемы полисемии языковых средств выражения для описания понятий, фактов и ситуаций могут быть достаточно эффективно решены и средствами теории аргументации. Чем разнообразнее корректные аргументативные возможности специалиста, тем вероятнее достижение поставленных коммуникативных и профессиональных задач.

Литература

1. *Богданов В. В.* Текст и текстовое сообщение. СПб., 1993.
2. *Васильев Л. Г.* Аспекты аргументации. Тверь, 1992.
3. *Гончаренко В. В., Шингарева Е. А.* Фреймы для распознавания смысла текста. Кишинев, 1984.
4. *Еемерен ван Ф. Х., Гротендорст Р.* Аргументация, коммуникация и ошибки. СПб., 1992.
5. *Eemeren F., Grootendorst R.* Speech Acts in Argumentation Discussions. Dordrecht Holland, 1984.
6. *Eemeren F., Grootendorst R., Kruijer F.* Handbook of Argumentation Theory: A Critical Survey of Classical Backgrounds and Modern Studies. Dordrecht Holland, 1987.

Т. П. Трошкина

Казанский государственный университет

ОБ ОДНОМ ТИПЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИНОНИМИИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Возникнув в древности, первоначальный параллелизм на -ый / -ный превращается в среднерусский период в словообразовательную синонимию. Данное явление носит общеславянский характер, что подтверждается материалами русского, украинского и польского языков.

Ключевые слова: формирование категории качественных имен, синонимичные пары, дифференциация значения, словообразовательная синонимия.

Troshkina Tatiana

Kazan State University

ONE TYPE OF WORD FORMATION SYNONYMY IN SLAVIC

Having appeared in ancient times the original parallelism of -ый / -ный turned into word formation synonymy in the Middle Russian period. This phenomenon has a common Slavic character which may be proved by the examples from Russian, Ukrainian and Polish languages.

Keywords: the formation of the category of qualitative nouns, synonymic pairs, meaning differentiation, word formation synonymy.

Синонимия производного и производящего слов, остающаяся активной на протяжении истории языка, служит подтверждением возможности перерастания однокоренной синонимии в словообразовательную. Современные исследования по историческому словообразованию свидетельствуют скорее не о периферийности данного типа отношений между производящими и производными словами, а об особой роли синонимии данного типа. Роль эта в те или иные периоды развития языка различна, как различны и причины формирования синонимии на синтагматической оси, а также пути развития данной синонимии, служащей иногда «сырьем, материалом» для словообразовательной синонимии, когда синонимия включается в парадигматические отношения. Это происходит весьма интенсивно, когда производящие слова имеют четкую словообразовательную структуру, являясь производными в системе других отношений.

Словообразовательная синонимия прилагательных, находящихся в отношениях производящего и производного слов, относится к числу очень древних явлений, связанных с периодом формирования категории качественных имен. Существительное и прилагательное выделились из общего нерасчлененного имени, причем это настолько древний и неоднозначный процесс, что решение проблем, связанных с ним, представляется скорее всего гипотетическим, особенно если речь идет об одновременности или разновременности появления таких образований, как *недугий – недужный* или *прокий – прочный*.

История формирования и развития субстантивно-адъективных отношений в славянских языках имеет большую временную протяженность, включая на определенной стадии развития распад древнего категориального синкретизма, проходившего с помощью грамматических, лексических и словообразовательных языковых средств. А. А. Потеня связывал синкретичность древнего имени с характером мышления средневекового носителя русского языка – с периодом так называемого мифологического мышления, при котором объективируемая в слове мыслительная информация начинается с обозначения целого восприятия, не разложенного на субстанцию и предикат или атрибут. Одним из главных средств «устранения двойственной субстанции» было словообразование. Образование имен от основ древнего недифференцированного имени не отражало еще межкатегориальных отношений. Искони именное словообразование было внутрикатегориальным (имя > имя). Основной функцией присоединившегося древнего суффикса к древней основе была функция распространения и конкретизации этой основы. При образовании суффиксальных

адъективов типа недужьнь, прочьнь решалась проблема устранения неопределенности семантики производящих слов, хотя и в производном слове семантика оставалась размытой. В дальнейшем между производящим и производным словами устанавливаются отношения словообразовательной синонимии, однако говорить об этом можно только в связи с распадом семантического синкретизма. В. В. Колесов отмечает: «Как осознанный культурный факт многозначность развилась у восточных славян к исходу XIV века. Именно с этого времени ... порождаются синонимические ряды, которых до того фактически не было, поскольку слова, впоследствии ставшие синонимами, раньше входили в разные языки, разные стили, обслуживали разные литературные жанры, – короче были лингвистически неоднородным материалом. Синонимия же материально воплощает идею многозначности, дотоле скрытую в недрах отдельного слова...» [1. С. 19].

Если обратиться к XV–XVII вв., то обнаружится, что количество параллельных образований на *-ый / -ный* значительно сокращается по сравнению с предыдущим периодом (например, в древнерусском языке XI–XIV вв. – примерно 150 пар, а в отмечаемый период – около 90 пар). И тем не менее удастся отметить новые формы, не встречающиеся в памятниках более раннего периода; и, наконец, в отдельных случаях можно увидеть намечающуюся разницу в значениях в синонимичных формах при абсолютной семантической однозначности в предыдущий период.

Показательно, что и в это время в круг образований на *-ый / -ный* включены порядковые числительные (*девяностый – девяностый, девяностый – девяностый, пятьдесятый – пятьдесятый, пятьсотый – пятьсотый* и др., СРЯ XI–XVII вв.), что свидетельствует об определенной популярности словообразовательного синонимического типа на *-ый / -ный* как в древнейшее время, так и в более поздний период. Эта синонимия носит общеславянский характер. Так, например, в польском языке без какой-либо семантической дифференциации выступают *dziesiąty – dziesiąty; pierwszy – pierwszy* и др.

Общее число синонимических пар, о чем уже шла речь, в языке среднерусского периода сокращается, и встречаются они, как правило, без какого-либо смыслового различия. Таким образом, на протяжении длительного периода языкового развития картина меняется по преимуществу в количественном отношении; при этом можно обнаружить частичные качественные изменения, которые приведут постепенно к изменениям коренным. В древнерусский период можно было говорить только о близкочастности слов-синкрет, но не об их синонимии. В среднерусский период, если обратиться к формам на *-ый / -ный*, где образования на *-ый* – производные с позиций рассматриваемого периода, количество семантически однозначных и неоднозначных синонимических пар примерно равно, но не потому, что увеличивается число дифференцированных форм, а в связи со значительным сокращением идентичных пар.

Семантически идентичны в среднерусский период *гораздый – гораздый, искреный – искреный, злый – злый, похабь – похабный, праздый – праздый, пребогатый – пребогатый, прекий – прекий, пристраный – пристраный, притраный – притраный, раный – раный* и некоторые другие, что служит ярким подтверждением значительного сокращения синонимии на *-ый / -ный* по сравнению с древнерусским языком.

Приведенные отношения не являются исключительно русскими или восточнославянскими, например, в польском языке этого периода как абсолютные синонимы представлены следующие пары: *droby – drobny, iny – inny, gościny – gościny, obstaro – obstaro* и т. д.

Наряду с парами, идентичными по значению, можно отметить семантически дифференцированные синонимические образования. Это, например, *извѣстный – извѣстный*. Кроме общего значения «достоверный, точный, тщательный; твердый, непоколебимый; верный, надежный» прилагательное *извѣстный* имеет значения «распространенный, общепринятый, содержащий известие, сообщение (о документе); как субстантиват: «осведомленный, знающий», СРЯ XI–XVII вв. В дальнейшем закрепляется слово *известный* как обладающее более широкой семантикой.

Как и в древнерусском языке, различаются по значению *частый – частный*. И если *извѣстный – извѣстный* имеют частичную семантическую дифференциацию, то *частый – частный* – полную, не являясь в среднерусский период синонимами, а только гипотетически указывая на возможные парадигматические и синтагматические отношения в древности, по аналогии с другими образованиями.

В польском языке: *isty* – 1. несомненный, точный; 2. правдивый, натуральный; 3. типовой, объявленный; 4. главный; 5. известный; *istny* – 1. правдивый, очевидный; 2. существующий реально; 3. типовой, объявленный; 4. гавный; 5. звестный, Сл. п. яз. XVI в.; *obfity* – *występujący w dużej ilości, w znacznym nasileniu, liczny, wielki, pełny, nadmierny, obfity*, 1474 R, XXIII, 297, Urban.; *obfitny* – *obfity, bogaty, nieprzebrany, liczny, largus, copiosus: opfitney lasky plena gracia* 1444, R, XXIII 302, Urban.

Последний пример интересен тем, что форма *obfity* по сравнению с *obfitny* имеет значение интенсивности, усиления, что встречается крайне редко при синонимии подобного типа. По степени признака различаются также *безстыжий* – *безстыдный*, САР, XVIII в. Трудно сказать с полной достоверностью, однако вполне возможно, что, присоединяясь в древности к синкретичной основе, суффиксы не только устраняли двойственность, двусмысленность древней производящей основы, выполняя функцию распространения и конкретизации этой основы, но и выделяли признак в той или иной степени проявления. Известно мнение Н. С. Трубецкого о форманте *-ькъ* как обладающем уменьшительным значением [З. С. 224]; суффикс *-ьн-*, о чем свидетельствуют материалы, также мог выделять признак в определенной степени проявления.

В украинском языке этого же периода *ближій* – *ближній* находятся в довольно любопытных отношениях, так как *ближій* – это ближчий (который находится ближе), форма как бы приравнивается к сравнительной степени, а может быть, и является ею. Но так или иначе, данный пример еще раз подчеркивает, что суффикс *-*јь-* имеет широкие границы функционирования, а отсюда и разнообразные значения.

Наряду с вышеуказанными парами, встречаются семантически неоднозначные образования: *досужий* – *досужный*, *пригожий* – *пригодный*, *прочий* – *прочный*, *различь* – *различный*, а именно: *досужий* – *досужный* – умелый, способный. Кроме этого, *досужный* – имеющий досуг, свободно располагающий своим временем.

Если обратиться к словообразовательной синонимии на *-ий* / *-ный*, где образования на *-ий* – производные, т. е. аффиксально нулевые, то обнаруживается уменьшение количества пар по сравнению с древнерусским периодом. Из семантически однозначных отмечены: *весный* – *весный*, *усердый* – *усердный*, *камчатый* – *камчатный*, *гобиный* – *гобинный*, *заутрений* – *заутренный* *притчиный* – *притчинный* и др.

Подтверждением общеславянского характера адъективной синонимии на *-ий* / *-ный* служат материалы старопольского языка, где без какой-либо разницы значений встречаются пары *jary* – *jarny* (Reczek), *krewny* – *krewny*, *ptony* – *ptonny* (Urban.).

Таким образом, материалы среднерусского периода дают значительное количество синонимических пар на *-ий* / *-ный*, различающихся оттенками значений, где формы на *-ий* – производные (отыменные).

Суффикс *-ьн-* в древнейшие времена способен был осложнять основы одушевленных существительных, образуя прилагательные на *-ний*, *-ный*. В древнерусском языке таких примеров множество, например в русском языке: *прабабный*, *матерный*, *куропатный*, *птичный*, *голубный* и др.; в украинском языке этого же периода: *владичий* – *владичный*; *горносталий* – *горностальный* и др.

О другом пути разрушения синонимии притяжательных прилагательных на *-ий* / *-ный* свидетельствуют образования, различающиеся по семантике, причем формы на *-ный* могут приобретать более отвлеченное значение, как, например, «такой по характеру, знатности, как тот, на кого указывает производящая основа»: *вельможий* – прил. к *вельможа*; *вельможный* – высокородный, знатный, СРЯ XI–XVII вв. Прилагательные на *-ный* приобретают и другое значение. Например, *кожевничий* – прил. к *кожевник*: Вверх по р. Москвѣ къ Лужецкому монастырю по берегу слободка *кожевничья* 9 дворов, Кн. п. Моск. 1, 628, СРЯ XI–XVII вв. В данном случае не приходится говорить о личной принадлежности, т. к. по контексту легко определяется принадлежность родовая. Вероятно, через это значение при осложнении суффиксом *-ьн-* (а также *-ьск-*) появляются адъективы *кожевничный* (кожевнический) с общим значением «относящийся к кожевенному делу»: Продали есми опальной дворъ Иванка Иванова сына, кожевника... со всемъ дворовымъ запасомъ, окромѣ *кожевничного* запаса, АЮБ II, 388, СРЯ XI–XVII вв. Такое значение общего отношения свойственно, вероятно, многим адъективам, образованным от существительных, обозначающих лицо по профессии.

Синонимия притяжательных прилагательных на *-ий / -ный* представлена и в других славянских языках; намечаются также основные пути разрушения этой синонимии. Так, например, в польском языке этого периода: *ropieliczy* – белке принадлежащий, из меха белки сделанный; *ropieliczny* – с белкой связанный (Urban.). Современный польский язык дает форму *ropielicowy*.

Таким образом, синонимия притяжательных прилагательных на *-ий / -ный* широко распространена в среднерусский период, однако заметной становится тенденция к ее разрушению, к размежеванию форм на *-ий* и *-ный*. При этом адъективы на *-ий*, по преимуществу (за исключением *горносталий*), имеют значение общей принадлежности, а образования на *-ный* закрепляют за собой значение «относящийся к какому-либо делу» (при соотнесенности с существительными, обозначающими лицо по профессии), либо общую отвлеченную семантику.

В памятниках среднерусского периода обнаруживаются также единичные пары на *-тый / -тный* (типа *прикрытый – прикрытный*), являющиеся достаточно интересными, поскольку они указывают на истоки таких современных синонимичных пар, как *покатый – покатный*, *сытый – сытный*, *занятой – занятный* и т. д.

В среднерусский период отмечена пара *забытый – забытный*. Можно предположить, что форма *забытный* является либо страдательным причастием, либо отглагольным прилагательным, но привлекает внимание, что наряду с ней достаточно широко, и с тем же значением «забытый, оставленный без внимания», встречается форма *забытный* (*незабытный*): Царь же князь великий за сию измену казанцев посла земля Казанския воевати все улусы 2 своих воевод преславных, а третьяго началнаго воеводу, храбраго князя Семиона Никулинского, достойнаго памяти и *незабытнаго*, Каз. ист., 83, л. 76. Внимательно вчитавшись в текст, можно с большей определенностью сказать, что *забытый* и производное от него *забытный* являются отглагольными прилагательными. Однако есть случаи употребления *забытный* как страдательного причастия: Надhemся и мы не *забытны* и познани тобою быти и жаждуше от тебе млсти, Сл. похв. Ф., 14, СРЯ XI–XVII вв. Наряду с вышеуказанными образованиями отмечена также форма *забытливый* с оттенком действительного причастия в значении «склонный забывать что-л., забывчивый, забывающий»: Бжесвенного писания ненавычен обаче же и *забытливъ* еще же и боязнию одержимъ, Гр. № 52, ГБЛ ф. 20, № 1641 л. 49–50, СРЯ XI–XVII вв.

Независимо от того, является ли *забытый* и ему подобные формы отглагольными прилагательными или причастиями (причастия многими исследователями вообще исключаются из системы глагола), важной является сама возможность абсолютно параллельного употребления форм *забытый* и *забытный* (ср. *забытливый*).

Ни в древнерусский, ни в среднерусский периоды не отмечена, например, форма *приятый* или *принятый*, но *приятный* – 1. такой, который нужно принять; принимаемый; 2. постигаемый, познаваемый; 3. такой, который может быть принят; угодный; 4. удобный, подходящий, пригодный; 5. заслуживающий чего-л., достойный и др. Вполне вероятно, что эта форма образована по аналогии с уже действующим типом на *-тый / -тный* с пропуском одного звена. Тем более что параллельно существуют прилагательные *приятский* и *приятливый*.

Синонимическая пара *прибылый – прибыльный* отличается от предыдущих качеством форманта и более прозрачной соотнесенностью с глаголом: а *прибылые* люди в город не поспели, а были тутошние люди и *прибыльные* немногие, Пис. л., л. 496, с. 31. В дальнейшем – только *прибывшие*.

Таким образом, возникнув в древности, первоначальный параллелизм на *-ый / -ный* превращается в среднерусский период в словообразовательную синонимию. Данное явление носит общеславянский характер, что подтверждается материалами русского, украинского и польского языков. Естественно, что и в XV–XVII вв. семантическая размытость образований на *-ный* не преодолена, хотя семантически дифференцированных синонимических образований больше, чем в древнерусский период. Дальнейшее прояснение и размежевание словообразовательных синонимов производящего и производного слов произойдет в XVIII в.

Литература

1. Колесов В. В. Исторические основания многозначности слов и лингвистические средства ее устранения // Русское семантическое словообразование. Ижевск, 1984. С. 15–23.
2. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1968.
3. Трубецкой Н. С. Славянские прилагательные на -ъкъ // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987.

Источники

- Ист. сл. укр. м.* – Историчний словник українського языка. Т. I. / Ред. Е. Тімченко. Державне вид-во України. Харків; Київ, 1930.
- САР* – Словарь Академии Российской. Ч. I–IV. СПб., 1789–1794.
- СРЯ XI–XVII вв.* – Словарь русского языка материалами русского, украинского и польского языков. Естественно, что и в XV–XVII вв. Вып. I–21. Изд-во: Наука, 1975–1995.
- Сл. п. яз. XVI в.* – Słownik polszczyzny XVI wieku. Т. 1–9. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1966–1975.
- Reczek* – Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1968.
- Urban.* – Słownik staropolski pod red. Stanisława Urbanczyka. PAN. Wrocław – Kraków – Warszawa, 1955–1975.

I. С. Хостаї

Калужский государственный педагогический университет им. К. Э. Циолковского

Т. Н. Федуленкова

Северодвинский филиал Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова

ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОТБОР БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В представленной статье обсуждаются вопросы взаимоотношения терминов «библеизм», «фразеологический библеизм» и «библейская фразеологическая единица» как составных частей метаязыка лингвистики и развивается идея прикладного применения предложенной ранее методики отбора фразеологии библейской этимологии для фразеологического словаря.

Ключевые слова: библеизм, фразеологический библеизм, библейская фразеологическая единица, библейская этимология, фразеологическая абстракция.

Irina Khostai

Kaluga State Pedagogical University

Tatiana Fedulenkova

Pomor State University, Severodvinsk Branch

PHRASEOGRAPHICAL SELECTION OF BIBLICAL PHRASEOLOGY

The paper deals with the problems of interrelation of the terms “Biblicism,” “phraseological Biblicism” and “biblical phraseological unit” as the constituents of the meta-language of linguistics; the idea of phraseographical application of the formerly suggested technique for selecting phraseological units of biblical etymology is developed.

Keywords: biblicism, phraseological biblicism, biblical phraseological unit, biblical etymology, phraseological abstraction.

Вопрос о составе фразеологического словаря чрезвычайно сложен и может решаться по-разному в зависимости от теоретической позиции авторов и стоящих перед ними практических задач, а также в зависимости от типа словаря. Отечественная фразеография имеет сравнительно недолгую историю, всего около полусотни лет, тем не менее, предметом ее гордости считаются такие издания, как «Англо-русский фразеологический словарь» А. В. Кунина, выдержавший к настоящему времени пять изданий, двухтомный «Фразеологический словарь русского

литературного языка» А. И. Федорова, «Фразеологический словарь русского языка», вышедший в свет четыре раза под редакцией А. И. Молоткова, «Немецко-русский фразеологический словарь» Л. Э. Биновича и Н. Н. Гришина, «Испанско-русский фразеологический словарь» под редакцией Э. И. Левинтовой и некоторые др. Однако фразеологических словарей библейской этимологии среди них до сих пор не обнаруживается.

Специалисты в области истории и этнографии, а также такие известные лингвисты, как Д. Л. Джеффри, Л. Смит, А. В. Кунин, С. А. Токарев, Дж. Фрэзер, М. И. Шахнович, Е. М. Ярославский, И. С. Хостай, на огромном этнографическом и фольклорном материале доказывают связь христианства с древними представлениями людей и ставят Библию в ряд с важнейшими памятниками культуры. При этом особенно подчеркивается культурно-историческая и общеобразовательная значимость Библии, которая является неотъемлемой частью духовного наследия народа, частью его глубокого прошлого, нашего отражение в библейских преданиях [17. С. 290].

В священных книгах содержатся сокровища художественных образов необъятной силы, замечательные изречения народной мудрости с ее острой наблюдательностью, меткими оценками и здравыми суждениями. Не случайно Библию часто называют философской и этической энциклопедией древнего мира.

В нашей стране после нескольких десятилетий забвения и гонений вновь усиливается интерес к изучению Библии [6. С. 461] – этому величайшему памятнику культуры и письменности. Основной причиной такого интереса является возврат общества к духовным ценностям [7. С. 70], а также совершенно новый подход к библейским мотивам как к художественным, эстетическим сокровищам и, соответственно, к использованию их для достижения меткости языка, для достижения определенного стилистического эффекта, эффекта живописания.

В настоящее время Библия является объектом пристального внимания литературоведов, как отечественных, так и зарубежных. Почти ежегодно проводятся международные научные конференции, посвященные изучению Библии. Вполне очевидно, что Библия служит не только объектом историко-литературных и философских исследований, но и живейшим, мощным стимулом развития языка, крылатые выражения которой, обладая высокой коммуникативной валидностью [12. С. 4], с неизменным постоянством стимулируют появление окказиональных и узуальных вариантов библейских фразеологических единиц (БФЕ) [9. С. 161].

Своеобразными фразеологическими вехами библейских преданий в современном языке являются фразеологизмы библейского происхождения, которые в наше время выступают в двух ипостасях – с одной стороны, эти языковые единицы являются свидетельством памяти, которую продолжает хранить язык о мифологических образах, а с другой – они представляют вербальный пример утраты былой мифологичности, являясь объектом дальнейшего семантического обновления.

Несмотря на то, что библейская фразеология стала неотъемлемой частью разных функциональных стилей современных европейских языков, онтология слов и выражений библейского происхождения, вошедших в язык, до сих пор остается одной из малоисследованных языковедческих проблем [8. С. 331]. Результатом этого является отсутствие достаточного количества серьезных исследований, посвященных библейской фразеологии. Свидетельством внимания к проблеме изучения слов и выражений библейского происхождения служат некоторые диссертационные исследования, статьи, отдельные высказывания, выполненные на материале различных языков: английского, немецкого, французского, испанского, русского. Однако в целом в работах исследователей фразеологического пласта языка библейская фразеология служит лишь иллюстративным материалом при рассмотрении отдельного фразеологического вопроса [10. С. 173].

Как особый разряд фразеологических единиц библеизмы впервые были выделены английским лингвистом Логаном П. Смитом еще в двадцатые годы прошлого века [4. С. 5]. Не ставя перед собой задачу рассмотрения специфики этих единиц, Логан П. Смит лишь констатирует факт наличия в языке достаточно большой группы фразеологических единиц, восходящих к Библии, и перечисляет их. Английский ученый приводит список из ста пятидесяти восьми ФЕ, восходящих к Библии.

Более полно состав фразеологических единиц библейского происхождения в английском языке впервые определил А. В. Кунин, включивший в «Англо-русский фразеологический словарь» свыше четырех сотен ФЕ, генетически связанных с Библией. Обширный иллюстративный материал этого словаря свидетельствует о том, что подавляющее большинство библейских фразеологизмов активно функционирует в современном английском языке в разных его стилях и жанрах. Дальнейшие исследования библейской фразеологии позволили не только значительно расширить список библейских фразеологических единиц английского языка, но и обозначить круг проблем изучения этого важного и интересного пласта фразеологии.

Анализ современных научных работ приводит к выводу, что понятие *библеизм* / *библейский фразеологизм* в них наполнено различным содержанием. Самым общим термином, используемым для характеристики единиц, генетически связанных с Библией, является *библеизм*, который в словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой определяется как «библейское слово или выражение, вошедшее в общий язык» [1. С. 66]. Этот термин охватывает чрезвычайно разнообразный языковой материал – от слова до единиц паремиологии.

Идентичной точки зрения придерживается и И. Харазиньска, которая относит к библеизмам, как библейские выражения, так и библейские слова, называя их лексическими библеизмами [13. С. 12]. Таким образом, в понятие *библеизм* включаются единицы разных уровней языка, причем основанием данного объединения является лишь факт связи с библейским текстом.

По нашему мнению, термин *библеизм* является гиперонимом по отношению к термину *фразеологический библеизм* [14. С. 177], или *библейская фразеологическая единица* [6. С. 467], и использование последних было бы предпочтительней в рамках научных работ в области фразеологии.

Кроме того, для более точного понимания сущности фразеологии библейского происхождения следует определиться с объемом фразеологического материала, подвергаемого анализу. Связано это с тем, что многие фразеологи исключают пословицы из фразеологии (В. П. Жуков, Н. Н. Амосова, Ю. А. Гвоздарев и др.). Ю. А. Гвоздарев, например, обосновывает свою точку зрения тем, что фразеологическая единица опирается на понятие, а пословица – на суждение [2. С. 24]. Такое разграничение, однако, представляется условностью [18. С. 172]. Гораздо важнее тот факт, что пословицы обладают теми же чертами, что и фразеологические единицы, а именно: раздельнооформленностью, устойчивостью, воспроизводимостью в речи, самостоятельным полностью или частично переосмысленным значением при наличии у них некоторых специфических черт, таких, например, как однозначность, которая объясняется высокой степенью обобщенности, абстрагированности их значения, и, естественно, специфика формы выражения. Все эти черты пословиц могут изучаться лишь в пределах фразеологической науки.

Таким образом, вслед за А. В. Куниным, мы придерживаемся широкого понимания объема фразеологии, объектом изучения которой являются все устойчивые сочетания слов с осложненным значением, и верхней границей этого объема являются пословицы [3. С. 26], классифицируемые как коммуникативные фразеологические единицы [16. С. 11].

Принимая во внимание специфику языкового материала для словаря библейской фразеологии [15. С. 1], уделяем особое внимание методике его отбора. В этих целях считаем целесообразным использовать атрибуционную методику, предложенную С. Х. Стыцной [5. С. 7] и усовершенствованную И. С. Хостай [15. С. 5]. Эта методика в применении к фразеологическим единицам библейского происхождения включает следующие процедуры:

- а) сплошная выборка ФЕ с пометой *библ.* из фразеологических словарей, справочников, словарей и сборников пословиц и цитат;
- б) атетеза – «отведение» от библейского первоисточника ложно приписываемых ему фразеологических единиц;
- в) уточнение формы рассматриваемой ФЕ, что вызвано наличием разнородного, с точки зрения современной фразеологии, материала в английских словарях;
- г) вычленение из словарных статей вариантов библейских фразеологических единиц (БФЕ).

Усовершенствованная методика делает возможным составление адекватного параллельного словаря библейской фразеологии английского, немецкого и шведского языков. Фразеологический материал в данном словаре представляется в алфавитном порядке с ориентацией словарных статей на английский язык. Каждая фразеологическая единица подкрепляется кратким библейским сюжетом, послужившим ее первоисточником.

Универсальный характер библейской фразеологии, как в отношении структуры БФЕ, так и в отношении их семантики [11. С. 175], способствует ее коммуникативной востребованности и постоянному обновлению в речи, что является существенным аргументом в пользу перспективности разработки и составления комбинаторного словаря фразеологизмов библейской этимологии.

Литература

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007.
2. *Гвоздарев Ю. А.* Основы русского фразеобразования. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1977.
3. *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка: Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк.; Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996.
4. *Смит Л. П.* Фразеология английского языка. М.: Учпедгиз, 1959.
5. *Стыцына С. Х.* Стилистическое использование фразеологических единиц в произведениях Дж. Свифта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
6. *Федуленкова Т. Н.* Библейская фразеология в диалоге культур: виды вариантов // Россия и Запад: диалог культур: Сб. материалов 4-й междунар. конф. Вып. 5. М.: МГУ, 1998. С. 461–473.
7. *Федуленкова Т. Н.* Виды метафорического переноса значения в фразеологизмах библейской этимологии // Актуальные проблемы лингвистики: Материалы ежегод. регион. науч. конф. / Урал. лингв. общ.; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1998. С. 70–71.
8. *Федуленкова Т. Н.* Диалог фразеологических единиц и их библейских прототипов // Россия и Запад: Диалог культур: Материалы 10-й Юбилейной междунар. конф. Вып. 12. Ч. II. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. С. 331–340.
9. *Федуленкова Т. Н.* Проблемы вариантности фразеологических единиц библейской этимологии // Язык и культура: Матер. междунар. науч. конф. Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 1997. С. 161–163.
10. *Федуленкова Т. Н.* Узуальная вариантность фразеологии библейского происхождения // Ученые записки. Т. XV: Вопросы германской и романской филологии. СПб.: Ленинград. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2005. Вып. 4. С. 170–175.
11. *Федуленкова Т. Н.* Фразеологические универсалии (на материале глагольной, соматической и библейской фразеологии английского, немецкого и шведского языков) // Лингвистика и лингвистическое образование в современном мире: Материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. В. Д. Аракина. М.: Прометей, 2004. С. 172–177.
12. *Федуленкова Т. Н., Гирич О. В.* Коммуникативная валидность библейской фразеологии (на материале современного английского языка) // «Per Aspera. . .»: Материалы межвуз. конф. молодых ученых. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2001. С. 4–7.
13. *Харазиньска И.* Библеизмы в русской фразеологии. Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1987.
14. *Хостай И. С.* Номинативные особенности фразеологических единиц библейского происхождения // Лингвистика и лингвистическое образование в современном мире: Материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. В. Д. Аракина. М.: Прометей, 2004. С. 177–179.
15. *Хостай И. С.* Системно-функциональные характеристики фразеологических единиц библейского происхождения в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. лингв. ун-т. М., 1997.
16. *Fedulenkova T.* A new approach to the clipping of communicative phraseological units // *Ranam: European Society for the Study of English: ESSE 6 Strasbourg 2002 / Ed. P. Frath & M. Rissanen. Strasbourg: Université Marc Bloch, 2003. Vol. 36. P. 11–22.*
17. *Fedulenkova T. N.* Biblical phraseology: sacred and profane // Россия и Запад: диалог культур: Материалы 7-й междунар. конф. М.: МГУ, 2000. С. 290–299.
18. *Fedulenkova T.* Development of English proverbs // *Sociolinguistic Symposium 2000: Abstracts. Bristol: University of the West of England, 2000. P. 172.*

А. П. Чудинов
Уральский государственный педагогический университет
Э. В. Будаев
Нижнетагильская государственная педагогическая академия

КОГНИТИВНЫЕ И РИТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ТЕОРИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

Большинство современных публикаций, посвященных политической метафоре, содержат ссылки на труды Дж. Лакоффа и М. Джонсона как основоположников теории концептуальной метафоры. Не подвергая сомнению выдающийся вклад названных ученых в лингвистику, следует принимать во внимание, что риторика послужила одним из источников теории концептуальной метафоры. На современном этапе параллельное развитие когнитивных и риторических исследований приводит к их конвергенции.

Ключевые слова: теория концептуальной метафоры, риторика, когнитивная метафора, история лингвистики, политический дискурс.

Anatoliy Chudinov
Ural State Pedagogical University
Edward Budaev
Nizhniy Tagil State Social Pedagogical Academy

THE COGNITIVE AND RHETORICAL ROOTS OF THE THEORY OF CONCEPTUAL METAPHOR

The majority of modern scholars carry out researches into metaphor citing G. Lakoff and M. Johnson's seminal works on the theory of conceptual metaphor. Although G. Lakoff's contribution to linguistics is beyond doubt, some works in the field of rhetoric antedated ideas of the theory of conceptual metaphor. Nowadays the concurrent development of the cognitive and rhetoric trends is characterized by the mutual enrichment and convergence within the theory of conceptual metaphor.

Keywords: theory of conceptual metaphor, rhetoric, cognitive metaphor, history of linguistics, political discourse.

Появление все новых и новых модификаций теории концептуальной метафоры в ее применении к политическому дискурсу требует всестороннего осмысления истории этого научного направления, его современного состояния и перспектив исследования политической метафоры. Хотя до настоящего времени не было монографических исследований этой проблемы, ретроспективный взгляд присутствует едва ли не в любой монографии или диссертации, посвященной теории и практике исследования политических метафор (см. обзоры исследований в [2, 5, 7]). В этих исследованиях постоянно подчеркивается, что в основе большинства современных публикаций по теории и практике изучения политической метафоры лежит классическое исследование Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [17] (в русском переводе [8]). Как справедливо отмечает А. Н. Баранов, названная книга очень быстро была признана специалистами «библией когнитивного подхода к метафоре – своеобразным аналогом сосюрковского «Курса общей лингвистики» в когнитивизме лингвистического извода» [1. С. 7]. Наиболее ярко взгляды Джорджа Лакоффа на теорию и практику концептуальной политической метафоры проявились в его публикациях, посвященных первой и второй войне против Ирака, войне в Югославии и террористическим актам, ужаснувшим Соединенные Штаты 11 сентября 2003 г. [12, 13, 14, 15].

Не подвергая сомнению выдающуюся роль этих публикаций, следует принимать во внимание и другие источники современного подхода к проблемам политической метафоры – риторические исследования метафоры и «долакоффскую» когнитивистику. Политики «жили метафорами» в течение многих столетий, и это не могло пройти мимо внимания специалистов.

Одним из первопроходцев в изучении политической метафорики по праву считается Майкл Осборн, чьи работы по архетипичным метафорам послужили точкой отсчета для исследовательской традиции изучения метафор в риторическом направлении политической лингвистики. Исследовав обращения политиков к электорату, М. Осборн пришел к выводу, что в политической речи независимо от времени, культуры и географической локализации коммуникантов неизменно присутствуют архетипичные метафоры (archetypal metaphors). Политики, желающие в чем-то убедить адресата, используют образы природного цикла, света и тьмы, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации [18, 19, 20]. Такие метафоры опираются на универсальные архетипы и служат основой для понимания людьми друг друга и в то же время создают основу для политического воздействия и убеждения. Основываясь на результатах своих исследований, М. Осборн сформулировал шесть постулатов функционирования архетипичных метафор в политической коммуникации:

- 1) архетипичные метафоры используются чаще, чем свежие метафоры;
- 2) архетипичные метафоры одинаковы во все времена и во всех культурах и независимы от конъюнктурных условий их актуализации;
- 3) архетипичные метафоры укоренены в непосредственном общечеловеческом опыте;
- 4) архетипичные метафоры соотносятся с основными человеческими потребностями;
- 5) в большинстве своем архетипичные метафоры оказывают воздействие на преобладающую часть аудитории;
- 6) архетипичные метафоры часто встречаются в самых важных частях самых важных политических обращений в любом обществе [18. С. 116].

Позже М. Осборн скорректировал широту выводов и статичность предлагаемой картины и пересмотрел категоричность некоторых постулатов в сторону эволюционизма [19]. М. Осборн пришел к выводу, что, несмотря на то, что архетипичные метафоры используются во всех культурах и во все времена, развитие культуры, науки и техники может воздействовать на их частотность. Изучив 56 политических выступлений XIX–XX вв., он обнаружил, что технологический прогресс может уменьшать распространенность архетипичных метафор. Например, в XX в. резко уменьшилось количество метафорических образов, связанных с водой, в то время как в XIX в. речные и океанские метафоры были очень распространены.

Впоследствии исследователи политической метафоры в русле риторического направления опирались на полученные М. Осборном выводы и сохранили в своих исследованиях интерес к архетипичным метафорам в политической риторике, особенно в выступлениях крупных политических деятелей. Например, В. Риккерт [22] исследовал архетипичные метафоры в военной риторике У. Черчилля, несколько позднее К. Джемисон [10] провела сравнительный анализ метафор Э. Брауна и папы римского Павла VI, а в исследовании С. Перри [21] были рассмотрены метафоры А. Гитлера. Анализ архетипичных метафор в идиолектах политиков был направлен не только на поиск подтверждений того, что метафоры обладают значительным аргументативным потенциалом, но и на выявление причин прагматических неудач [23].

Основными предпосылками когнитивного подхода к исследованию метафоры стали положения о ее ментальном характере (онтологический аспект) и познавательном потенциале (эпистемологический аспект). До Дж. Лакоффа и М. Джонсона на феномен метафоричности мышления обращали внимание Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, М. Бирдсли, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эрикссон и другие исследователи, однако наиболее важны в этом плане публикации американского ученого Дж. Джейнса, который, занимаясь проблемой генезиса и эволюции человеческого сознания, предложил оригинальную гипотезу об исторической динамике функциональной асимметрии человеческого мозга, отраженной в письменных источниках различных исторических эпох. В 1976 г. исследователь выпустил книгу «The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind», в которой отдельная глава была посвящена метафорам, что отражает ту роль, которую ученый отводил метафоре в формировании когнитивной системы человека [11]. Дж. Джейнс связывал эволюцию сознания со способностью к метафоризации и считал,

что метафора – это способ расширения нашего понимания мира, экспансии человеческого сознания. Как отмечал Дж. Джейнс, «абстрактные концепты формируются с помощью конкретных метафор» [11. С. 50], но большинство людей не осознают метафоричности многих слов – «слова, обозначающие абстрактные понятия, как древние монеты, чье изображение стерлось от частого использования» [11. С. 51]. По Дж. Джейнсу, понять – значит найти хорошую метафору, подобрать хорошо знакомый и связанный с нашими сенсорными ощущениями образ для осмысления неизвестного и малопонятного. Для описания того, как функционирует метафора, Дж. Джейнс предложил понятия метафифра (metaphier), метафранда (metaphrand), парафифра (paraphier) и парафранда (paraphand). Метафранд – это объект действительности, который мы недостаточно хорошо понимаем и который сравниваем с чем-то другим. Метафифр – это то, что понятно и воспринимается нашими органами чувств. Свойства метафифров и связанные с ними ассоциации – это их парафифры. Например, одеяло – это то, что всем нам знакомо (метафифр), с ним связан ряд ассоциаций-парафифров (тепло, защита, горизонтальное положение, кровать и др.). Эти ассоциации проецируются на понимаемый объект (метафранд) и становятся парафрандами этого объекта, т. е. его новыми свойствами. Таким образом, с помощью метафоры возникают новые идеи. Например, метафора «the snow blankets the ground» (снег накрывает землю одеялом) благодаря метафорической проекции приводит к возникновению парафрандов. В данном примере новая идея может состоять, например, в том, что земля под одеялом будет спокойно спать до весны, и т. п.

Дж. Джейнс выделил ингерентные свойства сознания, лежащие в основе когнитивных процессов человека (нарратизация, отбор, серийность и др.). Некоторые из этих свойств тесно связаны с метафорой. Например, к свойствам сознания Дж. Джейнс причисляет «опространствование» (spatialization). Все в нашем сознании получает пространственное измерение, без которого мы не можем что-нибудь осмыслить. «Мысль имеет связь с конкретными действиями в конкретном мире» [11. С. 61], поэтому в нашем мысленном пространстве мы постоянно оперируем объектами, помещаем их рядом друг с другом или разделяем их. По этой же причине единственный способ понять время или сознание – это дать ему пространственное измерение через метафору.

Предложенные Дж. Джейнсом понятия метафранда, метафифра, парафифра и парафранда соотносятся со сферами источника и мишени и метафорическими следствиями (entailments) в теории концептуальной метафоры. Вместе с тем, эти понятия нельзя отождествлять. Метафифр и метафранд – это объекты действительности, имеющие языковое отображение, а парафифры и парафранды – это исходные и полученные в результате метафоризации знания об этих объектах действительности и связанные с объектами ассоциации, опять же объективированные в языке. В то время как у Дж. Джейнса метафора еще сильно привязана к языковой системе, в теории концептуальной метафоры локус концептуальных сфер и метафорических следствий сосредоточен исключительно в когнитивной системе человека, и окружающая человека действительность рассматривается через систему когнитивных репрезентаций.

Несомненно, рассмотренные выше исследования способствовали становлению когнитивного подхода к метафоре, но именно в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [17] была разработана теория, которая привнесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма и продемонстрировала большой эвристический потенциал применения теории в практическом исследовании. Как и их предшественники, авторы данной книги постулировали, что метафора не ограничивается лишь сферой языка, а сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [8. С. 25]. Такой подход позволил окончательно вывести метафору за рамки языковой системы и рассматривать ее как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры. В более поздней работе «The Contemporary Theory of Metaphor» Дж. Лакофф строго разграничил метафорическое выражение и концептуальную метафору, подчеркивая, что «локус метафоры – в мысли, а не в языке» [16. С. 203].

Итак, теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона родилась отнюдь не на «пустом месте», ее истоки следует искать, с одной стороны, в общих установках когнитивистики, а с другой – в риторических исследованиях политической метафористики [3, 4, 5, 6, 7]. Риторическое направление до настоящего времени выступает как своего рода «конкурент» теории и практики исследования политических метафор «по Лакоффу». Параллельное развитие двух названных направлений нередко приводит к их взаимному обогащению и даже конвергенции, однако новейшая история исследований политической метафористики еще ждет своего детального описания.

Литература

1. Баранов А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 7–21.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: новые зарубежные исследования (2000–2004) // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: Институт языкознания РАН; ТГУ. 2005. № 2. С. 41–50.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. М.: Наука; Флинта, 2008б.
4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М.: Наука; Флинта, 2008а.
5. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006а.
6. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Риторическое направление в исследовании политической метафоры // *Respectus Philologicus*. 2006б. № 9 (14). С. 10–19.
7. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная теория концептуальной метафоры: американский и европейский варианты // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2007. № 2. Ч. 1. С. 10–22.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
9. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Наука; Флинта, 2008.
10. Jamieson K. H. The Metaphoric Cluster in the Rhetoric of Pope Paul VI and Edmund G. Brown Jr. // *Quarterly Journal of Speech*. 1980. Vol. 66. P. 51–72.
11. Jaynes J. The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind. Boston: Houghton Mifflin, 1976.
12. Lakoff G. Metaphor and War, Again. URL: <http://www.alternet.org/story.html?StoryID=15414> – 2003.
13. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. URL: <http://metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm> – 1991.
14. Lakoff G. Metaphors of Terror. URL: www.press.uchicago.edu/News/911lakoff.html – 2001.
15. Lakoff G. Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. Chicago: University of Chicago Press, 1996.
16. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // *Metaphor and Thought* / ed. A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202–251.
17. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
18. Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // *Quarterly Journal of Speech*. 1967а. Vol. 53. P. 115–126.
19. Osborn M. The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic // *Quarterly Journal of Speech*. 1977. Vol. 63. P. 347–363.
20. Osborn M., Ehninger D. The metaphor in public address // *Speech Monographs*. 1962. Vol. 29. P. 223–234.
21. Perry S. Rhetorical Functions of the Infestation Metaphor in Hitler's Rhetoric // *Central States Speech Journal*. 1983. Vol. 34. P. 229–235.
22. Rickert W. Winston Churchill's Archetypal Metaphors: A Mythopoetic Translation of World War II // *Central States Speech Journal*. 1977. Vol. 28. P. 106–112.
23. Stelzner H. G. Ford's War on Inflation: A Metaphor That Did Not Cross // *Communication Monographs*. 1977. Vol. 44. P. 284–297.

Настоящая статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 07-04-02-002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

Т. С. Шмелева

Удмуртский государственный университет

О ПОНЯТИЯХ «СИММЕТРИЯ» И «АСИММЕТРИЯ» В ЯЗЫКЕ

Асимметрия играет большую роль в жизни языка и составляет одну из основных трудностей в его теоретическом осмыслении. Установлено, что асимметрия проявляется по-разному в общей системе языка и в различных его подсистемах. Поэтому, вопрос о формах проявления асимметрии в системе языка имеет не только практическое значение, но и общелингвистическое, теоретическое значение, так как его решение связано с установлением имманентных свойств языка и динамических факторов в его развитии.

Ключевые слова: язык, языковая симметрия, языковая асимметрия, форма, значение.

Tatiana Shmeleva

Udmurt State University

ON THE NOTIONS OF LANGUAGE “SYMMETRY” AND “ASYMMETRY”

Asymmetry plays a great role in the language and is very difficult for theoretical study. It is established that asymmetry displays itself differently in the general system of the language and its different sub-systems. That is why the problem of studying the ways asymmetry reveals itself in the language presents not only a practical interest but a general linguistic and theoretical importance, as its solving is connected with establishing immanent characteristics of the language and defining the dynamic factors of its development.

Keywords: language, language symmetry, language asymmetry, the word form, meaning.

Начиная с 30-х гг. XX в. категории симметрии и асимметрии вошли в активный обиход в лингвистике. Было обнаружено, что симметрия и асимметрия проявляются по-разному в общей системе языка и в различных его подсистемах. «Вопрос о формах их проявления в системе языка имеет не только конкретное, практическое значение, но и общелингвистическое, теоретическое значение, так как его решение связано с установлением имманентных свойств языка и динамических факторов в его развитии» [10. С. 6]. В связи с этим В. А. Карпов подчеркивает: «Асимметрия существует лишь как другая сторона явления и предполагает соответствующую ей симметрию и наоборот, равно как и то, что упорядоченность / неупорядоченность и повторяемость / неповторяемость непредставимы одна без другой. Пока же отметим, что коль скоро в деятельности мозга исследователи обнаруживают функциональные параметры в виде симметрии / асимметрии, то и в функционировании языка-системы эти характеристики должны обнаружиться с необходимостью» [5. С. 23]. Далее В. А. Карпов добавляет: «Асимметрия – необходимое дополнение и противоположность симметрии» [5. С. 299].

Асимметрия, играющая огромную роль в жизни и развитии языка, весьма трудна для теоретического осмысления. В. Г. Гак считает, что если бы не было языковой асимметрии, отпала бы в значительной степени потребность в теоретическом языкознании и споры в этой науке были бы сведены к минимуму [4. С. 106].

Впервые понятие «асимметрического дуализма языковых единиц» было использовано С. О. Карцевским. Он первым среди исследователей языка в своей статье «Об асимметричном дуализме языкового знака» (1929) использовал термины симметрия и асимметрия по отношению к явлениям языка. Его внимание было направлено на соотношение «многозначность / синонимия» языковых явлений, возникающее как результат расхождения между планом выражения и планом содержания. С. О. Карцевский отмечает: «Обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности». Каждое «выходит» из рамок, назначенных для него его партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они

асимметричны: будучи парными, они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать: «адекватная» позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к требованиям конкретной ситуации» [6. С. 85–93].

Многие лингвисты, исследовавшие отдельные формы симметрии и асимметрии в языке, показывают, что явления асимметрии, бытующие как в плане выражения, так и в плане содержания, обуславливают компактность и экономичность языковой системы [6. С. 85–93].

В. Г. Гак выделяет три типа языковой симметрии:

1. Статическая симметрия отдельного объекта: А в отдельном языке;
2. Гомологическая симметрия – в соотношении двух объектов: А – В;
3. Динамическая симметрия при развитии такого объекта: А – А.

Статическая симметрия отдельного объекта в приложении к языку, по В. Г. Гаку, означает изучение отдельного языка, сохранение аналогичных признаков и элементов в звеньях его системы, регулярность их соотношений. Правда, язык отличается от таких объектов как, например, кристаллы, и анализ отдельного языка предполагает его изучение не только в его устройстве, но и в его функционировании.

Согласно В. Г. Гаку, в синхронном плане статическая асимметрия отдельного объекта проявляется в плане системы, структуры и функционирования. Понятие асимметрии тесно переплетается с понятием ядра и периферии в языке. Само разделение языковых фактов на ядерные и периферийные имеет место только при наличии асимметрии в архитектонике языка.

Статическая симметрия имеет место в любом явлении любого уровня данного языка, рассматриваемого в синхронном плане. На ее основе складываются два следующих типа.

Гомологическая симметрия (симметрия переноса) касается явлений двух языков при их контрастивном изучении или при переводе с одного языка на другой. Данный тип симметрии дает о себе знать при сопоставлении двух временных срезов одного и того же языка, при сопоставлении различных территориальных или функциональных разновидностей языка. Такая симметрия ориентирована на пространственную координату даже при изучении разных временных срезов одного языка, т. к. они берутся в этом случае как два синхронно соположенных языковых состояния.

Гомологическая асимметрия сопоставляемых объектов дает о себе знать при сравнении языков. В. Г. Гак отмечает, что сравнение одного языка с другим можно сопоставить с отображением геометрических фигур. В тех случаях, когда пропорции сохраняются, говорят о гомоморфизме. Сравнивая языки, можно устанавливать большую или меньшую степень гомоморфизма, т. е. симметрию соотношений.

Симметрия на синтагматическом уровне нарушается, если простому слову одного языка соответствует аффиксальное или сложное с тем же корнем в другом. Значительно чаще обнаруживается парадигматическая асимметрия, когда одно и то же в этимологическом отношении слово получает различные значения в разных языках и, напротив, одно и то же значение выражается разными по происхождению словами.

В языкознании могут сравниваться: один язык в разных его синхронных срезах, язык-источник и образовавшийся на его базе язык, родственные языки, неродственные языки. При этом во всех случаях сравнение может касаться структуры, системы или функционирования языка.

Сопоставление языков в аспекте функционирования асимметрии проявляется в том, что речевые соответствия не аналогичны системным и данное положение наглядно вскрывается в процессе перевода. Всякое отклонение от системных соответствий в переводе относится к явлениям асимметрии. *Например, настоящее время существует во всех языках, но английскому настоящему продолженному времени в русских текстах нередко соответствует будущее (при выражении запланированного действия).*

Динамическая симметрия выражается в сохранении форм и отношений в процессе эволюции языка, в сохранении пропорциональности значений и форм при словообразовании

и в других случаях образования одной формы языка от другой. Асимметрия проявляется в случаях нарушении данных соответствий. Например, асимметрия обнаруживается в процессе анализа различных областей внутриязыковой динамики (сюда примыкают такие явления, как образование фразеологизмов, грамматикализация, лексикализация, формирование переносных значений слов и грамматических форм и другие языковые явления). Динамическая симметрия проявляется в процессе развития отдельных явлений языка и ориентирована на временную координату [4. С. 123–124].

Эволюция языка движется не только в сторону установления симметрии, но и в направлении асимметрии. Так, например, в языке наблюдается постоянная дифференциация значений слов и форм, снятие омонимии, редукция многозначности и другие подобные явления, создающие симметрию. Однако наряду с этим зафиксировано широкое варьирование средств выражения, появление новых омонимов, аналитических конструкций и способов выражения, и другие факты асимметрии языковой системы.

Асимметрия – это вечное и универсальное явление. К ней нужно относиться не как к «болезни» языка, к недостатку языка как орудия общения, а как к важнейшему компоненту языковой системы, неразрывно связанному с самим устройством и функционированием языка. Поэтому особое внимание следует обратить на симметрию в самой асимметрии. По В. Г. Гаку, главная причина возникновения асимметрии заключается в том, что люди оперируют понятиями с расплывчатыми границами, хотя и с четким ядром. Можно выразить в словесной форме любой объект, даже такой, для которого в языке нет особого наименования. Однако эта важнейшая задача коммуникации реализуется ценой нечеткости границ значения языковых элементов, т. е. слов, грамматических форм [4. С. 123–124].

Симметрия и асимметрия в языке бытуют в состоянии неустойчивого равновесия. Наблюдается постоянное движение от одного явления к другому и обратно. Симметрия создает удобство своим единообразием. Этому благоприятствует выравнивание по аналогии, которое приводит к устранению асимметричных форм. Как правило, симметричные формы более мотивированны, они легче воспринимаются и употребляются и вытесняют немотивированные асимметричные формы, которые носят не классифицирующий, а индивидуализирующий характер. Несмотря на это, однако, симметрия может уступать место асимметрии.

В каждом живом языке существуют определенные средства для компенсации отсутствующих симметричных форм. Например, в русском языке отсутствующее деепричастие от глагола *писать* может быть компенсировано предложным оборотом *ко время письма* или деепричастием от синонимического или смежного по значению глагола: *сочиняя письмо, составляя документ* вместо **пиша письмо, документ* [4. С. 125]. Именно в тенденции к устранению асимметричности, по-нашему мнению, проявляется стремление к сохранению симметричности, системности языка.

Асимметрические и симметрические явления существуют на различных уровнях: фонологическом, морфологическом, синтаксическом.

На морфологическом уровне вопрос о симметрии и асимметрии в языковой структуре / системе рассматривается в основном при построении грамматического строя языка по принципу бинарных оппозиций как отклонения от них [1. С. 97–98].

В этой связи Н. В. Бгашев отмечает, что исследователи, изучающие проявления симметрии и асимметрии языковой структуры на морфологическом уровне, нередко возводят в абсолют симметрию и полностью забывают о ее полярной противоположности – асимметрии. Но они рассматривают асимметрию лишь как явление, возникающее в структуре языка под воздействием внелингвистических субстанций [2. С. 23].

Симметрия на морфологическом уровне рассматривается как «определенная регулярность строения системы языка, повторяемость общих принципов этого строения в его отдельных частях и подсистемах» [2. С. 23]. Асимметрия представляет собой «нарушение уравновешенности языковой системы, обусловленное изменением и развитием языка и вызывающее в свою очередь перестройку всей системы» [там же].

Асимметрические явления реализуются в кругу конструктивных характеристик языка и в области семантики, т. е. не только в плане выражения, но и в плане содержания. План выражения описан достаточно детально по сравнению с планом содержания.

В. Н. Бгашев указывает на то, что не существует и не может существовать «чистых» симметрий и асимметрий в структуре языка [2. С. 23]. В связи с этим можно вспомнить мысль В. С. Готта, что во всех реальных явлениях симметрия и асимметрия сочетаются друг с другом. Во всех правильных, т. е. соответствующих действительности, научных обобщениях имеют место не просто те или иные симметрии и асимметрии, а определенные формы их единства.

Симметричная языковая структура впитывает в себя те или иные черты асимметрии. Этим можно объяснить динамическую устойчивость языковой системы. Асимметрия структуры наступает при появлении элементов нового качества и исчезновении элементов старого качества. При их столкновении и взаимодействии нарушается симметричность системы и одновременно с этим повышается ее асимметричность. Борьба симметрии и асимметрии приводит к изменениям в структуре системы и к ее перестройке, что благоприятствует зарождению новых асистемных и даже антисистемных явлений.

Таким образом, и в языке, как и в других областях природы и общества, понятие асимметрии системы совпадает с понятием наличия в системе асистемных явлений.

Ф. И. Маулер в статье «Виды асимметрий между сторонами языкового знака» отмечает, что «употребление прилагательного «асимметрический» вроде бы имплицитно мыслит о том, что часть знаков отмечена симметрией, гармонией, тогда как другая часть «дефектна», лишена симметрии, упорядоченности» [9. С. 13].

Он полагает, что термин «асимметрический дуализм» является не вполне удачным в силу своих импликаций. По Ф. И. Маулеру, между сторонами знака, между означающим и означаемым даже в самом идеальном случае нет никакой симметрии (= соразмерности). Языковой знак является конвенциональным, произвольным объединением, единством материальной единицы (звучания) и единицы мыслительной деятельности (понятия, суждения). Принципы структурирования этих двух сторон знака имеют между собой мало общего. Если и можно говорить здесь о симметрии, то она совершенно особого рода, она напоминает известный баланс, устойчивость связи между сторонами знака. Такая связь не только произвольна, но и обладает относительной устойчивостью. Ф. И. Маулер выделяет качественную и количественную асимметрию. Под качественной асимметрией он понимает «все те несоответствия, которые наблюдаются между сторонами языкового знака, несмотря на их нерасторжимое единство:

- 1) линейность плана выражения не находит соответствия в плане содержания, носящего глобальный характер;
- 2) расхождение между ранговыми номерами единиц содержания и единиц формы;
- 3) весь комплекс частных противоречий между формой и содержанием языковых единиц...» [9. С. 14].

Несоответствия и противоречия между сторонами языкового знака в своей совокупности составляют качественную асимметрию. Данный тип асимметрии, по Ф. И. Маулеру, детерминирован самой природой языка, он обязателен.

Другой комплекс явлений составляет количественную асимметрию. Она становится возможной лишь благодаря качественной. Количественная асимметрия, как правило, детерминирована внешними по отношению к языку факторами и факультативна. Этот тип асимметрии распадается на два феномена, обратных по отношению друг к другу и известных как многозначность и синонимия.

Г. Д. Лочмеле, Н. И. Тонкова рассматривают асимметрию языка как «отсутствие в языке соответствия между планом содержания и планом выражения» [7. С. 99]. Ю. Н. Люткина трактует асимметрию как несоответствие, рассогласование обозначаемого и обозначающего. Она рассматривает два вида асимметрии: асимметрию поля в целом, проявляющуюся в наличии элементов промежуточного, переходного характера,

и межуровневую асимметрию, выражающуюся в несоответствии формального (лексико-грамматического) и содержательного (семантико-прагматического) уровней конкретных лексических и синтаксических единиц. Они различаются по форме реализации, но имеют общую основу – несоответствие плана выражения и плана содержания языковых явлений, что объединяет их в понятии неконгруэнтности [8. С. 104].

Неконгруэнтность представлена такими языковыми единицами, «которые по своим свойствам или отклоняются от канонической стереотипной формы, или выпадают из определенного класса единиц: характеризуются смысловой неоднозначностью (неопределенностью) или обладают асимметричной организацией содержательной и формальной сторон» [3. С. 180].

Обычно подчеркивается, что в диалектическом единстве симметрии и асимметрии ведущее место принадлежит симметрии в силу того, что при любом изменении системы языка в ее структуре неизменным, константным остается определенный набор элементов, что благоприятствует преемственности в развитии языковой системы. С другой стороны, динамичность и изменчивость структуры языка является маркером внутренней противоречивости структуры и указывает на ее асимметрию.

Итак, общепhilософские категории симметрии и асимметрии представляют собой диалектическое единство, в силу чего в науке о языке они изучаются в их единстве и взаимозависимости. Такой подход к рассмотрению этих двух явлений языковой архитектоники способствует более глубокому познанию структуры языка, дает возможность объяснить динамическую стабильность данной структуры и ее готовность к изменениям.

Литература:

1. Бархударов Л. С. К вопросу о бинарности оппозиций и симметрии грамматических систем // Вопросы языкознания. 1966. № 4. С. 96–102.
2. Бгашев В. Н. Симметрия и асимметрия языковой системы // совершенствование обучения в условиях перестройки высшей школы: Материалы семинар-совещания по иностранным языкам вузов Средней Азии и Казахстана. Душанбе. 1990. С. 21–26.
3. Варшавская А. И. Неконгруэнтность в языке // Спорные вопросы английской грамматики. Л., 1988.
4. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
5. Карпов В. А. Язык как система. 2-е изд., испр. М., 2003.
6. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях / Сост. В. А. Звегинцев. М., 1965. Ч. 2. С. 85–89.
7. Лочмеле Г. Д., Тонкова Н. И. Компрессия информации в рекламном заголовке и асимметрия знака // Асимметричные связи в языке. Владикавказ, 1992. С. 97–106.
8. Люткина Ю. Н. Формально-содержательная асимметрия некоторых типов отрицательных предложений // Асимметричные связи в языке. Владикавказ. 1992. С. 102–110.
9. Маулер Ф. И. Виды асимметрий между сторонами языкового знака // Асимметричные связи в языке. Орджоникидзе, 1987. С. 11–17.
10. Шапкин А. П. Об одной категории формально-содержательной асимметрии в языке // Исследования по синтаксису современного английского языка: Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина № 285. М., 1967. С. 3–9.

А. Ф. Шутов

Удмуртский государственный университет

РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЕ АНАЛОГИ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются распространенные члены предложения – моносубъектные / немоносубъектные инфинитивные и другие конструкции, функционально соответствующие различным типам придаточных предложений, история их возникновения. Анализируются структурные особенности и стержневые слова конструкций.

Ключевые слова: предложения с моносубъектными и немоносубъектными конструкциями, семантические аналоги придаточных предложений, происхождение, стержневое слово конструкции, трансформация, гипотаксис.

Alexander Shutov

Udmurt State University

EXTENDED PARTS OF SENTENCES AS SEMANTIC ANALOGUES OF SUBORDINATE CLAUSES IN UDMURT LANGUAGE

The article deals with extended parts of sentences – monosubjective and nonmonosubjective infinitive and other constructions which functionally correspond to different types of sentences; special attention is given to their history, structural patterns and keywords.

Keywords: monosubjective and nonmonosubjective constructions, semantic analogues of subordinate clauses, origin, the construction's key word, transformation, hypotaxis.

В уральском праязыке, по-видимому, отсутствовали союзные придаточные предложения, так как в современных уральских языках нет восходящих к праязыковой эпохе подчинительных союзов. “Служебных слов, за исключением отрицательных вспомогательных глаголов, в прафинно-угорский период еще не было. Союзы в то время не сформировались, поскольку сочинение предложений и его однородных членов осуществлялось без связующих слов, и союзные сложноподчиненные предложения появились в отдельных ветвях и даже языках значительно позднее” [1. С. 215]. В удмуртском и коми языках общепермским можно считать лишь условно-временной союз *ке / кӧ* ‘если’, возникший из частицы. Одним из древних средств выражения гипотактических отношений в уральских языках являются предложения с распространенными членами предложения (оборотами).

В удмуртском, а в целом и в пермских языках, можно выделить две разновидности конструкций с неспрягаемыми формами глагола (деепричастиями, причастиями, отглагольными именами и другими словами): а) конструкции **моносубъектные**, имеющие общий с основной частью предложения субъект действия в виде одного грамматически выраженного подлежащего (приводим удмуртские и коми примеры): у. *Гурт пыртӧ потыкуз, со сельполэн магазинэз азе дугдӧиз* [2. С. 121] ‘Проходя через деревню, он остановился перед магазином сельпо’; к. *Керкаысь петӧм мысьт Мишка эз тӧд, кодарланьӧ мӧдӧдчыны, да сувтовкерис кильчӧ вылас* [3. С. 73] ‘Выйдя из дому, Мишка не знал, в какую сторону направиться, и приостановился на короткое время на крыльце’; б) конструкции **немоносубъектные**, стержневое слово которых выражает действие, не относящееся к субъекту, выраженному подлежащим предложения. Это преимущественно так называемые субъектные (или разносубъектные) конструкции, имеющие отличный от подлежащего основной части предложения свой грамматически выраженный субъект действия: у. *Юамлы пумит верамысь Мӧння чалмытскем бере, Дыдык нош ик кырӟаны кутске* [4. С. 11] ‘После того как Мӧння, уклонившись от ответа на вопрос, умолкла, Дыдык снова начинает петь’;

к. *Лым сылём бөрүн, Петруш сикт дорти тундраё мунігөн, Исак купеч стадаын тыдовтчис выль пастух – Зимогор* [3. С. 128] ‘Когда после стаяния снега двигались к тундре мимо деревни Петрушино, в стаде купца Исака появился новый пастух – Зимогор’.

Конструкции первого типа, вероятно, могли развиваться в недрах простого предложения: такой точки зрения на материале разных языков придерживаются А. Рифтин [5. С. 66], Н. З. Гаджиева [6. С. 50] и др. При реализации порядка слов “определение + определяемое” второстепенные сказуемые в форме инфинитных (неконечных) глаголов, превращаясь в определители основного сказуемого в личной (конечной) форме глагола, предшествуют ему: *1928 арын, рабфаклэн кыкетий курсаз потэме бере, академической отпуске потыса, июне Ижевске бертий* [7. 1976. № 3. 31] ‘В 1928 году, после перехода на второй курс рабфака, взяв академический отпуск, в июне я приехал в Ижевск’; *Отделенияз пырыса, мае ке лушкам мурт сямен, адымиос адзёмлэсь азьло ординаторское пырыз но, чылкак зигарыз бырыса, диван вылэ лэзькиз* [8. С. 74] ‘Зайдя в свое отделение, как что-то укравший человек, пока люди не увидели, он вошел в ординаторскую и, полностью обессилив, опустился на диван’. Термины “конечные”, “неконечные” формы глагола или сказуемые, использованные в алтаистике и монголистике, действительно отражают характерное строение предложений языков агглютинативного типа.

Конструкции второго типа некоторые ученые (П. Н. Перевошиков, Н. М. Терещенко) считают возникшими из определительных словосочетаний, но многие финно-угроведы (Ф. Й. Видеманн, Д. Р. Фокош-Фукс, А. Клемм, Г. Стипа, Л. И. Калинина, Э. Кангасмаа-Минн и др.) справедливо, на наш взгляд, возводят их к бывшим самостоятельным предложениям. Однако исследователи не дают ясного истолкования самого процесса превращения бывшего древнего предложения, не существующего и не имеющего реликтов в современном языке, в конструкции с инфинитной формой глагола. Такой механизм превращения на материале тюркских конструкций указанного типа, как мы считаем, довольно убедительно рассмотрен в монографии Н. З. Гаджиевой [6. С. 212–225]. Ее концепции придерживаемся мы в вопросе происхождения рассматриваемых конструкций удмуртского языка (о нашей точке зрения см. также: [9. С. 283–289]). Однако обстоятельно развернутая концепция Н. З. Гаджиевой не является единственной в своем роде. Большой интерес представляет замечание Ф. Й. Видеманна [10. С. 230] о возможности в пермских языках с помощью отглагольных имен и деепричастий **сокращать два предложения в одно**, а также предположение Д. Р. Фокоша-Фукса [11. С. 306–307] о том, что рассматриваемые синтаксические образования представляют собой **контаминацию двух конструкций**: к. *me voi* ‘я пришел’ *X team votöd’ž* > *me votöd’ž* ‘до моего прихода’.

Предложения с инфинитными конструкциями постоянно привлекали внимание исследователей. Об этом свидетельствует ряд высказываний (теорий) относительно статуса и природы происхождения конструкций рассматриваемого типа на материале разных языков: теория сокращения предложений с помощью неличных форм глагола (если эта теория сокращенных придаточных предложений в русистике была отвергнута, то для удмуртского и вообще языков агглютинативного типа ее актуальность не утрачена), трансформация предложений (зависимые трансформы) [12. С. 30; 6. С. 212, 235], номинализация предложений [13. С. 118–130; 14. С. 17], свернутое предложение [15. С. 19], конструкции “бессоюзного гипотаксиса”, “склонение предложений” [16. С. 40] и др.

Трансформационную сущность предложений удмуртского языка можно продемонстрировать, взяв за исходное любое предложение. Для иллюстрации этого явления возьмем сначала предложение со сказуемым, выраженным личной формой глагола и проведем трансформации предложения (по выражению М. И. Черемисиной, “просклоняем” его): *Коля городысь гуртэ бертэ* ‘Коля из города в деревню возвращается’ – *Коля городысь гуртэ бертыку, куазь шундыё вал* ‘Когда Коля возвращался из города в деревню, погода была солнечная’; *Коля городысь гуртэ бертэм бере, куазь шулдыр кариськиз* ‘После того как Коля возвратился из города в деревню, установилась хорошая погода’; *Коля городысь гуртэ бертон нуналэ куазь шундыё вал* ‘В тот день, когда Коля вернулся из города в деревню,

погода была солнечная'; *Колялэсь городысь гуртэ бертэмзэ ми кемалась витиськом ини* 'Мы давно уже ждем, когда Коля вернется из города в деревню'; *Колялэн городысь гуртэ бертэмез милемыз ваньмес шумпоттiиз* 'Нас всех порадовало то, что Коля вернулся из города в деревню'.

Подобным образом можно преобразовать предложения с именным сказуемым (без глагольной связки): *Куазь шулдыр* 'Погода хорошая' – *Куазь шулдырен пинальёс кыре потэмын* 'Так как погода хорошая, дети вышли во двор'; *Куазь шулдырлы ваньмыз шумпото* 'Все радуются, что погода хорошая'; *Куазь шулдыр нунальёсы ми бусыын ужамы* 'В те дни, когда погода была хорошая, мы работали в поле'. Указанные трансформы позволяют более подробно раскрыть природу происхождения гипотактических конструкций с инфинитными глагольными формами и другими словами в удмуртском языке.

Предложения с немоносубъектными конструкциями возникли из двух самостоятельных предложений и являются одной из древних форм выражения гипотаксиса в удмуртском языке. Действие порядка слов "определение + определяемое" в удмуртском языке приводило к тому, что, втягиваясь в рамки подчиняющего предложения, глагол-сказуемое подчиняющегося предложения превращалось в деепричастие, причастие, отглагольное имя в падежной форме или с послелогом, а именовое сказуемое подчиненного предложения при трансформации подвергалось адъективации или субстантивации.

В удмуртском и коми языках глагол-сказуемое подчиненного предложения чаще всего трансформируется в *м*-овые и *н*-овые инфинитные формы (отглагольные имена, причастия), являющиеся исторически финно-угорским (уральским) праязыковым наследием. При соединении двух простых предложений в целях подчинения одного предложения другому глагол-сказуемое подчиняющегося предложения может быть преобразован следующими способами:

1. Глагол-сказуемое превращается в деепричастие, *м*-овое и *н*-овое отглагольное имя в падежной форме или с послелогом. Так возникают семантические аналоги **обстоятельств** придаточных предложений, среди которых особенно выделяются абсолютные деепричастные обороты, обладающие значительной самостоятельностью в предложении: у. *Ачид ужатэк, куазь уз сёт* (Посл.) 'Если сам не будешь работать, от погоды не жди (букв. Сам не работая, погода не даст)'; к. *Батъыс первойсö быгавмöныс повзис нёль красноармеец пырöмысь* [3. С. 61] 'Сначала отец страшно испугался прихода четырех красноармейцев'.

Относительную самостоятельность приобретают и другие субъектные обстоятельственные конструкции, стержневыми словами которых являются *м*-овые и *н*-овые отглагольные имена в падежной форме или со служебными словами (послелогам): у. *Егитъёс сайкыт салкымын нумиськон дыръя, беризь улэ нош ик пересь вуиз* [17. С. 90] 'Когда молодые встретились в прохладной тени, под липой снова появился старик'; к. *Ва воссьёмсянь йи куттöдз ветлан – "кывтанкатан"* [3. С. 75] 'Со вскрытия реки до ледостава ездись вниз и вверх по реке'.

Субъект конструкции может быть выражен не только существительным или другим словом в именительном падеже, но и лично-притяжательным суффиксом при стержневом слове конструкции: *Пересь кызыпу улэ вуыкумы, пеймыт луэ ни вал* [18. С. 16] 'Когда мы подходили к старой березе, уже темнело'.

Имеются случаи, когда при подчинении трансформации подвергается не только глагол-сказуемое бывшего предложения, но и подлежащее слово, которое принимает аффикс родительного падежа: у. *Отчы ветлыны кутскизы Володялэн цехе интыяськемез бере* [7. № 12. 7] 'Туда они начали ходить, после того как Володя устроился в цех'. В последнем примере между словом, выражающим субъект действия, и отглагольным именем, выражающим его действие, устанавливается изафетная (притяжательная) связь – *Володялэн интыяськемез* (букв. 'Володино устроение-его').

2. Глагол-сказуемое подчиняющегося предложения превращается в *м*-овое (реже *н*-овое) имя в падежной форме (чаще всего в аккумулятиве) или с послелогом. Бывшее предложение становится распространенным дополнением к сказуемому подчиняющегося предложе-

ния. Так возникают семантические аналоги **дополнительных** (по структурно-семантической классификации **изъяснительных**) придаточных предложений. При подчинении трансформации часто подвергается и подлежащее, и сказуемое зависимого предложения одновременно: между бывшими главными членами устанавливается изафетная связь – существительное принимает аффиксы родительного или разделительного падежей, а отглагольное слово – притяжательный и падежный аффиксы: у. *Мон солэн дано учёной луэмезлы чик уг паймиськы* [7. 1974. № 3. 32] ‘Я несколько не удивляюсь, что он стал известным ученым’; к. *Дыр кыліс Илья Лысколысь нораа омлялёмсё* [3. С. 126] ‘Долго слышал Илья, как жалобно воет Лыско’; у. *Тйни со ужсьёслы ик люкетозы тынад телефон юбоосыд. Малпаскы соосты кызы воитон сярись, аслад кивалтисьёсыныд кенешы* [7. 1976. № 3. 17] ‘Вот тем работам и помешают твои телефонные столбы. Подумай, посоветуйся со своими руководителями, как их заменить’.

Объектные конструкции в удмуртском языке весьма разнообразны. Они могут содержать в своем составе относительные местоимения и наречия, которые могут быть использованы и в качестве стержневого слова конструкции: у. *Озы поплэсь малы, кытчы кошкемзэ нокин өз тод* [19. С. 90] ‘Так никто не знал, куда и зачем ушел поп’; *Адями адже ук кинлэсь кыйёзэ* [7. 1974. № 12. 25] ‘Человек же видит, кто каков’. Такие конструкции легко можно трансформировать в придаточные предложения, превратив указанные слова в союзные слова, ср.: *Адями адже ук, кин кыйё* (перевод тот же). Объектные конструкции последнего типа для коми языка не характерны.

Реже трансформации может подвергаться в удмуртском языке только сказуемое подчиненного предложения, принимая при этом аффикс дательного падежа: *Гужем каникулёс вуэмлы Лёняен Мики туж шумпотізы* [7. 1975. № 1. 53] ‘Лёня и Миколка очень обрадовались наступлению летних каникул’. Именное сказуемое подчиненного предложения, оформляясь падежно-притяжательными аффиксами, субстантивизируется: *Тыметлэсь артынзэ мон тонтэк но тодйсько* [7. 1976. № 1. 52] ‘Что пруд рядом, я и без тебя знаю’.

3. Глагол-сказуемое подчиненного предложения превращается в *н*-овое (реже *м*-овое или другое) причастие. Бывшее предложение становится определением к существительному подчиняющего предложения. Так возникают семантические аналоги **определятельных** придаточных предложений: у. *Маринаен Микол пумиськон нуналэ соослэн атайёссы кулон камераын огазе вуизы* [20. С. 77] ‘В тот день, когда встретились Марина и Микола, их отцы оказались вместе в камере смертников’; к. *Сійö вöлі батьö кулан воö* [3. С. 47] ‘Это было в год смерти отца’; у. *Дöдьмы трактор ортем сюресті солань-талань бекмылляське* [21. С. 49] ‘Наши сани бросает из стороны в сторону по дороге, по которой проехал трактор’. Трансформации может подвергаться и подлежащее подчиненного предложения. Оно принимает аффикс родительного или разделительного падежа: между бывшим подлежащим зависимого предложения и существительным подчиняющего предложения, к которому относится подчиняющееся предложение, при этом устанавливается изафетная связь: у. ‘*Öз лыкты, но мон сое витисько*’, – *я чассэ, я Олялэсь лыктон сюрессэ синйылтэ Ложкин* [22. С. 13] ‘*”Не пришла, но я ее жду*”, – поглядывает Ложкин то на часы, то на дорогу, по которой должна прийти Оля’.

4. Глагол-сказуемое подчиненного предложения превращается в *м*-овое (реже *н*-овое) отглагольное или другое субстантивированное слово. Бывшее предложение становится **подлежащим** подчиняющего предложения, а между бывшими главными членами после их трансформации часто устанавливается изафетная связь: у. *Дангырлэн сюрлозэ сётымтэз солы яраз* [4. С. 18] ‘Ей понравилось, что Дангыр не отдал свой серп’; к. *Кылö машина колесаяслөн асфальт вывті лöня шыргöм* [3. С. 128] ‘Слышно тихое шуршание движущихся по асфальту колес машин’; *Бюджетись коньдонлэсь кытчы кошкемзэ эскерыса возён луонлык кылдытоз уксьёз жечгес кутыны* [23. 1996. 9 ноября. С. 1] ‘Контроль за расходованием бюджетных денег создаст возможность лучше использовать финансы’.

При подчинении предложения с именным сказуемым его сказуемое подвергается адъективации (так возникают субъектные определительные конструкции) или субстантивации (возникают объектные и обстоятельственные конструкции): *Мылкыдыз умой муртэн вераськыны но капчи* (Посл.) ‘С человеком, у которого хорошее настроение, приятно и разговаривать’; Табере *вера, кызьы тойдь мынэсьтым татынме* [24. С. 108] ‘Теперь скажи, как ты узнал, что я здесь’. Примеры на трансформации предложений с именным сказуемым в коми языке нами не зафиксированы.

К немоносубъектным конструкциям с неличными формами глагола в удмуртском языке, кроме субъектных конструкций, относятся в редких случаях конструкции, которые соотносимы с односоставными предложениями: *Ӗжытак шуныт луэм бере, Миша гид сигазы кӧланы кутскиз* [25. С. 14] ‘Когда немножко потеплело, Миша начал ночевать на чердаке хлева’; *Вандэмо Кукшан паласен лыктыку, нырысь ик Чокорлэн, Нунылэн но Мыстай Иванлэн юртъёссы син азе пуксё* [7. 1975. № 11. 34] ‘Когда приходишь в Вандэмо со стороны Кукшана, сначала перед глазами появляются дома Чокора, Нуны и Мыстай Ивана’.

Следует отметить, что имеются случаи частичной аномальной трансформации, когда бывшее подлежащее подчиненного предложения принимает показатель винительного падежа: у. *Ми тонэ бырид кожам* [17. С. 49] ‘Мы подумали, что ты погиб (букв. Мы тебя погиб подумали)’.

О том, что рассматриваемые предложения с немоносубъектными инфинитными и другими конструкциями возникли из двух предложений, свидетельствуют следующие факты: 1) наличие в предложении двух грамматически выраженных субъектов в именительном (при изафетном оформлении в родительном или разделительном) падеже или, иначе говоря, способность формирующего члена конструкции в большинстве случаев к реализации “собственной субъектно-подлежащей валентности”, что характерно и для самодийских языков [26. С. 366; 27. С. 54–55]; 2) формирующие члены (инфинитные формы глагола) конструкций, как и личные формы глагола, сохраняя способность глагольного управления (валентность), могут иметь при себе зависимые конститuentы; 3) составные формирующие члены инфинитных конструкций, которые можно трансформировать в глагольные и именные составные сказуемые, ср.: *Нюлэскын писпу куаръёс ёужектыны кутскыку, чорыгъёс, чорыгъёслэн сямъёссы чылкак воштӱсько* [7. 1975. № 11. 50] ‘Когда в лесу начинают желтеть листья деревьев, рыбы и их повадки становятся совершенно другими’ – *нюлэскын писпу куаръёс ёужектыны кутско* ‘в лесу начинают желтеть листья деревьев’; 4) невозможность самостоятельного функционирования той части субъектных отглагольно-именных конструкций, которая была бы взята изолированно от служебного слова: ср., например, *нюлэскысь писпуос куарен шобырскыны кутскон...* (букв. ‘из леса деревья листьями покрываться начинание...’) в предложении – *Нюлэскысь писпуос куарен шобырскыны кутскон дыръя, Эольгырилэн пиосыз потыса вуо* [28. С. 43] ‘Когда деревья в лесу начинают покрываться листвой, у воробьев уже появляются птенчики’.

Некоторые тюркологи, например татарские языковеды, предложения с субъектными конструкциями в татарском языке рассматривали в качестве сложноподчиненных предложений синтетического типа [29. С. 169–189], затем позднее – в качестве сложнопаянных предложений [30. С. 418–448]. Вслед за тюркологами пытался рассматривать предложения с указанными конструкциями в удмуртском языке В. И. Алатырев [31. С. 151–157]. Однако такая точка зрения финно-угроведами и удмуртскими языковедами не была принята: конструктивными признаками сложноподчиненного предложения ими традиционно признается, во-первых, наличие подчинительных союзов и союзных слов для связи придаточных предложений с главными, во-вторых, деепричастия и другие неличные формы глагола не могут употребляться в качестве самостоятельного сказуемого ни в простом, ни в придаточном предложении.

Наряду с придаточными предложениями некоторые конструкции с неличными формами глагола являются весьма продуктивным средством выражения гипотаксиса в удмуртском языке. В коми языке такие конструкции употребляются реже, по-видимому, они

вытесняются синонимичными придаточными предложениями. В современном венгерском языке обороты подобного типа, как отмечают исследователи, находятся в реликтовом состоянии. А в самодийских языках они являются основным средством выражения гипотаксиса.

Литература

1. Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / АН СССР. Институт языкознания. М.: Наука, 1974.
2. *Архипов Т.* Адымилэн чеберез: Роман. Ижевск: Удмуртия, 1963.
3. Современный коми язык: Синтаксис / Под ред. Н. Н. Селькова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. Ч. 2.
4. *Кедра Митрей.* Сеқыт зйбет: Роман. 2-тй изд. Ижевск: Удгиз, 1935.
5. *Рифтин А.* О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке // Советское языкознание. Л., 1937. Т.3. С. 63–69.
6. *Гаджиева Н. З.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1973.
7. Молот (литературно-художественный и общественно-политический журнал УАССР).
8. *Красильников Г.* Арлэн кутсконэз: Роман. Ижевск: Роман. 1965.
9. *Шутов А. Ф.* Абсолютные обороты в удмуртском языке // СФУ. 1978. № 4 (XIV). С. 283–289.
10. *Wiedemann F. J.* Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. SPb., 1884.
11. *Fokos-Fuchs D. R.* Die Verbaladverbien der permischen Sprachen // ALH. Budapest, 1958. VIII. S. 273–342.
12. *Kurylowicz J.* The Inflectional Categories of Indo-European. Heidelberg: Carl Winter Universitätverlag, 1964.
13. *Kangasmaa-Minn E.* Über die Nominalisierung des Satzes im Tscheremissischen // Symposion über Syntax der uralischen Sprachen. Göttingen, 1970. S. 118–131.
14. *Bartens R.* Mordvan, tšeremissin ja votjakin konjugaation infiniittisten muotoen syntaksi // SUST. Helsinki, 1979. № 170.
15. *Цыпанов Е. А.* Причастие в коми языке: история, семантика дистрибуция. Екатеринбург: УрО РАН, 1997.
16. *Черемисина М. И.* Некоторые вопросы теории сложного предложения. Учеб. пособие. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1979.
17. *Коновалов М.* Гаян. Ижевск: Удм. кн изд-во, 1958.
18. *Васильев Н.* Азвесь портсигар. Ижевск: Удмуртия, 1976.
19. Удмурт калык сказкаос. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1940.
20. *Самсонов С.* Кам вадьсын гудырья: Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1969.
21. *Самсонов Е.* Зор бере: Веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1967.
22. *Смирнов В.* Будо бадярьёс: Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1976.
23. Удмурт дунне (республиканская газета Госсовета и правительства УР на удмуртском языке).
24. *Гаврилов И.* Вордйськем пальёсын. Кыкетй книга. Ижевск: Удм. кн. изд- во, 1959.
25. *Ломагин К.* Котьку сюлэмын. Ижевск: Удмуртия, 1993.
26. *Морев Ю. А., Кузнецова Н. Г.* Особенности грамматического строя самодийских языков по сравнению с финно-угорскими // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Материалы I всерос. науч. конф. финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995. С. 365–367.
27. *Кузнецова Н. Г.* Деепричастия в самодийских языках // Структура и развитие волжско-финских языков: Тез. докл. междунар. науч. конф. / Мар. гос. ун-т, Научный центр финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1996. С. 53–56.
28. *Яковлев И. В.* Вторая книга для чтения на вотском языке. Казань, 1908.
29. Современный татарский литературный язык / АН СССР, Казанский ин-т языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова. М.: Наука, 1971.
30. *Закиев М. З.* Татарская грамматика. Т. III. Синтаксис. / АН Татарстана, Ин-т языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова. Казань, 1995.
31. *Алатырев В. И.* Синтетический тип сложноподчиненных предложений в удмуртском языке // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: Тез. докл. и сообщ. / АН СССР. Ин-т языкозн. Мар. НИИ. Йошкар-Ола, 1969. С. 151–157.

IV. СОЦИОЛИНГВИСТИКА

IV. SOCIOLINGUISTICS

В. А. Булдаков

Санкт-Петербургский государственный университет

О ЛЕКСИКОНЕ МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В ГЕРМАНИИ

В статье рассматриваются коннотации слов и фразеологических единиц, относящихся к современному лексикону молодежной субкультуры Германии. В ходе исследования выделяются некоторые лексико-семантические группы, типичные для молодежного социолекта Германии.

Ключевые слова: социокультурная деятельность, социолект, лексикон молодежной субкультуры, коннотация.

Vladimir Buldakov

Saint-Petersburg State University

ON THE LEXICON OF THE YOUTH SUBCULTURE IN GERMANY

The article considers the connotations of German words and phraseological units which cover the modern lexicon of the youth subculture in Germany. The research made it possible to single out some lexico-semantic groups which are typical for the youth sociolect in Germany.

Keywords: sociocultural activity, sociolect, lexicon of the youth subculture, connotation.

Социокультурная деятельность людей во всех ее разновидностях в конечном итоге направлена на удовлетворение потребностей общества в целом или господствующего в данном обществе социокультурного слоя. Исключительная важность социокультурной деятельности приводит в конечном итоге к возникновению в обществе групп лиц, занимающихся определенным видом теоретической или практической деятельности: наукой, производством, политикой, искусством и т. п. Возникают и соответствующие лексические страты (социолекты), регулярно функционирующие в рамках данных групп людей и обозначающие совокупность понятий, связанных с видом социокультурной деятельности, выполняемым какой-либо группой.

С ростом общественных потребностей и углублением эпистемологической деятельности происходит дальнейшая социальная и профессиональная дифференциация общества; соответственно возрастают в количественном отношении и совершенствуются соответствующие лексические страты, дифференцируясь при этом от общеупотребительной лексики.

Языковой опыт, приобретаемый людьми в процессе их социокультурной деятельности, имеет и социолектный аспект. Так, в частности, лексические страты, регулярно обеспечивающие коммуникацию в социокультурных пластах общества, прочно связываются в коллективном сознании носителей языка с этими пластами; при этом социокультурная оценка этих групп и пластов переносится и на закрепленный за ними арсенал лексических средств. Этот арсенал, в свою очередь, распределяется по следующим лексическим стратам:

- профессиональные лексиконы;
- групповые лексиконы [4. С. 152].

Групповые лексиконы, а именно лексикон немецкой молодежной субкультуры, составляет тему исследования данной статьи.

В последние десятилетия особо пристальное внимание уделяется социолекту молодежи [2. С. 3, 1983; 5, 2001; 6, 2005; 1. 2007].

Выступая в качестве особой социально-возрастной группы, молодежь проявляет экстрагрупповой неконформизм, направленный против «мира взрослых» и принятой в этом

мире системы ценностей, что находит свое языковое выражение в лексических единицах с пейоративной коннотацией: *Mummel*, *Meckerliese* (мать); *Zwangsverwalter* (отец); *Dinos*, *Fossilien* (родители); *Mitesser*, *Mumie*, *Grufti*, *Komposti*, *Krücki* (пожилой человек, пенсионер); *Intelligenzkaserne*, *Bildungsschuppen* (школа, гимназия); *altdeutsches Aas* (строгий учитель); *gebildetes Arschloch* (высоко мнящий о себе взрослый человек с высшим образованием).

Интрагрупповой конформизм молодежи способствует ее объединению в социум со специфической ценностной шкалой, что также находит свое выражение в коннотированных языковых единицах: *süßes Aal* (интимная подружка); *hohles Ei* (несимпатичный молодой человек); *die Emaile splittert ab* (у кого-л. грим (макияж) не в порядке).

Молодежный социолект не является гомогенным целым и проявляет определенные региональные и групповые различия. Так, например, слова *Giftnudel* (сигарета), *Friedhofsjodler* (кашель курильщика) употребительны лишь в Баварии и Австрии. В целом он, однако, характеризуется не столь региональными, сколько субкультурными расхождениями.

Каждая из молодежных группировок обладает своими лексическими особенностями. Например, глагол *abfackeln* (поджечь здание, в котором проживают иностранцы, принадлежащие к другой расе или национальности) используется в среде правозащитной молодежи. В свою очередь существительные *Composter*, *Blehhirn* (компьютер) используются, как правило, фанатами Интернета.

Возможно, тем не менее, выделить языковые единицы, употребляемые значительной частью молодежи в силу физиолого-психологических особенностей этой возрастной группы, которые образуют следующие тематические разряды.

- **Девушки, юноши, ухаживание, секс:** *Turp* (парень, молодой человек); *Macker* (парень, ухажер); *Ken* [клевый малый]; *Ische* (девчонка); *Fleischbeschauung machen* (смотреть на девушек с целью выбора объекта ухаживания); *canceln* (дать отставку (любовнику, любовнице)); *cruisen* (шляться, искать сексуального партнера (большой частью о гомосексуалистах)); *ein Mädchen abstauben* (завести уличное знакомство с девушкой); *Tussi*, *Tuss* (девушка, подруга); *scharfe Braut* (красотка); *Entwicklungsland*, *Marienblume*, *Novizin* (девственница); *abgestempelt* [уже не девушка, не девственница]; *ankern* (жениться, выйти замуж); *kalben* (рожать); *wilde Biene* (девушка легкого поведения).

В данной группе можно выделить многочисленную группу глаголов, обладающих общим значением «иметь половое сношение с девушкой»: *besamen*, *bürsteln*, *connecten*, *durchkneten*, *ferkeln*, *klöppeln*, *knipseln*, *knuspern*, *poppen*, *stempeln*, *wippen*, *downloaden* и т. п.

Также выделяются существительные с общим значением «половое сношение»: *Bums*, *Fick*, *Bauchrutscher*, *Vögeln*, *Nummer*, *Rutschpartie*, *Nahkampf*.

- **Учеба:** *Leerer* (учитель, слабо знающий свой предмет); *Pauker* (учитель); *Paukerin*, *Nervensäge*, *Pädademagogin*, *Kathedratin* (училка); *Zahlenqual* (учительница математики); *Paukerkönig*, *Direx* (директор школы); *Rauchermelder* (дежурный учитель, проверяющий, не курят ли в школе); *Fall Haus*, *volle Hand*, *volles Ding*, *Koffer* (неуд); *exen* (выгнать, исключить из школы, вуза); *Volltreffer* (отличная оценка); *Folterkammer* (спортзал); *Feuertaufer* (первая экзаменационная сессия студента-первокурсника); *Bilanz*, *Lohntüte*, *Nachruf* (диплом об окончании университета).

- **Свойства внешности, характера:** *Abgebrochener* (коротышка); *angeproled* (неряшливый, небрежный, не следящий за собой); *Bonsai* (1. малявка; 2. недоморок (о низкорослом человеке)); *Proll* (опустившийся, неряшливо выглядящий человек); *cool* (клевый, крутой); *Kaktuskopf* (ежик (прическа)); *kinky* (чудной); *Nabelküsser* [юноша / мужчина маленького роста]; *Axel Schweiß* (сильно потеющий и пахнущий потом человек); *Babyface* [некто старше 16 лет, однако выглядящий как ребенок (особенно лицо)]; *Brillenschlange* [пейоративное наименование человека, носящего очки]; *Ekelbratsche* (мерзкий тип); *Ganz-Körper-Frechheit* (урод из уродов); *Kloni* (человек без недостатков, само совершенство).

- **Досуг, увлечения:** *Tankstelle* (пивная); *Destille* (кабак, бар); *Destillensaft* (водка, шнапс); *Tigerpisse* (виски); *Conni*, (*schlapper*) *Nazi* (коньяк); *Knilchkneipe* (безалкогольное кафе); *lascher Bock*, *Plürre*, *Jauche*, *Lorke*, *Plempe* (выдохшееся пиво); *Molle*, *Altherrenbrause*,

Gerstenkaltschale, Bölkstoff (пиво); *Heule, Symphonienbehälter* (портативный радиоприемник, аудиоплеер или магнитофон); *Disse, Jubelscheune, Lämmerhüpfen* (дискотека); *SFB (Sturmfreie Bude)* (родителей нет дома); *das Hotel Mama ist besetzt* (родители дома); *feten, festen* (устроить вечеринку); *Alugurke, Ferraritretter* (велосипед, велик); *Feuerstuhl, Brummer* (мотоцикл).

Значительную страту образуют слова, связанные с употреблением наркотических веществ: *dealen* (торговать наркотиками); *fixen, schießen, drücken, knallen, shooten* (впрыскивать себе наркотики); *grasen, kiffen, quarzen* (курить гашиш либо марихуану); *Fixe, Gun* (шприц для инъекций наркотиков); *Kiffer, Potkopf* (курильщик гашиша или марихуаны, «торчок»); *Go-Pills* (пилюли с наркотическим действием); *gone sein* «уйти в небытие» (быть в состоянии наркотического опьянения); *Drogi, Drogist, User* (наркоман); *clean sein* (быть «чистым», избавиться от зависимости); *Chippie* (начинающий наркоман).

• **Оценка умственного состояния:** *tumb* (придурковатый); *Blödi, Hirni, Nullchecker, Lusche, Nullspanner, Gipskopf, Penner, Knilch, Nachtjacke, Torfkopf, Klein Adlerrauge, Papa Wolf* (придурок, даун); *unter Naturschutz stehen, einen doofen Vater haben, mit dem Socken geschlagen sein* (быть глупым); *Geisteskanone* (умница); *du hast wohl den Arsch auf?* (спятил ты, что ли?); *einen in der Klatsche haben* (быть с заскоком, с придурью); *Diddl* (дурачок); *Daffel* (идиот); *Kameltänzer* (придурок, полный идиот); *Sieb* (глупый, бездумный человек).

• **Высшая степень качества:** *abfetzmäßig, groovy, super, magniperb, urst, urisch, supergeil, intergeil, affengeil, endgeil, krass, korrekt, analog, ätzend, fundamental, fundi.*

• **Выражения удивления:** *Das haut den stärksten Eskimo aus dem Schlitten! Ich denke, mich knutscht ein Elch! Ich glaube, mein Schwein pfeift!*

• **Выражения отчаяния:** *Es ist, um auf die Palme zu klettern! Es ist zum junge Hunde kriegen!*

По причине постоянного взаимодействия жаргонов [3] отдельные лексические единицы легко переходят из одного жаргона в другой или даже в аргю. Например, фразеологизм *auf den Strich gehen* (идти на охоту (охотн. жарг.) в настоящее время известен и употребителен в аргю в значении (идти на панель, проституировать). В качестве примеров приведем следующие сложные существительные, производные от данного фразеологизма: *Autostrich* (дорожная проституция (проститутки предлагают свои услуги, сидя в собственном автомобиле или поджидая автомобилистов у автобанов); *Schnepfenstrich* (австр.), *Babystrich* (проституция среди малолетних); *Strichjunge* (мужчина-проститутка, молодой человек, оказывающий сексуальные услуги за деньги).

Из приведенного иллюстративного материала вытекает, что в ряде случаев определить принадлежность слова к какому-то конкретному жаргону крайне затруднительно. Преодоление этих трудностей требует постоянного лингвистического мониторинга, отслеживающего динамические процессы в лексиконе молодежной субкультуры Германии.

Литература

1. *Новые слова в XXI веке: Немецко-русский словарь* / Т. С. Александрова, И. Б. Пригоникер. М.: АСТ; Астрель; Хранитель, 2007.
2. *Портянникова В. Н.* Стилистические особенности молодежных жаргонизмов // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1975. Вып. 6.
3. *Скворцов Л. И.* Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии // Литературная норма и просторечие. М.: Наука, 1977.
4. *Степанова М. Д., Чернышева И. И.* Лексикология современного немецкого языка. М.: Академия, 2005.
5. *Ehmann H.* Voll konkret: Das neueste Lexikon der Jugendsprache. München: Beck, 2001.
6. *Ehmann H.* Endgeil: Das voll korrekte Lexikon der Jugendsprache. München: Beck, 2005.
7. *Müller-Thurgau C. P.* Laß uns mal 'ne Schnecke angraben: Sprache und Sprüche der Jugendszene. Düsseldorf: Econ, 1983.

Н. Ю. Ерофеева

Удмуртский государственный университет

ПРОЯВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА В РЕЧИ: РЕЧЬ МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ

Язык – основное средство конструирования социальной идентичности личности. Изменение женских и мужских ролей в современном обществе нашли свое языковое подтверждение в широком распространении слова «гендер». Одно из направлений гендерных исследований в лингвистике: мужская и женская речь.

Ключевые слова: речевое поведение мужчин и женщин, деятельность мозга; функции речи; модели построения текстов; языковые средства.

Nina Erofeeva

Udmurt State University

GENDER IN SPEECH: MALE AND FEMALE SPEECH

Language plays a decisive role in a person's social identity formation. The changes in male and female roles in modern society are reflected in the wide use of the word "gender." The study of male and female speech comprises one of the trends in linguistic gender research.

Keywords: male and female speech, brain work, speech functions, text construction models, language means.

Считается, что язык наиболее полно отражает реальность, достаточно быстро реагируя на изменения в ней. Отсюда и возникновение таких междисциплинарных наук, как социолингвистика, психолингвистика. Результаты многочисленных исследований подтверждают «предрассудки», разделяющих мир на два пространства – мужское и женское, причем обычно с тенденцией относительно меньшей социальной активности женщин по сравнению с мужчинами; т. е. язык, использующий гендерный признак, связан с определенными стереотипами роли мужчин и женщин в обществе.

Изменение женских и мужских ролей в современном обществе нашло свое языковое подтверждение в широком распространении слова «гендер» (социокультурный пол), ставшего модным и популярным. По-видимому, половой самоидентификации современному человеку недостаточно. Язык – основное средство конструирования этой самой социальной идентичности. О лингвистических исследованиях в этой области рассказывает заведующая лабораторией гендерных исследований Московского лингвистического университета Алла Кирилина: «Гендерные исследования в лингвистике занимаются двумя группами проблем. Первая группа проблем – это изучение того, как гендер, то есть социокультурный пол, отражается в языке. Другое направление – это речь, речевое и коммуникативное поведение людей». В течение длительного исторического периода считалось, что настоящий человек – это мужчина, женщина же – некоторое «отклонение» от нормы, поэтому и не говорили о существовании мужского и женского языка, а лишь о том, что есть просто язык и... женский язык.

Вторая группа проблем – мужская и женская речь. В начале XX в., например, к проблеме мужской и женской речи обращались крупные лингвисты, такие как Отто Эсперсен, Фриц Маутнер, Эдуард Сепир. В 40-е и 50-е гг. XX в. в работах антропологов-лингвистов отмечалось, что пол говорящего играет важную роль в разных языковых ситуациях. В особенности выделяется работа Э. Сепира «Language, Culture and Personality» («Язык, культура и личность»), опубликованная в 1949 г., в которой автор, проводя анализ языка индейцев племени яна, исследовал использование мужской и женской подсистемы языка. Сегодня считается, что существуют определенные различия в мужской и женской речи, и существуют они как тенденция. Чем выше уровень образования, тем меньше различия в речи. Есть исследования, которые показывают, что в профессиональной коммуникации гендерный фактор играет определенную роль. Эти вопросы очень слабо

осознаются, их только начали исследовать, тем не менее они влияют на результат коммуникации, они влияют на признание человека профессионалом.

Небольшая часть исследований по различиям в речевом поведении мальчиков и девочек, мужчин и женщин в моделях построения текстов, в использовании языковых средств обобщена в табл. 1.

Таблица 1

Различия в речевом поведении

<i>Девочек, женщин</i>	<i>Мальчиков, мужчин</i>
1. Речь – средство завести друзей и поддерживать отношения	1. Речь – способ передавать факты
2. Обладают большим словарным запасом. Речь полностью понятна к 3-м годам	2. Большая часть речи понятна только к 4,5 годам, так как они позднее девочек начинают произносить первые слова
3. У девочек левая часть мозга развивается быстрее, они раньше начинают говорить, читать и быстрее овладевают иностранными языками. У трехлетней девочки словарь втрое больше, чем у мальчиков-сверстников [1, 3]. Речь внятна на 100%. Женский мозг формирует 6–8 тысяч произносимых слов в день	3. У мальчиков быстрее развивается правая часть мозга, что способствует лучшему пространственному и логическому мышлению, а также лучшему восприятию. Отдельной области речи нет, поэтому они менее разговорчивы, у них хуже произношение. Во время разговора чаще проглатывают окончания. Рассказы наполнены возбуждением и действием, чувства не описываются. Мужской мозг формирует 2–4 тысячи произносимых слов в день
4. Используют пять интонационных тонов (высоких и низких), включая «ахи» и «охи», повторяют слова собеседника в контексте сказанного и следят сразу за несколькими линиями беседы	4. Используют три интонационных тона, с трудом расшифровывают информацию, передаваемую изменением тона, поэтому они, как правило, говорят монотонно
5. Область речи размещена в обоих полушариях. Имеющий особые области управления речью мозг свободен для выполнения других задач, что позволяет девочкам заниматься несколькими делами одновременно	5. С первых дней мальчики в школе учатся хуже, чем девочки, поскольку их речь развита не так хорошо. В результате у мальчиков отметки по гуманитарным дисциплинам ниже, чем у девочек. Они чувствуют себя глупыми перед лицом более бойких девочек, становятся шумливыми и грубыми
6. Особая область речи в мозге позволяет девочкам быстрее и легче обучаться языкам и осваивать грамматику: пунктуацию, орфографию. Им удобнее объясняться словами	6. Восприимчивы к новому в языке, в их речи больше неологизмов (вновь появившихся в языке слов), терминов. Любят закодированный язык или используют жаргонные слова. Любят придумывать замысловатые словарные обороты, поэтому им нравится заниматься юридическими законами
7. Женская речь очень эмоциональна, что выражается в более частом употреблении междометий, метафор, сравнений, эпитетов, образных слов, чаще встречаются устаревшие слова и обороты, больше сложных прилагательных, наречий и союзов, конкретных существительных	7. Используют больше язык жестов. Немного словны при общении, так как в процессе эволюции мужчине нужно было добывать пищу, а не общаться
8. Материал учат вслух. Могут думать вслух. Женский ум запрограммирован на использование речи в качестве главного средства выражения	8. Остаются бесстрастными, выслушивая собеседника, чтобы не выдать своих эмоций
9. Вопросы задают для установления межличностного контакта	9. Обучаются молча
10. Ответы на вопросы довольно однообразны, зато отвечают сразу	10. Вопросы задают для получения конкретной информации
11. Склонны к употреблению эвфемизмов (мягкое слово, вместо грубого)	11. В ответах содержится больше индивидуальности и разнообразия вариантов, но нужно время на их обдумывание

<p>12. Типично женскими являются конструкции:</p> <ul style="list-style-type: none"> – с местоимениями «такой», «так», «какой» – с выражением отрицательной оценки «кошмар!», «ужас!» – с выражением сильной эмоциональной реакции (удивления, негодования) – с наречиями «ясно», «ясненько» – с синонимами прилагательного «хороший»: чудный, прелестный, великолепный, замечательный, дивный, превосходный – для выражения положительной оценки. <p>13. Используют большее количество суффиксов с уменьшительно-ласкательным значением</p> <p>14. Легко переключаются в ходе разговора на какую-либо область, не связанную с темой, проявляя большую психологическую подготовку и гибкость</p> <p>15. Больше задают вопросов и высказывают больше реплик-реакций</p> <p>16. В своей речи ведут сразу несколько линий, могут вмешиваться в разговор других людей, вставляя свои комментарии, мужчины в этом случае теряют нить разговора</p> <p>17. Словарь в мозгу женщины не самая сильная область. У женщин за словарь отвечают фронтальные и задние части обоих полушарий, поэтому формулировка термина и смысл слова для нее не особенно важны: она полагается на интонацию, когда надо передать смысл, на мимику и жестикуляцию при выражении эмоций. Со словами женщины обращаются с поэтической вольностью и не стесняются преувеличивать только ради «красного» словца. Слова для нее есть форма награды, если она говорит с вами много и подолгу, значит, вы ей нравитесь</p> <p>18. Разговор обиняками – чисто женская специализация и служит определенной цели: с помощью такого разговора легче наладить отношения и прийти к согласию с другими</p>	<p>12. Чаще в своей речи используют абстрактные существительные и глаголы активного залога</p> <p>13. Уменьшительно-ласкательные формы в мужской речи употребляются в ситуациях, когда описываются маленькие дети и близкие люди либо когда указываются маленькие размеры и объемы</p> <p>14. Темы разговоров чаще получают развитие, их высказывания реже остаются без ответной вербальной реакции собеседника</p> <p>15. Несвойственно переключение разговора с темы на тему</p> <p>16. Любят «блеснуть словцом», поразить слушателя неожиданной ассоциацией, нестандартным оборотом речи</p> <p>17. Мальчиков лучше отдавать в школу на год позже девочек, когда их язык достигнет того же уровня, тогда они в меньшей степени будут расстраиваться из-за беглой речи девочек их возраста</p> <p>18. В мозгу существует специальная область, отвечающая за словарь, которая расположена в задней части левого полушария. Поэтому смысл слов важен для мужчины, и они используют терминологические определения. Могут дать характеристику собеседнику словами «Он нечетко сформулировал свою мысль»</p> <p>19. Мужчины говорят в основном в уме, сами с собой, так как они не обладают способностями женщин к внешнему использованию слов для общения. Когда мужчина сидит, молча уставившись в окно, сканирование мозга показывает: он говорит сам с собой [2. С. 108]</p> <p>20. Если женщина, видя, что мужчина ничем не занят, пытается сразу дать ему работу, то этим особенно его рассердит, так как прерывает внутренний монолог (он ведь может выполнять только одно дело)</p> <p>21. Предложения у мужчин короче, чем у женщин и структурно оформлены. Они обычно дают вводную часть, ясно излагая суть, и делают вывод</p> <p>22. Повзрослев, чаще используют слова – «паразиты», например «э-э», «типа», которые помогают им справиться с речевым несовершенством [4. С. 23]</p>
---	---

Различия в письменных текстах

<ol style="list-style-type: none"> 1. У большинства девочек более четкий, обычно красивый почерк, симметричный, очень похож на школьные прописи 2. При воссоздании текстов для девочек основной целью было или передать фабулу текста, или попытаться максимально восстановить исходный текст 3. В письменном тексте в качестве словообразующих формантов используют суффиксы – очк-, -ечк-, -к-, -ик-, -еньк, более свойственны сочинительные конструкции с союзом «и» 4. Больше предпочитают тексты, связанные с душевными переживаниями 5. Любят описывать людей, домашний быт, используя в основном слова, выражающие чувства, эмоции и идеи 6. Им нравится фиксировать свои мысли в личном дневнике, таким образом они тренируются в написании текстов. Работа с личным дневником учит их приспособлять письменный текст к эмоциональному рисунку устного говорения, умению передать интонацию в письменном тексте путем выделения фраз курсивом или цветом, подчеркиванием слов 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Почерк торопливый, неравномерный, некрасивый, размашистый, сильный нажим, острые углы, индивидуально-оригинальный. 2. Мальчики тяготеют к текстам с символами, диаграммами и графиками. Им больше нравится кодированная запись, особенно в старших классах 3. Очень любят обучаться по картинкам, которые стимулируют абстрактное мышление 4. Для мужской письменной речи характерны суффиксы: -к-, -ок-, -ик-, -очк-; свойственны подчинительные конструкции («сегодня жарко, потому что светит солнце») 5. Письменная речь изобилует числительными, предлогами, вопросительными знаками и местоимениями, особенно местоимением «я» 6. Пишут главным образом о спорте, телевидении и деньгах
---	---

В последнее десятилетие в российском языкознании все более отчетливо вырисовывается новое направление исследований, основанных на социально и культурно маркированной специфике пола – гендере (gender). Понятие «гендер» давно уже вышло за рамки грамматики. Гендерология изучает взаимосвязь биологического пола человека с его культурной идентичностью, социальным статусом, психическими особенностями, поведением, в том числе и речевым.

Литература

1. Пиз А., Пиз Б. Как заставить мужчину слушать, а женщину молчать. М.: Эксмо, 2003.
2. Пиз А., Пиз Б. Почему мужчины врут.... М.: Эксмо, 2003.
3. Синельников В. В. Таинственная сила слова. Формула любви. Как слова воздействуют на нашу жизнь. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.
4. Синельникова Л. Н., Богданович Г. Ю. Введение в лингвистическую гендерологию. Симферополь, 2001.

К. З. Закирьянов
Башкирский государственный университет

ОТ ДВУЯЗЫЧИЯ К МНОГОЯЗЫЧИЮ

Двуязычие представляет собой одну из форм существования человека в многоязычном социуме. В условиях глобализации человеческих контактов на современном этапе развития человечества возникает необходимость перехода от двуязычия к многоязычию.

Ключевые слова: двуязычие, многоязычие, язык-посредник, языковая личность, полилингвальная личность.

Kabir Zakiryaynov
Bashkir State University

FROM BILINGUISM TO POLILINGUISM

Bilingualism represents one of the forms of human existence in a polilingual socium. Globalization of human contacts at the present stage of mankind evolution brings about the necessity for transition from bilingualism to polilinguism.

Keywords: bilingualism, polilinguism, intermediary, monolingual individual, multilingual individual.

Постановка проблемы. Язык – уникальное явление человеческого общества. Язык существует только в человеческом обществе, и им владеют только люди. Без языка невозможна жизнь человека в обществе (человек формируется как социальная личность с помощью языка), да и само человеческое общество не может существовать без языка (язык – обязательное условие существования и развития общества). Язык как общественное явление возникает в человеческом обществе, развивается и функционирует в обществе и умирает со смертью общества. Вне человеческого общества нет языка вообще. Именно благодаря языку человек выделился из мира животных. Как обязательное условие существования человеческого общества язык выполняет ряд жизненно важных функций, в частности коммуникативную (важнейшее средство человеческого общества), дискурсивную, или мыслеформирующую (средство мышления, средство оформления и выражения мысли), когнитивную, или познавательную (средство познания объективного мира), кумулятивную, или накопительную (средство накопления и хранения всей совокупности знаний и представлений человека об окружающем мире, сокровищница культуры), номинативную (средство называния предметов, признаков, действий, явлений объективного мира), экспрессивную (средство выражения чувств и эмоций, выражения отношения к выражаемой и воспринимаемой мысли), эстетическую, апеллятивную, контактоустанавливающую, директивную, магическую и др. Выполняя все эти функции, язык обеспечивает нормальную жизнедеятельность человека в обществе.

Вместе с тем, являясь общечеловеческим явлением, любой язык имеет национальное выражение, т. е. проявляется в виде национального языка. Любой национальный язык – это родной язык конкретного народа, конкретного этноса, например: русский язык – это родной язык русского народа, башкирский – родной язык башкирского народа. Значит, овладение языком означает, прежде всего, овладение родным языком, языком своего народа.

Однако в условиях современного полиэтничного пространства (многоязычными являются все страны мира) человек не может обойтись знанием только одного, своего родного языка, нужно овладеть еще другим языком, чтобы войти в контакт с представителями другой нации. Так возникло явление билингвизма (двуязычия), которое представляет собой необходимый и практически единственный путь решения проблемы языкового барьера в многонациональном человеческом обществе. Поэтому проблема развития двуязычия в многоязычном государстве приобретает особую актуальность.

В то же время в условиях глобализации человеческих контактов на современном этапе развития человечества недостаточно ограничиваться только билингвизмом. Укрепление и усиление межгосударственных связей, расширение торговых, производственных, научных, политических, культурных отношений между разными странами и их народами выдвинули задачу овладения иностранными (хотя бы одним) языками. Так родилась необходимость перехода от двуязычия к многоязычию и в нашей стране. Первые шаги в этом направлении уже делаются.

Роль родного языка в становлении языковой личности. Родной язык – основа формирования человека как национальной языковой личности, основа его социализации, приобщения к культуре родного народа. Родной язык неразрывно связан с национальной психологией, с самобытностью народа, а значит, является средством национального самоутверждения человека. «Больше всего языком человек принадлежит своей нации» (И. А. Гончаров). «Язык – это как бы самая ткань национальности, вторая, внутренняя родина, в которой формируется сознание и личность» (Б. Казанский).

Больше того, родной язык раскрывает все способности ребенка. Воспитание мыслящей личности, полноценное развитие ее умственных способностей представляется возможным главным образом с помощью родного языка. Отчуждение от родного языка и от родной культуры ущемляет национальную гордость его носителя, отрывает от национальных корней, формирует безразличие ко всему национальному, а это, в свою очередь, приводит к потере других национальных черт и качеств, прежде всего чувства национального самовыражения. А человек без национального достоинства не может и не умеет ценить достоинство и культуру других народов. «Через родной язык ребенок получает ключ к сокровищнице народного духа» (К. Д. Ушинский). Именно на базе (с помощью) родного языка человек формируется как языковая личность.

Под языковой личностью понимается человек, который не только умеет пользоваться языком как средством общения, но и представляет язык как систему, служащую одновременно средством общения, мышления и познания; обладает чувством языка, отбирая те или иные языковые средства для более точного выражения оттенков мысли; проявляет способности к языку, создавая речевые высказывания разных типов в соответствии с ситуацией общения; понимает все созданное на данном языке и различает стилевые разновидности языка; одновременно с языковыми средствами усваивает нравы, обычаи, культуру, менталитет народа – носителя языка.

Успешному формированию языковой личности способствует, наряду с общепризнанными методами и приемами обучения родному языку (до школы и в школе), использование материалов этнопедагогике, предметом которой является воспитание личности. В ряду факторов народного воспитания, как-то: природа, игра, труд, общение, традиции, искусство, религия, примеры-идеалы, личности-символы и т. д., – в этнопедагогике названо и *родное слово*. Словесные средства родного языка: частушки, прибаутки, речитативы, скороговорки, песенки, пословицы, поговорки, загадки, исповеди, проповеди, заговоры, завещания, клятвы, заклинания, басни, притчи, сказки и другие, – в которых находит отражение высшее проявление человеческого духа, являются мощным человекоформирующим фактором. Родной язык – удивительное творение духа народного! На это указывают многие специалисты по этнопедагогике [1, 3, 6 и др.].

Из сказанного вытекает необходимость первоочередного овладения родным языком настолько, чтобы чувствовать себя носителем этого языка, представителем того народа, родным языком которого является данный язык.

Формирование полноценной языковой личности на базе родного языка, разумеется, предполагает активное владение им.

Двуязычие – необходимое социальное явление. Компоненты двуязычия. Активное владение родным языком, несомненно, является признаком высокой культуры человека. Однако в многоязычном человеческом обществе нельзя обойтись знанием только одного – родного языка, необходимо знать еще другой язык, с помощью которого разноязычные люди могут вступать в языковые контакты между собой. В условиях полиэтнического социума явление двуязычия представляет одну из обязательных форм национального существования человека.

Добавим к этому: каждый народ, язык которого узко известен в мире, должен, чтобы выйти в мир, владеть каким-то широко распространенным языком.

Двуязычие, как видно из термина, означает владение двумя языками. Возникает вопрос: какими языками?

Естественно, овладение вторым языком происходит при знании первого, родного языка. Значит, родной язык является первым, базовым компонентом двуязычия. Любой другой язык усваивается на базе родного.

Вторым компонентом двуязычия обычно является язык-посредник. Поскольку овладеть множеством языков практически невозможно, то для общения разноязычных народов в многонациональном государстве избирается специальный язык – язык-посредник, который является общим для всего населения страны и с помощью которого представители разных национальностей могут вступать в языковые контакты между собой. Без языка-посредника не может нормально функционировать не только многонациональное государство, но и любой многонациональный коллектив [7. С. 42].

В качестве языка-посредника могут быть использованы разные языки, в частности: 1) язык, который является родным для одного из контактирующих народов, например: русский язык для общения нерусских народов с русскими; 2) язык, который не является родным ни для одного из общающихся, например: русский язык используется как средство общения между собой нерусских народов Российской Федерации; 3) мертвый язык (например латинский язык в медицине); 4) искусственный язык, например эсперанто.

Выбор языка-посредника определяется общественно-политическими и социальными условиями жизни контактирующих народов. В международном масштабе в качестве языка-посредника используются мировые языки, в рамках одного многонационального государства функцию языка-посредника обычно выполняет государственный язык данной страны.

В России, в силу исторически сложившихся условий, уже не одно столетие в качестве языка-посредника используется русский язык, который признан ныне государственным языком Российской Федерации. Знание русского языка для всех граждан РФ является практической необходимостью, и все нерусское население страны владеет им в той или иной степени совершенства. В настоящее время национально-русское двуязычие является основным типом билингвизма в Российской Федерации, который функционирует в разных регионах страны в разных вариантах (более ста за счет варьирования первого компонента), например: башкирско-русское, татарско-русское, удмуртско-русское и т. д. В этом контексте можно смело утверждать, что все нерусское население Российской Федерации двуязычно.

Однако степень владения языками у разных билингвов неодинакова: одни, свободно владея русским языком, плохо знают свой родной («обрусевшие» билингвы), а другие, напротив, слабо владеют русским языком как вторым, неродным. В этой связи закономерно возникает вопрос: можно ли признать тех и других билингвами и каков критерий определения двуязычия?

В специальной литературе существуют различные толкования этого понятия. Различается лингвистическое и социологическое толкование двуязычия. При лингвистическом толковании под двуязычием понимается одинаково свободное владение двумя языками; при социологическом понимании за основу берется критерий практики – умение «непрерывно пользоваться двумя разными языками для выражения своих мыслей в зависимости от ситуации и добиться взаимного понимания в процессе общения» [2. С. 21]. Для практики повседневного общения приемлемо именно социологическое толкование термина *двуязычие*, которое не предполагает одинаково свободного владения двумя языками: одним из языков билингв владеет слабее, может допускать в речи на этом языке ошибки, но эти речевые погрешности не мешают точной передаче и пониманию содержания сообщаемой и воспринимаемой мысли. Разумеется, такое социологическое понимание двуязычия предполагает постоянное его совершенствование.

Профессор Ф. Ф. Харисов образно сравнивает двуязычие с дорогой с двусторонним движением и определяет: «Билингвом можно считать только тех, кто одновременно может пользоваться двумя языками в определенном социуме» [9. С. 28].

Исходя из изложенного, основным критерием определения двуязычия можно считать *активное владение двумя языками* (активное двуязычие).

Активное владение языками означает:

- умение воспринимать чужую речь в устной и письменной форме в полном соответствии с содержанием;
- умение строить свою речь в устной и письменной форме в полном соответствии с содержанием выражаемой мысли;
- умение свободно пользоваться средствами языка в полном соответствии с языковыми нормами – орфоэпическими, лексическими, грамматическими, орфографическими и пунктуационными, стилистическими и др.;
- умение пользоваться средствами языка в соответствии с языковой картиной мира народа – носителя языка;
- умение «чувствовать слово», обладание языковым чутьем и т. д.

Перечисленные умения, составляющие сущность активного владения языком, на родном языке ребенок приобретает естественным путем еще в раннем детстве – «с молоком матери», в дальнейшем они совершенствуются в процессе обучения в школе, что в конечном итоге приводит к формированию полноценной языковой личности. Приобретение этих умений на втором языке требует дополнительных усилий.

Формирование двуязычной (билингвальной) личности. Подобно тому, как овладение родным языком связано с формированием полноценной языковой личности на базе одного (родного) языка, формирование двуязычия связано с воспитанием двуязычной личности. Поясним суть последнего.

Если монолингв как языковая личность владеет языком и культурой только одного (своего) народа (заметим: язык и культура органически взаимосвязаны, язык – сокровищница культуры), то билингв владеет двумя системами языков и двумя культурами. Значит, овладение вторым языком означает вхождение в другую культуру, а это нелегкий процесс.

Трудность формирования двуязычной личности заключается в том, что окружающий реальный мир отражается в сознании человека сквозь призму национальной культуры. Поскольку каждый язык отражает национальную специфику видения мира, то следует говорить о языковой картине мира, которая соотносится с понятием языкового сознания. Языковая картина мира не всегда совпадает у разных народов. Ср., например, разный способ номинации одних и тех же предметов в русском и башкирском языках: *ушко иглы – энә күзе* («глаз иглы»), *подножие горы – тау итәге* («подол горы»), *плакучая ива – бөдрә тал* («кудрявая ива») и др. Разные языки не просто по-разному обозначают один и тот же предмет, признак, действие, явление, а отражают разное видение этого предмета, признака, явления. Значит, усвоение второго языка сопровождается усвоением новой языковой картины мира, что, в свою очередь, формирует языковую личность, не просто владеющую языком как кодом, а усвоившую нравы, обычаи, культуру, менталитет народа – носителя этого языка.

Значение формирования двуязычной личности в процессе изучения двух языков – своего родного и русского (языка-посредника) – не замыкается в педагогических рамках. Оно приобретает еще социальную и политическую значимость: способствует воспитанию полноценной социальной и толерантной личности, сознающей свое место и роль в обществе, не замыкающейся в рамках одной культуры, проявляющей терпимое отношение к другим людям, относящейся с уважением к другим языкам и культурам, умеющей выстраивать гармоничные отношения с представителями разных народов, способной понимать ментальные характеристики другого человека [4. С. 127]. А это является залогом мирного сосуществования разноязычных народов в многонациональном государстве и в многонациональном мире.

От двуязычия к многоязычию. В условиях современной мировой цивилизации, когда крепнут и усиливаются связи между государствами и народами в самых разных областях жизнедеятельности, знание родного языка и языка-посредника своего государства становится явно недостаточным. Возникает необходимость знания иностранных языков, в первую очередь европейских (английского, французского, немецкого), а также азиатских (тюркского, арабского и некот. др.). Сама жизнь диктует необходимость знания хотя бы одного иностранного (мирового) языка, в первую очередь английского, ибо международные контакты разноязычных народов принимают уже массовый характер, и общение на иностранных языках становится повседневной необходимостью. Выбор конкретного иностранного языка для изучения и формы обучения ему определяются местными

условиями. Появились новые формы изучения иностранных языков: граждане Российской Федерации обучаются в зарубежных вузах, а в вузах России обучаются иностранные граждане; расширяется подготовка специалистов по западным и восточным языкам в российских вузах. В настоящее время изучение иностранных языков стало обязательным компонентом лингвистического образования в учебных заведениях всех типов. Все это способствует распространению многоязычия в нашей стране. В результате многоязычие (пока чаще в форме триязычия) становится, подобно двуязычию, обычным явлением. И смело можно утверждать, что сегодня в нашем образовательном пространстве начался переход от двуязычия к многоязычию.

Многоязычие распространяется и за счет усвоения нескольких «внутренних» языков. В связи с признанием титульных языков национальных республик в качестве государственных началось массовое изучение государственного языка республики всеми ее гражданами, что, естественно, способствует расширению круга лиц, владеющих несколькими языками.

В современных условиях все более широкого распространения многоязычия возникает проблема формирования *языковой личности нового типа*, а именно:

- личности, владеющей несколькими языками – родным, языком-посредником своей страны, языком соседа, иностранными;
- личности, открытой как для своей (родной) культуры, так и для культур народов, проживающих вместе, в одной стране;
- личности, ориентированной на передовые достижения в современной мировой культуре.

В связи с формированием языковой личности нового типа возникает новая проблема: сохранение национального своеобразия языков и культур. Реализация данной проблемы определяет основное содержание и основные принципы лингвистического образования в полиэтнических регионах, в частности:

- формирование полноценной, высоко нравственной языковой личности на базе родного языка и культуры;
- формирование билингвальной личности в процессе изучения русского языка и культуры, языков и культур других народов Российской Федерации;
- обогащение языковой личности знанием иностранных языков и культур народов – носителей этих языков;
- обучение русскому и иностранным языкам с целью формирования полилингвальной личности на основе родного языка [5. С. 17–18].

Все эти формы, содержание и принципы воспитания полилингвальной личности требуют социолингвистического и методического обобщения.

Литература

1. Ахияров К. Ш. Народная педагогика и современная школа. Уфа, 2000.
2. Блягоз З. У. Актуальные проблемы билингвизма в полиэтнической среде // Актуальные проблемы двуязычия и их речевая реализация в полиэтнической среде: Материалы всероссийской науч.-практ. конф. (20–22 апреля 2005 г.). Майкоп, 2005. С. 19–26.
3. Волков Г. Н. Этнопедагогика. М., 2000.
4. Гукаленко О. В. Поликультурное воспитание как процесс формирования национальной и этнической толерантности у современной молодежи // Известия Академии педагогических и социальных наук. Вып. 9. М., 2005.
5. Закирьянов К. З. Основы билингвологии: Учеб. пособие. Уфа, 2008.
6. Мухамедьянов С. А. Этнопедагогические очерки. Уфа, 1998.
7. Самсонов Н. Г. Два языка – два родника. Якутск, 1993.
8. Саяхова Л. Г. Родной и русский языки в нерусской школе // Актуальные проблемы обучения татарскому языку в русской школе: Материалы II республ. науч.-практ. конф. Казань, 2005. С. 15–19.
9. Харисов Ф. Ф. Двуязычие и некоторые вопросы методики обучения государственным языкам республики в условиях современной языковой ситуации // Современная языковая ситуация и психолого-педагогические проблемы развития двуязычия в Республике Татарстан: Материалы науч.-практ. конф.. Казань, 1999. С. 27–29.

Е. П. Иванова

Санкт-Петербургский государственный университет

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Социолингвистические исследования в настоящий момент приобретают статус одного из приоритетных направлений в теории лингвистики, что объясняется важностью проблем языкового регулирования и необходимостью выработки принципов языковой политики в современном обществе. Эти процессы находят непосредственное отражение в расширении социолингвистического словаря и заимствовании терминов других гуманитарных и естественных наук, в частности, экономики, экологии и социологии.

Ключевые слова: социолингвистический словарь, экология языка, языковая толерантность, лингвистический рынок.

Yekaterina Ivanova

Saint-Petersburg State University

MODERN TRENDS IN SOCIOLINGUISTIC DICTIONARY EVOLUTION

Sociolinguistic research is currently turning into a top priority field in the theory of linguistics. The importance of linguistic regulation and the necessity for the elaboration of the language strategic policy can explain this phenomenon. The foregoing leads to expansion and extension of the specialized dictionary and borrowing of terminology from other spheres of life and knowledge, i.e., in particular, from economics, ecology and sociology.

Keywords: a sociolinguistic dictionary, language ecology, language tolerance, the language market.

Современная социолингвистика, нацеленная на многоаспектное изучение взаимодействия языка и общества, в настоящий момент постепенно приобретает статус одного из стратегических направлений в развитии теории языкознания. Теоретическое обсуждение проблем, связанных с перспективами развития мировых и национальных языков, влиянием процесса глобализации на судьбы миноритарных языков все в большей степени перемещается в практическое русло разработки принципов языковой политики, в частности, в области языкового законодательства и правовых основ его реализации на государственном уровне, анализ существующих европейских моделей языкового регулирования и эффективности соответствующих законодательных норм в системе европейского права. При этом происходит активный процесс пополнения и в определенной степени кардинального обновления терминов, используемых в социолингвистике, в частности привлечения терминов смежных гуманитарных и естественных наук. Достаточно упомянуть такие новые терминологические образования в социолингвистическом словаре, как *экология языка, языковая толерантность, эколингвистическая ниша, лингвистический рынок* и т. п. Использование некоторых из них носит достаточно регулярный характер и свидетельствует об относительно сформировавшемся специальном понятии, основное содержание которого раскрывается в специальной дефиниции. Другие, напротив, являются узуальными, характерными для системы представлений отдельного автора и зачастую отражающие его индивидуальное словотворчество. Количественный рост новых терминов социолингвистики, сопровождающийся их понятийной диверсификацией, как представляется, заслуживает отдельного внимания, тем более что проведение границы между «устоявшимися» и «индивидуальными» терминологическими образованиями носит очевидно выраженный условный характер. Общий обзор российских и французских социолингвистических научных трудов, опубликованных на рубеже XX–XXI вв., свидетельствует о том, что основными источниками для образования новых терминообра-

зований являются терминологические понятийные системы экологии, экономики и социологии. Остановимся подробнее на каждой из обозначенных групп.

Термин *экология языков*, впервые введенный в научный оборот Э. Хаугеном [8], обратившим внимание на значение изучения языков в их социально-экономическом, политическом и культурном окружении, в современном понимании подразумевает, как представляется, два основных подхода: исследование языковой и речевой среды в ее динамике, в частности «проблематики языковой и речевой деградации» (факторов, негативно влияющих на развитие языка и его речевую реализацию) и процессов «языковой и речевой реабилитации» [4]. Значительные заслуги в разработке лингвоэкологического аспекта изучения языка принадлежат российским исследователям [1; 2; 3; 4 и др.], при этом особое внимание уделяется проблемам социоречевой культуры русского языка и его роли в межнациональном общении, а также изучению языкового отражения национального менталитета, проблеме сохранения диалектов и полилингвального варьирования в пределах территориально определенных границ, а также теоретическим и прикладным аспектам проведения языковой политики.

Отметим, что экстраполяция «биологической» понятийной системы экологии в рамки терминологии «лингвистической» экологии, по всей видимости, носит общенаучный универсальный характер и находит свое отражение в лингвистической терминологии во многих языках, в том числе на страницах французских исследований по социолингвистике [5], в рамках которой, помимо отношений типа *хозяин / паразит* между говорящими на языке и собственно языками, выделяется явление *глоттофагии* в отношениях типа *добыча / хищник*, характерных для отношений языков между собой. В свою очередь, именно существование подобного типа отношений лежит в основе противопоставления языков и, в конечном итоге, их борьбы и даже войны. Идея экологии языков, позволяющая рассматривать все множество существующих в мире языков с точки зрения эволюционной теории Дарвина, проецирует лингвистические отношения в достаточно широкие научные рамки. Нарастание языковых конфликтов в действительности является отражением конфликтов не столько между языками, сколько между носителями языков в рамках столкновений межэтнических и социальных групп и, соответственно, стоящими за ними социальными, политическими и экономическими интересами. Так, совершенно очевидно, что конфликты региональных языков в первую очередь отражают различные представления о самоидентификации и государственности отдельных групп населения.

Анализируя становление лингвоэкологической терминологии в русском языке, А. П. Сковородников замечает, что соотнесение лингвистических терминов «экологии языка» с биологической терминологией первоначально базировалось, прежде всего, не на логической, а на метафорической связи (*языковая / речевая среда, очищение / загрязнение речевой среды, охрана / оздоровление языковой среды*) [4], в то же время большая часть терминов, получивших широкое распространение за последние годы, сохраняя очевидно выраженную «экологическую» направленность, постепенно приобретают собственное понятийное содержание в рамках нового направления лингвистических исследований «экологии языка».

Менее устоявшимся можно считать метафорический перенос экономических терминов в область лингвистических исследований. Приведем лишь несколько терминообразований из статьи известного французского специалиста по социолингвистике Л. Кальве [6. С. 37], который рассуждает о неравномерном распределении языков в мировом масштабе: *лингвистический рынок*, на котором языки имеют разную *экономическую стоимость*, некоторые из них *конвертируемые* (английский, французский и другие центральные языки) и позволяют общаться в любой точке планеты, подобно доллару или евро, другие – *неконвертируемые* (миноритарные или занимающие периферическое положение), а носители языков, таким образом, обладают различным *начальным лингвистическим капиталом*; овладение же новыми иностранными языками в зависимости от их функционального распределения в мировом лингвистическом пространстве способствует

разному содержанию *лингвистического портфолио*. Безусловно, подобные терминологические образования носят скорее индивидуальный характер, определяющий стилистику отдельного автора, нежели отражают понятийное содержание, разделяемое большинством научного сообщества. Однако не будем забывать, что предложенный еще в 80-х гг. XX в. термин *экология языка* только спустя много лет на рубеже веков получил соответствующую интерпретацию и лег в основу формирования многофокусного направления в лингвистических исследованиях.

Особого внимания заслуживает понятие *языковая толерантность*, заимствованное современной лингвистической теорией из социологии. Понятие языковой толерантности, активно разрабатываемое в последнее время в отечественной и зарубежной лингвистике в рамках более широкого направления экологии языка, предполагает рассмотрение значительного диапазона вопросов, начиная с теории полилингвального варьирования в пределах территориально определенных границ и заканчивая сугубо практическими вопросами обучения культуре речи. Важно подчеркнуть, что языковая толерантность предполагает не только терпимое отношение к другому языку и носителю иной культуры, отличающейся от «своей», но также формирование интереса к «чужому» мировоззрению, образу жизни, художественному творчеству, т. е. признание объективности самобытности «другого» субъекта. Собственно говоря, именно такое понимание толерантности является теоретической базой активно проводимых в настоящее время исследований в области изучения межкультурных диалогов, нацеленных на расширение нашего понимания механизмов формирования и принципов стабильности благоприятной среды обитания субъекта (Я) и «Другого».

В этом отношении словарь как текст, одновременно реализующий фиксирующую и нормативную функции и представляющий собой в первую очередь *дидактическое, обучающее* произведение, может стать действенным инструментом не только в проведении языковой политики, но также отражать результаты теоретического осмысления прикладных аспектов экологии языка (лингвистической экологии). Словарь как статическая фиксация динамических изменений в языке, переживая на современном этапе качественные трансформации (последовательное вытеснение бумажного носителя электронным, количественный рост лексикографических изданий и качественная диверсификация словарей с учетом конкретных потребностей потребителя), в полной мере может стать одним из способов решения основной задачи современной социолингвистики – анализа внутренних факторов языка в их обусловленности особенностями внешней среды.

Понятие языковой толерантности имеет самое непосредственное отношение не только к области решения комплекса вопросов, связанных с предписывающей функцией словаря, основополагающей для реализации просветительского потенциала этого словесно-информационного тезауруса. Как представляется, толерантность как отражение объективности научного анализа приобретает важное методологическое значение прежде всего в общей теории лингвистических исследований. Хорошо известно, что социолингвистические исследования по своей сути предполагают преимущественное изучение синхронного состояния системы языка в определенный ущерб диахроническому аспекту. Идея превалирования синхронии обычно связывается с именем Соссюра, которого за идею дифференциации языка и речи функционалисты упрекали в уступке давлению со стороны социологии. Однако не следует упускать из виду, что почвой для обвинений Соссюра в разрыве синхронического и диахронического подходов явилось недопонимание того факта, что синхрония для Соссюра представляла собой модель, позволяющую построить объект исследования, а вовсе не отражение реального состояния языка [7. С. 31–54]. Соссюр эксплицитно наметил разделение между объектом реальным, существующим до момента исследования, т. е. эмпирическим (например, языковая система как таковая существует и функционирует вне исследовательского поля), и умозрительным объектом познания, построенным специально в рамках конкретного исследования, которые, не будучи неизменными, видоизменяются в зависимости от подходов и применяемых методов познания (например, различие фонетики и фонологии).

Вместе с тем, противопоставление конструируемого объекта познания и эмпирического объекта не всегда последовательно проводилось в рамках определенных лингвистических направлений, получивших развитие в послесосюрский период (например, пражская фонология, структурализм во Франции, генеративная грамматика Хомского), что вызывает справедливую озабоченность французских философов и лингвистов, в частности занимающихся вопросами социолингвистики. Методы наблюдения или описания конструируют наблюдаемый объект, однако ситуация усложняется, когда объектом изучения становится не эмпирический объект, а социальная практика. Совершенно очевидно, что исследователь вынужден в своих теоретических построениях прибегать к упрощению модели, однако зачастую он вольно или невольно, абстрагируясь от фактов реального функционирования языка, подкрепляет свои наблюдения примерами *ad hoc*, созданными специально в соответствии с потребностями отдельной теории, а не почерпнутыми из реальной языковой практики. Подобные примеры французский социолингвист Л. Кальве [б. С. 38] не без язвительности называет *olni* (objets linguistiques non identifiés), по типу *ovni* (objet volant non identifiés), что в русском переводе приобретает дополнительную игру слов, если принять во внимание фонетическое совпадение акронимов НЛО (неопознанный летающий объект = неопознанный лингвистический объект).

Общеизвестно, что язык, являясь продуктом социальной практики, не существует вне исторических и социально-экономических трансформаций, равно как и вне носителей языка. В связи с этим современная социолингвистическая проблематика, нацеленная на анализ лингвистических отношений и их описание на различных уровнях (внешнем и внутреннем), от широкого фокуса внешнего параметра измерения лингвистического факта к микроскопическому рассмотрению внутренних параметров (т. н. «эффект зума»), все в большей степени ориентируется на междисциплинарный подход, что, в свою очередь, отражается в понятийном расширении социолингвистического словаря в целом. В этом плане тенденции эволюции современной отечественной и европейской лексикографии совершенно отчетливо свидетельствуют о том, что представление и моделирование корпуса языка в лексикографии все в большей степени ориентируются на множественность потенциального потребителя, особенно это относится к области специализированной лексики, что позволяет говорить о «новых отношениях нового словаря со своим пользователем» [9]. Неудивительно, что для современной лексикографии крайне актуально создание словарей социолингвистической ориентации (например, словарей разговорной лексики, языка прессы), в которых фиксируются всевозможные языковые варианты, в том числе регионализмы и социолекты, что предполагает понимание языка как многоступенчатого единства, в котором синхронно сосуществуют различные пласты лексики (профессионализмы, жаргонизмы, табуированная лексика и т. п.).

Литература

1. Савельева Л. В. Языковая экология: Русское слово в культурно-историческом освещении. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 1997.
2. Скворцов Л. И. Культура языка и экология слова // Русская речь. 1988. № 4. С. 3–10; 1988. № 5. С. 3–9.
3. Сквородников А. П. Лингвистическая экология: проблемы становления // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Науч.-метод. бюл. Красноярск; Ачинск: КУ, 1996. Вып. 1(1). С.5–9.
4. Сквородников А. П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение: Специализир. вестник. Красноярск: КУ, 2000. Вып. 3(11). С.70–78.
5. Calvet L. J. Essais de Linguistique. La Langue est-elle une invention des linguistes? Paris, 2004.
6. Calvet L. J. L'écologie des langues / Rencontre avec Louis-Jean Calvet // Sciences humaines. 2005. № 162. P. 36–38.
7. Chiss J. L., Puech Ch. Fondations de la linguistique: Etudes d'histoire et d'épistémologie. Duculot, 1997.
8. Haugen E. The Ecology of Language. Essays; Stanford: Cambridge University Press, 1972.
9. Humbley J. Nouveaux dictionnaires, nouveaux rapports avec les utilisateurs // Meta, XLVII, 1, 2002. P. 95–104.

В. Т. Клоков

Саратовский государственный университет

ГЕТЕРОГЕННЫЕ И ГОМОГЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье приводятся размышления по поводу противоположных тенденций, которым на протяжении долгой истории подвергался французский язык: тенденций к единообразию и к диверсификации. Особое внимание уделяется проблеме противоречивости развития французского языка в области территориально-социальной и литературно-стилистической вариативности.

Ключевые слова: языковая диверсификация, вариативность, регионализация языка, литературные стили, просторечие, язык французской молодежи, единство французского языка.

Vasiliy Klovov

Saratov State University

HETEROGENEOUS AND HOMOGENEOUS TENDENCIES IN THE FRENCH LANGUAGE

The article speculates on contrary tendencies to which the French language has been exposed during its long history – tendencies to uniformity and diversity. Special attention is drawn to the problem of the language contradictory development in terms of its social, territory and stylistic variation.

Keywords: language diversity, variation, language regionalization, styles in literature, low colloquial language, language of French youth, the French language unity.

Каждый язык в той или иной мере единообразен и в то же время вариативен. Гомогенность позволяет языку быть общедоступным средством коммуникации и познания. Единообразие языка достигается благодаря действию центростремительных сил, исходящих от его собственных носителей. Напротив, в основе гетерогенности лежат центробежные силы, также исходящие от носителей языка, которые в данном случае проявляют стремление к разнообразию обозначения мира и к экспрессивному варьированию своей речи. На разных этапах развития французского языка эти противоположные тенденции проявляли себя по-разному.

Территориально-социальная вариативность

Уже в Средние века когда-то единая романская речь на территории Франции подверглась дифференциации. Как полагает Г. Вальтер, в то время, например, жители Лимузена совершенно не понимали речь бургундцев, а те и другие, в свою очередь, не могли понять парижскую речь. В каждой провинции французы пользовались языком своего региона и только клерки на всей территории Франции пользовались единой и общепонятной для них письменной латынью [6. С. 80]. Свидетельством диверсификации когда-то единого языкового пространства Галлоромании служат письменные памятники той эпохи. В них ясно отражается самостоятельность и некоторая независимость функционирования романской речи в закрытых доменах средневековой Франции.

В то же время, ввиду употребления диалектов не только в устном бытовом общении, но и в письменной практике романскую речь затронула стилистическая вариативность. В литературном творчестве, в канцелярском делопроизводстве, в научной деятельности люди пользовались романскими языками несколько отлично от того, как они говорили устно. Письменная практика стала причиной дополнительной диверсификации языкового пространства. На разных территориях романской зоны формировались многочисленные письменные традиции. Исследователи отмечают, однако, что желание писателей того времени быть прочитанными как можно более широким кругом читателей и стремление получить всеобщее признание заставляло их снижать уровень региональной гетерогенности своих произведений. Впрочем, в деловой сфере стремление к диверсификации составителей

завещаний, торговых сделок, распоряжений местных администраций и проч. отмечалось чаще. Рассуждая по этому поводу, Т. Ю. Загрязкина замечает:

<...> язык художественной литературы в большей степени отражал стремление к интеграции, язык деловой прозы и народной поэзии – стремление к дифференциации. Обе эти тенденции как бы уравнивали друг друга [1. С. 49].

В XVI в. на основе региональных скрипт был создан единый литературный французский язык, противопоставленный не только латинскому, но и общенародному французскому языку и местным диалектам романской речи. Постепенное освоение народными массами литературной формы французского языка приводило к его единению и в то же время к дифференциации ввиду значительного влияния на его структуру со стороны региональных писателей.

В XVII–XVIII вв. была выработана единая языковая норма, на основе которой во Франции предусматривалось создать общее языковое пространство. Во времена Французской революции запрос на единый французский язык оказался весьма актуальным. Соответствующее желание республиканцев выразилось в лозунге *La langue doit être une somme République* (Наш язык должен быть единым как сама Республика). Однако книжный литературно-письменный французский язык был недоступен населению, так как средств на школьное обучение простого народа в тот период не было. В связи с этим еще долгое время французы говорили не столько на французском, сколько на региональных языках, местных диалектах и говорах. Литературные романтики XIX в. активно поддерживали исчезающие говоры. В то же время в стране появлялись центры региональных культур и языков, ставившие своей задачей включать региональную жизнь в рамки общекультурного развития французского общества. На фоне территориального единения общефранцузской культуры и языка наблюдалась одновременно дифференциация языкового пространства Франции.

Лишь в начале XX в. государство сумело найти возможность для обязательного и повсеместного обучения нации литературному французскому языку, который превращался в язык всех французов. Со всей стороны, диалекты и говоры уступали свое место общефранцузскому языку. Все меньше молодых французов усваивало речь своих родителей, и диалекты стали заметно «стареть». В первой половине XX в., т. е. в момент интенсивного исчезновения диалектов, даже авторитетные лингвисты выражали восторг и надежду на скорую победу французского языка над всеми другими формами речи во Франции. Антуан Мейе следующим образом высказывался по этому поводу:

Близок тот день, когда во всей северной Франции до Бордо, Центрального массива и на юге до Лиона будет существовать только общефранцузский язык [Цит. по: 1. С. 30].

Таким образом, эпоха франко-патуазного билингвизма первой половины XX в. во Франции, постепенно сменялась эпохой французского монолингвизма. В то же время в условиях билингвизма языковое единение территории естественным образом сопровождалось углублением дифференциации системы французского языка. При исчезновении диалектов языковая интеграция французского общества, безусловно, значительно повысилась, однако понизился уровень единства самой французской речи. Французский язык стал в значительной степени регионализован. С полной уверенностью можно сказать, что территориальная вариативность в настоящее время является важной характеристикой реального состояния современного французского языка Франции.

На протяжении долгой истории французский язык во Франции сталкивался с большим разнообразием культур: этнических (провансальской, нормандской, савойской, пуатевинской и др.) и социально-классовых (аристократической, церковной, крестьянской, пролетарской и др.). Кроме того, он был подвержен влиянию различных интеллектуальных, эмоциональных и эстетических представлений его носителей – представителей разных возрастов и разных образовательных уровней. К глубокой и широкой диверсификации французский язык приводили также собственно языковые внутренние причины, важнейшей из которых является асимметрия развивающихся в нем знаков. Важную роль

в диверсификации французского языка играли контакты с иными языками и культурами. В современном мире французский язык Франции существует далеко не в замкнутом пространстве. По соседству с ним широко представлены языки национальных меньшинств Франции, а также большое количество языков иммигрантов из Европы, Африки, Америки и Азии. Сам французский язык остается в значительной степени вариативным ввиду продолжающегося влияния на него все еще не до конца исчезнувших диалектов Франции. Эти диалекты продолжают свое существование на индивидуальном уровне, и в разных уголках страны имеются тысячи диалектофонов.

В то же время в сознание простых граждан внедрена мысль о гомогенности французского языка. Говоря об отношении народных масс к своему языку, Л.-Ж. Кальве замечает:

<...> крупные языковые сообщества проявляют некоторую тенденцию к борьбе против различных видов вариативности или относятся к ним с подозрением, возможно от того, что чувствуют угрозу стабилизации со стороны центробежных сил, в самом деле присущих языку, и которые им хотелось бы контролировать. Впрочем, виновники этой диверсификации, то есть пользователи и носители языка, ведут себя по-разному. В одном случае они обращаются к ней как к идентифицирующему признаку, в другом, напротив, пытаются затушевать диверсификацию различными диссимилиационными стратегиями, которые могут показаться им выражением предательства [2. С. 88].

Общественное сознание во многом регулируется государственными органами. При этом унитарный характер французской государственности благоприятствует проведению в стране гомогенной языковой политики. Французские власти всегда стремились представить французский язык как единое и мощное образование, что, в свою очередь, помогает эффективно поддерживать присутствие французского языка на разных территориях: внутри страны в качестве родного, а за ее пределами – в качестве иностранного или второго родного. Гомогенная политика эффективно используется в борьбе против нарушения литературной нормы в этнических группах франкоязычного мира, против влияния на структуру французского языка родных языков тех, кто изучает его в провинциях и в бывших французских колониях.

Несмотря на то, что к распространению идеи единства французского языка был приложен максимум усилий, и многое в этом направлении было достигнуто государством, французский язык остается в значительной мере подвижным и вариативным.

Впервые теоретически обоснованно на диверсификацию французского языка во Франции было указано в работах А. Мартине 1950–1970 гг. Видный французский лингвист писал, в частности, что язык существует как гетерогенная система, и что представление о ней как о гомогенной сущности является результатом волевого абстрагирования ученых на этапе предварительного уточнения своих исследовательских задач, после чего ученые переходят к изучению реального состояния языка во всем разнообразии его состояния и функционирования [5. С. 145].

Диверсификация французского языка проявляется главным образом в его устной реализации. Тем не менее, общий уровень вариативности его не настолько велик, чтобы люди, говорящие по-французски, не понимали друг друга. Каждый франкофон считает, что его речь похожа на речь остальных франкофонов, и в то же время осознает свое индивидуальное или групповое (социальное и географическое) речевое своеобразие.

В XXI в. наблюдатели отмечают отсутствие какого-либо затухания пространственного варьирования французского языка, как во Франции, так и за ее пределами. Подобный вывод основан на всестороннем изучении фактического материала, касающегося состояния французского языка. Мнение ученых отличается от официальных заявлений политических деятелей, основанных на наблюдениях над французским языком в его фиктивном, лабораторном и воображаемом состоянии. Официальная позиция является не более чем искусственным конструктом, в то время как естественное состояние французского языка представляет собой взаимодействие сложных систем его территориальных (диатопических), временных (диахронических), социальных (диастратных) и стилистических вариантов.

Литературно-стилистическая вариативность

Современный литературный французский язык – это нормированная общенародная форма языка, которая существует в двух своих вариантах: в книжном и разговорном. Различия между книжной и разговорной разновидностями французской речи четко проявились в XVI в., когда грамотная часть французов стала не только писать, но и говорить, ориентируясь на книжный язык. В разговорной форме литературной речи развивались собственные особенности, связанные с ее функционированием в типичных ситуациях устного общения. Со своей стороны, книжный язык также развивал свои особенности, обусловленные письменным характером его использования в административной, юридической, научной и технической областях. В свою очередь, художественная литература, существовавшая как результат творчества писателей и поэтов, развивала специфику жанровых и стилистических приемов. В классический период XVII–XVIII вв. до тонкостей были разработаны правила высокого стиля (*style noble*), низкого стиля (*style bas*) и обычного стиля (*style commun*).

В своем разговорном варианте литературная речь распространялась, прежде всего, в среде дворянской аристократии, духовенства, чиновничества и образованной интеллигенции. Спустя некоторое время к ней стала приобщаться буржуазия. Городская беднота, малограмотные и безграмотные ремесленники, мелкие торговцы и деклассированные члены общества, не имевшие доступа к литературе, осваивали французский язык в редуцированной форме, создавая при этом свой собственный разговорный стиль, внося в него значительное количество диалектных элементов. В Париже эта форма речи развивалась по-особому. На ее основе в дальнейшем сложилось общефранцузское просторечие. Что касается крестьянства, то оно долгое время пользовалось исключительно диалектами романской речи или региональными языками (бретонским, эльзасским, гасконским и др.) и не знало ни литературного французского языка, ни общефранцузского просторечия.

Надо полагать, что существовавшая литературная норма уже в XVIII в. стала противопоставляться как географической, так и социально-классовой вариативности французского языка. При этом социально-классовые языковые характеристики оказывались тесно связанными с территориальными, и порой с трудом удавалось определить, какие языковые черты указывали на территориальную принадлежность человека, а какие на социальную. Часто они совпадали и дополняли друг друга, указывая одновременно на то, что тот или иной носитель языка принадлежал к такому-то классу и проживал в такой-то провинции, в таком-то городе. Именно поэтому в литературных произведениях классического периода (в пьесах Мольера и Мариво) речь крестьян и простых горожан часто включала в себя одновременно региональные и простонародные черты (часто с элементами диалектной речи).

М. Коен специально замечает, что литературный французский язык в классический период оторвался от простонародного языка, а народное просторечие, в свою очередь, намного отклонилось от общелитературного языка. Между этими двумя формами речи в тот период возникла реальная угроза разрыва. Литературная речь постепенно превращалась в «мертвый» язык, накладываемый на живое просторечие, как когда-то «мертвая» латынь накладывалась на старофранцузский язык [5. С. 197–198]. Действительно, проведенная в XVII–XVIII вв. кодификация литературно-письменного варианта французского языка «заморозила» его развитие, в то время как устная народная форма речи продолжала свободно и активно развиваться. Различия между двумя формами речи значительно усилились в XIX–XX вв.

В настоящее время в некоторых ситуациях французы могут говорить исключительно так, как пишут. Это касается литературно-разговорной манеры общения преподавателей в школе и вузе, во время публичных выступлений политиков, в научных дискуссиях ученых и т. п. Язык устных публичных выступлений обычно называют разговорно-литературной речью, относящейся к выдержанному стилю. Этот стиль отличается своим произношением (в первую очередь сложными интонационными рисунками), синтаксисом (длинными и сложными фразами), лексикой (богатством словаря, употреблением специальной терминологии, обращением к риторическим фигурам и проч.).

Та форма речи, которой те же преподаватели, научные работники, журналисты, чиновники, политические деятели и др. пользуются в обычной бытовой обстановке, в значительной степени отличается от их публичных выступлений. Их разговорная речь становится менее нормативной. Она отличается диалогичностью, эмоциональностью, краткостью и экспрессивностью, фамильярными формами обращения к собеседнику, частым употреблением дискурсивов, бедностью лексики и обсуждаемой тематики. Что же касается лиц, которые не имеют практики публичного общения, то они, закончив освоение литературного французского языка в классе, погружаются в городскую среду или в крестьянскую трудовую жизнь и быстро забывают школьный язык.

Большое значение для французского языка продолжают играть литературно-художественные стили. В начале XIX в. во французском искусстве произошла художественная революция, связанная с борьбой между зародившимся романтизмом (Ламартин, де Вини, Гюго, Стендаль и др.) и старой классической традицией предшествующей эпохи. Романтики проявили себя лояльно по отношению к той лексике, которая раньше отвергалась классиками, и художественная литература стала более доступной широким массам читателей.

Писатели-реалисты (Стендаль, Бальзак, Эриа, Золя, Флобер и др.) интересовались жизнью простых людей и нередко помещали персонажей своих произведений в обычную реальную обстановку. Они значительно обогатили лексический фонд литературного французского языка и привнесли в него множество просторечных, технических, устаревших слов и авторских неологизмов.

Устная речь писателей испытывает сильное влияние со стороны их собственного творчества. Их литературно-художественную речь, в отличие от литературно-письменного языка, можно определить как художественный язык литераторов. Художественная речь в немалой степени отражает литературную норму французского языка, которая звучит в школе, на радио и телевидении, в выступлениях образованных французов.

История французского языка XIX – начала XX в. свидетельствует о двух основных тенденциях: с одной стороны, в то время продолжалось противостояние выдержанной и разговорной форм речи; с другой – наблюдалось устойчивое проникновение элементов разговорного языка во все сферы коммуникации, включая литературные и научные. Впрочем, в то время устным формам речи была объявлена война. В официальной сфере неподготовленный устный текст произносился редко, при этом обычно он полностью содержал особенности письменной речи [3. С. 93].

Как показывают наблюдения, во второй половине XX в. французский язык тяготел ко все большей гетерогенности, при этом не только в устно-разговорном, но и в книжном регистре. Однако масштабы, глубина и ширина особенностей, охватывающих устную форму французского языка намного превышали параметры диверсификации его книжного варианта. Бурное развитие особенностей просторечной, и особенно молодежной, формы французской речи на современном этапе опять заставляет лингвистов говорить о существовании в языковом пространстве Франции двух языков: один из них основан на традиционном книжном варианте французского языка, другой – на разговорно-просторечной форме его существования.

Литература

1. *Загряжкина Т. Ю.* Французская диалектология. М., 1995.
2. *Calvet L.-J.* Diversité des usages et usages de la diversité: l'aïoli et l'Académie // *Dialogues et cultures*, 2005. № 50. Le français, le défi de la diversité.
3. *Chaurand J.* Histoire de la langue française. P., 1972.
4. *Cohen M.* Histoire d'une langue: le français. P., 1973.
5. *Martinet A.* Eléments de linguistique générale. P., 1970.
6. *Walter H.* Le français dans tous les sens. P., 1988.

М. Ю. Колокольникова
Саратовский государственный университет

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСА

Статья посвящена взаимодействию общественно значимого дискурса и его социокультурного окружения. Предметом анализа служит тема семи смертных грехов и ее роль в формировании морально-этических ценностей западноевропейского общества в эпоху Средневековья.

Ключевые слова: социокультурная среда, морально-этические ценности, западно-христианский дискурс.

Marina Kolokolnikova
Saratov State University

SOCIO-CULTURAL ASPECT OF INVESTIGATING DISCOURSE

The article deals with the interaction of discourse and its socio-cultural environment. The study focuses on the influence of the doctrine of the seven deadly sins on the formation of moral-ethical values in West-European medieval society.

Keywords: socio-cultural environment, moral-ethical values, West-Christian discourse.

В настоящее время одним из наиболее распространенных методов лингвистических исследований является дискурс-анализ. Данный метод направлен, как известно, на изучение эпистемических предпосылок и условий порождения и функционирования различного рода высказываний / текстов как продуктов речевой деятельности, осуществляемой в конкретной общественно-исторической ситуации. Не случайно поэтому, что среди других многочисленных разновидностей дискурс-анализа особо выделяется социокультурный, основной целью которого является исследование взаимосвязей между дискурсом и окружающей его социокультурной реальностью. Формируясь и развиваясь под влиянием общества и его культуры, дискурс и сам, в свою очередь, оказывает на них воздействие путем «вживления» в общественное сознание определенных идей, образов и понятий.

Это оказывается возможным во многом благодаря наличию в том или ином дискурсивном пространстве специфических для него социально значимых и регулярно воспроизводимых тем в совокупности с определенным набором языковых средств их реализации. Большой интерес в этом отношении представляет исследование религиозного дискурса, который ориентирован в первую очередь не на порождение все новых смыслов и тем, а на воспроизведение уже существующих.

Наглядным примером может служить английский дискурс XIII–XV вв., в котором (как, впрочем, и во всем средневековом западно-христианском дискурсе) одной из ведущих была тема *семи смертных грехов*. Это объясняется рядом причин. Отметим, в частности, что именно в указанный период в рамках теологии в качестве самостоятельной дисциплины выделяется этика, которая первоначально рассматривалась преимущественно как путь различения греха и добродетели, который через раскаяние и примирение с Богом ведет человека к Спасению.

Важное значение имел также и созыв в 1215 г. IV Латеранского Собора, который установил таинство исповеди и признал *семь смертных грехов* частью исповедального ритуала [4. С. 152]. Их окончательная номенклатура и порядок следования, уточненные св. Фомой Аквинским в его знаменитом труде «Сумма богословия», были официально утверждены Церковью: *Гордыня, Алчность, Чревоугодие, Похоть, Зависть, Гнев и Леность* (лат. *Superbia, Avaritia, Gula, Luxuria, Invidia, Ira, Acedia*).

Указанный список несколько модифицирует тот, который находим у папы Григория Великого (VI–VII вв.), где семь смертных грехов представлены в следующей

последовательности: Тщеславие, Зависть, Гнев, Лениность, Алчность (Скупость), Чревоугодие и Похоть. Заметим, что этот вариант использует Данте в своей «Божественной комедии» при описании Чистилища.

Следует отметить, что тема *семи смертных грехов* была особенно характерна для религиозных текстов морально-дидактической направленности, которые предназначались для самых широких масс населения и создавались, как правило, не на латыни, а на родных для мирян языках и диалектах. Сюда относились собрания проповедей, морально-нравоучительные трактаты, религиозно-дидактические поэмы, руководства и наставления по подготовке к таинству покаяния. Их авторы стремились дать как можно более тщательное разъяснение сущности каждого из *семи смертных грехов*, чтобы внушить верующим отвращение к ним и желание бежать от них, а если грех уже совершен, то помочь осознать его должным образом и покаяться в нем на исповеди. Для достижения этих целей обычно использовался типовой набор контекстов, которые обнаруживают заметное сходство как с точки зрения их содержания, так и лексического наполнения:

- перечисление семи смертных грехов и общая их характеристика;
- более или менее подробное описание природы каждого из семи грехов;
- указание на другие многочисленные грехи и пороки, которые являются их следствием;
- описание тех добродетелей, которые при помощи Бога позволяют человеку противостоять тому или иному греху и служат надежным «лекарством» против него;
- призыв покаяться в грехах, полностью предоставив себя Божьему милосердию.

Подобные тематические блоки были относительно самостоятельные в смысловом плане и регулярно воспроизводимые, что, несомненно, облегчало процесс восприятия и запоминания заложенной в тексте информации, а следовательно, и способствовало ее более эффективному воздействию на читателей или слушателей. Так, например, грех *зависть* (*envy*) обычно определялся средневековыми авторами как *горе и раздражение от блага и благоденствия ближних и радость при виде их несчастий*. От зависти происходят *злословие, клевета, вражда, злоба, ожесточение сердца*. Часто отмечается также, что если все остальные наши грехи противостоят какой-то одной добродетели, то *зависть* – всем добродетелям и всякому благу, ибо она ненавидит все доброе, что выпадает на долю ближнему. Поэтому главное средство против данного греха – это любовь к Богу и любовь к ближнему, как к самому себе. Любовь – это лекарство, которое изгоняет яд зависти из сердца человека.

У греха *алчность*, который рассматривался как похоть сердца к мирским благам, традиционно выделяли два аспекта, в равной степени осуждаемые христианской моралью. Первый из них связан с неудержимым стремлением к приобретению любыми средствами все новых материальных благ, особенно тех, которые принадлежат другим. Второй аспект – с отказом делиться имеющимися материальными благами с ближними. Считалось, что для излечения от алчности и скупости необходимо было в первую очередь пробудить в человеке милосердие и сострадание.

Пожалуй, в наибольшей степени отпечаток эпохи несут на себе фрагменты, посвященные *лености*, под которым в средневековом религиозном дискурсе подразумевалось, прежде всего, состояние душевной апатии, безразличия, мешавшее человеку предаваться делам благочестия и в первую очередь – молитве. Главными последствиями *лености* признавались невнимательность во время мессы, забвение грехов на исповеди, неисполнение епитимьи. Св. Томас Аквинский, объединивший грех *леность* с грехом *уныние*, рассматривал его как отказ от радости общения с Богом, отказ от духовного блага вообще.

Во многих случаях особое внимание обращалось на то, что этот опасный «сон души», ведущий ее к гибели, может охватить и человека внешне активного и деятельного, но при этом полностью погруженного лишь в мирские дела и заботы. Самым надежным

противоядием здесь признавались такие добродетели, как *милосердие, духовная радость и крепость духа*.

Однако к концу средневекового периода (XV в.) религиозная трактовка греха *леность* претерпевает некоторые изменения, становится более широкой. По мере социально-экономического развития общества среди нравственных обязанностей христианина наряду с делами благочестия важное место все чаще начинает занимать производительный труд. Подобное представление получает теологическое обоснование, опирающееся на тексты Священного Писания: «Если, кто не хочет трудиться, тот и не ешь» [2 Фес. 3: 10]. Вследствие этого грех *леность* распространяется уже не только на *vita contemplativa* и *vita activa*, но и на различные «труды человеческого служения», а к привычным добродетелям, противостоящим данному греху, добавляется и обыкновенная мирская «деловитость» [3. С. 236].

В дальнейшем именно взаимодействие этих двух относящихся к разным хронологическим срезам концепций определило характер понятийной структуры греха *леность*. В ряде случаев это находит отражение и в системе его обозначения. В частности, в латинских религиозных текстах для его наименования наряду с существительным *acedia* (*душевная апатия, безразличие*) приблизительно с XV в. в качестве специального термина используется и существительное *pigritya* (*лень, бездеятельность*).

Нужно подчеркнуть, что постоянное обращение к теме *семи смертных грехов* было обусловлено не только ее особой религиозной, но и социальной значимостью. Один из исследователей пишет по этому поводу: «На протяжении многих веков концепция, список и ассоциативное окружение семи смертных грехов было повседневностью для любого католика независимо от социального ценза. Ряженные *Смертные Грехи* шествовали в массовых мистериальных представлениях, были обычной темой проповеди и частью исповедального ритуала» [1. С. 131]. Добавим также, что аллегорические изображения *семи смертных грехов* присутствовали в церковной скульптуре и настенных росписях храмов.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что тема *семи смертных грехов* очень скоро выходит за пределы собственно церковно-религиозной сферы. Об этом свидетельствуют, в частности, произведения западноевропейской средневековой художественной литературы, авторы которых не только обращаются к рассматриваемой тематике, но и заимствуют ставшие к тому времени традиционными в рамках религиозного дискурса языковые и композиционные средства ее воплощения. В этой связи достаточно вспомнить «Кентерберийские рассказы» Чосера, особенно их заключительную, десятую часть – «Рассказ священника». Среди его главных источников обычно называют трактат французского монаха XIII в. брата Лорана «Собрание пороков и добродетелей». Многие мотивы и образы этого сочинения, в свою очередь, восходят к *Откровению* св. Иоанна, и прежде всего, здесь стоит выделить образ зверя с семью рогами, который, как иногда полагают, дал импульс всему учению Церкви о *семи смертных грехах*.

Примечательно, что в некоторых современных изданиях «Кентерберийских рассказов» (в том числе и на английском языке) эта часть либо вовсе не представлена, либо дается только в сокращенном варианте. Между тем этот рассказ чрезвычайно важен для понимания концепции всего произведения в целом и, несомненно, представляет большой интерес в культурно-историческом плане, поскольку сочетает в себе характерные черты средневековой проповеди, средневекового богословского трактата и руководства по подготовке к таинству исповеди.

Помимо пролога и двух вступительных разделов, содержащих общие рассуждения о грехе и покаянии, «Рассказ священника» содержит еще семь разделов, каждый из которых посвящен одному из *семи смертных грехов*. Согласно традиции, Чосер уподобляет их стволу дерева, от которого отходят малые и большие ветви и побеги, т. е. другие многочисленные грехи и пороки. О *гордыни*, которая является главным грехом и корнем всех зол, говорится следующее:

«И хотя ни один человек не может перечислить все ветви гордости и описать весь вред, какой от нее происходит, но частью я это покажу, как вы увидите. Сии суть: ослушание, превозношение, лицемерие, дерзость, самомнение, бесстыдство, злорадство, глумливость, высокомерие, нетерпение, непокорность, победительность, наглость, неучтивость, упрямство, тщеславие и множество других ветвей и отростков, которые не могу ни описать, ни перечислить» [2. С. 670–671].

Не меньше внимания Чосер уделяет и описанию тех добродетелей, которые должен развивать в себе человек, чтобы бороться с искушениями. Особое место среди них отводится такой добродетели, как *смирение*, которое бывает трех видов: *смирение сердца*, *смирение уст*, *смирение дел*.

Упоминания о *семи смертных грехах* можно встретить и в некоторых других частях «Кентерберийских рассказов». Существует даже мнение (хотя далеко и не общепризнанное), что все произведение в целом представляет собой художественный трактат о *семи смертных грехах*, а проповедь священника служит своеобразным моральным компасом, который указывает паломникам истинный путь, помогает им отбросить греховные мысли и сосредоточиться на конечной цели своего путешествия.

Стоит подчеркнуть и тот факт, что в эпоху, когда значительная часть населения, особенно сельского, была неграмотной, тема *семи смертных грехов* получила широкое распространение в массовом сознании, разумеется, не только благодаря письменным текстам. Важная роль здесь принадлежала устной проповеди во время мессы, наставлениям, которые получали от священника приступавшие к таинству покаяния, а также популярным в то время в странах Западной Европы пьесам-мистериям и пьесам-моралите, в которых представленные в аллегорической форме добродетели и пороки сражались за душу человека.

Таким образом, все вышесказанное позволяет говорить о том, что тема *семи смертных грехов* играла важную роль не только в обеспечении единства смыслового пространства самого средневекового западно-христианского дискурса, но и способствовала распространению в обществе определенных морально-этических ценностей, установок и норм поведения.

Литература

1. Силецкий В. И. Терминология смертных грехов в культуре позднего Средневековья и Возрождения // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 130–137.
2. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / Пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера, Т. Поповой. М.: Грантъ, 1996.
3. *Этика*: энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001.
4. Schlauch M. Medieval English Literature and its Social Foundations. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956.

Ф. БРЮНО И РЕФОРМА ПРЕПОДАВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Анализ деятельности Ф. Брюно по реформированию языковой политики Франции в области образования приобретает особую значимость в эпоху, когда национальные системы образования реформируются под влиянием глобализации. Решения проблем адаптации системы изучения родного языка к требованиям современности, предложенные Ф. Брюно, не теряют своей актуальности и в наши дни.

Ключевые слова: Ф. Брюно, реформа образования, французский язык, демократизация образования, реформа орфографии, спор о Новой Сорбонне.

Mikhail Marusenko
Saint-Petersburg State University

F. BRUNOT AND THE REFORM OF TEACHING FRENCH

Analysis of F. Brunot's activities aimed at reforming language policy of France in the sphere of education has acquired special significance nowadays when national educational systems are being reformed under the influence of the globalization processes. At present, Brunot's ideas of adapting native tongue teaching to the demands of modernity continue to be of great importance.

Keywords: F. Brunot, educational reform, the French language, democratization of education, spelling reform, New Sorbonne debates.

Имя Фердинанда Брюно, который является автором фундаментальной «Истории французского языка» («*Histoire de la langue française*») известно каждому романисту, однако не все знают, что он был государственным и общественным деятелем своей эпохи. Площадь перед мэрией 14 округа Парижа носит его имя, потому что он был мэром этого округа в период с 1910 по 1919 гг., на который пришлась первая мировая война.

Особенно активно общественная деятельность Ф. Брюно протекала в конце XIX – начале XX в. и оказала огромное влияние преподавание французского языка.

Ф. Брюно принимал активное участие во многих проектах модернизации своей эпохи: университетской реформе, защите Дрейфуса и Республики, реформе среднего образования, реформе орфографии, модернизации методики обучения грамматике, защите женского образования, поддержке преподавания французского языка за рубежом и т. д. Однако его почти официальный статус «хозяина грамматики» (*patron de la grammaire*), по выражению Ш. Пеги, часто заслонял его роль защитника модернизации: «Я, писатель, испытываю такое же уважение к работам г. Брюно, какое солдат, прошедший войну, испытывает к историку пороха и селитры, который ее не видел, какое художник, писавший картины, испытывает к историку его ящика с красками, который их не писал»⁹.

Первым громким общественным поступком Ф. Брюно было его участие в работе Комиссии по реформе среднего образования в 1899 г. (Комиссия Рибо). В ответах Ф. Брюно на вопросы, поставленные комиссией, содержался комплекс радикальных реформ, касающихся преподавательского состава, программ и задач образования, необходимых для адаптации к современному обществу. По своим социальным и политическим убеждениям Ф. Брюно принадлежал к антиклерикальному лагерю. По его мнению, проблемы государственных учебных заведений были вызваны консервативными и клерикальными убеждениями буржуазии, которая из-за снобизма старалась воспитывать своих детей в защищенной атмосфере католических колледжей.

⁹ *Péguy Ch. Un nouveau théologien: Fernand Laudet // Cahiers de la Quinzaine, 2è cahier de la 12è série, 24 septembre 1911 // Œuvres en prose 1909–1914. P., 1961. P. 1002.*

Для Брюно не были секретом недостатки государственных лицеев и колледжей: недостаточный педагогический опыт преподавателей и слабое моральное воспитание учащихся, что, как раз, является сильной стороной религиозных учебных заведений. Он предложил два пути реформирования: во-первых, изменить содержание общенационального конкурса на замещение должностей преподавателей лицеев (*agrégation*), чтобы усилить педагогическую подготовку будущих преподавателей, во-вторых, набирать репетиторов из числа учителей начальной школы, которые, с его точки зрения, обладают необходимыми моральными качествами. Такое восхваление достоинств начальной школы являлось частью официального республиканского дискурса и, конечно, далеко от научной строгости, которой Брюно должен был руководствоваться в своих предложениях.

Брюно очень критически относился к содержанию программ классического образования и к тому комплексу превосходства, который демонстрировали его сторонники и который постоянно опровергался реальностью. Будучи экзаменатором на бакалаврских экзаменах, он констатировал очень низкий уровень знаний, в частности, греческого языка. Не лучше обстояло дело и с латынью: самые трудные авторы, Тацит и Сенека, совершенно недоступны для выпускников и даже считающийся легким автором Цицерон плохо им понятен. Брюно предлагал отказаться от устаревшей амбиции требовать от учеников понимания древних литератур: «Греко-латинское образование, в том виде, в котором оно существовало, кончилось; но условимся – я не хотел бы, чтобы мои слова выходили за рамки моей мысли – это образование кончилось, как единственный тип среднего образования»¹⁰. Иными словами, Брюно придерживался позиции, что настоящее классическое образование должно быть доступно только элите учащихся, а не навязываться всем учащимся, которые терпят его по необходимости, поскольку оно требуется для некоторых карьер или дальнейшего образования. Для него эта реформа вписывается в цепочку преобразований, начавшуюся в XVI в.; необходимо освободиться от культа древних, унаследованного от церкви и средневековых университетов, и уделять больше внимания «вульгарному языку», учитывая то место, которое он занимает во всех областях общественной жизни: в администрации, в юриспруденции, в медицине, в науке и культуре. Среднее образование являлось последним бастионом крепости, в течение трех веков подвергавшейся разрушению – монополии клерков-латинистов на интеллектуальную жизнь. Ни монархия, ни парламент в момент изгнания иезуитов, ни Французская революция не осмеливались идти до конца и уменьшить долю классических предметов для того, чтобы освободить место для современной культуры. Тогда просто добавлялись новые дисциплины, без удаления старых, что приводило к поверхностному изучению всех предметов, потому что время, выделяемое на каждый из них, было недостаточным, чтобы достичь удовлетворительного уровня. Отказ от решения этого вопроса основывался, по мнению Брюно, на совершенно ложных предпосылках: необходимости знания греческого и латинского языков для хорошего владения французским и их роли интеллектуальной гимнастики, способствующей развитию интеллекта, что позволяет легко переходить от одного языка к другому¹¹. Опираясь на свою компетенцию историка языка и на свой личный опыт бывшего отличника классического отделения, Брюно утверждал, что оба эти утверждения не подтверждаются жизнью: «Принесла ли эта латинская культура только пользу нашему языку? Я сильно сомневаюсь в этом. Мы забываем, что она дала нам орфографию, которая является национальным бедствием, непреодолимым препятствием на пути прогресса начального образования и распространения нашего языка за рубежом»¹².

¹⁰ Enquête parlementaire sur l'enseignement secondaire // classiques.uqac.ca/classiques/le_bon_gustave/psycho_education/psycho_education_tdm.html.

¹¹ *Christophe Ch.* Ferdinand Brunot et la défense des modernes // www.fabula.org/atelier.php?Ferdinand_Brunot_et_la_d%26eacute%3Bfense_des_modernes. P. 6.

¹² Копия доклада находится в архиве Ф. Брюно, хранящемся в Институте Франции // *Papiers Brunot MS 7786 Bibliothèque de l'Institut*. P. 369.

Он выдвинул идею о возможности исторического изучения французского языка, не зависящего от знания латыни, которая не реализована до настоящего времени, потому что все преподаватели французского языка получают классическое образование¹³. Проект реформы, предлагаемый Брюно, разделялся на два этапа: на первом, предусматривалось уравнивать в правах обе секции лицеев; на втором – ускорить развитие секции современных языков, единственно приспособленной к общественным потребностям и отвечающей запросам большинства населения. При этом необходимо сохранить несколько островков классической культуры, ради сохранения традиций и для того, чтобы некоторые семьи не посылали своих отпрысков в католические колледжи.

Во второй раз Брюно громко заявил о своей позиции в 1903 г. в связи с полемикой о реформе орфографии. По инициативе министра народного просвещения была создана комиссия под председательством директора Школы Хартий П. Мейера, включающая семерых членов Высшего совета народного просвещения, трех специалистов, в том числе Брюно, и двух депутатов. Кроме О. Греара, включенного в комиссию как бывшего вице-ректора Парижской академии (учебного округа), в комиссию не входил ни один член Французской академии, что объясняет ее неприятие заключений комиссии, представленных в 1904 г., потому что Академия сочла, что ее лишили одной из ее прерогатив. К проблемам с Академией добавилась враждебная мобилизация прессы, литературных и академических кругов. Во главе кампании против самой идеи реформы встал журнал «*Revue Bleue*», читателями которого были, в основном, университетские преподаватели. В номере от 18 февраля 1905 г. был опубликован манифест, подписанный 120 представителями прессы и университетской профессуры. В трех последующих номерах к ним присоединились еще 294 представителя консервативных кругов. Писатели забыли о своих старых политических и литературных противоречиях и встали на защиту письменной традиции, которую реформа подвергала опасности: «Уже в течение ста лет в нашей стране орфография является неизменной. Ее соблюдали самые благородные гении XIX столетия. Величайшие классические модели дошли до нас в форме, которая привычна для нас. Декрет, внезапно ниспровергающий традиционную орфографию, приведет к тому, что все шедевры, изданные с XVII в., а также современные шедевры, будут иметь странный и архаический вид. Еще более высокий барьер возникнет между толпой и грамотной публикой; это, рано или поздно, подвергнет риску всю пластическую красоту нашего языка и нанесет ущерб всемирному престижу французской литературы. Подписавшиеся выражают желание, чтобы этот проект не получил дальнейшего развития: он подвергнет опасности национальную литературу»¹⁴.

Готовя свой памфлет «Реформа орфографии. Открытое письмо господину министру Народного образования» («*La réforme de l'orthographe. Lettre ouverte à M. le ministre de l'Instruction publique*»), Брюно отдавал себе отчет в том, что сопротивление литераторов вызвано страхом деятелей французской культуры совершить святотатство по отношению к великим писателям. Для нейтрализации этого аргумента, он собрал примеры рукописей или прижизненных изданий знаменитых писателей, чтобы показать, что существующая орфография уже радикально изменила их графическую форму, по сравнению с тем, что они сами писали или отдавали в печать.

Для того чтобы найти решение, приемлемое для обеих сторон, министр просвещения назначил новую комиссию во главе с деканом филологического факультета Сорбонны А. Круазе, в которую вошли четыре члена прежней комиссии и представитель Французской академии Э. Фаге. Составление заключительного доклада в 1906 г. было поручено Брюно. Хотя тон доклада был более умеренным, чем в памфлете, он основывался на тех же социальных и педагогических принципах, что и его доклад для комиссии Рибо: во-первых, сделать чтение и письмо доступными максимальному числу французов, без ненужных трудностей, не тратя лишнего времени на заучивание слов и абсурдных, необъяснимых

¹³ *Christophe Ch.* Ferdinand Brunot et la défense des modernes // www.fabula.org/atelier.php?Ferdinand_Brunot_et_la_d%26acute%3Bfense_des_modernes.

¹⁴ *Revue bleue*, 18 février 1905. P. 203.

правил: «Мы слишком часто забываем, что, для значительной части нации, французский язык еще является не родным языком, а приобретенным языком, который дети изучают в школе при помощи устных упражнений, а также чтения. Мы также забываем, что для всех тех, кто не пошел дальше начальной школы, огромное число слов продолжают оставаться неизвестными; когда эти дети, став взрослыми, читают газеты, эти слова звучат для них, как иностранные; они читают их самым причудливым способом, потому что они читают их так, как те пишутся. Грамотные люди охотно смеются над этими варваризмами, не отдавая себе отчета в том, что они сами допускают их, и в большом количестве»¹⁵.

Второй принцип был изложен Брюно в открытом письме министру народного просвещения: французский язык теряет свои позиции в мире, потому что его трудная орфография отпугивает иностранцев и жителей колоний, которые могли бы его изучать. Его недоступность способствует распространению других, более простых языков. Свою точку зрения, предвосхитившую Франкофонию, Брюно проиллюстрировал примером: «Какие выводы может сделать для себя юный аннамит, которому преподают в наших колониях, что письмо является искусством «передавать речь» при помощи «условных знаков» (Академия) и которого учат, что для написания слова *oiseau* используются буквы *o, i, s, e, a, u*, в то время как ни один из этих звуков не звучит в слове *oiseau*»¹⁶.

Брюно основывался на истории языка, чтобы доказать, что общепринятые условности являются недавними изобретениями, соблюдение которых было навязано только в XIX в. под влиянием лицеев и колледжей Империи и их учебников. Он анализировал политику всех режимов, которые старались превратить французский язык в инструмент политического единства. Республика, отказавшись от произвольной орфографии, добилась того, чего не могла добиться монархия, у которой не было единой школы и национальной прессы: реформа сделала язык и письмо общедоступными. Она укрепила национальное единство, уничтожив преимущества представителей привилегированных классов, которые благодаря длительному обучению смогли овладеть этой классовой орфографией. Эта программа модернизации, предлагаемая Брюно, была направлена на создание во Франции национального сообщества, не разделенного культурным барьером. Он предлагал разработать научную орфографию фонетического типа, принципы которой основывались бы на фонографических записях, что позволило бы избежать постоянных расхождений между письменностью, которая закрепляет устаревшие узусы, и современным произношением.

Даже самые умеренные предложения комиссии не получили поддержки властей, и новый министр просвещения А. Бриан положил доклад в долгий ящик.

Третья политическая акция, в которой принял участие Брюно, была направлена на защиту французского языка.

Патриотическая активность Ф. Брюно – это исторически установленный факт, потому что он стал членом Лиги патриотов и Патриотического союза Роны сразу после назначения в Лион в 1883 г. Он был родом из города Сент-Дье, в котором родился и Ж. Ферри, и его детство несло на себе тяжелый отпечаток франко-прусской войны, немецкой оккупации и близости новой границы между Францией и Германией, пресловутой «голубой линии Вогезов». Его точка зрения на среднее образование и на реформу орфографии основывалась, как показано выше, на его патриотических и социальных убеждениях. Для укрепления национального единства было необходимо, чтобы единая культура стала достоянием максимального числа французов. Язык и литература являются орудиями патриотической борьбы ради величия Франции.

Брюно принадлежал к поколению, которому не выпало выполнить свой воинский долг, поскольку на момент объявления войны 1870 г. ему было всего 10 лет, однако он осознавал опасность воинствующего национализма в период дела Дрейфуса и марокканского кризиса. Идеи реформирования, которые он защищал, были попорчены культурной и нацио-

¹⁵ Rapport présenté au nom de la commission chargée de préparer un arrêté relatif à la simplification de l'orthographe (Direction de l'enseignement primaire 2e bureau). P. 3.

¹⁶ Ibidem, p. 4.

налистической реакцией. Тем не менее, не теряя мужества, он продолжал борьбу за то, что считал прогрессом и благом для Франции. Он принял активное участие в споре о Новой Сорбонне в связи с кризисом французского языка и германизацией университетов.

Спор о Новой Сорбонне разгорелся в тот момент, когда 28 апреля 1910 г. правительство опубликовало декреты, устанавливающие эквивалентность дипломов бакалавра, при записи на гуманитарные и естественно-научные факультеты, дипломам без латыни. В ответ противники реформы опубликовали серию статей, в которых доказывали, что эта мера приведет к гибели литературной ориентации Сорбонны, а также о вредности ликвидации социального барьера, каковым являлся латинский язык. По их мнению, это вызовет деградацию высшего образования в сторону механической эрудиции и специализации, которая будет усугубляться по мере появления студентов, не изучавших латынь. Брюно вступил в дискуссию только в январе 1911 г., опубликовав статью «Кризис французского языка» («*La crise du français*»), в которой он отреагировал на решение министерства обороны отменить дополнительные баллы, которые получали бакалавры, изучавшие латынь, при поступлении в Политехническую школу¹⁷. Непосредственным поводом для статьи послужил протест против этого решения одного крупного промышленника, бывшего выпускника Политехнической школы. На самом деле, спор по этому, казалось бы, техническому вопросу, касался эффективности реформы 1902 г., ослабившей изучение литературы, что не замедлило сказаться на результатах конкурсов.

Брюно, всегда выступавший в поддержку идей модернизации, разбил аргументацию противников реформы, доказав, что ученики, получившие образование по новым программам, определенным реформой 1902 г., учитывая сроки обучения, не могли в 1910 г. быть дипломированными инженерами. Поэтому жалобы на то, что уровень владения инженерами французским языком упал, являются совершенно безосновательными. В ответ клеветникам Сорбонны, закосневшим в защите классического французского, основанного на древней словесности, Брюно отвечал, что филологические факультеты являются лучшими пропагандистами этого языка, свидетельством чего служит приток студентов со всего мира, подтверждающий качество этого образования: «Я думаю, никто не станет утверждать, что французский язык потерял свой престиж зарубежом. Уже давно этот престиж не был так велик. Благодаря гению расы, мы отвоевываем, с одной стороны, территорию, которую, по экономическим и политическим причинам, мы теряем, с другой... *Alliance française*, университеты Гренобля, Нанси и Сорбонна, та самая одиозная Сорбонна, указали людям со всего мира дороги, которые ведут во Францию, в том числе, дорогу к горе, вокруг которой средневековые народы объединялись в нации, и они сделали для французского языка больше, чем те, кто кричит на весь мир о его неисцелимой болезни... Несмотря на брань тех, кто надеется восстановить величие нации, забрасывая грязью всех, кто не разделяет их политических убеждений, независимо от их заслуг, рабочие, насколько я понимаю, не собираются бросать свое дело»¹⁸.

Патриотическая интонация этой статьи свидетельствует о том, что Брюно не отрывал своей профессиональной деятельности от службы интересам Франции. Он не мог молча сносить выпады националистов, оскорблявших страну и ее самые современные институты во имя прошлого и ухудшавших международную репутацию Франции. Но политические атаки против Новой Сорбонны имели и социальный аспект, который не мог оставить Брюно безразличным: под предлогом борьбы с германизацией и упадком преподавания латыни велось наступление на реформы, в проведении которых он принимал активное участие. Поэтому он решил принять еще более решительные меры и возобновил деятельность ассоциации, которую основал еще накануне реформы 1902 г. – «Общество друзей современного образования» («*Société des amis de l'éducation moderne*»). В своем выступлении на Генеральной ассамблее 19 марта 1911 г. Брюно заявил: «... защищая старый учебный

¹⁷ Brunot F. La crise du français // Revue hebdomadaire, 17 janvier 1911. Pp. 160–176 et 21 janvier 1911. Pp. 304–326.

¹⁸ Ibidem, pp. 163–164.

план, многие имеют целью, на самом деле, только сохранить социальную группу, к которой они принадлежат, монополию на некоторые карьеры, считающиеся самыми почетными и самыми выгодными»¹⁹.

Мобилизация сторонников классической культуры и нападки на реформу 1902 г. усилились весной 1911 г. В мае 1911 г. под руководством А. Франса была организована первая лига противников реформ, а затем появилась и вторая, еще более радикальная лига «За французскую культуру» под председательством академика Ж. Ришпена. Сложилась ситуация, похожая на войну лиг в деле Дрейфуса. Бывший защитник Дрейфуса, Брюно резко выступил против этой лиги в статье «*La ligue des fils de famille*», опубликованной в газете «*L'Action*» 13 июня 1911 г.

Во второй половине июня Брюно выпустил манифест, получивший широкую поддержку сторонников реформ, его ассоциации, университетских профессоров-реформаторов, преподавателей языков в лицеях и учителей начальных школ. 1 июля 1911 г. в кафе «Вольтер» на площади Одеон состоялось первое собрание новой ассоциации «Друзья французского языка и современной культуры» («*Les amis du français et de la culture moderne*»), председателем которой был выбран Брюно. На собрании был принят текст призыва, в котором содержались его уже известные идеи, но, учитывая агрессивную позицию сторонников классической культуры, изложенные в более умеренном тоне:

«Друзья французского языка и культуры не приемлют даже мысль о враждебности по отношению к латинской культуре, которая, по их мнению, должна занять свое место в образовании молодежи. Они с удовлетворением восприняли бы и введение настоящей греческой культуры.

Но они напоминают, что латинская культура преподается в трех четвертях средних учебных заведений и отказываются признавать ее единственно возможной и единственно эффективной... Напротив, они убеждены, что старый непрямо́й метод, который требует изучения французского через латынь, если и может давать результаты, то лишь при условии применения в течение долгих лет, в большинстве случаев является неудовлетворительным и неэффективным, что он мешает развитию несравнимо более совершенных методов, основанных на изучении французского языка через него самого и ради него самого, и тормозит создание гуманитарных наук на французском языке.

Они отмечают великолепные и бесспорные результаты, достигнутые в начальном и среднем образовании мальчиков и девочек, не изучающих латынь...»²⁰.

Эта война манифестов и лиг раздувалась прессой, для которой это была удачная возможность продолжить спор вокруг Новой Сорбонны. Брюно очень активно занимается делами своей ассоциации и участвует в полемике против защитников классических языков, обвиняя их в потворстве Германии в статье «*Nos bons chauvins*», опубликованной 20 августа 1911 г. в газете «*Le Siècle*».

По истечении этого особенно богатого конфликтами периода Брюно продолжал защищать свои модернистские убеждения, но уже с учетом исполнения им новых обязанностей: мэра 14 округа Парижа с 1910 г., декана Сорбонны с 1919 г., члена Академии надписей с 1925 г.²¹

¹⁹ Papiers Brunot MS 7787 Bibliothèque de l'Institut.

²⁰ Манифест был опубликован в газетах «*Le Temps*» 17 июля 1911 и «*Le Siècle*» 21 июля.

²¹ *Christophe Ch. Ferdinand Brunot et la défense des modernes*// www.fabula.org/atelier.php?Ferdinand_Brunot_et_la_d%26eacute%3Bfense_des_modernes.

Н. И. Пушина

Удмуртский государственный университет

КАТЕГОРИИ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Современное образовательное пространство, характеризуемое как мультилингвальное, придает особое значение целому ряду социолингвистических категорий: языковое состояние, языковая ситуация, типы языковой ситуации, форма существования языка, моногlossия, диглоссия, билингвизм, полилингвизм и др., которые под воздействием требований современного общества уточняются и наполняются дополнительным содержанием и нуждаются в соответствующем анализе и систематизации. При решении задач современного образовательного пространства указанные категории требуют профессионального отношения, поскольку многоязычные ситуации редко бывают сбалансированными и устойчивыми из-за отсутствия в одном обществе полной симметрии в условиях сосуществования двух и более языков.

Ключевые слова: современное мультилингвальное образовательное пространство, категории социолингвистики, языковое состояние, языковая ситуация, диглоссия, двуязычие, многоязычие.

Natalia Pushina

Udmurt State University

THE CATEGORIES OF SOCIOLINGUISTICS IN THE SPHERE OF MULTILINGUAL EDUCATION

Modern multilingual education pays special attention to a number of sociolinguistic categories: language situation, language code, diglossia, bilingualism, polylingualism, etc. which under the influence of modern society demands acquire new additional meaning and are in need of their analysis and systematization. These categories should be treated professionally because polylingual balanced situations are rare.

Keywords: modern multilingual education, categories of sociolinguistics, language situation, diglossia, bilingualism, multilingualism.

Современное образовательное пространство, характеризуемое как мультилингвальное (полилингвальное, многоязычное), придает особое значение целому ряду социолингвистических категорий, в частности: языковое состояние, языковая ситуация, типы языковой ситуации, форма существования языка («подсистема языка», «компонент социально-коммуникативной системы», «код» и др.), моногlossия, диглоссия, билингвизм (двуязычие), полилингвизм (многоязычие, мультилингвизм) и др., которые под воздействием требований современного общества уточняются и наполняются дополнительным содержанием и нуждаются в соответствующем анализе и систематизации.

В современном мире преобладает многоязычие и многоязычные ситуации, разнообразие которых бесконечно, что во многом объясняется активными процессами глобализации, активным объединением стран Европы, принятием общей для европейских государств конституции, повлекшими сложные и серьезные изменения в системе образования (в том числе и российского). Знание и владение несколькими иностранными языками практически становится нормой, как и международная мобильность студентов, стремящихся к получению образования или его продолжению за рубежом, а впоследствии и специалистов, желающих получить работу за рубежом. В связи с этим в многоязычном пространстве наряду с проблемами языковой политики, социальных функций языка, языка печати, телевидения и т. д., которые, естественно, касаются каждого гражданина, закономерно встает вопрос выбора языка для разных сфер общения и создания условий для его использования.

При этом следует иметь в виду, что языковая панорама современного мира не представляет простой мозаики, состоящей из нескольких тысяч языков. География языков, география народов мира и политическая карта мира тесно взаимосвязаны [3. С. 115]. Соци-

ально-политическая неоднородность мира преломляется в социальном статусе языков и их востребованности: языки различны по количеству говорящих на них людей, по своим общественным функциям, по сферам использования, по авторитету в своей стране и за ее пределами. Языки полистатусны, обладают сразу несколькими разными статусами – международным, государственным, национальным, статусом межнационального средства общения, поскольку этническая и языковая карты мира не совпадают и, как следствие, симметрия «один народ – один свой и отдельный язык» не является правилом [5. С. 47–48; 3. С. 24].

Развитие культуры, науки, образования способствует сохранению двуязычия и многоязычия. По мере общественного прогресса возрастает социальная и культурная значимость всех языков: языков широкого международного общения и языков, на которых говорит несколько тысяч человек.

Таким образом, двуязычие (и многоязычие) все шире распространяется в современном мире. При этом совместное функционирование разных языков в одном социуме характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, возрастает объем коммуникации на каждом языке, расширяются их социальные функции. С другой – идет процесс, аналогичный стилистической дифференциации языка в одноязычной ситуации: языки дифференцируются в функциональном отношении. Такая координированность языков, отношения взаимной функциональной дополнительности в рамках социума способствуют превращению двуязычия в единую функциональную систему, что обуславливает целесообразность и поэтому устойчивость двуязычных ситуаций.

Двуязычие (билингвизм) и многоязычие (полилингвизм), как следует из буквального значения терминов, – это наличие и функционирование в пределах, обеспечивающих общение с представителями другого этноса в одной или более сферах коммуникации, а также практика использования в одном языковом сообществе двух или нескольких языков. Многие современные страны дву- или многоязычны.

Функционирование двух и более языков в обществе было бы невозможно без двуязычия отдельных членов языкового сообщества. Даже если индивид владеет несколькими языками, его часто называют билингом. Билингвизм может быть присущ как индивиду, так и коллективу. Билингвизм возникает в условиях полиэтнического общества и в условиях языковых контактов. В некоторых случаях билингвизм описывается как этап в процессе смены языка коллективом (от этапа монолингвизма к полной смене языка). В зависимости от параметров билингвизма, целей и аспектов исследования различают разновидности билингвизма. Выделяются лингвистический, социокультурный (аккультурация индивида), когнитивный, нейрофизиологический и психологический аспекты билингвизма. Выделение последних связано с тем, что у развитых билингов часто наблюдается двойное или смешанное языковое и культурное сознание [6. С. 31–32; 1. С. 56–57].

Различаются следующие **виды билингвизма**: *координативный* – чистый (два языка совершенно автономны, каждому соответствует свой набор понятий и независимость грамматических категорий); *субординативный* (говорящие воспринимают второй язык через призму родного: понятия соотносятся с лексическими единицами родного языка); *смешанный* (подразумевает единый механизм анализа и синтеза речи, сосуществующие языки различаются лишь на уровне поверхностных структур); *групповой и индивидуальный*; *массовый*; *ранний, подростковый, юношеский*; *сбалансированный и несбалансированный* (по уровню языковой компетенции билингва); *индивидуальный и массовый*; *симметричный и асимметричный* (по характеристике социально-ролевой и функциональной равноправности двух языков); *пассивный и активный* (по преобладающим речевым навыкам и видам речевой деятельности билингва); *естественный и искусственный* (по способу освоения второго языка); *односторонний и двусторонний* (виды коллективного билингвизма, выделяющиеся по признаку владения двумя языками обоими контактирующими коллективами или только одним из них); *внутригрупповой и межгрупповой* (по характеристике внешних и внутренних связей социальной группы); *контактный и неконтактный*; *культурный* (по преобладающим ситуациям общения билингва); *национальный* (по этноязыковому признаку билингов); *функциональный* (по характеристике преобладающих сфер общения, в которых билингв употребляет второй язык); *начальный – остаточный, прогрессивный – регрессивный* (как характеристика этапов смены языка). В узусе термин «билингвизм» чаще применяется

для обозначения приблизительно равного уровня владения двумя языками. Это отражается в различении таких понятий, как «второй язык» (second language) и «иностранный язык» (foreign language). Если это язык, употребительный в той общности, в которой развивается индивид, то обычно говорят о втором языке. Это язык национально-языкового меньшинства, государственный или официальный язык (для тех, для кого он не является родным), язык межэтнического общения. Если же носителей данного языка в языковой среде нет или практически нет, то это – иностранный язык [2. С. 219]. Владение английским языком как вторым и владение им как иностранным языком – не одно и то же. Важно иметь в виду, что здесь различаются не только разные уровни языковой компетенции, но и функциональная нагрузка на разные языки в речевой практике индивида.

Билингвизм встречается среди иммигрантов первого и второго поколения, у этноязыковых групп в многонациональном обществе, у малочисленных этносов в иноязычном окружении [6. С. 31–32; 1. С. 56–57].

Обычно двуязычие продуктивно, т. е. билингв способен активно использовать второй язык. Особый случай двуязычия представляет пассивный (рецептивный) билингвизм – такое владение вторым языком, когда индивид его понимает, но сам текстов на нем практически не порождает. Для «двустороннего» пассивного билингвизма, когда каждый из коммуникантов пользуется своим языком, но понимает язык другого, иногда используется термин **дуалингвизм** (dual-lingualism). Данное явление наблюдается, к примеру, на границах распространения различных (как правило, родственных) языков [1. С. 58].

В норме билингвы владеют хотя бы одним языком в полном объеме. Однако возможны случаи, когда общение индивида с носителями его родного языка ограничено, а уровень коммуникативного взаимодействия с носителями языка, доминирующего в языковом сообществе, невысок. В подобной ситуации адекватное знание родного языка утрачивается, а второй язык осваивается в ограниченных пределах. Это явление получило название **полуязычия** (semilingualism). Лексический состав обоих языков оказывается ограниченным, а грамматическая структура упрощена. Особые формы полуязычия образуются в условиях, когда контактирующие языки близкородственны [1. С. 58].

Двуязычие теснейшим образом связано с понятием **диглоссии** – владением разными подсистемами одного национального языка и использованием их в зависимости от ситуации или сферы общения. Такая диглоссия называется внутриязыковой диглоссией. Понятие и термин «диглоссия» в 1959 г. ввел в научный оборот американский исследователь Ч. Фергюсон в значении «две и более разновидности одного и того же языка, используемые некоторыми говорящими при различных обстоятельствах». Реже под диглоссией понимается владение разными языками, но в отличие от билингвизма диглоссия в этом понимании обозначает владение двумя подсистемами различных национальных языков, каждая из которых используется только в определенной сфере общения, например в официальных ситуациях – законодательстве, делопроизводстве, переписке между государственными учреждениями и т. п. – используется официальный (или государственный) язык, если речь идет о многоязычном обществе, или литературная форма национального языка (в одноязычных обществах), а в ситуациях бытовых, повседневных, в семейном общении – другие языки, не имеющие статуса официальных или государственных, иные формы существования языка, иные языковые подсистемы – диалект, просторечие, жаргон. Диглоссия такого типа не обязательно сопровождает двуязычие, при котором функциональное распределение между двумя используемыми языками может либо отсутствовать, либо быть размытым.

Важным условием при диглоссии любого типа является сознательный выбор говорящего между разными коммуникативными средствами и использование такого средства, которое наилучшим образом способно обеспечить успех коммуникации в данной сфере общения [6. С. 60].

Одной из самых сложных категорий социолингвистики является **языковая ситуация** – совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административных образований,

которая, как отмечают авторы словаря социолингвистических терминов, чаще всего подвергается искажениям и, прежде всего, при употреблении в ненаучном «бытовом» значении, например: «языковая ситуация быстро меняется» [4. С. 8]. Такие выражения часто встречались в связи с принятием новых законов о языках, т. е. принятие закона о языке отождествляется с изменением языковой ситуации.

Совершенно очевидно, как утверждается далее, научное понимание такой сложной категории, как «языковая ситуация», включает ряд компонентов: языковая общность + языковая традиция + языковая компетенция + речевая практика (синхрония) + ценностные ориентации + юридический статус языка + функциональный статус языка (уровень развития его функциональных стилей), и вряд ли можно говорить о быстром изменении языковой ситуации. Здесь явно происходит подмена объективных факторов языковой ситуации (языковая общность и основные ее параметры, языковые традиции, речевая практика, языковая компетенция) динамикой субъективных факторов (ценностные ориентации, юридический статус языка), что, в свою очередь, свидетельствует о социолингвистической неграмотности многих лиц, причастных к публицистической полемике по национально-языковым проблемам, о не всегда аргументированном терминотворчестве в области языкового законодательства [4. С. 8].

Классификация языковой ситуации строится на характеристике составляющих ее **компонентов**: совокупность подсистем одного и того же языка или разных языков (эндогlossная и экзогlossная языковая ситуация); родственные и неродственные языки (гомогенная и гетерогенная языковая ситуация); типологически сходные или различные языки (гомоморфная и гетероморфная языковая ситуация); языки, равные или не равные по уровню функциональной и демографической мощности (равновесная и неравновесная языковая ситуация); языки, имеющие одинаковую или различную функциональную нагрузку в пределах данной социально коммуникативной системы (сбалансированная и несбалансированная языковая ситуация) [4. С. 266].

Таким образом, при решении задач современного мультилингвального образовательного пространства указанные категории приобретают особое значение и требуют **профессионального отношения** при обучении языкам, в том числе и иностранным, тем более что многоязычные ситуации редко бывают сбалансированными и устойчивыми, поскольку полной симметрии в социально-этнических условиях сосуществования двух и более языков в одном обществе практически не бывает. Как отмечает Н. Б. Мечковская, сбалансированная двуязычная ситуация была бы возможна в том случае, если бы большинство членов некоторого социума владели бы полностью обоими языками (и по-видимому, более, чем двумя языками), использовали бы их в любых речевых ситуациях, с легкостью переключались с одного языка на другой, не смешивая при этом системы разных языков. Однако полное и автономное (без смешения языков) владение двумя языками превышает психические возможности обычного человека. Говоря о возможности сбалансированного двуязычия, следует учитывать также и функциональный (социолингвистический) аспект проблемы. В той психологической программе, которая определяет речевое поведение двуязычного индивида, два языка не могут быть функционально тождественны. Следовательно, при массовом и относительно полном двуязычии использование двух разных языков в тождественных ситуациях и функциях оказывается избыточным. Возникает более обычная несбалансированная языковая ситуация [3. С. 103–105].

Литература

1. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001.
2. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003.
3. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект-Пресс, 1996.
4. Михальченко В. Ю. О принципах создания словаря социолингвистических терминов: к постановке проблемы // Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, Институт иностранных языков, 2006. С. 5–15.
5. Пушина Н. И. Полистатусность языков и их взаимодействие // V междунар. науч. конф. «Язык, культура, общество»: Тез. докл. М., 2009. С. 47–48.
6. Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, Институт иностранных языков, 2006.

**V. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ.
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ. ЭТНОЛИНГВИСТИКА**
**V. COMPARATIVE LINGUISTICS.
LINGUOCULTUROLOGY. ETHNOLINGUISTICS**

Н. В. Буторина

Удмуртский государственный университет

**НАИМЕНОВАНИЯ НАУК КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ИХ СТАНОВЛЕНИЯ
(на материале романских, германских и русского языков)**

В статье рассматриваются наименования наук в диахронии и синхронии (этимологический и семантический аспекты). Проводится мысль о том, что средства языковой номинации указывают на становление и дифференциацию наук.

Ключевые слова: наименования наук, становление и дифференциация наук, синхрония и диахрония.

Nadezhda Butorina

Udmurt State University

**SCIENCES' NAMES AS INDICATORS OF THEIR FORMATION
(based on Romanic, Germanic and Russian languages)**

The article is devoted to the study of sciences' names in diachrony and synchrony (etymological and semantic aspects). The idea that linguistic means of nomination serve as indicators of sciences' formation and differentiation underlies the paper.

Keywords: sciences' names, sciences' formation and differentiation, diachrony, synchrony.

В эпоху научно-технического прогресса и интенсивного развития всех наук появляются специальные наименования для новых областей научного знания. Наименования наук и их производные дают богатый материал для комплексного изучения как в диахронии, так и в синхронии.

Различные вопросы, связанные с изучением наименований наук, нашли свое отражение в работах следующих исследователей: Ю. А. Бельчикова, Н. В. Васильевой, Н. В. Подольской, А. В. Суперанской (интернациональная терминология); В. В. Акуленко, В. В. Виноградова, Д. С. Лотте (вопросы заимствований); Г. И. Гуревич (словообразовательный аспект); П. Н. Денисова (область терминологии как языка науки); Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой, Л. А. Кутиной (этимологический аспект). Наименования наук как специальный объект комплексного лингвистического изучения, насколько известно автору, не представлены.

Мы неоднократно обращались к данному языковому материалу в своем исследовании [2, 3, 4]. В настоящей статье особое внимание будет уделено наименованиям наук в романских (французском, итальянском, испанском), германских (английском, немецком) и русском языках, которые позволяют проследить процесс становления наук. Корпус исследуемых примеров составляет примерно 1800 терминов (более 300 в каждом языке). Объединяет их то, что изучаемая терминологическая группа наименований наук проявляет высокую степень интернациональности. И все же, как показывает языковой материал, имеется определенная специфика, которая отражается в исследуемых языках. Анализируемые слова прошли сложный путь исторического развития, а предшествующие этапы развития слов отражаются в их современных значениях. Процесс отражения

происходит по-разному, в одном языке слово сохраняет значение, которое в другом языке устарело или выпало [1. С. 167].

Начнем с рассмотрения слова «наука». Изучение понятия «наука» показало, что для французского (*science*), итальянского (*sciènza*), испанского (*ciencia*), английского (*science*) языков слово является интернациональным (< лат. *scientia* «знание»). В немецком (*Wissenschaft* < *wissen* «знать», калька с латинского) и русском (*наука* < др.-русск. *на-* + *укъ* «учение») языках зафиксированы собственные слова для обозначения данного понятия.

Исследование семантики слова «наука» в разных языках и в разные исторические периоды свидетельствует о становлении наук. Первоначально, до эпохи Возрождения, слово употреблялось в значении «естественные науки» (негуманитарные). В рассматриваемую эпоху гуманитарные области знаний не признавались как научные [6. С. 181]. Подтверждением этому является языковая традиция английского (*the humanities / the Arts*) и испанского (*letras humanas / humanidades*) языков, в которых применительно к «гуманитарным наукам» само слово «наука» не употребляется. В других рассматриваемых языках это возможно: фр. *sciences humaines*, итал. *scienze umanistiche*, нем. *Geisteswissenschaften*, рус. *гуманитарные науки*.

Слово *science* продолжает по традиции использоваться в значении «естественные науки» в современном английском языке и в значении «негуманитарные науки» в испанском языке (мн. ч. *ciencias*). Примеры современного французского языка подтверждают факт существования данного явления в истории французского языка: *la faculté des sciences* «факультет естественных наук»; *il est doué pour les sciences* «у него способности к естественным наукам (к математике)». В противовес *science* во французском языке изначально употреблялось слово *lettres* (мн. ч.) «художественная литература, словесность»; в современном французском языке сохранились словосочетания *la faculté des lettres* «факультет гуманитарных наук; историко-филологический факультет», *docteur ès lettres* «доктор филологических (исторических и т. д.) наук».

Комментарии к словам, обозначающим наименования наук, в словарях Французской Академии, которая подготовила 8 изданий за период с XVII (1694 г.) по XX в. (1932 г.), показывают, что обозначение той или иной области знаний как науки закрепилось не сразу. На начальном этапе они могли поясняться как *traité* (трактат), *art* (искусство), *théorie* (теория), *doctrine* (доктрина, учение), *étude* (учение) и только значительно позже как *science* (наука, первоначально «знание, умение»), например: *agronomie* (*théorie* 1798; *science* 1932), *anatomie* (*art* 1694; *art, science* 1832; *science* 1932), *aérologie* (*traité* 1798; *traité, théorie* 1872–1877; *science* 1932), *chimie* (*art, science* 1762; *art* 1798; *science* 1832), *embryologie* (*traité* 1762; *doctrine* 1872–1877; *science* 1932). Таким образом, у каждой науки имеется свой период становления.

Э т и м о л о г и ч е с к и й анализ наименований наук позволяет проследить, как шло становление и развитие самих наук. Исследование словарей латинского языка выявило наличие 21 наименования наук, которые уже были в Древнем Риме (в скобках указана первая фиксация слова в рассматриваемых языках): *anatomica* (фр. *anatomie* XIV в.), *arithmētica* (фр. *arithmétique* кон. XII в.), *astrologia* (рус. *астрология* 1073), *astronomia* (фр. *astronomie* 1155), *chīrūrgia* (фр. *chirurgie* 1175), *ēthica* (фр. *éthique* 1265), *etymologia* (фр. *étymologie* 1160), *geōgraphia* (фр. *géographie*, итал. *geografia* 1500), *geōmetria* (фр. *géométrie* 1175), *grammatica* (фр. *grammaire* 1119), *historia* (фр. *histoire* 1155), *jūris-prūdentia* (фр. *jurisprudence* сер. XVI в.), *litterātūra* (фр. *littérature* 1120), *logica* (фр. *logique* XII в.), *mathēmatica* (фр. *mathématiques*), *medicīna* (фр. *médecine* кон. XI в.), *philologia* (фр. *philologie* XIV в.), *philosophia* (фр. *philosophie* 1160), *physica* (фр. *physique* 1130), *physiologia* (фр. *physiologie* 1547), *rhētorica* (фр. *rhétorique* 1160). Значительная часть слов являлись для латинского языка заимствованиями из греческого.

Проведенное исследование позволило выявить в каждом рассматриваемом языке в номинации различных наук три группы слов: 1) наличие только интернационального термина; 2) параллельное существование интернационального и национального терминов; 3) наличие только национального термина или словосочетания. Первая группа слов является

многочисленной, в основном одни и те же интернациональные слова встречаются во всех шести анализируемых языках: фр. *pédagogie*, итал. *pedagògica*, исп. *pedagogía*, англ. *pedagogics*, нем. *Pädagogik*, рус. *педагогика*. Ко второй группе относятся наименования наук, обозначаемые в данном языке как интернациональным, так и национальным словом, например: фр. *jurisprudence / droit*; итал. *linguística / glottología / glossología*; исп. *agrolología / edafología*; англ. *geodesy / land-surveying*; нем. *Linguistik / Sprachforschung / Sprachwissenschaft*; рус. *юриспруденция / правоведение*. В разряде национальных слов могут встретиться интернациональные основы, однако другими языками они не используются. Особенно многочисленной (20%) эта группа оказалась в немецком языке: *Archäologie / Altertumskunde*; *Astrologie / Sterndeuterei*; *Geodäsie / Vermessungskunde / Feldmeßkunde*; *Hydrographie / Gewässerkunde* и др.

В третьей группе представлены национальные термины (в том числе созданные на базе интернациональных основ), обозначающие наименования наук и их отрасли, например: фр. *la critique d'art* (искусствоведение), итал. *critica musicale* (музыковедение), исп. *traductología* (переводоведение), англ. *soil science* (почвоведение), нем. *Geschichte* (история), рус. *естествознание*.

С е м а н т и ч е с к и й анализ изучаемых терминов выявил несоответствия на уровне значений слов латинского и современных языков. Современное значение интернационального термина, который обозначает наименование той или иной науки, как правило, не совпадает с первоначальным значением. Динамика этих преобразований, связанных в основном с изменением объема понятий, четко прослеживается в ходе диахронического исследования материала от латыни к современным языкам. Эволюция семантики наименований наук происходила по двум направлениям: 1) специализация наук; 2) создание генерализованных понятий. Соответственно в общем ходе семантических изменений нашли свое отражение две универсальные тенденции: тенденция к сужению объема наименований и тенденция к его расширению. С п е ц и а л и з а ц и я значения иллюстрируется следующим примером: лат. *physica* < гр. *phusikê*, субст. суц. от прилаг. *phusikos* < *phusis* «природа» (фр. *physique*, итал. *física*, исп. *física*, англ. *physics*, нем. *Physik*, рус. *физика*). Термин *физика* первоначально означал «знание о природе, естествознание». Данная наука занималась наиболее общими законами природы. В современном мире термин означает лишь одну частную науку среди многих других естественных наук, которые, в свою очередь, также являются науками о природе. Г е н е р а л и з а ц и я значения видна на примере лат. *geōgraphia* < гр. *geōgraphia* < *gê* «земля» + *grapho* «пишу» (фр. *géographie*, итал. *geografia*, исп. *geografía*, англ. *geography*, нем. *Geographie*, рус. *география*). Буквальное значение этого слова в Древнем мире – «землеописание». В настоящее время *география* – это система естественных (физико-географических) и общественных (экономико- и социально-географических) наук, изучающих географическую оболочку Земли, природные, территориальные комплексы и их компоненты.

В некоторых случаях в одном примере можно увидеть как сужение значения, так и расширение. Например, наименование *антропология* (фр. *anthropologie*, итал. *antropología*, исп. *antropología*, англ. *anthropology*, нем. *Anthropologie*) первоначально означало фигуру, через которую Священное Писание приписывает Богу действия и человеческие чувства. Далее мы видим расширение значения (см. словарь Французской Академии 1832 г.): 1) риторическая фигура, через которую Богу приписывают действия и человеческие чувства; 2) естествознание человека; изучение человека, направленное в основном на физический вид. Необходимо уточнить, что в XIX в. немецкие ученые использовали данный термин применительно ко всем наукам, которые каким-либо образом касались человеческой природы, как души, так и тела, как индивида, так и вида исторических фактов и феномена сознания, как правил морали, так и материальных и различных интересов. Далее мы видим специализацию значения, так как современная наука *антропология* изучает структуру человеческого существа и физическую историю человеческого вида.

Несмотря на то, что термины стремятся к однозначности, анализ материала показал в некоторых случаях наличие полисемии. Например, лат. *medicina* (фр. *médecine*,

итал. *medicina*, исп. *medicina*, англ. *medicine*, нем. *Medizin*, рус. *медицина*) было многозначным (лат. *medicina* «искусство лечить» < *medicus* «врач»): 1) врачебная наука; 2) лечебное средство, лекарство; 3) косметическое средство; 4) приемная (кабинет врача); 5) подрезание; 6) яд, отравка. В настоящий момент основное значение данного термина – это область науки и практическая деятельность, направленная на сохранение и укрепление здоровья людей. В современных языках сохранилось значение «лекарство»: фр. *une médecine de cheval* «лошадиная доза»; итал. *prendere una medicina*, исп. *tomar una medicina* «принять лекарство»; англ. *a medicine for (headache, cold, etc.)* «лекарство от (головной боли, простуды и т. п.)», нем. *Medizin* «лекарство, медикамент». Остальные существовавшие в латинском языке значения термина *медицина* в словарях современных языков не выявлены. При этом появились новые значения, например «врачебная практика»: фр. *il est dans la médecine* «он работает врачом, он медик»; исп. *ejercer la medicina* «заниматься врачебной практикой»; англ. *to practise medicine* «заниматься врачебной практикой, быть практикующим врачом». В английском языке, в отличие от других языков, у слова *medicine* зафиксированы дополнительные значения: «колдовство, магия», «талисман, амулет». Кроме того, выявлены устойчивые выражения, в которых слово не связано с данной областью знания: *give somebody a dose of their own medicine* «относиться к людям так же, как они относятся к тебе»; *to take one's medicine* «понести заслуженное наказание», «покориться неизбежности, стойко перенести что-либо неприятное», «принять, глотнуть спиртного».

Изучение этимологии и семантики появления терминов, обозначающих наименования наук, позволяет сделать вывод об отсутствии четкой дифференциации наук на этапе их становления. Наименования наук в разные периоды могли обозначать другие (или в том числе другие) науки, нежели в настоящее время, например: *астрология* → «астрология», «астрономия»; *математика* → «математика», «астрология»; *физика* → «физика», «медицина»; *физиология* → «физика»; *зоология* → «медицина»; *геометрия* → «землемерное искусство (совр. геодезия)», «геометрия», «математика»; *грамматика* → «языкознание», «грамматика», «филология»; *литература* → «языкознание», «филология», «грамматика» и др.

Мы можем констатировать, что наличие смежных значений в терминах, обозначающих наименования наук, может свидетельствовать о «размытости» самих наук на момент становления. Анализ языкового материала показал, что на протяжении веков объект исследования постоянно уточняется, поэтому термин, обозначающий наименование науки, включает в себе разные понятия в разные эпохи.

Далее мы рассмотрим основные способы номинации и словообразовательные процессы в наименованиях наук. Последние зафиксированы в исследованиях ученых единичными примерами и рассматриваются как составляющая общего терминологического пласта. Между тем самостоятельное рассмотрение наименований наук позволяет сосредоточить внимание на некоторых аспектах более детально.

Исследование показало, что *с л о в о с л о ж е н и е* – один из наиболее древних и универсальных способов словообразования – является наиболее частотным в данной группе терминов. Как правило, термины в современных европейских и русском языках созданы на основе латинских слов греческого происхождения. Первая часть обычно обозначает объект науки: *bios* «жизнь», *geo* «земля», *astron* «звезда». Второй частью являются форманты – *-graphia* (гр. *grapho* «пишу»); *-logia* (гр. *logos* «речь, учение»); *-metria* (гр. *metreō* «измеряю»); *-nomia* (гр. *nomos* «закон»). Данные форманты в современных примерах распределились следующим образом: *-logia* – 73%, *-graphie* – 14%, *-metria* – 11%, *-nomia* – 2%.

Те наименования наук, которые оканчивались на формант *-graphia*, первоначально обозначали только описательные дисциплины, напр. фр. *crystallographie*, *ethnographie*. Наименования наук, оканчивающиеся на формант *-logia*, изначально обозначали теоретические дисциплины, напр. фр. *géologie*, *psychologie*. Правило данных формантов проявилось, например, в наименованиях наук, изучающих реки. Вслед за *гидрографией* – описанием рек, последовала *гидрология* – теория воды, а затем и *гидравлика* – регулирование речного стока [5. С. 208]. Изначально форманты *-logia* и *-graphia* разделяли слова по значению, но начиная с XIX в. отмечается их смешение и наблюдается взаимозаменяемость формантов. Так, например, словари фиксируют следующую пару слов как синонимы: *этнография* / *этнология*.

Спецификой русского словосложения является использование формантов *-ведение* (*обществоведение*) и *-знание* (*естествознание*). Проведенный анализ слов показывает, что русский формант *-ведение* соответствует в других языках следующим словам или формантам в сложных словах: фр. – *critique* «критика», *-logie*; итал. – *teoría* «теория», *crítica* «критика», *stòria* «история», *stúdio* «изучение», *-logia*; исп. – *estudio* «изучение», *crítica* «критика», *ciencia* «наука», *-logía*; англ. *study* «изучение», *science* «наука», *-logy*; нем. – *Wissenschaft* «наука», *Kunde* «известие, весть».

Суффиксация является следующим по употребительности способом образования новых слов. Анализ наименований наук выявил основной суффикс *-ic* (*ук*): фр. *mathématique*, итал. *matematica*, исп. *matemática*, англ. *mathematics*, нем. *Mathematik*, рус. *математика*. Чаще всего те наименования наук, которые оканчиваются в русском языке на *-ика*, в английском языке имеют окончание *ics* (форма мн. ч.): *астрофизика* – *astrophysics*, *кибернетика* – *cybernetics*. Выявлены также и исключения: *арифметика* – *arithmetic*, *логика* – *logic*. В некоторых случаях суффиксы не совпадают: рус. *ботаника* – англ. *botany*.

Иногда в изучаемых интернациональных терминах обнаруживается многовариантность суффиксов от языка к языку, например, в наименовании раздела прикладной математики, появившегося в середине XX в.: фр. *programmation*, исп. *programación*, итал. *programmazione*, англ. *programming*, нем. *Programmierung*, рус. *программирование*. Зафиксированы случаи варьирования конечных формантов в одном языке, например: фр. *psychiatrie* / *psychiatrique*, итал. *pedagogia* / *pedagogica* (*учм.*), англ. *agronomics* / *agronomy*, рус. *топонимия* / *топонимика*. В большинстве примеров наименования наук и разделов наук, являясь интернациональными терминами, обнаруживают совпадение на уровне формантов. Отличие проявляется в основном на уровне графики и фонетики.

Известно, что активную позицию в терминотворчестве занимает семантическая транспозиция. Процессы семантической транспозиции представляют результат когнитивной деятельности человеческого сознания. Фактически «эволюция значения является отражением главных путей развития человеческих знаний о действительности» [7. С. 4]. В терминологической группе названий наук нами выявлена разновидность семантической транспозиции – способ расширения словарного состава за счет перехода собственных имен в нарицательные: фр. *gérontologie*, итал. *gerontología*, исп. *gerontología*, англ. *gerontology*, нем. *Gerontologie*, рус. *геронтология*. *Геронт* (фр. *Géronte*) – имя собственное персонажа старца классической комедии < гр. *gerôn* «старец». В XX в. слово легло в основу наименования медицинской науки, изучающей проблемы преклонного возраста.

Количество областей научного знания постоянно растет, следовательно, данная терминологическая группа в принципе открыта для новых способов словообразования, но, как показывает языковой материал, она осталась верна многовековым традициям. Основным и традиционным способом номинации областей научного знания продолжает оставаться словосложение, в меньшей степени используется суффиксальный способ словообразования.

Новые наименования наук и их разделы образуются, как правило, во всех рассматриваемых языках на базе существующих интернациональных слов, напр. рус. *агрофизика*, *астробиология*, *биоакустика*, *геоботаника*, *зоотехника*, *палеовулканология* и многие др. Появление значительного количества сложных слов при номинации современных областей научного знания в XIX–XX вв. свидетельствует об интенсивном развитии наук и об образовании новых наук на стыке старых. На примере конкретной науки *лингвистика*, являющейся относительно новой (становление науки относится к XIX в.), можно увидеть появление многочисленных пограничных областей знаний: *психоллингвистика*, *социоллингвистика*, *этнолингвистика*, *прагматлингвистика*, *лингводидактика*, *лингвокриминалистика*, *лингвогеография*, *лингвосинергетика*. Изучение языковых средств, используемых при номинации наук, обратило наше внимание на тот факт, что многие современные науки, появляющиеся на стыке наук, являются практикоориентированными.

Таким образом, проведенное лингвистическое исследование на диахронном и синхронном уровнях позволило определить универсальное и специфическое, а также выявить внутренние механизмы развития терминологической группы наименований наук.

Литература

1. Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). 2-е изд. М.: Добросвет-2000, 2004.
2. Буторина Н. В. Словообразовательные процессы в названиях наук (на материале английского и русского языков) // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. Новосибирск, 2006. С. 20–23.
3. Буторина Н. В. Семасиологический и ономасиологический принципы изучения лексики в сравнительной типологии (О названиях наук в романских, германских и русском языках) // Романские языки в прошлом и настоящем: Сб. ст. к 80-летию проф. Т. А. Репиной / Под ред. Т. И. Зелениной; С.-Петербург. гос. ун-т; Удм. гос. ун-т. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2007. С. 230–238.
4. Буторина Н. В. О семантике слов, обозначающих деятели наук (на материале романских, германских и русского языков) // Диалог языков и культур: теоретический и прикладной аспекты: Сб. науч. ст. Вып. 2 / Сост. и отв. ред. Т. С. Нифанова; Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск: Поморский университет, 2007. С. 17–21.
5. Гуревич Г. И. Лоция будущих открытий. М., 1990.
6. Иценко Е. Н. Специфика гуманитарного познания как эпистемологическая проблема // Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2004. № 2. С. 179–189.
7. Лапина М. Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте (на материале английского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 1996.

Т. Г. Владыкина

*Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН,
Удмуртский государственный университет*

ФАУНА В ЦВЕТОВОЙ СИМВОЛИКЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ УДМУРТОВ

В статье рассматривается семантика масти в традиционном мировоззрении удмуртов.

Ключевые слова: мифологические представления, семантика цвета, масть животных, оперение птиц.

Tatjana Vladykina

*Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Udmurt State University*

FAUNA IN COLOUR SYMBOLISM OF UDMURTS' MYTHOLOGICAL CONCEPTIONS

The article is devoted to the meaning of animals' coat colour in Udmurt traditional world view.

Keywords: mythological conceptions, meaning of colour, animals' coat colour, feathering.

Представленная в фольклоре любого народа фауна является богатым источником для исследования образной системы, выстраивающейся, прежде всего, на ассоциативных уподоблениях человека и представителей дикой природы или их domesticiрованных видами (ср. распространенные уподобления человека медведю, волку, лисе, корове, быку, собаке, сороке, вороне, орлу, гусыне, курице и т. д.). Весьма своеобразным с точки зрения мифологических представлений оказывается такой аспект проблемы, как окрас зверей, птиц и животных, т. е. их масть (удм. *гон* «шерсть», *гонтур* букв.: «шерсть-пух / перо»), наделяемая магическим значением в жертвенных, лечебных и приворотных обрядах, пассивных или активных гаданиях. Понятие *масть* спорадически заменяется эквивалентами *выжы* «порода», букв.: «корни, основа; порода» (*выжыез сы́ё* «корни [его] таковы», *выжыез кыске* «порода тянет» / *выжыяз* «в породу»); *пужы* «узор» – в зн. «порода»; *тус* / *тусо* (облик / обличье; вид). По отношению к цвету волос и кожи человека чаще всего употребляется деэтимологизированное выражение *кысьем*, восходящее, по-видимому, к *тусьем* «по облику, обличьем» (*сы́од кысьем* – букв: темноватый), *кы́ё кысьем?* (какая у него кожа? / какой у него цвет волос?). Последнее воспринимается как аналог имени (*ним*)

и цвета (*буёл*). Кстати, понятие *тусбуй* «вид, облик, внешность, образ» складывается сложением основ *тус* «лицо, облик» и *буй / буёл* «цвет».

В мифологических представлениях масть определяет бинарную оппозицию как пространственной, так и временной сфер через опосредованные качественные состояния: здоровье – болезнь, добро – зло и т. д. В мифе-предании о священной книге, например, где Всевышний (*Инмар*) наказывает людей за неисполнение обета собираться в положенное время в месте, где хранится книга, дабы не забывать о положенном порядке молений. Согласно преданию, Бог посылает на землю белую / рыжую корову, которая «съедает» книгу. «Цвет» коровы в данном случае символизирует ее причастность к Великому / Светлому / Белому божеству или напрямую соответствует символике огня, уничтожившего / «слизнувшему» сакральный предмет. В побывальщине о нарушении охотником предписания не ходить в лес за сороковым медведем необычность последнего также проявляется в его масти (белая шерсть). Кроме прочего, медведь понимает человеческую речь (охотник кланяется ему, называет старым дедушкой и просит идти своей дорогой), его невозможно убить обычными пулями – только липовой щепой или солдатской пуговицей [9. С. 94; 2. С. 266].

В обыденных ситуациях предзнаменованием несчастья было появление зверей или лесных птиц определенной масти на подворье: рыжая белка ассоциировалась с пожаром, пестрая кукушка – с какой-либо бедой. В сновидениях масть была важна для толкования смысла сна, также соответствующего пространственно-временным представлениям, оценочно-качественным характеристикам: увидеть во сне черную лошадь – к покойнику / не к добру. В святочных гаданиях масть животных проецировалась на облик человека: девушки заходили ночью в хлев и обнимали первую попавшую овцу, гадая по шерсти, какого цвета волосы будут у суженого.

В жертвоприношениях масть определялась целью ритуала. Все, что предназначалось для «Белого-Светлоликого» верховного Бога (*Югым-Тодьы Инмар*), должно было быть светлой или рыжей масти (белый или рыжий бычок, белый или буланный / гнедой жеребенок). Матери-солнцу (*Шунды-мумы*) приносили белую утку [5. С. 123]. Богу-Творцу (*Му-Кылдысин*), ассоциирующемуся с землей, жертвовали черную овцу или черного, «как сама земля», быка [1. С. 135]. В обрядах вызывания дождя сталкивали в реку черную или серую овечку, объясняя это цветом туч [7].

В скотоводческой магии самым распространенным выражением, определяющим положительное или отрицательное соотношение человеческого мира и мира животных, является *туна* «подходит / ко двору» – *уг туна* «не подходит / не ко двору»: *валзы / скалзы уг туна* «не подходит лошадь / корова», что соответствовало также выражению *гид утись уг яраты* «хозяин хлева не любит». Согласно верованиям, нелюбовь хозяина хлева выражалась в том, что он ездил на лошади до ее изнеможения, так что лошадь поутру вся была в поту, любовь – в заплетании гривы в косички. Скот считался «не ко двору», если он, несмотря на хороший уход, хирел и чах. В таком случае нужно было обменять животное. Искали подходящую масть. В случае же, если подходящее по масти животное приходилось продавать, то оставляли клочок шерсти с хребта животного под балкой крыши хлева, чтобы скот «водился» и в дальнейшем (*гонзэ кельтоно* «шерсть / масть оставить нужно») [7].

Считалось, что трехцветная кошка приносит в дом счастье. Если в доме не приживались кошки с определенного цвета шерстью, во что бы то ни стало искали трехцветную. Было распространено поверье, что «четырёхглазая» собака (глаза которой окаймлены пятнами светлее тона ее шерсти) видит нечистую силу.

Отрицательными свойствами наделялись пегие лошади (*куёо вал*). Но если любая другая масть была «не ко двору», хозяева стремились обзавестись именно этой породой.

Одной из основных причин гибели богатырей в удмуртских героических преданиях является пегая лошадь. Она не чувствует опасности там, где ее чуют / обходят лошади другой масти: вступает на мост с подпиленными врагами сваями, проваливается в овраг там, где другие перескакивают, и т. д. Распространенной пословицей стало заклятье, произнесенное в момент гибели удмуртскими богатырями: «*Куёо вал – вал өвёл...* (Пегая лошадь – не лошадь...)» [2. С. 184].

Птицы (*тылобурдо*) пестрой расцветки считались предвестниками долгой или короткой жизни (кукушка), каких-либо вестей (сорока). Кукование кукушки

противопоставлялось пению соловья в структуре психологического параллелизма в песнях, олицетворяя оппозицию счастье – несчастье [7].

Шерстью определенного цвета наделялись представители потустороннего мира. Волосатыми и черными были *вожо* (духи переходного времени) [6. С. 245; 4. С. 239], что позволило их в процессе эволюции соотнести с чертенятами, водяными; длинные черные волосы были у банника (*мунчокузё*), водяного. Одной из ипостасей домового (*коркакузё*) был седой старичок с длинными волосами и бородой.

Очень широко связана с использованием масти животных лечебная магия. Считали, что болезнь ходит в образе черной собаки или кошки. В собак и кошек черного цвета перевоплощаются колдуны [7]. Во избавление от болезней и чар колдуна нужно было перерубить черную собаку или кошку на пороге, в воротах и бросить половинки по обе стороны дороги или перекрестка.

Окказиональные жертвоприношения духу болезни во время эпизоотий и эпидемий совершали в виде черной овцы, черной курицы, придерживаясь определенных предписаний и табу, связанных с пространственно-временной регламентацией (обряд совершался на закате солнца или в полночь, на перекрестке дорог или в нижнем течении реки /за рекой, по дороге туда и обратно не общались со встречными). Мельники приносили в жертву водяному (*вукузё*) черную утку или черного петуха, дабы хозяин воды не прорывал плотины.

Заговорно-заклинательная практика изобилует образами, связанными с представлениями о потустороннем / подземном / подводном мире, которые конкретизируются образами животных черной масти: черного чудовища / медведя / быка (*сьёд ош*), черного жеребца (*сьёд уж*). Архаическими прототипами их является, по-видимому, тератоморфное черное чудовище-ящер, объединяющее в себе облик пресмыкающихся, земноводных, рыб и зверей. Эволюция представлений приводит к разъединению синкретичного облика и способствует появлению отдельных особей: волосатого чудовища / медведя – быка, жеребца.

Список вредоносных образов в заговорных формулах дополняют черная змея, черная лягушка, черная рыба, черный ворон, черная цапля, черная трясогузка, черная чайка, черный еж и т. д., масть которых (черная шерсть, шкура) однозначно соотносит их с отрицательным пространством. При этом необычность, недостижимость, недоступность, «запредельность» образов пресмыкающихся, земноводных, животных и птиц могут обозначаться эпитетами совершенно иного качественного уровня: златоголовая / серебряноногая лягушка, златокрылый ястреб и т. д.

Литература

1. Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков. Вып. 3, Казань, 1921.
2. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. С. 78–79.
3. Владыкина Т. Г. Предметно-тематический указатель с комментариями // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 4: Фольклор. Кн.1: Удмуртский фольклор: Предания. Легенды. Побывальщины. Сказки. Басни. Пословицы. Поговорки. Загадки / Отв. за выпуск и авт. предисл., предметно-тематического указателя жанровых разновидностей устной прозы Т. Г. Владыкина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. (Памятники культуры)
4. Владыкина Т. Г. Вожо // Удмуртская Республика: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Ижевск: Удмуртия, 2008. С. 239–240.
5. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994.
6. Плетнева И. Н. К семантике удмуртского *вожо* // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удм. гос. ун-т, кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1999. С. 245–250.
7. ПМА – Полевые материалы автора.
8. *Munkácsi, B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken – Aus dem Nachlasse von 9. Bernhard Munkácsi* Herausgegeben von D. R. Fuchs // Mémoires de la Société Finno-ougrienne, 102. Helsinki, 1952.

A. Г. Голодов

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

НАЦИОНАЛЬНО-МЕНТАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ В ОТРАСЛЕВОЙ ЛЕКСИКЕ

В каждом языке отражаются определённые черты ментальности народа, говорящего на нем. В первую очередь это относится к экспрессивно-оценочной части словарного состава, которая возникает в результате переноса значения на основе различных мотивирующих признаков. Эти признаки специфичны для каждого языка, поскольку представляют собой материализованный вариант ментальных особенностей и доставляют немалые трудности переводчикам и всем изучающим иностранный язык.

Ключевые слова: ментальность, мотивирующие признаки, негативная экспрессия, отраслевая лексика, разговорный вариант языка футбола.

Alexander Golodov

Ryazan State University

NATIONAL-MENTAL SIGNS IN TERMINOLOGY

Each language reflects some specific features of the mentality of people who speak it. It concerns, first of all, lexical units with expressive and evaluative connotations in which transference of meaning is based on some particular motivating signs. These signs are specific in every language because they represent a materialized variant of mentality patterns; they bring many problems for translators and all those who study foreign languages.

Keywords: mentality, motivating signs, negative expressiveness, terminology, football colloquialisms.

Alexander Golodov

Rjasaner Staatliche Universität.

NATIONAL-MENTALE MERKMALE IN DER FACHSPRACHE

In jeder Sprache kommen bestimmte national-mentale Charakterzüge zum Ausdruck. In erster Linie betrifft das den expressiven Teil des Wortschatzes, der durch eine Bedeutungsübertragung auf Grund verschiedener Motivationsmerkmale entsteht. Diese Merkmale unterscheiden sich von Sprache zu Sprache, denn sie sind der materialisierte Ausdruck unterschiedlicher Mentalität und bereiten viele Schwierigkeiten Dolmetschern, Übersetzern und all denjenigen, die Deutsch als Fremdsprache erlernen.

Schlüsselwörter: Mentalität, Motivationsmerkmale, negative Expressivität, Fachsprache, Fußballumgangssprache.

Bekanntlich kommen in der Sprache bestimmte national-mentale Charakterzüge zum Ausdruck. In erster Linie betrifft das den expressiven Teil des Wortschatzes (Sprüche, Witze, Sprichwörter, phraseologisch gebundene Einheiten). Dazu gehört auch die expressiv-einschätzende Lexik, die durch eine Bedeutungsübertragung auf Grund verschiedener Motivationsmerkmale entsteht. Diese Merkmale unterscheiden sich von Sprache zu Sprache, weil sie der materialisierte Ausdruck unterschiedlicher Mentalität sind und vielen Dolmetschern, Übersetzern und all denjenigen Schwierigkeiten bereiten, die Deutsch als Fremdsprache erlernen bzw. studieren. „Solche Merkmale werden in der Regel durch eine kontrastive Analyse festgestellt und manchmal *national-spezifische Sprachelemente* genannt“ [6. S. 10]. Sie müssen ihren berechtigten Platz auch im Deutschunterricht finden. Für die Untersuchung der national-spezifischen Sprachelemente, die hier als verbale Realisierung der Mentalität des Volkes definiert werden, scheinen bestimmte Fachsprachen, in erster Linie die Fußballsprache geeignet zu sein, denn:

– eine Fachsprache ist eine relativ geschlossene und quantitativ übersichtliche lexikalische Schicht, was die Untersuchung eines konkreten Teils (wo alle Erscheinungen konzentriert zum Ausdruck kommen) des Sprachschatzes ermöglicht.

– die Fußballsprache nimmt unter allen Fachsprachen eine besondere Stelle ein, weil sie sich wesentlich von den meisten Fachsprachen durch ihre Expressivität und Bildhaftigkeit unterscheidet. „Fußballsprache ist eine deftige Sprache“ [Bundestrainer Berti Vogts, DSF 22. 01.2005].

– die Fußballumgangssprache kann als Repräsentant der ganzen allgemeinen Umgangssprache betrachtet werden und ist die Folge der außergewöhnlichen Popularität und Verbreitung dieser Sportart. „Je populärer ein Sport ist, desto näher steht seine Sprache der Allgemeinsprache...“ [8. S. 2].

Also, „... der Fußball kommt mit einer mäßig dosierten Fachsprache aus: eine Tatsache mit Folgen. Denn je schwächer die fachsprachlichen Bindungen, umso größer sind die Freiheiten für das (umgangs) sprachliche Handeln. Hier liegen gleichermaßen die Stärken und Schwächen der Fußballsprache. Kaum eine Sportart, die so mit den Möglichkeiten (manchmal auch mit den Unmöglichkeiten) der Sprache spielt...“ [2. S. 134].

Deswegen wird der Fußballsprache manchmal sogar der Status einer Fachsprache aberkannt: „Zusammenfassend lässt sich sagen, dass die Fußballsprache keine reine Fachsprache ist, da das zu benutzende Geschehen zu wenig spezifisch ist und keine spezielle Ausbildung erfordert, um es zu verstehen und darüber in Kommunikation zu treten...“ [8. S. 2].

Dabei ist die Fußballsprache ein *Sammelbegriff* und besteht grundsätzlich aus:

1. der fachpublizistischen Fußballsprache – die als Schriftsprache in den Fachbüchern und Fußballfachzeitschriften (Kicker u. ä.) existiert.

2. der nur in mündlicher Form funktionierenden Radio- und Fernsehfußballsprache, die ein Gemisch aus der fachpublizistischen Zeitungssprache und der Fußballumgangssprache darstellt.

3. der Fußballumgangssprache. Unter der Fußballumgangssprache (weiter FBU) wird im Rahmen der vorliegenden Untersuchung folgendes verstanden:

a) als gesprochene Sprache wird sie von Profis und Fans bei dem nicht formellen Umgang miteinander benutzt und weist viele gemeinsame Züge mit der allgemeinen Umgangssprache auf, was nicht zuletzt durch den Gebrauch von zahlreichen Jargonismen bedingt ist: „Im Fußball ist der Fachjargon zur allgemeinverständlichen Umgangssprache geworden“ [1. S. 21].

b) als Schriftsprache findet sie auf den Seiten der Massenpresse ihren Niederschlag. Dabei geht es in erster Linie um die „unabhängige und überparteiliche Bildzeitung“, wo der Anteil der Fußballberichte bis zu 25% des gesamten Umfangs beträgt.

Oft kommen durch die metaphorische (seltener metonymische) Transformation ihrer Bedeutung allgemeingebräuchliche Wörter in die FBU. Als Grundlage für eine solche Bedeutungsübertragung werden bestimmte Motivationsmerkmale benutzt, die für jede Sprache unterschiedlich sind und deshalb zu den national-spezifischen Elementen der einschlägigen Sprache gehören. Die auf solche Weise aus der Allgemeinsprache in die FBU übernommenen Wörter erfüllen gleichzeitig zwei Funktionen:

1. sie bezeichnen einen Fachbegriff;

2. gleichzeitig drücken sie expressive Einschätzung aus, z. B.: *0:6-Schande* – ist keine normale Niederlage, sondern eine erniedrigende; *Traum-Tor* – ist kein gewöhnliches Tor, sondern ein außerordentlich schönes.

Im expressiv-einschätzenden Teil der FBU finden auch bestimmte Züge der deutschen Mentalität ihren verbalen Ausdruck. Dazu gehört auch die Gründlichkeit (und ihre höchste Stufe – Perfektion), die expressiv-negative Einschätzung zur Folge hat.

In der Allgemeinsprache findet die berühmte deutsche Gründlichkeit unter anderem in der semantischen Differenzierung ihren Ausdruck, z. B.: *peressadka* (Russisch) = *Umsteigen* +

Transplantation + Umpflanzen + Umtopfen; rutschka (Russisch) = Griff + Klinke + Drücker + Henkel + Kugelschreiber (Kuli) + Füllfederhalter (Füller) + Händchen.

In der Sportsprache (bzw. FBU) ist diese Tendenz unter anderem durch den differenzierten Gebrauch der Bezeichnungen für verschiedene Arten der sportlichen Angriffshandlung ausgedrückt, z. B.: *yɔapumb, bumь* = 1. schießen (Fußball); 2. schmettern (Volleyball); 3. schlagen (Tennis); 4. treten (Karate); 5. stechen (Karate) usw...

Auch die Tatsache, dass negative Einschätzungen von Fachbegriffen in der FBU einen bedeutenden Platz einnehmen, ist nicht zuletzt auf die schon erwähnte „berühmte deutsche Gründlichkeit“ zurückzuführen. Und diese Gründlichkeit führt nicht selten dazu, dass man ein im Grunde positives Ergebnis als Folge einer falschen Handlung betrachtet: „Ein Tor ist die Folge eines schlimmen Fehlers. Mit deutscher Gründlichkeit sucht man nach der Ursache, warum dieses oder jenes Tor überhaupt fallen konnte...“ [2. S. 136].

Ein bisschen „Schwarzseherei“ gehört wohl zur modernen deutschen Mentalität, was auch manche Studien bestätigen: „Neue Studie! Deutschland ist Weltmeister im Jammern... Traurig, aber wahr: Wir sind die Weltmeister im Schwarzsehen. Das ist das Ergebnis einer internationalen Galupp-Studie (70 Länder)...Nur 25 % der Deutschen blicken voller Zuversicht in die Zukunft – letzter Platz...“ [Bildzeitung (weiter *Bild*), 27. 01. 2005, S. 1]. Auch der Bundespräsident Horst Köhler hat die Deutschen aufgerufen, „optimistischer in die Zukunft zu schauen“ [Bild, 20. 12. 04, S. 2].

Also, es ist logisch, „dass / auch / die Alltagslexik bedeutend mehr Ausdrücke für negative als für positive Erscheinungen enthält“ [7. S. 120]. Bei der Schaffung der negativ-einschätzenden Bezeichnung der Fachbegriffe spielen die Motivationsmerkmale eine wichtige Rolle, die sich von Sprache zu Sprache unterscheiden. Sie können z. B. durch die Struktur des Fachbereiches im entsprechenden Lande bestimmt werden: *Sommerfußball* – in der Bundesrepublik beginnt die Saison im Sommer, deshalb ist die spielerische Qualität im Sommer unreif oder oft schlecht (die Russen gebrauchen dabei den Begriff *весенний футбол* = Frühlingsfußball, weil die Meisterschaft in Russland nicht im Sommer, sondern im Frühling beginnt).

Viel zahlreicher sind die Motivationsmerkmale, die durch die Struktur des Fachbereichs nicht bestimmt werden. Einen bedeutenden Platz unter allen thematischen Gruppen, die zur expressiv-negativen Einschätzung in der FBU dienen, nehmen die Bezeichnungen von verschiedenen Lebensmitteln – gastronomische Metaphern – ein. Die Anwendung der Lebensmittelbezeichnung ist eine der gebräuchlichsten negativen Einschätzungsmöglichkeiten in der FBU und kann auch zu ihren Besonderheiten gezählt werden.

Die gebräuchlichsten gastronomischen Metaphern in der FBU sind: *Gurke, Tomate, Käse, Ei /Eier/, Wurst /Würstchen/* – die wichtigsten Lebensmittel im Lande.

Beim Gebrauch von Lebensmittelbezeichnungen beobachten wir die schon oben erwähnte Tendenz: Die deutsche Sprache neigt (wieder bedingt durch die deutsche Gründlichkeit?) zur differenzierten Bezeichnung eines Sachverhaltes – jede Lebensmittelart (bzw. Gemüseart) ist für eine bestimmte negative Qualität „zuständig“:

Gurke – ist das Symbol für eine nicht dynamische, langsame Handlung

Außer seiner gastronomischen Hauptbedeutung besitzt *Gurke* in der Allgemeinsprache auch eine Reihe von expressiv-einschätzenden: „2. a) (salopp scherz.) [häßliche, große Nase]: eine geschwollene G.: einen Schlag auf die G. kriegen; b) (derb) Penis; 3. (salopp abwertend) [altes] Auto: der fährt eine ganz müde (langsame) G. 4. (salopp scherzh.) Mensch, der jmds. Erstaunen hervorruft: das ist [dir] eine G.“ [4].

Alle allgemeinsprachlichen Bedeutungen des Substantivs *Gurke* (die Hauptbedeutung ausgenommen) drücken mehr oder weniger eine negative Einschätzung aus, die nach der stilistischen Ebene in drei Stufen eingeteilt werden kann: 1) salopp-scherzhafte: eine große, häßliche Nase; ein Mensch; 2) salopp-geringschätzige: ein altes langsames Auto; 3) salopp-vulgär: Penis.

Die angeführten Beispiele erlauben es zu behaupten, dass das Substantiv *Gurke* in all seinen übertragenen Bedeutungen, die durch die metaphorische Transformation entstanden sind, von Deutschsprachigen als ein Wort mit ausgesprochen negativer Bedeutung empfunden wird. Es kann als negative Einschätzung sowohl in Bezug auf Lebewesen (Bedeutung 4) als auch auf die Gegenstände und Erscheinungen (2a, 3) gebraucht werden (intime menschliche Teile inklusive).

Tomate – ist das Symbol für Unaufmerksamkeit und daraus resultierende falsche Einschätzung

Ihre negative Einschätzung brachte die Tomate aus der Allgemeinsprache:

„...Tomaten auf den Augen haben (salopp abwertend): aus Unachtsamkeit übersehen)...“ [4].

Dieser Ausdruck fand auch in der FBU seine Anwendung: „Eine unglückliche Hand hatte Schiri Jürgen Jansen (Essen). Sein Elfer zum 2:2 für St. Pauli gegen Leverkusen – *ein Fall von Tomaten auf den Augen*“ [Bild, 18.02.2002, S. 10].

Tomate tritt als Bestimmungswort einer Reihe von Zusammensetzungen auf:

– *Tomaten-Anfall*: „Schwerer *Tomaten-Anfall*. Linienrichter Jürgen Kreyer sah Abseits, obwohl es keins war. Der junge Mann, seit 1998 an der Linie, hatte *Tomaten* auf den Augen.“ [Bild, 11.12.2000, S. 12]

– *Tomaten-Fall*: „*Der Tomaten-Fall*. Der Lupfer des neuen HSV-Stars Romeo tickt knapp hinter der Linie des Stuttgarts-Tors auf, wird von Wenzel rausgeschlagen. Schiri-Assistent Stefan Trautmann hat völlig freie Sicht: Aber ich war mir nicht 100 Prozent sicher. Deshalb habe ich die Fahne nicht gehoben [Bild, 28. 01. 2002, S. 9]. In beiden Fällen wurden abgekürzte transformierte Varianten des Ausdrucks *Tomaten auf den Augen haben* gebraucht: *Tomaten-Anfall* und *Tomaten-Fall*. Der erste okkasionelle Jargonismus entstand durch den Zusammenschluss der Gemüsebezeichnung *Tomate* als Bestimmungswort und des medizinischen Fachwortes *Anfall* als Grundwort. Der zweite – durch den Zusammenschluss der Gemüsebezeichnung als Bestimmungswort und des juristischen Fachwortes *Fall* als Grundwort.

– *Tomaten-Schiri*: „Der Schiri aus Spanien übertraf alles, was wir in der Bundesliga schon erlebt haben! Ab sofort ist jeder deutsche *Tomaten-Schiri* ein unschuldiges Mauerblümchen...“ [Bild, 12. 06. 2002, S. 13]. Hier geht es um den Schiedsrichter, der in einem Spiel 16 gelbe und rote Karten gezeigt hat. Dabei hat er auch einige offensichtliche Fouls übersehen.

Bild am Sonntag (weiter *BamS*) hat sogar die „*Tomatentabelle*“ veröffentlicht, wo diejenigen Schiedsrichter aufgelistet sind, die grobe Fehlentscheidungen getroffen haben, welche den Ablauf bzw. das Ergebnis des Spiels beeinträchtigt haben. Dabei sind alle Fehler nach ihren eingestuft: Jeder bekommt danach eine bestimmte Zahl von Tomaten (wie Kognak Sterne).

Ei /Eier/ – ist ein Symbol für dumme, plumpe, fehlerhafte Handlungen.

Dieses gastronomische Wort bewahrt in der FBU grundsätzlich seine übertragene negative allgemeinsprachliche Bedeutung: „(salopp abwertend) Mensch, den man aus irgendeinem Grund ablehnt: ein doofes Ei“. Die Negativität dieser Lebensmittelbezeichnung wird vielleicht auch dadurch verstärkt, dass es auch „als Ausdruck starken Missfallens – mit faulen Eiern bewerfen“ [4] verstanden wird.

Das Sportfachwörterbuch führt *Ei* als Fachjargonismus auf: „(Jargon) a) Ball; b) Rugbyball“ [9]. In der FBU fand *Ei* als Ballbezeichnung keine breite Anwendung. Dagegen wird dieses gastronomische Fachwort als expressiv-negative Einschätzung ziemlich oft gebraucht. Hier tritt es häufig als Bestimmungswort von determinativen Zusammensetzungen auf:

– *Eier-Tor*: „Über dieses „*Eier-Tor*“ lacht ganz Fußball-Deutschland – nur Arminia nicht... Bielefelds Kapitän Bastian Reinhardt will nach einer Takahara-Flanke in höchster Not zur Ecke klären. Und dabei passiert’s: Er trifft die Kugel mit dem Fuß so unglücklich, dass er seinem Torhüter Mathias Hain den Ball an den Hinterkopf schießt. Von dessen Schädel prallt die Kugel ins Tor“ [Bild, 7. 04. 2003, S. 12]. Aus dem angeführten Beispiel wird klar, was in der FBU der okkasionelle Jargonismus *Eier-Tor* bedeutet: ein unlogisches, plumpe Tor, das durch das Zusammenspiel von ein paar dummen Zusammenfällen erzielt wurde. Die Episode hat auch eine

Fortsetzung: „Das Fatale: Das *Osterei* entschied die Partie. Arminia nach dem 0:1 beim HSV in höchster Abstiegsgefahr“ [Bild, 7. 04. 2003, S. 12].

Das *Oster-Ei* (gefärbtes, bemaltes gekochtes Hühnerei od. Ei aus Schokolade, Marzipan o. ä., das zu Ostern *verschenkt* wird... “ [4]) tritt hier als Synonym zum oben abgeführten *Eier-Tor* auf. In der Definition der Zusammensetzung *Oster-Ei* findet man das Schlüsselwort *verschenken*, das die Grundlage für den metonymischen Gebrauch des religiösen Fachwortes in der FBU darstellt. Ein unlogisches und deswegen nicht verdientes Tor wird mit einem *Ostergeschenk* verglichen (übrigens wird in der russischen Fußballsprache in der ähnlichen Situation die Wortverbindung *ein nicht erarbeitetes Tor* gebraucht).

In der FBU hat auch das vom Substantiv *Ei* abgeleitete Verb *eiern* seinen Platz, das grundsätzlich eine defekte Handlung bezeichnet, die mit einem runden Gegenstand vollzogen wird: „... (salopp): 1. wegen Verbeulung, dauernder Verlagerung des Zentrums ungleichmäßig rotieren (hat): das Rad, die Schallplatte eiern. 2. a) wackelnd gehen (hat): seit dem Unfall *eiern* er; b) sich mit wackelndem Gang irgendwohin begehen (ist): über die Straße, nach Hause eiern... “ [4].

In der nächsten Fußball-Episode bezeichnet das Verb *eiern* in Verbindung mit dem Substantiv *Kreisel* (... meist symmetrischer Körper, der eine Drehbewegung um die eigene... Achse ausführt. [4]), das hier auch in seiner bildhaft übertragenen Bedeutung gebraucht wird, eine fehlerhafte, defekte Handlung: „Warum *eiern* der *Tor-Kreisel* so? Victor Agali (drei Saisontreffer) und Emile Mpenza (zwei Saisontreffer) sind verletzt. Und ausgerechnet Torschützen-König Ebbe Sand (nach 22 Buden bislang eine einzige) hat zur Zeit seine Kaltschnäuzigkeit verloren“ [Bild, 19. 11. 2001, S. 9].

In der FBU bezeichnet das Verb *eiern* eine fehlerhafte Handlung, die nicht ein Gegenstand ausführt (wie in der Allgemeinsprache), sondern Lebewesen – drei Angreifer, die einen sogenannten „Kreisel“ bilden.

Im Prinzip behält dieses Verb auch in der Fachsprache seine allgemeine Bedeutung.

Käse – ist das Symbol für schlechte Qualität der Fach-Handlungen

Die Lebensmittelbezeichnung wird in der FBU nicht so häufig gebraucht wie *Gurke*. In der Umgangssprache wird das Substantiv *Käse* in seiner negativen bildhaften Bedeutung fast genauso oft verwendet wie in der Hauptbedeutung: „2. (ugs. abwertend) Unsinn, dummes Zeug: das ist doch alles K... “ [4]. *Käse* übernimmt häufig die Rolle des Bestimmungswortes einer Zusammensetzung, wo das Grundwort ein Fußballfachwort ist: „Holland nämlich lieferte ein *Käse-Spiel* ab. Ein Sieg, der ganz Europa stinkt“ [Bild, 13.06.2000, S. 9]. Die negative Einschätzung dieser Lebensmittelbezeichnung ist wohl auf den Geruch (Gestank) zurückzuführen, den man damit verbindet.

Käse kann in der FBU auch in seiner allgemeinsprachlichen Hauptbedeutung gebraucht werden. Dabei wird dieses Substantiv als Vergleichsbasis gebraucht, um die negative Charakteristik einer Fachhandlung bildhaft zu demonstrieren: „Die Abwehr ist *löchrig wie Schweizer Käse* und im Sturm liegt der Wurm. Diese *Schwäche* hatte dem Aufsteiger schon in der Vorrunde das Genick gebrochen. “ [Bild, 1.02.2000, S. 13]

In dieser Episode ersetzt der bildhafte Ausdruck *löchrig wie Schweizer Käse* den neutralen Ausdruck *diese Schwäche*. *Käse* kann auch als bildhafter Ersatz von solchen pejorativen Substantiven wie *Quatsch*, *Unsinn* auftreten: „Käse! Die Mainzer einfach besser – aber Arminia stinkt’s nicht... “ [Bild, 19.11.2001, S. 9].

Wurst – ist das Symbol für Schwäche, Inkompetenz

In der Allgemeinsprache drückt das Diminutiv *Würstchen* in der Regel eine negative Einschätzung aus: „... 2. (ugs. , oft abwertend) völlig unbedeutender Mensch... “ [4]. In der FBU wird dagegen als expressiv-negative Einschätzung (für nomina agentis) häufiger die Pluralform *Würste* gebraucht: „Dann aber in Berlin 0:3 auf den Sack bekommen und dabei gespielt wie die Würste“ [Bild, 22. 01. 2000, S. 10].

Zum Unterschied vom Diminutiv besitzt die Pluralform Würste in der Umgangssprache keine stark ausgeprägte negative Konnotation: „1. Nahrungsmittel aus zerkleinertem Fleisch [mit Innereien, Blut] u. Gewürzen, das in Därme gefüllt wird... 2. etw., was wie eine Wurst aussieht, die Form einer länglichen Rolle hat... der Hund hinterließ dicke Würste [Exkreme] auf der Straße...“ [4]

Die Form Würste, gebraucht in Bezug auf den Schiedsrichter, wird nicht nur als Beleidigung empfunden, sondern wird als solche offiziell anerkannt: „Seit seiner Schiri-Beleidigung in Leverkusen („Ihr seid alles Würste“) und der Sperre für zwei Spiele kann sich Werner Lorant... vor neuen Werbeangeboten gar nicht mehr retten...“ [Bild, 17.12.1999, S. 15]. Die Ursache für die expressive Negativität dieser Lebensmittelbezeichnung könnte man wohl bei der zweiten allgemeinsprachlichen Bedeutung (Würste= Exkreme) suchen.

Schlussbemerkungen

Beim Gebrauch von Lebensmittelbezeichnungen beobachtet man die Neigung der deutschen Sprache (wieder bedingt durch die deutsche Gründlichkeit und Perfektion?) zur differenzierteren Bezeichnung eines Sachverhaltes. Jedes Lebensmittel ist für eine bestimmte negative Qualität „zuständig“ (*Gurke* – nicht dynamisch, langsam; *Tomate* – nicht aufmerksam, etwas übersehend und deswegen falsch reagierend; *Ei* – defekt, unlogisch, plump, willensschwach u. a. m.), während in der russischen Fußballumgangssprache die Tendenz zur allgemeinen Charakteristik ihren Ausdruck findet.

Es sei auch bemerkt, dass die deutsche negative Einschätzung häufig mit der Vorstellung vom Lebensmittelkonsum verbunden ist. Dabei wird die ganze logische Kette in Anspruch genommen: Angefangen mit Lebensmittelbezeichnungen (Tomaten, Gurken, Würstchen, Käse u. a. m.) bis zum Resultat der „Lebensmittelverarbeitung“ im Magen und Darm (Scheiße). Die am Verarbeitungsprozess beteiligten Organe werden als negative (bzw. invektive) Bezeichnungen auch nicht vergessen (Arschloch u. a. m.)

Die hier analysierten Lebensmittelbezeichnungen können auch in ihrer Hauptbedeutung ein negatives Bedeutungsmerkmal haben, z. B.: *Käse* – schlechter Geruch (bei vielen Sorten); *Wurst* – die Form, die an Exkreme erinnert; *Ei* – die im Gegensatz zum Kreis „defekte“ elliptische Form.

Literatur

1. *Albrecht-Heider, Christoph*. Über Fachjargon // Frankfurter Rundschau 14. 10. 1985.
2. *Braun, Peter*. Annäherung an die Fußballsprache // Muttersprache. Wiesbaden, 1998. N 2. S. 134–145.
3. *Binnewies, Harald*. Sport in den Massenmedien // Pressedienst Wissenschaft der FU Berlin (Hrsg.), Sportwissenschaft in der Entwicklung. 1973. Nr. 4–6. S. 43–48.
4. Deutsches Universalwörterbuch A – Z. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996.
5. *Ludwig, K. D.* Sportsprache und Sprachkultur // Sprachkultur – warum, wozu? Leipzig, 1977. S. 49–91.
6. *Reichstein, A. D.* Национально-культурный аспект межкультурной коммуникации // ИЯШ. 1986. № 5. S. 7–12.
7. *Riesel, E.* Der Stil der deutschen Alltagsrede. Moskau: Verlag Vysshaja schkola, 1964.
8. *Vollmert-Spiesky, Sabine*. Vergleichende Untersuchung der Lexik des Fußballspiels im Russischen, Polnischen und Deutschen // Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 1996.
9. *Wehlen, R.* Regeln und Sprache des Sports. Band 1. Mannheim / Wien / Zürich.: Dudenverlag, 1976.

Т. И. Зеленина, Б. Ш. Загуляева
Удмуртский государственный университет

УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК ВО ФРАНЦИИ
(рецензия на учебник Жан-Люка Моро «Давайте говорить по-удмуртски»)

Удмурты, по мнению многих финно-угроведов, являются единственным финно-угорским народом, оставшимся на территории предков. В этом заключается ценность рецензируемого издания для всех, кому интересен финно-угорский мир. Автор учебника, вышедшего в зарубежном издательстве – профессор Жан-Люк Моро, французский ученый, известный финно-угровед, поэт, переводчик с финского, эстонского, венгерского, русского, удмуртского языков. В учебнике, тщательно подготовленном как научное издание, представлена своеобразная краткая энциклопедия современного удмуртского языка. Автор проводит аналогии удмуртского языка с разными языками (французским, русским, венгерским, финским и др.).

Ключевые слова: французский ученый Жан-Люк Моро, учебник удмуртского языка, финно-угорский мир.

Tamara Zelenina, Bibinur Zagulyaeva
Udmurt State University

UDMURT LANGUAGE IN FRANCE
(review of Jean-Luc Moreau's textbook "Let's speak Udmurt")

Udmurts, according to many scholars of Finno-Ugric languages, are the only people of Finno-Ugric origin which remained on the territory of their ancestors. This fact accounts for the importance of the reviewed edition for all those who are interested in the Finno-Ugric world. The author of the textbook published abroad is Dr. Jean-Luc Moreau, a French scholar, a well-known specialist in Finno-Ugric languages, a poet, and translator from Finnish, Estonian, Hungarian, Russian and Udmurt. The textbook, based on serious research work, presents the system of the Udmurt language; it is a kind of short encyclopedia of modern Udmurt language. The author draws parallels between the Udmurt language and various other languages (French, Russian, Hungarian, Finnish, etc.).

Keywords: French scholar Jean-Luc Moreau, Udmurt language textbook, Finno-Ugric world.

Существующие учебники по удмуртскому языку разных уровней созданы, как правило, для тех, кто считает удмуртский язык родным. В последние годы удмуртскими лингвистами стала издаваться учебная литература по удмуртскому языку для лиц другой национальности. В основном она предназначена для русскоязычного населения [1, 2, 4, 5].

Начало 2009 г. ознаменовано значительным событием в удмуртском языкознании: за рубежом вышла в свет книга по удмуртскому языку: Jean-Luc Moreau. Parlons oudmourte (Ойдолэ вераськом удмурт сямен): Une langue finno-ougrienne. Un peuple d'Europe. Paris: L'Harmattan, 2009. 276 p. [= Жан-Люк Моро. Давайте говорить по-удмуртски: Финно-угорский язык. Европейский народ. Париж: Л'Арматтан, 2009. 276 с.]. Обращает на себя внимание не только факт выхода первого учебника по удмуртскому языку на французском языке, но и то, что его создателем является известный в финно-угорском мире человек, давно получивший признание среди ученых.

Автор учебника – профессор Жан-Люк Моро, французский ученый, поэт, известный финно-угровед, автор многих научных книг, статей, свободно говорящий на немецком и английском, финском и эстонском, венгерском и русском языках, переводчик с финского, эстонского, венгерского, русского, удмуртского языков.

В 50-е гг., будучи студентом, он познакомился в МГУ с представителями удмуртского народа П. К. Черновым (ставшим в дальнейшем известным удмуртским писателем, к сожалению, уже ушедшим из жизни) и В. М. Ванюшевым (ныне профессором Удмуртского государственного университета). С тех пор удмуртский язык и удмуртская литература, в числе других финно-угорских языков и литератур, стали предметом его научных интересов.

Жан-Люк Моро родился в Туре в 1937 г. С 1967 по 2007 г. преподавал языки и финно-угорскую литературу в Национальном институте восточных языков и цивилизаций – INALCO (г. Париж), многие годы заведовал кафедрой финно-угорских языков. Читал лекции в университетах Франции и за рубежом.

Особую любовь Ж.-Л. Моро питает к удмуртскому языку и удмуртской литературе. Он «в очень непопулярное время занялся исследованием явлений литературной жизни удмуртского народа» [3. С. 6]. Удмуртия была одной из самых закрытых республик советского государства. На протяжении многих лет французский ученый знакомился с жизнью удмуртского народа заочно, на расстоянии, собирая материал по крупицам. Он искренне сожалел о том, что удмуртская литература не становилась всеобщим достоянием, о чем повествует, в частности, в предисловии к своему учебнику: *Après 1956, le dégel consécutif au XXe Congrès du Parti Communiste de l'URSS se traduit dans la vie culturelle oudmourte par un certain renouveau. Mais le pays reste interdit aux étrangers; les intellectuels oudmourtes, comme la plupart des Soviétiques, n'ont aucun contact avec l'extérieur. Qui, en Occident, même parmi les inconditionnels de l'URSS, connaît alors le nom du grand poète Flor Vassiliev?* «После 1956 года оттепель, последовавшая за XX съездом Коммунистической партии Советского Союза, вносит в культурную жизнь удмуртов некоторое возрождение. Но страна остается закрытой для иностранцев; удмуртская интеллигенция, как и все советские люди, не имеет контактов с внешним миром. Кто на Западе, даже среди сторонников СССР, знал тогда имя большого поэта Флора Васильева?» [6. Р. 12].

В 1998 г. по приглашению Удмуртского госуниверситета Жан-Люк Моро с трепетом ступил на удмуртскую землю. Он читал лекции по французской и финно-угорской литературе студентам университета. Во время многочисленных встреч живо интересовался всеми гранями жизни в Удмуртии. Особый интерес вызывало все, что связано с коренным населением – удмуртами. Он впитывал в себя, как губка, культуру удмуртского народа, наслаждался удмуртской речью, с радостью слушал красивые удмуртские напевы, знакомился с удмуртской кухней. И сожалел о том, что в столице Удмуртии, Ижевске, очень мало звучит удмуртская речь. Был несказанно рад тому, что представилась возможность жить в удмуртской семье, где он мог слушать удмуртскую речь и сам говорить по-удмуртски.

Одна из задач, которую тогда ставил перед собой Жан-Люк Моро, – доработка учебника удмуртского языка, начатого в процессе его преподавания: в течение нескольких лет он вел курс удмуртского языка для желающих французских студентов своего вуза. К приезду в Удмуртию первый вариант учебника был подготовлен, и автор имел возможность проконсультироваться с удмуртскими учеными и носителями удмуртского языка, что он делал с большим удовольствием. Затем потребовалось много времени, чтобы книга вышла в свет. Только после завершения напряженной учебной деятельности в вузе представилась возможность закончить начатый труд. Таким образом, книга является итогом многолетней работы автора. Она посвящена удмуртскому другу студенческих лет: *A la mémoire de Piotr Tchernov, qui le premier me fit sentir la beauté de sa langue.* «Памяти Петра Чернова, который первым дал мне возможность ощутить красоту своего языка» [6. Р. 7].

Исходя из названия «*Parlons oudmourte. Oïdolэ вераськом удмурт сямен*» (Давайте говорить по-удмуртски), читатель ожидает, что это будет разговорный курс современного удмуртского языка. На самом деле в книге глазами иностранного ученого представлена своеобразная краткая энциклопедия современного удмуртского языка. Название книги можно рассматривать как призыв к европейцам обратить взгляд на удмуртский язык и удмуртский народ (...*les Oudmourtes, peuple européen accueillant et chaleureux, ...échappent au regard de la plupart des Occidentaux.* «...Удмурты, приветливый и теплый европейский народ, ...остаются незамеченными большинством жителей Запада»).

В начале книги автор дает три карты-схемы: карта России, в которой обозначено местоположение Удмуртии, карта Удмуртии с основными географическими пунктами и прилегающими областями и республиками [6. Р. 6], а также карта бассейна реки Камы [6. Р. 14]. Это позволяет осознать, что незнакомый европейцам народ находится в принципе географически недалеко.

Ж.-Л. Моро косвенно аргументирует целесообразность и необходимость написания своей книги: *Cette région est considérée par de nombreux finno-ougriens, hongrois notamment, comme le*

«*berceau*» des Finno-Ougriens. Si cette thèse est exacte, les Oudmourtes sont le seul peuple finno-ougrien resté sur le territoire ancestral. «Этот регион рассматривается многими финно-угроведами, в частности венгерскими, как «колыбель» финно-угров. Если данный тезис верен, то удмурты являются единственным финно-угорским народом, оставшимся на территории предков». На наш взгляд, в этом заключается ценность настоящего издания не только для специалистов по удмуртскому языку, но для всех, кому интересен финно-угорский мир.

Лингвистическую часть предваряет предисловие, в котором дается краткая и в то же время емкая информация об удмуртах и удмуртском языке: принадлежность к финно-угорской семье, численность удмуртов в Удмуртии и места их проживания за пределами республики, история слова «удмурт», историческая справка о контактах удмуртов с другими древними и современными народами (финно-угорскими, иранскими, булгарами, татарами, русскими), русификация удмуртов, становление удмуртского языка и литературы в советское время, современный статус Удмуртии и др. [6. Рр. 7–13]. Автор сокрушается о потере удмуртской интеллектуальной элиты во времена сталинской репрессии: *Plusieurs écrivains parmi les plus prometteurs – Gerd, Konovalov... – sont fusillés. D'autres, comme la poétesse Achaltchi Oki, se réfugient dans le silence.* «Многие писатели, наиболее многообещающие – Герд, Коновалов... – расстреляны, другие, как поэтесса Ашальчи Оки, отгородились молчанием» [6. Р. 12].

О структуре своей книги автор говорит следующее: *On trouvera dans le présent ouvrage un aperçu de sa grammaire, suivi de textes, de leur traduction et d'un lexique.* «В данной работе вы найдете грамматический обзор, за которым следуют тексты, их перевод и словарь». Таким образом, учебник состоит из трех основных частей, о которых пойдет речь ниже.

Обратимся непосредственно к анализу лингвистической части учебника. Понятие «Грамматический обзор» (*Aperçu grammatical*) в книге более широкое, чем принято в российской лингвистической традиции. В раздел с таким названием автор включил сведения по фонетике и орфографии, по морфологии и синтаксису [6. Рр. 15–136]. Проанализируем эти разделы.

В разделе «Фонетика и орфография» (*Phonétique et orthographe*) представлены алфавит, таблицы гласных и согласных фонем современного удмуртского литературного языка. Автор совершенно правомерно отмечает, что в собственно удмуртских словах палатальными являются только *д', з', л', н', с', т', ч'*. Они и по месту образования, и, в некоторой степени, по качеству (особенно *з, с, ч*) отличаются от соответствующих палатальных согласных русского языка [6. Рр. 28–30]. Затем рассмотрено употребление вставного звука *й (j)* в словах между гласными перед: а) аффиксами падежей, б) притяжательными аффиксами, в) аффиксами обладания (*-o*), а также в глаголах второго спряжения. Далее автором дана общая характеристика звуковой структуры языка: регрессивная и прогрессивная ассимиляции. Отдельно рассмотрены возникновение согласных *к* и *м* в основе некоторых слов, имеющих в своей структуре аффикс (чаще словоизменительный), начинающийся с гласного: *нюлэс* «лес» – *нюлэскын* «в лесу», *визь* «ум» – *визьмо* «умный»; выпадение гласных *ы, е*, реже (*о*) в безударном положении: *кужым* «сила» – *кужмо* «сильный», *пилем* «облако, туча» – *пильмо* «облачно, пасмурно»; ударение.

Все примеры представлены в удмуртской литературной форме, в скобках – в международной транскрипции. В связи с тем, что в современной научной литературе периодически поднимается вопрос о целесообразности использования в графике национальных языков латиницы, небезынтересно мнение ученого на этот счет относительно удмуртского языка, которое он высказывает в предисловии: *Sans doute sa transcription en caractère latin permet-elle au linguiste de donner une image plus claire de sa phonologie et de sa morphologie. Nous avons cependant choisi de la présenter telle qu'elle est écrite par ceux qui la parlent. Une transcription en alphabet international sera utilisée dans la présentation de la phonétique. Soulignons que l'alphabet cyrillique, malgré ses défauts, rend parfaitement compte de la prononciation.* «Конечно же, его латинская транскрипция позволит лингвисту дать более ясное представление о его фонологии и морфологии. Между тем мы взяли ее такой, как она пишется теми, кто на нем говорит. Интернациональная транскрипция будет использована при знакомстве с фонетикой. Подчеркнем, что кириллица, несмотря на недостатки, прекрасно передает произношение» [6. Р. 13].

В самом большом разделе «Морфология» (букв. *Morphosyntaxe*) рассмотрены все части речи удмуртского языка [6. Рр. 37–122].

В именах существительных выделены категории числа, падежа, притяжательности; образование имен существительных (аффиксальное и путем сложения); простая и притяжательная парадигма склонения имен существительных. Падежная система (15 падежей) четко структурирована в таблицах. У прилагательных рассмотрены категория сравнения и образование имен прилагательных. Далее следуют наречия, количественные и порядковые числительные, выделительно-указательная категория с суффиксами *-эз* (*-ез*) (в ед. ч.) и *-ыз* (во мн. ч.): *-ёсыз*, *-осыз*, вносящими в семантику слова значения «именно тот (та, то) из них», «именно те из них»: *сьоддэз вал* «именно та лошадь, которая черная», *бадзьимез беризь* «именно та липа, которая большая», *сьодъёсыз вальёс* «именно те лошади, которые черные», *бадзьимъёсыз беризъёс* «именно те липы, которые большие». Дается парадигма склонения по падежам слов, имеющих в своей структуре выделительно-указательный суффикс.

Представлены следующие местоимения: личные, определительно-личные, вопросительно-относительные, собственно-притяжательное местоимение *ас* «свой», указательные, счетно-личные, отрицательные, неопределенные, обобщительно-определительные. Информация о глаголе выглядит следующим образом: изложены все времена глаголов; аналитические конструкции, состоящие из знаменательного глагола настоящего, будущего, прошедшего времени соответствующего числа и лица плюс вспомогательного глагола *вал* «было, бывало» или *вылэм* «было, оказывается»; глагол *луыны* «быть, стать, становиться»; кратный и некротный вид; образование глаголов; причастия и деепричастия.

Уделено внимание также послелогам и частицам, отражающим специфику удмуртского языка.

Раздел, касающийся синтаксиса предложения, представлен достаточно схематично [6. Рр. 123–136], что признается и самим автором, обозначившим это в названии «Элементы синтаксиса» (*Eléments de syntaxe*). В него включен материал, наиболее необходимый при изучении удмуртского языка как иностранного. Данные сведения помогут пониманию текстов на удмуртском языке и будут способствовать речевой практике обучающихся.

Во всех изложенных разделах автор, насколько возможно, стремится отражать как общие для финно-угорских языков черты, так и характерные черты современного удмуртского литературного языка. В ходе представления языкового материала лингвист ссылается на разные языки (венгерский и финский), в чем проявляется новизна учебника: *Cette construction est comparable à celle du hongrois*. «Эта конструкция сравнима с венгерской» [6. Р. 46]; *Par la distribution de ces deux séries de morphèmes, l'oudmourte se distingue tant du finnois que du hongrois*. «По распределению этих двух серий морфем удмуртский язык отличается больше от финского, чем от венгерского» [6. Р. 59]; *Ce -m, héritage de l'ouralien, se perpétue en finnois dans le -n de l'accusatif*. «Это *-m*, уральское наследие, продолжает существовать в финском языке в *-n* в винительном падеже» [6. Р. 59]; *Cette fonction est la même que celle, par exemple, de den, accusatif de l'article défini masculin en allemand (den Himmel)*. *Mais alors que l'article allemand est antéposé et graphiquement séparé, le suffixe de l'accusatif oudmourte est postposé et rattaché au nom qui le précède*. «У него такая же функция, как, например, у определенного артикля мужского рода *den* в немецком языке (*den Himmel*). В отличие от немецкого языка, в котором артикль стоит в препозиции и графически отделен, удмуртский суффикс винительного падежа находится в постпозиции и присоединен к существительному» [6. Рр. 45–46]; *Le suffixe sélectif n'a pas d'équivalent en komi. L'adjectif ainsi construite rappelle à la fois l'adjectif long du russe, et plus encore, dans l'état actuel de ces langues et sans qu'on puisse pour autant y voir le résultat d'une influence, l'adjectif déterminé des langues baltes*. «Селективный суффикс не имеет эквивалента в языке коми. Построенное таким образом прилагательное напоминает одновременно длинное прилагательное русского языка, а еще больше – определенное прилагательное современных балтийских языков, хотя в этом нельзя усматривать результат какого-либо влияния» [6. Р. 77]. Достаточно часто автор проводит аналогии с французским языком, поскольку учебник написан для носителей данного языка. Чаще всего автор обращается к русскому языку, так как удмуртский язык находился под большим влиянием русского языка.

Удмуртский язык, как и все финно-угорские языки, относят к трудноизучаемым языкам. В связи с этим следует отметить доступность и ясность изложения информации автором, четкое структурирование материала. В работе имеется 30 таблиц, способствующих лучшему восприятию содержания и облегчающих освоение удмуртского языка.

Ни один язык не обходится без формул речевого этикета. Ж.-Л. Моро удалось выбрать самые употребительные из них и представить в разделе «Давайте знакомиться» (*Bae тодматском. Faisons connaissance*) [б. Рр. 137–140].

Далее отдельным разделом идут «Пословицы и загадки» (*Proverbes et devinettes*), передающие ментальность удмуртского народа [б. Рр. 141–146] и свидетельствующие о его качествах. Так, например, следующие пословицы подчёркивают трудолюбие удмуртов: *Ачид ке öд гыр, геры уз гыр*. «Si tu ne laboures pas toi-même, la charrue ne labourera pas» (Если ты не будешь пахать сам, плуг пахать не будет); любовь к родному краю: *Вордскем гуртэз котькинлы дуно*. «Son village natal est cher à chacun» (Своя родная деревня дорога каждому); любовь к родственникам: *Анайлэн вешамез изэз но шунтоз*. «La caresse d'une mère réchauffera même la pierre» (Ласка матери согреет даже камень); уважительное отношение к хлебу: *Нянь зарнилэсь но дуно*. «Le pain est plus précieux que l'or» (Хлеб дороже золота); пристальное внимание к явлениям природы: *Юсьёс тулыс уно ке луизы, тулыс шуныт луоз*. «Si les cygnes au printemps arrivent nombreux, le printemps sera chaud» (Если лебеди прилетают весной в большом количестве, весна будет теплой); *Тöдьы бубыли лобалоз, лобалоз но музэ пуксёз (Лымы)*. «De blancs papillons volettent, volettent et se posent sur le sol» (Белые бабочки порхают, порхают и ложатся на землю) (Снег).

В следующей части книги собраны фольклорные тексты [б. Рр. 147–214] различных жанров: сказки, сказки-мифы, сказки-предания, сказки о животных, бытовые сказки, а также стихи К. Герда, А. Оки, М. Петрова. Произведения устного народного творчества представляют историческую ценность, в них ярко проявляется глубину народного языка и своеобразие национального видения мира удмуртами. Тексты даны в удмуртской литературной форме и снабжены подстрочным переводом на французский язык. Перевод сделан очень скрупулезно, в необходимых случаях с пояснением в скобках своеобразных удмуртских конструкций и выражений.

В последней части книги представлен удмуртско-французский словарь [б. Р. 215–267], в котором дано более 1300 слов. Словарные статьи отражают кропотливую научную работу автора. Некоторые слова снабжены комментариями, сообщающими о происхождении слов в удмуртском языке. Так, например, имеются следующие пометки: 1) «< russe» – русские заимствования в удмуртском языке, которые представлены в словаре в большом количестве и свидетельствуют о тесном контакте удмуртского народа с русским: *автобус, буква, бумага, вина* (водка), *газет* (газета), *гласной* (гласная), *город, графин, декабрь, журнал, пруд, каникул* (каникулы), *карандаш, кино, книга, колхоз, командировка, корзина, кролик, лампа, октябрь, первой* (первый), *план, председатель, самолет, сапег* (сапог), *семья, скрипка, собрание, солдат, тамак* (табак), *только, урок, флаг, чай, черод* (черёд), *эшишо* (еще), *январь* и многие др.; 2) «< tatar» – татарские заимствования: *алтын* «ог» (золото), *капка* «portail, portillon» (ворота).

В словаре особое внимание уделено словам, обозначающим реалии, к которым дается объяснение: *бинялтон* «enveloppement» (обертывание), «chaussettes russes» (русские носки) – речь идет о портянках; *куала* 1) «kouala, sanctuaire du culte traditionnel; les kouala ont été systématiquement détruits à l'époque soviétique» (алтарь традиционного культа; в советскую эпоху куалы систематически разрушались); 2) «cuisine d'été» (летняя кухня); *кушкит* диал. «vêtement usagé» (поношенная одежда) – здесь речь идет об обуви (лапти-отопки); *обыда* «obyda, sorte de sorcière» (род ведьм); *полать* (< рус. *полати*) «grand lit de planches sous le plafond entre le poêle et le mur opposé» (большая кровать из досок под потолком между печкой и противоположной стеной); *помещик* «propriétaire terrien – à l'époque tsariste» (землевладелец – в царскую эпоху); *тöро* «chef, prince – chez les anciens Oudmourtes» (вождь, правитель – у древних удмуртов).

Комментируются также удмуртские антропонимы (личные имена) и топонимы (географические названия), которыми изобилуют представленные в книге тексты: *Ванька* «diminutif du russe *Иван Ivan*» (уменьшительное от русского Иван); *Вечей* «*Vetcheï, ancien nom oudmourte*» (древнее удмуртское имя); *Глаз* «*Glazov, ville du nord de l'Oudmourtie*» (Глазов, город на севере Удмуртии); *Идна* «*Idna, héros mythique*» (мифический герой); *Инвожо* «*Invojo, dieu de midi et nom d un magazine*» (бог полудня и название журнала); *Инмар* «*Inmar, dieu du ciel dans le panthéon oudmourte*» (бог неба в удмуртском пантеоне); *Кам* «*Kama, rivière*» (река Кама); *Керемет* «*Keremet, esprit du mal*» (дух зла); *куазь* «*Kouaž, dieu du temps qu'il fait*» (бог погоды); *Кузон* «*Kazan, capitale de la Tatarie ou Tatarstan*» (Казань, столица Татарии, или Татарстана); *Мимпей* «*Mitreï, diminutif de Dimitri*» (уменьшительное от *Дмитрий*); *Ожмег* «*Ojmeg, nom d'homme*» (мужское имя); *Эумтерек* «*Echtierek, héros mythique*» (мифический герой).

Завершая анализ учебника, хотелось бы вновь обратиться к словам ученого, в которых заключено беспокойство за судьбу удмуртской нации: *La nation oudmourte a commencé à retrouver son passé. Peut-elle encore se forger un avenir?* «Удмуртская нация начала возвращаться к своему прошлому. Сможет ли она еще ковать себе будущее?», – и в то же время уверенность в том, что удмуртский язык состоялся: *L'Oudmourte n'est pas seulement une pièce de première importance (la «clef oudmourte»!) dans le puzzle linguistique du bassin de la Volga. C'est aussi une véritable langue nationale, écrite, enseignée, officiellement reconnue, normalisée depuis plusieurs générations, illustrée par une littérature originale.* «Удмуртский язык является не только значимым звеном («удмуртский ключ»!) в лингвистическом мире Поволжья. Это также настоящий национальный язык, на котором пишут и которому обучают, официально признанный, нормированный многими поколениями, представленный самобытной литературой» [б. Р. 13].

Учебник Ж.-Л. Моро – это истинный клад для тех, кто сможет изучать удмуртский язык через французский. Перед нами не просто учебник удмуртского языка, а тщательно подготовленное научное издание по удмуртскому языку, литературе и национальным обычаям. Книга способствует пониманию образа жизни удмуртского народа и воспитанию уважительного отношения к людям иной национальности.

Французский ученый Жан-Люк Моро, почетный профессор Удмуртского государственного университета, несомненно, внес своим трудом достойный вклад в развитие удмуртского языкознания. Книга представляет интерес для любого лингвиста, прежде всего для специалистов по финно-угорским языкам, так как дает возможность увидеть явления удмуртского языка в контексте других языков.

Литература

1. *Ганеев И., Перевозчиков Ю.* Марым, лэся... «Кажется, однако...»: Удмуртский язык для начинающих: Учеб. курс. Ижевск: Удмуртия, 2005.
2. *Каракулов Б. И.* Удмурт кыллы дышетскиськом: Учеб. пособие. Глазов: ГГПИ, 2007.
3. *Кралина Н. П., Долгина Н. П.* К переводам стихотворений Жан-Люка Моро // Moreau Jean-Luc. *L éléphant rose et la souris blanche: Roèmes = Моро Жан-Люк. Розовый слон и белая мышь: Стихи / Худож. пер. Н. П. Кралиной; подстроч. пер. с фр. Н. П. Долгиной; Сост. Т. И. Зеленина, Н. П. Долгина.* Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2000. С. 6–8.
4. *Решетникова А. Е., Загуляева Б. Ш., Юмина Т. Ф.* Быдзым лыдзет дауре: мультимедийный курс удмуртского языка. Ижевск: ООО «Форма-Пак», 2006.
5. *Тимерханова Н. Н.* Удмуртский язык: Учебник для начинающих. Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2006.
6. *Jean-Luc Moreau.* Parlons oudmourte (Ойдолэ вераськом удмурт сямен): Une langue finno-ougrienne. Un peuple d'Europe. Paris: L'Harmattan, 2009. 276 p.

Р. О. Исхакова

Курский государственный университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАНЦУЗСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ПИЩИ (ЕДЫ)

В статье рассматривается культурный потенциал гастрономических знаков (названий продуктов питания), их лингвокультурные характеристики: семантические, синтаксические, стилистические, а также их функции во французском языке.

Ключевые слова: символы национальной культуры, национальная самоидентификация и идентификация, национальная и региональная кухня.

Ramilya Iskhakova

Kursk State University

LINGUISTIC AND CULTURAL CHARACTERISTICS OF FRENCH FOODSTUFF NAMES

The article deals with the cultural potential of gastronomic names (foodstuff names) and their linguistic and cultural characteristics: semantic, syntactic, and stylistic as well as their functions in the French language.

Keywords: symbols of national culture, national self-identification and identification, national and regional cuisine.

О культурном потенциале наименований еды (продуктов питания) отечественные и зарубежные исследователи заговорили лишь в последнее десятилетие, отмечая их особую значимость в понимании культур других народов. Различные аспекты гастрономических знаков исследуются в основном на материале английского, русского и немецкого языков. Вместе с тем, многие вопросы, касающиеся основных характеристик и функций гастрономических знаков, их классификации не являлись предметом системного анализа на материале французского языка.

Классификация гастрономических знаков может быть осуществлена с учётом различных признаков: синтаксических, семантических, стилистических, морфолого-синтаксических.

С учётом синтаксических признаков наименования еды могут быть выражены:

- **словами:** la ratatouille, un rôti, les frites;
- **словосочетаниями:** la poule au pot, le coufit d`oie, une tarte de fruit.

Названия пищи широко представлены во фразеологизмах, устойчивых сравнениях, пословицах, поговорках и афоризмах. Приведём лишь некоторые из них:

- **фразеологизмы:** raconter des salades, tourner au vinaigre, promettre plus de beurre que de pain, aller à la soupe;
- **устойчивые сравнения:** bon (ne) comme du pain, être trempé comme une soupe, retourner quelqu`un comme une crêpe;
- **пословицы и поговорки:** beauté sans bonté est comme vin éventé; gagner son pain à la sueur de son front; A bon vin, bon cheval;
- **афоризмы:** «Le pays qui a plus de 300 espèces de fromages est ingouvernable» (Ch. de Gaulle); «Un repas sans fromage est une belle à qui il manque un œil» (A. Brillat-Savarin).

Классификация наименований пищи на основании семантических признаков тесно связана с функцией, которую они выполняют в языке. Как и в других языках, во французском языке гастрономические знаки выполняют, прежде всего, **номинативную** функцию. К ним относятся:

- собственно знаки пищи и её компоненты. Ср.: *la soupe au lard avec saucisses et légumes; le coq au vin, la tarte aux abricots*;
- знаки, обозначающие место происхождения продукта или способ его приготовления: *jambon de Paris, œufs lorraine, riz créole*. Причём место происхождения или способ приготовления может указываться как прямо (*la saucisse de Toulouse, café Breton*), так и косвенно (*le Camembert, le Roquefort, le Calvados* – кальвадос (яблочная водка), который(ая) производится в нескольких районах Нормандии).

Основная функция наименований подобного рода – назвать блюдо, тот или иной продукт питания.

Другая важная функция знаков гастрономического дискурса в определении А. В. Олянича [9. С. 345] – **квалификативно-оценочная**. Исследователи уже давно отметили способность слов данной тематической группы к употреблению в переносном значении. Образность переносных значений в подобного рода примерах предстаёт в обрамлении целого ряда коннотативных признаков, дополнительных ассоциаций, понятных только для представителей данной культуры. Ср.: *Par ici, la bonne soupe (=A moi, à nous) l'argent, le bénéfice. Comme l'assiette au beurre ou la part de gâteau, la soupe symbolise le profit* [13]. В качестве созначений в этих названиях нередко выступают такие признаки, как оценочность, экспрессивность и эмоциональность. Именно поэтому в работах по семасиологии и стилистике нередко пишут об «эмоционально-оценочных элементах, ... об экспрессивно-оценочных значениях и т. п.» [11. С. 34]. В нашей работе важнее другое. Наименования продуктов питания можно отнести к знакам вторичной номинации. При этом переносное значение большинства слов несёт отрицательную эмоционально-оценочную окраску, что объясняется их принадлежностью к просторечной и арготической лексике [7. С. 45]. Гастрономические знаки могут употребляться для обозначения внешнего вида, моральных и социальных характеристик человека. Ср.: *tourte* (f) – круглый пирог с начинкой → идиот, дурак, балда; *boudin* (m) – кровяная колбаса → некрасивая полная женщина; *crêpe* (f) – блин → балда, олух, дурак.

С точки зрения структурно-морфологического признака наименования пищи могут быть частью сложных слов, образованных словосложением: *papa-gâteau* (fam.), *grand-mère-gâteau* (fam.) – *qui gâte beaucoup un enfant*. Заметим, что слово *gâteau* в качестве определения употребляется со многими терминами родства и означает «чрезмерно балующий» (детей), «ужасно добрый»; *mémé-confiture* (*grand-mère très dévouée à ses petits enfants* [12]); *homme-sandwich* (m) – человек-реклама.

Таким образом, гастрономические знаки могут быть классифицированы по стилевой принадлежности, по синтаксическому, структурно-морфологическому и семантическому признакам.

Анализ примеров с точки зрения коннотативного потенциала продуктов питания, как знаков культур, показал, что они могут быть выделены в следующие **тематические группы**:

1. *Характеристика внутренних качеств человека:*

- черты характера человека (злого, доброго, пассивного, малодушного и т.д.). Ср.: *avoir un cœur d'artichaut* – быть малодушным; *être bon comme un bon pain* – быть добрым, хорошим человеком; (*être*) *soupe au lait* (fam.) – вспыльчивый, горячий (человек), как порох;
- характеристика интеллектуальных качеств человека: *crêpe* (f) – балда, олух, дурак; *tourte* – глупый, неумный; или выражение из молодёжного сленга: *C'est un steak en maths*. – Это гений в математике;
- особенности протекания психических процессов личности. Ср.: *avoir la patate* – быть в отличном настроении; *en avoir gros sur la patate* – пасть духом, быть расстроенным; *en être comme une saucisse* – быть в крайнем смущении.

2. *Характеристика внешнего облика человека, его физических качеств:* *avoir de la brioche* – иметь животик, брюшко; *saucisson de Bologne* – толстый коротконогий человек, коротышка; *œufs sur le plat* (pop.) – плоская грудь.

3. *Отношение к труду* (к процессу его выполнения и результату): Ср.: *C'est du biscuit (de la tarte, du gâteau)* – это легко, просто, элементарно, это пустяки [5]; *c'est du mille-feuille* – это проще простого, это раз плюнуть [4]. Ср. также их антонимические варианты: *C'est pas, ce n'est pas de la tarte (du beurre, du mille-feuille)*; *c'est pas de la brioche* – Это тяжело, нелёгкое дело, не пустяк.

Наименования продуктов питания, как часть национальной культуры, нередко являются средством выражения национальной самоидентификации и идентификации. Национальная самоидентификация, как правило, связана с продуктами, которые являются символами в национальной культуре страны в целом. Во Франции к ним относятся многочисленные виды сыров, вин, наименований хлеба, фуа-гра и т. д. К ним следует добавить и традиционные региональные блюда, которые также являются важными знаками национальной самоидентификации французов [6. С. 71]. Ср.: *la bouillabaisse* – уха по-марсельски (популярное блюдо провансальской кухни); *la choucroute* – кислая капуста (одно из известных блюд эльзасской кухни) [2] и т. д. Таким образом, национальная самоидентификация французов связана с продуктами, являющимися символами в национальной культуре страны в целом и её регионов.

Что же касается национальной идентификации других народов, она основана на представлении одних народов о типичной культуре потребления в той или иной стране. Речь идёт о гастрономических штампах, о стереотипных ассоциациях с тем или иным этносом. Другое дело, что данный стереотип не всегда может быть объективен. Ср.: «Французы похожи на нас, на всех европейцев, но французы – «лягушатники». – «Спросите у первого встречного: «Что едят французы?». Бьюсь об заклад, что, если вам вообще ответят, ответ будет: «Лягушек!». Однако, как это часто бывает, ... это неверно. Статистические опросы показывают, что 50% французов никогда в жизни лягушек не пробовали» [10. С. 74]. К примеру, англичан французы называют *les rostbifs*, поскольку «ростбиф» – национальное английское блюдо, а итальянцев по той же причине – «*les macaroni*».

Важным семантическим свойством гастрономических знаков является их идеологическое содержание. Многие наименования продуктов питания с учётом их доступности-недоступности отражают социальное положение говорящего, являются символом богатства или бедности. Вся история человечества свидетельствует о том, что во все времена и во всех странах существовала пища для потребления бедных и богатых. О социальном расслоении речь идёт даже в тех случаях, когда продукт питания, вроде бы, тот же, но различается по своему качеству (способу приготовления). Интересный пример приводит Ф. Бродель, говоря о четырёх разновидностях хлеба, существовавших в XVI в. в Пуатье: хлеб шуан без соли, солёный хлеб шуан, хлеб «*safleur*» и хлеб «*ребуле*». «Пшеничный хлеб и белый хлеб, хлеб шуан [...] долгое время оставались предметом роскоши. Отсюда и старая поговорка, которая советовала не съедать сразу же свой шуан» [1, 151]. «Как бы ни назывался этот белый хлеб, заключает автор, он существовал давно, но исключительно для потребления богатых» [там же].

Приведём ещё один пример с одним из основных продуктов питания в рационе народов мира – с мясом. В XVI в. в Париже «свинина – привычная пища бедных людей» [там же. С. 209]. Начиная со второй половины XVI в., мясо и вовсе становится предметом роскоши. Солонина становится обычной пищей для бедных. «Солёная говядина и ... солёная свинина, отмечает Ф. Бродель [1. С. 215], входила в скудный мясной рацион европейской бедноты от Неаполя до Гамбурга и от Франции до окрестностей Санкт-Петербурга. Примеров подобного рода можно привести множество. Вероятно, в культуре каждого народа можно выделить продукты питания, являющиеся «символом бедности» или «символом богатства». Разумеется, здесь важно уточнить национальную принадлежность продукта питания и, как справедливо отмечает А. В. Олянич, «трансформацию доступности продукта с течением времени» [9. С. 348], т. е. их семантическую и диахроническую нестабильность. Так, сахар был роскошью до XVI в. в Западной Европе, а во Франции оставался предметом роскоши до конца XVIII в. Среднее потребление сахара для всей Франции в 1788 г. – 1 кг. на 1 человека

[1. С. 244]. Перец оставался роскошью до конца XVII в. Роскошью были и спиртные, и первые «аперитивы» во времена Екатерины Медичи. В истории нашей страны тоже существуют примеры подобного рода. Например, на Руси соль была очень важным пищевым продуктом, так как это был единственный консервант. Кроме того, «это был почти единственный покупной продукт в натуральном хозяйстве крестьянина» и стоил достаточно дорого» [3. С. 480]. Отсюда и выражение «пуд соли съесть» (с кем-либо) обозначает «хорошо узнать кого-либо. Поскольку дорогую соль расходовали «по щепотке», поэтому «пуд соли» можно съесть» только за долгий срок» [там же]. В наши дни соль – очень дешёвый и доступный продукт. И, наконец, национальный продукт русских – картофель. В петровскую эпоху есть картофель было привилегией приближённых царя. Её, как европейский деликатес, подавали на пирах. Сегодня «для русских – это эталон скудного питания», отсюда фразеологизм «сидеть на одной картошке» [8. С. 51]. Увы, ни в одной национальной кухне картошка не удостоилась статуса деликатеса. Сегодня этот продукт (*potmes de terre*) почти изгнан за пределы «*haute cuisine*». Серьёзные французские повара почти не обращают на неё внимания: картофель находится в числе «дополнительных гарниров», а кулинарный авангард заменяет его какой-нибудь тыквой или бататом. Кроме того, в Европе наблюдается снижение потребления картофеля. Все худеют... Но, по мнению экспертов, именно картошка может стать «вторым хлебом» на земле. Не случайно 2008 г. был объявлен ООН годом картошки, дабы обратить внимание на ту роль, которую она может сыграть в искоренении нищеты в мире.

Таким образом, семантическая и диахроническая нестабильность названий продуктов питания проявляется в том, что знак «кочует» по шкале семантической ценности от доступного к недоступному, от недоступного к доступному.

Литература

1. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986.
2. Веденина Л. Г. Франция. Лингвострановедческий словарь. М.: Интердиалект+, 1997.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005.
4. Гак В. Г., Ганишина К. А. Новый французско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1993.
5. Гринёва Е. Ф., Громова Т. Н. Словарь разговорной лексики французского языка. М.: Рус. яз., 1986.
6. Загряжская Т. Ю. Франция в культурологическом аспекте. Учеб. пособие для вузов. М.: Стратегия, 2007.
7. Исхакова Р. О. К семантической и функциональной характеристике эмотивной лексики (на материале существительных названий лиц) // Семантические и функциональные аспекты романских и германских языков: Межвуз. сб. науч. тр. Курск, 1991. С. 43–53.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология. Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Академия, 2001.
9. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. Волгоград, 2007.
10. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. 3-е изд., М.: Едиториал УРСС, 2003.
11. Харченко В. К. Переносные значения слова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989.
12. Guillemard C. Les mots d'origine gourmande. P., 1986.
13. Rey A, Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. 2e éd., P., 1993.

Ю. Н. Кочурова

Удмуртский государственный университет

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ (на материале английского и французского языков)

Интернационализмы французского происхождения существуют во многих мировых языках. Английский язык испытал на себе сильное французское влияние в области лексики. Французские слова, проникшие в английский язык в разные периоды его развития, переживали разные виды семантических трансформаций.

Ключевые слова: слово, интернационализмы, семантическое значение, семантические трансформации.

Yulia Kochurova

Udmurt State University

DIACHRONICAL SEMANTICS OF INTERNATIONAL WORDS (based on the study of English and French)

International words of the French origin exist in many languages of the world. The English language experienced a strong French influence in the lexical domain. French words penetrated into the English language in different periods of its development and went through various semantic transformations.

Keywords: word, international words, semantic capacity, semantic transformations.

Слово – важнейшая категория языка. Все наши знания так или иначе взаимодействуют со словами. Язык и мышление, язык и наука – это силы, постоянно и глубоко взаимодействующие [1. С. 122].

Главная особенность слова – способность обозначать частное и общее, конкретное и абстрактное, буквальное и переносное, т. е. многозначность. Многозначность слова глубоко и принципиально отличает естественные языки от искусственных кодовых построений, именно она наделяет языки человечества огромными выразительными возможностями. Полисемия органична и внутренне обусловлена, она предопределена природой самого языка, способного к постоянным обобщениям [1. С. 126–127].

Еще В. В. Виноградов писал: «Вне зависимости от данного употребления, слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» [2. С. 14].

Полисемичными могут быть как исконные, так и заимствованные лексические единицы. В любом языке среди заимствований можно выделить группу слов, которые существуют и в других языках, это так называемые интернационализмы, или интернациональная лексика. Интернационализмы представляют собой лексические единицы, которые имеют схожую внешнюю оболочку, т. е. совпадают на уровне формы, но, кроме этого, имеют, как правило, совпадения на уровне значений. Случалось так, что одно и то же слово заимствовалось несколькими языками, однако зачастую время вхождения в языки-реципиенты разнится, что, прежде всего, связано с экстралингвистическими факторами.

Любое слово многогранно не только в его современном функционировании, но и в процессе его исторического развития. Изучение истории отдельных слов помогает выявить закономерности и типы семантических преобразований. Направление развития отдельных слов, принадлежащих к одной части речи, свидетельствует о направлении развития словарного состава языка в целом.

Развитие и совершенствование лексики обуславливается противоречием между ее возможностями в каждую историческую эпоху и растущим стремлением людей выразить свои мысли и чувства адекватнее, стилистически разнообразнее и точнее. Подобное противоречие выражает внутреннюю сущность процесса развития языка и органически связано с мышлением. При этом важно не только количественное изменение лексики, но и ее

качественное преобразование. Весьма существенен и тот фон, на котором она развивается, что подтверждает глубокое взаимодействие внутренних и внешних условий развития языков в разные эпохи [1. С. 35].

В нашем исследовании рассматриваются интернационализмы французского происхождения в английском языке. Общеизвестно, что французский язык внес огромный вклад в английский словарный состав. Триста лет французского доминирования в Англии оказали на английский язык такое влияние, какое английский язык не испытывал ни до, ни после Норманнского завоевания [5. С. 153]. Взаимодействие двух языков началось с давних пор, еще с X в. и продолжается, хоть и не так активно, по сей день. По оценкам исследователей, общее количество французских заимствований в современном английском языке насчитывает около 7 тысяч слов. Некоторые из этих слов являются интернационализмами. В нашем исследовании было рассмотрено около 500 интернациональных слов французского происхождения в английском языке, взятых нами из Многоязычного словаря на основе французской лексики, заимствованной русским и удмуртским языками [3. С. 73–93]. Ситуация с интернационализмами отражает общую ситуацию с французскими заимствованиями в английском языке, так как наибольшее количество таких заимствований появилось во французском языке в XIII–XV вв., после Норманнского завоевания, а также в связи со Столетней войной (например, такие слова, как *army, button, jelly, style*), а также в XVI–XVII вв., в эпоху Возрождения и Реставрации (*furniture, medal, campaign, detail*). Менее многочисленными являются слова, вошедшие в английский язык в XVIII–XIX вв., что связано с ослаблением французского влияния в Англии (*costume, parquet, visa, manoeuvre*). Меньше всего в изученных примерах слов, вошедших в язык в самый ранний период – в XII в. (*advance, hazard, manner, rent*) и в самый поздний период – в XX в. (*chauffeur, commissar, garage, metro*), что также имеет свои причины. Исследователи отмечают, что проникновение французских слов в английский язык началось не сразу вслед за Норманнским завоеванием, а лишь в XII в. [4. С. 166]. Тот период был только началом данного процесса, что объясняет малое количество заимствованных слов. В XX в. процесс проникновения французских слов в английский язык постепенно угасает, что отражает существующую тенденцию снижения роли французского языка на мировые языки.

Рассмотрим на примере интернационализмов, как происходило семантическое развитие отдельных лексических единиц. Наибольшее разнообразие семантических изменений можно наблюдать в тех лексических единицах, которые пришли и закрепились в языке-реципиенте на раннем этапе взаимодействия двух языков. Это объясняется более долгим периодом пребывания таких слов в языке. Кроме этого, следует отметить, что слова, вошедшие в английский язык в XIII–XVI вв., проникали в язык уже с несколькими значениями слов языка-донора.

Так, слово *billet* в современном английском языке имеет несколько значений, из которых основным является «помещение для постоя солдат». Сравнение основного значения этого слова в английском языке с его значениями во французском языке может вызвать удивление, так как обнаруживаются довольно сильные расхождения: во французском языке данное слово обозначает «записка, письмецо, извещение», «билет, вексель» и т. д., при этом во всех значениях можно выделить общую сему «бумажный, письменный документ». Однако при более тщательном изучении этимологического аспекта этого слова обнаруживается, что слово *billet* было зарегистрировано в английском языке в XV в. со значением «короткий документ», которое отражает значение исконного слова, утраченное в настоящий момент. Позднее, в XVII в., слово приобрело более узкое значение «военный ордер на постой», которое до сих пор существует в языке. Еще два века спустя произошел метонимический перенос значения с документа, позволяющего расположиться в помещении, на само помещение, и слово приобретает значение «помещение для постоя».

Обращает на себя внимание тот факт, что во французском языке слово *billet*, обладающее большим количеством значений, в некоторых из них близко к слову *ticket*: (например, ср. фр. *billet d'avion (de train)* «билет на самолет (на поезд)», но *ticket de bus (de métro)* «билет на автобус (на метро)». Слово *ticket* считается английским заимствованием во

французском языке, что отражается и в его написании. При изучении этимологии этого слова обнаруживается, что в английском языке слово *ticket* появилось в XVI в. и пришло из французского языка, означая «короткая записка, этикетка, вексель» (так называемое «слово-бумеранг»). Позднее слово приобрело большое количество новых значений, став в современном языке многозначным. В XVIII в. в английский язык пришло из французского языка еще одно слово – *etiquette*, имеющее родственную этимологию с *ticket*. Несмотря на то, что слово ассимилировалось фонетически – приобрело акцентуацию по германскому типу (на первом слоге), а в орфографии избавилось от диакретического знака над начальной *e*- (во французском варианте это *é*-), более позднее заимствование не приобрело новых значений и функционирует в языке, обозначая только «этикет; профессиональная этика».

Рассмотрим следующую цепочку слов, являющихся этимологическими дублетами – *gender, genre, genus*. Интернациональным является слово *genre*, которое существует в разных мировых языках, в том числе русском (ср. рус. *жанр*), но слова *gender* и *genus* имеют общую с ним этимологию и также заслуживают внимания. Слово *gender* появилось в английском языке в XIV в. и происходит от старофранцузского *gendre* (имеющего в современном французском языке форму *genre*), которое, в свою очередь, развилось от латинского *genus* «рождение, род». Одним из первоначальных значений было «вид, разновидность», но оно утратилось в современном языке, вторым же сохранившимся значением является «род» как грамматическая категория. Следующим по последовательности вхождения в язык является слово *genus*, которое было заимствовано в XVI в. из классической латыни в область технической терминологии для обозначения «сорта, класса». В еще более поздний период, в XIX в., английский язык вторично заимствовал из французского слово *genre* (не что иное, как видоизменившееся с течением времени *gendre*). Позднее вхождение слова в английский язык обусловило сохранение особенностей французского произношения (наличие носового звука), т. е. слово не ассимилировалось фонетически и воспринимается как иностранное. С семантической точки зрения слово имеет достаточно узкое значение «жанр, манера» и используется для характеристики произведений искусства.

Еще одним примером заимствования, имеющего своеобразную историю своего развития, является слово *budget*. Данное французское заимствование закрепилось в английском языке в XV в. со значением «сумка, мешочек, кошелек» и произошло от старофранцузского *bougette*, уменьшительной формы существительного *bouge* «кожаная сумка». Веком позднее слово приобретает в английском языке значение, образовавшееся при помощи метонимического переноса, – «сверток, запас». В XVIII в. словом *budget* называлось ежегодное выступление канцлера казначейства (министра финансов Великобритании) о состоянии государственной казны, о котором говорили *he opens his budget* «он открывает свою сумку». В дальнейшем *budget* в широком смысле – «финансовая смета доходов и расходов государства», в более узком – «планирование доходов и расходов на определенный период». В этом значении слово проникло и закрепилось в большом количестве языков (ср. рус. *бюджет*).

Заслуживающим внимания примером является слово *career*. Оно появилось в английском языке из французского в XVI в. со значением «беговая дорожка, скаковой круг», в современном языке слово в данном значении является устаревшим. Французским языком слово, в свою очередь, было заимствовано из итальянского со значением «дорога для повозок». Это значение наряду с другими до сих пор присутствует в языке. В XIX в. произошло новое заимствование из французского языка, на этот раз только на уровне значения, так как слово уже существовало в языке: в английский язык вошло значение «жизненный путь», а кроме того, более узкое значение – «профессиональное продвижение, карьера». На данном этапе развития языка именно значение «род деятельности, профессия» является основным значением слова (ср. рус. *карьера*).

Таким образом, анализ рассмотренных примеров показал, что в ходе своего развития с заимствованным словом (в нашем случае интернациональным) могут произойти различные семантические трансформации: возможен переход от частного значения к более общему, сужение значений до узкого, специализированного значения либо перенос значения по смежности.

Литература

1. Будагов Р. А. Язык и культура. Хрестоматия: В 3 ч.: Учеб. пособие. Ч. 1: Теория и практика / Сост.: А. А. Брагина, Т. Ю. Загряжкина. М: Добросвет–2000, 2001.
2. Виноградов В. В. История русского литературного языка: Избр. тр. М.: Наука, 1978.
3. Зеленина Т. И., Загуляева Б. Ш., Буторина Н. В. Многоязычный словарь: на основе французской лексики, заимствованной русским и удмуртским языками. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2003.
4. Ильин Б. А. История английского языка. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во литерат. на иностр. яз., 1958.
5. Расторгуева Т. А. История английского языка: Учебник. М.: Высш. шк., 1983. На англ. яз.

А. Г. Красильников

*Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования
Удмуртской Республики*

КУЛЬТУРОФИЛОСОФИЯ ГУМБОЛЬДТА КАК ПАРАДИГМА ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Влияют ли особенности языка на формирование картины мира? Насколько ментальность человека детерминирована его языковой принадлежностью? Эти вопросы еще в XIX веке поставил Вильгельм фон Гумбольдт. В веке XX на него пытались ответить Уорф и Сепир, Мартин Хайдеггер, Жак Деррида, другие философы и лингвисты. В представленной статье автор, на примере одного из финно-угорских языков (удмуртского), стремится показать, как язык несет ответственность за картину мира.

Ключевые слова: менталитет, картина мира, удмуртский язык, посессивность.

Alexey Krasilnikov

Teachers' Professional Skill Improvement Institute of Udmurt Republic

HUMBOLDT'S PHILOSOPHY OF CULTURE AS A PARADIGM FOR ETHNIC MENTALITY STUDIES

Is man's mentality determined by his mother language? Does language form a picture of the world? In early XIX-th century Wilhelm von Humboldt raised these questions for discussion. Many linguists and philosophers of the XX-th century – Whorf and Sapir, Derrida and Heidegger – answered them in their own way. The author of the article below uses the samples of Udmurt language (category of possession) to show that language is responsible for creating mental picture of the world.

Keywords: mentality, picture of the world, Udmurt language, category of possession.

Проблема языка и картины мира дебатировались в социогуманитарных науках уже третье столетие. Начало этому положил своими культурфилософскими трудами еще в XIX в. великий Вильгельм фон Гумбольдт, утверждавший, что «языки являются для наций органами их оригинального мышления и восприятия» [1. С. 324]. В 30-х гг. XX в. американские лингвисты Б. Уорф и Э. Сепир, изучая языки американских индейцев, пришли к выводу о влиянии языка на формирование моделей человеческого сознания. В своей наиболее радикальной формулировке теория Уорфа – Сепира не была однозначно воспринята лингвистическим сообществом, но дала дополнительный импульс интереса к вопросу о соотношении языковых структур и мыслительных представлений.

Во второй половине XX в. Мартин Хайдеггер, Жак Деррида вернули проблему в лоно философского осмысления. Для Хайдеггера путь к языку означает путь к бытию. А поскольку бытие и истина суть равнозначальны, то язык становится путем обнаружения истины [2]. На язык, таким образом, возлагается ответственность за создаваемую им картину мира.

Деррида, рассматривая философию Гуссерля, поставил вопрос: возможно ли вообще независимое мышление, если наше сознание через язык замусорено всевозможными клише, принимаемыми сознанием как данность? Картина мира, таким образом, «контрабандой» протискивается посредством языковых выражений. Следовательно, человек через язык оказывается жестоко детерминированным идеологией, полом, образованием и т. д., в том числе – детерминированным своей этнической принадлежностью [3. С. 51–52].

Лингвисты и психологи конца XX в. также отдавали дань внимания этой теме [4]. Американский психолог Дж. Миллер настаивал, что ум человека питается лингвистическими символами, а механизмы грамматики и словаря управляются определенными психосоциальными двигателями [5].

Если языковые правила являются частью когнитивного аппарата, то систему языка можно рассматривать как «текст», расшифровка которого дает возможность понять работу тех самых «психосоциальных двигателей», о которых говорит Дж. Миллер. Более того, анализ способен выявить и фрагменты более ранних, архаических представлений человека о мире. Носители родного языка лишь в некоторых случаях отдают себе отчет в существовании подобных «экстралингвистических» факторов. Однако эти факторы чрезвычайно интересны сами по себе как свидетельства архаической ментальности и миропостижения человека прошлых эпох.

Велика вероятность, что эти факторы, бессознательно проникающие в субъективный мир современного человека вместе с родным языком, способны в какой-то степени воздействовать на его повседневное поведение, на его взаимодействие как с вещной, так и с духовной реальностью.

Корни всех психолингвистических и философских дискуссий о взаимосвязи языка и мышления тянутся к Гумбольдту. Поэтому отсылка к нему читателя Мартином Хайдеггером в своем «Пути к языку» вовсе не случайна.

В философско-лингвистическом наследии Гумбольдта в контексте поставленной проблемы «язык – картина мира» основополагающей является идея взаимосвязи характера языка с характером народа, их корреляция [6]. Идея корреляции проходит через основные культурантропологические работы Гумбольдта. Она заявлена в названиях: «О различиях строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества», «О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие», «О возникновении грамматических форм и их влияние на развитие идей», наконец, «Характер языка и характер народа».

Пафос Гумбольдта заключался в утверждении триединства языка, народа и его истории. Особый интерес для нас представляют следующие положения Гумбольдта.

1. Особенности истории этноса и языка этноса тесно переплетаются. Язык связывает времена (прошлое и настоящее), так как передает духовный опыт от поколения к поколению. Транслируя опыт предков, он формирует новые поколения по их образцу и подобию. При этом новому поколению через язык могут передаться и принадлежащие минувшим эпохам части духовного опыта этноса, которые уже неактуальны, поскольку они не адекватны тем новым условиям бытия, в которых оказались потомки.

2. Язык и мышление взаимодействуют: язык формирует мировидение, иными словами, он ответственен за картину мира.

3. Через язык мы можем приблизиться к пониманию того смутного, не поддающегося четкому определению, ускользающего от схватывания, но, несомненно, существующего как внутренний стержень любого этноса и, может быть, являющегося важнейшей этнотворящей силой. Это нечто, очень ясно и одновременно бесконечно сложно обозначаемое через «мы, отличающиеся от других», в терминологии прошлых веков называлось «характером» народа, «духом» народа. XX век предложил ему новое обозначение – менталитет.

Хайдеггер, не переставая удивляться гумбольдтовским «прозрениям в существо языка», заявлял, что «язык есть дом бытия», а человек «встроен в язык» [7. С. 272–273]. Характерно определение Хайдеггером существа языка. Его он определяет как «каз». Вслушиваемся в язык вместе с Хайдеггером [8. С. 13]. С-КАЗать – значит поКАЗать, объ-ЯВИТЬ, дать видеть, слышать, сКАЗ есть уКАЗывание.

Рассмотрим путь, которым язык способен поКАЗать этническую ментальность. Поскольку этноментальное есть воплощение сущностного ощущения «мы, отличающиеся от других», оно оче-виднее («плотнее», «гуще») всего про-является при чувственном восприятии первофеноменов бытия. Одним из них является пространство. Именно в нем разворачивается бытие этноса.

Собственное существо пространства, выявляющееся из него самого, Хайдеггер определяет как принадлежность. Можно сказать, что пространство про-является, т. е. становится чувственно воспринимаемым только через его присвоение, притяжение к себе, обладание.

Обладание невозможно без разграничения, без по-КАЗа границ обладаемого. Присвоение пространства есть собственно свойство дочеловеческое, если не есть вообще универсальное свойство живого. По наблюдениям этологов и зоопсихологов, лишение животного его пространства (или существенное ограничение) может привести к гибели живого организма.

Присвоенное живым организмом пространство (территория) не только снабжает его пищей, но и регулирует процесс репродукции. Пространство ощущается животным как реализация собственной жизни: оно метится, контролируется, охраняется. Общебиологические механизмы, по наблюдениям психологов, встроены и в пространственное поведение современного человека. Они связаны с «тенденцией организма создавать личное пространство и сохранять вокруг соответствующие дистанции» [9. С. 128]. Нарушение дистанций вызывает стресс [10. С. 297–307]. Общебиологическая инерция восприятия человеком пространства очень явственна в мифопоэтическом сознании (ритуалы, связанные с обходом сакрального пространства и т. п.).

Итак, образующей пространство проекцией является его присвоение, обладание им. Без акта присвоения пространство остается той неопределенностью, о которой невозможно составить представление, оно остается аристотелевской «трудноуловимостью». Присвоение пространства обозначается через установление границ. Установка границ есть расстановка мет (знаков) – от биохимических (мечение территории животными) до звуковых (пение птиц) [11. С. 278–279].

Язык устанавливает границы через категорию посессивности [12. С. 1–5]. Поскольку исходной формой отношений человека с миром была, вероятно, уходящая в дочеловеческое оппозиция одной общности другой («в основе всех организованных сообществ лежит социальная реакция – реакция на другие организмы» [13. С. 109]), одновременно с «нашим» возникает «не-наше» (чужое, их) [14. С. 284]. Присвоенное «нами», обладаемое нами есть «наше», находящееся за границей обладания есть «не-наше» / чужое. Поразительна в этом контексте догадка Ортеги-и-Гассета: «Человек познает себя через то, чем владеет. Притяжательное местоимение старше личного» [15. С. 212]. Сначала возникает «наше» и «не-наше». «Не-наше» навсегда остается чужим – «их». «Наше» позже распадается на «мое» и «твое».

Эта посессивная модель, свойственная современному русскому языку, как и многим другим индоевропейским языкам, закладывает сознанию мироприсваивающую перспективу, а через нее и пространственную картину мира. Есть, однако, языки, в которых процесс присвоения организован в несколько иной перспективе. Вполне возможно, что эта перспектива является тем «наследием эпох», о которых говорил Гумбольдт. Однако важно то, что наследие еще «работает», моделируя бессознательно психологические и поведенческие стереотипы человека конца XX в.

В одном из финно-угорских языков, в удмуртском, система про-явления пространства через его присвоение выглядит следующим образом:

1. *Асьмелэн* – наше, являющееся нашим для всех нас (наше тотальное). Оно противостоит *соослен*, «их», т. е. чужому. 2. *Милям* – наше более узкой группы людей (наше локальное), противостоящее «нашему для всех нас», а через него – «их». 3. *Мынам* – «мое», противостоящее и «нашему узкой группы», и «нашему для всех нас», а через это «их», чужим.

Безусловно, нашим для всех нас (*асьмелэн*) для удмуртского сознания являются природно-космические явления (солнце, луна, звезды). В силовом поле притяжательного местоимения *асьмелэн* находятся понятия Бога, родного края, этнической общности, удмуртской истории, ценностной аксиологии, литературы, искусства, верования предков и т. д. Иными словами, то, что находящееся в области «сакральной» или основ этнической памяти и бытия всегда и безусловно будет *асьмелэн*.

Природному, повседневному надлежит пребывать в парадигме «нашего локального». Это лес, река, дорога, деревня, поле, семья, быт и т. п. Однако если вещи нашего локального мира находятся на границе притяжения / обладания и других тоже или они попадают в поле тяготения сакрального (например, роща, воспринимаемая как Священная), они становятся *асьмелэн* – нашим общим достоянием. Так, река, протекающая по границе притяжения двух деревень, будет *асьмелэн* для жителей обеих деревень, но *милям* – для обитателей каждой из них.

«Мое» (*мынам*) ютится на самом дне повседневности, ему достается лишь то, что смогло ускользнуть из силового поля общего тотального и общего локального притяжения.

Вполне вероятно, что такая посессивная модель является «лингвистическим консервантом» каких-то сторон организации прошлого бытия удмуртов. Так, по представлениям этнологов, удмурты еще в конце XIX в. сохраняли элементы воршудной (родовой) этноструктуры. При родовой организации у каждой воршудной группы была своя территория (выл) с укрепленным поселением (кар). Прирост численности населения приводил к возникновению вокруг кара нового типа поселения – неукрепленных гуртов или вильгуртов (новых деревень). У них была своя территория, входившая, однако, в общую территорию рода [16. С. 84].

Следы «принадлежащего эпохам» регистрируются историками и в экономической жизни удмуртской деревни конца XIX в. Довольно типичной была локализация группы близких родственников в одной части поселения. Эта группа родственников сохраняла элементы хозяйственной, общественной и идеологической общности. Они могли сохранять наследственным право на усадебные постройки и пахотные участки земли, широко использовали обычай взаимопомощи (*веме*), вместе отправляли религиозные церемонии. Сохранялись постройки, являвшиеся собственностью группы родственников или даже всей деревни – склады, молитвенные строения (*бадзым куа*) и т. п. [17. С. 34, 108, 172].

Тексты молитв (*вось гур'ы*) древнеудмуртских родов [18] отчетливо доносят до нас традиционные способы упорядочивания пространства через им-обладание, его-присвоение. Род являет себя в молитве перед Богом, очерчивает границы своего «вот-мы-все-есть перед Тобой» всегда через *асьмелэн*. Род про-является перед всевышним как тотальность. *Бöляк*, более узкое объединение родственников, осознает свои границы в парадигме *милям*. Образовавшая новый *гурт* часть рода также ощущает себя в рамках притяжения локальной общности (*милям*).

Тексты молитв дают нам возможность увидеть, как ведут себя вещи, оказавшись на границе притяжений двух обладателей. Так, деревня, в силу ряда причин ставшая территорией проживания двух родов, проявлялась в сознании людей как одновременная разделенность и целостность. Две разно-родности отчуждались друг от друга посредством разделяющего «*милям*». Но гравитационное поле совместного проживания и в этом случае формировало, безусловно, более сильные структуры «*асьмелэн*», нашего для всех нас, прежде всего в контексте общения с сакральным.

Трехзвенная посессивная модель удмуртского языка психологически органично интерпретировала и недавний уклад деревенской жизни. Колхоз и все принадлежащее ему – *асьмелэн*, дом человека и его подворье – *милям*, личные вещи в доме и на подворье – *мынам*.

Картина мира, генерируемая силовыми полями трех посессивов, создает любопытную модель взаимоотношения человека с окружающим миром. «Я», выходя из своего (*мынам*) дома / пространства, оказывается в «нашем локальном» (*милям*) обжитом, знакомом пространстве / мире. Продвигаясь дальше, «Я» переходит границу «нашего локального», зная, что и в дальнейшем он будет среди своих, потому что пространство еще «наше общее»

для всех» (*асъмелэн*). И только в этом третьем мире / пространстве «Я» готовится к встрече с чужим. В упорядоченной посредством языка картине мира удмурта не наше / чужое пространство оказывается отодвинутым в область «четвертого царства», оно располагается за двойными защитными стенами «нашего локального» и «нашего общего».

Однако в условиях изменившейся социальной жизни этноса «двойные стены защиты» являются не более чем миражом, гулом «ушедших эпох». Структурирование пространства через формулу «мое – наше – наше общее для всех – чужое» становится опасным для «Я», потому что сегодня чужое расположено очень близко, сразу за «нашим локальным». Однако носитель языковой инерции продолжает вести себя на «чужой» территории так же, как на «нашей», – просто-душно, открыто, доверчиво (ведь свои не должны обманывать, подводить!), ожидая от «чужих» дружественных поведенческих стереотипов. В результате такая языковая инерция восприятия удмуртом пространства часто приводит к ступору, фрустрации. Он ощущает себя обманутым, намеренно униженным. «Определенные языковые формы, несомненно, дают определенное направление духу, накладывая на него известные ограничения» [19. С. 326].

Призраки внутреннего этнического мировидения, как правило, не воспринимаются другими народами, «поскольку человеческая душа есть колыбель, родина и жилище языка, все его особенности остаются для нас незамеченными и скрытыми» [20. С. 326]. Они остаются чуждыми и недоступными людям иначе чувствующих культур. Поэтому правы культурантропологи, настаивающие на необходимости изучения культур не только с внешней («etic») стороны, но и со стороны «emic» [21. С. 15–20], внутренней.

Литература и примечания

1. Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 324.
2. См.: Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.
3. См.: Вайнштейн О. Деррида и Платон: деконструкция логоса // *Arbor Mundi*. 1992. № 1. С. 51–52.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Перев. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001.
5. См.: Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989.
6. См.: Гумбольдт Вильгельм фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
7. Хайдеггер М. Указ. соч. С. 272–273.
8. Правда, с помощью и через посредника-переводчика, который осознает, что возможна лишь очень приблизительная передача хайдеггеровской модели мышления. См.: Бибихин В. В. Дело Хайдеггера // Хайдеггер М. Время и Бытие. М.: Республика, 1993. С. 13.
9. Черноушек М. Психология жизненной среды / Перев. с чеш. М.: Мысль, 1989. С. 128.
10. См.: Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. М.: Наука, 1983. С. 297–307.
11. См.: Дьюсбери Д. Поведение животных. М.: Мир, 1981. С. 197, 217, 278–279.
12. О посессиве см.: Головачева А. В., Иванов Вяч. Вс. и др. Притяжательность (посессивность) и способы ее выражения // Структура текста – 81: Тез. симпоз. / Ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 1981. С. 1–5; Категория посессивности в славянских и балканских языках / Ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1989.
13. Дьюсбери Д. Указ. Соч. С. 109.
14. Для Шпенглера (Закат Европы. М. 1993. С. 284) такая одновременность аксиоматична в принципе: «Бесспорной предстает та с давних пор существующая уже догадка, что все исконные слова, безотносительно к тому, обозначают ли они вещи или свойства, возникают попарно».
15. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 212.
16. См.: Атаманов М. Г. Из истории расселения вордушно-родовых групп удмуртов // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 84.
17. См.: Удмурты. Историко-этнографические очерки / Ред. В. В. Пименов. Ижевск, 1993. С. 34, 108, 172.
18. См.: Бойкова Е., Владыкина Т. Песни южных удмуртов. Материалы и исследования. Ижевск, 1992. Вып. 1.
19. Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс. 1984. С. 326.
20. Там же. С. 326.
21. См.: People in Culture. A Survey of Cultural Anthropology / Ed. Ino Rossi. N. Y. Ch. 3; Pike K. L. Talk, thought and thing: The emic road toward conscious Knowledge. Dallas: Summer Institute of Linguistics. 1993. P. 15–20.

А. О. Кубасова

Санкт-Петербургский государственный университет

ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВА РУМЫНСКИХ АНИМАЛИСТИЧЕСКИХ СРАВНЕНИЙ

Статья посвящена изучению регулярной соотносимости частей тела человека и животных в румынских анималистических сравнениях и выявлению на основе анализа конкретного языкового материала наиболее характерных образных ассоциаций.

Ключевые слова: румынский язык, сравнения человека с животными, соматизмы, оценка.

Anna Kubasova

Saint-Petersburg State University

BODY PARTS NOMINATION AS A BASE OF ROMANIAN SIMILES COMPARING HUMANS WITH ANIMALS

The article is devoted to the analysis of regular correlation between humans' body parts and those of animals in Romanian animalistic similes. The paper reveals the most characteristic figurative associations on the basis of studying the concrete linguistic material.

Keywords: Romanian language, similes comparing humans with animals, body parts nomination, assessment.

Среди сравнений человека с животными в румынском языке значительное место занимают структуры соматического типа, в которых основой уподобления человека животному выступают части его тела: глаза, зубы, руки и т.п. сравниваются в них с аналогичными частями тела животных. Как показало проведенное в кандидатской диссертации [5] исследование, такие сравнения служат, прежде всего, целям оценки человека. В результате анализа конкретного языкового материала нами был сделан вывод о том, что для румынского языка наиболее характерными в данной области являются интеллектуальная, эмоционально-эстетическая и этическая оценки. В работе было показано также и то, что этическая оценка связана с коннотативными значениями зоолексемы и что именно в этой оценочной зоне чаще всего встречаются структуры компрессивного типа. Об этом коротко сказано в автореферате и подробно в тексте самой диссертации. В настоящей статье мы хотели бы осветить вопросы функционирования сравнений соматического типа с несколько иной точки зрения.

Цель данной работы состоит в выявлении относительно регулярных *ассоциативных связей* между определенными частями тела человека и животного, образ которого избирается в качестве эталона сравнения.

I. Первое, что обращает на себя внимание в этой связи, – это практически неограниченная по диапазону сочетаемости с наименованиями животных ассоциативная активность соматизма **ochi** *глаза*²². Орган зрения человека порождает ассоциации чаще всего по цвету глаз, их форме, размеру, блеску, по присущим человеку и, соответственно, животному, особенностям характера (нрава) и поведения. Соматизм *ochi*, судя по примерам из произведений румынских писателей второй половины XIX–XX вв., встречается в сочетании «ochi(i) ca de + эталон сравнения» ‘глаза как у ...’ по меньшей мере с 40–50 наименованиями животных. Однако большинство таких сравнений носит индивидуально-авторский характер. К узуальным среди них можно отнести лишь 15–16. Они и составили предмет рассмотрения в данной части настоящей статьи.

²² Румынские анималистические сравнения с соматизмом «ochi» изучались нами в одной из ранее опубликованных статей [6]. Освещаемые в настоящей статье вопросы дополняют представленные в ней наблюдения.

По нашим наблюдениям, следующие животные чаще всего становятся эталоном сравнения при характеристике глаз человека (мы располагаем их по принадлежности к определенным группам: домашние животные, лесные звери и т. д.):

– **собака** (câine) – по размеру и цвету: ochi(i) mari, negri / galbeni ca de câine²³ ‘... большие, черные / желтые ...’;

– **кошка** (pisică, mîță) – по цвету, форме, блеску: ochi(i) verzi / galbeni, oblici, scânteietori ca de pisică ‘... зеленые / желтые, раскосые, светящиеся (в темноте) ...’;

– **бык** (taur) – по форме: ochi(i) bulbucăți ca de taur ‘глаза навывкате, как у быка’;

– **свинья** (porc) – по размеру: ochi(i) mici ca de porc ‘... маленькие ...’. Иногда дается более развернутая характеристика: ochi(i) mici, rotunzi, umezi, cu gene rari și aburii ca ochii de porc ‘глаза маленькие, круглые, влажные, с редкими и белесыми ресницами, как у свиньи’;

– **волк** (lup) – по блеску глаз: ochii (lui) sticlesc / licăresc / strălucesc / ard ca ochii de lup ‘глаза (у него) блестят / сверкают / горят, как у волка’;

– **заяц** (ierure) – по цвету: ochi(i) roșii / roșcați ca de ierure ‘... красные / красноватые ...’;

– **косуля** (căprioară) – по размеру, внешнему виду и красоте: ochi(i) mari, umezi, blânzi, splendizi ca de căprioară ‘... большие, влажные, добрые, прекрасные ...’;

– **лиса** (vulpe) – по особенностям поведения: ochi(i) șireți ca de vulpe ‘... хитрые ...’;

– **белка** (veveriță) – по форме и живости: ochi(i) rotunzi, vioi ca de veveriță ‘... круглые, живые ...’;

– **барсук** (viezure) – по размеру, цвету и живости: ochi(i) mici, verzi, vioi ca de viezure ‘... маленькие, зеленые, живые ...’;

– **орел** (vultur) – по цвету и зоркости: ochi(i) negri, ageri ca de vultur ‘... черные, зоркие ...’;

– **мышь** (șoarece) – по размеру и форме: ochi(i) mici, rotunzi ca de șoarece ‘... маленькие, круглые ...’;

Среди *домашней птицы* ассоциации возникают преимущественно с глазами круглой формы: ochi(i) rotunzi ca de găină / ca de gânsac ‘глаза круглые, как у **курицы** / **гусака**’; с *ночными птицами* – по размеру, форме и неподвижности: ochi(i) mari, rotunzi, ficși ca de bufniță / ca de huhurez ‘глаза большие, круглые, неподвижные, как у **совы** / **филина**’.

Ассоциативную связь «человек ↔ животное» при характеристике глаз обнаруживают также представители класса *пресмыкающихся* и *земноводных*, а именно:

– **змея** (șarpe) – по размеру, цвету, холодности и злости: ochi(i) mari, galbeni, reci și răi ca de șarpe ‘глаза большие, желтые, холодные и злые, как у змеи’;

– **лягушка** (broască) – по размеру и форме: ochi(i) mari, holbați / bulbucăți ca de broască ‘глаза большие, навывкате, как у лягушки’.

Выбор в качестве эталона сравнения образов домашних животных можно объяснить их близостью к повседневной жизни человека. Но не меньше контактов у носителя румынского языка – жителя сельской местности и с лошастью (cal), и с мелким скотом хозяйственного назначения – такими животными, как коза (capră), осел (măgar) и т. п., а также с такой домашней птицей, как петух (cocoș), однако примеров на сочетаемость наименований этих животных при характеристике глаз человека в изученных румынских текстах не встретилось. В данной связи можно высказать предположение о том, что в восприятии носителя языка признаки самих животных характеризуются некой иерархией: для характеристики лошади, козы и т.п. важнее, чем цвет или форма глаз, хозяйственная ценность этих животных. Волк же, который выходит на охоту чаще всего ночью, дает о себе знать прежде всего блеском глаз, что и находит отражение в сравнениях, и т. п.

В ходе исследования была изучена научная и справочно-энциклопедическая литература о животных, и в некоторых случаях встретившиеся в ней высказывания можно, по-

²³ Приводимые в статье соматические сравнения взяты из картотеки примеров, собранных нами по румынским художественным текстам. Из трех возможных структур с зоонимами: ochii [mari] *ca de câine* / *ca la câine* / *ca ai câinelui* (родительный падеж с предшествующим ему местоименным заместителем определяемого существительного: ai = ochii) ‘глаза [большие], как у собаки’ – первая (... ca de ...) наиболее употребительна.

видимому, рассматривать как подтверждение выявленной при изучении данного языкового материала и з б и р а т е л ь н о с т и зоонимов в сравнениях с соматизмом *ochi*.

Так, например, при описании волка говорится о том, что «в темноте [его глаза] блестят зеленоватым фосфорическим светом» [10. С. 48]. А о змее читаем следующее: «Сухая пленка, покрывающая глаз[a], придает взгляду змеи кажущуюся неподвижность и холодность» [4. Т. 5. С. 259]. Глаза лягушки характеризуются как «большие, очень подвижные, навывкате» [1. С. 494]. То, что информация об особенностях строения и функционирования глаз включается специалистами в описание животных, свидетельствует о несомненной важности данных характеристик. И, вероятно, не случайно у людей возникают соответствующие ассоциации, находящие выражение в соматических сравнениях, целью которых является образная характеристика глаз человека.

II. Другие части тела человека также обнаруживают определенную избирательность эталонов сравнения. Покажем это на примере некоторых из числа наиболее употребительных в румынских соматических сравнениях частей тела, сопроводив приводимые сочетания, там где это возможно, комментариями специалистов-биологов.

Голова (cap)

Лошадь²⁴ (cal) – по вытянутости: cap(ul) *lung / lunguiet* ca de cal ‘вытянутая, как у лошади, голова’;

бык (taur) – по размеру: cap(ul) *mare* ca de taur ‘... большая ...’;

обезьяна (mămuță), **горилла** (gorilă) – по размеру: cap(ul) *mic* ca de mămuță; cap(ul) *mare* ca de gorilă (соотв.) ‘маленькая’ и ‘большая’.

Ср.: «Лошади отличаются (...) худощавой, вытянутой головой» [1. С. 484]; у быка «тяжелая, широкая, низко посаженная голова» [4. Т. 7. С. 510]; мартышки – это обезьяны «с маленькой высокой головой» [2. С. 316]; у горилл «массивная голова с низким лбом» [8. С. 245].

Нос (nas)

Сравнение осуществляется в основном с хищными птицами, имеющими загнутый клюв. Это **орел** (vultur), **ястреб** (uliu), **сокол** (șoim): nas(ul) *coroiat / întors* ca de vultur / ca de uliu / ca de șoim ‘нос крючковатый, как клюв орла / ястреба / сокола’ и т. д. Сочетание *nas de acvilă* или *nas acvilin* (букв. орлиный нос) ‘нос с горбинкой’ включено в словари. Ср.: Для ястребиных характерен «крючковатый клюв» [4. Т. 6. С. 124].

Шея (gât)

Бык (taur) – по размеру, силе, жилистости: gât(ul) *gros, puternic, vânjos* ca de taur ‘... толстая, сильная, жилистая ...’. При ассоциации шеи человека с шеей быка употребляется также существительное *grumaz* ‘загривок’, отмеченное в словаре как просторечное: *grumazul puternic* ca de taur ‘... сильная шея ...’;

индюк (curcan) – по тонкости шеи и ее красноте: gât(ul) *subțire / în piele moale, roșie* ca de curcan ‘шея тонкая (худая) / с мягкой красной кожей, как у индюка’;

лебедь (lebedă) – по длине и гибкости: gât(ul) *lung, mlădios* ca de lebedă ‘... длинная, гибкая ...’;

аист (cocostârc) – по длине: gât(ul) *lung / întins* ca de cocostârc ‘... длинная / вытянутая ...’.

Ср.: у *индюка* «голова и шея голые, сине-красные, бородавчатые; на горле мясистые складки кожи» [8. С. 120]; у *лебедя* «шея очень длинная, равная по длине телу» [4. Т. 6. С. 83]; у *аиста* «длинная подвижная шея» [11. С. 58].

²⁴ Некоторые части тела человека, характеризующиеся через образ лошади, упоминаются в статьях, посвященных анализу данного зоонима во французском [3] и немецком [7] языках. Авторы цитируемых статей подробно на рассмотрении этого вопроса не останавливаются, их исследования проводятся в других направлениях: в первом случае в плане анализа такого качества лошади, как ее работоспособность, во втором – общего анализа семантической структуры этого зоонима. Цель обеих статей – выяснить своеобразие, соответственно, французского и немецкого языков по сравнению с русским.

Зубы (dinți)

Лошадь (cal) – по размеру: *dinți(i) mari* ca de cal ‘... крупные ...’, ср. в рус. языке: лошадиные зубы;

волк (lup) – по цвету, остроте, крепости, размеру: *dinți(i) albi, ascuțiți, tari / puternici, mari* ca de lup ‘... белые, острые, крепкие, большие ...’; а также по блеску: *dinții lucesc / strălucesc* ca de lup ‘... блестят / сверкают ...’. Ср.: Зубы волка «остры и достигают громадной величины» [10. С. 48].

мышь (șoarece) – по размеру: *dinți(i) mici / mărunți* ca de șoarece ‘... маленькие ...’.

Волосы (păr)

Овца (oaie) – по цвету и завитости: *păr(ul) alb / blond / bălan, încrețit* ca de oaie (ca o lână de oaie) ‘волосы светлые, вьющиеся, как овечья шерсть’;

лиса (vulpe) – по цвету: *păr(ul) roș / roșcat* ca de vulpe (ca blănița de vulpe) ‘волосы огненно-рыжие / рыжеватые, как лисий мех’;

еж (arici) – по взъерошенности: *păr(ul) [stă]* ca țepii ariciului ‘волосы [торчат во все стороны], как иглы ежа’.

Рука (-и) (mână / mâini; brațe)

Медведь (urs) – по тяжести лапы и ее волосатости: *mâna greoaie, păroasă* ca de urs ‘тяжелая, волосатая рука, как медвежья лапа’;

обезьяна (mămuță; gorilă, urangutan) – по длине: *mâinile / brațe lungi* ca de mămuță / ca de urangutan; по волосатости: *mâini păroase* ca de gorilă ‘... волосатые ...’.

Ср.: Медвежья – «семейство крупных (...) хищных млекопитающих, с сильными лапами» [1. С. 528]; у обезьян чрезвычайно длинные руки, достигающие ступней ног [2. С. 377].

Как видим, сравнения человека с животными по сходству частей их тела во всех рассмотренных случаях отражают действительное положение вещей в природе. Образы животных, наименования которых служат эталоном сравнений, закреплены в сознании носителя языка как результат жизненного опыта многих поколений. Они же, как правило, отмечаются и в описаниях животных в научной и справочной литературе.

Если посмотреть на положение вещей, взяв за исходный момент не соматизм, а само животное, то окажется, что наибольшим диапазоном частей тела, избираемых в качестве основы сравнения, обладает зооним **лошадь** (cal). Помимо соматизмов **cap** ‘голова’ и **dinți** ‘зубы’ (см. выше) ассоциации возникают с такими частями тела, как:

морда	<i>față lungă</i> ca de cal ‘вытянутое лицо, как [морда] лошади’;
рот	<i>gură mare</i> ca de cal ‘большой, как у лошади, рот’;
челюсть	<i>falcă ieșită</i> ca de cal ‘выступающая, как у лошади, челюсть’;
хвост	<i>păr negru</i> ca o coadă de cal ‘черные, как конский хвост, волосы’.

Ср.: у лошади «имеется (...) сильно развитый зубной аппарат» [12. С. 402]; в процессе эволюции изменилось строение «ротового аппарата: значительно повысилась прочность зубов, челюсти стали более массивными» [9. С. 201].

На основании представленного в статье материала можно сделать вывод о том, что при всей спонтанности возникающих в речи носителя румынского языка ассоциативных связей, отражающих сходство человека и животного в отношении аналогичных частей их тела, они до известной степени у п о р я д о ч е н ы языковым сознанием, так как возникают на базе объективных характеристик соответствующих частей тела ж и в о т н ы х. При изучении румынского языка как иностранного это надо иметь в виду, поскольку характеристики той или иной части тела именно животного порождают в каждом конкретном случае особый образный способ выражения.

В существующей лингвистической литературе мы не обнаружили специальных работ, посвященных анималистическим сравнениям соматического типа не только на материале румынского, но и других языков. Сопоставительные исследования в данной области помогли бы выявить универсалии образного восприятия действительности и выяснить то, что отличает в этом отношении языки друг от друга.

В завершение статьи мне хотелось бы поблагодарить доктора филологических наук профессора Тамару Ивановну Зеленину за приглашение принять участие в настоящем сборнике, передать ей в связи с юбилеем добрые пожелания и выразить свое самое глубокое уважение.

Литература

1. *Брем А.* Жизнь животных: Млекопитающие. Птицы. Рептилии. Земноводные. Рыбы. Насекомые: [Перевод: Современная версия]. М., 2006.
2. *Брем А.* Звери: В 2 т. Т. 1. М., 2000.
3. *Гутман Е. А., Черемисина М. И.* Содержание образа «лошадь» (cheval) в русских и французских текстах // В помощь преподавателям иностранных языков. Вып. 6. Новосибирск, 1975. С. 56–70.
4. Жизнь животных: В 7 т. / Гл. ред. В.Е. Соколов. 2-е изд., перераб. М., 1983–1989.
5. *Кубасова А. О.* Образная характеристика человека в румынском языке через сравнения с животными и зоометафоры (лексико-семантический анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
6. *Кубасова А. О.* Характеристика глаз и взгляда человека через его сравнение с животными (на материале румынских художественных произведений конца XIX–XX вв.) // Проблемы балканской филологии: Сб. ст. / Ин-т лингвистических исследований РАН / Отв. ред. А. Ю. Русаков. СПб., 2006. С. 132–141.
7. *Кудряцева И. А.* К вопросу о семантической структуре зооморфного образа «лошадь» в немецком и русском языках // В помощь преподавателям иностранных языков. Вып. 7. Новосибирск, 1976. С. 61–64.
8. Мир животных. М., 2002.
9. *Плященко С. И.* Корова, теленок, поросенок, жеребенок на подворье. Минск, 1996.
10. *Сабанеев Л. П.* Охотничьи звери / Сост. Е. А. Калганов. М., 1988.
11. Энциклопедия для детей. Птицы и звери / Гл. ред. В. А. Володин. М., 2002.
12. *Яхонтов А. А.* Зоология для учителя: Хордовые. 2-е изд. М., 1985.

Л. М. Малых

Удмуртский государственный университет

СРАВНЕНИЕ РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКОВ: ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

В связи с большим интересом лингвистов к сравнению языков и культур, исследовательская практика существенно опережает теоретическое осмысление происходящих изменений в методологии сравнительных исследований. Появление новых направлений сравнительного языкознания ставит вопрос о подведении всех направлений, связанных со сравнением языков, под одно общее понятие, с одной стороны, и выявлении отличительных черт между ними на основе ряда объективных критериев, с другой.

Ключевые слова: метод сравнения, контрастивная лингвистика, сопоставительная лингвистика, сходства, различия, цель сравнения.

Ludmila Malih

Udmurt State University

COMPARATIVE STUDY OF UNRELATED LANGUAGES: TERMINOLOGICAL ISSUES

The interest of linguists to comparing modern unrelated languages and cultures results in the fact that research outstrips the perception of latest changes in the methodology of language comparison. New trends in synchronic and comparative study of languages on the one hand require a general term for all of them, but, on the other hand, necessitate differentiating among them using objective criteria.

Keywords: the method of comparison, contrastive linguistics, comparative linguistics, similarities, differences, the purpose of comparison.

За длительную историю существования языкознания метод сравнения доказал свою эффективность как способ более глубокого понимания природы языковых явлений. Данный метод оттачивается уже многие десятилетия в нескольких научных направлениях: сравнительно-историческом, типологическом, ареальном, контрастивном и т. д., которые объединяет открытое, т. е. целенаправленное, межъязыковое сравнение. В связи с насущной потребностью внедрения многоязычного обучения интересные частные сравнительные исследования проводятся на факультетах иностранных языков (см., например, исследования вопросов дидактизации результатов сравнительных исследований в Институте иностранных языков и литературы Удмуртского госуниверситета [2; 7; 9]).

Сложность изучения методологии сравнительных исследований связана с тем фактом, что, независимо от частных различий, между ними имеются пересекающиеся зоны как результат использования общего приема изучения языков – сравнения. Это проявляется и в цели сравнительных исследований (в той или иной мере они все направлены на поиск сходств и различий между языками), и методик сравнения языков (как известно, все они основаны на двух основных подходах: от формы к содержанию, или от содержания к форме) и т. д. Данный факт ставит вопрос, с одной стороны, о наличии преемственности между всеми направлениями языкознания, основанными на сравнении, и о необходимости провести определенные пограничные зоны между ними, с другой. В данной статье речь пойдет, главным образом, о взаимоотношениях между теми направлениями, которые в большей степени ориентированы на сравнение языковых фактов современных разносистемных языков на уровне синхронии: типологическом, сопоставительном и контрастивном.

Нужно ли одно общее название для направлений языкознания, занимающихся сравнением языков? Думается, что да, так как их объединяет метод сравнения, что делает их методологию принципиально сходной. Кроме этого, по мнению многих лингвистов, результаты сравнительных исследований, дополняя друг друга, позволяют представить сравнение языков полнее и адекватнее, что свидетельствует о наличии преемственности

между ними. И, кроме того, общее название необходимо для удобства, когда все эти направления рассматриваются в целом, без противопоставления друг другу.

Следует контрастировать, что общий термин для обозначения всех направлений, занимающихся сравнением языков, не найден. Так, предлагается термин «лингвистическая компаративистика» как дисциплина, объединяющая все направления исследования языков на основе сравнения [4. С. 8]. Однако этот термин уже традиционно используется в более узком смысле как синоним генетическому, сравнительно-историческому языкознанию [5. С. 13]. Кроме этого, данный термин стал использоваться в зарубежной философии при сравнении философских систем Востока и Запада – так называемая «философская компаративистика» [11. С. 333].

Непростые содержательные отношения складываются и между терминами «сопоставление» и «сравнение». Так, в паспорте специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» за сопоставительным языкознанием закрепляется большая, неопределенная область сопоставительных исследований, которые не носят выраженный типологический характер. Сравнительно-историческое языкознание по ходу текста называется время от времени сравнительным языкознанием. При этом ряд дисциплин, не различающихся направленностью на диахронию или синхронию, называются в паспорте то сравнительными, то сопоставительными: сравнительная лексикография и терминография; сопоставительная стилистика; сопоставительная семантика; сравнительная социолингвистика [6]. Отсутствие системного разграничения терминов «сопоставление» и «сравнение» еще более очевидно в предлагаемых в паспорте названиях методов, характеризующих рассматриваемые направления сравнения языков (см. табл. 1).

В целом, содержательный анализ обозначенных выше направлений сравнения языков в паспорте специальности позволяет выделить три критерия их сравнения: название направления, название метода, наиболее ярко его характеризующего, а также предмет исследования. Суммировать общее представление об основных направлениях, занимающихся открытым сравнением языков в паспорте специальности 10.02.20, можно с помощью следующей таблицы.

Таблица 1

Основные направления языкознания, основанные на методе сравнения языков,
в паспорте специальности 10.02.20

Направление	сравнительно-историческое языкознание	типологическое языкознание	сопоставительное языкознание
Метод	сравнительно-исторический	сопоставительно-типологический	сравнительно-сопоставительный
Предмет исследования	накопление знаний о предшествующих этапах исторического развития и процедур реконструкции первоначальных и промежуточных языковых состояний, осуществляемых посредством установления соответствий на всех уровнях языка	установления сходства и различия языков (языкового строя) на основе наиболее общих и наиболее важных свойств языка, независимых от их генетического родства и скрытых от исследователя при других лингвистических подходах	установление несоответствия между сравниваемыми языками и отношений контраста

Общий термин для направлений сравнения языков в паспорте не предлагается. Однако потребность в наличии обобщающего данные направления понятия существует. Думается, что наиболее оптимальным термином, который понятен всем лингвистам, не пересекается с названиями других научных дисциплин и отвечает требованию широты охвата всех направлений языкознания, занимающихся сравнением языков, является, на наш взгляд, сравнительное языкознание (данный термин в качестве обобщающего предложен в [5. С. 6]). Сопоставительное языкознание в качестве обобщающего термина менее приемлемо в связи с тем, что за ним традиционно закрепляется одно из направлений сравнения языков, как это видно из табл. 1.

Контрастивная лингвистика упоминается в паспорте специальности 10.02.20, но четко её место в системе направлений сравнительного языкознания не обозначено. Но, так как отмечается ориентация сопоставительного языкознания (см. табл. 1) на выявление расхождений (контрастов), следует полагать, что сопоставительное языкознание и есть контрастивная лингвистика в другой терминологии. Неразграничение сопоставительной и контрастивной лингвистики – достаточно традиционная позиция, зафиксированная в лингвистических терминологических справочниках. Ср.: «Сопоставительный метод – исследование и описание языка через его системное сравнение с другим языком с целью прояснения его *специфичности* (системной идеоматичности). Сопоставительный метод направлен, в первую очередь, на выявление *различий* между сравниваемыми языками и поэтому также называется контрастивным. Данный метод лежит в основе контрастивной лингвистики» [13. С. 481].

На этом терминологический разнобой сравнительных исследований не заканчивается. «Терминологическая игра» превращается в терминологический антагонизм, когда исследование касается сравнения систем типологически и генетически несходных языков на уровне синхронии. Так, далеко не все исследователи согласны с возможностью выделения только типологии и сопоставительного языкознания среди этих направлений сравнительного языкознания. Например, И. А. Стернин считает принципиальным отделение контрастивной лингвистики от сопоставительного языкознания (сопоставительной лингвистики в его терминологии) с учетом четырех выделяемых им критериев: системности / атомарности процедуры сравнения, цели сравнения, особенностей используемого метода сравнения, связи с практикой обучения и перевода.

Цель сопоставительного исследования, отмечает И. А. Стернин, – обнаружение сходств и различий языковых подсистем разных языков. Это, по его мнению, влияет и на применяемый метод сравнения: одноименные подсистемы сравниваемых языков изучаются и описываются автономно, а затем результаты описания подвергаются сравнению [12. С. 15]. Он подчеркивает преимущественно теоретический характер сопоставительной лингвистики в отличие от контрастивной лингвистики. Цель контрастивного исследования – сопоставительное изучение межъязыковых соответствий двух языков для выявления их различий. У контрастивной лингвистики, следовательно, свой метод изучения языка: она изучает отдельные явления и единицы родного языка в сопоставлении со всеми возможными средствами их передачи в изучаемом языке. Результаты контрастивного описания единиц языка могут быть непосредственно внедрены в практику преподавания [12. С. 25]. Суммировать взгляд И. А. Стернина на направления сравнительного языкознания, в которых изучаются языки в синхронии, можно с помощью следующей таблицы.

Таблица 2

Направления сравнительного языкознания в понимании И. А. Стернина

Направление	типология	сопоставительная лингвистика	контрастивная лингвистика
Цель	установление общих типов языков мира	обнаружение сходств и различий языковых подсистем разных языков	изучение межъязыковых соответствий двух языков для выявления их различий
Метод	типологический	сопоставительный (вначале изучаются микросистемы каждого из сравниваемых языков, затем данные микросистемы сравниваются)	? однозначного термина не предложено (изучаются отдельные явления и единицы родного языка в сопоставлении со всеми возможными средствами их передачи в изучаемом языке)
Роль системного подхода	+	+	–
Связь с практикой обучения иностранным языкам	–	–	+

При всей внешней непротиворечивости данной позиции на соотношение направлений сравнительного языкознания, возникают ряд вопросов дискуссионного характера. Интересно в связи с этим привести мнение В. Г. Гака, одного из авторитетных отечественных лингвистов в области сравнительных исследований. В целом, В. Г. Гак выделяет четыре направления языкознания, занимающихся открытым сравнением языков: сравнительно-историческое, ареальное, типологическое и сопоставительное (контрастивное). Как явствует из данной классификации, он ставит знак равенства между терминами «сопоставительная» и «контрастивная» лингвистика, так как, по его мнению, второй термин – дублет, результат влияния английского языка.

Важно отметить методологические последствия отношения к данным терминам как к синонимам: контрастивная (сопоставительная) лингвистика, по мнению В. Г. Гака, выявляет «схождения и расхождения в использовании языковых средств различными языками» [1. С. 9]. Этим данная точка зрения существенно отличается от той, которая представлена в паспорте специальности 10.02.20, где отмечено, что сопоставительное языкознание занимается поиском расхождений между языками, и от позиции И. А. Стернина, согласно которой сопоставительная лингвистика занимается изучением сходств и различий между языками, а контрастивная лингвистика – только различий.

Предложенный обзор точек зрения на содержательные отношения между направлениями сравнительного языкознания, занимающимися изучением разносистемных языков в синхронии, показывает, что за одними и теми же терминами стоят разные методологические установки авторов, и вопрос о назывании того или иного направления сравнительного языкознания – это не просто терминологические предпочтения, это «война идеологий» сравнительных исследований. Очевидно, что особенно непростые отношения складываются между сопоставительной и контрастивной лингвистикой. В связи с этим остановимся на этих двух направлениях подробнее и попытаемся проанализировать причину терминологических и содержательных трудностей их разграничения, взяв за основу их соотношение по цели сравнения языков.

В. Г. Гак рассматривает и сходства, и различия в кругу интересов контрастивной лингвистики на том очевидном для него основании, что при сравнении языков неизбежно отмечаются как сходства, так и различия [1. С. 9]. Суть метода сравнения по определению заключается в двунаправленном результате. Подтверждение этому можно найти в практических выводах контрастивных (сопоставительных) исследований при сравнении как грамматических конструкций, так и лексики разных языков. Подтверждение этой мысли можно найти и в исследованиях, связанных с изучением концептов, для большинства из которых характерен целенаправленный поиск различий. Так, в диссертации Н. П. Савойской, изучающей лингвокультурологические *особенности* (выделено нами. – Л. М.) концепта «вежливость» в казахском, русском и английском языках, результатом исследования являются «как общие значения, так и специфические компоненты, наполненные лингвокультурологическим содержанием, которые необходимо знать и учитывать в процессе межкультурной коммуникации» [10. С. 21].

То, что в межкультурной коммуникации необходимо знать и учитывать только специфическое, является достаточно спорным, на взгляд ряда исследователей, утверждением. Какой механизм лежит в основе взаимопонимания представителей разных лингвокультур? – задают вопрос авторы коллективной монографии «Картина мира и способы её репрезентации». Их мнение: успешность взаимопонимания представителей разных лингвокультур требует наличия следующих условий: 1) общность языковых / речевых навыков; 2) общность (пересечение) образов мира (сознания) [3. С. 67]. Не углубляясь в философские и методологические вопросы соотношения общего и специфического в гуманитарном знании, подчеркнем лишь, что результаты исследований, в основу которых положен метод сравнения, не согласуются с теоретическими установками на поиск исключительно различий, так как сходства неизбежно будут выявляться и играть весомую роль в реальной картине выявленных закономерностей.

Заканчивая тему необходимости обращения как к различиям, так и к сходствам в исследованиях контрастивного характера, следует процитировать мнение В. Н. Ярцевой: системность при рассмотрении отдельных участков сопоставляемых языков, отмечает она, плохо сочетается с теми теориями, адепты которых ищут в языках только несходное, разделяющее, считая именно этот подход спецификой контрастивных исследований. Подобные работы не создают основ для творческого развития контрастивных исследований, так как они не раскрывают диалектическую связь формы и содержания в языке, связь языковых явлений и мыслительных категорий, своеобразие отдельных, единичных языков, сочетающих в своем строе общее и особенное [14. С. 37].

Думается, что эта закономерность (направленность контрастивных исследований на поиск не только различий, но и сходств) касается и контрастивной лингвистики в интерпретации И. А. Стернина. Следует, в связи с этим, еще раз обратить внимание на данную им формулировку цели контрастивной лингвистики, отмеченную выше. Не трудно заметить, что цель является двухуровневой: это и изучение межъязыковых соответствий, и выявление различий. Что же такое «межъязыковое соответствие»? Межъязыковые соответствия, отмечает И. А. Стернин, – центральное понятие контрастивной лингвистики. Это единицы разных языков, имеющие сходство в семном составе [12. С. 34]. Таким образом, мысль о том, что контрастивная лингвистика изучает сходства, И. А. Стерниным не отвергается.

Таким образом, проникновение в различия и все более глубокое познание каждого из сравниваемых языков не отменяет, а предполагает помещение результатов сравнения в определенную систему координат, позволяющую синтезировать их в более общую картину языковой типологии. Поэтому поиск различий между языками (этап анализа) в контрастивной лингвистике является средством создания классификации (этап синтеза), которая получила название типологии межъязыковых соответствий. Более подробно о взаимосвязи типологии и контрастивной лингвистики см. в [8].

Возвращаясь к вопросу о характере взаимоотношений сопоставительной лингвистики и контрастивной лингвистики, следует признать, что их разграничение на основе цели сравнения «не срабатывает», если согласиться, что и то, и другое направление изучают как различия, так и сходства между языками. Таким образом, с учетом принципиального сходства между контрастивной и сопоставительной лингвистикой по цели сравнения разносистемных языков, думается, что необходимость в выделении сопоставительного языкознания как промежуточного звена между типологией и контрастивной лингвистикой отпадает. Как назвать направление сравнительного языкознания, занимающегося, в отличие от классической типологии, сравнением содержательной стороны языковых единиц (сопоставительным или контрастивным) – дело вкуса самого исследователя. Однако недостаточная разработанность методологии контрастивных исследований ведет к неоднозначному использованию терминов, связанных с процедурой сравнения языков, даже в рамках одного исследования, на что и хотелось обратить внимание в данной статье.

Литература

1. *Гак В. Г.* О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. Контрастивная лингвистика: Переводы / Сост. В. П. Нерозника; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. М.: Прогресс, 1989.
2. *Зеленина Т. И.* Формирование языкового плюрализма (из опыта ИИЯЛ УдГУ) // Многоязычие и межкультурное взаимодействие: Материалы междунар. конф.; к 80-летию проф. С. Я. Гельберг / Сост. и отв. ред. Т. И. Зеленина, Н. И. Пушина; Удм. гос. ун-т, 2008.
3. *Картина мира и способы её репрезентации* / Под ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003.
4. *Конецкая В. П.* Введение в сопоставительную лексикологию германских языков. М.: Высш. шк., 1993.
5. *Климов Г. А.* Основы лингвистической компаративистики. М.: Наука, 1990.
6. Паспорт специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» // www.originweb.info.
7. *Малых Л. М.* Метод логического моделирования в процессе мультилингвального обучения // Многоязычие и межкультурное взаимодействие: Материалы международной конференции; к 80-летию проф. С. Я. Гельберг / сост. и отв. ред. Т. И. Зеленина, Н. И. Пушина; Удм. гос. ун-т. Ижевск, 2008.
8. *Малых Л. М.* К проблеме статуса контрастивной лингвистики // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. Вып. 2 (2).
9. *Маришкина Е. В., Прокопьева Е. А., Медведева Д. И.* Контрастивное страноведение (на материале английского, немецкого, французского, русского языков) / Под. ред. Л. М. Малых; Удм. гос. ун-т. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009.
10. *Савойская Н. П.* Лингвокультурологические особенности концепта «вежливость»: На материале казахского, русского и английского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005.
11. *Современный философский словарь* / Под общ. ред. проф. В. Е. Кемерова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004.
12. *Стернин И. А.* Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М.: ПАСТ: Восток – Запад, 2007.
13. *Языкознание. Большой энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
14. *Ярцева В. Н.* Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981.

H. G. Med

Санкт-Петербургский государственный университет

КУЛЬТУРНЫЕ И ОЦЕНОЧНЫЕ ДОМИНАНТЫ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ (в контексте романских языков)

В статье на материале испанского и других романских языков рассматриваются вопросы, связанные с критериями выделения, соотношением и общностью культурных и оценочных доминант, представленных лексикой и фразеологией в испанской оценочной картине мира.

Ключевые слова: оценочная картина мира, оценочные и культурные доминанты, оценочная лексическая и фразеологическая номинация.

Natalia Med

Saint-Petersburg State University

CULTURAL AND EVALUATING DOMINANTS IN SPANISH (based on Romanic languages study)

The article, based on lexical and phraseological material of Spanish and other Romanic languages, deals with the issues concerning the Spanish evaluating world picture such as a correlation between cultural and evaluating dominants, its national peculiarities and common characteristics.

Keywords: evaluating world picture, cultural and evaluating dominants, evaluating lexical and phraseological nomination.

Оценочная картина мира, отражаемая в языке совокупностью особых лексических и фразеологических средств, выявляет не только оценочные доминанты, присущие тому или иному социуму, но также включает ценностные суждения, основанные на культурных доминантах, т. е. на наиболее значимых в данной культуре смыслах. Таким образом, вопросы, связанные с критерием выделения оценочных доминант, соотношением оценочных и культурных доминант, а также общностью культурных доминант, имеют важное значение при исследовании оценочной картины мира. Критериями выделения как оценочных, так и культурных доминант являются частотность соответствующих номинаций в словарном составе языка, а также одновременное наличие как лексических, так и фразеологических номинаций для одного вида оценки, что является важным показателем доминирования подобных значений в ценностной картине мира.

Так, для испанского языкового сознания оценочными доминантами являются интеллектуальные и эстетические оценки, превалирующие в количественном отношении и обладающие двойным покрытием лексикой и фразеологией, что свидетельствует о значимости таких понятий, как «ум» и «глупость», «красота» и «уродство». Например, интеллектуальная оценка в нашем языковом материале представлена 4-мя семантическими группами положительной оценки и 7-ю – отрицательной оценки, характеризующими разные проявления ума и глупости на оценочной шкале [6. С. 38–45].

При выявлении культурных доминант встает вопрос о самом термине «культура», в который Э. Сепир вкладывал три смысла [7. С. 466–470; 5. С. 23–24].

1. Культура понимается как своего рода **продукт материальной или духовной деятельности** человека, закрепленный традициями и временем. С этой точки зрения, например, важным элементом испанской культуры и, следовательно, культурной доминантой можно считать корриду, связанную с риском, азартом и смертью. В ней, по словам Ф. Гарсиа Лорки, заключается глубинный смысл испанской философии: «Любой ребенок знает, что Франция похожа на кофейник, а Италия – на сапог, что Индия слоновым хоботом легко трогает Цейлон, что Швеция и Норвегия – две кудлатые собачки в ледяном море, а Исландия – цветок розы на щеке глобуса. И если не дети, неспособные это представить, то мы, взрослые, знаем, поскольку нам объяснили, что Испания похожа на

растянутую шкуру быка. Не на анаконду, как Чили, а на шкуру животного, и животного священного. Эта причуда географического символа отражает самое глубинное, яркое и цельное в испанском характере» [3. С. 93].

Термины тавромахии как культурной доминанты могут выражать оценочные смыслы, например использоваться в интеллектуальной оценке как оценочной доминанте: *tener más sentido que un toro* (букв. 'иметь больше разума, чем бык'). Только хитрый и осторожный бык может победить врага, поэтому умный и предусмотрительный человек уподобляется быку. Таким образом, в номинации наблюдается полное совмещение культурной и оценочной доминант. Фразеологизм *desecho de tienta* (отбракованный бык, не годящийся для корриды) используется для выражения отрицательной этической оценки, обозначая никчемного, бесполезного человека, сурово порицаемого в испанском менталитете.

Широко употребительна метафора *torero* (тореро) с семантическим компонентом «качественно, профессионально делающий свое дело», характеризующая ярких, талантливых, мужественных людей, одновременно являясь комплиментом привлекательным мужчинам. Ритуальная фраза тореро *Dejadme solo* (букв. 'Оставьте меня одного'), начинающего последнюю, самую опасную терцию корриды (*tercio de muerte*), используется в тех случаях, когда человек смело решается на действие, связанное с риском и опасностью, и действует в одиночку. Фразеологизм положительной этической оценки *vergüenza taurina* (совесть тореро) характеризует человека, которому свойственны отвага, честь, чувство собственного достоинства. Это высший моральный и эстетический кодекс настоящего испанца [8. С. 68].

2. Культура подразумевает определенный **свод правил поведения в обществе**, обусловленный его ценностными ориентирами. «При таком подходе культурный идеал – это идеал внешнего облика, идеал облачения и обхождения» [5. С. 23]. Это, например, этические оценки, соответствующие разного рода нормам. Здесь важную роль выполняет соответствие как прототипической норме, т. е. норме «как узаконенному установлению меры чего-либо, но и гомеостатической норме как образцу, правилу, требующему подражания» [1. С. 78]. Так, например, в испанском языке одним из распространенных метафоризируемых денотатов является лексема *Dios* (Бог): *ser más bueno que Dios* (букв. 'быть лучше Бога'; перен. 'быть хорошим человеком'), где Бог предстает как образец для подражания, и таким образом, общая положительная оценка человека строится на соответствии этическим нормам и положительной эмоциональной оценке, вызываемой ассоциациями с божественным началом. Следовательно, можно говорить о культурных доминантах, обусловленных этическими нормами.

В испанском языке нарушение прототипической нормы, диктующей почитание родителей, а значит, и определенного культурного идеала поведения, отражается в отрицательной эстетической оценке как оценочной доминанте: *ser más feo que pegar al padre con un calcetín sudado y pedirle la paga* (букв. 'быть страшнее, чем ударить отца потным носком и попросить платы за это'). По этому же принципу построен и фразеологизм общей отрицательной оценки, обозначающий плохого человека *ser más malo que pegarle a la mamá y a la abuelita en la iglesia el Día de la Madre* (букв. 'быть хуже, чем ударить маму и бабушку в церкви в День Матери').

3. Культура понимается как **цивилизация, отражающая** как **общечеловеческие знания**, установки, взгляды на жизнь, так и **сугубо национальную специфику**. Общность культурных традиций, представлений о мире способствует формированию одинаковых оценочных значений в разных языках. Так, оценочная доминанта «некрасивый» в романских языках основана на общем для христианской традиции понятии «грех»: фр. *laid comme le péché / comme les sept péchés capitaux*; исп. *más feo que un pecado*; итал. *brutto come il peccato / mortale* (букв. 'страшен как грех, как семь основных грехов, страшнее греха, страшный как смертный грех'). Грех как нарушение религиозно-нравственных предписаний разрушает законы добра и гармонии, несет с собой зло, поэтому он страшен. Португальское языковое сознание следует этой же оценочной модели: *feio como os trovões* (букв. 'страшный как гром'), поскольку гром во многих культурах рассматривается как гнев божий, наказание за грехи.

Библия как культурная доминанта христианской культуры является источником схожих в разных языках фразеологизмов. Так, этическая оценка трудолюбивого, много работающего человека основана на библейском понимании труда: фр. *Gagner son pain à la sueur de son front*; исп. *ganar uno el pan con el sudor de su frente*; итал. *guadagnarsi il pane con il sudore della fronte*; порт. *ganhar o pão com o suor do seu rosto* (букв. 'зарабатывать хлеб потом').

Общность культурных доминант может основываться также на знаниях и понятиях древности и средневековья. В этих случаях наблюдается скрещение онтологического и культурного аспектов лексического значения [2. С. 263–264]. Например, в средневековой культуре *печень* считалась символом храбрости, а ее обесцвечивание – показателем трусости. Такое культурное основание и становится общим фразеологическим мотивом для формирования оценочного значения «храбрый / трусливый человек» в романских языках. Во французском *avoir les foies chauds / rouges* (букв. 'иметь горячую / красную печень') означает мужество, а *avoir les foies blancs / froids* (букв. 'иметь белую / холодную печень') – трусость. Аналогичное значение приобретают и фразеологизмы других романских языков: исп. *tener hígados para todo* (букв. 'иметь печень для всего'); итал. *aver del fegato, uomo di fegato, fegato santo* (букв. 'иметь печень, человек с печенью, святая печень'), означающие «быть храбрым».

В мировой культуре важную роль играет символика цветов и растений. «Цветы с незапамятных времен во взаимоотношениях людей выражали положительные чувства: внимание, благодарность, привязанность» [4. С. 3]. Они символизируют молодость, свежесть, красоту, любовь.

Как пишет Т. И. Зеленина в своей увлекательной книге «Цветов язык и аромат...», роза издавна пользовалась любовью и популярностью. В Индии и Сирии существовал культ роз, римляне считали ее символом храбрости и увенчивали венками из роз головы полководцев-победителей. Древние греки прозвали розу царицей цветов и посвящали ее богине красоты Афродите, окружая ее храмы садами из роз [4. С. 19].

Существуют различные символические значения розы, но мы остановимся на эстетической оценке, общей для романских языков. Поскольку роза традиционно считается символом молодости и красоты, с ней ассоциируется внешняя красота и свежесть: исп. *como las rosas de abril (de mayo, en verano)* (букв. 'как апрельские (майские, летние) розы', перен. 'красивый, цветущий'); *como una rosa* (букв. 'как роза', перен. 'здоровый, цветущий, бодрый'); итал. *fresco come una rosa* (букв. 'свежий как роза', перен. 'цветущий, бодрый, здоровый').

Также во фразеологизмах романских языков роза может символизировать радостную, приятную жизнь: фр. *être couché sur le lit de roses* (букв. 'лежать на ложе из роз', перен. 'наслаждаться всеми благами жизни'); итал. *dormire sopra un letto di rose* (букв. 'спать на ложе из роз', перен. 'наслаждаться всеми благами жизни'); порт. *estar num mar de rosas* (букв. 'находиться в море роз', перен. 'быть счастливым, радостным'), *de rosas* (спокойный, приятный).

Национально-культурная специфика оценочных номинаций наиболее ярко проявляется на фоне общих культурных доминант. Так, например, испанский фразеологизм *irse de rositas* (букв. 'уйти с розочками', перен. 'легко отделаться, выйти сухим из воды, быть везунчиком') используется в ситуациях, когда человеку удастся избежать заслуженного наказания. Символическое значение мака (сон и смерть) связано с его одурманивающим действием, что отражено лишь в итальянской фразеологии: *fare acqua di papavero* (букв. 'делать маковый отвар', перен. 'нагонять сон нудными разговорами'). Общим же семантическим компонентом, свойственным фразеологизмам романских языков, является красный цвет мака: фр. *rouge comme un coquelicot*, исп. *rojo como una amapola*, итал. *rosso come un papavero* (красный как мак, пунцовый). Испанское языковое сознание вычленяет еще один семантический компонент «место произрастания», поскольку полевой мак часто растет в канавах, на обочинах дорог, является атрибутом сельской жизни, и таким образом, формируется отрицательная этическая оценка грубого, невоспитанного простолоудина, обладающего дурными манерами и плохим вкусом: *ser más de campo / de pueblo que las amapolas* (букв. 'быть более деревенским, чем маки').

В качестве заключения можно сделать вывод о том, что в основе оценочных доминант могут присутствовать культурные доминанты, а сами оценочные доминанты, отражая культурные идеалы, становятся и культурными доминантами. Общность культурных доминант позволяет выявить не только общее в языковом сознании разных социумов, но и выявить индивидуальные особенности их мировидения.

Литература

1. Баранов А. Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 74–90.
2. Гак В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культур / Отв. ред. Телия В. Н. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 260–265.
3. Гарсиа Лорка Ф. Выступление по аргентинскому радио // Иностранная литература. 1998. № 6. С. 93–95.
4. Зеленина Т. И. Цветов язык и аромат... (история слов, мифы, легенды, были, стихи о цветах): Науч.-популяр. пособие / Сост. Т. И. Зеленина. Ижевск, 1996.
5. Красных В. В. «Свой среди чужих»: Миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2001.
6. Мед Н. Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии (на материале испанской разговорной речи): Монография. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
7. Сенур Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.
8. Dios Luque Durán J., Manjón Pozas F.J. Fraseología, metáfora y lenguaje taurino // Léxico y fraseología. Granada: Método Ediciones, 1998. P. 42–70.

Д. И. Медведева

Удмуртский государственный университет

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗНАКИ КАК ОБЪЕКТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (на материале германских и славянских языков)

В статье рассматриваются запретительные общественные знаки как объект сопоставительной лингвокультурологии. С целью выявления сходств и различий между текстами данного типа на материале английского, немецкого, русского и сербского языков общественные знаки исследуются в лексико-грамматическом, композиционном и ситуативном аспектах.

Ключевые слова: общественные знаки, культурные нормы, культурные стандарты, запрет.

Diana Medvedeva

Udmurt State University

PUBLIC SIGNS AS AN OBJECT OF COMPARATIVE STUDY (based on Germanic and Slavic languages)

The paper concerns prohibitive public signs as an object of comparative linguistics and cultural studies. Similarities and differences between the signs under study in English, German, Russian and Serbian languages were considered in lexical, grammar, composition and situational aspects.

Keywords: public signs, cultural norms, cultural standards, prohibition (forbidding).

Общественные знаки как явление культуры в сопоставительном аспекте, по нашим данным, в настоящее время изучены фрагментарно. В то же время высока значимость данных знаков как фактора, влияющего на межкультурную коммуникацию; это едва ли не первое, с чем сталкивается человек в инокультурной среде (англ. *No smoking*, нем. *Betreten verboten*, рус. *Посторонним вход запрещен*, серб. *Забрањено пушење*); общественные знаки являются непосредственными регуляторами поведения и выразителями норм той или иной культуры посредством языка.

Под общественными знаками – условное соответствие английскому термину *public signs* [1. С. 159] – мы понимаем особый тип текстов, которые отличает ряд лингвистических и экстралингвистических характеристик: краткость объема, стандартизированность, однозначность, императивность, обобщенность адресата, бессубъектность, отсутствие эмоционально-экспрессивной окрашенности, функциональная направленность на регулирование поведения граждан в общественных местах путем информирования или напоминания потенциальным адресатам о необходимости соблюдения принятых в обществе норм поведения [2. С. 13]. Результатом статьи стал комплексный анализ запретительных общественных знаков на материале английского, немецкого, русского и сербского языков с позиций лингвокультурологического подхода. Нами были исследованы лингвистические особенности текстов данного типа, изучены их композиционные и экстралингвистические характеристики.

Наиболее распространенной лексико-грамматической моделью запрещения в исследованных нами общественных знаках является *X + причастие II* (нем. *Parken verboten*), *X + краткое страд. прич. сов. вида* (рус. *Парковка запрещена*), *краткое страд. прич. сов. вида + X* (серб. *Забрањено паркирање*); сфера распространения англоязычных знаков с компонентом *forbidden, prohibited* достаточно ограничена. Большинство запретов в рамках данной модели выражены при помощи причастия от глаголов нем. *verbieten*, рус. *запрещать*, серб. *забрањивати* – базовых лексем со значением запрета. Эксплицитные, однозначные, достаточно категоричные волеизъявления представляют собой универсальный, традиционный способ выражения запрета в трех изученных нами культурах. Преобладание данной модели в общественных знаках указывает на иерархичность общества и дистанцию между субъектом и адресатом запрета.

Преобладание эксплицитной формы выражения запрета обусловлено разными причинами. Распространенность лексико-грамматической модели с *verboten* в немецкой культуре указывает на потребность в порядке и иерархичность, свидетельствующие о традиционных ценностях общества, где необходимость подчинения воле других ради поддержания порядка воспринимается как должное и является культурной нормой. Распространенность примеров с *запрещено, воспрещено, забрањено* указывает на традиционно высокую дистанцию власти в русской и сербской культурах, усугубленную социалистическим режимом. В англоязычных же общественных знаках наиболее распространенной лексико-грамматической моделью запрещения является *No + [отглагольное] существительное*, и высказывания по данной модели представляют собой скорее правила, нежели запреты: *No trespassing, No parking, No admittance*.

Запреты, выраженные при помощи инфинитивной модели (нем. *Nicht schalten!* рус. *Без упора не работать!* серб. *Не отварати електроормар без електричара*), употребляются преимущественно в ситуациях повышенной опасности, в производственной сфере и отличаются категоричностью предупреждающего характера, обусловленной необходимостью соблюдения техники безопасности. Для них характерны краткость формулировки запрета и использование структуры, где запрещающий элемент (*nicht, не*) выдвинут на первый план; в центре внимания находится предотвращение либо пресечение нежелательного действия. В отличие от немецких и сербских знаков, в русских примерах сфера употребления данной модели значительно шире, чем ситуации повышенной опасности, что указывает на авторитарность волеизъявлений властных структур (*Не сорить! Не входить! Стол для преподавателей не занимать!*). В англоязычных общественных знаках данная модель отсутствует по причине немаркированности инфинитива.

Лингвокультурная специфика выражения запретов четко прослеживается в функционировании императивных моделей в общественных знаках. Англоязычные знаки по модели *do not + глагол* встречаются почти исключительно в сфере промышленного производства и в ситуациях повышенной опасности (*Do not operate, Do not switch*). В рамках русской и сербской модели *не + глагол в повелительном наклонении* различаются высказывания с глаголами 2 л. ед. и мн. ч., подразумевающие обращение соответственно на

«ты» и на «Вы» (рус. *Не стой под стрелой*, серб. *Не бацај ђубре*, рус. *Не загораживайте стекло кабины водителя*, серб. *Молимо не улазите док вас не прозову*). Для сербской лингвокультуры знаки на «ты» характерны больше, чем для русской, что прослеживается в распространенных примерах: *Не лупај вратима* (Дверями не хлопать), *Не гази траву* (По газонам не ходить). Немецких знаков, имплицитующих обращение на «ты», нами не обнаружено, а знаки на «Вы» крайне немногочисленны. Данные особенности отражают различие в восприятии императива в изучаемых лингвокультурах. Употребление по отношению к обобщенному адресату форм повелительного наклонения, особенно с обращением на «ты», является нарушением личного пространства и неприемлемо для западной ментальности, но, как показывает языковой материал, это не противоречит нормам коммуникативного поведения в коллективистических русской и сербской культурах.

Для современных немецких и англоязычных общественных знаков характерна тенденция к нивелированию волеизъявления, позволяющая представить запрет не как требование субъекта, противоречащее воле адресата, а как всеобщее и объективное правило, сохраняющее, однако, категоричность (*This is a no smoking area, Handyfreie Zone*). Данная тенденция характерна для индивидуалистических культур, в которых вторжение в личную сферу индивида нежелательно.

В настоящее время прослеживается общая тенденция к смягчению, демократизации запретов, употребляемых в сравнительно безопасных ситуациях (запрет курения: англ. *Thank you for not smoking*, нем. *Danke fürs Nichtrauchen*, рус. *Спасибо, что вы не курите*, серб. *Хвала што не пушите*). Маркеры вежливости англ. *please*, нем. *bitte*, рус. *просьба*, серб. *молимо* придают запрету характер просьбы; в модели с ограничительными частицами англ. *only*, нем. *nur*, рус. *только*, серб. *само* внимание фиксируется на позитивной стороне вещей (разрешении, а не запрете); таким образом, запрет выражается в имплицитной форме (англ. *Authorized personnel only*, нем. *Einfahrt nur für typengenormte Fahrzeuge*, рус. *Стоянка только для сотрудников банка*, серб. *Услуге само за чланове друштва*).

Лингвокультурные особенности выражения запрета в изучаемых текстах, отраженные на композиционном уровне текстовой организации, проявляются в частотности, в наличии или отсутствии обращения к адресату, расположенного в начале текста, и номинации субъекта власти, завершающей данный текст. Большинство исследованных текстов отличает анонимность субъекта и адресата, но имеются исключения, отражающие специфику стратегий воздействия на адресата запрета в исследуемых лингвокультурах.

Обращения к адресату запрета носят характер исключений в англоязычных и немецких общественных знаках и широко распространены в русских и сербских текстах данного типа. Обращения в русских и сербских общественных знаках отличает разнообразие номинаций адресата по социальной роли и роду занятий: в русском материале *уважаемые покупатели, посетители, студенты, водители, пассажиры, зрители, клиенты, пациенты, коллеги* и др.; в сербском *поштовани колеге, корисници, посетиоци, путници, родители, потрошачи, пацијенти* и др. Частотность обращений указывает на ориентированность культуры на адресата, в то время как отсутствие обращений отражает ориентированность на содержание сообщения.

Ссылки на субъект власти либо официальное постановление присутствуют в значительном количестве немецких и русских общественных знаков. Немецкие знаки, снабженные подобными ссылками, содержат безэквивалентную лексику, реалии, информативные в лингвострановедческом плане: *Oberstadtdirektor* (глава городской администрации), *Hausmeister* (управляющий домом), *Studentenwerk* (студенческое управление) и др. Обозначение владельца территории, здания, предприятия в тексте общественного знака отражает высокую ценность частной собственности в немецком обществе: *Betreten der Rasenfläche verboten / Eltern haften für ihre Kinder / Der Grundeigentümer*. Конкретное указание на субъект власти отражает тенденцию к детализации, целью которой является четкое распределение ответственности за поддержание

порядка, что, в свою очередь, иллюстрирует высокий уровень избегания неопределенности и ориентированность на субъекта волеизъявления в немецкой культуре.

В русских общественных знаках наиболее распространенным видом ссылки на субъект власти является лексема *администрация*, применяемая самыми разнообразными учреждениями (*Уважаемые жильцы! Идет ремонт кровли. Просим Вас машины у подъезда не ставить. Администрация; Курить в туалете запрещено! Администрация*). Представляется, что преобладание данного обозначения производит эффект обезличивания субъекта власти.

Ситуативный подход к изучению запретительных общественных знаков позволяет выявить отраженные в запретах нормы общественной жизни, ценности лингвокультуры, а также реалии материальной культуры. В результате применения данного подхода были установлены: а) сферы общественной жизни либо материальной культуры, в которых общественные знаки, содержащие запреты, используются лишь в одной из изучаемых культур и отсутствуют либо незначительно представлены в других культурах; б) сферы жизни общества, в которых посредством общественных знаков закреплены сходные запреты, обладающие ярко выраженной культурно обусловленной спецификой.

В качестве сходств нами выявлено наличие во всех рассматриваемых культурах таких групп общественных знаков, как запреты курения, парковки автомобилей, свалки мусора, выгула собак, вмешательства в процесс работы.

Изучение культурно обусловленных особенностей в нашем материале позволило установить, что различия превалируют над сходствами. Специфичными для немецкой культуры являются общественные знаки, регулирующие досуг детей (*Vorsicht! Garagensaufahrt! Spielen verboten!*), пользование велосипедным транспортом (*Fahrräder abstellen verboten*), размещение рекламной продукции (*Bitte keine Werbung einwerfen*), утилизацию отходов (*Einwurfszeiten von 7 bis 13 Uhr und 15 bis 29 Uhr / Kein Einwurf an Sonn- und Feiertagen*). Для русской культуры характерны знаки, отражающие особенности регулирования частной торговли (*Торговля на территории магазина запрещена*), культуру потребления алкогольных напитков (*Распитие принесенных с собой алкогольных напитков запрещено*), содержащие запреты дотрагиваться до предметов (*Убедительная просьба без надобности открытки руками не трогать*) и входить в помещения в верхней одежде (*Вход в зал в верхней одежде запрещен*). Некоторые особенности сербской культуры иллюстрируют такие примеры, как *Забрањено паљење ватре и роштиљање; Овде није пожељно роштиљање* (барбекю – один из излюбленных видов досуга сербов); с частыми войнами на Балканах связано наличие знаков типа *Забрањено уношење оружја и мобилног телефона у цркву*. Знаки в ресторане *Не разбијајте чаше, Свака намерно разбијена чаша се плаћа педесет динара* указывают на сербский обычай разбивать посуду при праздновании особо радостного события [3. С. 79].

Различия в материальной культуре являются внешним проявлением глубинных различий в менталитетах народов, ценностных доминантах и культурных стандартах, понимаемых А. Томасом как все виды восприятия, мышления, оценки и действий, которые рассматриваются большинством представителей определенной культуры в качестве нормы, чего-либо типичного, само собой разумеющегося и обязательного для себя и других [4. С. 9]. Особенно характерным для немецкой культуры представляется регулирование посредством общественных знаков следующих культурных стандартов: охрана тишины и покоя граждан, четкая детализация отрезков времени (для шумных игр, вывоза мусора), разграничение частного и общественного пространства, особая значимость частного пространства, детальное распределение ответственности в случае нарушений запретов, воспитание чувства ответственности за свои действия у детей с раннего возраста, право частных лиц на волеизъявление посредством общественных знаков. Для англоязычной культуры весьма значимы стандарты, связанные с приватной сферой, и в меньшей степени проявляются стандарты, связанные с регулированием других аспектов. Сопоставление русских и сербских общественных знаков приводит к выводу о большей значимости частной собственности в сербской культуре по сравнению с русской.

В связи с существующей потребностью в порядке и в восприятии подчинения запретам как нормы жизни рассматриваемые тексты являются органичными для немецкой ментальности. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в немецкой культуре соблюдению запретов уделяется большее внимание, чем в русской или сербской, а в англоязычной культуре прослеживается тенденция представления запретов в виде правил.

Таким образом, общественные знаки в значительной степени отражают систему ценностей общества, культурные нормы и стандарты.

Литература

1. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
2. *Медведева Д. И.* Языковая репрезентация концепта «запрет» в общественных знаках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2008.
3. *Попович Л.* Дискурс публичных надписей в коммуникативном поведении русских и сербов // Коммуникативное поведение. Вып. 22. Коммуникативное поведение славянских народов. 2006. С. 61–84.
4. *Yoosefi T., Thomas A.* Beruflich in Russland. Trainingsprogramm für Manager, Fach- und Führungskräfte. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003.

T. С. Медведева

Удмуртский государственный университет

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ДОМИНАНТ: ЭТНОСПЕЦИФИЧНЫЙ КОНЦЕПТ *Gemütlichkeit*

*В статье представлен анализ этноспецифического концепта *Gemütlichkeit*. Излагаются значимые основания для отнесения отдельного концепта к культурным доминантам национально-культурного сообщества. Приводятся данные этимологического и компонентного анализа имени концепта, а также результаты ассоциативного эксперимента и контекстуального анализа.*

Ключевые слова: культурная доминанта, концепт, понятийный компонент концепта, образная составляющая концепта, ценностная составляющая концепта.

Tatyana Medvedeva

Udmurt State University

ON STUDYING CULTURAL DOMINANTS: ETHNOSPECIFIC CONCEPT *Gemütlichkeit*

*The paper presents the analysis of the ethnospecific concept *Gemütlichkeit*. Meaningful grounds are given for referring a concept to cultural dominants of the definite national cultural community. The study presents the results of etymological and component analysis of the concept's name as well as the results of association experiment and contextual analysis.*

Keywords: cultural dominant, concept, denotational component of the concept, imagery component of the concept, value component of the concept.

В концептосфере любого национально-культурного сообщества имеются концепты, которые воплощают базовые ценности данной культуры. Такие концепты обозначаются разными авторами как «константы культуры» (Ю. С. Степанов), «ключевые слова языка» (А. Вежбицкая), «ключевые концепты культуры» (В. А. Маслова), «культурные доминанты» (В. И. Карасик). В. И. Карасик определяет культурные доминанты как наиболее значимые для данной культуры смыслы, совокупность которых образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [4. С. 169]. В нашем исследовании, вслед за В. И. Карасиком, мы используем данный термин.

Перед исследователем неизбежно встает вопрос: что является достаточным основанием для отнесения концепта к культурным доминантам? По мнению А. Вежбицкой, такие «ключевые слова» общеупотребительны, очень часто используются в какой-либо семантической сфере, находятся в центре фразеологического семейства, часто встречаются в пословицах, изречениях, в популярных песнях, названиях книг и т. д. Исследование таких слов должно сказать о данной культуре что-то существенное и нетривиальное, и они могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры [1. С. 36–37]. В. И. Карасик полагает, что методика изучения культурных доминант в языке представляет собой систему исследовательских процедур, направленных на освещение различных сторон концептов, а именно смыслового потенциала соответствующих концептов в данной культуре. Важным нам представляется положение ученого о том, что лингвистическое изучение культурных концептов неизбежно должно быть дополнено данными других дисциплин – культурологии, истории, психологии, этнографии [4. С. 169–170]. По нашим наблюдениям, культурным доминантам обязательно уделяется внимание в культурологической литературе, посвященной ментальности отдельных национально-культурных сообществ. При межкультурной коммуникации такие концепты могут стать источниками коммуникативных сбоев, так как различаются не только понятийный компонент концепта, но и ценность данного концепта в отдельных культурах. К концептам такого типа мы относим один из базовых концептов немецкой культуры – концепт *Gemütlichkeit*.

По нашему мнению, для исследования культурных доминант отдельных лингвокультурных общностей возможно сочетание двух подходов: с одной стороны, от изучения менталитета национально-культурного сообщества, результатом чего является выявление культурных доминант, с другой – от языковой репрезентации данных базовых культурных концептов и изучения языкового сознания носителей языка.

С целью установления значимости концепта *Gemütlichkeit* для немецкой культуры нами был проведен анализ немецкоязычной культурологической литературы, посвященной немецкому менталитету, а затем анализ лексикографических источников и текстов разных типов (рекламных, публицистических), анализировались также данные интервьюирования немецкоязычных информантов и результаты ассоциативного эксперимента.

Отличительной чертой культурных доминант, по нашему мнению, является также тот факт, что их имена с трудом переводимы на иностранные языки и, как правило, отсутствуют их подлинные эквиваленты, а словарные соответствия не передают всех смысловых и коннотативных оттенков, т. е. речь идет о квазиэквивалентах в других языках. Факт непереводаемости имени концепта *Gemütlichkeit* на иностранные языки отмечается многими авторами [5, 6, 8, 10]. К. Крюгер-Лоренцен утверждает, что ни в одном иностранном языке нет слова, адекватно передающего смысловые оттенки лексемы *gemütlich*, к которой восходит имя изучаемого концепта. По мнению автора, не передают его значения переводные аналоги в английском *comfortable, snug, cosy* и французском языках *comfortable, agréable, il fait bon ici, où l'on se sent à l'aise* [6. С. 685]. Словарными соответствиями, приводимыми немецко-русскими словарями, являются: *Gemütlichkeit* – 1) уют, уютность; 2) приветливость, добродушие; *gemütlich* – 1) уютный, приятный; 2) приветливый, добродушный. Характерно, что в современных толковых словарях английского языка данная лексема приводится с сохранением немецкой орфографии и пометой (german), что указывает на факт ее заимствования английским языком: *gemütlich* 1) *pleasant and comfortable*; 2) *genial, agreeable*. Слово *gemütlich* включено также и в Новый большой англо-русский словарь с указанием на его заимствование из немецкого языка, где оно переводится как уютный, славный.

А. Д. Шмелев справедливо отмечает, что слова *Gemütlichkeit* и *gemütlich* выражают одно из ключевых понятий немецкой культуры. При сравнении слов *gemütlich* и уютный ученый приходит к выводу, что своеобразие слова *gemütlich* заключается, в первую очередь, в его культурной нагруженности, плотности ассоциативного поля. По мнению автора, «главное различие коренится во внутренней форме слов. Русское слово уют связано со

словами *приют, уютиться*, то есть наводит на мысль о небольшом по размеру убежище, укрытии, тогда как в основе немецкого *gemütlich* лежит идея настроения: *gemütlich* – это такой, который приводит в приятное, спокойное расположение духа» [3. С. 69–70]. Показателен также, с нашей точки зрения, приводимый А. Д. Шмелевым пример неологизма, который приписывается толстовскому Карлу Ивановичу: «...уютно станет и гемютно». Эта цитата показывает, что для носителя немецкого языка, говорящего по-русски, средств русского языка оказалось недостаточно для выражения его мысли, и он русифицировал немецкое слово *gemütlich*.

Исследователи немецкой культуры в своих трудах неоднократно обращались к изучаемому концепту. Известный немецкий ученый Б. Нусс в глубоком исследовании немецкого менталитета трактует *Gemütlichkeit* как состояние, противоположное *Angst* (словарное соответствие – *страх*). А. Вежбицкая обозначает *Angst* как особое немецкое понятие для состояния «экзистенциальной незащищенности» [2. С. 111]. Оба автора высказывают мнение, что для немцев весьма значимым является состояние уверенности, знание того, что может произойти, потребность в определенных рамках [7. С. 195; 2. С. 105]. В этой связи к базовым немецким концептам А. Вежбицкая совершенно справедливо относит концепты *Sicherheit* (объединяющий смыслы уверенности, безопасности и защищенности) и *Geborgenheit* (от *geborgen* – укрытый, находящийся в безопасном месте) [2. С. 111]. Данные концепты, с нашей точки зрения, также являются культурными доминантами и являются предметом отдельного рассмотрения. В контексте нашего исследования представляется важным отметить глубинные взаимосвязи данных концептов с концептом *Gemütlichkeit*. Немецкие авторы рассматривают этот концепт в связи с типично немецким явлением – наличием в Германии огромного количества *Vereine*, т. е. клубов и объединений по интересам: спортивных, певческих, объединений садоводов, пешего туризма и т. п. [5, 7]. Х. Баузингер подчеркивает широкую распространенность этих объединений, основываясь на данных статистики – 60% всех взрослых граждан Германии являются членами по крайней мере одного такого объединения, платящими членские взносы [5. С. 66–67]. По мнению указанных исследователей, *Gemütlichkeit* заключается в непринужденном общении, хорошем настроении и толерантном отношении друг к другу людей, собирающихся вместе в таких объединениях. Автор считает, что наряду с семьей, эти группы дают немцу чувство безопасности, уверенности, защищенности (*Sicherheit*), являются той средой, где человек может показать свои чувства, где нет необходимости соблюдать формальности или бояться «потерять лицо». В конечном итоге такие объединения являются для немцев средством для борьбы с чувством тревоги, страхом, вызываемым неуверенностью, ощущением уязвимости, незнанием того, что произойдет (специфический немецкий концепт *Angst*) [7. С. 195–196, 2. С. 66–112].

Исследуемый концепт обладает очень большой значимостью в частной, приватной жизни немецкого народа. Все, что связано с *Gemütlichkeit*, противопоставляется четко распланированному и поэтому содержащим фактор постоянного стресса будням немцев. Особую значимость данный концепт приобретает в дни Рождества и рождественских каникул, когда семья собирается вместе в уютном доме, царят хорошее настроение, спокойствие, «домашняя атмосфера», «уход в приватность» [5. С. 60–66].

Для понимания своеобразия концепта *Gemütlichkeit* большое значение имеет внутренняя форма его имени. Как уже отмечалось, оно образовано путем суффиксации от прилагательного *gemütlich*, которое восходит к лексеме *Gemüt*. Этимологические источники немецкого языка указывают, что *Gemüt* (в древневерхненемецком *gimuati*, в средневерхненемецком *gemüete*) первоначально обозначало *душу* в противоположность *телу*, о чем свидетельствует древняя немецкая поговорка: *Der Adel sitzt im Gemüt, nicht im Geblüt* (Благородство не в крови, а в душе). Гёте понимает *Gemüt* уже и как *совокупность душевных сил* и как *чувство, участие, понимание*. Далее можно проследить развитие значений: у Канта включение в понятийный объем слова значений *дух* и *разум*, у Шиллера *характер* [6. С. 685–686]. К. Крюгер-Лоренцен полагает, что соединение смыслов *душа, чувство, дух* и *характер* привело к появлению слова *Gemüt*. По утверждению Х. Баузингера, слово *Gemüt*

в настоящее время редко употребляется, его производные, например прилагательное *gemütvoll* или составное слово *Gemütsmensch* считаются устаревшими и сегодня используются только в возвышенной речи. Однако прилагательное *gemütlich* и субстантивированное от него *Gemütlichkeit*, напротив, весьма частотны в современном разговорном языке и рекламе. Они покрывают широкую шкалу позитивных оценок разнообразных объектов и обозначений состояния человека. Речь идет не только об уютной, удобной обстановке, но и атмосфере, вызывающей особое чувство [5. С. 60].

По данным современных этимологических источников, в лексеме *gemütlich* слились значения *das Gemüt betreffend* и *gleichen Sinnes, angenehm, lieb*, при субстантивации на первый план выдвинулось значение *das Angenehme, Zustimmung*. Таким образом, анализ этимологии имени изучаемого концепта показывает, что его семантика тесно связана с базовой лексемой *Gemüt*, являющейся именем этноспецифичного немецкого концепта.

Современные значения лексем *Gemütlichkeit* и *gemütlich* по данным лексикографических источников следующие: *Gemütlichkeit* – 1) das Gefühl der Behaglichkeit auslösende Atmosphäre; 2) zwanglose Geselligkeit, Ungezwungenheit 3) Ruhe, Gemächlichkeit. Компонентный анализ дефиниций позволяет выделить семы: атмосфера, [вызывающая] чувство уюта, удобства, комфортности, комфорта, тепла, интимности; непринужденность, естественность, приветливость; спокойствие, размеренность, неторопливость. Анализ показывает, что объем семантики имени концепта в значительной степени расширился в ходе истории, о чем свидетельствует появление дополнительных сем, а также произошла детализация абстрактного значения лексемы.

Значительный интерес представляет и анализ семантики однокоренной лексемы *gemütlich* по данным современной лексикографии: *gemütlich* – 1) so, dass man sich sehr wohl fühlt, ohne störende Einflüsse oder Merkmale; eine angenehme, behagliche Atmosphäre schaffend, bequem, behaglich; 2) ohne unangenehme Pflichten, in angenehmer Gesellschaft, zwanglos gesellig, ungezwungen, nicht anstrengend, unterhaltsam; 3) nett und freundlich, umgänglich, Freundlichkeit und Ruhe ausstrahlend; 4) langsam, ohne Eile, in aller Ruhe, ganz gemächlich, ruhig. В результате компонентного анализа выделяются семы: хорошее самочувствие; отсутствие помех, неприятных обязанностей, усилий; наличие приятной, уютной, непринужденной атмосферы, приятного общества, характеристика человека как приветливого, дружелюбного, спокойного; процесса или деятельности как спокойного, неторопливого, размеренного. Следовательно, *gemütlich* – это характеристика уютной и удобной обстановки, ситуации как приятной и непринужденной или человека как приветливого, дружелюбного, а также процесса – спокойного, неторопливого, без спешки. Такая обширная палитра эксплицитно выраженных позитивных оценок, заключенных в значении одной лексемы, свидетельствует о ее семантической и культурной значимости. Следует также отметить, что современные лексикографические источники приводят 22 синонима лексемы *gemütlich*, которые также содержат положительную оценку разнообразных объектов. Таким образом, изучение понятийного компонента концепта *Gemütlichkeit*, лишь фрагментарно представленное в данной публикации, позволяет выявить его **этноспецифичность**.

Анализ образной составляющей концепта проводился на основе данных Б. Шмидт-Лаубер [8] и обработки результатов проведенного нами ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 70 информантов – носителей немецкого языка и культуры. В результате ассоциативного эксперимента получено 715 ассоциативных единиц, которые были проанализированы и ранжированы по степени частотности. Самыми частотными ассоциациями к стимулу *Gemütlichkeit* являются *Wärme* (тепло), *Kissen* (подушка), *Feuer* (огонь), *Kerzen* (свечи), *Kamin* (камин), *Weihnachten* (Рождество), *Sessel* (кресло), *Bücher* (книги). К группе частотных абстрактных ассоциаций можно отнести *Geborgenheit* (защищенность, безопасность), *Ruhe* (спокойствие), *angenehme Atmosphäre* (приятная атмосфера), *Wohlbefinden* (хорошее самочувствие), *Loslassen von Arbeit und Alltag* (освободиться от работы и будней). Показательно, что многие информанты формулировали свои ассоциации посредством отрицания противоположного явления: *kein Stress* (нет стресса),

kein Zeitdruck (нет нехватки времени, цейтнота), *keine Hektik* (нет спешки), *keine Sorgen* (нет забот), *keine Probleme* (нет проблем), *keine berufliche und private Zwänge* (нет давления в профессиональной и личной сфере), *kein Streit* (нет споров), *keine Angst* (нет страха), *keine Störungen* (нет помех). В отношении людей частотными являются ассоциации *Freunde* (друзья), *angenehme, freundliche Menschen* (приятные, дружелюбные люди), *Familie* (семья). Представляется также показательным, что многие информанты на стимул *Gemütlichkeit* приводили пространные рассуждения: *Wenn es gemütlich ist, hat man viel Zeit, man hat keine Termine und kann sich entspannen. Es herrscht eine ruhige Stimmung und man kann es sich bequem machen und bei meist gedämpften Licht etwas Leckeres essen und trinken. Häufig werden damit Kerzenlicht, Kaminfeuer und ein schönes Buch oder angenehme Gespräche in Verbindung gebracht. Gemütlichkeit hat einen sehr hohen Stellenwert in dem meist sehr durchgeplanten und stressigen Alltag der Deutschen. (Gemütlich – это когда у человека есть много времени, нет запланированных встреч и можно расслабиться. Царит спокойное настроение, и можно, удобно устроившись, в большинстве случаев при неярком свете съесть и выпить что-нибудь вкусное. Часто с этим связывают свечи, огонь в камине и хорошую книгу или приятное общение. Gemütlichkeit имеет очень большую ценность в большей частью строго распланированных и полных стрессов буднях немцев).*

Очевидно, что ассоциативное поле исследуемого концепта весьма широко и включает в себя как объекты материального мира, так и абстрактные понятия, а также душевное состояние человека.

Рамки настоящей статьи не позволяют представить детальный анализ репрезентации изучаемого концепта в текстах разных типов. Остановимся на представлении функционирования лексем *Gemütlichkeit* и *gemütlich* в текстах рекламы. Контекстуальный анализ показал, что данные лексемы часто используются в рекламных текстах с тематикой отдыха, свободного времени, туризма. Контексты, содержащие лексемы *Gemütlichkeit* и *gemütlich*, чаще всего связаны с рекламой ресторанов и гостиниц при описании привлекательной атмосферы: *Gemütlichkeit, die den Gast zum verweilen verführt und ihn wiederkommen lässt. Bei uns ist Gemütlichkeit großgeschrieben. Gemütlichkeit ist gerade in!* Имя концепта *Gemütlichkeit* может встречаться не только в слоганах таких заведений, но и в названиях: *Hotel zur Gemütlichkeit. Niedernberg; Gasthaus zur Gemütlichkeit; Restaurant zur gemütlichen Ecke.*

Репрезентанты данного концепта активно употребляются для рекламы туристических поездок, а также для описания атмосферы того места, которое рекламируется: *Wiener Gemütlichkeit 6 Tage Wien – Wiener Wald – Wachau; Genießen Sie den Charme eines traditionellen Dorfhauses mit ländlicher Gemütlichkeit und die Anheimlichkeit modernes Komforts in traumhafter Lage!* Лексема *Gemütlichkeit* часто используется в рекламе строительных материалов, в первую очередь дерева, так как натуральное дерево воспринимается как «теплый», комфортный материал в отличие от пластика, бетона и т. п.: *Urige Gemütlichkeit – die Festdiele. Gemütlichkeit durch Naturmaterialien.* Кроме того, имя концепта *Gemütlichkeit* фигурирует в рекламных текстах, посвященных предметам мебели и интерьера: *Rattanmöbel und Rattansessel im Besonderen erzeugen ein Bild von Wärme und Gemütlichkeit. Warme Gemütlichkeit auch ohne Feuer im Kamin.* Домашняя или любая другая удобная одежда в рекламе также связывается с именем изучаемого концепта: *Trainingsanzug Gr. 27/28 – Gemütlichkeit für Haus+Freizeit.* Еда и напитки у носителей немецкой лингвокультуры также ассоциируются с *Gemütlichkeit*: *In Frankfurt und Umgebung ist Apfelwein Kult und Szene, aber auch Ruhe und Gemütlichkeit.* Лексема *Gemütlichkeit* встречается также в рекламных текстах при описании услуг: *Nageldesign Gemütlichkeit – gemütlich zu Hause.*

Показательно, что имя концепта частотно в названиях немецких клубов по интересам (*Vereine*): *Theatergesellschaft Gemütlichkeit, Pfeifenklub Gemütlichkeit, Karnevalsverein Gemütlichkeit.* Таким образом, анализ текстов рекламы показывает, что концепт *Gemütlichkeit* обладает несомненной ценностью в немецкой лингвокультуре, что подтверждает присутствие его вербальных репрезентаций в рекламных текстах разного рода и содержания.

Литература

1. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / Перев. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001.
2. *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Перев. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001.
3. *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005.
4. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
5. *Bausinger H.* Typisch deutsch. Wie deutsch sind die Deutschen? München: Verlag C. H. Beck, 4. Auflage, 2005.
6. *Krüger-Lorenzen K.* Deutsche Redensarten – und was dahinter steckt Wiesbaden: VMA-Verlag, 1972.
7. *Nuss B.* Das Faustsyndrom. Ein Versuch über die Mentalität der Deutschen. Bonn: Bouvier, 1993.
8. *Röhrs Ch.-F.* Die Kuschelecke. Der Tagesspiegel, 2008.
9. *Schmidt-Lauber B.* Gemütlichkeit. Eine kulturwissenschaftliche Annäherung. Frankfurt am Main /New York: Campus, 2003.
10. *Sütz W.* Vom Wegtun der Gemütlichkeit. Kulturrissen, 2001.

А. Х. Мерзлякова

Удмуртский государственный университет

ТЕРМИН «КОНЦЕПТ» В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Термин «концепт», ставший столь популярным в последние десятилетия, приобретает неоднозначное толкование в отечественной лингвистике. В статье данный термин рассматривается в рамках когнитивной лингвистики как сложное ментальное образование, результат познавательной деятельности.

Ключевые слова: концепт, когнитивная лингвистика.

Alfiya Merzlyakova

Udmurt State University

THE TERM “CONCEPT” IN COGNITIVE LINGUISTICS

The term “concept” which has lately become so popular sometimes acquires a very ambiguous interpretation in our Russian linguistic studies. To examine the term in the present paper we apply the notions of cognitive linguistics and view it as a complex mental unit, result of cognition.

Keywords: concept, cognitive linguistics.

В отечественной лингвистике интерес к когнитивной лингвистике сформировался в 80–90-х гг. XX столетия, а в последние годы появилось огромное количество работ, посвященных изучению концептосфер, когнитивных процессов и т. п. Чрезмерное увлечение термином «когнитивный» привело к справедливой критике работ, претендующих на «когнитивность». Так, И. М. Кобозева предлагает считать когнитивными только те исследования, которые опираются на существенные характеристики когнитивного подхода к изучению языка. К этим характеристикам, по ее мнению, относятся, во-первых, верность ценностному обязательству когнитивизма, под которой понимается «подтвержденная психологическая реальность лингвистического конструкта или хотя бы допускающая верификацию гипотеза о таковой; корреляция языковых данных с психологическими феноменами»; во-вторых, «включение системы репрезентации и обработки знаний в число компонентов модели» [8. С. 24–26].

Анализ диссертационных работ, публикаций и учебных пособий показывает, что до сих пор наблюдается разноречивость, как в употреблении самого термина *концепт*, так и

в определении его структуры. Одни исследователи отождествляют концепт с понятием [2; 16], другие проводят параллель между концептом и смыслом [15], третьи приравнивают концепт значению слова [11]. В. А. Маслова утверждает, что *концепт* и *понятие* – два параллельных термина, принадлежащие «разным наукам: понятие – термин логики и философии, а концепт – математической логики, культурологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, хотя по своей внутренней форме они сходны» [12. С. 40]. Однако уже на другой странице автор определяет концепт, «как семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры» [12. С. 47], что не совпадает с содержанием термина *понятие*.

Такое разграничение двух терминов нам представляется некорректным, поскольку термин *концепт* используется достаточно широко в самых разных областях знаний, в том числе и в философии. *Понятие* отражает наиболее общие, существенные (логически конструируемые) признаки предмета или явления. *Концепт* – сложное ментальное образование, отражающее не только знания, но и наивные представления об окружающей действительности, о самом человеке, его месте и роли в этой действительности, его внутреннем мире и взаимоотношениях с другими людьми и миром; это продукт познавательной, культурной и социальной деятельности, в котором аккумулируется весь опыт социума в ходе активного освоения мира. При этом не все концепты или не все аспекты концепта находят свою вербальное выражение в языке.

Исследование способов вербализации концептов и категорий, отражающих определенное видение мира человеком, стало основной целью современной когнитивной лингвистики. При этом язык понимается как средство организации, обработки и передачи информации, в котором отражается весь познавательный опыт человека. «...Язык стал изучаться по преимуществу как **средство доступа** к разуму человека, к концептуальным системам в его голове, к знаковым заместителям мира в процессах его познания и, наконец, к пониманию того, как происходит категоризация и концептуализация действительности – т. е. формирование **знаний о мире**, немислимых в таком объеме и в таком диапазоне, который сегодня дан человеку, **вне языка**» [9. С. 9].

В рамках этого направления существуют разные подходы к исследованию семантики (фреймовый, прототипический, пропозициональный, метафорический и др.), но общим для всех когнитивистов является постулат о необходимости объяснить семантические процессы, происходящие в языке. Ключевыми понятиями когнитологии являются понятия категоризации и концептуализации, представляющие собой классификационную деятельность человека. Процесс категоризации «направлен на выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении», а процесс концептуализации – «на объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризующихся как тождественные, в более крупные разряды» [10. С. 93].²⁵ Человек не способен анализировать каждую новую ситуацию и реагировать адекватно, сталкиваясь каждый раз с новым для него явлением, он соотносит его с уже известным фактом из личного опыта или из опыта окружающих, или из опыта предыдущих поколений. Он производит категоризацию этих фактов и явлений и реагирует на проявления определенных категорий. Выделение категорий осуществляется бессознательно на основе ряда факторов:

- 1) наличия явных различий и сходств;
- 2) распространения свойств и характеристик привычного и знакомого на новое и неизвестное.

²⁵ Обзор направлений когнитивной лингвистики и их критика подробно изложены в [Рахилина 1997; Фрумкина 1991; Кубрякова и др. 1996 и ряде других работ], мы не будем повторять их здесь.

«После того как на основе приведенных принципов люди распределяют дискретные элементы по категориям, они используют категории в своем мыслительном процессе, бессознательно игнорируя индивидуальные элементы явлений, событий и человеческого поведения» [6. С. 133]. Чтобы ориентироваться в действительности, приспособить вещи к своим целям, человек сначала классифицирует их по определенным признакам, расчленяя мир на определенные части. Роль языка не ограничивается расчленением вещи. При непосредственном участии языка происходит также классификация внешне различных вещей в одну группу по их сходным характеристикам. Элементарной формой расчленения языка действительности выступает именование. Языковые значения передают лишь часть знаний о мире, основная доля этих знаний хранится в сознании в виде различных мыслительных структур – концептов разной степени сложности и абстрактности [3. С. 27].

Изучение языковых явлений с точки зрения познавательных процессов требует иного решения ряда общих лингвистических проблем. Как отмечает Н. Н. Болдырев, различия между структурным языкознанием и когнитивной лингвистикой проявляются во взглядах на языковое и неязыковое значение, а также в понимании контекста [3. С. 57–59].

Структурная лингвистика выдвигает требование разграничения языкового и неязыкового знаний, исключения из структуры лексического значения энциклопедических знаний [подобная точка зрения восходит к различению «ближайшего значения» и «дальнейшего значения» А. А. Потебней]. Когнитивная семантика исходит из утверждения, что значение энциклопедично по своей сути. «Для характеристики значения слова необходима определенная фоновая информация, которую можно рассматривать как структуру общепринятых и в определенной степени обобщенных знаний, которая входит в общую систему культурно-значимого опыта и мнений носителей данного языка» [3. С. 28]; сходную точку зрения высказывает Е. А. Залевская: «Должен учитываться и внешний контекст – от непосредственно языкового контекста до образа мира» [7. С. 41].

Основное отличие между структурным и когнитивным подходами состоит, по нашему мнению, в антропоцентричности когнитивных исследований, признающих главным и центральным моментом в семантике самого человека и те процессы, которые происходят в его сознании при познании и категоризации мира.

В процессе когниции в сознании индивида формируется определенная совокупность упорядоченных знаний о мире – концептосфера, складывается индивидуальная когнитивная картина мира. Конstellляция индивидуальных концептосфер образует когнитивную картину мира социума, которая не является механическим сложением индивидуальных картин мира, а представляет собой, как справедливо отметили З. Д. Попова и И. А. Стернин, «общее, устойчивое, повторяющееся в картинах мира отдельных представителей народа» [13. С. 5]. Исследования картин мира ведутся по двум основным направлениям. «Во-первых, исследуются отдельные характерные для данного языка концепты, своего рода лингвокультурные изоглоссы и пучки изоглосс. ... Во-вторых, ведется поиск и реконструкция присущего языку цельного, хотя и «наивного», донаучного взгляда на мир...» [1. С. 49–50].

При лингвокогнитивном подходе к исследованию концепта преобладает таксономия, разработанная в американской когнитивной лингвистике, опирающейся в свою очередь на данные когнитивной психологии о структуре памяти и особенности восприятия действительности.

В когнитивной семантике оперируют такими терминами, как *прототип*, *скрипт* и *геиштальт*. *Прототип* – это абстракция набора стимулов, воплощающая множество сходных форм одного и того же паттерна. Прототип позволяет распознавать образ, даже если он не идентичен прототипу, а только похож на него [14. С. 90]. В лингвистике понятие прототипа было впервые использовано Э. Рош [17], позднее А. Вежбицка [19]. «Можно выделить следующие признаки, существенные для определения понятия «прототип»: 1) наибольшая специфичность – концентрация специфических признаков данного объекта, "центральность", в отличие от разреженности таких признаков на периферии (в окружении прототипа); 2) способность к: воздействию на производные варианты, статус «источника

производности»; 3) наиболее высокая степень регулярности функционирования (признак возможный, но необязательный). Таким образом, определение понятия «прототип» (в сфере языковых единиц, классов и категорий) может быть сформулировано следующим образом: прототип – это наиболее репрезентативный вариант определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью (концентрацией специфических признаков данного объекта), способностью к воздействию на производные варианты (признак «источник производности») и (во многих случаях) наиболее высокой степенью регулярности функционирования» [4. С. 12]. *Скрипт* (введено Шенком и Абельсоном [18]) – обозначение организованных единиц стереотипной информации, которые создаются людьми в обычных ситуациях, таких как заказ ужина в ресторане. *Гештальт* обозначает целостные, несводимые к сумме своих частей, образования сознания. М. Вертгеймер предложил следующие принципы организации гештальтов: близость, сходство, направление, объективная установка, общая судьба, прегнантность, которые влияют на целостное восприятие объектов. Существуют связи, при которых то, что происходит в целом, не выводится из элементов, существующих якобы в виде отдельных кусков, связываемых потом вместе, а, напротив, то, что проявляется в отдельной части этого целого, определяется внутренним структурным законом всего этого целого [5. С. 84–90]. В лингвистике этот термин позволяет описать концепт как целостную картину действительности, лишь часть которой оказывается вербализованной языком.

Таким образом, концепт – это сложная ментальная единица, результат деятельности по фрагментации и категоризации знаний и представлений о действительности.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
2. *Аскольдов С. А.* Концепт и слово // Русская словесность: Антология. М., 1997. С. 267–280.
3. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001.
4. *Бондарко А. В.* Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 4–13.
5. *Вертегеймер М.* О гештальт-теории // Хрестоматия по истории психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 84–99.
6. *Елизарова Г. В.* Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: КАРО, 2005.
7. *Залевская Е. А.* Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 36–44.
8. *Кобозева И. М.* Что значит когнитивный // Когнитивное моделирование в лингвистике: Сб. науч. докл. межд. конф. Переславль-Залесский, 2000. С. 19–28.
9. *Кубрякова Е. С.* О когнитивной науке и когнитивной лингвистике // Обработка текста и когнитивные технологии: Сб.. Казань, 2001. С. 7–11.
10. *Кубрякова В. С.* и др. Краткий словарь когнитивных терминов / В. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Изд-во МГУ, 1996.
11. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. М., 1997. С. 28–37.
12. *Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику: Учеб. пособие. М., 2008.
13. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2002.
14. *Солсо Р.* Когнитивная психология / Пер. с англ. Н. Ю. Спомиор. СПб.: Питер, 2002.
15. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
16. *Фрумкина Р. М.* Психолингвистика. М., 2008.
17. *Rosch Heider, Eleanor.* Cognitive representation of semantic categories. Toward an Experimental Psychology // Cognitive Psychology. № 4. 1975. P. 192–233.
18. *Schank R. C., Abelson R. P.* Scripts, plans, goals and understanding. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1977.
19. *Wierzbicka A.* Apples are not a kind of fruit – the semantics of human categorization // American Ethnologist 11. 1984. № 2. P. 313–328.

Л. А. Нефёдова
Челябинский госуниверситет
С. С. Жабаяева
Костанайский госуниверситет

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА

На настоящем этапе лингвистические исследования неразрывно связаны с изучением разнообразных аспектов культуры. Этнолингвистика изучает язык как ресурс культуры и стремится соотнести язык и культуру в рамках одной или нескольких реализаций национальной картины мира. Интегрированный подход позволяет учитывать национальную специфику отдельно взятого языка, так как способы языкового выражения изменяются в зависимости от конкретного языка, культуры и традиций. Выбор форм выражения, отбор языковых единиц – это отражение индивидуального этнического мировосприятия. Особая роль в понимании системы традиционно-народных presuppositions, менталитетов хорошо видна в реализации концепта.

Ключевые слова: концептуальная структура слова, концептуальное пространство, многоязычие, культурно-этнический компонент, ментальность.

Liliya Nefyodova
Chelyabinsk State University
Saule Zhabayeva
Kostanay State University

ETHNOLINGUISTIC PECULIARITIES OF CONCEPT REALIZATION

At present linguistic research is inseparably connected with the studies of different cultural aspects. Ethnolinguistics looks at a language as a cultural resource and aims at correlating the language and culture within the framework of one or several realizations of the national picture of the world. An integral approach allows taking into account peculiarities of a certain language, as the ways of language expression vary in accordance with the language, culture and traditions. The choice of language expression and the selection of lexical units reflect individual ethnical perception of the world. Through concept realization we can observe a special role of understanding the system of traditional-ethnical presuppositions and mentalities.

Keywords: conceptual word structure, conceptual space, multilingual, culturally-ethnical component, mentality.

В семантический состав концепта входит вся прагматическая информация языкового знака, связанная с его экспрессивной и иллокутивной функциями. Еще одним компонентом семантики языкового концепта является когнитивная память слова – смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением и системой духовных ценностей носителей языка. Однако концептологически наиболее существенным здесь оказывается культурно-этнический компонент, определяющий специфику семантики единиц естественного языка и отражающий «языковую картину мира» его носителей [3. С. 12]. Концепт соотносим с планом выражения лексико-семантической парадигмы. Семантическое поле, или парадигматическая лексико-семантическая группа объединяет слова, связанные семантическими отношениями, т. е. отношениями знаков к тому, что знаки означают, к объектам действительности и понятиям о них.

Рассмотрим реализацию концепта «гостеприимство» на этноязыковом уровне на материале английского, русского и казахского языков.

Как же определяют понятие «гостеприимство» толковые словари исследуемых языков?

Толковый словарь английского языка дает следующее определение: *Hospitality* – *friendly and generous reception and entertainment of guests*. (зд. Гостеприимство – дружеский и щедрый прием, развлечение гостей).

В казахском: *Меймандостық* – қонақтан ештеңесін аямаушылық, барын солардың аузына тосушылық. (зд.: Гостеприимство означает «ничего не жалеть для гостей, щедро угостить»). «Гостеприимный» в русском языке значит «радушный к гостям». Таким образом, общность в определении понятия «гостеприимство» в казахском, русском и английском языках заключается в характеристике данного явления как радужного, дружеского, щедрого приема гостей.

Русское слово *гостеприимство* образовано из двух корней: гость и принимать. Казахское слово *қонақжайлылық* состоит из двух корней, первым из которых является слово *қонақ* – гость. Ключевые слова *қонақ* и *мейман*, означающие «гость», образовали ряд производных слов, означающих «гостеприимство»: *қонақжайлылық, қонақшылдық, қонақуарлық, меймандостық, меймангершілік*. В слове *меймандостық* вторым составным компонентом является слово *достық*, что значит «дружба», т. е. гостеприимство – значит иметь дружеские отношения с гостями. Остальные производные образованы от соответствующих прилагательных: *қонақшыл, қонақуар, қонақжай, меймангер*.

Что касается этимологии английского слова *hospitality*, то оно образовано от латинского *hospitium*, означающего «гостеприимство, гостиница, приют». Кроме этого, латинское *hospitalis* (гость, посетитель, дружелюбный, гостеприимный) дало развитие английскому *hospital* означавшему «амбулаторное медицинское учреждение».

Анализ синонимичных рядов слова «гостеприимство» в казахском, русском и английском языках позволяет выявить общность семантической структуры данного слова. Словарь синонимов русского языка выстраивает следующую парадигму: *гостеприимство – гостеприимность, радушие, хлебосольство*. Синонимичные слова в казахском языке *қонақжайлық, қонақжайлылық, меймандостық, қонақуарлық* равнозначны и полностью взаимозаменяемы в контекстах. Синонимами слова *hospitable* в английском языке выступают слова: *receptive* (отзывчивый), *companionable* (дружеский), *social* (общительный), *neighborly* (соседский), *cordial* (сердечный), *kind* (добрый), *gregarious* (щедрый) [1. С. 186]. Таким образом, сопоставление синонимичных рядов показывает, что в этносознании русских, казахов и англичан понятие «гостеприимство» вызывает схожие ассоциации, т. е. гостеприимство ассоциируется с радушием, щедростью, дружелюбным отношением к гостям.

В концепт «гостеприимство» входит и понятие «гость».

В казахском языке наблюдается целый ряд производных слов и сочетаний от слова *қонақ* (гость) связанных по смыслу со словом «гостеприимство». Например: *қонақ аяқ* (особый ритуал угощения чаем), *қонақ басты болды* (не прекращающийся поток гостей), *қонақ болды* (гостить), *қонақ бөлме, қонақтық* (гостевая комната), *қонақ етті, қонақ құту, қонақ қылды* (принимать гостей), *қонақ кәде* (исполнение гостями ритуала песнопения, игры на домбре), *қонаққа барды, қонақтау* (ходить в гости), *қонаққа шақырды* (пригласить в гости), *қонақ үй, қонақжай* (гостиница), *қонақ хақы* (подарки гостей), *құдайы қонақ* (случайный гость), *құтты қонақ* (гость, приносящий счастье), *сый(сыйлы) қонақ* (уважаемый гость), *қонақасы* (специальное угощение для гостей), *қонақ-қопсы* (то приходящий, то уходящий гость), *қонаққұмар* (гостеприимный, любящий ходить в гости), *(қонақсыз)* (человек, к которому не приходят гости).

Слова *қонақ* и *мейман*, означающие «гость» являются синонимичными. Производными последнего являются следующие лексемы и сочетания: *мейман етті* (принимать гостей), *мейманасы* (гостеприимство), *мейманасы асты (тасыды)* (проявить чрезмерное гостеприимство), *мейманда(у)* (гостить), *меймандық* (угощение), *меймансы, меймансу, меймансын, меймансыну, мейманхана* (гостиница).

В русском языке мы отмечаем большое количество производных слов, многие из которых являются устаревшими: *гостейник, гостея, гостейка, гощение, гостеиба, гостбище, гостинство, гостеприимец, гостеба* и др. В современном русском языке употребительными остались слова: *гостинная* (комната для приема гостей, а также комплект мебели для такой комнаты), *гостинец* (подарок, преимущ. о сладостях), уменьш. *гостинчик, гостиница* (дом с меблированными комнатами для приезжающих), *гостинный двор* (в неко-

торых городах: построенные в старину торговые ряды, обычно каменные), *гостить* (жить у кого-либо в качестве гостя).

В словообразовательное гнездо слова *гость* в русском языке входят следующие производные: *гостёк, гостенёк, гостья, гостюшка, гостинка, гостевой, гостевать, загостеваться, погостевать, гоститься, выгоститься, гащивать, загоститься, нагоститься, отгостить, отгащивать, перегостить, погостить, прогостить*.

Дериватами слова *гостеприимный* являются следующие лексемы: *гостеприимнейший, наигостеприимнейший, гостеприимно, не-гостеприимно, гостеприимство, гостеприимность, негостеприимность, негостеприимство, прегостеприимный, прегостеприимно*.

Принимая во внимание тот факт, что словообразование является результатом творческой деятельности человеческого сознания в процессе познания и приводит к расширению концептуальной структуры слова, обратимся к анализу словообразовательного гнезда лексемы «гость» в русском языке.

В словообразовательном гнезде можно выделить морфемы, которые выступают способом концептуализации новых значений. Так, морфемы *за-, на-, пере-*, образовали значение «злоупотребление гостеприимством»: *загостеваться, перегостить, нагоститься*; морфемы *от-, вы-* обозначают «законченность действия»: *выгостить, отгостить*. Степень гостеприимства актуализирована в морфемах *наи-, пре-*: *прегостеприимный, наигостеприимнейший*.

В английском языке производными слова **guest** выступают следующие сочетания: **guest house** (элитный пансион, дом для гостей); **guest room** (гостевая комната).

Анализ антонимов позволяет отметить что «гостеприимству» противостоят признаки «не гостеприимного человека»: в русском языке – *скупой, жадный, злой человек*; в английском – *inhospitable* (не гостеприимный), *solitary* (одинокий), *reserved* (замкнутый), *unsociable* (необщительный). В казахской картине мира гостеприимному человеку противостоит: *адам сейер қынығы жоқ* (неприветливый человек), *жемпаз* (жадный), *қонақсыз адам* (человек, к которому не приходят гости).

Следует отметить сходство в представлении русских, англичан и казахов «не гостеприимного человека» – это жадный, неприветливый, скупой на угощение, злой человек.

Что касается предикативной сочетаемости, то *гостеприимство* в русском языке можно *проявить, показать, оказывать*. В английском языке используются глаголы *to show* (показать): *to show hospitality, to give* (давать): *to give welcome*. В казахском языке наблюдается сочетаемость лексемы **қонақжайлылық** (гостеприимство) с глаголами *көрсету* (показывать), *алға салу* (выставить вперед, т. е. проявить), *білдіру* (досл. дать знать, т. е. проявить), *жасау* (досл. делать, т. е. показать): *қонақжайлылық көрсету, қонақжайлылық білдіру, қонақжайлылық жасау*.

Действия, направленные на оказание внимания и проявление радушия в русском языке выражены следующими глаголами: *добро жаловать* (фолькл.), *угощать, пировать, кланяться* (устар.), *накормить, напоить, хлопотать, расцеловать, привечать, потчевать, усаживать, подносить, угодить, уважить*. В казахском языке преобладают фразовые глаголы: *дам беру* (угощать), *той беру* (устроить той), *өлен айтқызу* (петь песни), *тәрде отырғызу* (усаждать на почетное место), *қарсы алу* (встретить), *орналастыру* (разместить), *мал сою* (резать скот, чаще барана), *шашу* (осыпание подарками, сладостями), *амандасу, сәлем беру* (приветствие), *қонақ жөнелту* (проводить), *қонақ аттандыру* (проводить), *дастархан жайылу* (накрыть на стол), *амандасу, құрметтеу* (почитать, чествовать).

Значение «гостить» в русском языке передают следующие глаголы и сочетания: *гостевать, гащивать, быть в гостях, ходить по гостям*. В казахском языке: *меймандау, қонақ болды* (быть в гостях), *қонақтау, қонаққа бару* (ходить в гости). В английском языке: *to be at host* (досл. быть у хозяина), *to stay on a visit, to be on a visit* (быть с визитом), *to pay a visit* (нанести визит). В английских сочетаниях, в отличие от казахских и русских, употреблено слово *visit* в значении «быть в гостях».

Фразеологизмы усиливают этноспецифическую сторону рассматриваемого концепта. В казахском языке наиболее актуальными составляющими фразеологизмов стали слова: *сый-құрмет* (почет), *сый-сияпат көрсету* (проявить уважение), *сый-құрмет көрсету* (оказать почет).

В казахском языке целый ряд фразеологизмов выражает значение «встретить гостей»: *қонақ ету*, *мейман ету*, *қонақ күту* (досл. ожидать гостей), *қонақ шақыру* (приглашать гостей), *қонақты күтіп алу* (встретить гостей), *қонақты қарсы алу* (встретить).

В русском языковом сознании в реализации концепта «гостеприимство» большую роль играет образ «душа», который в наивно-языковой картине мира концептуализируется как образ «вместилища», включающее в себе теплоту, сердечность, широту русской души, открытость и т. д. Для обозначения гостеприимства концепт «душа» представлен во фразеологизмах: *душа на распашку*, *всей душой*, *от всей души*, *с открытой душой*.

В английском языке русскому «душа» близок образ «heart» (сердце). Об открытом радушном человеке говорят *open-hearted* (соответствует русскому «душа на распашку»). Интересен синонимичный ему фразеологизм – сращение *wear one's heart on one's sleeve* (досл. «одеть свое сердце на рукав кому-либо», зд.: «не скрывать чувств, выставить чувства напоказ, душа на распашку»). Фраза *from the bottom of one's heart* означает «от души» (досл. с дна сердца). Для образной передачи душевной беседы используется идиома *heart – to-heart talk* (разговор от сердца к сердцу). Для казахского языка характерна глубокая поэтичность художественных образов, нашедшая отражение в «языке» культуры. О гостеприимном, душевном человеке говорят: *ақ ниетті*, *ақ жарқын адам* (белая душа), *ақ жүректі* (досл. белое сердце). Компонент *ақ* (белый) в приведенных идиомах олицетворяет чистую, открытую душу.

Описание ритуалов приема гостей в анализируемых языках представлено широким спектром концептуальных сцен, метафоричных фразеологизмов и других языковых средств. В английском языке о том, кто хорошо принимает гостей говорят: *keeps a good house* (букв. «держит хороший дом»). Званный вечер в английском языке называют *at home* (букв. «прием дома»), например *to give at homes* (давать званный вечер). Фраза *to play host* означает «хорошо принимать гостей». В выражении *to give smb. a hospitable welcome* (букв. дать гостеприимный прием) *welcome* можно перевести как «прием, встреча» или русское «хлеб-соль». В казахском языке существует целый ряд метафоричных фразеологизмов, означающих теплый прием гостей: *қонағын атқарды* (букв. исполнить прием), *қонақ-кәде істеді* (выполнить традицию), *қонақ күту* (букв. ожидание). Культурный философский смысл заложен в идиоме *құдайы қонақ* (букв. человек от бога). В языковом сознании рисуется образ почетного, уважаемого, почитаемого самим богом, хотя так называют случайного гостя, которого, согласно традиции следует радушно принять. Идиома *қонақ асы* (букв. угощение гостей) означает «принимать гостей по особому случаю». В русском языке для описания ритуала приема гостей используются фразеологические сочетания: *радушно принять гостей*, *оказать теплый прием*, *встречать хлебом-солью*. Фразеологизм *хлеб-соль* в русском языке имеет большое символично-обрядовое значение. В соли, помимо ее большой ценности в Древней Руси и трудоемкости в добычи, ценили ее свойства предохранять продукты от гниения и консервировать их. Отсюда ее основная символика – символика постоянства, вечности, верности, дружбы, уважения. С этим связано много ритуалов и обрядов. Один из них заключается в том, что рассыпанная соль приводит к ссоре, дошел до наших дней с глубокой древности: у греков, римлян и арабов перевернутая солонка знаменовала разрыв дружеских отношений. И, наоборот – в знак дружбы гостям подносилась именно соль. На востоке до сих пор сохраняются «клятвы солью», «союзы соли», «право соли», являющиеся проявлением гостеприимства. У славян отношение к соли было столь же благоговейным, как и отношение к хлебу. Не случайно, по этому ритуально-обрядовой символика хлеба-соли соединилась у русских, украинцев, белорусов, в устойчивый элемент народного этикета.оборот *Хлеб да соль!* в России долго являлся приветствием. Эту форму гость обычно произносил, входя в избу, где за столом сидела обедающая семья. Такое пожелание приятного аппетита – лишь одно из целого ряда добрых пожеланий, составляющих строго регламентированный народный этикет [2. С. 343].

Анализ фразеологизмов позволяет выделить основные признаки концепта «гостеприимство» актуальные как для русской, так и казахской языковой картины:

- **открытость, радушие:** рус.: *от души, всем сердцем*; каз.: *меймандостық, қонақшыл*; англ.: *heartly welcome*;
- **щедрое угощение:** рус.: *накормить до отвала, сколько душе угодно*; каз.: *қонақ асы, дәм-ауыз тигізу, сыбаға тарту* (угостить);
- **расположение к дому:** рус.: *чувствуйте себя как дома!, принять с распростертыми объятиями*; каз.: *тәрден орын алу, сәлем беру* (приветствие); англ.: *to make smb. feel at home*;
- **приверженность к традициям, обрядам, ритуалам:** рус.: *хлеб-соль, милости просим, добро пожаловать*; каз.: *қонақ кәде, атқару*; англ.: *Welcome!*
- **отношение субъекта к объекту:** рус.: *водить хлеб-соль, хлопотать, занимать гостей*; каз.: *қонақ күту* (ухаживать за гостем), *қарсы алу* (встретить), *құрметтеу* (почитать, чествовать); англ.: *to entertain guests, to show extra hospitality*;
- **благодарность гостей хозяевам:** рус.: *благодарить за хлеб-соль, помнить хлеб-соль*; каз.: *риза болу* (быть довольным, благодарным), *рақмет айту* (благодарить).

Сравнивая концептосферы английского, русского и казахского языков, мы обнаружили, что этнические сознания данных лингвокультурных сообществ отличаются друг от друга, но различия эти детерминированы социокультурными условиями. Концепт «гостеприимство» занимает важное место в языковом сознании исследуемых этносов, так как он является одним из ключевых концептов, национально-детерминированным и отражающим этнический характер народа, в котором зафиксировались отложения культуры, охватывающие картину мира того или иного этноса. Концепты (представления, схемы, фреймы, сценарии, гештальты и др.) помогают сформировать фонд знаний и репрезентируют картину мира этноса. Сравнительно-сопоставительный анализ английских, русских и казахских примеров позволил исследовать концепт «гостеприимство» и его актуализацию в менталитете этих народов. Выявилась общность в представлении данного концепта, проявляющаяся в признании постулата: «быть гостеприимным – это хорошо». В английских, русский и казахских примерах зафиксированы сходные модели поведения, а именно, отношения к званым, незваным, нежданым гостям, загостившимся людям. Различия были зафиксированы в казахских паремиях, в которых концептуализировано терпимое отношение к незваному, нежданному гостю (*құдайы қонақ* «человек, гость от бога»). Русскому языку свойственно употребление прецедентных имен, названий животных для обозначения нежеланных гостей и жадных хозяев. Отличительной особенностью русских паремий является наличие пословиц – примет, выражающих модель поведения, а именно, отношение к неожиданным гостям. По количеству примеров можно судить об актуальности концепта «гостеприимство» в казахском, русском и английском языковом сознании. Малочисленность английских паремий о гостеприимстве свидетельствует о незначительной актуальности данного концепта в ментальности англичан, проявляющейся в нейтральном, сдержанном отношении в проявлении данной традиции культуры, обусловленной, главным образом, чертами их национального характера.

Литература

1. *Девлин Джозеф*. Dictionary of synonyms and antonyms. Словарь синонимов и антонимов англ. яз. М.: Центрполиграф, 2002.
2. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. СПб.: Фолио-Пресс, 1999.
3. *Нефёдова Л.А.* Кросскультурные особенности языковой личности // Кросскультурное и полиязычное образование в современном мире: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Костанай, 2009. С. 7–14.

Т. С. Нифанова

Северодвинский филиал Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ СЕМАСИОЛОГИИ

Сопоставительное изучение семасиологии в теоретической среде языковой картины мира должно основываться на новых принципах. Эти принципы включают привлечение в качестве tertium comparationis концептуальных признаков, комплексное изучение способов языковой фиксации сведений о разных объектах мира, выраженных посредством концептуальных признаков, формирование исследовательской картотеки с учетом понятия денотативного класса, использование единой методики при сопоставлении разнородных лексических единиц, интерпретативный подход к полученным результатам. Межъязыковой анализ гетерогенных денотативно связанных единиц на основе концептуальных признаков и по единой методике дает твердые основания для установления сходств и различий между языками.

Ключевые слова: сопоставительная семасиология, денотативный класс, концептуальный признак, единая методика.

Tatyana Nifanova

Pomor State University, Severodvinsk Branch

PROSPECTS OF COMPARATIVE SEMASIOLOGY

Comparative semasiology in the theoretical environment of language mapping should be based on new principles. They include using conceptual signs as tertium comparationis; complex studies of ways of language fixation of information about reality expressed through conceptual signs; formation of corps of language units in the context of a denotative class; using a common method while comparing heterogenous language units; interpretative approach to the results obtained. Comparative analysis based on these principles gives the firm ground for determining similarities and differences between languages.

Keywords: comparative semasiology, denotative class, conceptual sign, common method.

Сопоставительная лингвистика последних десятилетий, включая и сопоставительную семасиологию, становится одним из магистральных направлений языкознания. Раздвигая узко научные интересы, она предоставляет возможности для исследования глобальных гуманитарных проблем таких как взаимоотношения языка и культуры, языка и национального сознания. В этих условиях все острее ощущается необходимость обоснования теоретических и методологических основ сопоставительной семасиологии, разработки и унификации ее понятийно-терминологического аппарата, совершенствования процедур анализа языкового материала, осмысления полученных результатов.

Мы полагаем, что сопоставительное изучение лексики на современном этапе в теоретической среде языковой картины мира должно основываться на некоторых новых принципах. Эти принципы включают привлечение в качестве tertium comparationis концептуальных признаков, комплексное изучение способов языковой фиксации сведений о разных объектах мира, выраженных посредством концептуальных признаков, формирование исследовательской картотеки с учетом понятия денотативного класса, использование единой методики при сопоставлении разнородных лексических единиц, интерпретативный подход к полученным результатам. Межъязыковой анализ гетерогенных денотативно связанных единиц на основе концептуальных признаков и по единой методике дает твердые основания для установления сходств и различий между языками.

Использование указанных принципов позволило выявить семантические особенности, свойственные английскому, французскому и (частично) русскому языкам в сфере «природа». В частности, было установлено, что семантическое пространство «природа» трех языков рационально упорядочено посредством четырех кардинальных частей речи: денотативно связанных существительных, глаголов, прилагательных и наречий. Рассматриваемый

фрагмент языковой картины мира английского и французского языков предстает преимущественно статичным из-за преобладания именной лексики, в русском языке – как статично-динамичный вследствие большого количества денотативно связанной глагольной лексики. Сфере природы английского и русского языков свойственна признаковость: репрезентативная группа английских и русских семантических единиц относится к прилагательным. Французская языковая картина мира отличается предметностью, так как среди рассматриваемых единиц преобладают существительные. В отличие от английского и русского семантическая сфера «природа» французского языка характеризуется предикативностью: многочисленные предикативные конструкции используются, в частности, при описании дождя.

Изучаемый фрагмент картины мира английского и французского языков в большей мере организуется посредством словной лексики, тогда как аналогичный фрагмент мира русского языка – посредством словной и сверхсловной лексики примерно в равных долях.

Семантическое пространство «природа» трех языков морфологически упорядочено посредством сложной и производной лексики. Наибольшее количество композитов включают денотативные классы английского языка, наименьшее – русского. Проявлением универсального является наличие среди денотативно связанной лексики сложных слов, образованных по общей модели $N + N \rightarrow N$. При этом основы сложных слов английского языка соединяются посредством примыкания, основы французских композитов часто соединяются с помощью предлогов «en», «à», «de» (*arc-en-ciel, moulin à eau, voiles d'évolution*), а сложные семантические единицы русского языка чаще образуются посредством соединительной морфемы «-о-» (ветролет).

Доля денотативно связанной производной лексики в английском языке ниже, чем во французском и русском языках. Сфера природы рассматриваемых языков морфологически структурирована в основном посредством суффиксации. Картина мира французского языка морфологически организована более единообразно, чем картина мира английского языка. Общими для всех или большинства денотативных классов французского языка являются следующие модели: $N + \text{Suf. } -eux$ (*venteux, nébuleux, aqueux, bruineux*) \rightarrow Adj., $N + \text{Suf. } -euse$ (*venteuse, nébuleuse, aqueuse, bruineuse*) \rightarrow Adj., Adj. + Suf. $-té$ (*insularité, nébulosité, pluviosité*) \rightarrow N, $N + \text{Suf. } -é$ \rightarrow N (*giboulée, nuée*). Менее многочисленные единицы английского языка также образуются по трем общим для всех или большинства денотативных классов моделям Adj. + Suf. $-ness$ (*breeziness, cloudiness, sleetiness*) \rightarrow N, $N + \text{Suf. } -y$ (*rocky, packy, blowy, pashy*) \rightarrow Adj., $N + \text{Suf. } -ous$ \rightarrow Adj. (*nebulous, aqueous, pluvius*). О высокой степени упорядоченности фрагмента «природа» в английском и французском языках свидетельствует малочисленность уникальных моделей, лежащих в основе образования ограниченного количества семантических единиц.

Сходство между тремя языками состоит также в том, что во всех рассматриваемых языках имеются денотативно связанные единицы, образованные с помощью полуаффиксов. В английском языке наиболее распространенными полуаффиксами являются *-graph* (*anemograph*), *-meter* (*pluviometer*), *-graphy* (*hycography*), *-metry* (*udometry*), *-logy* (*algology*), *-land* (*tideland*), *-man* (*longshoreman*); во французском языке – *-graphie* (*marégraphie*), *-mètre* (*pluviomètre*); в русском – полуаффиксы *-метр* (*анемометр*), а также *-граф* (*мареграф*).

Приоритетные для изучаемых лингвокультур сведения дублируются в словообразовательных моделях. В разных языках они определенным образом соотносятся, но не совпадают. В семантическом пространстве английского языка, которое организуется посредством словообразовательных моделей, фиксируются факт наличия или отсутствия природного явления, его свойства, сходство или взаимосвязь явления природы с другими объектами, тогда как во французском языке закрепляются разновидности природных явлений и их состояния.

Интересна также информация, содержащаяся в живой внутренней форме семантических единиц и обнаруживающая те свойства природного феномена, которые чаще оказывались в поле зрения носителей данных языков при его первоначальном именовании.

Наибольший перцептивный интерес с точки зрения внутренней формы у носителей данных языков вызывают ветер и водные источники. Во всех трех языках ветер, например, локализуется в терминах сторон света. Во французском и русском языках, кроме того, направление движения воздушных масс устанавливается относительно географических объектов, а в английском – относительно корабля.

Во всех трех языках признаки внутренней формы и признаки лексического значения образуют три типа корреляций, но в разных пропорциях. Для носителей английского языка выделение свойств природного явления и закрепление их в лексическом значении зависит от функциональной значимости феномена. Так, среди единиц денотативного класса <облака> преобладают слова, в которых признаки внутренней формы являются составной частью лексического значения. В денотативном классе <ветер> возрастает доля единиц, в которых признаки живой внутренней формы мотивируют лексическое значение, а также доля единиц, в которых внутренняя форма не противоречит лексическому значению, но не является ни мотивирующей основой, ни частью лексического значения. Во французском языковом сознании интерпретация явлений природы осуществляется единообразно, преобладает тот тип корреляции, при котором признак внутренней формы включается в признаки лексического значения. В русском языке распространены все три типа корреляции.

Порой семантическое пространство явлений природы в изучаемых языках подвергается переосмыслению. Такой способ отражения наивного мировидения свойственен русскому и английскому языкам, а также единицам денотативных классов <воды> и <ветер> французского языка. В частности, денотативный класс <ветер> всех трех языков включает фразеологизмы, в которых закреплено представление о возможности фиксировать направление ветра, а то или иное направление ветра связывается с жизненными обстоятельствами. О сходстве английского и французского языков свидетельствует зафиксированная во внутренней форме фразеологизмов ситуация «преходящий характер явления природы», которая в английском языке ассоциируется с ненастьем или жизненными коллизиями, а во французском языке – с психологическими состояниями радости или печали. В целом же фразеологическая картина мира трех языков глубоко индивидуальна.

В трех анализируемых языках структурирование семантического пространства осуществляется также посредством составных наименований примерно в равных долях. Среди денотативно связанных составных наименований английского и французского языков преобладают атрибутивные именные словосочетания, основанные на синтаксической связи примыкания. Во французском языке имеются единицы, основанные на синтаксической связи согласования. Синтаксическая связь согласования типична для составных наименований русского языка. Большинство английских и русских составных наименований имеют двухкомпонентное строение, а во французском языке – также и трехкомпонентное.

Во всех языках составные наименования включают термины и местные термины. В английском и французском языках свойства водных источников фиксируются с помощью морских и юридических терминов. В английском языке, кроме того, с этой целью используются военные термины, а во французском языке – географические термины. Данные о дожде в обоих языках закрепляются в единицах метеорологической терминологии, а во французском языке – также и в единицах географической терминологии. Информация о ветре в английском языке передается посредством сельскохозяйственных и ботанических терминов, тогда как во французском языке – с помощью геологических терминов. Очень редко составные термины в денотативном классе <облака>.

Во всех трех языках местные термины входят в состав денотативного класса <ветер>. Французские и русские местные термины служат названиями ветров по направлению, а английские называют очень холодные пронизывающие ветры, направление которых указывается крайне редко. Во французском языке местные термины встречаются также в денотативных классах <облака> и <дождь>. Они часто называют явления природы, которые предвещают другие природные феномены или появляются после них, или происходят одновременно с какими-то явлениями природы.

Общее, сходное и специфичное проявляется и при закреплении креативной деятельности этносов посредством стратификационно маркированной лексики. Так, английские и французские диалектизмы актуализируют знание об интенсивном дожде. Однако лишь во французском языке ассоциируются признаки 'интенсивный дождь' и 'непродолжительный дождь', а также признаки 'интенсивный дождь' и 'ливень, сопровождающийся другим природным явлением'. Только в английском языке зафиксирована значительная группа диалектизмов, называющих морозящие дожди.

Наряду с этим посредством диалектных единиц денотативных классов <ветер> и <облака> английского и французского языков, а также с помощью диалектной лексики, имеющей фонетические варианты, объективируются только межъязыковые расхождения.

Значительное сходство наблюдается между семантическим пространством английского и французского языков, упорядоченного посредством терминологической лексики. В обоих языках высока доля терминов в денотативном классе <воды>: преобладают морские, зоологические, ботанические и юридические термины. В английском языке имеются также единицы из военно-морской и кораблестроительной терминологий, а во французском – из технической, рыбопромысловой и географической терминологий. В обоих языках термины служат названиями водных обитателей, видов судов / фрагментов судов, обозначают действия, совершаемые по отношению к судну.

В картине мира английского и французского языков сохраняется информация о свойствах природных явлений и объектов, которые в силу разных причин потеряли актуальность для современных носителей данных языков. Хронологически отмеченная лексика сконцентрирована в денотативном классе <воды> и является обозначениями морских божеств, поэтических, редких или устаревших / исторических названий судов, а также лиц, профессионально связанных с мореходством. Во французском языке среди номинаций судов очевидно преобладают названия парусников. В состав денотативного класса <воды> английского языка, кроме того, входят многочисленные обозначения водных источников. Только во французском языке насчитывается значительное количество названий сильных ветров.

Креативная деятельность этносов по накоплению знаний о природе отражается в языке и в каждом из них упорядочивается различным образом, в том числе и посредством денотативно связанных единиц, лексические значения которых имеют определенную организацию. Во всех денотативных классах английского, французского и русского языков имеются семантические единицы с компонентами значения 'размер', 'форма', 'цвет', но актуализируются они по-разному в каждом из языков. Компонент 'размер' в английском языке варьируется по субъективной шкале 'большой – маленький', во французском языке проявляется тенденция указывать размер объекта в соответствии с метрической системой мер. В английском языке при описании рыб часто акцентируется своеобразие форм головы, а во французском языке дается характеристика корпуса рыбы в целом. Окраска рыб в английском языке не выходит за рамки цветов или комбинаций цветов спектра, а во французском языке цветовой компонент в названиях рыб выделяется нечасто.

Эти и другие, не упоминаемые здесь данные позволяют сделать заключение о том, что в целом, картина мира английского языка – это картина мира морехода, в центре которой находится корабль. В картине мира французского языка отражается *modus vivendi* жителя континента, для которого равно ценны крестьянский быт и деятельность, связанная с морем.

Сопоставительное изучение языков с помощью разработанной нами методики имеет широкие научные перспективы. Мы связываем их с описанием особенностей функционирования семантических структур сопоставляемых языков в художественном и научном текстах.

ИМЯ КОНЦЕПТА
***Ordnung* В СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ**

Концепт Ordnung является ключевым концептом немецкой лингвокультуры, который, однако, подвержен влиянию времени. Анализ публицистических контекстов с использованием имени концепта Ordnung в наиболее популярных современных немецких изданиях позволяет получить представление о современном состоянии данного концепта.

Ключевые слова: концепт, *Ordnung*, публицистические контексты, периферия концепта.

Mark Oparin
Udmurt State University

CONCEPT *Ordnung* IN THE MODERN GERMAN PUBLICISTIC CONTEXTS

The German concept Ordnung is a dominant concept in the German linguoculture, but it is, however, subjected to the influence of time. The analysis of publicistic texts taken from modern German editions and containing the element Ordnung helps us to understand the contemporary status of the concept.

Keywords: concept, *Ordnung*, publicistic texts, periphery of the concept.

Ordnung как один из ключевых концептов немецкой лингвокультуры [1, 2, 10, 11] является концептом с широким содержанием, требующим разностороннего изучения. Для исследования концепта нами был предпринят анализ словарных дефиниций имени концепта [4], его этимологии [5], сложносоставных слов с компонентом *Ordnung* [7], были изучены результаты ассоциативного эксперимента [8], включая гендерный аспект [6]. Наряду с вышеперечисленными методами исследования концепта *Ordnung* интересным представляется анализ публицистических контекстов, который, по мнению И. А. Стернина, позволяет выявить периферию концепта. Анализируя периферию содержания концепта при помощи публицистических текстов, можно выделить интерпретационное поле концепта, в котором обнаруживаются разнообразные смысловые признаки, скрытые от прямого наблюдения [9. С. 63]. В. А. Маслова также указывает на то, что для глубокого изучения концепта необходимо исследование различных контекстов [3. С. 46]. В. И. Карасик выделяет анализ контекстов наряду с вышеуказанными способами изучения концептов [2. С. 131]. Публицистические контексты наряду с художественными позволяют «через определение разности между объективным семантическим содержанием и значением (как правило, словарно фиксируемым значением) выявить информационный потенциал слова. Этот потенциал выявляется в более или менее широком контексте через сочетаемость слов» [Там же. С 57].

Актуальные публицистические тексты, по нашему мнению, представляют особый интерес с точки зрения изучения содержания концепта на современном этапе. Высокий темп развития современного мира обуславливает появление огромных объемов информации в текстах, которые позволяют выявить определенные аспекты семантического содержания концептов, актуальные для современного состояния языка и культуры. Значимость публицистических текстов, а также их доля в общем информационном потоке за последнее время существенно возросли. Язык прессы, таким образом, фиксирует современные репрезентации отдельных концептов, в частности исследуемого нами концепта *Ordnung*.

С целью изучения особенностей репрезентации концепта *Ordnung* в публицистических текстах нами были использованы самые популярные немецкие периодические издания: журнал SPIEGEL, а также газеты Bild, Süddeutsche Zeitung (далее по тексту SZ), Berliner Zeitung (BZ), Frankfurter Allgemeine (FAZ) за первую половину 2009 года. В указанных изданиях было выявлено 250 контекстов с лексемой *Ordnung*, которые были подвергнуты анализу.

В результате анализа контекстов нами было выявлено 22 глагола, используемых в сочетании с лексемой *Ordnung*. Особенностью большинства лексических единиц стал их транзитивный характер. Лишь четыре глагола (*einkehren*, *regeln*, *herrschen* и *fehlen*) имели интранзитивный характер, указывая на *Ordnung* как на агенс. Таким образом, в большинстве проанализированных контекстов *Ordnung* выступает в качестве объекта направленного осуществляемого человеком действия.

Наиболее часто (30 %) с лексемой *Ordnung* употребляется глагол «sein» в словосочетаниях «Etwas (alles) ist in Ordnung» («*Sie versicherte mir, dass alles in Ordnung sei, und wir ließen die Leute herein*», sagte Bruyneel der Tageszeitung. Spiegel), а также схожие по значению выражения «gehen in Ordnung», «erklären für in Ordnung», «finden in Ordnung» (*Bayern-Coach Hermann Gerland gab zu: «Hachings Sieg geht in Ordnung, die waren eben besser» Bild; Das für Guantanamo zuständige Pentagon hat die Zustände dort untersucht und für in Ordnung erklärt, was nicht wirklich überrascht. BZ; Das finde ich nicht in Ordnung. FAZ*), которые служат для выражения упорядоченного запланированного состояния. Необходимо отметить, что данные выражения, как правило, используются в прямой речи при цитировании.

Все использованные с именем концепта глаголы можно условно разделить на следующие семантические группы:

- сохранение, защита *Ordnung* (*sorgen für*, *halten*) – *Er will selbst für Ordnung in seiner Abteilung sorgen, aber das Misstrauen zwischen den Brüdern ist schon gestiftet. BZ; Ganz wichtig, um tatsächlich Ordnung zu halten, seien zum Beispiel Ablagekörbchen, sagt Köpp. Spiegel;*
- потребность в *Ordnung*, отсутствие *Ordnung* (*brauchen*, *fehlen*) – «*Die internationalen Finanzmärkte brauchen eine neue Ordnung durch bessere Regeln, effektive Aufsicht und wirksame Haftung*», sagte Köhler. Spiegel; *Erstaunlich, dass plötzlich die Ordnung fehlte. Bild;*
- нарушение, угроза нарушения *Ordnung* (*sich richten gegen*, *bedrohen*, *verstoßen gegen*, *durcheinander bringen*) – *Bisher sei nicht erkennbar, dass die Äußerungen von Vertretern der Pius-Bruderschaft in eine politisch motivierte, gegen die staatliche Ordnung gerichtete Aktivität münden. SZ; «Sind das Idioten, die die öffentliche Ordnung bedrohen?» BZ; Gegen die «innerparteiliche Solidarität und Ordnung» verstoßen wollten.. FAZ; Es wird eine perfektere Ordnung durcheinander gebracht als in der Stadt. FAZ;*
- восстановление, наведение *Ordnung* (*wiederherstellen*, *bringen in*, *rufen zur Ordnung*, *schaffen*, *einkehren*) – *Sie sollten – wie die Russen in Tschetschenien – einen starken lokalen Führer suchen, der loyal und in der Lage sei, Ordnung zu schaffen. FAZ; Gibt es eine Strafe, die uns nach den Verbrechen des Josef Fritzl die Welt wieder in Ordnung bringt? BZ; Es sollte aber im Sinne des Sports Ordnung einkehren. Bild; Der oberste Militärbefehlshaber versicherte, die Armee versuche die Ordnung mit allen Mitteln wiederherzustellen. SZ; Die SPD sollte sich selbst zur Ordnung rufen. Bild;*
- уорядочивание окружающего мира (*regeln*) «*Was tatsächlich im Treppenhaus stehen darf, regelt in den meisten Fällen eine (Haus)ordnung*».FAZ. В составе композиты абстрактное значение имени концепта конкретизируется до «*Свод правил или законов, регулирующий хозяйственную деятельность какого-либо учреждения*».

Наряду с глаголами необходимо выделить отглагольные существительные, а именно *Gewährleistung*, *Hüter*, *Aufrechterhaltung*, *Errichtung*, *Störung*, которые были использованы в сочетании с лексемой *Ordnung*. Они так же, как и глаголы, относятся к определённым семантическим группам:

- сохранение, защита *Ordnung* (*Heftig gestritten wurde, ob auf dem angeblich halbzivilisierten Balkan ein System neuer Nationalstaaten entstehen oder ob das Osmanenreich zur Aufrechterhaltung der Ordnung Bestand haben sollte. FAZ; Angela Merkel: "Der Staat ist Hüter der Ordnung» Spiegel; Zur Sicherheit übernehmen Sie für*

den Objektschutz, die unterschiedlichsten Aufgaben zur **Gewährleistung der öffentlichen/privaten Ordnung und Sicherheit**. SZ);

- восстановление, наведение *Ordnung* (*Dennoch wirft das Projekt Fragen auf. Balanchines und Strawinskys Konzept war die **Errichtung einer gleichsam barocken Ordnung in der Sphäre der Kunst**. FAZ);*
- нарушение, угроза нарушения *Ordnung* (*Ihm drohen wegen **Störung der öffentlichen Ordnung bis zu sechs Monate Haft und ein Bußgeld von 5730 Euro**. Bild).*

Анализ субстантивного микроконтекстуального окружения, в частности анализ парных существительных, близких по значению и употребляющихся в сочетании с *Ordnung*, позволяет выделить следующие семы, присущие также и значению лексемы *Ordnung*:

- **Sauberkeit** (чистота – *Außerdem wünschen sich die Menschen in Nordwest mehr **Ordnung und Sauberkeit***. Bild);
- **Ruhe** (покой – *Präsident Ravalomanana machte sich am Mittwoch ein Bild von den Zerstörungen und rief zu **Ruhe und Ordnung** auf*. BZ);
- **Sicherheit** (уверенность – *...hingegen keine Sammelunterkünfte für Jugendliche, wie Matthias Mayer, Abteilungsleiter für Öffentliche **Sicherheit und Ordnung** im Landratsamt, erläutert*. SZ);
- **Sauberhaltung** (поддержание чистоты – *Ihre Ehefrau ist für die Wäschepflege, **Sauberhaltung und Ordnung im Haus** verantwortlich*. SZ);
- **Fleiß** (усердие – *Weil sie statt der von Bueb geforderten Sekundärtugenden wie **Ordnung und Fleiß** auf Toleranz setzt, auf Kritikfähigkeit und Mitbestimmung*. Spiegel);
- **Recht** (право – *Der Palazzo del Governo, der Palast des Präfekten, des Vertreters „der Regierung“ für **Recht und Ordnung** in den Provinzen, wurde wie von einer Riesenfaust gepackt und gibt mit seinen Fassadenbrüchen das Symbol für die gedemütigte Regierung Italiens*. FAZ);
- **Regulierung** (регулирование / Упорядочивание – *Natürlich gibt es vieles, was wir aus dieser Krise lernen können und müssen, vor allem mit Blick auf **die Ordnung und Regulierung** der globalen Finanzmärkte*. FAZ);
- **Pünktlichkeit** (пунктуальность – *Anna liebt **Ordnung und Pünktlichkeit***. Bild);
- **Disziplin** (дисциплина – *... mit der gleichen Einstellung, der gleichen **Ordnung und Disziplin** ins Spiel gehen*. Bild).

В результате использования имени концепта в сочетании с вышеуказанными лексемами происходит выдвигание на передний план одной из сем имени концепта *Ordnung*. Имя концепта обладает обширной семантикой, таким образом, зачастую требуется уточнение, какой из аспектов *Ordnung* выдвигается на первый план. Данные парные лексемы подчеркивают наиболее актуальные для современного этапа развития немецкого языка семы имени концепта *Ordnung*.

В абсолютном большинстве случаев лексема *Ordnung* имеет положительную коннотацию. Контексты, в которых используется имя концепта, указывают на положительное к нему отношение, использовавших его в своей речи людей. Ангела Меркель, например, говоря о роли государства, указывает на государство как на «гарант порядка» (*Hüter der Ordnung*). Таким образом, подчеркивается важнейшая роль *Ordnung* для немецкого государственного строя. В одном из контекстов ужасному преступлению, которое совершил в своей семье австриец Йозеф Фритцль (изнасилование, инцест, убийство), противопоставляется положительный полюс *Ordnung* (*Gibt es eine Strafe, die uns nach den Verbrechen des Josef Fritzl die Welt wieder in Ordnung bringt?*). О положительной коннотации имени концепта свидетельствует также пословица *Ordnung ist das halbe Leben* в контексте, где речь идет о недостатке дисциплины в одной футбольной команде и обусловленных этим поражениях. (*Sportchef Klaus Allofs hat mangelnde Disziplin als einen Hauptgrund für den Absturz auf Platz 8 ausgemacht*.) Использование *Ordnung* в составе поговорки в названии одного из немецких комедийных сериалов («Hausmeister Krause – *Ordnung muss sein*»), высмеивающего чрезмерную любовь к порядку некоторых немцев, пример скорее

негативной коннотации, подчеркивающий консерватизм и обывательский характер многих представителей немецкого общества. К примерам с негативной коннотацией можно также отнести контекст, в котором *Ordnung* как одна из типично немецких добродетелей противопоставляется толерантности, критичности ума и стремлению к принятию совместных решений, а не просто их слепому выполнению. (*Weil sie statt der von Bueb geforderten Sekundärtugenden wie Ordnung und Fleiß auf Toleranz setzt, auf Kritikfähigkeit und Mitbestimmung.*)

Исследуя на примере публицистических текстов образную сторону концепта, мы пришли к выводу, что она нивелирована. *Ordnung* практически не используется в составе метафор. Единичным примером развития новой семы может стать антитеза, в которой *Ordnung* противопоставляется негативному *Zerstörung* (процесс разрушения) – *Treten Sie ein in eine Welt des Krieges und kämpfen Sie mit Tausenden von Mitspielern auf der Seite der Ordnung oder der Zerstörung. Ordnung* в данном контексте противопоставляется процессу разрушения, обозначая, таким образом, процесс созидания. Следует упомянуть, что «процесс созидания» не относится к числу выявленных нами в результате анализа лексикографических источников значений лексемы *Ordnung*.

Анализ публицистических текстов позволяет заключить, что *Ordnung* является многомерным абстрактным концептом с преобладающей положительной коннотацией. Таким образом, подтверждаются ранее проведенные нами, в частности на материале лексикографических источников, исследования.

Литература

1. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики / Пер. с англ. А. Д. Шмелёв. М.: Языки славянской культуры, 2001.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Изд. центр «Академия», 2004.
4. Медведева Т. С., Опарин М. В. Концепт *ORDNUNG* в немецкой лингвокультуре // Межкультурная коммуникация: концепты и модели поведения: Материалы междунар. науч. конф., 15–16 октября 2007 г. / Под ред. Е. М. Стомпель, Ю. Н. Петелиной. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2007. С. 26–29.
5. Опарин М. В. Этимологические корни имени концепта «*Ordnung*» и его словообразовательная активность в современном немецком языке // Тезисы докладов XXXV итоговой студенческой научной конференции УдГУ. Ижевск, 2007.
6. Опарин М. В. Гендерный аспект исследования немецкого лингвокультурного концепта *Ordnung* // Языковое образование в полиэтническом регионе. – Удм. гос. ун-т. Ижевск, 2007. С. 134–136.
7. Опарин М. В. Имя концепта *Ordnung* в сложносоставных словах // Многоязычие и межкультурное взаимодействие – Удм. гос. ун-т. Ижевск 2008. С. 204–205.
8. Опарин М. В. Ассоциативные характеристики концепта *Ordnung* в немецкой лингвокультуре // Язык и национальное сознание. Вып. 11 / Науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: «Истоки», 2008. С. 140–146.
9. Стернин И. А. Методика исследования концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Науч. изд. / Под ред. И. А. Стернина, Воронеж. гос. ун-т, Воронеж, 2001.
10. Bausinger H. Typisch deutsch. Wie deutsch sind die Deutschen? 4. Auflage / H. Bausinger. München: Verlag: C. H. Beck, 2005.
11. Nuss B. Das Faustsyndrom. Ein Versuch über die Mentalität der Deutschen. Verlag: Bouvier, 1993. S. 123–133.

И. В. Пермякова

Удмуртский государственный университет

О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА: ВЕНЕСУЭЛЬСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

На примере апеллятивов, названий типичных блюд национальной кухни и танцевальных терминов рассматриваются особенности национального варианта испанского языка, а также отражение национальной логики образного мышления.

Ключевые слова: лингвокультурология, испанский язык, венесуэльский национальный вариант языка, национальный менталитет.

Irina Permyakova

Udmurt State University

NATIONAL AND CULTURAL PECULIARITIES IN THE VENEZUELAN VARIANT OF THE SPANISH LANGUAGE

Providing examples of different forms of address, typical dishes and nominations of dancing movements, the author considers some special features of national Venezuelan variant of the Spanish language as well as the national logic of figurative thinking.

Keywords: linguistic culturology, Spanish language, national Venezuelan variant of Spanish, ethnic mentality.

В последние десятилетия возрос интерес исследователей к проблемам национально-культурной специфики речевого общения. Данный фактор обусловлен не только важностью развития лингвокультурологических знаний, но и практическими потребностями современного общества. В связи с интенсивностью международных контактов необходимость достижения взаимопонимания в диалоге культур не вызывает сомнений [2. С. 276].

Наблюдения показывают, что в национальных вариантах испанского языка в разговорной речи наблюдаются несовпадения в использовании речевых формул в таких коммуникативных актах, как обращение, приветствие. Венесуэльские обращения нередко сопровождаются притяжательным местоимением *mi*, которое придает им оттенок вежливости, а также общего расположения к собеседнику [2. С. 278]. Например, в магазине частотны такие обращения, как: *¿Qué desea mi señora?* (к даме в возрасте) или *¿Qué deseas, *tamita*?* (к молодой девушке). Значительным разнообразием отличаются апеллятивы, маркированные дружеской или неформальной коннотацией [2. С. 279].

Так, в Венесуэле употребительны такие обращения, как: *(Mi) pana, (mi) viejo, chamo/a, mijo/a, (mi) negro/a, compadre, (mi) loco/a*. Типичный диалог двух приятелей выглядит таким образом:

– *¿Qué dice, mi loco? ¿Todo bello?*

– *¡Aquí, mi pana, qué chévere verte!*

Такого рода обращения свидетельствуют о высокой степени эмоциональности и сентиментальности разговорной речи латиноамериканцев.

Многочисленные эмоционально-экспрессивные формы обращений нередко реализуются в диминутивной форме, в сопровождении прилагательных с мельоративной тональностью. Например, *tamacita, mi chamita, mi niña linda, mi cielito lindo, mi muñequita preciosa* и т. д. [2. С. 145]. Заметим, что семантические значения некоторых апеллятивов в отдельно взятых коммуникативных ситуациях изменяются. Так, обращение *negrita* «негрятяночка» может принимать значение «дорогая» [2. С. 145]. Например, на слова благодарности автор статьи услышала ответную реплику в свой адрес: *De nada, mi negra*.

Наиболее типичны следующие формулы приветствия – вопросы о жизни: *¿Qué hay? ¿Qué hubo? ¿Cómo está la cosa? ¿Cómo está la vaina?*, которые совершенно

неупотребительны в Испании [2. С. 282]. В ответ можно услышать следующие реплики: ¡Aquí! ¡Ahí, llévándola! ¡Aquí, trabajandito! ¡Todo chévere! ¡Todo bello!

Многие формулы речевого этикета, используемые в стандартных коммуникативных ситуациях, отражают национальный характер речи [2. С. 145].

Неповторимая национальная образность отражается и в названии типичных блюд этой страны. Остановимся на некоторых из них, которые считаются национальными, берущими начало от креольской кухни. Еще испанские конкистадоры отмечали, что кухня местного населения базируется на нескольких продуктах: маисе, юкке и разновидности картофеля, именуемой *ruba* [3. С. 12].

Самое любимое блюдо, конечно же, *arepa* – круглая булочка из кукурузной муки с разнообразными начинками. Название блюда происходит от индейского слова *aripa* (противень для жарки) [6].

Венесуэльцы предпочитают мясные начинки: *con carne molida* и *con carne mechada*. Последняя считается самой вкусной, но и более трудоемкой в приготовлении: волокна отварного мяса вручную отделяют друг от друга. Существует два вида *arepas*, различающихся по способу приготовления: *asadas* (жаренные на растительном масле) и *fritas* (жаренные в масле). *Un par de arepas* – типичный завтрак среднестатистического венесуэльца.

Можно сказать, что в венесуэльском национальном варианте испанского языка *arepa* относится к разряду ключевых слов, «особенно важных и показательных для отдельно взятой культуры» [2. С. 299]. Значимость слова *arepa* для материального и духовного мира венесуэльцев находит отражение в художественной литературе, в народном творчестве (загадках), во фразеологическом составе языка и различных словосочетаниях [2. С. 300]. Например, *ganar la arepa* (зарабатывать на хлеб), *el callejón de las arepas* (глотка, горло) [8].

Похожая по форме, но сладкая булочка называется *cachapa*. Вывески «*Cachapera*» или «*Arepera*», означающие небольшую закусочную, где готовят эти блюда, встречаются буквально на каждом шагу – настолько популярна эта еда среди местного населения.

Статус национального блюда имеет и *hallaca*. По версии немецкого писателя и университетского преподавателя Адольфо Эрнеста (1832–1899), жившего в Венесуэле, *hallaca* происходит от слова *ayua* или *ayuar*, что на языке гуарани значит «смешивать». Поскольку блюдо готовят исключительно во время рождественских и новогодних праздников, оно имеет особое значение для каждого венесуэльца [3. С. 13]. Конвертики из белой кукурузной муки, подкрашенной специальным красителем *onoto* (красящее вещество, так называемый биксин, или уруку, получаемый из семян тропического растения бикса) [4], начиняются фаршем из свиного и куриного мяса и множеством прочих ингредиентов, среди которых есть и весьма экзотические, например бутоны агавы. Затем конвертики заворачиваются в банановые листья, перевязываются специальной ниткой и отвариваются в течение некоторого времени до готовности [3. С. 14].

Национальное производное от типично испанского *cocido* (рагу из мяса и овощей) называется *sancocho*. В отличие от пиренейского варианта блюдо имеет в составе многочисленные экзотические ингредиенты: *ñame* (ямс), *jojoto* (вид кукурузы), *osuto*, *tarieyu* (разновидности корнеплодов, не имеют эквивалента в русском языке), *ayutama* (разновидность кабачка) [3. С. 16].

И наконец, популярнейшее блюдо, которое, как видно из самого названия, относится к креольской кухне – *pabellón criollo*. На тарелку укладываются секторами белый рис, *carne mechada frita* (жареное мясо, разделенное на волокна), жареная черная фасоль, именуемая в Венесуэле *caraota* (еще один синоним среди множества пиренейских: *habichuela*, *judía*, *alubia*, *frijol*). Особый акцент придает блюду *tajada*, жареный несладкий крупный банан (тот, что венесуэльцы называют *plátano*, в отличие от него *cambúr* – маленький сладкий банан) [3. С. 17].

Следует отметить также существование собственно венесуэльских лексем для номинации некоторых видов фруктов. Вышеупомянутый *cambúr* (вен.) – *platano* (исп.) – банан; *durazno* (вен.) – *albaricoque* (исп.) – абрикос; *parchita* (вен.) – *maracuyá* (исп.) – маракуйя.

Что касается десертов, то венесуэльцы говорят о себе, что они *son muy chucheros*, т. е. «большие сладкоежки». Интересно, что в Испании используется лексема *chuchería* для обозначения сладостей в общем, но пиренейский вариант «сладкоежки» – *goloso/a* (от *golosina* – «лакомство»).

Несмотря на плотные завтраки, обеды и ужины, венесуэльцы очень подвижны. Их природные живость и эмоциональность характерны не только для речевого общения, но и для языка танцев. Дать волю страстности, присущей представителям этой нации, возможно через движения тела, а именно посредством социальных, т. е. парных танцев. Румба, меренге, бачата, кубинский сон и сальса предоставляют танцующим удивительную свободу самовыражения. Стиль *salsa casino* является самым распространенным во всем мире.

Как в Латинской Америке, Европе, так и в России на вечеринках с латиноамериканской музыкой танцуют именно *casino*. Этот стиль уникален тем, что в значительной степени происходит от кубинских корней. Стиль *casino* хорошо просматривается в руэде (*rueda* – круг, колесо), групповом танце для двух или более пар, где партнеры обмениваются партнершами через ряд синхронных движений, выполняемых одновременно. Танцоров *casino* отличает сложность комбинаций движений и поворотов [5].

Для русской аудитории преподаватели сальсы из Латинской Америки озвучивают шутивную версию, раскрывающую этимологию определения данного стиля. *Salsa casino* (от слов *salsa* «соус» и *casa* «дом») – стиль танца, якобы, придуманный на латиноамериканской кухне. Она была такой тесной, что когда многочисленные домочадцы теснились на кухне во время семейных праздников с горячими кастрюлями с соусом, им приходилось быстро-быстро оббегать друг друга по кругу. При этом поднимая ноги и делая различные быстрые повороты, дабы не наступить на играющих на полу детей, собак и кошек [7].

Данная версия заслуживает внимания, однако в современном испанском словаре *Clave* существительное *casino* имеет два значения: 1) казино; 2) клуб или сообщество, организованные для совместных развлечений. Этимологически слово восходит к итальянскому *casino* (небольшой роскошный особняк). Синонимом слова, по данным словаря, является *círculo* (круг, окружность и, как результат метафорического переноса, «кружок», «сообщество») [9]. Другими словами, *salsa casino* не столько «домашняя сальса», сколько «круговая сальса». Это подтверждают базовые движения, присущие этому стилю, – различные комбинации поворотов, когда партнерша, делая круг, возвращается обратно к партнеру.

Сальса состоит из множества характерных движений, сочетание которых определяет рисунок танца. Базовые шаги, движения корпусом и повороты имеют свои названия, известные не только профессионалам, но и танцорам-любителям.

Самый поверхностный анализ названий танцевальных движений указывает на то, что их можно разделить на три группы: 1) существительное; 2) глагол в императиве + местоимение в винительном падеже; 3) глагол в императиве (в представленных примерах возвратный).

Приведем несколько примеров. Названия, относящиеся к группе «существительное»: *rosa* «роза» (многократные движения скрещенных рук партнеров имитируют лепестки розы); *el dedo* «палец» (партнер обводит партнершу вокруг себя, используя не обе руки, а только палец ведущей руки); *arco iris* «радуга» (партнер ведет вверх обе руки партнерши, получается нечто вроде дуги); *candado* «замок» (партнер ведет руки через голову партнерши, в результате она оказывается спиной к нему со скрещенными руками); *príncipe bueno / malo* «хороший / плохой принц» (при смене фигуры в руэде партнер в первом случае целует руку партнерше, во втором – легко ударяет по тыльной стороне ладони); *sombrero* «шляпа» (руки партнеров скрещиваются за головой и опускаются на плечи, имитируя поля шляпы); *tranca* «засов, задвижка» (команда в руэде, после которой предыдущее движение прекращается, руки партнеров в скрещенном состоянии опускаются на плечи партнерш и круг расходится на пары).

Рассмотрим примеры из группы «глагол в императиве + местоимение в винительном падеже»: *dame* «отдай мне» (движение в руэде, когда партнер передает свою партнершу соседнему партнеру); *dile que no* «скажи ей нет» (движение, в результате которого партнерша не передается соседу, а остается с предыдущим партнером и выполняет с ним следующее движение); *vacílala* «покачай ее» (партнер ведет партнершу сначала в одну сторону, потом в другую, имитируя качели); *exíbelá* «покажи ее» (особый поворот, при котором партнерша выступает на несколько шагов вперед, а затем снова возвращается к партнеру); *siéntala* «посади ее» (после поворота партнерша усаживается на колено партнера); *machúcala* «победи, срази ее» (движение-поддержка: после особого поворота партнерша отклоняется на спину, в то время как партнер удерживает ее в таком положении некоторое время).

Третья группа примеров, а именно «глагол в императиве»: *cásate* «женись» (после поворота партнер берет под руку партнершу, имитируя жест молодоженов); *enróscate* «свернись в клубок» (партнер закручивается вокруг своей оси, удерживая руку партнерши в своей).

Все представленные примеры танцевальных терминов имеют прозрачную внутреннюю форму. Наличие внутренней формы объясняется тем, что носители языка стараются отмечать в называемых объектах те черты, которые представляются им существенными (вышесказанное относится к терминам, образованным в результате переноса значения) или которые вызывают наибольший эмоциональный отклик [1. С. 62]. Названия первого типа уточняют внешнюю характеристику и образованы путем метафорического переноса по внешнему сходству. Термины второй и третьей группы – своеобразные «инструкции для партнера», детализирующие производимые им действия.

Таким образом, изучение и запоминание танцевальных движений не вызывают затруднений у носителей языка, поскольку сама внутренняя форма подсказывает алгоритм действий. Иностранцы же, в частности русскоязычные любители сальсы, не имеют такой лингвистической поддержки и вынуждены изыскивать собственные способы запоминания шагов и поворотов.

Данные танцевальные термины с прозрачной мотивацией и термины-метафоры отражают образность мышления нации, которая является частью национального менталитета [1. С. 67]. Их изучение представляет большой интерес, т. к. выявляет национальную специфику.

Литература

1. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003.
2. Фирсова Н. М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки: Учеб. пособие. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007.
3. Rafael Hernández Ruiz. Folklore básico de Venezuela. Fundación Editorial Salesiana, 2005.
4. http://encyclopediya.ru/big/012/12003_brockhaus-efron.htm
5. www.sibsalsa.ru
6. <http://www.venezuelatuya.com/cocina/arepa.htm>
7. http://vkontakte.ru/video-10738013_128861952
8. АBBYY Lingvo 12
9. Nuevo Diccionario de uso del español actual Clave. Madrid: Ediciones SM, 2002.

И. А. Федорова

Удмуртский государственный университет

**ГРЕКО-ЛАТИНСКИЕ ГРАФИЧЕСКИЕ
И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ, ИТАЛЬЯНСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ**

В статье предпринята попытка систематизации интернациональных графических и морфологических маркеров, где особую роль играют греко-латинские элементы.

Ключевые слова: графика, интернациональная лексика, словообразование, романские языки.

Irina Fedorova

Udmurt State University

**GRECO-LATIN GRAPHICAL AND WORD-FORMATION ELEMENTS
IN FRENCH, ITALIAN AND SPANISH LANGUAGES**

In this article we tried to systematize international graphical and morphologic indexes where Greco-Latin elements play a special role.

Keywords: script, international vocabulary, word-formation, Romanic languages.

Анализ научно-исследовательских работ за последние десять лет в области заимствований выявил огромный интерес к изучению иноязычных слов в русском языке. Это обусловлено большим количеством слов, поступающих в язык. В целом процессы заимствования слов, их функционирование и языковая адаптация хорошо изучены. В научных исследованиях отмечается, что заимствуются не только слова, но также графические и морфологические элементы. Заимствованные элементы легко обнаруживаются, так как выделяются на фоне системы принимающего языка. Например, характерными признаками, общими для всех заимствований в русском языке? являются: 1) начальная буква А (*альный, абитуриент, ахинея*); 2) наличие в слове буквы Ф (*вафли, риф, финт*); 3) сочетания ГЕ, КЕ, ХЕ в корне (*гений, кеды, мохер*); 4) зияние, т. е. соседство двух и более гласных в корне слова (*аут, пион, саксаул*); 5) сочетания букв ГЗ, КГ, КД, КЗ; БЮ, ВЮ, КЮ, МЮ, ПЮ (*зигзак, пакгауз, анекдот, экзамен, бюро, гравюра, кювет, коммюнике, пюре*); 6) удвоенный согласный в корне (*группа, масса*); 7) несклоняемость слов (*лото, мини, пальто*) [3. С. 146]. Следует отметить, что сам факт существования в словообразовательной системе заимствованных элементов рассмотрен достаточно подробно, но исследования ведутся, как правило, на примере одного языка. Подобные работы относительно нескольких романских языков практически отсутствуют.

В нашем исследовании мы делаем попытку систематизировать имеющиеся данные о греко-латинских графических и словообразовательных элементах во французском, итальянском и испанском языках. Интерес к данному материалу вызван интернациональным характером греко-латинских образований. Именно данные древние языки дали значительное количество таких слов. Это объясняется тем, что латинский язык в эпоху феодализма был для многих стран Западной Европы интернациональным языком науки, а в некоторых странах вообще литературным языком. Свое значение языка науки латинский язык сохранил вплоть до XVII–XVIII вв. Сам же латинский язык в свое время много почерпнул из греческого языка. Современные науки: медицина, химия, ботаника, зоология, философия, искусство, – до сих пор широко пользуются латинскими и греческими основами для обозначения вновь возникающих понятий. Анализ таких слов может показаться нетрудным даже тому филологу, который лишь поверхностно знаком с греческим и латинским языком [2. С. 350].

Итак, в результате латинизации романские языки получили своеобразный лексический латинский пласт: культизмы или латинизмы, т. е. слова, заимствованные из литературной латыни в более поздний период развития романских языков книжным путем. В данном случае речь идет о заимствованиях, которые делались, когда латинский язык был уже мертвым. Такие заимствования проходили лишь самую минимальную обработку, самую необходимую фонетико-морфологическую адаптацию [4. С. 60]. На фоне ассимилированных слов данные слова сохраняют большую близость формы к классическому латинскому этимону. Особенно это заметно по заимствованным латинским суффиксам. Например, латинский суффикс *-tionem* преобразовался во фр. *-tion* (*-sion*) – *communication (discussion)*, в итал. *-zione (-sione)* – *comunicazione (discussione)*, в исп. *-ción (-sión)* – *comunicación (discusión)*; *-alis, -ilis* становятся во фр. и исп. *-al, -il* – *central, civil*, в итал. *-ale, -ile* – *centrale, civile*; *-abilis, -ibilis* стягиваются во фр. и исп. *-able, -ible* – *aimable, amable / possible, posible*, в итал. *-abile, -ibile* – *amabile, possibile*; *-antia, -entia* соответственно изменяются в итал. *-anza, -enza* – *abbondanza, intelligenza*, в исп. *-ancia, -encia* – *abundancia, inteligencia*, во фр. *-ance* и *-ence* – *abondance, intelligence*; *-ans (-antis)* > в итал. и исп. *-ante* – *interessante / interesante*, во фр. *-ant* – *intéressant*; *-ens (-entis)* > в итал. и исп. *-ente* – *differente / diferente*, во фр. *-ent* – *différent*.

Самым известным суффиксом при образовании наречий от прилагательных считается суффикс *-mente*, восходящий к латинскому существительному женского рода *mens, mentis*, которое имеет форму *-mente* в творительном падеже (фр. *généralement*, итал. *generalmente*, исп. *generalmente*).

Огромный поток заимствований в романские языки из латыни приходится на XIV–XVI вв. Связано это с деятельностью ученых-гуманистов, переводчиков с латинского языка, которые сознательно латинизировали родной язык, чтобы его обогатить и облагородить. В XVIII и особенно в XIX в. заимствования возобновляются: причина этого – в развитии наук, в потребности в специальных словарях, в стремлении некоторых писателей к употреблению отвлеченных понятий, к психологическим тонкостям [6. С. 153].

Под влиянием латинского языка широкое распространение получили этимологические написания [5. С. 37]. Например, еще в народной латыни наблюдался процесс замолкания аспиранты *h*, но по латинскому образцу она стала писаться во французском и испанском языках, но не обозначает уже никакого звука (фр. *heure*, исп. *hambre*). В отличие от французского и испанского итальянский язык лишь в немногих словах сохраняет написание буквы *h*. Особенно это проявляется в спряжении глагола *avere* > лат. *habere* (*ho* «я имею», *hai* «ты имеешь», *ha* «он имеет», *hanno* «они имеют»).

Еще одним характерным изменением в народной латыни было упрощение группы согласных, поэтому наличие в словах современных романских языков написания удвоенных согласных указывает, как правило, на влияние латинского языка (фр. *apprendre*, итал. *apprendere*). Таким образом, латинизм в каком-либо романском языке узнается чаще всего по отсутствию в его фонетической форме регулярных, типичных для данного языка звуковых изменений, которым подвергались слова устной народной традиции [1. С. 209].

На протяжении всей своей истории римляне испытывали влияние греческой культуры. Древняя Греция была сильнейшим рабовладельческим государством. В VII–VI вв. до н. э. она проводила политику создания колоний на средиземноморском побережье. Греческие колонии быстро становились высокоразвитыми, богатыми городами, торговыми, культурными центрами и во многом способствовали проникновению греческой культуры на территории, находившиеся за пределами Греции. Этим объясняется обилие греческих слов в романских языках, которые попадали в них через посредство латыни. Разговорный латинский язык, а затем и романские языки постоянно черпали из греческого недостающую лексику в области наук, искусств и т. д. Особенно много слов появилось в связи с распространением христианства. Более поздние греческие заимствования относятся к периоду Византийской империи. Это, главным образом, морские термины, названия ремесел, товаров, растений, а также должностей. Еще более поздние заимствования

относятся к области научной терминологии [7. С. 31]. Для всех романских языков в XVIII–XX вв. характерно создание многих терминов на греческой основе.

Большинство ученых-филологов считают, что латинский алфавит сформировался на базе алфавита Древней Греции, претерпев некоторые изменения. Для письменной передачи в греческих заимствованиях глухих придыхательных *φ, χ, υ* использовались сочетания латинских согласных *ch, ph, th* [1. С. 163]. Наиболее яркие примеры нам дает в этом плане французский язык. Сочетание *ch* используется для обозначения звука [k] в словах греческого происхождения вместо греческого *χ* (*chaos, chretien, technique*). Графемы *ph, th, rh* встречаются в словах преимущественно греческого происхождения. Например: *photo, orthographe, cathédrale, rhodium, rhombe, rhum* и т. п. [5. С. 167]. Особую трудность представляет написание *y* в многочисленных словах греческого происхождения (*y* находится всегда в середине слова, после согласной или *h*) – *psychologie, hyperbole*. Подобные сочетания редко встречаются в итальянском языке (*archeologia, rhum*) и отсутствуют в испанском. Сочетание *ph* передается буквой *f* (одна графическая форма для ит. и исп. *ortografia*), *th > t* (итал., исп. *ritmo*), *y > i* (итал., исп. *psicologia*).

Большое распространение в романских языках получили греческие суффиксы *-isme* и *-iste*. Они использовались для обозначения учений и их последователей (фр. *impressionnisme / impressionniste*, итал. *impressionismo / impressionista*, исп. *impresionismo / impresionista*). Также следует отметить многочисленные греческие приставки и корни, на основе которых строятся современные терминологические единицы. Вот некоторые из них во французской транскрипции: *arch-, chlor-, chrys-, techn-, amphi-, graph-, phil-, phon-, soph-, sphère-, hyper-, poly-, syn-, psych-, styl-* и др. В связи с быстрым темпом развития современного общества и постоянно растущими потребностями в новых терминах наука не может обойтись без древних языков, которые позволяют систематизировать неологизмы. У греко-латинских образований есть и другое преимущество: являясь общим источником для ученых и специалистов разных стран, они позволяют создать в наше время международный научный язык, который намечался уже в средневековой латыни. Распространяясь, эти слова, более и более многочисленные, образуют постепенно все увеличивающийся фонд международных слов, который частично возмещает неудобства множества современных цивилизованных языков [6. С. 157].

Таким образом, понять происхождение слова помогает нам не только знание его истории, но и сама структура слова. Так, греко-латинские графические и словообразовательные элементы позволяют выявить пласт интернациональных слов в романских языках.

Литература

1. Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию: Учебник. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2007.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с фр. яз. Е. В. Вентцель, Т. В. Вентцель. 2-е изд., стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
3. Введенская Л. А., Черкасова М. Н. Русский язык и культура речи: Учеб. пособие. Ростов н/Д.: Феникс, 2004.
4. Виноградов В. С. Лексикология испанского языка: Учебник для ун-тов. М.: Высш. шк., 1994.
5. Гак В. Г. Французская орфография: Учеб. пособие. 2-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2006.
6. Доза А. История французского языка / Пер. с фр. Е. Н. Шор; Под ред., с предисл. М. С. Гурычевой. 3-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2006. (История языков народов Европы)
7. Черданцева Т. З. Очерки по лексикологии итальянского языка: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. (Языки народов мира)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Moreau, Jean-Luc*, professeur honoraire, Institut national des langues et civilisations orientales (INALCO), Paris, France
- Аветисян Владимир Арташесович*, доктор филологических наук, профессор кафедры истории мировой литературы и культуры ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Арзуманян Алена Владимировна*, студентка 5 курса ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Барчахова Анна Михайловна*, студентка 5 курса факультета иностранных языков Якутского государственного университета, г. Якутск
- Борисенко Юлия Александровна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и стилистики ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Белова Татьяна Ивановна*, кандидат педагогических наук, зав. кафедрой романской филологии ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Будаев Эдуард Владимирович*, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, г. Нижний Тагил
- Буйнова Ольга Юрьевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и лексикологии английского языка ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Булдаков Владимир Александрович*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Буторина Надежда Викторовна*, аспирант кафедры романской филологии ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Ванюшев Василий Михайлович*, доктор филологических наук, снс, главный научный сотрудник отдела исследований культурного наследия Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН, г. Ижевск
- Васильев Лев Геннадьевич*, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики и иностранных языков Калужского государственного педагогического университета им. К. Э. Циолковского, г. Калуга
- Владыкина Татьяна Григорьевна*, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН; зав. кафедрой русского языка и литературы в межнациональном общении Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Володина Наталья Владимировна*, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературы Череповецкого государственного университета, г. Череповец
- Гаваева Надежда Николаевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков Мордовского государственного университета, г. Саранск
- Голодов Александр Георгиевич*, доктор филологических наук, действительный член ИА Украины, профессор Института иностранных языков Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина; г. Рязань
- Ерофеева Нина Юрьевна*, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Жабаева Сауле Сагинтаевна*, кандидат филологических наук, зав. кафедрой теории и практики перевода Костанайского государственного университета, Казахстан
- Загуляева Бибинур Шариповна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры раннего обучения иностранным и национальным языкам ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск

- Закирьянов Кабир Закирьянович*, доктор педагогических наук, профессор кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г. Уфа
- Зеленина Тамара Ивановна*, доктор филологических наук, директор Института иностранных языков и литературы, профессор кафедры романской филологии Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Иванова Екатерина Павловна*, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Исупова Наталья Викторовна*, ассистент кафедры английского языка Ижевского государственного технического университета, г. Ижевск
- Исхакова Рамиля Очилловна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии Курского государственного университета, г. Курск
- Калиновская Анастасия Геннадьевна*, аспирант, преподаватель кафедры английской филологии Самарского государственного университета, г. Самара
- Кельмаков Валей Кельмакович*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и финно-угорского языкознания факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Клоков Василий Тихонович*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии Саратовского государственного университета.
- Колокольникова Марина Юрьевна*, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики им. Н. Г. Чернышевского.
- Кондратьева Наталья Владимировна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и финно-угорского языкознания факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Котова Надежда Владимировна*, старший преподаватель кафедры мировой литературы и культуры ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Кочурова Юлия Николаевна*, старший преподаватель кафедры второго иностранного языка ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Красильников Алексей Геннадьевич*, доктор философских наук, профессор, Ректор Института повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртской Республики, профессор кафедры мировой литературы и культуры ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Краснова Вера Владимировна*, зам. главного редактора газеты «Удмуртский университет», член Союза журналистов России Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Кубасова Анна Олеговна*, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романской филологии факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Кузьяева Ольга Павловна*, старший преподаватель кафедры перевода и стилистики английского языка ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Лаврентьев Александр Иванович*, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и культуры ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Лашкевич Ольга Михайловна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Любарец Светлана Николаевна*, кандидат филологических наук, зав. кафедрой мировой литературы и культуры ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Малик Наталья Евгеньевна*, старший преподаватель кафедры второго иностранного языка ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск

- Малых Людмила Михайловна*, кандидат филологических наук, доцент, директор Учебно-методического Центра «УдГУ-Лингва» ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Марусенко Михаил Александрович*, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романской филологии факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Мед Наталья Григорьевна*, доктор филологических наук, доцент кафедры романской филологии факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Медведева Диана Игоревна*, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры второго иностранного языка ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Медведева Татьяна Сергеевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Мельничук Ольга Алексеевна*, доктор филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков Якутского государственного университета, г. Якутск
- Менджеричкая Елена Олеговна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва
- Мерзлякова Альфия Хамитовна*, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой романских языков факультета профессионального иностранного языка Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Морозова Ирина Васильевна*, доктор филологических наук, профессор кафедры сравнительной истории литератур Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, г. Ижевск
- Мосалева Галина Владимировна*, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории литературы и истории русской литературы филологического факультета Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Насибуллин Риф Шакрисламович*, доктор филологических наук, профессор, зав. лабораторией лингвистического картографирования и исторической лексикологии удмуртского языка Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Нефёдова Лилия Амирянвна*, доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, г. Челябинск
- Нифанова Татьяна Сергеевна*, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой германской филологии Северодвинского филиала Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Северодвинск
- Опарин Марк Васильевич*, старший преподаватель кафедры немецкой филологии ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Орехова Наталья Николаевна*, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко, г. Глазов
- Орлова Александра Ивановна*, кандидат филологических наук, профессор кафедры германских языков факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Пермякова Ирина Владимировна*, ассистент кафедры романской филологии ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Пушина Наталья Иосифовна*, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой грамматики и истории английского языка ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск

- Репина Тамара Александровна*, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Ролина Ольга Константиновна*, старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург
- Рябкова Ирина Павловна*, старший преподаватель кафедры перевода и стилистики английского языка ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Симашико Татьяна Васильевна*, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой языкознания Северодвинского филиала Поморского государственного университета им. В. М. Ломоносова, г. Северодвинск.
- Соломатина Светлана Юрьевна*, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры перевода и стилистики ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Сотникова Татьяна Вячеславовна*, кандидат филологических наук, профессор кафедры французской филологии факультета романо-германской филологии Тюменского государственного университета, г. Тюмень
- Тараканов Иван Васильевич*, доктор филологических наук, профессор кафедры удмуртского языка и методики его преподавания факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Тронина Галина Александровна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и стилистики английского языка ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Трошкина Татьяна Петровна*, кандидат филологических наук, зав. кафедрой русского языка как иностранного Казанского государственного университета, г. Казань
- Федорова Ирина Александровна*, аспирант, старший преподаватель кафедры романской филологии ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Федуленкова Татьяна Николаевна*, доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии Северодвинского филиала Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Северодвинск
- Харьковская Антонина Александровна*, кандидат филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Самарского государственного университета, г. Самара
- Хостай Ирина Сергеевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Калужского государственного педагогического университета им. К. Э. Циолковского, г. Калуга
- Хузина Маулида Кабировна*, кандидат филологических наук, методист филологического факультета, старший научный сотрудник НОЦ «Инновационное проектирование в мультилингвальном образовательном пространстве» ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Цунанова Зульфия Мукминовна*, кандидат филологических наук, зав. кафедрой романо-германской филологии Глазовского государственного педагогического института имени В. Г. Короленко, г. Глазов
- Чеснокова Валентина Алексеевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета, г. Барнаул
- Чудинов Анатолий Прокопьевич*, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург
- Швейбельман Надежда Федоровна*, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Тюменского государственного университета, г. Тюмень

- Шибанов Виктор Леонидович*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы в межнациональном общении факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Широглазова Наталья Сергеевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Широкова Елена Викторовна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и культуры ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Шмелева Татьяна Сергеевна*, старший преподаватель кафедры перевода и стилистики английского языка ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Штоколова Екатерина Геннадьевна*, ассистент кафедры перевода и стилистики английского языка ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Шутов Александр Федорович*, доктор филологических наук, зав. кафедрой удмуртского языка и методики его преподавания факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Шутова Нелла Максимовна*, кандидат филологических наук, зав. кафедрой перевода и стилистики английского языка ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск
- Яковлева Ольга Николаевна*, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры перевода и стилистики английского языка ИИЯЛ Удмуртского государственного университета, г. Ижевск

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	2
СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ.....	7
Секрет «вечного двигателя» (к юбилею профессора Т. И. Зелениной).....	7
<i>Репина Т. А.</i> Профессор Т. И. Зеленина – автор научных исследований в области языкознания	9
<i>Тараканов И. В.</i> Научный вклад Т. И. Зелениной в историческую лексикологию удмуртского языка	14
<i>Краснова В. В.</i> Вперед – к многоязычию!.....	20
I. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.....	22
<i>Аветисян В. А.</i> Гетевская теория художественного перевода и концепция мировой литературы поэта	22
<i>Борисенко Ю. А.</i> О разграничении понятий «идиостиль» и «идиолект».....	27
<i>Ванюшев В. М.</i> История, этнография, фольклор и литература как активные компоненты воспитания национальной идентичности.....	33
<i>Володина Н. В.</i> Воображаемое пространство (на материале русской прозы классического периода).....	37
<i>Котова Н. В.</i> Рецепция философской эстетики гегеля в «оксфордских тетрадах» О. Уайльда	43
<i>Лаврентьев А. И.</i> Функции черного юмора в речевой коммуникации.....	47
<i>Любарец С. Н.</i> Феномен личности в культуре: Жермена де Сталь.....	51
<i>Малик Н. Е.</i> Проблема государственного единства и образ «Чужого» в историческом романе Вальтера Скотта «Уэверли».....	56
<i>Морозова И. В.</i> Гражданская война и южное сообщество в романе А. Эванс «Макария»....	61
<i>Моро Жан-Люк</i> (г. Париж, Франция) Классик французской детской литературы: Бабар – на французском языке	66
<i>Мосалева Г. В.</i> Комическое и идеальное в национально-поэтическом эпосе А. Н. Островского	71
<i>Орехова Н. Н., Цунанова З. М.</i> Поэтический мир И. Бродского: из опыта филологической герменевтики	75
<i>Соломатина С. Ю.</i> Поздние натурфилософские воззрения Генри Дэвида Торо (на материале эссе «Дикие яблоки»).....	80
<i>Харьковская А. А., Калиновская А. Г.</i> Интертекстуальность как постмодернистское явление в романах П. Г. Вудхауса.....	84
<i>Хузина М. К.</i> Жанр сатиры в национальной литературе (на примере татарских и удмуртских произведений)	87
<i>Швейбельман Н. Ф.</i> «Транзитная онтология» героев Ф. Кафки.....	93
<i>Шибанов В. Л.</i> Ранняя лирика Владимира Соколова.....	99
<i>Широглазова Н. С.</i> Временная доминанта в жанре английской «Новеллы о призраках» ..	104
<i>Широкова Е. В.</i> «Автобиография моей матери» Дж. Кинкейд как женская автобиография.	109

II. ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ.....112

- Белова Т. И.* Перевод научного текста как процесс перехода с языка слов на язык мысли (на примере книги Ж. Лапланша «Страх») 112
- Кузьева О. П. Арзумян А. В.* Название видеofilmа как переводческая проблема 118
- Орлова А. И.* Научный перевод и переводческие «инновации» 123
- Ролина О. К.* Переводческий комментарий как средство экспликации значения культуронима (на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита») 125
- Рябкова И. П.* Средства языковой репрезентации субъекта движения: сопоставительно-переводческий аспект (на материале речей российских и американских политиков конца XX – начала XXI вв.) 130
- Тронина Г. А.* Культурологические проблемы перевода произведений С. Довлатова на английский язык 135
- Чеснокова В. А.* Проза В. М. Шукшина в иноязычной культуре: проблема рецепции 139
- Штоколова Е. Г.* Влияние особенностей вербального коммуникативного поведения на перевод ситуативных форм обращения (на материале русских переводов американских кинофильмов) 144
- Шутова Н. М.* Гендерные характеристики англоязычного рекламного текста в аспекте перевода 148
- Яковлева О. Н., Исупова Н. В.* Специфика перевода песенного произведения в художественном фильме 154

III. ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА159

- Буйнова О. Ю.* К вопросу о языковой вариативности (на материале английского языка) . 159
- Васильев Л. Г.* Рефлексия, понимание и семиологические параметры аргумента 162
- Гаваева Н. Н.* Размышления о тенденциях развития современного английского языка – на английском языке 167
- Кельмаков В. К.* Заметки по поводу древнетюркских заимствований в удмуртском языке 171
- Кондратьева Н. В.* Система пространственных падежей в современном удмуртском языке 176
- Лашкевич О. М.* Активные процессы английского словообразования и проблемы языкового обучения 182
- Мельничук О. А., Барчахова А. М.* Семантико-прагматический аспект согласования глагола в количественно-именном словосочетании (на материале русского и французского языков) 185
- Менджерцкая Е. О.* Когнитивный синтаксис как универсальное явление 190
- Насибуллин Р. Ш.* Удмуртские названия лягушки и жабы 196
- Орлова А. И.* Динамика и статика русской языковой нормы 200
- Симашко Т. В.* Именование лиц в контексте памятников делового письма XVI–XVIII веков 203
- Сотникова Т. В.* О некоторых моделях аргументации в научном гуманитарном дискурсе 210

<i>Трошкина Т. П.</i> Об одном типе словообразовательной синонимии в славянских языках.....	214
<i>Хостай И. С., Федулёнок Т. Н.</i> Фразеографический отбор библейской фразеологии.....	218
<i>Чудинов А. П., Будаев Э. В.</i> Когнитивные и риторические истоки теории концептуальной метафоры.....	222
<i>Шмелева Т. С.</i> О понятиях «симметрия» и «асимметрия» в языке.....	226
<i>Шутов А. Ф.</i> Распространенные члены предложения как семантические аналоги придаточных предложений в удмуртском языке.....	231
IV. СОЦИОЛИНГВИСТИКА	237
<i>Булдаков В. А.</i> О лексиконе молодежной субкультуры в Германии.....	237
<i>Ерофеева Н. Ю.</i> Проявление гендерного фактора в речи: речь мужская и женская.....	240
<i>Закирьянов К. З.</i> От двуязычия к многоязычию	244
<i>Иванова Е. П.</i> современные тенденции развития социолингвистического словаря	249
<i>Клоков В. Т.</i> Гетерогенные и гомогенные тенденции во французском языке	253
<i>Колокольникова М. Ю.</i> Социокультурный аспект изучения дискурса	258
<i>Марусенко М. А. Ф.</i> Брюно и реформа преподавания французского языка	262
<i>Пушина Н. И.</i> Категории социолингвистики в современном образовательном пространстве.....	268
V. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ. ЭТНОЛИНГВИСТИКА.....	272
<i>Буторина Н. В.</i> Наименования наук как свидетельство их становления (на материале романских, германских и русского языков)	272
<i>Владыкина Т. Г.</i> Фауна в цветовой символике мифологических представлений удмуртов	277
<i>Голодов А. Г.</i> Национально-ментальные признаки в отраслевой лексике – на немецком языке.....	280
<i>Зеленина Т. И., Загуляева Б. Ш.</i> Удмуртский язык во Франции (рецензия на учебник Жан-Люка Моро «Давайте говорить по-удмуртски»).....	286
<i>Исхакова Р. О.</i> Лингвокультурные характеристики французских наименований пищи (еды).....	292
<i>Кочурова Ю. Н.</i> Диахроническая семантика интернационализмов (на материале английского и французского языков).....	296
<i>Красильников А. Г.</i> Культурофилософия Гумбольдта как парадигма изучения этнической ментальности.....	299
<i>Кубасова А. О.</i> Части тела человека как основа румынских анималистических сравнений.....	304
<i>Малых Л. М.</i> Сравнение разносистемных языков: вопросы терминологии	309
<i>Мед Н. Г.</i> Культурные и оценочные доминанты в испанском языке (в контексте романских языков)	315
<i>Медведева Д. И.</i> Общественные знаки как объект сопоставительного исследования (на материале германских и славянских языков).....	318

<i>Медведева Т. С.</i> Опыт исследования культурных доминант: этноспецифичный концепт <i>Gemütlichkeit</i>	322
<i>Мерзлякова А. Х.</i> Термин «концепт» в когнитивной лингвистике	327
<i>Нефёдова Л. А., Жабеева С. С.</i> Этноязыковые особенности реализации концепта.....	331
<i>Нифанова Т. С.</i> Перспективы развития сопоставительной семасиологии	336
<i>Опарин М. В.</i> Имя концепта <i>Ordnung</i> в современных немецких публицистических текстах	340
<i>Пермякова И. В.</i> О лингвокультурологической специфике испанского языка: венесуэльский национальный вариант	344
<i>Федорова И. А.</i> Греко-латинские графические и словообразовательные элементы во французском, итальянском и испанском языках	348
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	351

Contents

A DEDICATION TO DR. T. I. ZELENINA	7
I. LITERATURE STUDIES.....	22
<i>Vladimir Avetisyan</i> . Goethe's theory of translation and his conception of world literature	22
<i>Yulia Borisenko</i> . Differentiating the terms: "idiostyle" and "idiolect"	27
<i>Vasilii Vanyushev</i> . History, ethnography, folklore and literature as active components of national self-identification formation.....	33
<i>Natalia Volodina</i> . The imaginary space (on materials of the Russian prose of the classical period)	37
<i>Nadezhda Kotova</i> . Reception of Hegel's philosophical aesthetics in O. Wilde's Oxford notebooks	43
<i>Alexander Lavrentyev</i> . Black humour in speech communication	47
<i>Svetlana Lyubarets</i> . The phenomenon of personality in literature: Germaine de Staël.....	51
<i>Natalia Malik</i> . The problem of state unity and the notion of 'Alien' in Walter Scott's novel "Waverley".....	56
<i>Irina Morozova</i> . Civil war and southern community in Augusta Evans' "Macaria".....	61
<i>Jean-Luc Moreau</i> . (Paris, France) A classic of French children's literature: Babar	66
<i>Galina Mosaleva</i> . Comic and ideal in A. N. Ostrovsky's national-poetic epos	71
<i>Natalya Orekhova, Zulfiya Tsunanova</i> . Poetic world of Joseph Brodsky: philological and hermeneutic approach	75
<i>Svetlana Solomatina</i> . Henry David Thoreau's late nature philosophy ideas (based on the essay "Wild Apples").....	80
<i>Antonina Kharkovskaya, Anastasia Kalinovskaya</i> Intertextuality in fiction as a post-modernist phenomenon (based on P. G. Wodehouse's literary works).....	84
<i>Maulida Khuzina</i> . Genre of satire in national literature (based on Tatar and Udmurt works of fiction).....	87
<i>Nadezhda Shveibelman</i> . Kafka's protagonists "Transit ontology"	93
<i>Viktor Shibanov</i> . Vladimir Sokolov's early lyrics	99
<i>Natalia Shiroglazova</i> . The dominant role of the time factor in the genre of English ghost story.....	104
<i>Elena Shirokova</i> . "The Autobiography of my Mother" by Jamaica Kincaid as woman's autobiography	109
II. TRANSLATION STUDIES	112
<i>Tatiana Belova</i> . Translation of science text as the transition process from verbal language to the intellectual language (based on the book of J. Laplanche "Anxiety").....	112
<i>Olga Kuzyaeva, Alyona Arzumanyan</i> . Film title as a translation problem.....	118
<i>Alexandra Orlova</i> . Translation theory and "innovations" in translation	123
<i>Olga Rolina</i> . Explicating culturonyms through translator's commentaries (based on "The Master and Margarita" by M. Bulgakov)	125

<i>Irina Ryabkova</i> . Linguistic means of moving subject representation: comparative-translation analysis (based on the speeches of Russian and American politicians of the late XX-th – early XXI-st centuries).....	130
<i>Galina Tronina</i> . Cultural difficulties of translating S. Davlatov’s novels into english	135
<i>Valentina Chesnokova</i> . V. M. Shukshin’s prose in foreign cultures: problem of perception.....	139
<i>Yekaterina Shtokolova</i> . The influence of specific features of verbal communication behaviour on translating situational forms of address (based on Russian translations of American films).....	144
<i>Nella Shutova</i> . Representation of gender in advertising as a translation problem.....	148
<i>Olga Yakovleva, Natalia Isupova</i> . Song translation in motion picture	154
III. GENERAL LINGUISTICS. LANGUAGE THEORY.....	159
<i>Olga Buinova</i> . On the issue of language variability (based on English language study)	159
<i>Lev Vasilyev</i> . Reflection, understanding and semiological parameters of argument	162
<i>Nadezhda Gavayeva</i> . English today and tomorrow: approaching collapse?	167
<i>Valentin Kelmakov</i> . Some accounts of old Turkic borrowings in Udmurt	171
<i>Natalya Kondratieva</i> . System of spatial cases in modern Udmurt language	176
<i>Olga Lashkevitch</i> . Active processes in English word-building and the problems of language teaching	182
<i>Olga Melnichuk, Anna Barchakhova</i> . Semantic-pragmatic aspect of the verb sequence in quantitative-nominal phrases (in the Russian and French languages)	185
<i>Elena Mendzheritskaya</i> . Cognitive syntax as a universal device.....	190
<i>Rif Nasibullin</i> . Udmurt names of <i>frog</i> and <i>toad</i>	196
<i>Alexandra Orlova</i> . Dynamics and statics of the Russian language norm	200
<i>Tatiana Simashko</i> . Naming of persons in the context of monuments of official papers of the XVI-th – XVIII-th centuries	203
<i>Tatiana Sotnikova</i> . On some models of argumentation in scientific humanitarian discourse	210
<i>Troshkina Tatiana</i> . One type of word formation synonymy in slavic	214
<i>Irina Khostai, Tatiana Fedulenkova</i> . Phraseographical selection of biblical phraseology.....	218
<i>Anatoliy Chudinov, Edward Budaev</i> . The cognitive and rhetorical roots of the theory of conceptual metaphor	222
<i>Tatiana Shmeleva</i> . On the notions of language “symmetry” and “asymmetry”	226
<i>Alexander Shutov</i> . Extended parts of sentences as semantic analogues of subordinate clauses in udmurt language.....	231
IV. SOCIOLINGUISTICS	237
<i>Vladimir Buldakov</i> . On the lexicon of the youth subculture in Germany	237
<i>Nina Erofeeva</i> . Gender in speech: male and female speech	240
<i>Kabir Zakiryanov</i> . From bilingualism to polilinguism	244
<i>Yekaterina Ivanova</i> . Modern trends in sociolinguistic dictionary evolution	249
<i>Vasilij Klovov</i> . Heterogeneous and homogeneous tendencies in the French language	253

<i>Marina Kolokolnikova</i> . Socio-cultural aspect of investigating discourse.....	258
<i>Mikhail Marusenko</i> . F. Brunot and the reform of teaching french	262
<i>Natalia Pushina</i> . The categories of sociolinguistics in the sphere of multilingual education	268

V. COMPARATIVE LINGUISTICS. LINGUOCULTUROLOGY. ETHNOLINGUISTICS 272

<i>Nadezhda Butorina</i> . Sciences' names as indicators of their formation (based on Romanic, Germanic and Russian languages)	272
<i>Tatjana Vladykina</i> . Fauna in colour symbolism of udmurts' mythological conceptions.....	277
<i>Alexander Golodov</i> . National-mental signs in terminology	280
<i>Tamara Zelenina, Bibinur Zagulyaeva</i> . Udmurt language in France (review of Jean-Luc Moreau's textbook "Let's speak Udmurt").....	286
<i>Ramilya Iskhakova</i> . Linguistic and cultural characteristics of french foodstuff names.....	292
<i>Yulia Kochurova</i> . Diachronical semantics of international words (based on the study of English and French)	296
<i>Alexey Krasilnikov</i> . Humboldt's philosophy of culture as a paradigm for ethnic mentality studies.....	299
<i>Anna Kubasova</i> . Body parts nomination as a base of Romanian similes comparing humans with animals	304
<i>Ludmila Malih</i> . Comparative study of unrelated languages: terminological issues	309
<i>Natalia Med</i> . Cultural and evaluating dominants in Spanish (based on Romanic languages study).....	315
<i>Diana Medvedeva</i> . Public signs as an object of comparative study (based on Germanic and Slavic languages)	318
<i>Tatyana Medvedeva</i> . On studying cultural dominants: ethnospecific concept <i>Gemütlichkeit</i>	322
<i>Alfiya Merzlyakova</i> . The term "concept" in cognitive linguistics.....	327
<i>Liliya Nefyodova, Saule Zhabayeva</i> . Ethnolinguistic peculiarities of concept realization	331
<i>Tatyana Nifanova</i> . Prospects of comparative semasiology.....	336
<i>Mark Oparin</i> . Concept <i>Ordnung</i> in the modern german publicistic contexts.....	340
<i>Irina Permyakova</i> . National and cultural peculiarities in the Venezuelan variant of the Spanish language.....	344
<i>Irina Fedorova</i> . Greco-Latin graphical and word-formation elements in French, Italian and Spanish languages	348

Научное издание

**МНОГОЯЗЫЧИЕ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**
В двух частях

Часть 1
Филология. Лингвистика

*Сборник статей
к 60-летию профессора
Тамары Ивановны Зелениной*

Ответственный за выпуск *А. Н. Мифтахутдинова*
Редактор *Е. Ф. Осипова*
Оригинал-макет: *А. О. Талашев*

Подписано в печать 17.11.2009. Формат 60x84/8.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 58,8. Уч.-изд. л. 47,6.
Тираж 200 экз. Изд. № 2048. Заказ

ООО «Фланта», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.
Тел.: 336-03-11; тел./факс: 334-82-65.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, Москва В-485,
ул. Профсоюзная, д. 90.

Отпечатано в типографии Удмуртского государственного университета,
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1.